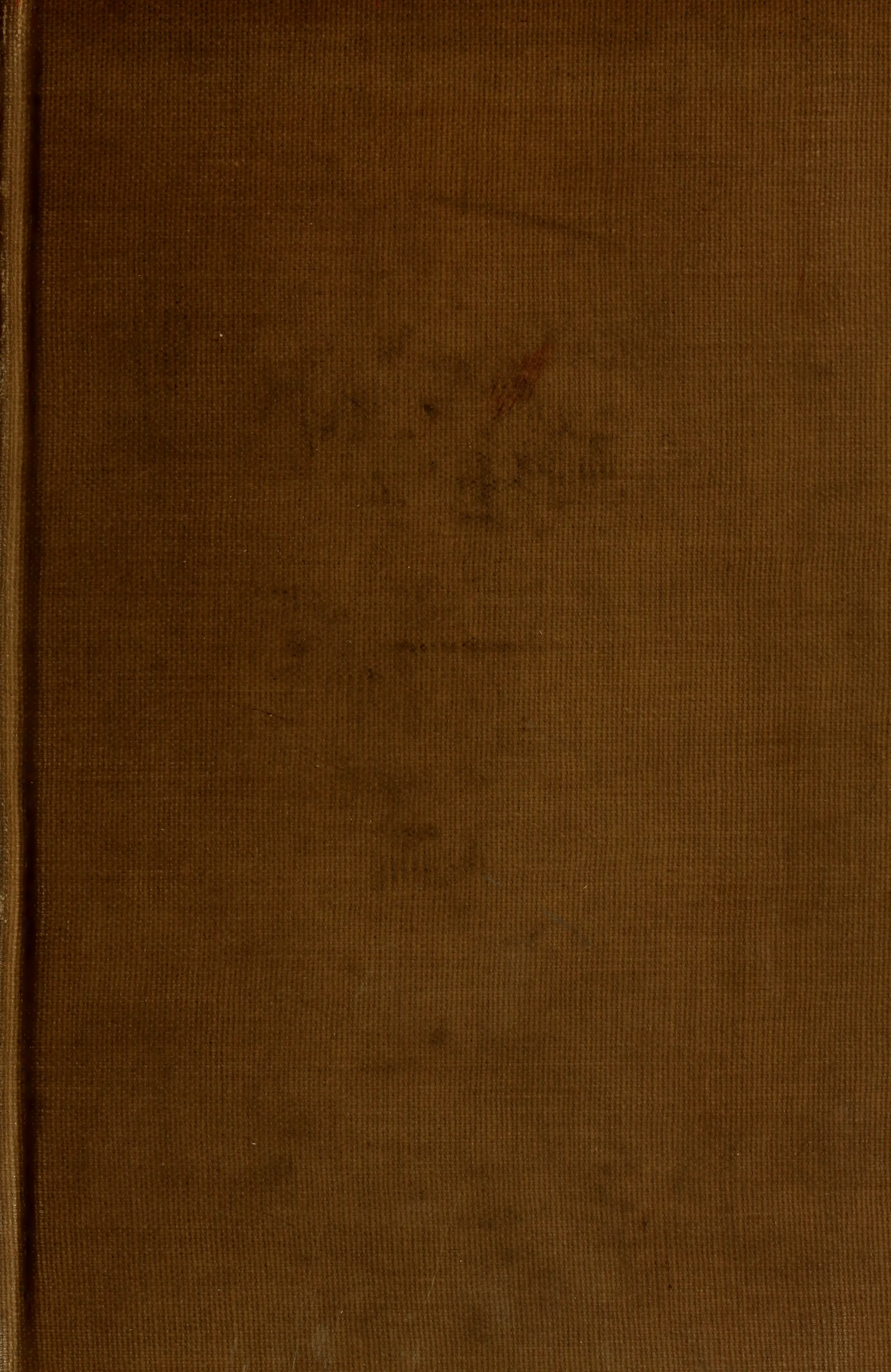
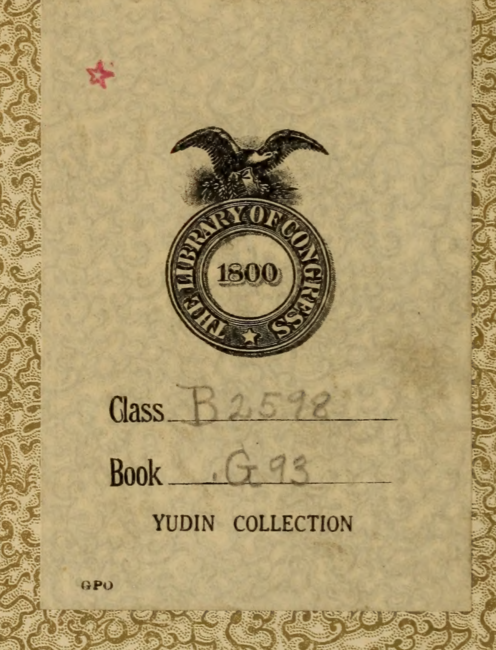

A. D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г. В. ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЛЕЙБНИЦЪ

И

ЕГО ВѢКЪ.

Dedici in mathematicis ingenio, in natura experimentis, in legibus divinis humanisque auctoritate, in historia testimoniis nitendum esse. *Leib.*

СОЧИНЕНІЕ

ВЛАДИМІРА ГЕРЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

ЛЕЙБНИЦЪ

И

ЕГО ВѢКЪ.

> Didici in mathematicis ingenio, in natura experimentis, in legibus divinis humanisque auctoritate, in historia testimoniis nitendum esse.
> *Leib.*

СОЧИНЕНІЕ

Владиміра Герье.

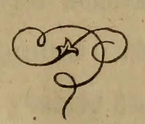
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, у Владимірской, д. № 15.
1868.

ПАМЯТИ

ТИМОѲЕЯ НИКОЛАЕВИЧА

ГРАНОВСКАГО.

Я пользовался слишкомъ короткое время преподаваніемъ Грановскаго, чтобы имѣть право причислять себя къ его ученикамъ. Но такіе люди, какъ Грановскій, пріобрѣтаютъ учениковъ не однимъ только преподаваніемъ. Имя Грановскаго сдѣлалось знаменемъ въ трудную, но славную эпоху Московскаго университета. Двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ его смерти и много совершилось съ тѣхъ поръ перемѣнъ. Великія реформы нашего времени коснулись также университетовъ и дали имъ полную свободу и самостоятельность. Но высокія нравственныя свойства, которыми обусловливалось вліяніе Грановскаго и которыя оставили послѣ себя такую неизгладимую память, въ настоящее время не менѣе необходимы, чѣмъ тогда, — честное отношеніе къ наукѣ, искреннее участіе къ ея интересамъ и теплая, непоколебимая вѣра въ силу истины и нравственныхъ началъ. Только нравственныя начала могутъ дать жизнь уставамъ, только тогда можетъ процвѣтать наука, когда она служитъ сама себѣ цѣлью, когда она дороже и священнѣе всѣхъ другихъ интересовъ.

Вліяніе людей, служившихъ всю жизнь идеѣ, не прекращается съ ихъ смертью. Дѣятельность ихъ становится преданіемъ, память о нихъ — нравственной силой. Грановскій надолго связалъ свое имя съ исторической каѳедрой въ Московскомъ университетѣ. Занявъ эту каѳедру, я желалъ посвященіемъ моего труда его имени заявить, что свѣжо еще преданіе о немъ въ Московскомъ университетѣ и жива его память.

ВВЕДЕНІЕ.

Я имѣлъ намѣреніе изложить вліяніе нѣмецкой философіи на пониманіе исторіи и на исторіографію, и уже окончилъ нѣкоторыя части моего труда; но принявшись за Лейбница я остановился на немъ съ особеннымъ интересомъ. Правда, Лейбницъ не создалъ особаго ученія о философіи исторіи, и у него можно встрѣтить только нѣсколько основныхъ мыслей о философскомъ ея построеніи; но чтобы выяснить эти мысли нужно было подвергнуть подробному изученію всю его дѣятельность, вслѣдствіе чего то, что должно было быть эпизодомъ, получило размѣры отдѣльной монографіи.

При этомъ первоначальная задача — указать вліяніе Лейбница на философію исторіи — мало по малу уступила мѣсто другой болѣе обширной — выяснить вообще значеніе Лейбница въ исторіи. Не много можно назвать ученыхъ или философовъ, біографія которыхъ представляла бы такой важный историческій интересъ. Лейбницъ игралъ видную роль въ великомъ переворотѣ, совершавшемся съ XV вѣка по XVII и отдѣляющемъ новое время отъ среднихъ вѣковъ, и біографія его можетъ много содѣйствовать къ поясненію какъ свойствъ этого переворота, такъ и различнаго характера упомянутыхъ историческихъ періодовъ.

Эти два періода рѣзко противоположны другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ: въ религіозномъ, политическомъ и научномъ. Въ религіозномъ отношеніи средневѣковой періодъ ознаменованъ преобладаніемъ церкви надъ всѣми другими интересами. Реформація, отвергнувъ папство, разрушила самое крѣпкое основаніе средневѣковой жизни, но протестантизмъ самъ еще долго сохранялъ теократическій

характеръ, отчего политика, школа и наука въ протестантскихъ странахъ еще болѣе столѣтія носятъ клерикальный оттѣнокъ. Послѣ Вестфальскаго мира этотъ клерикальный оттѣнокъ утрачивается. Мѣсто религіозныхъ страстей занимаютъ идеи вѣротерпимости, которыя въ нѣкоторыхъ передовыхъ людяхъ выражаются въ стремленіяхъ къ примиренію и объединенію церквей. Лейбницъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поборниковъ сліянія христіанскихъ церквей. Онъ вноситъ въ политику идеи прогресса и цивилизаціи. Въ прежнее время религіозное вліяніе на политику сильнѣе всего высказывалось въ борьбѣ съ магометанами. Лейбницъ съ жаромъ отстаиваетъ необходимость освободить Востокъ, изгнать Турокъ изъ Европы, но на первомъ планѣ у него стоятъ при этомъ интересы цивилизаціи.

Въ политическомъ отношеніи средневѣковой періодъ отличается отъ новаго тѣмъ, что онъ не знаетъ государства. Это эпоха медленнаго образованія государства и борьбы монархическаго начала съ феодализмомъ и сословіями. Въ XVII вѣкѣ эта борьба была окончена. Европейскія государства ясно выдѣляются и вступаютъ другъ съ другомъ въ соперничество. Самое сильное изъ нихъ старается подчинить себѣ остальныя. Слабыя государства ищутъ себѣ гарантіи въ союзахъ и въ общественномъ мнѣніи. Возникаетъ обширная политическая литература. Является потребность въ установленіи международнаго права. Лейбницъ одинъ изъ первыхъ сознаетъ важность европейской публицистики. Онъ становится во главѣ публицистовъ, которые ратуютъ противъ преобладанія Франціи, противъ стремленій Людовика XIV къ универсальной монархіи. Онъ старается вести эту борьбу на твердыхъ основахъ и борется во имя европейскаго равновѣсія и общихъ интересовъ европейскихъ народовъ.

Если такимъ образомъ дѣятельность Лейбница тѣсно связана съ исторіей Европы, то она имѣетъ еще большее значеніе для исторіи его отечества, Германіи. Біографія его знакомитъ насъ со всѣми важными событіями въ исторіи Германіи во второй половинѣ XVII вѣка. Лейбницъ вноситъ въ науку тѣ измѣненія въ государственномъ правѣ Германіи, которыя повлекла за собой политическая самостоятельность ея князей. Онъ принимаетъ

участіе въ попыткѣ политической реформы Германіи посредствомъ Рейнскаго союза. По біографіи его можно прослѣдить постепенное возвышеніе Ганноверскаго дома, а въ концѣ ея мы встрѣчаемся съ усиленіемъ Пруссіи, имѣвшемъ такое великое значеніе для судебъ Германіи.

Въ области науки переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени совершался еще медленнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ. Гуманизмъ и болѣе близкое знакомство съ классическимъ міромъ произвели переворотъ въ духовной жизни западныхъ народовъ. Но этотъ переворотъ не имѣлъ еще своимъ слѣдствіемъ полнаго перелома. Гуманизмъ вызвалъ филологическія и историческія занятія, развилъ литературный и эстетическій вкусъ, расширилъ кругъ политическихъ и нравственныхъ понятій, внесъ въ школьное и университетское образованіе больше зрѣлости и научности. Но онъ не измѣнилъ основы этого образованія, ибо не могъ подорвать значенія схоластической философіи, такъ какъ эта философія сама отчасти опиралась на классическую почву—на ученіе Аристотеля.

Схоластика могла быть совершенно вытѣснена только кореннымъ преобразованіемъ воспитательнаго и научнаго метода, только внесеніемъ въ школу и науку реальныхъ элементовъ. Это преобразованіе было совершено великими математическими открытіями, на которыхъ основывалась новая философія. Въ этомъ пораженіи схоластики посредствомъ математики, въ этомъ преобразованіи научнаго и воспитательнаго метода Лейбницъ игралъ первенствующую роль. Онъ былъ для Германіи тѣмъ, чѣмъ Бэконъ былъ для Англіи, Декартъ для Франціи. Онъ замышлялъ реформу всѣхъ наукъ посредствомъ математическаго метода. Главное основаніе его философіи совпадало съ его великимъ математическимъ изобрѣтеніемъ.

Въ противоположность схоластикѣ, которая отвернулась отъ дѣйствительности, онъ настаивалъ на постоянномъ примѣненіи науки и теоріи къ практической жизни. Вслѣдствіе этого онъ взамѣнъ университетовъ, въ которыхъ тогда господствовали рутина и схоластическіе пріемы, такъ неотступно хлопоталъ объ учрежденіи академій и ученыхъ обществъ, которыя могли бы

открыть пріютъ математическимъ и естественнымъ наукамъ и въ которыхъ теорія шла бы рука объ руку съ практикой.

Изъ всего этого мы видимъ, какъ тѣсно жизнь и дѣятельность Лейбница связаны съ главными вопросами его времени и какъ полезна его біографія для объясненія этихъ вопросовъ.

Этими краткими указаніями я хотѣлъ оправдать выборъ предмета и пояснить цѣль моего труда. Но я кромѣ того считаю нужнымъ доказать его своевременность. Можно спросить, нужно ли было приступать къ новой біографіи Лейбница послѣ превосходнаго сочиненія Гурауера? Біографія Гурауера вышла въ 1846 года, а съ тѣхъ поръ въ двухъ новыхъ изданіяхъ сочиненій Лейбница былъ напечатанъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ сочиненій его, бросающихъ новый свѣтъ на его дѣятельность. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ появилось множество статей и монографій о Лейбницѣ, доказывающихъ, что вопросъ о его дѣятельности и значеніи далеко еще не исчерпанъ.

Оба издателя Онно Клоппъ и Фуше де-Карель начали съ политическихъ сочиненій Лейбница; хотя изданія ихъ не окончены, они взаимно другъ друга пополняютъ, такъ что мы находимъ въ нихъ почти все, что было написано Лейбницемъ по поводу политики. А именно политическая роль Лейбница была до сихъ поръ всего менѣе разработана и недовольно разъяснена Гурауеромъ по недостатку матеріала. Кромѣ того религіозныя убѣжденія Лейбница и его дѣятельность по вопросу о соединеніи церквей также болѣе выяснились послѣ выхода книги Гурауера, вслѣдствіе изданія переписки Лейбница съ Боссюетомъ, съ Ландграфомъ Эрнстомъ, съ Арно и вслѣдствіе изслѣдованій Фуше де-Кареля, Бёка, Перца и др.

Наконецъ, предлагаемый трудъ оправдывается тѣмъ, что я поставилъ себѣ другую цѣль, чѣмъ Гурауеръ. Мнѣ хотѣлось описать жизнь и дѣятельность Лейбница въ связи съ его вѣкомъ и съ современнымъ ему обществомъ. Біографія Лейбница должна была познакомить меня ближе съ XVII вѣкомъ и въ то же время изученіе этого вѣка должно было пояснить мнѣ значеніе Лейбница. Мнѣ кажется, что только этого метода слѣдуетъ придерживаться

въ біографическихъ сочиненіяхъ, особенно же въ біографіи людей, имѣвшихъ такое громадное вліяніе какъ Лейбницъ.

Но подобный пріемъ представляетъ важныя неудобства. Онъ заставляетъ дѣлать отступленія и вредитъ единству сочиненія. Я не избѣгалъ отступленій тамъ, гдѣ они казались необходимыми для объясненія дѣятельности Лейбница. Такъ, I-я глава посвящена описанію школъ и университетовъ въ XVII вѣкѣ, чтобы характеризовать обстановку, среди которой развивался Лейбницъ. Во II-й главѣ сдѣлано отступленіе, чтобы описать политическое состояніе Германіи и интересы, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Лейбницу. Въ III гл. пришлось остановиться на картезіанизмѣ какъ на господствующей философіи того времени, изъ которой возникло его собственное ученіе Лейбница. Въ остальныхъ главахъ описаны Ганноверскій и Берлинскій дворы и характеризованы тѣ личности, съ которыми Лейбницъ находился въ близкихъ отношеніяхъ.

Одна изъ причинъ, почему я такъ охотно остановился на Лейбницѣ, заключается въ томъ, что изъ великихъ людей Запада онъ стоитъ всѣхъ ближе къ Россіи. Я надѣялся, что удастся найдти новый матеріалъ для объясненія его сношеній съ Петромъ Великимъ и его приближенными. Но въ Московскомъ Архивѣ не было ничего замѣчательнаго объ этомъ вопросѣ. Я отнесся къ издателю сочиненій Лейбница Ганноверскому библіотекарю Онно Клоппу, чтобы узнать, есть ли у него подъ рукой какой-нибудь матеріалъ относительно вопроса, меня интересовавшаго. Но вслѣдствіе занятій Ганновера прусскими войсками, Онно Клоппъ, замѣшанный въ борьбу политическихъ партій, долженъ былъ бѣжать, изданіе его пріостановилось, и я не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. Когда мое сочиненіе было почти уже окончено, я узналъ, что за границею находился чрезвычайно интересный матеріалъ. Но такъ какъ для его изслѣдованія необходима поѣздка за границу, то я рѣшился опустить главу о сношеніяхъ Лейбница съ Петромъ Великимъ, въ надеждѣ, что въ непродолжительномъ времени, когда стану излагать ученіе Лейбница, я буду въ состояніи сказать больше о его отношеніяхъ къ Россіи, чѣмъ въ настоящую минуту.

ГЛАВА I.

Воспитаніе Лейбница. Гимназіи и университеты въ Германіи въ XVII вѣкѣ.

Происхожденіе Лейбница.—Его семейство.—Протестантизмъ въ XVII вѣкѣ.—Латинская школа.—Отсутствіе реальнаго элемента въ школьномъ образованіи.—Предметы гимназическаго курса.—Методы преподаванія.—Диспуты.—Религіозное воспитаніе.—Наказанія.—Нравы учениковъ.—Лейбницъ восполняетъ чтеніемъ недостатки школьнаго образованія.—Вліяніе классическихъ писателей.—Занятія логикой.—Воспріимчивость Лейбница.—Лейпцигскій университетъ.—Студенческій бытъ.—Депозиція.—Пеннализмъ.—Бурсы и стипендіи.—Занятія студентовъ.—Лекціи.—Диспуты.—Университетскія степени.—Церемонія при полученіи докторства.—Пороки студентовъ.—Возникновеніе университетовъ изъ духовныхъ училищъ.—Секуляризація ихъ и подчиненіе правительству въ XVI вѣкѣ.—Ректоръ.—Канцлеръ.—Университетское управленіе.—Контроль надъ профессорами.—Отношенія между университетскими преподавателями.—Профессора ординарные и экстраординарные.—Приватъ-доценты.—Лекціи публичныя и частныя.—Чинопочитаніе.—Занятія профессоровъ.—Отсутствіе специализма.—Доходы профессоровъ.—Костюмъ профессоровъ и студентовъ.—Недостатки профессоровъ.—Нетерпимость ихъ.—Лейбницъ отъ схоластики переходитъ къ изученію классической и новѣйшей философіи.—Лейбницъ въ Іенѣ.—Вейгель.—Математическій методъ и примѣненіе его ко всѣмъ наукамъ.—Занятія и диссертаціи Лейбница.—Лейпцигскій университетъ отказываетъ ему въ докторской степени.—Лейбницъ въ Альторфѣ.—Докторство.—Общества алхимиковъ въ Нюренбергѣ.—Знакомство съ Бойнебургомъ.—Лейбницъ переселяется во Франкфуртъ.

Въ 1746 году, 21-го іюня стараго стиля, у профессора Лейпцигскаго университета Фридриха Лейбница родился сынъ Готфридъ Вильгельмъ, съ жизнью и дѣятельностью котораго мы намѣрены познакомить читателя.

Имя Лейбница—славянское. Онъ самъ на это указывалъ, и въ бумагахъ его найденъ списокъ различныхъ городовъ и мѣстечекъ въ

славянскихъ земляхъ — въ Штиріи, Богеміи, Силезіи, Саксоніи и пр., которые носятъ это имя. Названіе мѣстечка переходило часто къ его жителямъ или владѣльцамъ, и дѣйствительно въ историческихъ памятникахъ нѣсколько разъ упоминается о родѣ Лейбницевъ — familia de Leibniz или dominus Lipnicii. Въ 14-мъ вѣкѣ одинъ архіепископъ Зальцбургскій носилъ это имя. Но какого происхожденія, германскаго или славянскаго, то семейство, въ которомъ родился Г. В. Лейбницъ, неизвѣстно[1]). Достовѣрно только то, что прадѣдъ его, Хри-

[1]) Замѣтка Лейбница, найденная въ его бумагахъ, въ которой онъ говоритъ о своемъ славянскомъ имени, подала французскому біографу Лейбница, графу *Фуше-де-Карелю*, поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя наши читатели прочтутъ не безъ интереса. Они характеризуютъ способъ изслѣдованія французскихъ ученыхъ и наклонность ихъ къ *широкимъ* выводамъ (grandes vues) и эффектнымъ сопоставленіямъ, отъ чего они нерѣдко впадаютъ въ странные промахи. Въ замѣткѣ Лейбница сказано: Leibniziorum sive Lubeniecziorum nomen slavonicum; familia in Polonia, Boh.... Затѣмъ слѣдуетъ пробѣлъ. Издатель полнаго собранія сочиненій Лейбница *Онно Клоппъ* (T. I p. XXXII) говоритъ, что тутъ вырѣзано 6 строкъ. Послѣ пробѣла идетъ фраза, начала которой недостаетъ. Лейбницъ говоритъ тутъ, что отецъ его, когда ему ничего хорошаго въ будущемъ не представлялось, отправился въ Лейпцигъ по совѣту друзей, которые доставили ему протекцію при Саксонскомъ дворѣ, и пр.. Фуше-де-Карель связалъ двѣ фразы, раздѣленныя пробѣломъ, и вывелъ изъ этого заключеніе, что отецъ Лейбница былъ Полякъ и переселился изъ Польши въ Саксонію. На этомъ основаніи онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

«Trois éléments concourent à la politique de Leibniz. Deux nous sont connus. Ce sont l'élément germanique et l'élément chrétien, dont la fusion lui coûta tant de peine et dont il rêvait l'accord impossible par des anachronismes un peu forts comme celui de l'Empereur et du Pape chefs de la chrétienté. Un troisième élément moins connu, et que nous avons découvert, resterait à déterminer et peut dès à présent figurer en ligne de compte dans une certaine mesure. C'est l'élément slave, representé au dix-septième siècle par Pierre le Grand et Leibniz.

«Leibniz était d'origine slave. Sa famille était venu de la Pologne, et le nom qu'il portait était slave. C'est Leibniz lui-même, qui nous l'apprend dans son autobiographie. Sans vouloir attacher à ces questions de race toute l'importance, qu'on leur donne aujourd'hui, il est curieux de penser cependant que cette gloire de la nation allemande lui est venue de la Pologne, et que ce génie le plus universel des temps modernes appartient à cette race, destinée à renouveler ou à bouleverser le monde. Leibniz eût pu dire à Pierre le Grand, qu'il vit à Torgau et qui lui demanda ses plans pour l'avenir de la Russie: «Notre origine est la même: Slaves tous les deux, vous avez conquis sur la barbarie le plus grand empire du monde; moi j'ai fondé par la science un non moins vaste royaume. Tous deux initiateurs des siècles nouveaux, nous sommes tous deux de cette race, dont nul ne peut prédire encore les destinées». Il eût pu ajouter, en pensant à l'Allemagne, où son père était

стофъ Лейбницъ, жилъ во время реформаціи и былъ назначенъ курфирстомъ Августомъ исправникомъ въ Альтенбургѣ, а потомъ казначеемъ въ Пирнѣ. Братъ Христофа, Павелъ, служилъ въ австрійскомъ войскѣ и за храбрость былъ возведенъ императоромъ Рудольфомъ въ дворянское достоинство. Сынъ Христофа, Амвросій, шелъ по слѣдамъ отца; онъ былъ членомъ управленія въ городѣ Альтенбургѣ. Амвросій женился на дочери одного Лейпцигскаго патриція, и это родство дало возможность его сыну Фридриху выгодно устроиться въ Лейпцигѣ. Фридрихъ Лейбницъ занимался юридическими и философскими науками въ Лейпцигскомъ университетѣ, сдѣлался практическимъ юристомъ и нотаріусомъ, но въ то же время занималъ при Лейпцигскомъ университетѣ должность профессора морали и былъ членомъ философскаго факультета. Практическая дѣятельность отвлекала его отъ ученыхъ занятій, и онъ извѣстенъ только какъ авторъ нѣсколькихъ программъ и похвальныхъ словъ, которыя, по обычаю того времени, писались по смерти всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ людей.

Онъ былъ женатъ три раза, и отъ перваго брака имѣлъ сына, сдѣлавшагося въ послѣдствіи богословомъ и учителемъ, человѣка благочестиваго, простаго и довольнаго своею судьбой, и дочь Розину, вышедшую за мужъ за богослова. Въ третій разъ Фридрихъ Лейбницъ женился въ 1644 году, когда ему уже было 47 лѣтъ, на Катеринѣ Шмукъ, дочери извѣстнаго въ то время Лейпцигскаго юриста и профессора. Она рано потеряла своего родителя, воспитывалась въ домѣ своихъ опекуновъ, которые оба были уважаемыми богословами и профессорами въ Лейпцигѣ, и 23-хъ лѣтъ вышла за мужъ. У нея было двое дѣтей: сынъ Готфридъ и дочь Анна, которая въ послѣдствіи вышла за мужъ за пастора Симона Лёфлера, и рано умерла.

Мы видимъ изъ этого, что Лейбницъ по своему происхожденію принадлежалъ къ кругу тѣхъ профессорскихъ и пасторскихъ семействъ, которыя были представителями образованія въ протестантской Германіи, и которыя давали этому образованію, и вслѣдствіе этого всей жизни общества, строго протестантскій характеръ, отличавшій его въ XVII вѣкѣ и видоизмѣнившійся потомъ подъ вліяніемъ раціонализма XVIII вѣка.

---

venu se fixer, et à l'ingrate Leipzig, qui fut sa patrie d'adoption et qui ne sut pas le retenir: Que l'Allemagne soit moins fière; ce n'est pas au génie exclusivement allemand, que j'appartenais en naissant; c'était le génie de la race slave, qui s'éveillait en moi dans la patrie de la scolastique».

Протестантизмъ XVII вѣка былъ не только извѣстною формой вѣроисповѣданія, но силой, которая налагала свою печать на весь складъ общества, проникала во всѣ мелочи и подробности жизни и давала людямъ извѣстнаго рода постоянное настроеніе. Протестантизмъ, поставившій въ религіозной жизни на первый планъ вѣру, поддерживалъ этимъ извѣстную степень экзальтаціи. Не находя себѣ пищи въ скромной и однообразной жизни большинства людей, эта экзальтація обратилась на мелочи и породила ту наивность и фамиліярность съ божествомъ, которыя особенно характеризуютъ протестантовъ XVI и XVII вѣковъ. Этою наивностью, которая видитъ во всѣхъ мелкихъ случайностяхъ жизни непосредственное дѣйствіе Провидѣнія, и этою фамиліярностью съ божествомъ, которая призываетъ его въ свидѣтели и покровители самыхъ простыхъ и обыденныхъ событій жизни, дышитъ и религіозная поэзія того времени,—единственная отрасль литературы, въ которой Нѣмцы XVII вѣка проявили оригинальность и нѣкоторое творчество. Но эта поэзія была только выраженіемъ того, что̀ постоянно высказывалось въ ежедневной прозѣ жизни и нерѣдко съ нѣкоторымъ педантизмомъ.

До насъ дошло мало свѣдѣній о домашней жизни родителей Лейбница и о событіяхъ его ранняго дѣтства; но то, что̀ мы знаемъ объ этомъ, показываетъ намъ, до какой степени вся обстановка, среди которой онъ выросъ, была проникнута теплою вѣрой и наивною религіозностью. Когда происходили крестины маленькаго Лейбница, крестными отцами котораго были придворный проповѣдникъ курфирста докторъ Гейеръ и профессоръ юридическаго факультета Фришъ, и когда пасторъ взялъ его на руки, чтобъ облить его водой, трехдневный ребенокъ, къ удивленію всѣхъ, поднялъ голову и глаза, и такимъ образомъ далъ совершить надъ собой крещеніе. Это обстоятельство показалось отцу на столько замѣчательнымъ, что онъ описалъ его въ своей домашней хроникѣ и приписалъ слѣдующія слова: „Я того желаю, и пророчу, что это служитъ признакомъ вѣры и лучшимъ знаменіемъ того, что этотъ сынъ всю жизнь будетъ обращать свой взоръ къ Богу, пламенѣть любовью къ Нему и въ этой любви совершитъ великое къ славѣ Всевышняго, къ пользѣ и процвѣтанію христіанской церкви и къ своему и нашему спасенію“.

Другой фактъ подобнаго рода разказанъ самимъ Лейбницемъ по воспоминаніямъ дѣтства. Въ одно воскресенье мать его отправилась въ церковь, отецъ же былъ боленъ и лежалъ въ постели. Ребенокъ былъ еще не совсѣмъ одѣтъ и игралъ на скамьѣ, которая стояла у

стѣны. Передъ скамьей стоялъ столъ. Тётка ребенка хотѣла его одѣть и подошла къ нему, но онъ вскочилъ на столъ, и убѣгая отъ тётки, оступился и упалъ со стола. Отецъ и тётка вскрикнули. Но ребенокъ сидѣлъ на полу и смѣялся, а разстояніе, въ которомъ онъ находился отъ стола, было больше, чѣмъ можно было бы ожидать отъ простаго дѣтскаго прыжка. Отецъ увидѣлъ въ этомъ знакъ особенной милости Божіей и тотчасъ послалъ въ церковь, чтобы по обычаю, послѣ обѣдни, тамъ произнесли особенную благодарственную молитву. Объ этомъ происшествіи много говорили въ городѣ. „Отецъ же мой, говоритъ Лейбницъ, извлекъ изъ этого, и не знаю изъ какихъ еще другихъ словъ и предзнаменованій, такія надежды относительно меня, что навлекъ на себя насмѣшки со стороны своихъ друзей".

Первоначальнымъ воспитаніемъ ребенка занимался его отецъ. Онъ рано выучилъ его читать и потомъ посредствомъ частыхъ разказовъ и съ помощью маленькой книжки старался внушить ему любовь къ священной и мірской исторіи. Но это воспитаніе было рано прервано. Лейбницу было 6 лѣтъ, когда умеръ его отецъ, и мать вскорѣ послѣ этого отдала ребенка въ школу, пользовавшуюся особенною репутаціей въ Лейпцигѣ.

Школьное образованіе въ XVII вѣкѣ находилось совершенно въ томъ состояніи, въ которое его поставила средневѣковая жизнь, и только къ концу столѣтія было сдѣлано нѣсколько уступокъ потребностямъ новаго времени. Въ средніе вѣка и еще въ XVII вѣкѣ могущественнымъ двигателемъ и единственнымъ средствомъ образованія было знакомство съ древнимъ, преимущественно римскимъ, міромъ. Памятники этого міра изучались не ради ихъ собственныхъ достоинствъ, не для того, чтобы ввести изучающаго ихъ въ идеи классическаго міра, но главнымъ образомъ потому, что они служили источникомъ для реальныхъ познаній. Въ университетахъ того времени математика, астрономія, географія, даже медицина и естественныя науки, не говоря уже о наукахъ юридическихъ и философскихъ, о логикѣ, этикѣ, метафизикѣ, изучались на основаніи сочиненій, оставшихся отъ древняго міра. Лекціи читались въ университетахъ на латинскомъ языкѣ до конца XVII вѣка, и только въ этомъ вѣкѣ научныя сочиненія стали появляться и на новыхъ языкахъ.

Нужно имѣть это въ виду, чтобы понять характеръ и направленіе школьнаго образованія того времени. Школа вездѣ служитъ подготовкой для цѣлей высшаго образованія и руководствуется его требованіями. Для того, чтобы получить это образованіе, нужно было знать

латинскій языкъ и не только понимать его, но совершенно свободно владѣть имъ, какъ разговорнымъ и литературнымъ языкомъ. Поэтому выучить учениковъ латинскому языку было главною цѣлью школы. Передача реальныхъ познаній стояла на заднемъ планѣ, и въ отношеніи ихъ требованія были очень не высоки. Гораздо настоятельнѣе была необходимость приготовить учениковъ къ слушанію лекцій философскихъ, которое предшествовало избранію спеціальныхъ факультетовъ, богословскаго или юридическаго, а для этого нужно было заранѣе посвятить учениковъ во всѣ тонкости логики и діалектики, тѣмъ болѣе что диспуты были, наравнѣ съ лекціями профессоровъ, средствомъ университетскаго преподаванія.

Реформація не измѣнила этого характера школы. Реформаторы, правда, опирались на Библію, требовали отъ мірянъ знакомства съ нею и постояннаго чтенія ея, поэтому старались распространить въ народѣ грамотность, и должны были заботиться объ устройствѣ простонародныхъ школъ, гдѣ учили читать по нѣмецки, но главная ихъ забота все-таки была направлена на среднія учебныя заведенія, то-есть, на латинскую школу. Школьный уставъ, составленный Меланхтономъ, былъ принятъ въ основаніе при устройствѣ школъ въ лютеранской части Германіи. По этому уставу занятія школы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Изъ 26 уроковъ въ недѣлю 2 урока назначались для закона Божія, 6 на музыку, а 18 для латинскаго языка. Греческій языкъ былъ введенъ только съ 1580 года, по уставу курфирста Августа, и только въ старшихъ двухъ классахъ. Мало по малу въ теченіе XVII вѣка стало усиливаться преподаваніе греческаго языка въ гимназіяхъ сѣверной Германіи, но и тутъ преимущественно читались сочиненія религіознаго или педагогическаго содержанія: Новый Завѣтъ, апокрифы, сочиненіе Плутарха о воспитаніи, и только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ принимались за Гомера и Демосѳена. На латинскомъ языкѣ преподавались реальные предметы, и въ какомъ видѣ!—какъ будто преподаваніе ихъ только имѣло цѣлью упражнять учениковъ въ латинскомъ языкѣ. Иногда эта цѣль прямо выставлялась на видъ. Даже катехизисъ иногда изучался на латинскомъ языкѣ, и виртембергскій уставъ пренаивно совѣтуетъ прилежно изучать катехизисъ, „для того чтобы съ Божіею милостью юношество достигло настоящаго знанія и навыка въ латинскомъ языкѣ и благочестіи“ (Gottesfurcht). Кромѣ древнихъ языковъ, въ школахъ преподавали реторику, діалектику и музыку, а кое-гдѣ ариѳметику, doctrinam sphaericam, то-есть, объясненіе небеснаго глобуса, физику по Аристотелю,

этику. Исторія была введена въ большей части гимназій въ восемнадцатомъ столѣтіи и только въ нѣкоторыхъ школахъ въ концѣ XVI; за то въ пресловутой саксонской школѣ въ Пфортѣ исторія и географія еще не были введены даже по уставу 1801 года. Даже математика въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ была введена уже въ XVIII вѣкѣ, а естественная исторія еще позднѣе.

Всего болѣе характеризуетъ школы XVII вѣка то, что въ нихъ не вездѣ еще было введено преподаваніе отечественнаго языка. Латинскія грамматики, съ которыхъ школьники начинали свое трудное поприще, были писаны на латинскомъ языкѣ—въ Даніи еще до 1730 г.; еще болѣе страннымъ покажется то, что даже грамматики нѣмецкаго языка, которыя были въ употребленіи въ XVI и XVII вѣкахъ, были составлены на латинскомъ языкѣ. Иногда прямо высказывалось, что преподаваніе нѣмецкаго языка нужно для того, чтобы съ помощью нѣмецкой грамматики подготовить дѣтей къ латинской грамматикѣ.

Для оправданія этого факта, конечно, не слѣдуетъ забывать, что только въ XVI вѣкѣ образовался литературный или книжный нѣмецкій языкъ, вытѣснившій употребленіе нарѣчій и сдѣлавшійся общимъ языкомъ націи. Въ основаніе этого общаго языка легъ переводъ библіи, сдѣланный Лютеромъ, и первая грамматика нѣмецкаго языка, принявшая въ руководство языкъ Лютера, вышла въ 1578 году. Вскорѣ послѣ этого начались попытки замѣнить въ преподаваніи латинскій языкъ нѣмецкимъ. Во главѣ агитаціи въ пользу нѣмецкаго языка стоялъ извѣстный педагогъ XVII вѣка Ратихій, который въ 1612 году даже имперскому сейму во Франкфуртѣ подалъ записку о своей методѣ. Но и Ратихій имѣлъ болѣе въ виду начинать обученіе съ нѣмецкаго языка, чѣмъ совершенно замѣнить имъ латинскій. Въ продолженіе всего XVII вѣка ученики были обязаны говорить между собой и съ учителями на латинскомъ языкѣ даже во время отдыха, и за каждое нѣмецкое слово ихъ строго наказывали. Померанскій уставъ еще въ 1690 году предписываетъ учителямъ говорить съ учениками всегда по латыни, ибо „употребленіе нѣмецкаго языка само по себѣ легкомысленно, а дѣтямъ приноситъ вредъ и соблазнъ“ [1]). Такъ какъ за нѣмецкимъ языкомъ въ то время не признавали ни литературнаго, ни педагогическаго значенія, то естественно, что въ школахъ на него обращали очень мало вниманія. Достаточно было, если

[1]) См. объ этомъ вообще *Raumer* — Geschichte der Paedagogik и *Tholuck* — Das Academische Leben im XVII Jahrh.

ученики умѣли читать и писать на своемъ родномъ языкѣ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ ихъ учили орѳографіи и грамматикѣ, но о слогѣ никто не заботился. Только въ XVIII вѣкѣ начали упражнять ихъ сочиненіями на нѣмецкомъ языкѣ. Невыносимо дурной слогъ произведеній нѣмецкой литературы XVII и еще XVIII вѣка былъ достаточнымъ наказаніемъ за это пренебреженіе, оказанное ему въ школѣ и въ университетѣ. Съ содержаніемъ школьнаго преподаванія стоялъ въ тѣсной связи методъ преподаванія: онъ заключался въ выучиваніи всего на память и въ постоянномъ повтореніи выученнаго. Поэтому пріемы, и со стороны учителя, и со стороны учениковъ, были чисто механическіе. Никто не заботился о томъ, чтобы преподаваніе было интересно для учениковъ или содѣйствовало ихъ развитію [1]). Учителя диктовали уроки; выучивъ урокъ, ученики должны были повторить его наизусть: иногда одинъ говорилъ урокъ, а остальные хоромъ повторяли за нимъ, потомъ другой; вопросовъ въ разбивку не предлагали; каждый ученикъ долженъ былъ сказать весь урокъ. При объясненіи писателей подвигались очень медленно. Каждая форма, каждая конструкція, какъ часто бы она ни повторялась, каждый разъ объяснялась тщательно. Нѣкоторые педагоги, правда, позволяли себѣ смѣлыя выходки. Такъ, напримѣръ, конректоръ Эйслебенской гимназіи высказалъ въ своемъ отчетѣ въ 1679 году, что „не слѣдуетъ кормить юношество шелухой; оно нуждается въ *реальныхъ* познаніяхъ для рѣчей, писемъ и университетскихъ диспутовъ“. Но что̀ понималось тогда подъ реальными познаніями, видно изъ его поясненій. Онъ говоритъ, что онъ долго останавливался на книгѣ Цицерона: „Объ обязанностяхъ“, ради прекраснаго нравственнаго содержанія ея, при чемъ занимался объясненіемъ различныхъ философскихъ мнѣній, филологическимъ поясненіемъ слога (der Latinität) и разборомъ риторическихъ періодовъ, ради *практической пользы* общихъ мѣстъ и подражаній (der loci communes und imitationes) [2]). Одинъ Роштокскій профессоръ при-

---

[1]) *Ellendt* — Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Eisleben. Eisl. 1846. p. 310.

[2]) При чтеніи древнихъ писателей, прозаиковъ и поэтовъ, равно какъ и при чтеніи Новаго Завѣта, учитель останавливался на каждомъ мѣстѣ, содержавшемъ въ себѣ какую-нибудь сентенцію, указывалъ на риторическія фигуры и тропы и диктовалъ ученикамъ подражанія и поясненія (Amplificationen), или заставлялъ ихъ самихъ развивать ихъ и придумывать подражанія. Оттого чтеніе писателей подвигалось чрезвычайно медленно. *Ellendt* — Gesch. d. Königl. Gymn. zu Eisl. p. 139.

глашалъ своихъ слушателей заняться изученіемъ Энеиды ради большой пользы, которую она приноситъ въ краснорѣчіи, математикѣ (mathesi) и медицинѣ. Механизмъ и формализмъ въ преподаваніи, казалось, могли бы быть вознаграждены уроками діалектики и частыми диспутами, которыми старались развить умъ учениковъ и подготовить ихъ къ университетскимъ диспутамъ. Ректоръ или учителя, а иногда пасторъ диспутировали, а ученики должны были оппонировать. Но уже изъ этого участія пасторовъ видно, что диспуты имѣли часто богословскій характеръ. Такъ, напримѣръ, диспутировали на тему: слѣдуетъ ли обоготворять плоть Христову вмѣстѣ съ Его божественностью (cum ipsa deitate), или нѣтъ? Иногда темы были философскія, но очень отвлеченныя, напримѣръ: погибнетъ ли міръ по своей субстанціи или по своей формѣ (An mundus interiturus secundum substantiam, an secundum qualitatem)?

Вслѣдствіе усиленнаго преподаванія логики и вслѣдствіе частыхъ диспутовъ, ученики рано изощрялись въ діалектическихъ тонкостяхъ, а нѣкоторые еще на школьной скамьѣ выступали на литературное поприще, или вступали въ полемику съ своими учителями. Клоцъ, бывшій въ послѣдствіи суперъ-интендентомъ, 14-ти лѣтъ написалъ логику на Аристотелевскихъ началахъ въ оппозицію своему ректору, который придерживался методы Рамуса. Юнгій еще въ гимназіи объяснялъ своимъ товарищамъ діалектику Рамуса и издалъ свою logica Hamburgensis; тотъ же Юнгій поставилъ однажды въ тупикъ своего ректора, задавъ ему слѣдующій соритъ: „Если нѣтъ времени, то нѣтъ и ночи; если нѣтъ ночи, тогда бываетъ день; если есть день, тогда есть и время, — слѣдовательно, если нѣтъ времени, тогда есть время". Только на другой день ректоръ былъ въ состояніи выпутаться изъ затрудненія. Механической методѣ преподаванія и отсутствію въ ней педагогическихъ пріемовъ соотвѣтствовала школьная дисциплина. Наказанія въ старшихъ классахъ иногда состояли въ денежныхъ штрафахъ, но большею частью розги были главнымъ воспитательнымъ орудіемъ. Несмотря на то, что религія имѣла такое значеніе для того времени — то была эпоха религіозныхъ войнъ — она оказывала очень мало вліянія на педагогію. Это происходило отъ того, что и религіозная жизнь носила на себѣ печать механизма и педантизма, сковывавшихъ общественную жизнь. Уроки изъ закона Божія были не многочисленны, два или три раза въ недѣлю, но они состояли въ механическомъ усвоеніи нѣмецкаго, а потомъ латинскаго катехизиса; въ старшихъ же классахъ проходили учебникъ богословія, вмѣщавшій всѣ спорные вопросы тогдашней догматики. Рели-

гіозное воспитаніе восполнялось частыми упражненіями въ церковномъ пѣніи, которыя занимали отъ 4 до 6 часовъ въ недѣлю, въ каждомъ классѣ, и слушаніемъ проповѣдей въ церкви. Цѣлое воскресенье было занято этимъ. Утромъ чтеніе Библіи съ пѣніемъ и молитвой въ школѣ, потомъ ранняя обѣдня, продолжавшаяся $2^1/_2$ часа; послѣ обѣда учениковъ снова водили слушать проповѣдь, которая опять продолжалась 2 часа. До́ма старшіе ученики должны были записать слышанную проповѣдь, а послѣ этого имъ объясняли греческій текстъ Новаго Завѣта. Вечеромъ опять пѣніе и молитва. Проповѣди говорились въ церквахъ не только по воскресеньямъ, но и среди недѣли. Излишество и принужденіе, конечно, дѣйствовали вредно, тѣмъ болѣе что проповѣдники вовсе не принимали въ разчетъ потребностей и степени пониманія дѣтей, а наполняли проповѣди догматическими тонкостями и полемическими выходками противъ кальвинистовъ и католиковъ.

При этихъ условіяхъ главною опорой педагоговъ, конечно, должны были быть розги. Одинъ хорошій педагогъ XVII вѣка говорилъ о нихъ, что „это скипетръ отцовской власти, не перуны строгости, не преторіанскія *фасцы*, но символъ материнскаго сердца, который ученики должны цѣловать и почитать какъ божество школы (als das numen scholasticum verehren). Одному ректору гимназіи былъ сдѣланъ выговоръ въ полномъ собраніи консисторіи за то, что онъ „не сѣкъ розгами въ классѣ учениковъ старшаго класса". Правда, исполненіе этой обязанности было не всегда безопасно для учителей, и не въ одномъ только Магдебургѣ случалось, что родители наказанныхъ учениковъ нападали на учителей какъ разбойники (mörderlich), вырывали имъ волосы и бороду и наносили имъ тяжкіе побои.

Этой дисциплинѣ соотвѣтствовали, впрочемъ, грубые нравы учениковъ. Вездѣ случается, что ученики среднихъ заведеній подражаютъ старшимъ и особенно студентамъ. Такъ было и въ XVII вѣкѣ, когда нѣмецкое студенчество достигло крайнихъ предѣловъ грубости и дикости нравовъ. Сюда присоединялось пагубное вліяніе Тридцатилѣтней войны и всеобщее огрубѣніе. Ученики носили запрещенное оружіе, дрались между собой и съ жителями, пьянствовали, играли въ карты, брали приступомъ дома людей имъ ненавистныхъ, врывались на свадьбы и крестины, и пр. Отъ времени Тридцатилѣтней войны сохранилось любопытное извѣстіе, что въ Силезіи между молодежью составилось общество, члены котораго давали обѣщаніе не молиться, „воздерживаться отъ всякой чистоты и производить всякіе скандалы".

Конечно, при политической раздробленности Германіи и при от-

сутствіи всякой централизаціи положеніе учебныхъ заведеній представляло большое разнообразіе, и трудно подвести его подъ общее правило. Но то, что̀ мы сообщили о предметахъ гимназическаго курса, о методѣ преподаванія и о педагогическихъ пріемахъ, относится ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и достаточно характеризуетъ состояніе ихъ въ то время, когда Лейбницъ началъ свое воспитаніе.

Такая школа не могла удовлетворить ребенка, одареннаго необыкновенными способностями и рано почувствовавшаго сильную жажду знанія. Восьмилѣтній Лейбницъ началъ заниматься помимо школы. Онъ прочитывалъ всѣ нѣмецкія книги, которыя ему попадали въ руки, и съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ всякаго рода исторіи. Въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, одинъ студентъ заложилъ двѣ латинскія книги: то былъ Ливій и хронологическій *Тезаурусъ* Сета Кальвизія. Маленькій Лейбницъ нашелъ ихъ и не могъ оторваться отъ нихъ, хотя ничего еще не зналъ по латыни. Исторію Кальвизія онъ скоро сталъ понимать, потому что у него была нѣмецкая книга о всеобщей исторіи, которая содержала почти то же самое, и онъ сталъ сличать обѣ книги. Ливій давался ему не такъ легко, но это было старое изданіе съ картинками: ребенокъ разсматривалъ картинки, прочитывалъ то, что̀ было подписано подъ ними, пропускалъ непонятное и перелистывалъ такимъ образомъ нѣсколько разъ всю книгу. Вскорѣ онъ нашелъ, что онъ многое сталъ лучше понимать, и тогда онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся изучать книгу безъ помощи словаря. Однажды онъ проговорился въ школѣ о томъ, что̀ онъ прочелъ у Ливія; учитель спросилъ его, откуда онъ это знаетъ, и Лейбницъ разказалъ все, какъ было. Учитель отправился къ родственникамъ Лейбница и просилъ ихъ не позволять ребенку прерывать занятія неумѣстнымъ и преждевременнымъ чтеніемъ: „Ливій ему также идетъ какъ котурнъ пигмею. У него слѣдуетъ отнять эту книгу и засадить его за дѣтскіе разказы Коменія [1]) и сокращенный катехизисъ“. Къ счастію для ребенка, объ этомъ узналъ одинъ сосѣдній дворянинъ, человѣкъ ученый, какъ говоритъ Лейбницъ въ своей замѣткѣ, и образовавшій себя путеше-

---

[1]) Comenius (Komensky), уроженецъ Моравіи (1592—1671), принадлежалъ къ сектѣ Моравской братьи. Онъ сдѣлался реформаторомъ педагогіи и пріобрѣлъ особенную извѣстность своимъ нагляднымъ методомъ для обученія дѣтей языкамъ. Имъ издана первая книжка съ картинками для дѣтей. Педагогическія сочиненія Коменія были переведены почти на всѣ языки, даже на сербскій и персидскій, а его самого приглашали въ Англію, Швецію, Венгрію и др. для организаціи учебныхъ заведеній.

ствіями. Онъ призвалъ ребенка, началъ дѣлать ему разные вопросы, и удостовѣрившись въ его способностяхъ, убѣдилъ его родственниковъ дать ему доступъ къ библіотекѣ его отца. Ребенокъ былъ въ восторгѣ; онъ горѣлъ желаніемъ увидѣть сочиненія древнихъ, которыя до сихъ поръ были извѣстны ему только по имени: Цицеронъ и Квинтиліанъ, Сенека и Плиній, Геродотъ и Ксенофонтъ, Платонъ, писатели императорской исторіи, церковные отцы латинскіе и греческіе — все это было въ его распоряженіи; онъ переходилъ отъ одного къ другому и любовался разнообразіемъ содержанія. Цѣлые дни проводилъ онъ въ библіотекѣ, брался то за ту, то за другую книгу, пропускалъ трудное и углублялся въ то, что̀ ему казалось понятнѣе; такимъ образомъ полушутя и полусеріозно онъ упражнялъ себя, и двѣнадцати лѣтъ онъ зналъ латинскій языкъ совершенно хорошо и кое-какъ греческій. Латинскіе стихи онъ писалъ съ особенною легкостью, и однажды, чтобы выручить товарища, который долженъ былъ на актѣ произнести латинскую рѣчь въ стихахъ, Лейбницъ заперся въ своей комнатѣ и въ полдня написалъ 300 латинскихъ гекзаметровъ совершенно правильныхъ. Ему было тогда тринадцать лѣтъ.

Въ послѣдствіи Лейбницъ вспоминалъ съ удовольствіемъ о томъ времени, которое онъ посвящалъ на знакомство съ древними писателями. Онъ сравнивалъ себя съ людьми, которые постоянно работаютъ на солнцѣ и отъ этого загораютъ. Подобно тому, говоритъ онъ, и классическіе писатели положили на него свою печать; они имѣли вліяніе не только на его способъ выраженія, но и на складъ его мысли. Когда онъ перешелъ отъ нихъ къ моднымъ современнымъ писателямъ, сочиненія которыхъ были выставлены въ книжныхъ лавкахъ, послѣдніе опротивѣли ему, какъ онъ выражается, своею высокопарною болтовней (schwülstiger Schaum), бѣдностью мысли, которая не производила ничего новаго, а только „сшивала старыя тряпки". „Безъ изящества, безъ силы, безъ пользы для жизни, эти сочиненія, казалось, были писаны для особеннаго міра, который одни называли республикой ученыхъ, другіе — Парнассомъ, тогда какъ зрѣлыя, великія и мѣткія мысли древнихъ, вполнѣ охватывающія предметы и выставляющія какъ на ладони смыслъ жизни, и ясный, соотвѣтствующій дѣлу способъ выраженія ихъ возбуждаютъ въ душѣ совершенно другія движенія". Изъ этой школы Лейбницъ вынесъ аксіому, которая потомъ сдѣлалась девизомъ всей его жизни: — „въ словахъ искать ясности, а въ дѣлахъ пользы". Первое онъ называлъ основаніемъ сужденія, а второе путемъ къ открытію истины (Erfindung), и онъ полагалъ, что

бо́льшая часть заблужденій происходитъ отъ того, что люди не довольно ясно понимаютъ слова, употребляемыя ими, и недостаточно анализируютъ ихъ, или отъ того, что они не умѣютъ пользоваться извѣстными имъ истинами, не выспрашиваютъ ихъ, не приводятъ ихъ въ сочетаніе, чтобы такимъ образомъ дойдти до открытія новыхъ истинъ.

Такъ Лейбницъ дошелъ до того класса, гдѣ начиналось преподаваніе логики: знакомство съ нею произвело переворотъ въ его занятіяхъ. До сихъ поръ онъ совершенно углублялся въ чтеніе историковъ и поэтовъ; теперь онъ съ такимъ же увлеченіемъ сталъ изучать классификаціи понятій и идей и всматриваться въ ходъ человѣческой мысли. И въ этомъ случаѣ онъ не удовольствовался тѣмъ, что̀ могъ узнать въ школѣ, но самостоятельною работой своего юнаго ума удивилъ товарищей и учителей. Ему казалось, что въ логикѣ заключается ключь всѣхъ человѣческихъ познаній, и съ дѣтскимъ воображеніемъ онъ придумывалъ разные проекты о расширеніи познаній, которые онъ самъ потомъ называлъ химерами. Но многое изъ того, что́ занимало его на школьной скамьѣ, не оставляло его потомъ цѣлую жизнь. Его натура, склонная къ апріористическому мышленію, нашла себѣ полное удовлетвореніе въ занятіяхъ, которыя другимъ кажутся сухими и безплодными. Въ точномъ опредѣленіи понятій и логической классификаціи ихъ онъ находилъ подспорье памяти. Онъ придумывалъ различныя логическія таблицы, чтобы съ ихъ помощью напасть на слѣдъ какого-нибудь забытаго факта или понятія. Онъ мечталъ о томъ, чтобы съ помощью этихъ таблицъ пріобрѣсти искусство *выспрашивать людей и природу*, установить извѣстныя правила, которыми могли бы руководствоваться судьи при слѣдствіи, исповѣдники, путешественники, сталкивающіеся съ новыми и замѣчательными людьми, отъ которыхъ можно узнать много новаго. Это искусство должно было служить не только къ тому, чтобы выпытывать у людей новое и интересное, но и къ тому, чтобъ умѣть наблюдать, выспрашивать природу, подвергать ее пыткѣ [1]), какъ выражался Лейбницъ, и выманивать ея тайны. Это умѣнье наблюдать и выспрашивать природу совпадало для него, по его собственному сознанію, съ искусствомъ дѣлать опыты (ars experimentandi), которое Бэконъ развилъ съ такимъ успѣхомъ.

Въ числѣ этихъ юношескихъ затѣй была одна, которою Лейбницъ

---

[1]) Die Natur gleichsam auf die Folterbank spannen.

особенно дорожилъ въ продолженіе всей своей жизни и отъ которой онъ ожидалъ удивительныхъ результатовъ. Онъ считалъ возможнымъ изобрѣсти *азбуку* человѣческихъ мыслей, то-есть, подраздѣлить всѣ понятія и истины на группы, каждую изъ этихъ группъ обозначить особымъ знакомъ, чтобы потомъ посредствомъ сочетанія и анализа этихъ знаковъ открывать новыя истины и понятія. Въ послѣдствіи, когда онъ познакомился съ математикой, убѣжденіе въ возможности этого средства еще болѣе усилилось въ немъ, и онъ намѣревался изобрѣсти *алгебру* человѣческихъ понятій. Подобно тому, какъ съ помощью алгебраическихъ формулъ математикъ доходитъ до новыхъ выводовъ въ своей наукѣ и находитъ новыя доказательства для прежнихъ выводовъ, алгебра мыслей должна была служить философу и мыслителю средствомъ изобрѣтать новыя истины и доказывать несомнѣнность прежде извѣстныхъ. Въ школьномъ образованіи Лейбница очень ощутительно отсутствіе математики. Эта наука, сродная съ логикой, дала бы богатую пищу любознательному и самодѣятельному уму Лейбница. Теперь же логика замѣняла ему математику, и онъ безсознательно [1]) искалъ въ логикѣ удовлетворенія своей страсти къ тому способу доказательствъ, на которомъ построена математика (mathematicae demonstrationes),—страсти, которая въ послѣдствіи принесла такіе богатые результаты. Занятія логикой внушили ему интересъ къ книгамъ, которыя своею сухостью и отвлеченностью не соотвѣтствовали его возрасту. Онъ отыскивалъ въ библіотекѣ своего отца сочиненія схоластиковъ и догматиковъ католической и протестантской церкви. „Я жилъ, говоритъ онъ, въ Забареллѣ, Рубіѣ, Фонзекѣ и другихъ схоластикахъ съ не меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ прежде въ историкахъ, и достигъ того, что читалъ Суареса съ такою легкостью, какъ читаютъ романы. Мои опекуны, которымъ я всего болѣе обязанъ тѣмъ, что они совершенно не вмѣшивались въ мои занятія, и которые прежде боялись, что я сдѣлаюсь поэтомъ по ремеслу, теперь начали бояться, что я застряну въ утонченностяхъ схоластики; но они не понимали, что моя натура не могла удовлетвориться однимъ родомъ занятій“.

Четырнадцати лѣтъ Лейбницъ пристрастился къ спорамъ богослововъ различныхъ исповѣданій и партій. Его занималъ преимущественно вопросъ о свободной волѣ, и онъ не только началъ читать сочиненіе Лютера объ этомъ предметѣ и сочиненія другихъ лютеран-

---

[1]) Письмо къ Вагнеру о защитѣ логики.

скихъ богослововъ, но интересовался тѣмъ, что было написано противъ нихъ реформатскими богословами, Арминіанами, Іезуитами, Томистами и Янсенистами. Въ это же время онъ восторгался сочиненіемъ Лаврентія Валлы противъ Боэція, наравнѣ съ вышеупомянутымъ сочиненіемъ Лютера, написаннымъ противъ Эразма, хотя онъ находилъ, что ихъ выводы слѣдуетъ смягчить. Онъ уже тогда призадумывался надъ вопросомъ, какимъ образомъ примирить ученіе о свободной волѣ съ аксіомой, что міръ управляется Провидѣніемъ. Этотъ вопросъ занималъ его потомъ цѣлую жизнь, и онъ разрѣшилъ его въ своей „Теодицеѣ", а убѣжденіе его ранней юности, что надо смягчить рѣзкіе выводы Лютеровой догматики и придерживаться болѣе умѣреннаго ученія Аугсбургскаго исповѣданія созрѣло въ немъ и привело его къ тому, что одною изъ задачъ его жизни сдѣлалось примиреніе и сліяніе христіанскихъ церквей. Мы видимъ, что Лейбницъ своими успѣхами былъ обязанъ не своимъ воспитателямъ и учителямъ, но собственной любознательности и тому счастливому обстоятельству, что ему рано открылся свободный доступъ къ богатой и разнообразной библіотекѣ. Лейбницъ поэтому съ нѣкоторою справедливостью называетъ себя самоучкой. Онъ гордится этимъ именемъ, и говоритъ, что хотя самоученіе многимъ вредно, но что ему оно принесло большую пользу. Оно пріучило его не наполнять умъ пустыми познаніями, которыя потомъ скоро забываются и которыя держатся болѣе вліяніемъ учительскаго авторитета, чѣмъ разумными основаніями. Оно пріучило его также искать въ каждой наукѣ *новаго*, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ усвоить себѣ старое и всѣмъ извѣстное; вслѣдствіе этого онъ въ каждой новой наукѣ старался добраться до ея началъ и основаній и потомъ уже самостоятельно и независимо выводилъ все остальное.

Но мы не думаемъ, чтобъ это самоученіе и отсутствіе разумнаго руководителя не имѣли также и вреднаго вліянія на Лейбница. Его многосторонняя и воспріимчивая натура легко переходила отъ одного предмета къ другому и безпрестанно разбрасывалась. Полная свобода, которою онъ пользовался съ шестилѣтняго возраста, и возможность постоянно находить новую пищу для своей любознательности должны были усилить эти свойства и развить ту лихорадочную дѣятельность, которою отличается вся его жизнь. Ребенкомъ онъ хватался то за ту, то за другую книгу; не овладѣвъ однимъ, онъ принимался изучать другое. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ также быстро переходилъ отъ одной науки къ другой, или вѣрнѣе, занимался всѣми за разъ: его умъ

постоянно былъ занятъ самыми разнообразными проектами, проблемами, задачами; онъ не успѣвалъ окончить одной работы и уже бросалъ ее ради другой, болѣе занимательной. Мимоходомъ, на клочкѣ бумажки, въ письмѣ къ какому-нибудь знакомому онъ набрасывалъ самыя зрѣлыя и глубокія свои идеи. Задача, предложенная однимъ изъ друзей, заставляла его рѣшать самыя трудныя математическія теоремы; какой-нибудь разговоръ въ обществѣ, недоумѣніе, высказанное въ его присутствіи, заставляло его изложить основаніе его философской системы. Онъ былъ сдѣланъ членомъ коммиссіи для пересмотра законовъ, и тогда принялся перестроивать на новыхъ началахъ изученіе римскаго права и примѣненіе его къ дѣйствительному законодательству. Ему поручили надзоръ за работами въ рудникахъ — онъ написалъ геологію на новыхъ основаніяхъ и положилъ начало палеонтологіи. Ему поручили заняться генеалогіей Ганноверской династіи — онъ написалъ по источникамъ исторію Германіи и положилъ основаніе критической разработкѣ историческихъ и дипломатическихъ памятниковъ. На всѣхъ наукахъ онъ оставилъ слѣды своего глубокаго ума и своей неутомимой дѣятельности; но только въ математикѣ, гдѣ можно достигнуть сразу блестящихъ результатовъ геніальнымъ напряженіемъ ума, онъ создалъ нѣчто цѣлое. Его философская система вполнѣ окончена и стройна, и послѣдовательна какъ никакая другая; но она не выражена въ соотвѣтствующей формѣ. Полнѣе всего она высказана въ двухъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно состоитъ изъ отрывковъ, написанныхъ въ разное время по просьбѣ Прусской королевы, которая была дружна съ Лейбницемъ, другое — изъ замѣтокъ и комментаріевъ на сочиненіе Лока.

Лейбницъ вышелъ изъ школы и поступилъ въ университетъ 15-ти лѣтъ. Въ то время въ Германіи, какъ и теперь, не было опредѣленнаго возраста для поступленія въ университетъ. Пріемныхъ экзаменовъ также почти не было: въ нѣкоторыхъ университетахъ они состояли въ простой формальности, а тамъ, гдѣ они сохранялись, требованія были чрезвычайно слабы. Мало по малу они вышли совершенно изъ употребленія и замѣнены, особенно съ прошлаго столѣтія, выпускными экзаменами гимназій. Свобода при поступленіи была неограниченная. Это объясняется тогдашнимъ положеніемъ факультетовъ. Всѣ поступающіе въ университетъ слушали лекціи на философскомъ факультетѣ и достигали званій баккалавра и магистра философіи или искусствъ, какъ тогда говорилось (то-есть, artium liberalium), а потомъ уже держали экзаменъ на степени юридическія, богословскія и медицинскія. Слу-

Остада и Теніера; но они утѣшительны въ одномъ отношеніи: они ясно доказываютъ не всѣми признанную истину, что цивилизація имѣетъ послѣдствіемъ не только матеріальный прогрессъ, но и нравственный.

Мы не будемъ указывать на преступленія, напримѣръ, убійства, совершенныя студентами съ цѣлью грабежа. Такіе факты не могутъ служить для характеристики какого-нибудь сословія или корпораціи, особенно же студенческой, составъ которой постоянно мѣняется. Но нельзя не обратить вниманія на частые случаи воровства, въ которомъ обвинялись студенты. Ne sitis fures—не воруйте, гласитъ первый параграфъ Виттенбергскаго устава 1596 года. На крестины у Гессенскаго ландграфа Морица, куда онъ пригласилъ студентовъ изъ дворянъ, studiosos nobiliores, втерся одинъ студентъ изъ Любека и укралъ серебряный подносъ.

Страсть къ дракамъ и пролитію крови, равнодушіе къ жизни другихъ, распространенныя между студентами, соотвѣтствуютъ взглядамъ эпохи, въ которую военные хвастались неслыханными жестокостями и неистовствами, совершенными надъ беззащитными жителями. Воинственности студентовъ, конечно, способствовалъ обычай ихъ постояннно носить оружіе. Ссоры и драки между ними и съ жителями, кончавшіяся убійствомъ, были очень не рѣдки. Марбургскіе протоколы 1619 года благодарятъ Бога, что этотъ годъ прошелъ безъ убійства, sine caede. Частый поводъ къ дракамъ и убійствамъ подавалъ обычай пьяныхъ студентовъ ночью ходить толпой по улицамъ (grassatores) и начинать ссоры со встрѣчными. Въ Лейпцигѣ въ 1672 году образовалось общество студентовъ, вооруженныхъ дубинами, которыя мальчики должны были носить за ними. Но и днемъ нерѣдко случались кровавыя драки, даже при выходѣ изъ церкви. Запрещенія дуэлей между студентами встрѣчаются уже въ XV вѣкѣ и потомъ повторяются все чаще и чаще.

Увеселенія студентовъ часто носили очень грубый характеръ. Собраться толпой и дѣлать безчинства было главнымъ удовольствіемъ. Такія толпы студентовъ выжидали, во время вѣнчанія, молодыхъ у церковныхъ дверей, чтобъ осыпать ихъ насмѣшками. Особенно же любили они врываться толпой на свадьбы, выпить все пиво и побить гостей. Вообще надменность и презрѣніе къ *филистрамъ*, то-есть, горожанамъ, были отличительною чертой тогдашняго студенчества. Сраженія между студентами и горожанами были не рѣдки. Франкфуртскій магистратъ жалуется въ XVII вѣкѣ университету на безчинства студентовъ, которые разбиваютъ окна, въ церкви пристаютъ

къ дѣвушкамъ, особенно же во время карнавала никому на улицахъ не даютъ прохода. „Если господа профессора, заключаетъ магистратъ, оставятъ это безнаказаннымъ, то нужно будетъ опасаться возстанія со стороны горожанъ." Столкновенія между студентами и университетскимъ начальствомъ и неповиновеніе правительству также случались не рѣдко. Студенты прибивали пасквили на дверяхъ профессоровъ, пѣли предъ окнами ихъ неприличныя пѣсни, приступали къ самому дому. Наказаніе виновныхъ не всегда помогало. Ихъ освобождали изъ карцера, и волненіе усиливалось. Такія волненія часто оканчивались кровопролитіемъ. Въ 1665 году въ Іену прислали чиновниковъ изъ Веймара, чтобъ усмирить студентовъ. Они поставили въ городѣ караулъ изъ бюргеровъ. Студенты оскорбили караулъ. Виновныхъ посадили въ карцеръ, но остальные рѣшились ихъ освободить. Два дня сряду студенты толпились на городской площади, кричали всю ночь и дразнили караулъ. Въ воскресенье пасторъ въ церкви слезно умолялъ студентовъ усмириться; это не помогло. Наконецъ, собрали горожанъ подъ ружьемъ. Студенты съ своей стороны собрались въ числѣ нѣсколькихъ сотъ; по нимъ стрѣляли и убили четверыхъ. На другой день они рѣшаются оставить университетъ и выходятъ изъ города. Противъ нихъ собираютъ крестьянъ и посылаютъ кавалерію. Нѣкоторыхъ отводятъ въ Веймаръ, остальные, наконецъ, даютъ обѣщаніе ректору отказаться отъ своихъ плановъ.

Болѣе удивительно то, что студенты, которые, по обычаю вѣка, проводили съ малолѣтства столько времени въ церкви и въ слушаніи проповѣдей, нерѣдко позволяли себѣ безчинствовать въ церкви и кощунствовать. Они спорили и ссорились въ церкви, и эти ссоры кончались иногда криками, хохотомъ, щелчками и пощечинами. Въ Гельмштедтѣ въ 1697 году студенты шалостями прерываютъ богослуженіе и сбиваютъ пѣвчихъ. Въ началѣ XVII столѣтія студенты иногда отправлялись по деревнямъ, входили на канцелъ вмѣсто пастора, говорили въ пьяномъ видѣ проповѣди, пародировали пастора, смѣшили крестьянъ.

Пьянство доходило до удивительныхъ размѣровъ. Устраивались диспуты въ честь Вакха — пародія ученыхъ диспутовъ. Присутствующіе имѣли при этомъ небольшіе бокалы, диспутантъ и оппоненты — громадныя кружки; оппонентъ тремя глотками представлялъ *jus objectionis* диспутантъ возражалъ *мокрымъ силлогизмомъ* въ три пріема, а предсѣдатель выпивалъ остальное.

Развратъ былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ въ настоящее время въ нѣмецкихъ университетахъ, и проявлялся иногда очень грубо.

Studiosi wollten auch ihre oblectamenta haben, показывалъ на слѣдствіи одинъ студентъ того времени. Разгулъ и распутство были не вездѣ и не всегда одинаковы. Одинъ университетъ славился тѣмъ, другой инымъ.

Wer von Tübingen kommt ohne Weib,
Von Iena mit gesundem Leib,
Von Helmstädt ohne Wunden,
Von Iena ohne Schrunden,
Von Marburg ungefallen
Hat nicht studiert auf allen,

говоритъ одна студенческая пѣсня того времени.

Какъ сильно отражаются недостатки общества на бытѣ студенческомъ, доказывается неестественнымъ для юношескаго возраста чинопочитаніемъ и педантизмомъ, которыми отличались студенты того времени. Нерѣдко происходили столкновенія и драки между студентами, жившими въ алумнатахъ и бурсахъ (казенными), и студентами, обѣдавшими у профессоровъ (своекоштными), за мѣста въ аудиторіяхъ и въ *церкви.* Въ этомъ, конечно, слѣдуетъ только винить общество, которое все старалось классифицировать и отдѣлять особыми привиллегіями и пустыми формами. Такъ-называемымъ профессорскимъ студентамъ (Professorenbursche) предоставлялось право въ аудиторіяхъ занимать особенныя мѣста, въ церкви сидѣть въ первомъ ряду и подходить къ причастію передъ стипендіатами.

Еще большее различіе существовало, конечно, между дворянами и недворянами, и столкновенія между ними были еще чаще. Исторія Гейдельбергскаго университета сохранила разказъ о такомъ происшествіи. Одинъ студентъ, изъ дворянъ, ударилъ другаго палкой на улицѣ. Ихъ позвали къ суду. Оскорбленный показалъ, что онъ подошелъ къ причастію рано, и ему пришлось поэтому помѣститься между первыми; другой, подошедшій послѣ, старался его спихнуть съ мѣста, и во время причащенія, когда становятся на колѣни, легъ на ноги. Обвиненный привелъ въ свое оправданіе, на характеристическомъ для того времени жаргонѣ, въ которомъ французскія и латинскія слова смѣшиваются съ нѣмецкими, слѣдующее: „Sie hätten gemeint, der Vorrang in der Kirche sei ihnen, als denen vom Adel, üngsthin per decretum vergönnt, da sie es in einer supplique erboten; er hatte also die Affront quovis modo revangiren müssen“. Университетскій совѣтъ объявилъ, что патентъ, на который онъ ссылается, говоритъ только, чтобы младшіе студенты не заходили впередъ старшихъ, и приговорилъ его къ штрафу въ 30 талеровъ. Противъ этого про-

тестовалъ ein Hofgerichtsrath — dass man Cavaliers so hart traktire — ни одинъ изъ нихъ не явится болѣе въ Гейдельбергъ.

Мы теперь перейдемъ къ профессорамъ и разсмотримъ сначала ихъ положеніе, ихъ права и занятія, а затѣмъ нравственныя стороны профессорской корпораціи въ XVII вѣкѣ.

Христіанская церковь была для европейскихъ народовъ источникомъ цивилизаціи и почвой, изъ которой развились всѣ отрасли духовной жизни. И университеты, какъ мы видѣли, учреждались для потребностей церкви и были сначала по преимуществу духовными школами. Правда, нѣкоторые возникали помимо церкви, напримѣръ, Салернская медицинская школа; въ Болоньѣ молодые люди собирались толпами, чтобы слушать юристовъ, и жители города, довольные такимъ стеченіемъ, дали имъ большія льготы и права корпораціи. Но главный университетъ среднихъ вѣковъ — Парижскій, который послужилъ образцомъ для нѣмецкихъ и англійскихъ — имѣлъ богословское назначеніе. Притомъ организація всѣхъ университетовъ доказываетъ вліяніе церкви; при учрежденіи ихъ испрашивалось позволеніе папы, и папская булла утверждала ихъ права и привилегіи и надѣляла ихъ доходами изъ церковныхъ имуществъ. Только вслѣдствіе этого университеты всѣхъ странъ, несмотря на политическое раздробленіе, были солидарны. Степень, полученная въ Пражскомъ университетѣ, признавалась въ Германіи, Италіи и Франціи, ибо всѣ университеты одинаково находились подъ покровительствомъ и надзоромъ папъ.

Извѣстно, что первый университетъ въ Германской имперіи былъ основанъ императоромъ Карломъ IV. Этотъ императоръ почти не имѣлъ нѣмецкихъ владѣній; онъ опирался на Богемію и Моравію, и поэтому учредилъ университетъ въ Прагѣ. Это было въ 1348 году. Его примѣру скоро послѣдовалъ эрцгерцогъ Австрійскій и курфирстъ Пфальцскій, и въ 1365 и 1386 годахъ были учреждены университеты въ Вѣнѣ и Гейдельбергѣ. Затѣмъ курфирсты-архіепископы Кельнскій и Майнцскій учредили университеты въ Кельнѣ и Эрфуртѣ.

Въ началѣ XV вѣка ссора между чешскими и нѣмецкими студентами въ Прагѣ, вызванная гуситскимъ движеніемъ, послужила причиной основанія Лейпцигскаго университета. Въ продолженіе этого вѣка въ Германіи были учреждены еще 6 университетовъ: въ Роштокѣ, Грейфсвальдѣ, Фрейбургѣ, Ингольштадтѣ, перемѣщенный въ XIX вѣкѣ въ Мюнхенъ, въ Тюбингенѣ и Майнцѣ. Предъ самымъ началомъ реформаціи, въ 1502 году, основанъ тотъ университетъ,

изъ котораго вышла реформація — Виттенбергскій, и затѣмъ, для поддержанія новаго ученія, основаны одинъ за другимъ въ протестантскихъ земляхъ 6 университетовъ: во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, въ Марбургѣ, Кенигсбергѣ, Іенѣ, Гельмштедтѣ (въ Брауншвейгѣ), въ Альторфѣ (въ области Нюрнберга), а въ концѣ вѣка, когда католицизмъ снова окрѣпъ для наступательнаго движенія, 4 католическіе университета: въ Диллингенѣ, Ольмюцѣ, Вюрцбургѣ и Грецѣ (въ Штиріи). Для интересовъ науки университетовъ было довольно, но политическое и религіозное раздробленіе Германіи было причиной, что каждому князю хотѣлось имѣть свой университетъ, и вслѣдствіе этого, въ теченіе XVII вѣка, въ собственной Германіи возникло еще 12 университетовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только одинъ, въ Галлѣ, пріобрѣлъ особенную извѣстность. Въ XVIII вѣкѣ основаны три славные университета: Бреславльскій, Геттингенскій и Эрлангенскій. Во время политическаго переустройства Германіи, въ началѣ нашего вѣка, нѣкоторые изъ прежнихъ университетовъ были закрыты, другіе перемѣщены или соединены, но за то основаны два новые университета, которые тотчасъ заняли первое мѣсто между другими — Берлинскій и Боннскій.

Реформація измѣнила положеніе университетовъ въ протестантскихъ земляхъ; контроль церкви былъ замѣненъ контролемъ свѣтской власти. Это еще не значитъ, чтобъ университеты секуляризировались, то-есть, освободились изъ-подъ вліянія церкви и сдѣлались свѣтскими учебными заведеніями. Церковные интересы были въ XVI и еще въ XVII вѣкѣ всюду на первомъ планѣ; они руководили политикой и давали направленіе наукѣ: князья въ политическихъ дѣлахъ, въ вопросахъ дипломатіи, мира и войны, очень часто прибѣгаютъ къ совѣту своихъ придворныхъ проповѣдниковъ, консисторій и богословскихъ факультетовъ; но князь былъ главой церкви, или по крайней мѣрѣ, стоялъ во главѣ церковной администраціи, и поэтому университеты зависѣли прямо отъ него.

Отношенія между князьями и университетами были патріархальныя. Князь очень часто былъ самъ ректоромъ, и университетомъ тогда завѣдывалъ проректоръ. По случаю всѣхъ событій въ княжескомъ семействѣ, университетъ приноситъ поздравленіе или высказываетъ сожалѣніе (Condolenz); за то члены княжеской семьи, или представители ихъ, присутствуютъ при диспутахъ, свадьбахъ и похоронахъ болѣе извѣстныхъ профессоровъ. Князья посылаютъ профессорамъ подарки съѣстными припасами, особенно послѣ удачной охоты.

Такъ, курфирстъ Саксонскій Іоаннъ Фридрихъ посылаетъ оленя съ письмомъ: „einen frischen Hirschen den wir heut dato gefangen, den wollet von Unsertwegen in Fröhlichkeit verzehren.“ За то они, по обычаю того времени, и не стѣсняются съ профессорами. Ландграфъ Морицъ рекомендовалъ однажды профессоромъ на одно вакантное мѣсто въ Марбургѣ своего спившагося секретаря. Университетъ отклонилъ предложеніе. Ландграфъ, разсерженный неожиданнымъ отказомъ, оправдывается въ собственноручномъ письмѣ тѣмъ, что его секретарь обѣщалъ вести себя хорошо, а что касается до лишняго глотка, то онъ найдетъ въ Марбургѣ много товарищей, ибо, къ сожалѣнію, почти во всѣхъ факультетахъ „gute Zechbrüder und Lucubranten mit unterlaufen“.

Во главѣ университета стоялъ ректоръ, который былъ окруженъ необыкновеннымъ почетомъ. Онъ часто заступаетъ мѣсто государя, и поэтому оскорбленія, нанесенныя ему, считаются уголовными преступленіями. Древнѣйшіе уставы требуютъ, чтобъ онъ, для большей важности, рѣдко показывался in publico conspectu. Еще въ 1715 году въ Лейпцигѣ дѣлается распоряженіе, чтобы солдаты дѣлали на-караулъ передъ ректоромъ. Въ торжественныхъ случаяхъ ректоръ является въ пурпуровой мантіи съ золотою цѣпью, предъ нимъ несутъ тяжелый скипетръ университетскій, и въ этихъ случаяхъ онъ идетъ прямо за государемъ и уступаетъ мѣсто только епископу. Онъ вступаетъ въ должность съ большою торжественностью, при звукѣ колоколовъ и послѣ молебствія. Ректоръ большею частію избирается (какъ и теперь) по очереди изъ всѣхъ факультетовъ на годъ или на семестръ.

Второе мѣсто за ректоромъ занимаетъ канцлеръ. Происхожденіе этой должности случайное. Парижскій университетъ образовался изъ школъ при соборѣ. Оттого канцлеръ собора сохранилъ извѣстный контроль и надъ университетомъ. Канцлеръ долженъ былъ имѣть надзоръ за экзаменами на степени и утверждать дипломы. Онъ назначался папой, который поручалъ обыкновенно эту обязанность епископу. Въ протестантскихъ земляхъ, гдѣ сохранились епископы, напримѣръ, въ Швеціи, они продолжаютъ занимать должность канцлера. Въ другихъ она поручалась духовному лицу или одному изъ членовъ богословскаго факультета. Въ нѣкоторыхъ университетахъ канцлеръ получилъ значеніе попечителя; онъ былъ представителемъ университета предъ государемъ и охранялъ права послѣдняго относительно университета. Въ другихъ государь самъ бралъ на себя обязанности канцлера, то-есть, утверждалъ въ степеняхъ, и его

мѣсто заступалъ проканцлеръ. Случалось также, что канцлерство поручалось юристу, или что эта должность обращалась въ простую формальность: для каждаго диспута выбирался канцлеръ изъ среды профессоровъ. Въ настоящее время эта должность почти нигдѣ не существуетъ.

Университетъ управлялся ректоромъ сообща съ совѣтомъ, который назывался сенатомъ и состоялъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Въ менѣе важныхъ дѣлахъ ректоръ совѣщался только съ деканами.

Правительственный надзоръ поручался куратору или особеннымъ коммиссарамъ, но кромѣ того, отъ времени до времени, снаряжались ревизіонныя коммиссіи, протоколы которыхъ составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи университетовъ и просвѣщенія въ Германіи.

Никогда, можетъ-быть, духъ регламентаціи не проникалъ такъ далеко во всѣ сферы жизни, какъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Съ князьями и государями того времени, стремившимися къ самовластію, соперничали правительства вольныхъ городовъ. Достаточно вспомнить безчисленные законы противъ роскоши, которые съ самыми мелочными подробностями опредѣляли костюмъ каждаго сословія, число аршиновъ каждой матеріи, нужной для платья, число гостей, которыхъ каждый, смотря по своему сану, имѣлъ право приглашать, число кушаній за его столомъ, количество серебра, которое позволялось держать въ домѣ.

И профессора въ своемъ частномъ быту были подвержены тѣмъ же стѣсненіямъ. Въ Виттенбергѣ въ 1562 году профессорамъ запрещается приглашать на свадьбу болѣе 120 гостей. „Полицейскій уставъ“ курфирста Саксонскаго Георга I, въ 1661 году, опредѣляетъ костюмъ профессоровъ, ихъ женъ и дочерей, и даже цѣнность матерій, въ которыя они могутъ одѣваться. Въ томъ же году совѣтъ Тюбингенскаго университета запрещаетъ своимъ членамъ носить шитье и шелкъ, а женамъ ихъ, подъ штрафомъ 10 талеровъ, запрещаетъ носить дворянское платье. Но еще болѣе страннымъ покажется то, что регламентацію распространяли даже на ученую дѣятельность профессоровъ и старались замѣнить ею чувство чести и совѣсть. Профессорамъ запрещалось особыми указами читать на лекціи чужія сочиненія (въ Тюбингенѣ еще въ 1744 году); имъ предписывалось *не срамить университета плохими сочиненіями.* Съ нихъ взыскивался денежный штрафъ за пропущенныя лекціи. Въ Гиссенѣ для этой цѣли была заведена особая штрафная книга, а въ

другихъ университетахъ назначались особенные стипендіаты, которые должны были записывать всѣ лекціи профессора и отмѣчать день и часъ чтенія. По окончаніи семестра, эти тетради отсылались на разсмотрѣніе правительства. Но какъ всякая регламентація, и эти мѣры пріучали только къ мелочности и педантизму, и въ сущности ни къ чему не вели. Постоянно приходится напоминать университетамъ, чтобъ они держали штрафную книгу, чтобы профессора составляли программы своихъ лекцій и отсылали ихъ на разсмотрѣніе правительства, чтобы факультеты вели журналъ — acta facultatis. Но когда приходилось представлять этотъ журналъ, то оказывалось, что часть дѣлъ находилась у такого-то профессора, который теперь умеръ, или что архивъ университета находится въ сыромъ мѣстѣ, и вслѣдствіе этого все покрылось плесенью. Ревизіонныя коммиссіи также оставались безъ результатовъ, и ревизорамъ часто приходилось повторять пословицу:

Wenn wir kommen über's Jahr,
So finden wir es, wie es war.

Права университета, какъ корпораціи, были очень обширны. Всѣ члены его, профессора и студенты, семейства профессоровъ и всѣ лица, зависящія отъ него, университетскіе типографы, переплетчики, аптекаря и прочіе, подлежали университетскому суду. Этому суду подлежали не только проступки, но и гражданскія, а въ большей части нѣмецкихъ университетовъ, также и уголовныя дѣла. Даже супружескія отношенія и семейныя ссоры профессоровъ подлежали разбирательству совѣта, и архивъ Тюбингенскаго университета за XVI вѣкъ наполненъ такими дѣлами. Компетентность университетскаго суда всего болѣе стѣснялась и оспаривалась въ вольныхъ городахъ, магистраты которыхъ съ ревностью заботились о поддержаніи своего собственнаго авторитета. Профессорамъ было предоставлено право управлять университетскимъ имуществомъ и избирать членовъ университета. Обыкновенно они должны были представлять нѣсколько кандидатовъ на должность, изъ которыхъ правительство назначало одного. Но часто правительство назначало профессоровъ и помимо кандидатовъ, представленныхъ университетомъ. Это было очень естественно въ маленькихъ государствахъ, гдѣ университетъ занималъ весьма видное мѣсто, и гдѣ университетскимъ дѣламъ придавали значеніе государственныхъ вопросовъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что эти стѣсненія не имѣли политическаго характера. Правительствамъ въ то время, когда общество было лишено всякой политической жизни, нечего было опасаться оппо-

зиціи со стороны университетовъ, а наука носила еще совершенно религіозный характеръ, такъ что рѣдко возникали вопросы о свободѣ преподаванія. На избраніе профессоровъ всего болѣе имѣли вліяніе богословскіе интересы, такъ какъ каждый университетъ принадлежалъ къ какой-нибудь богословской партіи: къ строго-лютеранской, то-есть, къ послѣдователямъ „формулы согласія", напримѣръ, Лейпцигъ и Виттенбергъ, къ піэтистамъ—Галле, или къ умѣренной лютеранской, не признававшей формулы—Альторфъ, къ партіи примиренія и сліянія лютеранъ и реформатовъ—Гельмштедтъ, къ реформатамъ—Марбургъ, и проч. Оттого въ нѣкоторыхъ университетахъ избраніе профессоровъ зависѣло отъ консисторіи. Въ Лейпцигѣ, напримѣръ, придворный проповѣдникъ входилъ въ соглашеніе съ важнѣйшими членами факультета. Только въ университетахъ нѣмецкой Швейцаріи профессора, на подобіе французскихъ, избирались по конкурсу.

Профессора были освобождены отъ налоговъ, поборовъ, акциза и постоя. Иногда университетамъ или отдѣльнымъ профессорамъ предоставлялось право заводить аптеки, вести торговлю и даже производить распивочную продажу пива и вина. Это не удивительно, ибо въ то время право распивочной продажи составляло нерѣдко часть жалованья чиновниковъ. Но въ XVIII вѣкѣ, при усиленіи бюрократіи и централизаціи, эти привилегіи мало по малу уничтожались и замѣнялись денежнымъ вознагражденіемъ отъ казны.

Университетамъ было предоставлено право собственной цензуры, которая большею частію была предоставлена деканамъ. Но постоянная богословская полемика, которая раздражала партіи и имѣла также политическое вліяніе, заставляла правительства иногда стѣснять университетскую цензуру и подчинять ее контролю консисторій.

Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сохранилось земство (Landstände), университеты пользовались по прежнему политическими правами. Они высылали въ земство своихъ депутатовъ, которые засѣдали за прелатами, то-есть, представителями духовенства, и передъ представителями дворянства. Но по свойству времени и устройству общества, профессора, при всей свободѣ, подвергались иногда страннымъ стѣсненіямъ. Имъ иногда насильно навязывали профессуру или временное занятіе ея; особенно часто случалось это съ пасторами. Еще хуже было то, что правительство иногда насильно задерживало хорошихъ профессоровъ, не позволяя имъ принимать приглашенія въ другіе университеты на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Правда, переходъ изъ одного университета въ другой обыкновенно влекъ за собой перемѣну подданства.

Весьма характеристичны для своего времени тѣ случаи, когда одно правительство отпускало другому *взаймы* на извѣстный срокъ особенно знаменитаго преподавателя.

Профессора раздѣлялись на ординарныхъ и экстраординарныхъ; послѣдніе были дѣйствительно экстраординарными, то-есть, *сверхштатными;* они часто не получали никакого жалованья или получали его изъ частныхъ средствъ государя, и въ такомъ случаѣ назначеніе ихъ зависѣло отъ него. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ университетахъ они не были членами совѣта. У ординарныхъ профессоровъ были адъюнкты, помощники, которые въ извѣстныхъ случаяхъ заступали ихъ мѣсто. На богословскомъ факультетѣ въ Кенигсбергѣ адъюнкты избирались изъ экстраординарныхъ. Ихъ положеніе было не вездѣ одинаково; большею частью они были членами факультета, и изъ ихъ среды по очереди съ профессорами избирался деканъ. Это было отголоскомъ средневѣковаго устройства университетовъ, когда членами факультетовъ были не только профессора, читавшіе лекціи и получавшіе жалованье, но всѣ доктора того же факультета или по крайней мѣрѣ извѣстное число ихъ; послѣдніе пользовались особыми правами и назывались assessores. Этотъ обычай теперь еще въ извѣстномъ смыслѣ сохранился въ англійскихъ университетахъ. Въ Лейпцигѣ при юридическомъ факультетѣ, во время Лейбница, было 12 ассессоровъ, которые избирались по старшинству изъ всѣхъ получившихъ въ Лейпцигѣ степень doctor juris. Въ нѣкоторыхъ университетахъ адъюнкты получали жалованье отъ университета, часть дохода отъ экзаменовъ и прочихъ доходовъ факультетскихъ, въ другихъ же только плату отъ слушателей.

Число ординарныхъ профессоровъ было очень не велико. Толукъ насчитываетъ ихъ среднимъ числомъ 17 для всѣхъ четырехъ факультетовъ, собственно для 6, такъ какъ философскій факультетъ заключалъ въ себѣ филологическій, математическій и отдѣленіе естественныхъ наукъ. Въ голландскихъ университетахъ на каждомъ факультетѣ было только 3 ординарныхъ профессора, въ Гейдельбергѣ, Базелѣ и проч. только два. Но мѣста эти часто оставались не замѣщенными, или по недостатку денежныхъ средствъ, или по недостатку людей. Въ 1665 году Кортгольтъ пишетъ изъ Киля, что онъ одинъ читаетъ на своемъ факультетѣ; такой же случай былъ въ Страсбургѣ въ 1621 году; во Франкфуртѣ одинъ профессоръ въ теченіе 6-ти лѣтъ былъ единственнымъ представителемъ своего факультета.

Этотъ недостатокъ былъ не такъ чувствителенъ, вслѣдствіе многочисленности и близкаго разстоянія университетовъ, и вслѣдствіе того,

что профессора читали мало публичныхъ лекцій, и слушаніе ихъ для студента не было главнымъ занятіемъ. Онъ восполнялся кромѣ того возможностью, при тогдашнемъ состояніи науки, читать лекціи по нѣсколькимъ предметамъ, и наконецъ, огромнымъ числомъ приватъ-доцентовъ или такъ-называемыхъ magistri legentes.

Въ средневѣковыхъ университетахъ не было рѣзкаго различія между учащими и учащимися. Студенты оставались въ университетѣ 10 лѣтъ и болѣе и проходили чрезъ цѣлый рядъ ученыхъ степеней. Они въ это время и учились, и учили. Съ полученіемъ степени магистра философіи, они пріобрѣтали право открыть самостоятельный курсъ, и этимъ правомъ пользовались очень многіе. Въ Парижѣ бывало до 200 магистровъ, читавшихъ лекціи[1]). Лекціонный каталогъ маленькаго Роштокскаго университета въ 1520 году не уступалъ числомъ курсовъ теперешнему Берлинскому. Этотъ обычай продолжался до конца XVII вѣка. Придворный проповѣдникъ Саксонскаго курфирста, Гое, говоритъ въ своей автобіографіи, что въ 1601 году онъ сдѣлался магистромъ и открылъ курсъ. Хотя это стоило ему не мало труда, онъ однако въ это время слушалъ ежедневно 4 богословскія лекціи и въ недѣлю 3 проповѣди. Кромѣ того онъ присутствовалъ на нѣсколькихъ стахъ диспутахъ, самъ диспутировалъ на всѣхъ факультетахъ и президировалъ 65 разъ, при чемъ у него бывало до 200 слушателей.

Знаменитый Гельмштедтскій богословъ Каликстъ 18-ти лѣтъ пріобрѣтаетъ степень магистра философіи и открываетъ частный курсъ, на которомъ онъ руководитъ философскими диспутами. Послѣ четырехлѣтнихъ занятій философіей, онъ переходитъ къ богословію, и по прошествіи двухъ лѣтъ, открываетъ богословскій курсъ, въ которомъ онъ диктуетъ положенія и потомъ руководитъ диспутомъ.

Но даже студенты, не получившіе еще степени магистра (studens simplex), открываютъ курсы и руководятъ диспутами; для этого они должны испросить разрѣшеніе ректора, которому они представляютъ свои тетради. Такіе курсы читались студентами особенно во время каникулъ.

Но число приватъ-доцентовъ уменьшается значительно къ концу XVII вѣка. Причиною этого отчасти было то, что количество частныхъ курсовъ (privat-collegia), читаемыхъ профессорами, постоянно возрастаетъ. Профессора получали жалованье только за публичныя лекціи.

[1]) *Thurot* говоритъ въ своей исторіи Парижскаго университета: L'enseignement était plutôt un stage qu'une profession. Le professeur étudiait; il n'entrait dans l'université, que pour acquérir des bénéfices; il ne se proposait pas d'y rester.

Но такъ какъ жалованье остается то же, цѣна деньгамъ постоянно падаетъ, то мало по малу главный доходъ профессоровъ начинаютъ составлять частные курсы ихъ, гонорарій которыхъ можно было увеличивать сообразно съ цѣною денегъ. Оттого публичныя лекціи становятся все рѣже и утрачиваютъ всякое значеніе, и ихъ мѣсто заступаютъ privat-collegia, читаемые уже въ университетѣ. Но приватъ-доценты сбивали цѣну гонораріа. Профессора жалуются, что они преподаютъ по дурной методѣ и за нѣсколько грошей прочитываютъ въ 8 недѣль курсъ, на который нужно употребить цѣлый семестръ.

Главная же причина заключалась въ коренномъ измѣненіи университетскаго преподаванія. Наука специализируется, студенты прямо приступаютъ къ изученію спеціальнаго факультета, они не долго остаются въ университетѣ. Диспуты выходятъ изъ употребленія; прежнее формальное образованіе, которое давало возможность способному юношѣ въ 16 лѣтъ быть учителемъ своихъ сверстниковъ и руководителемъ диспутовъ, замѣняется спеціальнымъ. Требуется большій запасъ свѣдѣній, болѣе продолжительный трудъ, и это дѣлаетъ невозможнымъ раннее преподаваніе. Разстояніе между ученымъ и учащимся (studens) становится рѣзче, промежуточныя степени магистра философіи, баккалавра и проч. исчезаютъ, и къ концу XVIII вѣка въ приватъ-доценты идутъ только молодые люди, которые посвятили себя спеціальной наукѣ и выжидаютъ штатнаго мѣста.

При своихъ условіяхъ прежній порядокъ имѣлъ хорошую сторону. Тѣсная связь между учащими и учащимися имѣла благодѣтельное вліяніе на обѣ стороны и увеличивала въ послѣднихъ уваженіе и интересъ къ наукѣ. Количество и разнообразіе курсовъ могло удовлетворять самымъ разнообразнымъ потребностямъ. Раннее преподаваніе развивало въ молодыхъ людяхъ самодѣятельность и самостоятельность и противодѣйствовало механическому труду; успѣхъ и репутація ободряли ихъ и увлекали менѣе ревностныхъ. Университетъ кипѣлъ жизнью и представлялъ настоящую universitas studiosorum.

Титулы и чины, которые въ настоящее время такъ прельщаютъ ученое сословіе въ Германіи, суть изобрѣтеніе позднѣйшаго времени, когда монархическій элементъ, опираясь на бюрократію, окончательно побѣдилъ средневѣковой порядокъ. Но и въ средніе вѣка страсть къ отличіямъ и чинопочитанію находила себѣ достаточную пищу въ ученыхъ степеняхъ и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ факультетовъ. Богословскій факультетъ—beatissimum studium—пользовался самымъ почетнымъ положеніемъ; за нимъ слѣдовалъ юридическій, ибо доктор-

ская степень этого факультета давала дворянство, и до Вестфальскаго мира государи брали изъ юристовъ-докторовъ своихъ канцлеровъ и совѣтниковъ; въ XVII же вѣкѣ дворянство, которое прежде было исключительно военнымъ сословіемъ, вытѣснило юристовъ изъ высшихъ должностей гражданской службы. За юристами слѣдовали медики, а послѣднюю степень занималъ философскій факультетъ, такъ какъ онъ въ то время преимущественно имѣлъ значеніе приготовительнаго факультета. Это „мѣстничество" факультетовъ имѣло въ то время практическое значеніе, такъ какъ отъ него зависѣло положеніе въ обществѣ, и оно было очень ощутительно, потому что корпоративная жизнь университета была тогда гораздо развитѣе, и безпрерывныя процессіи, диспуты, празднества постоянно напоминали о немъ. Не только профессора считались между собою, но и доктора всѣхъ факультетовъ, принимавшіе въ то время дѣятельное участіе въ университетской жизни, постоянно спорили съ профессорами низшихъ факультетовъ. Въ Роштокѣ, напримѣръ, въ 1601 году „доктора правъ" требуютъ, чтобы въ публичныхъ процессіяхъ они имѣли преимущество передъ профессорами медицинскаго и философскаго факультетовъ, и споръ рѣшается въ ихъ пользу, съ тѣмъ однако чтобы въ самомъ университетѣ преимущество и первое мѣсто оставалось за профессорами. Такой же споръ возникалъ нѣсколько разъ въ Іенѣ. Доктора юридическихъ наукъ ссылаются на то, что у нихъ гербы какъ у благородныхъ и тѣ же привилегіи. Они заявляютъ, что тѣ изъ нихъ, которые не читаютъ въ университетѣ, равноправны съ профессорами, ибо докторская шляпа даетъ jus docendi, а это право распространяется также на лиценціатовъ и баккалавровъ. Философскій факультетъ возражаетъ, что и всѣ магистры философіи имѣютъ право читать лекціи, а также носить золотыя кольца, цѣпи и дворянское платье. Притомъ никто еще не оспаривалъ у профессоровъ философскаго факультета права носить шпагу. Юристы въ свою очередь возражаютъ, что въ Страсбургѣ, по праздникамъ, всѣ горожане обязаны носить оружіе и все-таки же они не nobiles. Іенскій университетъ, наконецъ, дѣлаетъ запросъ у университетовъ Гиссенскаго, Виттенбергскаго, Альторфскаго, Тюбингенскаго, и получаетъ въ отвѣтъ, что тамъ профессора имѣютъ преимущество предъ докторами. Тогда послѣдовало такое рѣшеніе, что только деканы низшихъ факультетовъ должны имѣть преимущество передъ докторами не читающими, остальные же члены должны уступать имъ первенство. Еще въ XVIII вѣкѣ приходится опредѣлять порядокъ, въ которомъ должны слѣдовать другъ за другомъ, напри-

мѣръ, на похоронахъ или свадьбахъ, представители различныхъ степеней и факультетовъ.

Что касается до доходовъ, которые получали профессора, то они находятся въ тѣсной связи съ ихъ занятіями, и мы поэтому будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ.

Главною обязанностью профессоровъ было читать публичныя или даровыя лекціи, за которыя они получали жалованье. Эти лекціи были не обременительны: ординарный былъ обязанъ читать 4 лекціи въ недѣлю, экстраординарный двѣ, но на самомъ дѣлѣ они читали обыкновенно еще менѣе. Но за то время профессоровъ поглощалось *приватными* курсами, за которые они получали гонораріи съ слушателей. Большею частью каждый профессоръ читалъ два курса, по 4 часа въ недѣлю. Но многіе, какъ и теперь, далеко переходили за это число. Озіандеръ въ Тюбингенѣ, напримѣръ, читалъ ежедневно 5 лекцій. Голландскій богословъ Воецій, извѣстный своею враждой съ Картезіанцами, ежедневно читалъ 8 лекцій. Гебенштрейтъ въ Іенѣ читалъ въ 1696 году ежедневно отъ 6-ти до 11-ти утра «in una serie» при большомъ стеченіи слушателей, а послѣ обѣда отъ 3—6. О Лёшерѣ разказываютъ, что онъ будто бы читалъ 13 лекцій ежедневно. Кромѣ лекцій нужно еще брать въ разчетъ диспуты, которыхъ приходилось на каждаго профессора отъ 2—6 въ недѣлю. Не мало времени профессора убивали на засѣданія факультетовъ и совѣта, на которыя нужно было являться непремѣнно и по звонку. Сюда же можно отнести экзамены на степени и промоціи. Все это составляло обыкновенныя занятія; но къ нимъ присоединялись еще экстренные случаи, отнимавшіе также очень много времени: избраніе ректора, дни рожденія и другіе торжественные случаи въ княжеской семьѣ, похороны профессоровъ и ихъ женъ — ибо во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно было произносить рѣчи, писать вирши (carmina), и проч. Все это усложнялось иногда занятіями по должности декана или ректора, которыя, при существованіи очереди и краткихъ сроковъ, приходилось довольно часто занимать.

При всемъ этомъ, профессора богословія были часто членами консисторій или занимали должности пасторовъ, юристы были членами коллегій, медики имѣли свою практику. На профессоровъ часто налагали обязанность наблюдать за гимназіями и школами, производить ревизіи (Visitationen), что впрочемъ обыкновенно выпадало на долю богослововъ. Университетамъ постоянно дѣлали запросы правительство, другіе университеты и частныя лица. Юридическіе факультеты должны были

давать свое „мнѣніе“ (Gutachten) въ сложныхъ юридическихъ вопросахъ, а въ вольныхъ городахъ они часто составляли высшую инстанцію.

Къ тому же нужно еще принять въ разчетъ формализмъ общественной жизни въ ту эпоху. Всѣ эти семейныя празднества и публичныя процессіи тянулись безконечно. Одна проповѣдь продолжалась отъ 2—4 часовъ. По самому обыкновенному поводу нужно было написать обстоятельное письмо, поднести поздравленіе или высказать сожалѣніе. Этикетъ университетскій также игралъ не малую роль. Всякій проѣзжій магистръ считалъ долгомъ *явиться* къ знаменитому профессору и завязать съ нимъ ученый разговоръ. Съ удивленіемъ узнаемъ мы изъ записокъ путешественниковъ, какъ доступны и болтливы были ученые того времени, если сравнить ихъ съ современными учеными Германіи [1]). Къ тому же въ XVII вѣкѣ ученые отличались замѣчательнымъ гостепріимствомъ; обычай требовалъ, чтобъ они угощали знатныхъ и ученыхъ гостей своихъ, и даже университетскіе уставы выставляютъ это какъ обязанность профессоровъ. Praecipua humanitatis pars est, гласятъ Грейфсвальдскіе статуты, liberalem et benignum declarare animum erga hospites. Ни одна промоція не обходилась безъ такъ-называемой Аристотелевой пирушки—prandia Aristotelica, и въ Іенѣ такихъ пирушекъ насчитывали до сотни въ теченіе года. Къ этимъ офиціальнымъ пирушкамъ присоединялись еще дружескія пирушки между товарищами.

Виттенбергскій рескриптъ 1668 года запрещаетъ профессорамъ устраивать convivium по случаю полученія жалованья, „чтобы не стѣснять еще болѣе безъ того уже истощенную казну“. Несмотря на все это, продуктивность многихъ ученыхъ того времени изумительна и превосходитъ иногда всякое вѣроятіе. Гергардъ,—который читалъ ежедневно отъ 3—4 часовъ, предсѣдательствовалъ безпрестанно на диспутахъ, напечаталъ около 100 диспутовъ и безчисленныя „мнѣнія“, былъ членомъ консисторіи и 4 раза ректоромъ, принималъ дѣятельное участіе въ 6 богословскихъ синодахъ и въ различныхъ дипломатическихъ посольствахъ, состоялъ въ перепискѣ съ 30 княжескими семьями въ качествѣ совѣтника по самымъ разнообразнымъ дѣламъ, часто проповѣдывалъ дома и во время своихъ постоянныхъ путешествій,—этотъ Гергардъ нашелъ время написать догматическое сочиненіе необыкновенной учености въ 23 томахъ in quarto, 3 фоліанта, нѣсколько

---

[1]) Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи отрывки изъ записокъ г. Штолле относящихся къ началу XVIII вѣка и напечатанныхъ Гурауеромъ въ Истор. Журн. Шмидта. Т. VII. 1847.

другихъ сочиненій меньшаго размѣра и 34 сочиненія, напечатанныя послѣ его смерти. Не менѣе прославился своею продуктивностью Лейпцигскій богословъ Каловъ, одна догматика котораго состоитъ изъ 12-ти томовъ in quarto.

Такая изумительная дѣятельность, конечно, должна была выкупаться большими жертвами. Многимъ, вѣроятно, приходилось, подобно Любекскому ректору Штольтерфоту, садиться за работу въ 3 часа утра, и подобно Гергарду, жаловаться на постоянно слабое здоровье; многимъ, вѣроятно, пришлось испытать malum hypochondriacum, хорошо извѣстное въ то время, и другія болѣзни, которыя составляютъ привилегію ученаго сословія.

Одною характеристическою особенностью отличалась жизнь тогдашнихъ ученыхъ отъ современныхъ: это — отсутствіемъ специализаціи. Студентами они часто слушали лекціи по разнымъ или даже всѣмъ факультетамъ, учеными они читали лекціи по самымъ разнообразнымъ наукамъ. До реформаціи, на философскомъ факультетѣ былъ обычай чередоваться въ предметахъ; такимъ образомъ каждый профессоръ по очереди читалъ всѣ предметы — логику, этику, философію, математику, физику, астрономію, и проч. Послѣ реформаціи, тѣсная связь между предметами философскаго факультета сохранилась; молодые люди готовились по всѣмъ предметамъ, чтобы занять первую открывшуюся каѳедру на этомъ факультетѣ. Часто философскій факультетъ служилъ ступенью для другихъ, болѣе выгодныхъ факультетовъ. Такъ, Рунгіусъ былъ профессоромъ піитики, потомъ профессоромъ богословія и еврейскаго языка. Современникъ и другъ Лейбница, полигисторъ Конрингъ, докторъ философіи и медицины, проситъ въ 1633 году совѣтъ Гельмштедтскаго университета, „такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ прилежно читалъ на философскомъ факультетѣ, а теперь открылась вакансія на медицинскомъ“, позволить ему занять это мѣсто. Особенно способные не ограничивались предѣлами одного факультета. По смерти Меланхтона въ 1560 году, профессора были въ большомъ затрудненіи, какъ замѣнить его, и рѣшились раздѣлить между собой его занятія. Докторъ медицины Ортель взялъ на себя діалектику, греческій языкъ и объясненіе „Дѣяній Апостоловъ“, Винценцій — этику, докторъ медицины Пейцеръ — всеобщую исторію. Въ Роштокѣ въ это самое время одинъ профессоръ медицины и математики читаетъ также еврейскій языкъ. Тильманъ, профессоръ исторіи въ Виттенбергѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и главный представитель юридической науки. Кумуляція мѣстъ на одномъ и томъ же факультетѣ встрѣчается еще чаще.

Такое явленіе было возможно только при маломъ развитіи науки и при отсутствіи спеціальныхъ занятій. Оно имѣло свои хорошія стороны особенно для людей, выходившихъ изъ ряду вонъ. При такихъ условіяхъ становилась возможна многосторонность, которая насъ удивляетъ въ Лейбницѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ его современникахъ. Но вообще этотъ обычай поддерживалъ дилетантизмъ и мѣшалъ серіозному и спеціальному изученію наукъ. Онъ исчезъ, когда началось самостоятельное развитіе отдѣльныхъ наукъ, и въ нашемъ вѣкѣ попытки геніальныхъ людей обнять, подобно Лейбницу, необозримое поле человѣческихъ познаній не увѣнчались прежнимъ успѣхомъ.

Также разнообразны, какъ занятія профессоровъ, были и ихъ доходы. Поэтому трудно ихъ подвести подъ общій итогъ и высказаться опредѣленно о положеніи профессоровъ. Можно только сказать, что положеніе ихъ было весьма различно не только въ разныхъ территоріяхъ Нѣмецкой имперіи, но и въ одномъ и томъ же университетѣ, ибо доходы ихъ были распредѣлены чрезвычайно неравномѣрно, еще болѣе неравномѣрно, чѣмъ въ настоящее время. Поэтому если положеніе однихъ, особенно на философскомъ факультетѣ, было бѣдственное, положеніе ихъ товарищей въ томъ же университетѣ было иногда самое блестящее. Вообще же можно сказать, что доходы ихъ были довольно значительны сравнительно съ доходами чиновниковъ и людей средняго сословія, особенно въ маленькихъ городахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, поговорка въ Гиссенѣ: „онъ можетъ жить какъ профессоръ“.

Въ числѣ этихъ доходовъ казенное жалованье не всегда составляло главную статью. Въ древнѣйшихъ университетахъ профессора большею частью были обезпечены доходами съ каноникатовъ, приходовъ и прочихъ мѣстъ, занимаемыхъ ими. Въ Парижѣ частная благотворительность учредила до 50 коллегій, въ которыхъ всякій, кто имѣлъ ученую степень, получалъ въ концѣ недѣли *бурсу* (bursa—мѣшокъ съ деньгами, откуда нѣмецкое Börse и русское *биржа*), обезпечивавшую его содержаніе. Это устройство перешло также къ нѣмецкимъ университетамъ и сохранилось особенно долго въ Лейпцигѣ, гдѣ многіе магистры философіи еще въ XVII вѣкѣ получали содержаніе отъ университета, вслѣдствіе чего число искавшихъ эту степень въ Лейпцигѣ было значительнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, и между ними было много дворянъ.

Послѣ реформаціи профессора начинаютъ получать опредѣленное жалованье съ обязательствомъ читать даровыя лекціи. Около 1550 года

профессора богословскаго факультета получаютъ среднимъ числомъ 200 гульденовъ въ годъ (Goldgulden). Къ концу столѣтія эта сумма увеличивается до 400, въ 1622 году Мейснеръ въ Виттенбергѣ получаетъ 500. Въ Гельмштедтѣ Каликстъ въ 1637 году, какъ профессоровъ primarius, получаетъ 500 талеровъ, второй профессоръ — 400, третій и четвертый — по 300. Но по смерти Каликста преемникъ его получаетъ только 350. Въ Виттенбергѣ жалованье гораздо меньше; еще въ началѣ XVIII вѣка жалованье профессора богословскаго факультета доходитъ тамъ только до 315 талеровъ, тогда какъ въ Страсбургѣ оно составляетъ уже въ 1622 году 1.500 гульденовъ. Эти суммы были незначительны въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ получали пасторы, суперъинтенденты и ректоры гимназій (изъ богослововъ), особенно въ вольныхъ городахъ. Въ Гамбургѣ ректоръ въ 1680 году получалъ около 2.000 талеровъ. Оттого профессора съ удовольствіемъ мѣняютъ свои профессуры на такія мѣста.

Положеніе профессоровъ философскаго факультета было гораздо хуже, ибо у нихъ не только было мало постороннихъ доходовъ, но и содержаніе ихъ было гораздо скуднѣе. Въ то время, когда профессоръ богословія получалъ въ Виттенбергѣ (въ 1589 году) 410 гульд., профессоръ піитики (poetices) получалъ только 180 гульденовъ, а въ 1728 году философскій факультетъ жалуется, что его члены, считая всѣ доходы, получаютъ только до 250 тал., на что̀ невозможно содержать семью и прислугу.

При этомъ нужно принять въ соображеніе, что вслѣдствіе произвола тогдашней администраціи жалованье выплачивалось чрезвычайно неакуратно, и профессорамъ того времени нельзя ставить въ вину то, что они устраивали convivium по случаю полученія жалованья. Особенно бѣдственно было ихъ положеніе во время войны. Гергардъ жалуется въ 1630 году, что профессора уже 4 года ждутъ жалованья. Канцлеръ Тюбингенскаго университета живетъ подарками Страсбургскаго магистрата. Къ этому присоединяется еще безцеремонность, съ которою тогдашнія правительства ухудшали качество своей монеты. Измѣненія въ монетной системѣ и пониженіе курса были безпрерывны. Во время Тридцатилѣтней войны это пониженіе доходило до невѣроятныхъ предѣловъ. Въ началѣ этой войны Веймарскій гульденъ палъ до такой степени, что на одинъ талеръ шло 30 гульденовъ.

Недостаточность жалованья и желаніе правительства перенести на слушателей часть издержекъ на содержаніе профессоровъ было причиной того, что публичныя лекціи мало по малу вытѣснялись част-

ными курсами профессоровъ, за которые они брали гонораріи съ слушателей. Гонораріи, впрочемъ, древнѣе чѣмъ казенное жалованье профессоровъ. Въ Болоньѣ профессора получали приглашеніе отъ слушателей читать лекціи за извѣстное вознагражденіе, которое распредѣлялось между участниками. Желая поддержать стеченіе молодежи, городъ взялъ на себя часть издержекъ и сталъ платить жалованье профессорамъ. Но гонораріи сохранился. Вслѣдствіе преобразованія университетовъ въ Германіи послѣ реформаціи и увеличенія жалованья профессорамъ, даровые курсы выступаютъ на первый планъ. Профессора обязываются читать такимъ образомъ, чтобы дать возможность пройдти весь факультетскій курсъ съ помощью однихъ публичныхъ лекцій. Но вскорѣ профессора начинаютъ небрежно читать эти курсы, и уже въ началѣ XVII вѣка сами студенты смѣются (какъ и теперь) надъ товарищами, которые ходятъ прилежно на даровые курсы. Правда, нѣкоторые профессора считаютъ своею обязанностью и долгомъ чести читать gratis. Шуппе въ Марбургѣ, напримѣръ, говоритъ, что онъ въ теченіе 10 лѣтъ читалъ „почти“ все даромъ.

Гонораріи былъ очень различенъ: таксы для него не существовало, какъ теперь. Иногда профессоръ назначалъ самъ опредѣленную плату, которую долженъ былъ вносить каждый слушатель. За курсъ пандектовъ въ Гельмштедтѣ брали въ 1656 г. 4 тал.; другіе брали 2 тал. и меньше. Принимая въ соображеніе тогдашнюю цѣнность денегъ, можно сказать, что гонораріи въ Германіи не измѣнился; въ настоящее время въ прусскихъ университетахъ за каждый курсъ платится золотой, а за медицинскіе курсы иногда вдвое, и дороже.

Но древній обычай назначать за курсы опредѣленную сумму, распредѣляемую между слушателями, также сохранился. Въ этихъ случаяхъ за нѣкоторые курсы приходилось платить очень дорого. Профессоръ философіи Гебенштрейтъ взялъ за полуторагодичный курсъ, по два часа въ день, съ 18 слушателей 200 тал. Профессоръ еврейскаго языка Данцъ объявилъ въ коммиссіи, что за курсъ, который долженъ былъ продолжаться $2^1/_2$ года, 2 слушателя предлагали ему 200 тал. Это было не много сравнительно съ тѣмъ, что̀ получали юристы. Если въ настоящее время медики въ Германіи наживаются гонораріями, то въ XVII вѣкѣ это дѣлали юристы. Линкеръ въ Іенѣ бралъ за каждый курсъ (вѣроятно, полугодичный) по 1.200 тал., такъ что на каждаго слушателя иногда приходилось по 100 талеровъ.

Но такъ какъ слушатели вносили въ то время деньги по окон-

чаніи курса, то гонорарій часто пропадалъ, и вслѣдствіе этого нѣкоторые профессора совершенно отказываются отъ частныхъ курсовъ.

Третью статью доходовъ составляли пошлины съ экзаменовъ, диспутовъ и промоцій. Онѣ были очень высоки. Докторъ богословія платилъ факультету за экзаменъ 50 талеровъ, за tentamen 22½, за examen rigorosum 22½, предсѣдателю диспута 10 тал. и пр. Такія промоціи происходили довольно часто. Одинъ Эрфуртскій профессоръ пишетъ въ 1635 г., что у нихъ въ послѣднее время получили докторскую степень 3 богослова, 2 юриста и 3 медика. За упражненія студентовъ въ диспутахъ профессора также получали особую плату по 2 талера или по золотому, иногда съ диспутантовъ, иногда съ казны.

Кромѣ того нужно принять въ разчетъ плату и подарки за „мнѣнія“ факультетовъ или отдѣльныхъ профессоровъ. Особенно высоко оплачивались *мнѣнія* юридическаго факультета. Въ Болоньѣ они стоили не менѣе 100 дукатовъ. Богословскій факультетъ въ Виттенбергѣ получаетъ отъ Данцига 4 дуката, отъ Гамбурга 50 тал. Половина этой суммы идетъ декану. Подарки не всегда заключались въ деньгахъ: иногда они состояли въ съѣстныхъ припасахъ и тогда бывали не особенно цѣнны. Графъ Мансфельдъ присылаетъ Гергарду трехъ зайцевъ. Графъ Шварцбургскій, за одну проповѣдь Гергарда, которая ему очень понравилась, присылаетъ ему золотой (Rosenobel), зайца и четверть оленя. Иногда, впрочемъ, эти подарки были довольно значительны. Такъ, напримѣръ, Каловъ получаетъ отъ курфирста въ подарокъ карету съ лошадьми.

Странный по понятіямъ нашего времени доходъ доставляли „посвященія“, безъ которыхъ не выходила въ свѣтъ почти ни одна книга и за которыя авторы получали цѣнные подарки. Не многіе отказывались отъ нихъ. Гергардъ посвящаетъ каждый томъ своего многотомнаго сочиненія особо тому или другому лицу; точно также и Каловъ — томы своей догматики. Первый томъ Гергардъ посвятилъ Оксенштіернѣ и получилъ за него 50 червонцевъ; пятый онъ посвятилъ Ганзейскимъ городамъ. Магдебургъ присылаетъ ему 10 гульденовъ золотомъ, Люнебургъ 16, Гамбургъ 3 розенобеля съ замѣчаніемъ, что Гергардъ, вѣроятно, по ошибкѣ поставилъ Магдебургъ передъ Гамбургомъ. Лейпцигъ въ другой разъ присылаетъ вызолоченный кубокъ. Каликстъ за сочиненіе, посвященное герцогу Фридриху Ульриху, получилъ 100 талеровъ; Хитреусъ отъ короля Шведскаго 300 тал.; датскій профессоръ Якобеусъ отъ курфирста Бранденбургскаго 100 червонцевъ, и т. д.

За то литературная дѣятельность не только рѣдко приносила до-

ходъ, но иногда была сопряжена съ издержками. Книжная торговля была еще не такъ организована, какъ въ настоящее время въ Германіи. Трудно было найдти издателя. Авторъ обыкновенно платилъ издателю извѣстную сумму съ листа и получалъ въ замѣнъ часть изданія, которую онъ самъ долженъ былъ распродать. Знаменитости, конечно, составляли исключеніе. Каловъ требуетъ за второе изданіе своей догматики (12 т. in 4°) 200 талеровъ гонорарія.

Не слѣдуетъ также забывать пансіонеровъ, число которыхъ доходило у богослововъ отъ 10—20. Такъ какъ профессора не платили акциза и пошлинъ, то содержаніе пансіонеровъ было для нихъ довольно выгодно. Цѣнность денегъ можно опредѣлить по тому, что за столъ въ 1630 г. пансіонеры платили по талеру въ недѣлю, и за квартиру около 8 тал. въ семестръ. Нужно считать при этомъ также подарки, которые, по обычаю того времени, подносились при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ.

Насъ поражаетъ количество золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя мы находимъ въ то время у людей всѣхъ состояній и сословій. Гергардъ, напримѣръ, имѣлъ у себя 68 вызолоченныхъ и высеребренныхъ кубковъ, 17 колецъ и 4 цѣпи. Эту страсть накоплять вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ нужно объяснять не только наклонностью къ роскоши, которою отличался вѣкъ Людовика XIV, но преимущественно экономическими условіями. При неразвитости промышленности и торговли, капиталъ, особенно небольшой, не имѣлъ цѣны. Многіе не знали, что̀ дѣлать съ своими лишними деньгами. Средневѣковой взглядъ, считавшій грѣхомъ увеличеніе капитала посредствомъ процентовъ и не дѣлавшій различія между ростовщичествомъ и нормальнымъ обращеніемъ денегъ, которое требуется свойствомъ самого капитала и интересами общества, былъ возобновленъ и поддерживаемъ реформаціей и долго еще не утрачивалъ своей силы, хотя мы уже встрѣчаемъ примѣры, что даже богословы отдаютъ свои капиталы на проценты. Къ упомянутому Гергарду, которому удалось, несмотря на всѣ бѣдствія Тридцатилѣтней войны, на опустошенія его помѣстья и разграбленіе дома въ Іенѣ, собрать довольно значительный капиталъ, имперскіе князья и магистраты обращаются съ просьбою дать имъ денегъ взаймы. Виттенбергскаго богослова Мейснера обвиняютъ въ томъ, что онъ отдалъ 3.000 тал. въ ростъ, также и знаменитаго Гизеніуса. Но мы не всегда имѣемъ возможность опредѣлить основательность такихъ упрековъ, вслѣдствіе сбивчивости понятій у людей того времени о процентахъ и ростѣ.

Внѣшній видъ профессоровъ и студентовъ въ XVII вѣкѣ носитъ на себѣ отпечатокъ театральности, которою отличались костюмы въ средніе вѣка, и до прошлаго столѣтія.

Въ средніе вѣка всѣ профессора носили платье католическаго духовенства и входили въ аудиторію въ докторской шапочкѣ или баретѣ. Послѣ реформаціи богословы читали въ таларахъ протестантскихъ пасторовъ, а остальные профессора—въ черныхъ плащахъ, въ Альторфѣ въ красныхъ. Въ настоящее время этотъ обычай еще не вывелся во Франціи. Мы видѣли въ Страсбургѣ, на лекціяхъ, декана словеснаго факультета, кажется, въ желтомъ длинномъ плащѣ, а юридическаго — въ красномъ.

Въ XVII вѣкѣ профессора носили бороду, какъ это видно изъ портретовъ того времени; съ половины столѣтія они начали носить подстриженный, а потомъ и длинный парикъ (alonge), характеризующій эпоху Людовика XIV. При входѣ ихъ, студенты почтительно вставали съ мѣстъ; лекція часто начиналась и кончалась молитвой. Студенты сидѣли на лекціи также въ баретахъ, и когда профессоромъ произносилось какое-нибудь уважаемое имя, они приподнимали баретъ.

Студенты въ началѣ XVII вѣка носили испанскій костюмъ, общеупотребительный и модный въ то время. Баретъ съ широкими полями, длинные локоны, совершенно обнаженная шея, широкая бѣлая пелеринка, короткій плащъ, спускавшійся немного ниже таліи, весьма широкіе шаравары, разрѣзанные полосками, между которыми продергивалась красная подкладка, невысокіе сапоги съ широкими отворотами, шпага или кинжалъ съ безобразною рукояткой — составляли студенческій костюмъ. Противъ моднаго короткаго плаща, какъ неприличнаго костюма, постоянно ратуютъ законы того времени. Бороду было запрещено носить студентамъ, но это не всегда соблюдалось. Во время Тридцатилѣтней войны студенческій костюмъ пріобрѣтаетъ болѣе воинственный видъ и уже мало отличается отъ костюма извѣстнаго изъ картинъ Ле-Дюка и другихъ военныхъ живописцевъ XVII вѣка. Въ ихъ костюмѣ появляются перья, высокіе сапоги со шпорами, военные сюртуки (Koller), широкіе пояса и ленты черезъ плечо, и пр. Во второй половинѣ вѣка и студенты начинаютъ носить длинные парики. Неотъемлемою принадлежностью студентовъ, кромѣ шпаги, была *палка*. Съ этимъ двойнымъ вооруженіемъ они сидятъ и на лекціяхъ. Кокетничанье съ военнымъ костюмомъ къ концу вѣка замѣняется распущенностью. Слышатся постоянныя жалобы на то, что студенты ходятъ безъ плаща. Другіе носятъ длинные плащи, но они замѣняютъ имъ

все остальное платье. Въ Іенѣ жалуются, что студенты являются въ аудиторіи въ халатахъ, прикрываемыхъ плащемъ. Халатъ, наконецъ, уже не скрывается. Студенты открыто расхаживаютъ по улицамъ въ халатахъ, ночномъ колпакѣ и съ трубкой во рту. Эти три принадлежности составляли костюмъ студентовъ въ продолженіе всего XVIII вѣка и еще не очень давно исчезли въ Іенѣ и Галле.

Лекціи, несмотря на высокопарность и натянутость поддѣльной латинской рѣчи того времени, не всегда были чинны. Студентовъ нужно было развлекать шутками и юмористическими выходками, которыя часто принимали очень грубый характеръ. Брань и ругательства противъ другихъ ученыхъ или даже товарищей по университету также раздавались нерѣдко съ каѳедры. Когда латинскій языкъ сталъ вытѣсняться нѣмецкимъ, шутовство (Scurrilität) увеличилось еще болѣе, и въ продолженіе всего XVIII вѣка университетское преподаваніе страдало этимъ недостаткомъ.

Это обстоятельство наводитъ насъ на вопросъ о порокахъ профессоровъ. Мы имѣемъ право говорить о порокахъ профессоровъ въ томъ случаѣ, если должны указать не только на различныя слабости отдѣльныхъ лицъ, нисколько не стоящія въ связи съ ихъ положеніемъ и занятіями, но на пороки, которые слѣдуетъ поставить въ вину всей корпораціи или большинству ея и которые вытекали изъ ея положенія, степени развитія, занятій, или были общи всему обществу и вѣку. Несмотря на мелочную регламентацію и постоянные штрафы, профессора того времени очень часто навлекали на себя упреки въ лѣни и небрежности къ своимъ занятіямъ. Рескриптъ герцога Юліуса къ Гельмштедтскому университету въ 1614 году упрекаетъ профессоровъ въ томъ, что они всѣ (sammt und sonders), за исключеніемъ двоихъ или троихъ, въ 16, 20 и болѣе недѣль и даже въ теченіе года, не читали ни одной лекціи, даромъ потратили дорогое время (die liebe Zeit verspielet) и забыли о студентахъ. Въ одномъ письмѣ, около того же времени, Гельмштедтскіе профессора называются „лѣнивою породой трутней". Въ 1620 г. въ Страсбургѣ нашли нужнымъ преобразовать университетъ, поднять занятія, почти совершенно заброшенныя, пробудить лѣнивыхъ, лишить ихъ жалованья, и пр. Сами студенты, которые также часто не отличались ревностью къ занятіямъ, жалуются на эту небрежность профессоровъ. Одинъ юристъ пишетъ изъ Базеля: „Въ изученіи права мы, къ сожалѣнію, не можемъ дѣлать хорошихъ успѣховъ: одинъ изъ двухъ профессоровъ по небрежности читаетъ очень рѣдко, другой же лишенъ всякой методы и ставитъ вверхъ дномъ небо и землю" (alter

absque omni methodo coelum et terram miscere solet). Другой пишетъ изъ Тюбингена: „Зачѣмъ же мы поступаемъ въ университетъ?.... въ теченіе цѣлаго семестра не было 6 публичныхъ лекцій“ (на богословскомъ факультетѣ). Небрежность профессоровъ не всегда обусловливалась лѣнью; часто они отвлекались учеными и домашними занятіями. Объ Іенскомъ профессорѣ Музеѣ сообщаютъ, что „онъ уже въ теченіе 30 недѣль не читаетъ; вѣроятно, занятъ сочиненіемъ contra Widelium“. Другой сообщаетъ о себѣ, что онъ не читалъ лекцій съ прошлой зимы до конца августа: сначала его слушатели разсѣялись, опасаясь чумы; потомъ онъ денно и нощно былъ занятъ каталогомъ библіотеки, потомъ болѣе мѣсяца провелъ въ Карлсбадѣ, затѣмъ опять былъ занятъ каталогомъ. Послѣ этого онъ не пропустилъ ни одной публичной лекціи, но иногда трудная болѣзнь его жены и его собственная ипохондрія прерывали ихъ. Онъ началъ отмѣчать въ календарѣ, какъ часто это случалось, но потомъ оставилъ это, чтобы напоминаніемъ не доставить себѣ новой печали (ne relegens novum moerorem contraherem).

Иногда профессора по неволѣ лѣнились: слушателей не было. Въ Базелѣ предписывается профессорамъ не оставаться дома изъ-за этого, но приходить въ университетъ, и *полчаса* ждать въ аудиторіи, не прійдетъ ли кто-нибудь.

Другіе, хотя и ходили на лекціи, но читали небрежно или читали то, что имъ было нужно для ихъ ученыхъ работъ. „Тотъ, кто диктовалъ, прямо диктовалъ цѣлую книгу, приготовленную имъ для печати“ — противъ чего возстаетъ Марбургскій уставъ, а „тотъ, кто говорилъ свободно, говорилъ не назидательно и болталъ вздоръ“ (radotirte), какъ разказываетъ Шуппе о знаменитомъ голландскомъ ученомъ Гейнзіусѣ.

Конечно, было много исключеній, и исключеній блестящихъ. Куяцій готовился 8 или 9 часовъ для каждой лекціи, ибо, говорилъ онъ, „все равно, обмануть ли студента юридическаго факультета или цѣлое государство, такъ какъ такой студентъ можетъ сдѣлаться правителемъ государства“. О Гейдельбергскомъ профессорѣ Фабриціи разказываютъ, что онъ никогда не позволялъ себѣ пропускать лекціи или „не приготовившись нести всякій вздоръ“ (ungesalzenes Gewäsch). Музо, профессоръ въ Ринтельнѣ, избралъ себѣ девизомъ: professorem oportet laborantem mori — профессоръ долженъ умереть въ трудѣ; еще наканунѣ смерти онъ самъ прочелъ одну лекцію, а другую заставилъ прочесть одного изъ своихъ учениковъ. Хитреусъ въ Роштокѣ, страдавшій подагрой, до самой смерти читалъ лекціи въ постели.

Зависть, кумовство и ссоры между профессорами, и вслѣдствіе этого доносы правительству были не рѣдки. Притѣсненія молодыхъ профессоровъ старыми и завистливыми также случались. „Пока я жилъ на студенческой скамьѣ — пишетъ Крамеръ своему другу Мейснеру въ 1612 году — и въ четырехъ стѣнахъ моей комнатки, для меня не было ничего пріятнѣе университетской жизни; но какъ только я вступилъ одною ногой на каѳедру, эта сладость превратилась для меня въ горечь. Ибо вотъ какова эта университетская жизнь: если ты что-нибудь можешь сдѣлать, или только захочешь сдѣлать болѣе чѣмъ veteranus aliquis asinus, который заботится только о томъ, чтобы играть на своей старой балалайкѣ — Боже милостивый! — тотчасъ противъ тебя воздвигаютъ небо и землю, да не открыто, а тайно. Тотчасъ открывается война противъ твоихъ сочиненій, или начинаютъ съ тобой тяжбу за аудиторію, за время чтенія, за методу его, тотчасъ появляются подосланные, которые наблюдаютъ за всѣми твоими рѣчами и дѣйствіями, теребятъ и оскорбляютъ тебя, а дóма, сверхъ того, нужно бороться съ бѣдностью и со скудостью жалованья, которое они обрѣзываютъ; а если не въ состояніи обрѣзать его, то по крайней мѣрѣ выражаютъ свою злобу противъ тебя. Вотъ, мой другъ, смыслъ университетской жизни, подведенный въ итогъ. Въ голландскомъ университетѣ Франекерѣ два профессора живутъ подъ одною кровлей, но никогда другъ съ другомъ не говорятъ и не ходятъ на засѣданія факультета. О Герборнѣ (въ Нассау) пишутъ: „Весь университетъ не только раздѣленъ на партіи, но одинъ профессоръ противенъ другому. Они говорятъ другъ другу колкости на лекціяхъ и враждуютъ между собою передъ правительствомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлая кипа дѣлъ“.

Особенное ожесточеніе эти ссоры принимали тамъ, гдѣ замѣшивалось религіозное, или вѣрнѣе, догматическое разногласіе, и гдѣ одна партія старалась заподозрить другую въ ереси. Такъ, напримѣръ, въ Лейпцигѣ. Иногда ссоры происходили отъ того, что въ университетѣ заведется человѣкъ безпокойный, который во все вмѣшивается и со всѣми ссорится. Изъ-за Гебенштрейта — говоритъ философъ Слевогтъ — Іену прозвали eine Canaillenuniversität. Но самыми скандалёзными ссорами прославился Кенигсбергъ.

Эти ссоры были особенно вредны, потому что при грубости тогдашнихъ нравовъ не обуздывались приличіемъ и проявлялись въ весьма грубой формѣ. Профессора не щадили другъ друга на лекціяхъ и говорили о своихъ противникахъ въ самыхъ оскорбительныхъ

выраженіяхъ. Одинъ профессоръ въ Іенѣ сказалъ на лекціяхъ о Данцѣ, профессорѣ еврейскаго языка: „У Данца много акцентовъ въ головѣ, но только недостаетъ акута“. Въ Лейпцигѣ Олеарій жалуется, что одинъ изъ его товарищей назвалъ его eruca, которая своимъ ядомъ портитъ Божій цвѣтникъ (den edlen Rosengarten Gottes). Въ Іенѣ Гебенштрейтъ жалуется, что Данцъ обѣщалъ дать одному солдату 50 гульденовъ, если онъ отрѣжетъ ему носъ и уши.

Правительства тщетно стараются примирить враждующія партіи и успокоить расходившихся профессоровъ. Тюбингенскій рескриптъ увѣщеваетъ богословскій факультетъ оставить всякія ссоры, ибо вслѣдствіе ихъ факультетъ лишился уваженія и менѣе привлекаетъ къ себѣ студентовъ.

Общимъ порокомъ того времени было пьянство, и профессора въ этомъ отношеніи не стояли выше своихъ современниковъ. Въ томъ, конечно, была виновата и разгульная жизнь студентовъ, отъ которой многіе были не въ состояніи отстать. Примѣровъ неумѣренности было много. Герцогъ Брауншвейгскій предостерегаетъ Гельмштедтскій университетъ отъ избранія спившихся профессоровъ. Часто профессора кутили вмѣстѣ со студентами. Гебенштрейтъ на допросѣ показываетъ, что Данцъ такъ былъ пьянъ, что лежалъ безъ чувствъ на землѣ и долженъ былъ ночью остаться въ харчевнѣ. Обвиненный этого вовсе не отрицалъ, а оправдывался тѣмъ, что это случилось противъ его воли и что онъ жалѣетъ объ этомъ.

Такіе случаи, конечно, составляютъ исключеніе, но уже довольно того, что они бывали и что общество ихъ допускало. Что касается до семейной жизни профессоровъ, то они едва ли отличались въ этомъ отношеніи отъ другихъ слоевъ общества, и поэтому отдѣльныя проявленія безнравственности и грубаго распутства никакъ нельзя ставить въ вину корпораціи, а нужно отнести на счетъ цѣлаго общества. Въ Тюбингенѣ университетъ до 1620 года судилъ также проступки противъ нравственности и супружеской вѣрности въ профессорскихъ семьяхъ, и университетскій архивъ сохранилъ память о такихъ случаяхъ, которые представляютъ въ печальномъ видѣ нравственное состояніе тогдашняго образованнаго общества. У Толука приведено нѣсколько выписокъ изъ этого архива, и многое можно также узнать изъ біографіи Фришлина, написанной Штраусомъ. Число скандалёзныхъ происшествій въ кругу тюбингенскихъ профессоровъ даетъ намъ право заключить, что и въ другихъ университетахъ бывали такіе случаи. Утонченнаго разврата, конечно, не слѣдуетъ искать

въ грубомъ, но простомъ обществѣ нѣмецкихъ городовъ XVI и XVII вѣка, но необузданность трубыхъ инстинктовъ въ мужчинахъ и даже дѣвушкахъ доказываетъ, что представители образованія въ то время въ нравственномъ отношеніи стояли не выше простаго народа.

Съ другой стороны, конечно, существуетъ много примѣровъ счастливой и достойной супружеской жизни. О старикѣ Воеціѣ, прославившемся своею нетерпимостью въ вопросахъ догматическихъ, разказываютъ, что онъ до старости сохранилъ нѣжную дружбу къ женѣ. Часто видали, какъ онъ въ часы досуга сидѣлъ рука въ руку съ своею 65-лѣтнею старушкой-женой. Но изъ всего видно, что доля жены нѣмецкаго профессора была еще скромнѣе чѣмъ теперь. „Скромное ограниченіе себя предѣлами хозяйственной дѣятельности“ (inter metas functionis oeconomicae), какъ выражаются латинскія надгробныя рѣчи того времени, считалось лучшимъ качествомъ жены профессора.

Въ заключеніе мы должны указать на одинъ важный недостатокъ тогдашнихъ профессоровъ, обусловливавшійся характеромъ общества и вѣка: это — узкость взгляда и нетерпимость ихъ. Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что университеты первоначально были клерикальными учрежденіями. Реформація оставила за ними этотъ характеръ. „Благочестія ради учреждены университеты“, сказано въ одной рѣчи въ 1583 году. Не только богословскій факультетъ, который занималъ первое мѣсто, но и медицинскій и юридическій должны, какъ сказано въ Базельскомъ уставѣ, „считать главною своею задачей славу Божію“. „И философскій факультетъ (coetus) — говоритъ Виттенбергскій уставъ 1595 года — долженъ быть частью Божіей церкви“. Такъ какъ въ то время всѣ почти отождествляли религію съ буквой своего вѣроисповѣданія, и самому мелкому различію въ догматахъ и обрядахъ придавали существенное значеніе, то этимъ объясняется исключительность тогдашнихъ университетовъ. Въ эпоху религіозныхъ войнъ, когда церковные интересы управляли политикой, университеты служили тѣмъ же интересамъ, и они заслуживаютъ упрекъ за то, что увеличивали и раздували раздоръ между враждующими партіями. Мы уже говорили о томъ, что каждый университетъ смотрѣлъ на себя, какъ на оплотъ извѣстной религіозной партіи. Такая роль была возможна только при полномъ единодушіи всѣхъ членовъ университета. Поэтому не только всѣ профессора, но даже всѣ кандидаты на ученыя степени, даже всѣ служащіе при университетѣ, синдикъ и секретари, наконецъ, учителя фехтованія и танцевъ не-

премѣнно должны были принадлежать къ господствующему вѣроисповѣданію. Университетскіе ревнители чистоты догматовъ предпочитали оставлять каѳедру не замѣщенною по нѣскольку лѣтъ, чѣмъ поручить ее человѣку, который былъ бы укоромъ для ихъ совѣсти. Такъ какъ протестантизмъ въ то время разбился на партіи, и каждая партія имѣла свои символы, то при поступленіи на службу отъ каждаго требовалось, чтобъ онъ подписалъ эти символы. Это подавало иногда поводъ къ страннымъ оговоркамъ. Въ символѣ Швейцарской церкви (consensus Helveticus) древность значковъ для гласныхъ буквъ еврейскаго языка была возведена въ догматъ. Когда, въ 1693 году, Креспину, профессору humaniorum, пришлось подписать этотъ символъ, то онъ для того, чтобы никого не обмануть, сдѣлалъ слѣдующую оговорку: „Такъ какъ всѣмъ извѣстно, что я невѣжда въ еврейскомъ языкѣ и забылъ схоластику (plane rudem et methodi scholasticae oblitum), то объявляю себя согласнымъ во всемъ съ отцами и братьями, за исключеніемъ того, что̀ превышаетъ мой разсудокъ... exceptis, quae captum meum superant“.

Даже правительства того времени, которыя вообще не отличались особенною просвѣщенностью, подавали хорошій примѣръ университетамъ и должны были сдерживать порывы ихъ ревности.

Извѣстно, что Пфальцскій курфирстъ Карлъ Людвигъ пригласилъ Спинозу на каѳедру философіи въ Гейдельбергскій университетъ. Но умный Еврей, зная очень хорошо, что съ зилотами нѣтъ житья, отклонилъ предложеніе. Въ реформатскомъ Гаммѣ еще въ 1760 году поднялся протестъ, когда на каѳедру математики былъ представленъ лютеранинъ. Министръ Цедлицъ на это сдѣлалъ запросъ профессорамъ, признаютъ ли они также различіе между лютеранскою и реформатскою математикой?

Нетерпимость эта иногда приводила къ очень печальнымъ столкновеніямъ, какъ напримѣръ, въ Лейденѣ, гдѣ они окончились тѣмъ, что почтеннаго Гейдана лишили мѣста. Тамъ во второй половинѣ XVII вѣка враждовали двѣ партіи: ревнители старины — приверженцы Воеція, и болѣе либеральные и современные приверженцы Кокцея и Декарта. Попечители и бургомистры города Лейдена были на сторонѣ первыхъ и формулировали 20 положеній Картезіанцевъ, которыя они запретили преподавать. „Мы не понимаемъ, возразилъ Гейданъ, какъ можно отвергать эти положенія на томъ только основаніи, что они не содержатся въ катехизисѣ и въ канонахъ Дортрехтскаго синода: развѣ университетское преподаваніе не должно заключать въ себѣ ничего болѣе?..

Съ нашими противниками раздѣляютъ насъ не догматы, но *недостатокъ любви*".

Мы видимъ изъ этого, что нѣмецкіе университеты въ XVII вѣкѣ еще не *секуляризировались:* они не сознавали своего настоящаго назначенія, и почти во всемъ еще носили свой старый покрой. Немногіе еще изъ ученыхъ того времени понимали самостоятельное значеніе науки и ставили ея интересы выше тѣхъ соображеній и разчетовъ, къ которымъ влекли ихъ общіе предразсудки, рутина и преданія старины.

Медленно и незамѣтно происходило освобожденіе науки изъ-подъ опеки того могущественнаго учрежденія, которое породило ее и въ теченіе стольких вѣковъ охраняло ея слабую жизнь. Историкъ не въ состояніи указать на послѣдовательный ходъ этого процесса. Отрывочно и безсвязно, часто безсознательно происходилъ онъ, начиная отъ спора гуманистовъ съ людьми мрака[1]) во время возрожденія наукъ и кончая борьбой піэтизма и раціонализма въ XVIII вѣкѣ съ окоченѣвшею протестантскою догматикой. Тихо и среди частыхъ ошибокъ и увлеченій подготовлялась побѣда, тѣмъ болѣе славная, что она была достигнута собственными средствами. Своею непобѣдимою силой восторжествовала наука, и благодѣтельное вліяніе ея тотчасъ сказалось на нравственномъ характерѣ ея служителей. Мы съ удовольствіемъ описывали слабыя и смѣшныя стороны нѣмецкихъ профессоровъ, потому что онѣ совершенно исчезли въ настоящее время, въ доказательство врачующей силы науки. Несмотря на невыгодное положеніе нѣмецкихъ профессоровъ, на необходимость конкурировать между собой въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ, вышеуказанные пороки корпораціи исчезли, и встрѣчаются только отдѣльныя проявленія человѣческой слабости, которыя существуютъ вездѣ, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ люди. И теперь иногда религіозныя и особенно политическія страсти въ разъединенной Германіи порождаютъ вражду и нетерпимость; но онѣ сдерживаются всеобщимъ уваженіемъ къ наукѣ, которое заставляетъ дорожить каждымъ достойнымъ представителемъ ея и заботиться объ интересахъ университета. А въ этомъ вся сущность дѣла. Много страннаго и педантическаго можетъ встрѣчаться въ средѣ ученыхъ, на что общество всегда будетъ смотрѣть снисхо-

---

[1]) Много интересныхъ свѣдѣній для исторіи секуляризаціи науки и жизни ученыхъ въ эпоху реформаціи можно найдти въ сочиненіяхъ: *Kampschulte* — объ исторіи Эрфуртскаго университета и *Muther* — Aus dem Universitäts-und Gelehrtenleben im Zeitalter der Reformation. Erlang. 1866.

дительно, если только оно будетъ находить въ нихъ то, что̀ должно составлять главное ихъ достоинство, именно, ясное и строгое пониманіе своего призванія, глубокое уваженіе къ наукѣ и справедливое презрѣніе ко всему, что̀ обращается съ нею небрежно и видитъ въ ней средство для постороннихъ цѣлей.

Послѣ этого длиннаго отступленія, которое мы считали необходимымъ для характеристики вѣка, мы обратимся къ университетской жизни Лейбница. Онъ вступилъ, какъ мы видѣли, весною 1661 года, слѣдовательно, 10-ти лѣтъ, въ Лейпцигскій университетъ, и по желанію своихъ родственниковъ избралъ юридическій факультетъ. Но по обычаю того времени онъ началъ слушать лекціи философіи у Шерцера и Якова Томазіуса, отца знаменитаго Христіана Томазіуса. Первый изъ нихъ былъ представитель древней схоластики и ловкій боецъ на полѣ діалектики. Лейбницъ всегда отзывался объ немъ съ уваженіемъ. Но онъ считалъ себя болѣе обязаннымъ Томазіусу, съ которымъ онъ сблизился и находился въ перепискѣ. Томазіусъ оживлялъ мертвую массу схоластики изящными формами и внесъ въ нее живое начало, но онъ не былъ самостоятельнымъ дѣятелемъ.

Плодомъ этихъ занятій была первая диссертація Лейбница на степень баккалавра — „De principio individui", защищенная подъ предсѣдательствомъ Томазіуса весною 1663 года. Самое заглавіе уже многознаменательно, ибо принципъ индивидуальности былъ корнемъ всей философской системы Лейбница. Но въ этой диссертаціи онъ стоитъ еще совершенно на схоластической почвѣ. Онъ разсматриваетъ свой вопросъ съ точки зрѣнія древнихъ схоластическихъ школъ, номиналистовъ и реалистовъ, и становится на сторону первыхъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ то время реализмъ имѣлъ смыслъ, противоположный теперешнему его значенію: реалистами назывались тѣ схоластики, которые признавали за отвлеченными понятіями — напримѣръ, понятіемъ рода — реальное значеніе; номиналистами же тѣ, которые видѣли въ нихъ лишь формы мышленія и наименованія (nomina) отвлеченныхъ понятій. Но въ это самое время происходилъ глубокій переворотъ въ занятіяхъ и образѣ мыслей Лейбница. Онъ познакомился съ сочиненіемъ Бэкона о расширеніи научныхъ познаній (de augmentis scientiarum) и съ философіей Декарта. Много было говорено о благодѣтельномъ и сильномъ вліяніи, которое Бэконъ и Декартъ имѣли на освобожденіе человѣческой мысли отъ схоластическихъ путъ; но мы были бы въ состояніи лучше оцѣнить ихъ заслуги, если бы могли хотя въ одномъ индивидуальномъ случаѣ про-

слѣдить, какъ совершался этотъ процессъ. Глубокое впечатлѣніе произвели они на пятнадцатилѣтняго Лейбница; онъ самъ разказываетъ, какъ онъ задумчиво ходилъ по Розенталю, знаменитому мѣсту гулянья Лейпцигскихъ горожанъ, и размышлялъ, слѣдуетъ ли сохранить вѣру въ коренной догматъ схоластической философіи — въ субстанціальность формъ. Подъ руководствомъ великихъ умовъ своего вѣка: Бэкона, Декарта, мечтательнаго Кампанеллы, глубокомысленнаго Кеплера и положительнаго Галилея, его мысль окрѣпла, и онъ выросъ изъ схоластическихъ пеленокъ; но, по собственному признанію, онъ никогда не раскаявался въ томъ, что положилъ столько времени на изученіе схоластики. Близкое знакомство съ ней спасло его отъ односторонности, съ которою Бэконъ, Декартъ и Локъ смотрѣли на раннюю дѣятельность человѣческаго ума, на схоластику и классическую философію. Универсальный геній Лейбница стремился вездѣ охватить цѣлое и отыскать гармонію; теперь онъ съ тѣмъ же увлеченіемъ наслаждался Платономъ, Неоплатониками и новѣйшими системами механизма, съ какимъ прежде читалъ схоластиковъ. Товарищи его, оставшіеся совершенно подъ вліяніемъ господствовавшей въ нѣмецкихъ университетахъ схоластики, удивлялись ему. Отдавая полную справедливость его уму и его способностямъ, они не понимали его и называли его чудакомъ (pro monstro erat). Но Лейбницъ, сохраняя полное уваженіе къ трудамъ схоластическихъ философовъ, хорошо сознавалъ, что ихъ время прошло. Въ этомъ смыслѣ онъ сталъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на дальнѣйшія занятія схоластикой, считая ее, какъ онъ самъ выражается, поверхностною и безполезною для человѣческаго прогресса.

Путеводною нитью, которая вывела его окончательно изъ лабиринта схоластики, была для него, какъ и для другихъ современниковъ его, математика. Мы видѣли, что въ школахъ или совсѣмъ не учили математикѣ, то-есть, геометріи, или проходили ее весьма плохо. Лейбницъ только въ университетѣ познакомился съ Евклидомъ съ помощью какого-то Кюна, который преподавалъ такъ темно, что остальные студенты совсѣмъ его не понимали, и только Лейбницъ пускался съ нимъ въ объясненія и растолковывалъ товарищамъ его теоремы. Лейбницъ потомъ съ грустью вспоминалъ объ этомъ пробѣлѣ въ своемъ воспитаніи. „Если бы, говорилъ онъ, я провелъ свою юность, какъ Паскаль, въ Парижѣ, я, можетъ-быть, раньше обогатилъ бы науку“.

Его математическое образованіе не далеко подвинулось въ Лейпцигѣ, и по защищеніи своей баккалаврской диссертаціи онъ на лѣт-

ній семестръ 1663 года перешелъ въ Іенскій университетъ. Обычай студентовъ посѣщать нѣсколько университетовъ и теперь существуетъ въ Германіи, но прежде, особенно въ средніе вѣка, онъ господствовалъ еще болѣе. Многіе просто путешествовали по университетамъ, и изъ нихъ сложился классъ „странствующихъ струдентовъ“ (fahrender Scholast), этотъ интересный типъ среднихъ вѣковъ.

Лейбница привлекалъ, вѣроятно, въ Іену математикъ Эргардъ Вейгель, но онъ слушалъ кромѣ того юридическіе курсы у Фалькнера и историческій у полигистора Бозіуса. Іена вообще въ то время славилась своими профессорами и веселою, даже слишкомъ разгульною, студенческою жизнью. Даже во время Тридцатилѣтней войны Іенскій университетъ не переставалъ процвѣтать, и Гергардъ пишетъ: „Нашъ университетъ цвѣтетъ какъ розанъ между шипами“. Подобно большинству современныхъ ученыхъ, особенно на философскомъ факультетѣ, Вейгель занимался нѣсколькими науками, но подобно немногимъ, онъ былъ самостоятеленъ и оригиналенъ во всѣхъ. Кромѣ математики, онъ занимался философіей, особенно этикой и естественнымъ правомъ. Когда Лейбницъ былъ въ Іенѣ, тамъ разказывали, что Пуфендорфъ, слава котораго начинала распространяться въ это время, заимствовалъ основанія своего естественнаго права изъ тетрадокъ Вейгеля. Въ философіи онъ старался возстановить истинное пониманіе Аристотеля, искаженнаго схоластикой, и примирить съ его ученіемъ теорію новѣйшихъ философовъ и физиковъ; онъ враждовалъ съ схоластикой, и какъ разказываетъ Лейбницъ, приводилъ въ смущеніе ея приверженцевъ, требуя на диспутахъ, чтобъ они передавали свои термины и пустыя опредѣленія на нѣмецкомъ языкѣ. Схоластика держалась, пока былъ въ употребленіи ея органъ — латинскій языкъ, произвольно изуродованный для ея потребностей; но живые языки, полные силы, не поддавались порабощенію, и когда они получили право гражданства въ области науки, схоластика пала.

Главнымъ двигателемъ умственнаго развитія, наравнѣ съ философіей, была въ то время математика. Ея вліяніе не могло не отразиться на остальныхъ наукахъ, и математическій методъ вездѣ и во всемъ былъ въ то время такимъ же лозунгомъ, какъ въ нашъ вѣкъ возгласы о методѣ естественныхъ наукъ. Мы постоянно встрѣчаемся съ учеными, которые дѣлаютъ задачей своей жизни примѣненіе математики или по крайней мѣрѣ ея метода къ философіи, къ этикѣ, къ *праву* и даже къ богословію. Къ такимъ ученымъ, почувствовавшимъ на себѣ живую силу математики, принадлежалъ и Вейгель.

Тутъ, конечно, не могло обходиться безъ промаховъ и куріозовъ, каково, напримѣръ, сочиненіе Вейгеля: „Школа добродѣтелей“, въ которомъ онъ старается примѣнить ариѳметику къ ученію о добродѣтеляхъ. Но на такія *примѣненія* смотрѣли тогда вовсе не какъ на куріозъ, а очень серіозно. Богословскій факультетъ возсталъ въ 1679 году противъ Вейгеля, который *доказывалъ* троичность Бога на основаніи математическихъ принциповъ. Вейгель долженъ былъ формально отречься (revociren), по настоянію курфирстскихъ коммиссаровъ, отъ всего, „что признано господами богословами неправославнымъ (heterodoxum) и нечестивымъ въ его лекціяхъ и сочиненіяхъ“ — (solches alles und jedes kraft dieses zum kräftigsten widersprochen haben will).

Вейгель, какъ представитель господствовавшаго въ то время стремленія примѣнять математическій методъ къ философскимъ и нравственнымъ наукамъ, оказалъ глубокое вліяніе на Лейбница. Слѣды этого вліянія мы встрѣчаемъ во всѣхъ юношескихъ произведеніяхъ Лейбница. Но онъ не остановился на этихъ попыткахъ и стремленіяхъ и извлекъ настоящую пользу изъ этого стремленія вѣка. Онъ дѣйствовалъ не ощупью, какъ другіе, стремленія которыхъ остались безплодны, потому что они механически прилагали другъ къ другу разнородныя по своему содержанію науки, но онъ сумѣлъ найдти точку прикосновенія этихъ двухъ областей, и главное изобрѣтеніе его въ математикѣ — *дифференціалъ* совпалъ съ принципомъ его философской и космогонической системы — *монадой*.

Въ Іенѣ Лейбницъ былъ принятъ членомъ ученаго общества, состоявшаго изъ профессоровъ и студентовъ и называвшаго себя societas quaerentium. Это общество собиралось ежедневно, и члены его излагали свое сужденіе о различныхъ старыхъ и новыхъ книгахъ, прочитанныхъ ими. Эти сужденія записывались въ особый журналъ. И въ Лейпцигѣ были такія же общества, бумаги которыхъ, какъ говоритъ Гурауеръ, сохраняются въ университетской библіотекѣ. Лейбницъ принималъ участіе въ ихъ собраніяхъ, и вездѣ товарищи признавали за нимъ первенство. По возвращеніи въ Лейпцигъ онъ посвятилъ себя своимъ спеціальнымъ занятіямъ и слушалъ юридическіе курсы у Шахера и Швендендёрфера. Но Лейбницъ здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, шелъ своею собственною дорогой. Онъ не удовлетворялся теоретическимъ изученіемъ права; его практическій геній побуждалъ его тотчасъ же примѣнять теорію къ дѣлу. Онъ говоритъ, что предшествовавшія занятія его исторіей и философіей

чрезвычайно облегчили ему изученіе и пониманіе юридическихъ наукъ. Поэтому онъ не долго останавливался на догматѣ и законахъ; онъ былъ друженъ съ однимъ ассессоромъ въ Лейпцигскомъ надворномъ судѣ; тотъ часто давалъ ему читать акты и училъ его, какъ составляются приговоры. Такимъ образомъ онъ рано вникъ въ область права; ему нравилась дѣятельность судьи, но онъ не терпѣлъ уловокъ и хитростей (Ränke) адвокатовъ. Это было причиною, какъ онъ самъ говоритъ, почему онъ никогда не соглашался вести процессы, хотя онъ, по мнѣнію всѣхъ, очень хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ.

Это послѣднее обстоятельство очень важно. Ученыя сочиненія и диссертаціи всѣ писались по латыни, и если бы Лейбницъ не занимался у практическаго юриста, онъ не выучился бы владѣть нѣмецкимъ языкомъ. Въ послѣдствіи это принесло ему большую пользу. Онъ былъ первый замѣчательный ученый Германіи, который писалъ по нѣмецки, и хотя большинство его сочиненій писано по латыни и по французски, онъ все-таки содѣйствовалъ вытѣсненію латинскаго языка изъ области науки и философіи, безъ чего было невозможно дальнѣйшее ихъ развитіе.

По обычаю того времени, онъ защитилъ въ продолженіе студенческой жизни нѣсколько диссертацій. Для полученія степени магистра философіи онъ представилъ диссертацію, въ которой указывалъ на важность философіи для юриспруденціи и на точки соприкосновенія между этими двумя областями. По его собственному выраженію, онъ желалъ содѣйствовать тому, чтобъ юристы перестали относиться съ пренебреженіемъ къ философіи, и убѣдить ихъ, что безъ философіи бóльшая часть юридическихъ вопросовъ представляютъ безвыходный лабиринтъ.

Мы видимъ изъ этого, что жалоба на пренебреженіе къ философіи ведется изстари и что это пренебреженіе нельзя оправдать ни паденіемъ философіи, ни высокимъ процвѣтаніемъ другихъ наукъ, ибо вездѣ, гдѣ проявлялось это пренебреженіе, оно исходило изъ одного источника — изъ невѣжества и незнанія философіи.

Въ двухъ другихъ юридическихъ диссертаціяхъ Лейбницъ развивалъ мысль, къ которой онъ потомъ часто возвращался, но которую ему не удалось осуществить. Онъ былъ пораженъ глубиною, логичностью и точностью мысли древнихъ римскихъ юристовъ, и ему казалось, что при нѣкоторыхъ усиліяхъ можно было бы дать ихъ аргументамъ силу неопровержимыхъ, почти математически-точныхъ доказательствъ.

Весною 1666 года Лейбницъ защищалъ диссертацію *pro loco*, то-есть, чтобы пріобрѣсти право занять со временемъ мѣсто въ философскомъ факультетѣ. Эту диссертацію онъ потомъ обработалъ и издалъ отдѣльнымъ сочиненіемъ, подъ заглавіемъ: „De arte combinatoria". Въ этомъ трудѣ вполнѣ отражаются всѣ университетскія занятія и стремленія Лейбница. Въ нихъ высказывается сильное преобладаніе математики и надежда достигнуть великихъ результатовъ посредствомъ примѣненія математическаго метода къ другимъ наукамъ.

Прошло уже 5 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Лейбницъ вступилъ въ университетъ, и ему минуло 20 лѣтъ. При его способностяхъ, познаніяхъ и умѣньи заниматься, пребываніе въ университетѣ сдѣлалось уже для него безполезнымъ, но обычай не позволялъ ему искать необходимой докторской степени до истеченія пятилѣтняго срока. Въ послѣдствіи онъ вспоминалъ съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ о потерянномъ времени и говорилъ, что эти 5 лѣтъ можно было бы сократить на два.

Наконецъ, наступилъ желанный срокъ, но тутъ онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе. Факультетъ не допустилъ его къ экзамену. Такъ какъ причина со временемъ сдѣлалась неизвѣстной, то начали придумывать различныя объясненія, возникли какія-то темныя сплетни о женѣ декана, и пр. Но настоящая причина объяснена самимъ Лейбницемъ въ его запискахъ.

Юридическій факультетъ Лейпцигскаго университета, кромѣ профессоровъ, состоялъ изъ 12 ассессоровъ, которые занимались болѣе юридическою практикой, то-есть, составленіемъ мнѣній и консультаціями, чѣмъ лекціями и диспутами. Въ этотъ факультетъ принимались по старшинству всѣ доктора правъ, получившіе свою степень въ Лейпцигѣ, какъ скоро открывалась ваканція. Лейбницъ разчиталъ, что если онъ рано пріобрѣтетъ докторскую степень, то до него скоро можетъ дойдти очередь, и онъ обезпечитъ свое положеніе. Но именно этого-то не желали допустить другіе претенденты, которые были гораздо старше его, и они хотѣли заставить его отсрочить экзаменъ до другой промоціи. Большинство членовъ факультета было на ихъ сторонѣ. Тогда Лейбницъ рѣшился оставить свой родной городъ и пріобрѣсти докторство въ другомъ университетѣ. Ему было не трудно рѣшиться на это. Его живой натурѣ казалось „неприличнымъ для молодаго человѣка сидѣть пригвожденнымъ къ одному мѣсту". Его манило кромѣ того въ даль пламенное желаніе увидѣть другія страны и усовершенствоваться въ математикѣ.

Лейбницъ навсегда покинулъ свой родной городъ, и это рѣшеніе имѣло большое вліяніе на его дальнѣйшее развитіе и на его судьбу. Неизвѣстно, почему онъ избралъ Альторфъ, чтобы пріобрѣсти тамъ то, въ чемъ ему отказалъ Лейпцигскій университетъ. Можетъ-быть, его привлекало туда то обстоятельство, что у него тамъ былъ родственникъ и однофамилецъ. Но Лейбницу не нужна была протекція. Экзаменъ его и диспутъ были такъ блистательны, что обратили на него всеобщее вниманіе. На диспутѣ онъ выказалъ замѣчательный даръ слова, такъ что многіе думали, что онъ читаетъ свою рѣчь, хотя онъ говорилъ изустно. Ясность, съ которою онъ излагалъ свои мысли, казалась необычайною для юриста и чрезвычайно удовлетворила слушателей и оппонентовъ.

Въ диссертаціи своей: „De casibus perplexis“ онъ разбиралъ вопросъ. какими принципами слѣдуетъ руководствоваться при разрѣшеніи запутанныхъ случаевъ, то-есть, когда въ пользу той и другой стороны представляются одинаково важныя соображенія. Онъ отвергалъ мнѣніе тѣхъ, которые говорили, что въ такихъ случаяхъ нужно ничего не постановлять (non liquet), а равно и мнѣніе ихъ противниковъ, утверждавшихъ, что рѣшеніе нужно предоставить жребію или личному взгляду судьи. Лейбницъ полагалъ, что въ такихъ случаяхъ нужно прибѣгать къ естественному или общенародному праву, ибо всякое положительное законодательство есть извѣстное видоизмѣненіе естественнаго права, и поэтому пробѣлы его слѣдуетъ пополнять изъ этого общаго источника, основаннаго на чистомъ разумѣ.

Успѣхъ Лейбница былъ такъ великъ, что коммиссія, завѣдывавшая учебною частью въ Нюрнбергской республикѣ, въ области которой находился Альторфъ, предложила ему занять мѣсто въ Альторфскомъ университетѣ. Но Лейбницъ отклонилъ предложеніе. Онъ не хотѣлъ закабалить себя дѣятельности, результатами которой онъ остался такъ мало доволенъ. Его отталкивали рутинерство и педантизмъ профессоровъ, буйный и грубый разгулъ студентовъ, бѣдность университетскихъ интересовъ, мелочность богословскихъ споровъ, раздѣлявшихъ профессоровъ и университетъ на враждебныя партіи. Ему не хотѣлось окончить жизнь въ качествѣ многоуважаемаго профессора, или пожалуй, ректора-магнификуса маленькаго провинціальнаго нѣмецкаго университета. Жизнь кипѣла въ 20-лѣтнемъ юношѣ, который сознавалъ свою силу: ему хотѣлось выйдти на болѣе обширную арену; жажда знанія влекла его туда, гдѣ былъ источникъ настоящей науки и дѣйствительнаго прогресса, въ Парижъ, въ славную и сво-

бодную Голландію, гдѣ, подъ защитой республиканскихъ учрежденій, собирались ученые и передовые люди всѣхъ странъ. Въ то время, небогатое спеціальными знаніями, болѣе чѣмъ теперь было важно и полезно общество передовыхъ людей, представлявшихъ собою всю образованность вѣка и оказывавшихъ поэтому на развитіе и направленіе общества громадное вліяніе. Во время студенчества Лейбница умерла его мать, и онъ вмѣстѣ съ своею сестрой получилъ небольшое наслѣдство, которое обезпечивало его на нѣкоторое время. Онъ рѣшился переѣхать въ Нюрнбергъ, который, благодаря своей муниципальной свободѣ, былъ въ то время однимъ изъ самыхъ богатыхъ и замѣчательныхъ городовъ Германіи и заключалъ въ себѣ болѣе 40.000 жителей, хотя онъ уже пересталъ быть центромъ торговли и умственной и художественной дѣятельности въ Германіи, какимъ онъ является во время реформаціи наравнѣ съ Аугсбургомъ.

Пребываніе Лейбница въ Нюрнбергѣ представляетъ одинъ только замѣчательный эпизодъ. Въ этомъ промышленномъ городѣ, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ того времени, было замкнутое общество, занимавшееся алхиміей и *выдѣлываніемъ* золота. Любознательность Лейбница была въ высшей степени заинтересована таинственностью, покрывавшею эти занятія. Чтобы проникнуть въ это общество, онъ придумалъ хитрость, о которой онъ подъ старость со смѣхомъ разказывалъ своему секретарю. Онъ взялъ нѣсколько химическихъ книгъ и выписалъ оттуда самыя непонятныя и темныя выраженія. Изъ нихъ онъ составилъ письмо къ предсѣдателю общества и просилъ принять его въ члены. Между членами общества было много профессоровъ, Альторфскихъ и Нюрнбергскихъ пасторовъ и юристовъ, а предсѣдателемъ его былъ профессоръ богословія и пасторъ Вюльферъ. Вюльферъ подумалъ, что Лейбницъ совершенно посвященъ въ тайны алхиміи, пригласилъ его въ лабораторію и предложилъ ему даже мѣсто секретаря въ обществѣ за извѣстное вознагражденіе. Обязанность его заключалась въ томъ, чтобы вписывать въ журналъ всѣ произведенные алхимическіе опыты и дѣлать извлеченія изъ знаменитѣйшихъ химическихъ книгъ для руководства и по указанію членовъ. И вотъ молодой докторъ правъ, съ свойственною ему энергіей, принялся за изученіе химіи и за алхимическіе опыты. Лейбницъ въ послѣдствіи былъ очень доволенъ этими юношескими затѣями. Вѣкъ алхиміи еще не прошелъ. Она была моднымъ занятіемъ важныхъ особъ. Лейбницу, во время его пребыванія при различныхъ дворахъ Германіи, нерѣдко приходилось быть помощникомъ и совѣтникомъ государей, занимав-

шихся алхиміей; опытность, пріобрѣтенная имъ въ юности, служила ему средствомъ сближенія съ коронованными алхимистами; онъ удерживалъ ихъ отъ увлеченій, но изъ его разказа не видно, чтобъ онъ самъ былъ совершенно убѣжденъ въ безплодности этихъ опытовъ.

Такъ прошла зима 1667 года. Въ это время черезъ Нюрнбергъ проѣзжалъ баронъ Бойнебургъ, бывшій министръ Майнцскаго курфирста Шёнборна, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Германіи въ XVII вѣкѣ. Случайная встрѣча за общимъ столомъ въ гостинницѣ, или какъ другіе говорятъ, рекомендація одного изъ алхимистовъ была поводомъ къ знакомству между Бойнебургомъ и Лейбницемъ. Опытный государственный человѣкъ тотчасъ распозналъ умъ и способности своего собесѣдника. Онъ пригласилъ его переселиться во Франкфуртъ, гдѣ въ это время жилъ Бойнебургъ, и вѣроятно, обѣщалъ доставить ему мѣсто въ Майнцской службѣ. Лейбницъ послѣдовалъ приглашенію. Онъ оставилъ Нюрнбергъ и заключилъ этимъ періодъ своей студенческой жизни. Передъ нимъ открылось болѣе обширное поле дѣятельности, и мы скоро увидимъ молодаго алхимика въ кругу людей, направлявшихъ политику Германіи. Онъ становится замѣчательнымъ публицистомъ, и имя его приходитъ въ связь съ важнѣйшими историческими событіями той эпохи и съ политическими комбинаціями, которыя волнуютъ умы еще и въ наше время. Поэтому намъ нужно теперь познакомиться съ политическимъ состояніемъ Германіи и Европы въ то время и съ тѣми людьми, съ которыми была связана дѣятельность Лейбница.

ГЛАВА II.

Лейбницъ въ Майнцѣ. Германскій и восточный вопросы въ XVII вѣкѣ.

Тѣсная связь германскаго вопроса съ папскимъ и итальянскимъ. — Общее происхожденіе ихъ изъ средневѣковаго порядка вещей. — Различные взгляды современныхъ нѣмецкихъ историковъ на германскій вопросъ. — Различные взгляды на разрѣшеніе этого вопроса въ XVII вѣкѣ. — Богуславъ Хемницъ, Hippolithus a Lapide. — Пуфендорфъ. — Его критика современнаго состоянія Германіи. — Переворотъ въ европейской политикѣ. — Могущество Франціи. — Распаденіе Германіи на 3 группы. — Рейнскій союзъ. — Вмѣшательство Людовика XIV въ дѣла Германіи. — Турецкая война и Эрфуртское дѣло. — Архіепископъ Майнцскій. — Династическая политика нѣмецкихъ князей. — Баронъ Бойнебургъ. — Отношенія Лейбница къ Бойнебургу. — Его занятія въ Майнцѣ. — Математическій методъ въ юридическихъ и политическихъ наукахъ. — Занятія Лейбница по физикѣ и по философіи. — Его религія. — Занятія политикой. — Записка о водвореніи внутренней и внѣшней безопасности въ Германіи. — Проектъ Лейбница о завоеваніи Французами Египта. — Шумъ, который надѣлало обнародованіе этого проекта въ 1803 году. — Мнѣніе о немъ французскихъ историковъ. — Исторія восточнаго вопроса. — Три періода его. — Общій взглядъ на этотъ вопросъ въ XVII вѣкѣ. — Лейбницъ вноситъ въ этотъ вопросъ новую точку зрѣнія. — Интересы цивилизаціи. — Его записка объ экспедиціи въ Египетъ. — Своевременность этого плана. — Переговоры съ французскимъ правительствомъ по поводу его проекта. — Лейбницъ отправляется въ Парижъ. — Перемѣна, происшедшая въ положеніи восточнаго вопроса вслѣдствіе политики Россіи. — Роль Россіи въ этомъ вопросѣ.

Послѣднее десятилѣтіе всемірной исторіи чрезвычайно замѣчательно по важности совершившихся въ немъ событій, и чѣмъ далѣе послѣднія отодвинутся въ прошедшее, тѣмъ болѣе выступитъ на видъ ихъ значеніе и тѣмъ ощутительнѣе станутъ ихъ послѣдствія. Всѣ эти событія имѣютъ извѣстное значеніе для настоящаго и для будущаго, и съ этой точки зрѣнія они разсматриваются современниками. Но для людей, которые соединяютъ интересъ къ современному съ любозна-

тельностью относительно прошедшаго, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ двойной интересъ. Они обращены своимъ лицомъ къ прошедшему; ими заканчивается длинный рядъ историческихъ фактовъ, тянувшійся цѣлые вѣка; корней ихъ нужно искать въ отдаленномъ прошедшемъ, въ романтической эпохѣ среднихъ вѣковъ и еще раньше — въ сумрачномъ періодѣ варварства, который наступилъ послѣ паденія Западно-римской имперіи.

Обыкновенно полагаютъ, что преобразованія XVIII вѣка и французская революція покончили съ остатками среднихъ вѣковъ. Дѣйствительно, они изгладили изъ внутренней жизни европейскаго общества, изъ сферы законодательства и обычаевъ, науки и образа мыслей людей многое, что̀ было порождено феодализмомъ и схоластикой, этими главными произведеніями средневѣковой цивилизаціи. Но многое осталось нетронутымъ или было потомъ возстановлено реакціей, послѣдовавшею за паденіемъ Наполеона. Менѣе всего эти преобразованія коснулись политическихъ вопросовъ, вызванныхъ средневѣковымъ порядкомъ вещей. Между ними особенно выдаются три вѣковые вопроса, которые остались не разрѣшенными до нашего времени, и послѣднее десятилѣтіе именно важно потому, что оно какъ будто было призвано для того, чтобы покончить всѣ ихъ за одинъ разъ или по крайней мѣрѣ опредѣлить ихъ рѣшеніе. Эти три вопроса, поставленные средними вѣками, называются: папская власть, политическое состояніе Италіи и политическое состояніе Германіи. Всѣ они тѣсно связаны между собой, и запутанность каждаго изъ нихъ мѣшала удовлетворительному рѣшенію остальныхъ. Что касается до перваго вопроса, то, какъ извѣстно, развитіе папской власти было вызвано особенными условіями средневѣковаго періода; духовная власть папы въ то время не могла иначе упрочиться, какъ принявши свѣтскій характеръ. Въ настоящее время свѣтская власть папы есть не что иное, какъ мумія давно минувшаго феодальнаго періода; но въ средніе вѣка свѣтская власть римскаго епископа составляла такое же нормальное явленіе, какъ самостоятельность другихъ территорій, принадлежавшихъ духовнымъ лицамъ, особенно въ Германіи. Реформація и войны Наполеона секуляризировали всѣ эти духовныя территоріи, и тогда во всей Европѣ осталась одна только церковная область.

Не менѣе связанъ съ ходомъ средневѣковой исторіи итальянскій вопросъ. Одно изъ самыхъ трогательныхъ зрѣлищъ въ исторіи представляютъ четырнадцативѣковыя тщетныя стремленія Италіи къ политической организаціи, къ самостоятельной жизни, къ единству. Съ

тѣхъ поръ, какъ въ сѣверной Италіи образовалось Готское, а потомъ Лонгобардское государство, не прекращалась эта непрерывная борьба противъ иноземнаго вліянія, которое хочетъ навязать Италіи чуждый ея интересамъ порядокъ. Всѣ усилія Лонгобардскихъ королей вызвать Италію къ новой политической жизни послѣ распаденія Римской имперіи — сдѣлать для нея то, что̀ Франки сдѣлали для Галліи, Вестготы для Испаніи — разбивались о твердыя стѣны Равенны, защищаемыя византійскими гарнизонами, и о развалины Рима, охраняемыя болѣе сильнымъ оружіемъ — золотомъ церкви и нравственнымъ обаяніемъ римскаго епископа. Наконецъ, Равенна пала, и гордый епископъ долженъ былъ смириться; онъ, казалось, долженъ былъ разстаться съ мечтой о господствѣ надъ церковью и довольствоваться ролью своего соперника, Константинопольскаго патріарха, который былъ патріархомъ въ своей епархіи и слугою свѣтскаго государя; но на помощь римскому епископу явилась Франція, и вскорѣ за тѣмъ цѣною императорской короны, отданной сѣвернымъ варварамъ, папы купили свою самостоятельность и тысячелѣтнее порабощеніе Италіи.

Съ этого времени цвѣтущія поля Италіи періодически затаптывались необузданными войсками, когда императоры *Священной Римской Имперіи* отправлялись совершать вооруженною рукой свою коронацію въ храмѣ святаго Петра; пылающіе города и кровавыя сраженія обозначали путь этого торжественнаго шествія, которое такъ часто оканчивалось печально для самихъ коронованныхъ. Когда эта мечта объ универсальномъ императорѣ, главѣ всего христіанскаго міра и покровителѣ церкви, прошла какъ миражъ, Италія была раздроблена, и власть папы была упрочена. Только въ мірѣ духовномъ Итальянцы достигли объединенія; въ области науки, поэзіи и особенно искусства усилія Итальянцевъ различныхъ провинцій дружно сливались въ общемъ дѣлѣ. Но пока зрѣли плоды этой прекрасной цивилизаціи, сосѣди Итальянцевъ были заняты болѣе суровою работой, политическимъ объединеніемъ страны и упроченіемъ монархической власти, и на границахъ Италіи вдругъ возникли три грозныя монархіи — Франція, Испанія и Австрія, которыя вступили другъ съ другомъ въ состязаніе на итальянской почвѣ и за владычество въ Италіи. Съ этого времени Италія сдѣлалась предметомъ раздора между своими сосѣдями, и подъ суровымъ владычествомъ иностранцевъ погибла ея цивилизація и изсякли ея силы.

Наконецъ, въ наше время Франція искупила свою вину противъ Италіи; она сначала идеями, порожденными великою революціей, со-

дѣйствовала ея возрожденію, а потомъ обезпечила его своею матеріальною помощью [1]).

Италія сдѣлалась жертвой грандіознаго средневѣковаго идеала, воспѣтаго Дантомъ. Идеалъ заключался въ объединеніи всего христіанскаго міра въ религіозномъ и политическомъ союзѣ, представителями котораго долженствовали быть двѣ главы міра, папа и императоръ. Этотъ идеалъ потребовалъ еще другой жертвы—Германіи. Нѣмецкіе короли, преслѣдуя космополитическіе планы несбыточнаго господства надъ міромъ, не имѣли силы и времени бороться съ феодализмомъ, который незамѣтно подточилъ единство Германіи, и когда феодализмъ уступилъ мѣсто болѣе зрѣлому государственному быту, Германія оказалась раздробленною на множество самостоятельныхъ территорій, соединенныхъ номинальною связью — тѣнью, которая продолжала титуловаться Священною Римскою Имперіей. Но въ Германіи долго никто не хотѣлъ понять настоящаго положенія вещей; съ необыкновеннымъ ослѣпленіемъ всѣ продолжали лелѣять преданія и повторять устарѣвшіе термины, не сознавая, что дѣйствительность перестала имъ соотвѣтствовать. Особенною непрактичностью отличались историки. Подобно средневѣковымъ лѣтописцамъ, которые считали Германскую имперію продолженіемъ Римской, нѣмецкіе историки не хотѣли понять совершенно измѣнившагося характера своего государства; они продолжали считать австрійскихъ Габсбурговъ преемниками средневѣковыхъ Оттоновъ и Генриховъ и судили о прошедшемъ съ точки зрѣнія партіи, которая себя называла reichspatriotisch. Не-

---

[1]) Мы не можемъ не вспомнить при этомъ, какъ искренно интересовался покойный П. Н. Кудрявцевъ судьбою Италіи и съ какимъ живымъ сочувствіемъ онъ ожидалъ ея возрожденія. Ранней судьбѣ Италіи былъ посвященъ его главный литературный трудъ, — той порѣ, когда Италія шла къ политическому объединенію подъ властью лонгобардскихъ королей. Сочиненіе это было написано въ то время, когда наслѣдники Лонгобардовъ, піемонтскіе короли, сдѣлали послѣднюю неудачную попытку освободить Италію изъ-подъ власти иноземцевъ (въ 1849—50 г.). Когда прошли надъ Европой мрачные годы реакціи противъ движенія 1848 года и когда снова блеснула надежда окончить тысячелѣтнее дѣло Италіи, П. Н. съ прежнимъ сочувствіемъ отнесся къ стремленіямъ, которыя многимъ тогда казались фантастическою мечтой. О томъ, какъ онъ интересовался итальянскими дѣлами, свидѣтельствуютъ его письма изъ Италіи, писанныя имъ для *Русскаго Вѣстника* зимою 1857 года, въ послѣдній годъ его жизни, когда никто еще не могъ предвидѣть успѣха. Покойному не суждено было дожить до восторженнаго одушевленія Итальянцевъ и до событій 1859 и 1860 годовъ, создавшихъ единую Италію.

давно только историческая наука въ Германіи освободилась отъ преданій и усвоила себѣ точку зрѣнія, болѣе соотвѣтствующую современному положенію вещей. Разсадникомъ этого новаго направленія былъ Берлинскій университетъ, основанный именно въ тотъ моментъ, когда исчезла самая тѣнь Священной Римской Имперіи, и тѣмъ нѣмецкимъ правительствомъ, которое въ своей политикѣ пошло наперекоръ стариннымъ преданіямъ.

Тотъ самый государственный человѣкъ, которому Пруссія преимущественно обязана своимъ обновленіемъ послѣ Наполеоновскаго погрома — Штейнъ сдѣлался основателемъ историческаго общества, около котораго потомъ группировались лучшія силы новой исторической школы. Послѣдователи этой школы скоро разнесли по всей Германіи новый взглядъ, который они называли національнымъ, противники же ихъ — прусскимъ или *готскимъ*. Этотъ взглядъ ихъ такъ соотвѣтствовалъ современнымъ потребностямъ Германіи и сдѣлался такъ популяренъ, что остальныя нѣмецкія государства, несмотря на свой партикуляризмъ и ненависть къ Пруссіи, не могли воспротивиться его вліянію, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ историческія каѳедры во всѣхъ главныхъ университетахъ среднихъ государствъ были заняты представителями національнаго или даже спеціально-прусскаго взгляда; такъ, въ Гейдельбергѣ былъ Гейссеръ, въ Мюнхенѣ Зибель, въ Іенѣ Дройзенъ, авторъ сочиненія о прусской политикѣ. Труды этой школы выставили всю исторію Германіи въ совершенно новомъ свѣтѣ. Особенно измѣнился взглядъ на средневѣковой періодъ нѣмецкой исторіи. Политика блестящихъ императоровъ, упрочившихъ своими побѣдами за Германіей обладаніе Италіей и титулъ Римской имперіи, которою такъ восторгались *имперскіе* историки, подверглась строгимъ нареканіямъ. Новая школа стала доказывать, что эта политика была антинаціональная, что постоянные походы въ Италію изнурили матеріальныя силы Германіи, и что стремленіе къ *универсальному* господству имѣло своимъ послѣдствіемъ политическое ничтожество Германіи, начиная съ XVII вѣка. Съ національной точки зрѣнія разсматривалась потомъ дѣятельность императоровъ изъ Габсбургскаго дома.

Габсбурги съ самаго начала заботились только о приращеніи своихъ владѣній и этой цѣли приносили въ жертву интересы имперіи. Въ XV вѣкѣ, угождая папству, они противодѣйствовали попыткамъ ослабить вліяніе папы на церковныя дѣла въ Германіи и дать церкви, по примѣру Франціи, національный характеръ. Въ исходѣ XV вѣка Габсбурги противились преобразованію государственнаго устройства

Германіи, потому что не хотѣли отказаться отъ своихъ плановъ относительно Бургундіи и Италіи въ пользу болѣе національной политики, на которой настаивали приверженцы реформы. Вскорѣ за тѣмъ Габсбургскій домъ занялъ престолъ Испаніи. Карлъ V смотрѣлъ на Германію какъ на провинцію своей огромной имперіи, въ которой солнце не заходило. Онъ во всемъ держался испанской политики и свои итальянскія завоеванія присоединилъ не къ Германіи, которой они издревле принадлежали, а къ Испаніи. Въ союзѣ съ папствомъ, онъ воспротивился церковной реформѣ и раскололъ такимъ образомъ нѣмецкій народъ на двѣ враждебныя половины. Австрійскіе преемники его, подчиняясь вліянію іезуитовъ, довели до крайности религіозныя страсти; они заботились только о томъ, чтобы воспользоваться средствами имперіи для своихъ войнъ съ Турками и для завоеванія Венгріи, а въ войнахъ съ Французами постоянно жертвовали національными интересами, уступали нѣмецкія области для того, чтобы сохранить владѣнія своего дома въ Италіи. До послѣдней минуты австрійская политика сохранила этотъ характеръ, и за обладаніе сѣверною Италіей готова была рисковать интересами Германіи. Вслѣдствіе этого всякое противодѣйствіе австрійской политикѣ было національнымъ дѣломъ, и въ этомъ отношеніи самыя важныя заслуги оказаны Пруссіей, которая уже при Великомъ Курфирстѣ явилась представительницей національныхъ интересовъ. Фридрихъ Великій, наконецъ, разорвалъ очарованный кругъ, въ которомъ Габсбургскій домъ держалъ Германію. Послѣ него Пруссія, и въ дѣлѣ образованія, и въ отношеніи внутренняго устройства, сдѣлалась передовымъ государствомъ Германіи. Она объединила Германію, вопреки желанію Австріи, въ экономическомъ и въ духовномъ отношеніяхъ, и потому только ею можетъ быть разрѣшена задача политическаго объединенія нѣмецкаго народа. Вотъ вкратцѣ та критика, которой новая школа подвергла политику нѣмецкихъ императоровъ. Съ наибольшею рельефностью и ясностью она высказалась въ сочиненіи талантливѣйшаго изъ нѣмецкихъ историковъ, *Зибеля:* „Die Deutsche Nation und das Kaiserreich". Но этотъ взглядъ нашелъ себѣ много противниковъ. Защитниками императорской политики явились прежде всего австрійскіе и католическіе историки, между которыми по своей учености занимаетъ самое видное мѣсто Инспрукскій профессоръ *Фикеръ* [1]).

---

[1]) Ficker — Das deutsche Kaiserreich in seinen nationalen und universalen Beziehungen.

Партикуляризмъ, которымъ держится самостоятельность среднихъ нѣмецкихъ государствъ, также выставилъ нѣсколько ревностныхъ защитниковъ древнихъ императоровъ и противниковъ Пруссіи. Между послѣдними особенно замѣчателенъ рѣзкостью своей полемики *Онно Клоппъ*, библіотекарь Ганноверскаго архива и издатель сочиненій Лейбница. Онно Клоппъ написалъ сочиненіе о Тридцатилѣтней войнѣ, въ которомъ онъ старался оправдать Тилли отъ взводимыхъ на него упрековъ въ жестокости и выставить Густава Адольфа виновникомъ всѣхъ бѣдствій Германіи, ибо подъ личиною защиты протестантизма онъ желалъ въ союзѣ съ Франціей увеличить Швецію на счетъ Германіи. Наслѣдницей этой шведской политики, пользовавшейся протестантизмомъ, чтобы возбудить ненависть противъ Габсбургскаго дома, явилась, по мнѣнію Клоппа, Пруссія, которая преслѣдуетъ эгоистическіе планы въ ущербъ національнымъ интересамъ Германіи. Онно Клоппъ является представителемъ той политической партіи въ Германіи, которая называетъ себя великогерманскою (grossdeutsch) и которая желала включить всю Австрійскую имперію въ тѣсный союзъ съ Германіей или по крайней мѣрѣ уменьшить вліяніе Пруссіи и предоставить Австріи полную гегемонію въ Германіи. Онъ негодуетъ на вышеназванныхъ историковъ, называя ихъ представителями малогерманской партіи, поборниками идей *національнаго общества* (Nationalverein), которое было готово купить объединеніе Германіи цѣною исключенія Австріи изъ Германскаго союза. Въ своемъ памфлетѣ (Kleindeutsche Geschichtsbaumeister) онъ запальчиво обвиняетъ Гейссера, Дройзена и Зибеля въ пристрастіи къ Пруссіи, въ искаженіи исторической истины и непониманіи національныхъ интересовъ. Въ этомъ сочиненіи рѣзкимъ нападкамъ подвергается кромѣ того Гейдельбергскій юристъ Блунчли за его пристрастіе къ Пуфендорфу, который въ XVII вѣкѣ будто бы явился провозвѣстникомъ идей, проповѣдуемыхъ теперь національнымъ обществомъ. Въ своей полемикѣ противъ Блунчли и Пуфендорфа Онно Клоппъ постоянно ссылается на современника Пуфендорфа — Лейбница, который ему мало сочувствовалъ и стоялъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія [1]).

Эта полемика переноситъ насъ въ XVII вѣкъ, когда въ нѣмецкой публицистикѣ уже были возбуждены тѣ же самые вопросы, но когда они,

---

[1]) Сюда еще относятся брошюры Клоппа: Die Gothaische Auffassung der deutschen Geschichte und der Nationalverein. 1862 г., и Offener Brief an H. Pr. Häusser.

конечно, представлялись въ совершенно иномъ свѣтѣ. Въ XVII вѣкѣ въ Германіи надѣлала много шума политическая брошюра о состояніи Римско-Германской имперіи, написанная, по обычаю того времени, по латыни съ большимъ запасомъ ученыхъ цитатъ, подъ псевдонимомъ Hippolithus a Lapide. Въ послѣдствіи оказалось, что авторомъ ея былъ Богуславъ Филиппъ фонъ-Хемницъ, который скрылъ свое славянское имя подъ латинскимъ переводомъ a Lapide. Хемницъ сначала служилъ въ голландскихъ войскахъ, потомъ въ шведскихъ, въ послѣдствіи былъ сдѣланъ шведскимъ исторіографомъ и награжденъ королевой Христиной дворянствомъ и имѣніемъ.

Сочиненіе его [1]) появилось въ 1640 году и было явно написано по внушенію шведскаго правительства. Оно должно было подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Германіи, возбудить ненависть противъ Габсбургской династіи и внушить протестантскимъ князьямъ новое рвеніе въ пользу шведскаго дѣла. Протестантскіе князья съ недовѣрчивостью стали смотрѣть на своихъ защитниковъ—Шведовъ, и испугавшись ихъ успѣховъ, стали сближаться съ императоромъ. Плодомъ этой политики былъ Пражскій миръ, заключенный между курфирстомъ Саксонскимъ и императоромъ. Сочиненіе Ипполита а Лапиде имѣло цѣлью показать, какая опасность грозила бы не только протестантскимъ, но и всѣмъ остальнымъ князьямъ, если бы восторжествовали Габсбурги. Сочиненіе распадается на три части: въ первой авторъ разбираетъ государственное устройство Германской имперіи и старается доказать, что она не монархія, а аристократія, ибо императоръ не обладаетъ правами монарха и даже можетъ быть лишенъ имперскими князьями своего сана; во второй части авторъ говоритъ о настоящихъ интересахъ нѣмецкой націи; въ третьей о средствахъ, которыми можно возстановить и упрочить навсегда свободу въ Нѣмецкомъ государствѣ. Насъ здѣсь интересуетъ не столько юридическая, сколько политическая сторона разбираемаго сочиненія. Юридическая точка зрѣнія автора совершенно ложная: онъ не понимаетъ или не хочетъ понять первоначальнаго устройства Нѣмецкой имперіи, по которому императоръ былъ дѣйствительно главой государства; всѣ монархическія тенденціи авторъ приписываетъ вліянію римскаго права,

[1]) Dissertatio de ratione status in Imperio nostro Romano-Germanico. Auct. Hippolitho a Lapide. MDCXL, безъ означенія мѣста. Pars I p. 258, pars II p. 152., III p. 55. Во время Семилѣтней войны это сочиненіе было издано въ нѣмецкомъ переводѣ съ подробными комментаріями: Hippolithi a Lapide — Abriss der Staatsverfassung и т. д. 1761. 8°.

и онъ не находитъ довольно рѣзкихъ выраженій противъ юристовъ и докторовъ этого права. Онъ постоянно толкуетъ о свободѣ, но злоупотребляетъ этимъ словомъ, ибо разумѣетъ подъ нимъ не политическія и гражданскія права народа, но произволъ князей и право ихъ заключать союзы съ врагами отечества. Странно звучатъ въ устахъ этого защитника княжескихъ правъ и династическихъ интересовъ выраженія, заимствованныя у Демосѳена, и высокопарныя слова: „мы въ свободѣ рождены и воспитаны“ [1]). Защищая самостоятельность членовъ имперскаго сейма, авторъ становится на точку зрѣнія англійскихъ либераловъ, совершенно забывая, что парламентъ дѣйствительно состоялъ изъ представителей народа, чины же имперскаго сейма (Reichsstände) представляли независимыя государства и общины, которыя въ своихъ предѣлахъ деспотически и безъ отвѣтственности управляли народомъ.

Но перейдемъ къ политической сторонѣ сочиненія. Авторъ старается доказать, что Габсбурги злѣйшіе враги Германіи, и что для спасенія ея необходимо уничтожить Габсбургское могущество. „Пусть же, восклицаетъ онъ, всѣ соединятъ свои войска и нападутъ на дѣтей умершаго тирана (Фердинанда II) и на весь этотъ родъ, столь пагубный для нашего государства и для нашей дѣдовской свободы, на этотъ Австрійскій домъ, который никому кромѣ самого себя не вѣренъ. Пусть онъ будетъ совершенно изгнанъ изъ Германіи, сообразно съ заслугами, которыя онъ оказалъ нашему государству. Обширныя области его, которыя онъ пріобрѣлъ по милости (beneficio) имперіи и какъ ея лено, пусть будутъ конфискованы и обращены въ казенную собственность.... Если справедливы слова Макіавеля, что въ государствахъ бываютъ роковыя семейства, которыя возникаютъ на погибель своего отечества, то конечно, таковъ для Германіи этотъ Австрійскій домъ, который, начавъ съ малаго, дошелъ до такого могущества, что сталъ страшенъ и пагубенъ для всей имперіи“ [2]).

Предложенія автора, какимъ образомъ замѣнить изгнанную династію, чрезвычайно непрактичны и свидѣтельствуютъ о безвыходномъ положеніи Нѣмецкой имперіи. Онъ совѣтуетъ избрать новаго императора, не взирая на его знатность и могущество его рода и только принимая въ соображеніе его личныя достоинства. Обезпечить его

---

[1]) Pars III, cap. II, p. 18: Nobis, in libertatc natis et educatis, placet generosa illa Demosthenis vox, qui plerisque aliis Antipatri humanitatem ac facilitatem laudantibus dominum, inquit, quantumcunque facilem repudiamus.

[2]) Pars III, c. II, въ началѣ.

можно было бы доходами съ конфискованныхъ владѣній Габсбурговъ, и кромѣ того курфирсты могли бы отказаться въ его пользу отъ нѣкоторыхъ неправильно присвоенныхъ доходовъ имперіи, напримѣръ, отъ пошлинъ на Рейнѣ. Чтобъ обезопасить свободу имперіи, слѣдуетъ принять нѣкоторыя мѣры: не слѣдуетъ избирать болѣе трехъ императоровъ сряду изъ одного дома; по смерти императора слѣдуетъ подвергнуть суду всѣ его дѣйствія, выслушать всѣ жалобы противъ него и при составленіи условій, предлагаемыхъ его преемнику предъ избраніемъ (Capitulation), отнять у него возможность повторить такія дѣйствія. Авторъ указываетъ весьма неудачно на Польшу, которая такимъ способомъ обезпечила за собой свободу и ограничила властъ королей.

Гораздо болѣе политическаго смысла авторъ выказалъ въ вопросѣ религіозномъ. Онъ считаетъ необходимымъ условіемъ политическаго благоденствія примиреніе религіозныхъ партій. Онъ требуетъ полной равноправности для обѣихъ церквей и убѣждаетъ обѣ партіи отказаться отъ своихъ крайнихъ притязаній. Вспомнимъ, что это было написано во время Тридцатилѣтней войны. Правда, война эта уже начинала утрачивать религіозный характеръ, который она имѣла въ началѣ, политическіе интересы выступили на первый планъ; Французы сражались за протестантовъ, протестантскіе Саксонцы были въ союзѣ съ католическою Австріей. Ипполитъ прямо говоритъ: „Да замолкнетъ, наконецъ, и исчезнетъ этотъ мнимый (vanus) предлогъ религіи; ибо мы не вѣримъ, чтобы борьба шла преимущественно изъ-за религіи; она идетъ изъ-за политическихъ интересовъ, изъ-за того, будемъ ли мы жить въ свободѣ или съ позоромъ преклонимъ шею подъ ярмо Австрійскаго дома, смѣшаннаго съ испанскою кровью“ [1]). Но и тутъ нѣтъ рѣчи о настоящей религіозной свободѣ — о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Авторъ и тутъ стоитъ на точкѣ зрѣнія князей; онъ требуетъ равноправности для имперскихъ чиновъ, отстаиваетъ права протестантскихъ князей секуляризировать духовныя имущества, но умалчиваетъ о правахъ подданныхъ. Его вѣротерпимость исходитъ не изъ философскаго или нравственнаго принципа, а изъ политической необходимости.

Далѣе авторъ требуетъ реорганизаціи имперскаго сейма и учрежденія изъ чиновъ имперіи особой директоріи, члены которой должны

[1]) P. III, c. I: Non enim credimus de religione jam amplius principaliter, sed de regione potius agi.

нымъ проводникомъ французскаго господства въ Германіи и получалъ за это субсидіи — въ первые три года Рейнскаго союза по 105.000, а потомъ по 20.000 талеровъ ежегодно. Конечно, о характерѣ политическихъ дѣятелей не всегда слѣдуетъ судить съ точки зрѣнія современныхъ понятій о національности: въ жизни каждаго народа могутъ быть минуты, когда интересы не менѣе священные, чѣмъ національность, заглушаютъ на время народное чувство. Съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ Германіи, заслуживаетъ, напримѣръ, совершеннаго порицанія вся политика протестантскихъ князей, которые вступали въ союзъ то съ Франціей, то съ Швеціей, чтобъ отстоять свои религіозныя убѣжденія. Но члены Рейнскаго союза не могли оправдать свою политику такимъ высокимъ интересомъ. Въ ихъ пользу можно сказать только то, что политическое устройство Германіи было до такой степени уродливо, что въ XVII вѣкѣ иногда трудно было сказать, въ чемъ заключаются національные интересы. Торжество Габсбургскаго деспотизма съ его клерикальною политикой могло быть такъ же опасно для Германіи, какъ покровительство Франціи и вмѣшательство ея въ германскія дѣла. Для князей Нѣмецкой имперіи въ XVII вѣкѣ, какъ и въ наше время, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о собственной независимости и династическіе интересы, и ими никто изъ нихъ не хотѣлъ жертвовать для блага имперіи и націи. Гдѣ этотъ вопросъ не затрогивался, они могли быть хорошими патріотами.

Архіепископу Шёнборну обыкновенно противопоставляется великій курфирстъ Бранденбургскій, какъ образецъ патріотическаго князя. Это было сдѣлано еще Пуфендорфомъ въ его сочиненіи: „О дѣяніяхъ Фридриха Вильгельма", написанномъ по Берлинскому архиву. Противъ Пуфендорфа возсталъ въ наше время Гурауеръ, біографъ Лейбница [1]): опровергая нападки Пуфендорфа, онъ старался выставить патріотическую сторону въ дѣятельности Шёнборна и его министра Бойнебурга. Въ наше время вся прусская школа идетъ по слѣдамъ Пуфендорфа, и во главѣ ея извѣстный Дройзенъ. Политика великаго курфирста и всѣхъ его преемниковъ была однако большею частью также эгоистична, какъ и политика остальныхъ князей. Но она была болѣе дальновидна и энергична; она была самостоятельна и опиралась на бóльшія средства, а главное, она чаще совпадала съ интересами цѣлой націи, чѣмъ политика Габсбургскаго дома и стремленія мелкихъ князей, которые,

---

[1]) Въ своемъ сочиненіи: Kur-Mainz in der Epoche 1672.

вслѣдствіе своей слабости, должны были примыкать то къ Франціи, то къ Австріи. Политика Гогенцоллерновъ была всегда чисто-прусская политика, и видѣть въ нихъ поборниковъ и мучениковъ національнаго дѣла Германіи было бы анахронизмомъ.

Съ памятью архіепископа Шёнборна тѣсно связано имя его главнаго совѣтника, барона Бойнебурга. Германія въ XVII вѣкѣ была очень бѣдна государственными людьми; въ политическомъ хаосѣ ея не было почвы, на которой они могли бы развиться, не представлялось высокой цѣли, которой они могли бы посвятить свою жизнь, и способности ихъ погибали среди мелочныхъ интересовъ и безцѣльныхъ интригъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить вся дѣятельность и судьба Бойнебурга, котораго современники считали однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей. Онъ умѣлъ внушить архіепископу Шёнборну такое довѣріе къ себѣ, что этотъ принялъ его къ себѣ на службу, несмотря на его протестантизмъ, и въ послѣдствіи сдѣлалъ его предсѣдателемъ своего тайнаго совѣта или первымъ министромъ. Черезъ нѣсколько времени, впрочемъ, Бойнебургъ перешелъ въ католичество. Это было сдѣлано не по разчету. Въ то время такіе переходы въ католичество были не рѣдки, и объ искренности Бойнебурга свидѣтельствуютъ его письма къ друзьямъ. Французскіе дипломаты, которые вышли изъ хорошей школы Мазарини и знали людей, всѣ отзываются съ большимъ уваженіемъ о его умѣ и способностяхъ. Онъ получилъ отличное образованіе, и несмотря на свое честолюбіе навсегда сохранилъ горячій интересъ къ наукѣ и литературѣ; онъ стоялъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ лучшими изъ тогдашнихъ ученыхъ: съ юристомъ и историкомъ Беклеромъ въ Страсбургѣ и особенно съ извѣстнымъ полигисторомъ Конрингомъ въ Гельмштедтѣ, съ которымъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ[1]).

Самую блестящую роль Бойнебургъ игралъ въ 1657 году во время избранія преемника императору Фердинанду III. Франція старалась всѣми силами помѣшать избранію эрцгерцога Леопольда. Испанія, доведенная до изнеможенія войною съ Франціей, видѣла свое спасеніе въ избраніи Габсбурга, и поддерживала партію австрійскую. Всѣ эти партіи старались наперерывъ привлечь на свою сторону Бойнебурга, уполномоченнаго посла архіепископа Шёнборна. Архіепископъ Майнцскій былъ канцлеромъ имперіи: отъ его политики, отъ

[1]) Часть этой латинской переписки, вмѣстѣ съ другими письмами Бойнебурга, Конринга и ихъ современниковъ, издана Груберомъ въ 1745 году — Commercii Epistolici Leibnitiani etc. 2 тома.

искусства его уполномоченнаго не въ малой мѣрѣ зависѣлъ исходъ избранія. Испанскій посолъ Пиньеранда вручилъ Бойнебургу вексель на 20.000 талеровъ, чтобы привлечь его на сторону Габсбурговъ. Съ австрійскимъ домомъ Бойнебургъ былъ связанъ еще другимъ, не менѣе важнымъ интересомъ. Онъ могъ надѣяться получить должность имперскаго вице-канцлера, которую, ему обѣщали покойный императоръ и старшій сынъ его Фердинандъ, умершій при жизни отца.

Интриги и переговоры шли не только объ избраніи на германскій престолъ, но и объ условіяхъ избранія, о такъ-называемыхъ капитуляціяхъ, которыя императоръ долженъ былъ утвердить для обезпеченія свободы князей. Французы воспользовались этимъ, чтобы связать руки императору. Они требовали, чтобы въ капитуляціи была внесена статья, по которой новый императоръ обязывался не помогать Испаніи во время войны ея съ Франціей, не посылать вспомогательнаго войска въ бургундскій округъ. Въ этомъ случаѣ Французы могли разчитывать на поддержку многихъ имперскихъ князей, которые всегда старались о томъ, чтобы сдѣлать капитуляціи какъ можно болѣе стѣснительными. Архіепископъ Майнцскій также принадлежалъ къ этимъ блюстителямъ имперской свободы. Бойнебургъ раздѣлялъ взглядъ архіепископа. Это видно изъ его письма къ Конрингу, въ которомъ онъ говоритъ объ общественной пользѣ условій и объ увлеченіи партій: „Одни слишкомъ потворствуютъ своеволію иностранцевъ; другіе боятся могущества императора больше, чѣмъ слѣдуетъ; нѣкоторые, наконецъ, стараются, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ и хорошимъ гражданамъ, устроить все сообразно съ теперешнимъ положеніемъ отечества“.

Мы видимъ, что Бойнебургъ дѣйствовалъ искренно и считалъ свою дѣятельность патріотическою. Но о патріотизмѣ не удобно говорить тамъ, гдѣ онъ оплачивается личными выгодами. По настоянію французскихъ пословъ Ліонна и Граммона, Бойнебургъ возвратилъ Пиньерандѣ вексель, и за это получилъ отъ французскаго правительства пожизненную и наслѣдственную ренту въ 1.000 талеровъ ежегодно съ королевской домены Ретель въ Арденнахъ. Кромѣ того, онъ получилъ еще отъ Людовика пенсію въ 1.500 тал., которая должна была перейдти и къ его сыну. Выдачу пенсіи король имѣлъ право пріостановить, если бы былъ недоволенъ Бойнебургомъ, ренту же онъ въ этомъ случаѣ обязывался выкупить единовременною уплатой 20.000 талеровъ.

Бойнебургъ однако не хотѣлъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ французской политики: онъ имѣлъ свои убѣжденія относительно интересовъ Германіи и не хотѣлъ ими жертвовать. Разногласіе между его убѣж-

деніями и видами французскаго правительства обнаружилось на Регенсбургскомъ сеймѣ. Французы хотѣли своими интригами удержать князей отъ дѣятельной помощи императору противъ Турокъ; Бойнебургъ чувствовалъ весьма живо опасность, которая грозила имперіи отъ Турокъ, и старался возстановить на сеймѣ единодушіе. Французское правительство было раздражено противъ Бойнебурга и обвинило его въ измѣнѣ передъ архіепископомъ. Послѣдній, который нуждался въ помощи Французовъ противъ Эрфурта, и можетъ-быть, съ завистью смотрѣлъ на своего министра, пожертвовалъ имъ. Бойнебургъ былъ отозванъ изъ Регенсбурга, отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей, лишился пенсіи, былъ даже заключенъ и подвергнутъ суду, но по прошествіи 5 мѣсяцевъ освобожденъ весною 1665 года. Бойнебургъ поселился во Франкфуртѣ. Архіепископъ, убѣдившись въ невинности его, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ, чтобы примириться съ нимъ. Онъ приглашалъ его поселиться въ Майнцѣ, отъ чего Бойнебургъ долго отказывался. Въ 1668 году племянникъ архіепископа женился на дочери Бойнебурга, и тогда послѣдовало сближеніе между нимъ и архіепископомъ. Но прежнее полное довѣріе не было возстановлено: по крайней мѣрѣ Бойнебургъ, хотя сдѣлался снова совѣтникомъ архіепископа, но уже не занималъ при его дворѣ никакой офиціальной должности. Вотъ въ это-то время Бойнебургъ привезъ въ Майнцъ молодаго Лейбница.

Лейбницъ провелъ въ Майнцѣ и въ обществѣ Бойнебурга 5 лѣтъ. Въ первое время онъ не имѣлъ офиціальнаго положенія и опредѣленныхъ занятій. Онъ былъ и секретаремъ, и другомъ Бойнебурга, и почти все свое время посвящалъ его интересамъ. Онъ исполнялъ для него различныя порученія, писалъ письма и дѣловыя бумаги, служилъ ему адвокатомъ въ одномъ процессѣ, дѣлалъ для него извлеченія изъ книгъ съ собственными примѣчаніями, составлялъ записки о различныхъ религіозныхъ и политическихъ вопросахъ. Порученія Бойнебурга отнимали у него часто очень много времени. Однажды Лейбницъ проработалъ цѣлую зиму надъ бумагами, относившимися къ дипломатической миссіи Бойнебурга въ Польшу; другую зиму онъ просидѣлъ надъ составленіемъ особеннаго, придуманнаго имъ систематическаго каталога для обширной библіотеки Бойнебурга.

Близкія отношенія къ такому умному, опытному и многостороннему человѣку какъ Бойнебургъ имѣли, конечно, хорошее вліяніе на Лейбница; но съ другой стороны такая разнообразная дѣятельность поддерживала въ немъ врожденную его страсть браться за все, являться вездѣ изобрѣтателемъ, составлять безъ устали новые планы и

проекты, не всегда сообразовавшіеся съ дѣйствительностію. Шёнборнъ, которому Лейбницъ посвятилъ свое небольшое сочиненіе: „Новый способъ для изученія юридической науки и обученія ей", скоро оцѣнилъ его способности и предложилъ ему сдѣлаться помощникомъ одного Майнцскаго юриста Лассера, которому было поручено сдѣлать въ законахъ Юстиніана измѣненія, требуемыя современными условіями. За это Лейбницъ получалъ небольшое вознагражденіе изъ казны курфирста, которое впрочемъ скоро прекратилось. Наконецъ, въ 1670 г. Лейбницъ получилъ важное мѣсто совѣтника въ ревизіонной коммиссіи въ Майнцѣ, которая составляла высшую инстанцію въ курфиршествѣ.

Мы должны остановиться нѣсколько времени на юношеской дѣятельности Лейбница, ибо въ ней уже отражается вся будущая дѣятельность великаго философа. Во всѣхъ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ она проникнута одною основною идеей, которая чрезвычайно характеристична, какъ для самого Лейбница, такъ и для его вѣка. Вѣкъ Лейбница былъ вѣкомъ великихъ математическихъ открытій. Умъ человѣка, изощренный въ трудной діалектической школѣ схоластики, принялся за дѣятельность болѣе зрѣлую и плодотворную. Но у человѣка въ то время было мало реальныхъ познаній, и не было еще умѣнья пользоваться ими; главнымъ орудіемъ его была сила разума, и потому самые важные успѣхи были совершены прежде всего въ области математики и философіи. Ясность и несомнѣнность математическихъ истинъ вызвали желаніе достигнуть тѣхъ же результатовъ въ остальныхъ наукахъ. XVII вѣкъ имѣлъ своего рода *позитивизмъ*. Казалось достаточнымъ перенести въ другія науки внѣшніе пріемы математики, строгую послѣдовательность въ доказательствахъ, способъ демонстрацій, чтобы поставить ихъ на такую же твердую почву, какую занимала математика.

Лейбницъ еще болѣе чѣмъ другіе поддавался этому общему настроенію времени, такъ какъ онъ самъ былъ геніальный математикъ. Во всѣхъ планахъ и проектахъ его, касающихся самыхъ разнообразныхъ наукъ, виденъ истый математикъ. Въ области права его непріятно поражала запутанность и неясность многихъ юридическихъ вопросовъ; онъ считалъ возможнымъ упростить науку права. Взявъ за основаніе римское право, онъ думалъ извлечь изъ него существенныя истины или аксіомы права (Elementa juris). На одной большой картѣ должны быть размѣщены эти основныя истины такимъ способомъ, чтобы съ помощью ихъ сочетаній легко и какъ бы сами собой разрѣшались всѣ возможные юридическіе вопросы. Вскорѣ

онъ рѣшился предпринять то же самое для всего объема человѣческой науки. Его пугало громадное число книгъ, выходившихъ ежегодно и терявшихся безслѣдно въ общей массѣ. Онъ считалъ эту литературную плодовитость главнымъ препятствіемъ для успѣховъ науки. „Въ наше время, говорилъ онъ, часто берутся писать книги такіе люди, которые едва умѣютъ читать ихъ“. Онъ считалъ необходимымъ осмотрѣться въ этомъ хаосѣ, отдѣлить существенное отъ ненужнаго, и ему казалось, что настала послѣдняя минута, удобная для этого дѣла, ибо книжный хаосъ увеличится скоро до такой степени, что въ немъ нельзя будетъ возстановить порядка. Для этой цѣли, онъ рѣшился предпринять періодическое изданіе, въ которомъ онъ хотѣлъ излагать вкратцѣ сущность всѣхъ вновь выходящихъ книгъ — указывать въ сжатой формѣ математической аксіомы, какую новую истину авторъ прибавилъ къ общему запасу человѣческихъ свѣдѣній. Въ прибавленіяхъ къ этому изданію точно такимъ же образомъ предполагалось изложить сущность всѣхъ важныхъ, когда-либо вышедшихъ книгъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и при сотрудничествѣ людей, интересующихся успѣхами науки, собрать сокровищницу человѣческихъ знаній и положить основаніе для полной энциклопедіи, въ которой были бы изложены систематически всѣ понятія и истины, добытыя человѣкомъ. Всѣ истины, которыя вытекаютъ изъ разума (a priori), должны были быть здѣсь доказаны математическимъ способомъ. Что касается до истинъ, основанныхъ на предположеніяхъ, то слѣдовало опредѣлить тѣмъ же путемъ степень ихъ вѣроятности. Всѣ же остальныя, вытекающія не изъ разума, но изъ опыта надъ настоящимъ и прошедшимъ (исторія), должны были быть распредѣлены по извѣстной системѣ и подтверждены достовѣрными авторитетами. Эта энциклопедія, которая, по мнѣнію Лейбница, для своего окончанія потребовала бы, можетъ-быть, болѣе столѣтія, должна была послужить твердымъ фундаментомъ для будущей науки.

Для успѣшнаго начала задуманнаго дѣла Лейбницъ считалъ нужнымъ испросить у императора привилегію на основаніе періодическаго журнала. Онъ обратился съ своимъ проектомъ къ вице-канцлеру и просилъ его доложить объ этомъ императору. Безъ привилегіи, писалъ онъ, ни одинъ книгопродавецъ не согласится взять на себя рискъ изданія. Въ то же время онъ обратился къ библіотекарю императора, извѣстному Ламбецію, который былъ въ большой милости у Леопольда, съ просьбой ходатайствовать за него. Леопольдъ, предназначавшійся сначала для духовнаго званія и получившій поэтому ученое воспи-

таніе, отозвался очень благосклонно о проектѣ Лейбница. Но Австрійскій домъ всегда былъ очень равнодушенъ къ развитію научныхъ интересовъ въ Германіи. Лейбницъ испрашивалъ не только привилегію, но надѣялся также на денежныя пособія, безъ которыхъ изданіе не могло бы состояться. Леопольдъ поручилъ Ламбецію вступить въ переписку съ Лейбницемъ и ободрять его; но болѣе дѣятельной поддержки не послѣдовало, и въ началѣ 1670 года прерывается переписка между Лейбницемъ и его Вѣнскими меценатами [1]).

Еще болѣе оригинально примѣненіе математическаго метода къ политикѣ, которое находимъ въ сочиненіи Лейбница, написанномъ въ пользу кандидатуры пфальцграфа Нейбургскаго на польскій престолъ.

Послѣдній король Польскій изъ дома Вазы, Янъ Казимиръ, утомленный безплодною борьбой съ надменною шляхтой и неудачными войнами, послѣ долгихъ колебаній и отсрочекъ, наконецъ, отрекся отъ престола въ 1669 году. Всѣ европейскія государства, заинтересованныя въ польскомъ вопросѣ, снова поспѣшили, какъ 100 лѣтъ передъ тѣмъ по прекращеніи дома Ягеллоновъ, воспользоваться междуцарствіемъ и провести своего кандидата. Россія выставила своего царевича; Австрія тайно поддерживала герцога Лотарингскаго, имѣя въ виду женить его на сестрѣ императора; Франція, хотя вошла въ соглашеніе съ Фридрихомъ Вильгельмомъ и съ Швеціей и поддерживала прусскаго кандидата, однако разсыпала золото въ пользу избранія герцога Конде; прусскимъ кандидатомъ былъ пфальцграфъ Нейбургскій, старинный соперникъ Бранденбургскаго курфирста изъ-за Юлихъ-Клевскаго наслѣдства, примирившійся, наконецъ, съ Фридрихомъ Вильгельмомъ подъ условіемъ, что онъ будетъ поддерживать его кандидатуру.

Пфальцграфъ упросилъ Бойнебурга, какъ искуснаго дипломата, принять на себя посольство въ Польшу, и это послужило поводомъ къ тому, что и Лейбницъ принялъ участіе въ дѣлѣ пфальцграфа. Онъ написалъ по просьбѣ Бойнебурга сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Образчикъ политическихъ доказательствъ въ пользу избранія Польскаго короля, изложенныхъ по новому способу и съ совершенною очевидностью“ (ad claram certitudinem) [2]). Лейбницъ говоритъ въ предисловіи, что ему надоѣли пустыя уловки ораторовъ и неуклюжіе (humi re-

[1]) Проекты и письма, сюда относящіеся, напечатаны въ первый разъ Онно Клоппомъ въ I томѣ сочиненій Лейбница.

[2]) Сочиненіе вышло подъ псевдонимомъ — autore Georgio Ulicovio Lithuano. Vilna. Anno 1659 (10-ью годами раньше).

pentes) силлогизмы схоластиковъ. Ему пришло желаніе возобновить мужественный, сжатый и тонкій способъ выраженія, которымъ отличались Гиппократъ, Эвклидъ, Аристотель и римскіе юристы. Но онъ счелъ нужнымъ заимствовать у математиковъ способъ сцѣпленія мыслей, ибо изъ всѣхъ смертныхъ только они ничего не говорятъ бездоказательно. Съ помощью математики Галилей оплодотворилъ естественныя науки. Тѣмъ же путемъ, хотя съ меньшимъ успѣхомъ, Декартъ высоко поднялъ метафизику. Гоббесъ примѣнилъ этотъ способъ къ гражданской наукѣ, которая состоитъ изъ двухъ частей—изъ изслѣдованій 1) справедливаго и 2) полезнаго (право и политика). Самъ Гоббесъ занялся только первою частью, и къ сожалѣнію, съ бо́льшимъ талантомъ чѣмъ правдивостью. Методъ же политики еще нуждается въ реформѣ. Далѣе Лейбницъ говоритъ: „Меня удивляетъ безпечность людей; мы измѣряемъ въ точности движенія тѣлъ, и въ то же время поверхностно обсуждаемъ движенія души, подчиняющейся не менѣе научному закону. Мы имѣемъ теоремы о любомъ механическомъ снарядѣ, а о благоденствіи столькихъ народовъ мы имѣемъ только декламаціи“ [1]).

Согласно съ этою программой все сочиненіе, довольно объемистое (109 стр. in quarto), состоитъ изъ 60 положеній, какъ напримѣръ: Выгоды дворянства совпадаютъ въ Польшѣ съ выгодами государства; главный интересъ Польши составляетъ свобода въ предѣлахъ безопасности; все, что́ препятствуетъ свободѣ, нарушаетъ также безопасность; аристократическое правленіе опасно для Польши; въ Польшѣ какъ можно скорѣе нужно избрать царя; избраніе должно быть не случайное, а разумное; отъ избираемаго требуются такія и такія-то свойства, и т. д. Каждое изъ этихъ положеній представляетъ какъ-бы отдѣльную математическую теорему и доказывается цѣлымъ рядомъ другихъ положеній. Какъ въ математикѣ, въ началѣ поставлено положеніе, требующее доказательства, затѣмъ идетъ рядъ положеній, а послѣднее есть именно то, которое требовалось доказать. Нѣкоторыя изъ положеній пояснены довольно пространными коментаріями. Затѣмъ слѣдуютъ четыре вывода (conclusiones). Избраніе Московскаго кандидата не выгодно (utiliter non eligitur). Избраніе Конде и Лотарингскаго герцога не выгодно. Избраніе пфальцграфа Нейбургскаго выгодно. Каждый изъ этихъ выводовъ опять подтверждается рядомъ положеній. О Московскомъ кандидатѣ, напримѣръ, сказано: Его нравъ неизвѣстенъ, что̀ противно такому-то положенію; онъ будетъ управ-

---

[1]) Opera omnia Leibnitii ed. Dutens. T. IV, p. 523.

лять посредствомъ намѣстника, что противно, и т. д.; онъ не католикъ, а если сдѣлается католикомъ, то ради достиженія власти; онъ несовершеннолѣтенъ (puer) и пр.

Это сочиненіе написано не однимъ Лейбницемъ. Въ составленіи его участвовалъ также Бойнебургъ. Но мысль и форма, которая для насъ интереснѣе содержанія, принадлежитъ Лейбницу. Бойнебургъ и друзья его отзывались съ большою похвалой объ этомъ „Образчикѣ новаго рода политическихъ сочиненій". Бойнебургъ, не называя автора, говоритъ о немъ въ письмѣ къ Бёклеру, что онъ summus summarum rerum tractator et actor, а Бёклеръ, приводя эти слова въ своемъ сочиненіи: „О пользѣ составленія всеобщей исторіи", говоритъ: „Авторъ этотъ изслѣдовалъ интересъ королевства Польскаго такимъ замѣчательнымъ способомъ обсужденія и доказательства, что можетъ-быть, нельзя указать ничего подобнаго".

Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе сочиненіе Лейбница произвело на его польскихъ читателей; но мы полагаемъ, что золото, которое сыпалъ щедрою рукою посолъ Людовика XIV, было гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ математическія выкладки молодаго философа. Однако на этотъ разъ и золото ничего не могло сдѣлать. Неожиданно для всѣхъ, польскою шляхтой во время избранія овладѣлъ патріотическій порывъ, и королемъ былъ провозглашенъ *Пястъ*, то-есть, природный Полякъ—Михаилъ Вишневецкій.

Несмотря на разнообразныя порученія Бойнебурга и на свои служебныя занятія, Лейбницъ находилъ время дѣятельно заниматься математикой, философіей и богословіемъ. Въ 1670 году Бойнебургъ описываетъ его въ письмѣ къ Конрингу слѣдующимъ образомъ: „Это молодой человѣкъ 24 лѣтъ, родомъ изъ Лейпцига, докторъ юридическихъ наукъ. Онъ ученѣе, чѣмъ можно сказать или повѣрить. Философію онъ изучилъ до основанія, и онъ счастливо примиряетъ древнюю философію съ новой. Онъ математикъ, знатокъ физики, медицины, всей механики и совершенно преданъ этимъ наукамъ. Онъ трудолюбивъ и пылокъ. Въ религіи онъ независимъ (suae spontis), впрочемъ принадлежитъ къ вашей церкви (то-есть, лютеранской). Философія права ему извѣстна, и что удивительно, также и практическое примѣненіе его".

Мы не можемъ говорить здѣсь подробно о занятіяхъ Лейбница математикой и физикой, хотя они уже въ это время доставили ему нѣкоторую извѣстность. Такъ, напримѣръ, въ 1670 году онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Новая физическая гипотеза", въ двухъ

частяхъ, изъ коихъ въ первой онъ говоритъ какъ теоретикъ (Theoria motus abstracti), во второй какъ эмпирикъ. Первую часть онъ послалъ въ Парижскую академію наукъ, а вторую въ Лондонское королевское общество, которое, въ противоположность спекулятивному методу Декарта и его послѣдователей, придерживалось эмпирическаго метода для объясненія физическихъ явленій. Лондонская академія приняла очень благосклонно трудъ Лейбница и благодарила его черезъ своего секретаря. Гипотеза Лейбница заключается въ томъ, что онъ объясняетъ явленія природы, особенно же явленія тяжести и упругости, движеніемъ эѳира, который по направленію земной оси проникаетъ во всѣ поры физическихъ тѣлъ. Онъ подтверждаетъ свою гипотезу всѣми результатами, добытыми въ то время физикой, особенно же старается воспользоваться для своей цѣли только-что сдѣланнымъ изобрѣтеніемъ воздушнаго насоса. Лейбницъ въ эту пору своего философскаго развитія стоитъ какъ-бы на перепутьи между реализмомъ и идеализмомъ. Ибо такъ какъ всѣ явленія объясняются у него изъ одного принципа, то все зависитъ отъ того, какое значеніе будетъ имѣть этотъ принципъ — матеріалистическое или духовное.

Выставленная Лейбницемъ гипотеза навлекла на него обвиненіе въ матеріализмѣ, и дѣйствительно, знаменитое выраженіе его — omne corpus est mens momentanea, всякое тѣло есть *мгновенный духъ* — на первый взглядъ можетъ казаться матеріалистическимъ, то-есть, ведущимъ къ отрицанію духа. Но съ другой стороны, отсюда чрезвычайно легокъ переходъ въ противоположную крайность, гдѣ всѣ матеріальныя явленія объясняются изъ одного духовнаго принципа. Выраженіе: „omne corpus est mens momentanea" можетъ быть и такъ истолковано: всѣ матеріальныя явленія не что иное, какъ постоянно смѣняющіяся видоизмѣненія (momentanea) духа, и когда Лейбницъ опредѣлилъ этотъ духовный принципъ всѣхъ явленій и назвалъ его *монадой*, тогда основаніе его идеалистической философіи было готово.

Отъ этой гипотезы, объяснявшей явленіе тяжести изъ движенія эѳира, Лейбницъ никогда не хотѣлъ отказаться, даже и тогда, когда Ньютонъ сдѣлалъ свое безсмертное открытіе законовъ притяженія. Лейбницъ не признавалъ силы притяженія, которую Ньютонъ принималъ за основаніе открытыхъ имъ законовъ. Идеалистъ-философъ въ этомъ случаѣ оказался замѣчательно упрямымъ реалистомъ. Гипотеза Ньютона напоминала Лейбницу фантастическія гипотезы схоластиковъ, различныя *силы*, которыми они произвольно населяли міръ, особенно же пресловутое „дѣйствіе въ дали", игравшее такую роль въ физикѣ

схоластиковъ и такъ мило пародированнюе Гёте въ его стихотвореніи: Wirkung in der Ferne.

Около этого самаго времени Лейбницъ послалъ знаменитѣйшему изъ современныхъ ему философовъ, который добывалъ свое скромное дневное пропитаніе шлифованіемъ оптическихъ стеколъ — Бенедикту Спинозѣ, записку объ усовершенствованіи этихъ стеколъ и просилъ его высказать ему свое мнѣніе объ ней. Лейбницу казалось возможнымъ изготовить такое стекло, съ помощью котораго можно было бы измѣрять разстояніе и величину отдаленныхъ предметовъ съ одной точки. Спиноза, который, какъ всѣ ученые Евреи, былъ чрезвычайно вѣжливъ и сдержанъ съ незнакомыми людьми, отвѣтилъ ему очень вѣжливо, но объявилъ, что онъ находитъ описаніе его не совсѣмъ яснымъ.

Мы не станемъ останавливаться на философскихъ занятіяхъ Лейбница въ этотъ періодъ, ибо насъ интересуетъ не столько постепенное развитіе философскихъ убѣжденій его, сколько результаты его философской системы, которые мы потомъ представимъ въ общемъ обзорѣ. Самымъ замѣчательнымъ его трудомъ по философіи во время майнцскаго періода его жизни было новое изданіе сочиненія Ницолія: „Объ истинныхъ началахъ и истинномъ способѣ философствованія противъ лжефилософовъ", съ предисловіемъ къ нему. Это сочиненіе вышло въ Италіи въ 1553 году во время процвѣтанія гуманизма. Авторъ его вооружается противъ схоластическихъ философовъ за то, что они своею варварскою терминологіей искажаютъ латинскій языкъ. Въ своемъ предисловіи къ сочиненію Ницолія Лейбницъ настаиваетъ на необходимости яснаго и понятнаго изложенія философскихъ идей, и самымъ лучшимъ средствомъ для этого считаетъ употребленіе живыхъ языковъ. Онъ объясняетъ большее процвѣтаніе философіи въ Италіи, Франціи и Англіи сравнительно съ Германіей тѣмъ, что тамъ о философскихъ предметахъ давно уже начали писать на отечественномъ языкѣ, въ Германіи же все еще употребляютъ латинскій.

Философскія размышленія Лейбница стояли въ непосредственной связи съ его религіозными убѣжденіями. Исходный пунктъ его философской системы, то-есть, существованіе послѣдней причины — Бога, былъ для него не философскимъ только тезисомъ, но живымъ источникомъ религіознаго чувства. Мы потомъ увидимъ, какъ вѣра въ безсмертіе души совпадала съ однимъ изъ существенныхъ положеній его философской системы. Уже въ это время онъ въ нѣсколькихъ небольшихъ разсужденіяхъ, которыя онъ не предназначалъ для печати, отстаи-

валъ положеніе о существованіи Бога и безсмертіи души. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ занятіяхъ юридическими и политическими вопросами, Лейбницъ находился подъ вліяніемъ и руководствомъ Бойнебурга. Этотъ послѣдній былъ человѣкъ чрезвычайно религіозный; его переходъ въ католицизмъ былъ слѣдствіемъ искренняго убѣжденія. Въ это время онъ былъ занятъ полемикой съ сектой Социніанъ, которые не признавали божественности Христа и Троицы и поэтому называли себя унитаріями. Эта секта была особенно распространена въ Польшѣ, и тамъ, въ городкѣ Раковѣ, она имѣла свою типографію. Но въ 60-хъ годахъ многіе изъ вождей унитаріевъ должны были бѣжать изъ Польши; между ними былъ извѣстный Виссоваций; онъ нашелъ убѣжище у того самаго курфирста Пфальцскаго, который пригласилъ Спинозу въ Гейдельбергъ и построилъ одинъ общій храмъ *Согласія* для враждующихъ исповѣданій католическаго, реформатскаго и лютеранскаго. Виссоваций своею діалектикой привелъ въ затрудненіе Бойнебурга, и по просьбѣ послѣдняго Лейбницъ принялъ участіе въ полемикѣ и написалъ разсужденіе: „Защита ученія о Троицѣ съ помощью новыхъ логическихъ изобрѣтеній“.

На религіозныя убѣжденія Лейбница въ это время бросаетъ новый, интересный свѣтъ небольшой отрывокъ, въ первый разъ напечатанный въ послѣднемъ изданіи сочиненій Лейбница, начатомъ Онно Клоппомъ [1]).

Какъ реакція противъ раціонализма, который въ прошломъ вѣкѣ уничтожилъ религіозность въ большей части образованнаго общества, въ концѣ того вѣка и въ началѣ нашего появилось особенное поклоненіе чувству. Уже Руссо́ былъ однимъ изъ апостоловъ этого новаго направленія, которое превозносило чувство насчетъ разума. Оно скоро обнаружило свое вліяніе во всѣхъ сферахъ литературной дѣятельности. Въ изящной литературѣ оно вызвало ту сентиментальность, которою проникнуты всѣ произведенія европейскихъ литературъ за извѣстный періодъ, начиная отъ „Страданій молодаго Вертера“; въ политическихъ наукахъ это направленіе вызвало романтизмъ; въ философіи и богословіи оно укоренило убѣжденіе, что религіозность основана на чувствѣ, что источника ея нужно искать въ той особенной области души, которая недоступна анализу разума, въ которой не формулируются ясныя понятія, способныя предстать предъ судомъ логики, въ области смутныхъ представленій, влекущихъ въ безпредѣльную даль, въ

---

[1]) T. I, p. 111 и sq.

области чаянія и надеждъ. Въ XVIII вѣкѣ философъ Якоби первый выставилъ это ученіе, а въ нашъ вѣкъ самымъ краснорѣчивымъ провозвѣстникомъ его явился Шлейермахеръ. Напрасно философія (особенно гегелизмъ) боролась противъ этой теоріи и доказывала, что источника религіи, этой высшей дѣятельности человѣческаго духа, не должно искать въ психологической сферѣ, которая стоитъ ниже чѣмъ разумъ. Эта теорія, ищущая единственнаго источника религіозности въ чувствѣ, имѣетъ нѣкоторое основаніе, ибо есть извѣстная религіозность, которая основывается на чувствѣ. Но есть другаго рода религіозность, не менѣе глубокая чѣмъ первая, въ которой чувство въ вышеупомянутомъ смыслѣ играетъ очень небольшую роль. Лейбница можно принять за представителя этой послѣдней религіозности. Въ его жизни вообще мы встрѣчаемъ мало проявленій чувства. Онъ умѣлъ сильно привязываться къ людямъ и былъ очень вѣренъ своимъ привязанностямъ. Но если мы ближе всмотримся въ нихъ, мы увидимъ, что источникомъ ихъ всегда былъ какой-нибудь научный или духовный интересъ. Женщины не внушали ему чувства привязанности, и единственная женщина, къ которой онъ питалъ дѣйствительно нѣжное чувство, была умная и даровитая Софія Шарлотта, королева Прусская, внимательная ученица старѣющаго философа, съ живымъ участіемъ слѣдившая до послѣдняго года своей жизни за самыми отвлеченными выводами его системы. Мы можемъ сказать, что каковъ онъ былъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, таковъ онъ былъ и въ религіи. Въ немъ было необыкновенно развито чутье разума, разлитаго въ природѣ и въ мірѣ. Но вслѣдствіе совершеннаго отсутствія фантазіи это чувство не перешло въ энтузіазмъ поэта, не привело его къ пантеистическому обоготворенію природы. Его строгій математическій умъ старался спокойно и безстрастно проникнуть въ глубину этого разума и понять гармонію міра, и чѣмъ далѣе онъ проникалъ, тѣмъ яснѣе становился ему образъ виновника этого разума и этой гармоніи. Его религіозность состояла въ созерцаніи мироваго разума, въ преклоненіи предъ нимъ и въ сознаніи, что въ немъ самомъ живетъ и дѣйствуетъ частичка этого разума.

Мы пояснимъ это собственными словами Лейбница. „Любовь, говоритъ онъ, есть восторгъ души, происходящій отъ созерцанія красоты и совершенства въ другомъ [1]). Красота же состоитъ въ гармоніи и

---

[1]) Liebe ist eine Freude des Gemüths aus Betrachtung der Schönheit und Vortreffligkeit eines andern.

соразмѣрности. Любовь къ Богу, къ высшему благу, заключается въ безпредѣльномъ, непостижимомъ (unglaublich) восторгѣ, который черпается изъ созерцанія его красоты, то-есть, соразмѣрности между безпредѣльнымъ Его могуществомъ и премудростью. Любовь эта удивительно укрѣпляется съ помощью сознанія и удостовѣренія во всемогуществѣ и премудрости Божіей. Сознаніе, что Онъ всемогущъ и премудръ побуждаетъ насъ любить Его, а пониманіе, какимъ образомъ Его могущество и мудрость выражается въ мірѣ, на сколько оно намъ возможно, указываетъ намъ, какъ мы должны любить Его.

„Всемогущество Бога состоитъ въ томъ, что Онъ есть послѣдняя причина всего существующаго (Ratio ultima rerum). Его премудрость заключается въ томъ, что Онъ составляетъ высшую гармонію міра (Harmonia maxima rerum).

„Отсюда слѣдуетъ неминуемо, что любить Бога больше всего (Amor Dei super omnia) значитъ не что иное, какъ любить общественное благо и всеобщую гармонію, или что̀ то же самое, — сознавать славу Божію и увеличивать ее, на сколько это въ нашихъ силахъ“ [1]).

„Мы можемъ прославлять Бога тремя способами: словами, помысломъ и дѣйствіями. Отсюда слѣдуетъ, что мы можемъ служить ему какъ проповѣдники и священники, какъ философы-естествовѣды и какъ философы-политики [2]). Всѣ, которые чтутъ Бога восхваленіемъ его и приношеніемъ, составляютъ разрядъ проповѣдниковъ и священниковъ. Первые чтутъ Его своими рѣчами, вторые обрядами. (Мы не говоримъ здѣсь, прибавляетъ Лейбницъ, о той части ихъ обязанностей, которыя относятся къ попеченію о душахъ и врачеванію ихъ — cura animarum). Сюда же нужно отнести тѣхъ, которые прославляютъ Бога поэзіей и музыкой, украшеніемъ и построеніемъ храмовъ для вящшаго благочестія.

„Какъ философы, чтутъ Бога всѣ тѣ, которые открываютъ новую гармонію въ природѣ или искусствѣ, и этимъ способомъ обнаруживаютъ Его всемогущество и премудрость. Большаго уваженія между людьми и безъ сомнѣнія милости Божіей достоинъ всякій, кто съ доброю цѣлью прославить Творца и принести пользу ближнему созидаетъ чудо гармоніи, будетъ ли то произведеніе искусства или физическій опытъ и объясненіе какого-нибудь закона природы. Эмпири-

---

[1]) Amare bonum publicum et harmoniam universalem, vel quod idem est, gloriam Dei et intelligere et quantum in se est facere majorem.

[2]) Unde Deum colimus vel ut oratores et sacerdotes, vel ut philosophi naturales, vel ut morales seu politici.

ковъ въ этомъ случаѣ можно приравнять къ проповѣдникамъ (oratores), а теоретиковъ къ поэтамъ, ибо первые указываютъ новые факты, а послѣдніе вымышляютъ на основаніи ихъ новыя гипотезы, согласныя съ опытомъ и служащія къ славѣ Божіей.

„Каждый разъ, напримѣръ, когда дѣятельные въ настоящее время естествоиспытатели (anatomici), съ помощью опыта, открываютъ новые сосуды, или посредствомъ гипотезы усматриваютъ доселѣ неизвѣстное значеніе давно извѣстныхъ сосудовъ, всемогущество и премудрость Божества, такъ-сказать, изображаются (illuminat) живыми красками, и во всякомъ разумномъ человѣкѣ сильнѣе возбуждается любовь къ Творцу и сознаніе Его совершенства, чѣмъ посредствомъ тысячи рѣчей, пѣснопѣній (carmina), а иногда и проповѣдей.

„Третій способъ прославленія Божія — самый совершенный. Это способъ тѣхъ, которые служатъ Господу какъ моралисты, политики, правители государства (rectores rerum publicarum). Ибо они не только стремятся къ тому, чтобъ открыть въ природѣ сіяніе Божественнаго свѣта, но хотятъ уподобиться Ему посредствомъ подражанія Его *творчеству;* они прославляютъ Его не восхваленіями только и помысломъ, но и благими дѣлами; они не довольствуются созерцаніемъ Его благости, но становятся Его орудіями, содѣйствуя къ развитію общественнаго блага и пользы человѣческаго рода. Сюда относятся всѣ тѣ, которые прилагаютъ чудеса природы и изобрѣтенія къ медицинѣ, къ механикѣ, къ удобству жизни, къ обезпеченію труда и матеріальнаго положенія бѣдныхъ классовъ, къ искорененію между людьми тунеядства и пороковъ, къ установленію справедливости, кары и возмездія, къ поддержанію общественнаго спокойствія, къ благосостоянію и процвѣтанію отечества, къ отвращенію дороговизны, моровыхъ язвъ и войнъ, на сколько это въ человѣческой власти и происходитъ отъ человѣческой вины, къ распространенію истинной религіозности и благочестія, наконецъ, къ блаженству всего человѣческаго рода, на сколько это въ ихъ силахъ, и такимъ образомъ, стараются въ своей сферѣ подражать тому, что̀ Богъ дѣлаетъ для всего міра“.

Изъ этихъ словъ мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, какого свойства была религіозность Лейбница. Въ ней не было вовсе того самозабвенія, того стремленія къ сліянію съ Божествомъ въ экстазѣ молитвы и восторженномъ одушевленіи, которые бываютъ у людей, склонныхъ къ мистицизму и чувствительности. Источникомъ его религіозности былъ разумъ, и оттого она не вела его къ страдательному самоотверженію, но возбуждала постоянно къ бодрой, прак-

тической дѣятельности. Онъ видѣлъ въ себѣ и въ другихъ людяхъ самодѣятельныя монады, въ которыхъ отражался всемірный разумъ. Оттого онъ за все брался съ одинаковою живостью и увлеченіемъ, какъ за философскія умозрѣнія и математическія проблемы, такъ и за практическія улучшенія въ механикѣ и ремеслахъ; вездѣ онъ видѣлъ въ себѣ орудіе Божественнаго разума, призванное содѣйствовать къ обнаруженію и установленію всеобщей гармоніи. Таковъ онъ былъ и въ политикѣ, въ которой судьба, къ сожалѣнію, не дала ему возможности играть роль, соотвѣтствующую его генію. Съ этой точки зрѣнія получаютъ цѣну его политическіе планы и проекты, хотя они и не нашли себѣ практическаго примѣненія.

Къ майнцскому періоду его жизни относятся два такіе проекта: „Записка объ обезпеченіи внутренняго и внѣшняго міра въ имперіи" и проектъ о разрѣшеніи восточнаго вопроса посредствомъ завоеванія Египта Французами, къ которымъ мы теперь переходимъ.

Въ Лейбницѣ было чрезвычайно живо чувство патріотизма. Это чувство шло у него рука объ руку съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ предъ Австрійскимъ домомъ, который такъ давно уже занималъ престолъ въ Германской имперіи. Лейбницъ уважалъ въ императорѣ не только верховнаго государя своего народа, но представителя единства всего христіанскаго міра по идеямъ среднихъ вѣковъ. При его потребности видѣть гармонію водворенною въ политическомъ мірѣ, ему нравились средневѣковыя мечты о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государствъ, подъ руководствомъ верховнаго судьи въ международныхъ отношеніяхъ — Римскаго императора. Особенно въ юности онъ увлекался этими мечтами, и въ мелкихъ статьяхъ и стихотвореніяхъ этого періода часто встрѣчаются слѣды этого настроенія и благоговѣнія передъ Австріей.

Его знакомство съ Бойнебургомъ посвятило его въ политику Рейнскихъ князей. Въ это время она уже утратила свой анти-австрійскій оттѣнокъ, и Лейбницъ чистосердечно вошелъ въ виды Бойнебурга и архіепископа, которые считали необходимымъ тѣсный союзъ прирейнскихъ князей съ Людовикомъ XIV для внутренняго міра въ Германіи и избѣжанія войны съ Франціей.

Нельзя было съ большею искренностью и съ большимъ энтузіазмомъ говорить о политикѣ архіепископа, какъ это дѣлаетъ Лейбницъ въ посвященіи своего „Новаго Метода". „Тебѣ болѣе всѣхъ, говоритъ онъ, Германія обязана своимъ миромъ; тебѣ одному будетъ обязана миромъ церковь, если небо осуществитъ твои планы. О, еслибъ мнѣ

довелось дожить до той минуты, когда я увижу исцѣленными раны Германіи, согласіе и любовь возстановленными между князьями ея! Тогда возвратится благочестіе храмамъ, любовь людямъ, народу доблести, страхъ врагамъ и всѣмъ благоденствіе" [1]).

Лейбницъ не измѣнилъ этого взгляда до конца своей жизни. По прошествіи многихъ лѣтъ, когда архіепископъ и Бойнебургъ давно умерли, когда самъ Лейбницъ, наученный долгимъ опытомъ жизни, могъ составить себѣ независимое сужденіе о дѣятельности этихъ людей, онъ идеализировалъ ее съ такою же искренностью, какъ въ свои юношескіе годы [2]). Отзывъ Лейбница можетъ служить самою краснорѣчивою апологіей, самымъ лучшимъ оправданіемъ политики Майнцскаго курфирста. „Это былъ человѣкъ высокихъ побужденій [3]), который руководствовался въ своей политической дѣятельности интересами всего христіанскаго міра. Онъ дѣйствовалъ совершенно искренно и искалъ свою славу въ томъ, чтобъ обезпечить миръ своему отечеству, будучи убѣжденъ, что онъ можетъ согласовать свои собственные интересы съ пользою имперіи. Онъ, конечно (je veux croire), не воображалъ себѣ тогда, что равновѣсіе между обѣими могущественнѣйшими державами Европы будетъ такъ легко нарушено, и что Франція такъ скоро возьметъ перевѣсъ. Какъ бы то ни было, онъ былъ свидѣтелемъ разоренія Германіи, развалины которой еще дымились; онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые болѣе всѣхъ трудились надъ умиротвореніемъ ея. Она едва еще дышала, вся страна была населена только малыми дѣтьми, и если бы возобновилась война, что легко можно было ожидать при раздраженіи Швеціи и при угрозахъ Франціи, то нужно было опасаться, что будетъ истреблено и подростающее поколѣніе, и что тогда бо̀льшая часть несчастной Германіи превратится въ пустыню. Поэтому ему казалось необходимымъ, — чтобы дать какое-нибудь удовлетвореніе тѣмъ двумъ державамъ, которыя тщетно противились избранію императора (Швеціи и Франціи), и чтобы сохранить миръ, — связать новому императору (Леопольду) руки посредствомъ капитуляціи, и обезпечить эту капитуляцію союзомъ между нѣсколькими князьями имперіи и вышеназванными двумя державами — то-есть, Рейнскимъ союзомъ".

---

[1]) «O mihi tam longe maneat pars ultima vitae! donec videre liceat coeuntia Germaniae ulcera и т. д. Tum vero redibit honor templis, charitas animis, virtus genti, exteris terror, salus omnibus». Werke v. Leibniz. I p. 4.

[2]) См. французское письмо его, напечатанное у Гурауера: Kur-Mainz, I p. 91.

[3]) C'était un génie élevé, et qui n'agitait rien moins dans son esprit, que les affaires générales de la chrétienté.

Дѣйствительно, рейнскіе князья могли мечтать одно время, что они своимъ нейтралитетомъ уравновѣсятъ соперничество между Габсбургами и Бурбонами и обезпечатъ такимъ образомъ европейскій миръ, подобно тому, какъ въ наше время мелкія государства Германіи мечтали о такой же политикѣ относительно Австріи и Пруссіи (Triaspolitik). Но въ обоихъ случаяхъ эти мечты скоро разсѣялись, и политика архіепископа Майнцскаго должна была совершенно измѣниться. Честолюбивые планы Людовика XIV ясно обнаружились, когда онъ, по смерти Филиппа IV Испанскаго, изъявилъ притязанія на бо̀льшую часть Бельгіи и двинулъ туда свои войска. Дальнѣйшія завоеванія въ Бельгіи были пріостановлены только опасеніемъ, которое внушилъ ему *тройственный* союзъ между Голландіей, Англіей и Швеціей. Архіепископъ, правда, заключилъ, по примѣру другихъ рейнскихъ князей, курфирста Кельнскаго и пфальцграфа Нейбургскаго, съ Людовикомъ XIV особый союзъ въ 1667 году (28-го февраля, въ Вюрцбургѣ) [1]) на три года, по которому онъ обязался содержать на французскія субсидіи 3.500 солдатъ, для сопротивленія всякому войску, „которое двинулось бы на Рейнъ“, то-есть, для защиты Бельгіи отъ Французовъ. Но уже въ слѣдующемъ году онъ заключилъ съ курфирстомъ Трирскимъ и герцогомъ Лотарингскимъ союзъ въ Лимбургѣ, направленный противъ французскихъ интересовъ, и намѣревался даже съ этими своими союзниками искать поддержки у Тройственнаго союза. Въ 1670 году французскій дипломатъ Гравель отзывается о немъ, что онъ въ послѣдніе годы измѣнился такъ, что его узнать нельзя (changé du blanc au noir). Бойнебургъ смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на эту перемѣну въ политикѣ архіепископа и старался поддержать прежнія связи съ Франціей, оттого ли, что онъ считалъ Тройственный союзъ непрочнымъ [2]), какъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Конрингу, или оттого, что онъ боялся раздражать Людовика и считалъ по прежнему союзъ съ Франціей единственнымъ средствомъ обуздать ея воинственность. И по прежнему къ этому примѣшивались матеріальные интересы. Бойнебургъ надѣялся, что его доброе расположеніе къ Франціи будетъ вознаграждено возвращеніемъ пенсіи и ренты, которыхъ онъ лишился, и онъ уже завелъ объ этомъ переговоры съ Ліонномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ Людовика XIV. Онъ употреблялъ все свое вліяніе на Іоганна Филиппа и особенно на курфирста Трирскаго, чтобъ отклонить Лимбургскихъ союзниковъ отъ вступленія въ Тройственный союзъ.

---

[1]) См. Mignet.

[2]) Triplex foedus variantibus et alternantibus votis spebusque interpungitur.

Однако, разрывъ между курфирстомъ Майнцскимъ и Франціей обнаруживался все болѣе и болѣе. Несмотря на то, что архіепископъ въ договорѣ 1667 года обязался продолжить срокъ Рейнскаго союза, онъ не только этого не сдѣлалъ, но и отговаривалъ другихъ князей отъ союза, вслѣдствіе чего возобновленіе его не состоялось. За это Французы прекратили выдачу субсидій, которыя они обязались, по договору 1667 года, выплачивать въ теченіе 3 лѣтъ. Курфирстъ пошелъ далѣе. Уже шла рѣчь о томъ, чтобы Лимбургскіе союзники выставили войско между Сарой и Рейномъ для обезпеченія Лотарингіи отъ притязаній Франціи. Курфирстъ вездѣ искалъ союзниковъ: чтобы составить лигу для обезпеченія рейнскихъ князей, приглашалъ курфирста Саксонскаго, отправилъ съ тою же цѣлью въ 1670 году Бойнебурга къ своему давнишнему врагу, курфирсту Пфальцскому, но безуспѣшно, и обращался даже къ Швейцарцамъ съ предложеніемъ вступить въ оборонительный союзъ съ прирейнскими князьями. Въ это время курфирстъ Трирскій совѣтовалъ ему предложить императору вступить вмѣстѣ съ обоими курфирстами въ Тройственный союзъ, подъ условіемъ гарантіи Лотарингіи и Бельгіи, какъ частей имперіи.

Чтобы подвинуть впередъ эти переговоры, Шёнборнъ устроилъ свиданіе съ курфирстомъ Трирскимъ на водахъ въ Швальбахѣ близь Висбадена, которыя въ XVII вѣкѣ пользовались еще большею популярностью, чѣмъ теперь. Туда должны были прибыть повѣренные герцога Лотарингскаго, курфирста Саксонскаго и Голландской республики. Тутъ, въ началѣ августа 1670 года, мы находимъ и Бойнебурга, въ сопровожденіи Лейбница. Послѣдній составилъ здѣсь, по просьбѣ Бойнебурга, *въ теченіе 3 дней,* свое „Мнѣніе, какимъ способомъ обезпечить общественную безопасность (securitas publica) внѣ и внутри имперіи при теперешнихъ обстоятельствахъ“.

Мысль Бойнебурга заключалась въ томъ, что курфирстамъ не слѣдовало принимать открыто сторону императора, чтобы не возбудить вражду Франціи и не привлечь другихъ имперскихъ князей во французскій лагерь, но что лучше всего было бы для нихъ заключить между собой особую конфедерацію, съ центральною директоріей и постояннымъ войскомъ. Лейбницъ развилъ эту мысль, прибавилъ многое отъ себя и опредѣлилъ потомъ условія, на которыхъ должна была состояться конфедерація [1]). Записка его была поправлена Бойнебургомъ

---

[1]) Die Werke v. Leibnitz ed. Klopp. I p. 185: Plurima notatu digna addidi. Затѣмъ слѣдуетъ обозначеніе того, что принадлежитъ собственно ему.

но поправки послѣдняго извѣстны, такъ какъ у Лейбница сохранился подлинникъ рукописи. Записка Лейбница отлично обрисовываетъ тогдашнее политическое состоянiе западной Европы и составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведенiй публицистики XVII вѣка, и поэтому мы вкратцѣ познакомимъ читателя съ ея содержанiемъ.

„Германiя, говоритъ Лейбницъ, могла бы блаженствовать, ибо она не имѣетъ недостатка, ни въ землѣ, ни въ людяхъ. Люди бодры и разсудительны, земля довольно обширна и плодородна. Но тѣмъ не менѣе Германiя страдаетъ многими недугами. Ее губятъ жалкое состоянiе торговли и промышленности, совершенно испорченная монетная система, необезпеченность правъ и медленное судопроизводство, никуда негодное воспитанiе, преждевременныя путешествiя юношества, атеизмъ, нравы, зараженные чуждымъ влiянiемъ, ожесточенныя религiозныя ссоры. Всѣ эти недуги однако не въ состоянiи погубить ее внезапно, ибо они дѣйствуютъ медленно и постепенно ослабляютъ ее. Вдругъ же она можетъ погибнуть отъ внѣшней или внутренней войны, ибо вслѣдствiе своего безпомощнаго состоянiя она можетъ сдѣлаться добычей и враговъ, и защитниковъ своихъ. Поэтому врачеванiе ея нужно начать съ самаго опаснаго ея недуга — дурнаго политическаго устройства ея.

„Споры и недоразумѣнiя, продолжаетъ Лейбницъ, которыя возникаютъ отъ неисправнаго исполненiя имперскими чинами ихъ обязанностей, невозможно устранить, ибо нельзя уменьшить количество денегъ и войскъ, разложенное на чины имперiи, а при отсутствiи центральной власти ихъ нельзя принудить къ исправному исполненiю ихъ обязанностей.

„Государство должно быть гражданскимъ лицомъ (persona civilis). Какъ у человѣка есть умъ, кровь и члены, такъ въ государствѣ должно быть постоянное правительство, постоянная казна и постоянное войско. Первое невозможно устроить въ Германiи вслѣдствiе ревности, съ которою всѣ имперскiе князья стараются сохранить свои права. Слабые боятся угнетенiя; сильные опасаются, что ихъ произволъ будетъ ограниченъ. Постоянной казны и войска нельзя ввести вслѣдствiе тѣхъ же причинъ. Такъ какъ прямой путь, — совѣщанiя на сеймѣ, — не приводитъ къ цѣли, то ея нужно достигнуть окольнымъ путемъ. Нѣкоторые влiятельные и благоразумные люди, хорошо знакомые съ настоящимъ положенiемъ дѣла, считаютъ единственнымъ средствомъ для этой цѣли составленiе особаго тѣснаго союза между тѣми имперскими князьями, которые или всего болѣе подвержены опасности, или всего ближе принимаютъ къ сердцу дѣла имперiи. Эти лица находятъ, что

существующій уже Тройственный союзъ (между Англіей, Голландіей и Швеціей) могъ бы послужить точкой опоры для новаго союза, ибо у нихъ есть общая цѣль. Но отдѣльнымъ членамъ имперіи нельзя примкнуть къ этому союзу; ихъ бы неохотно приняли, потому что они, нуждаясь въ защитѣ, увеличили бы обязательства Тройственнаго союза, между тѣмъ принесли бы ему мало пользы своимъ участіемъ. Кромѣ того они возбудили бы противъ себя подозрѣніе и нерасположеніе Франціи, какъ главные противники ея честолюбивыхъ видовъ въ Германіи. Изъ этого слѣдуетъ, что нужно устроить тѣсный союзъ изъ имперскихъ князей, который бы не вмѣшивался въ дѣла, не касающіяся имперіи. Ибо нужно сознаться, что внѣ имперіи никто не нуждается въ ея защитѣ, и никто не надѣется на нее, такъ какъ всякій, кто при настоящемъ положеніи дѣлъ вступилъ бы съ нею въ союзъ, долженъ былъ бы ожидать, что ему придется ее защищать, не получая отъ нея никакой помощи. Нужно, чтобъ этотъ особый союзъ не разрушилъ окончательно единства имперіи, которое держится теперь только на волоскѣ. Многіе даже изъ членовъ имперіи радуются, что всѣ попытки *починить* (flicken) ея устройство остались тщетными; они надѣются, что когда рухнетъ ея зданіе, то они успѣютъ присвоить себѣ изъ развалинъ богатую добычу и съ этими средствами построить нѣчто новое, и поэтому ждутъ только случая, чтобы дать ей хорошій толчекъ, однако такъ, чтобы вина не падала на нихъ. Поэтому всякая неосторожность могла бы побудить ихъ составить новый враждебный союзъ, и такимъ образомъ оторвать сѣверную Германію отъ южной. Это не пустыя подозрѣнія, ибо всякому извѣстно, что замышлялось въ прошломъ году. Предполагаемый союзъ долженъ быть такого свойства, чтобъ и тѣ чины имперіи, которые враждебны къ Тройственному союзу, могли принять въ немъ участіе. Вражда эта происходитъ у однихъ изъ зависти къ Австріи и Голландіи, у другихъ изъ того, что они пользуются разными выгодами отъ Франціи, противъ которой направленъ Тройственный союзъ. Первыхъ легко привлечь въ новый союзъ, ибо они боятся могущества Франціи. Послѣдніе также не желаютъ увеличенія Франціи; они въ этомъ случаѣ похожи на Іуду (не въ обиду будь сказано), который не сомнѣвался, что Христосъ уйдетъ отъ Жидовъ, несмотря на то, что онъ его выдаетъ, а деньги между тѣмъ, думалъ онъ, останутся у него въ рукахъ. Союзу нужно дать такое устройство, чтобы Франція ему не противилась и не считала его враждебнымъ. Когда же онъ усилится, тогда можно будетъ противодѣйствовать всѣмъ намѣреніямъ

Франціи, клонящимся ко вреду имперіи. Поэтому нужно дѣйствовать осторожно и постепенно. Конечно, было бы желательно, чтобы съ самаго начала всѣ члены союза и ихъ министры клятвенно обязались не принимать ни отъ кого субсидій и подарковъ, какъ это дѣлается въ Голландіи. Но и здѣсь не слѣдуетъ дѣйствовать круто и не бросать палками въ птицъ, а нужно постепенно стараться, чтобъ этотъ позорнѣйшій обычай совершенно искоренился.

„При составленіи союза, Францію никакъ не слѣдуетъ раздражать, ибо она можетъ занять всѣ прирейнскія области, прежде чѣмъ подоспѣетъ помощь со стороны Австріи или Голландіи. Притомъ давно извѣстно, что Францію всего легче сдерживать, если тѣ государства, которыя ближе къ ней, находятся съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ. Вступить же въ Тройственный союзъ значило бы сдѣлать вызовъ Франціи. Безъ этого Франція, можетъ-быть, оставитъ въ покоѣ прирейнскихъ князей. Вообще, если Франція рѣшится на войну, то она нападетъ или на Бургундскій округъ (Бельгію), или на Лотарингію, или же на рейнскія области Германіи. Въ первомъ случаѣ прирейнскіе князья ничего не могутъ сдѣлать. Ибо если Австрія, Англія, Швеція и Голландія не въ состояніи будутъ защищать Бургундскій округъ, то наше [1]) участіе только увеличитъ пораженіе союзниковъ. Для спасенія Лотарингіи, герцогъ ея требуетъ, чтобы рейнскіе курфирсты вмѣстѣ въ нимъ вступили въ Тройственный союзъ. Но это значило бы погубить Лотарингію, ибо Франція въ этомъ случаѣ тотчасъ заняла бы ее, основываясь на Пиренейскихъ трактатахъ. Къ тому же потеря Лотарингіи не слишкомъ важна для Германіи, такъ какъ она уже теперь находится почти въ рукахъ Франціи, и намъ легче ее защитить, составивъ предполагаемый союзъ и потомъ принявъ ее въ этотъ союзъ. Что касается до рейнскихъ областей, то вступленіе ихъ въ Тройственный союзъ не спасло бы ихъ. Политика Голландіи такова, что она болѣе заботится о независимости береговъ, чѣмъ внутреннихъ областей. Во время послѣдней войны она охотно уступила бы Карлу X всю Польшу, если бы только берега Балтійскаго моря остались независимы; точно также она болѣе жалѣла о томъ, что Франція пріобрѣла покупкой Дюнкирхенъ, чѣмъ о завоеваніи бельгійскихъ крѣпостей. Она извлекаетъ очень мало пользы изъ судоходства по Рейну, вслѣдствіе безчисленныхъ пошлинъ на этой

[1]) Записка предназначалась, какъ извѣстно, для курфирстовъ Майнцскаго и Трирскаго.

рѣкѣ, и привозъ изъ одной гавани въ Бретани значительнѣе, чѣмъ вся торговля на Рейнѣ. Поэтому Голландія охотнѣе уступила бы Франціи рейнскія области, чѣмъ Антверпенъ или Остенде.

„Къ тому же Тройственный союзъ самъ едва держится. Въ англійскомъ парламентѣ только слабое большинство за него. Въ Голландіи партія принца Оранскаго не надежна, ибо она сообразуется съ политикой Англійскаго короля. Швецію же легко отвлечь войной съ сосѣдями. Притомъ неизвѣстно, не измѣнитъ ли совершеннолѣтіе короля политику Швеціи, тѣмъ болѣе, что въ шведскомъ сенатѣ не мало членовъ, расположенныхъ къ Франціи. Надежда на Австрію также слаба, и въ случаѣ защиты со стороны Австріи, рейнскимъ князьямъ пришлось бы принять въ свои крѣпости австрійскіе гарнизоны. А что̀, если бы Габсбургскій домъ вдругъ вздумалъ примириться съ Франціей и раздѣлить съ нею насъ беззащитныхъ?

„Изъ всего этого слѣдуетъ, что союзъ нельзя составить помимо Франціи. Но какимъ образомъ привлечь ее въ этотъ союзъ? Нужно указать на успѣхи императорскихъ войскъ въ войнѣ съ Турками, на союзъ Австріи съ Польшей и на опасность, которая грозитъ отъ нея свободѣ Германіи. Императору же нужно было бы откровенно сообщить, въ чемъ состоитъ цѣль союза.

„Союзъ могъ бы быть устроенъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Каждый членъ союза, желающій имѣть полный голосъ, долженъ выставить войска 1.200 человѣкъ (800 пѣхоты и 400 кавалеріи). Войско это должно получать жалованье не отъ своихъ офицеровъ, но отъ казначеевъ союза, присягнуть въ вѣрности союзу и находиться въ распоряженіи директоріи. Директорія не должна состоять изъ депутатовъ отъ всѣхъ участниковъ союза подобно имперскому сейму, но изъ одного постояннаго и двухъ смѣняющихся членовъ. Постоянный членъ могъ бы быть назначаемъ Майнцскимъ курфирстомъ, прочіе два — по очереди остальными участниками въ союзѣ. Директорія можетъ два раза въ годъ созывать общее собраніе всѣхъ членовъ союза. Императору слѣдуетъ предоставить два голоса, за Австрію и Богемію, съ условіемъ выставить двойной контингентъ. Но въ союзѣ онъ долженъ участвовать не какъ императоръ, а на одинаковыхъ правахъ съ остальными членами. Директоріи предоставляется завѣдываніе канцеляріей союза, дипломатическими переговорами и казной союза, которая пополняется взносами членовъ въ опредѣленные сроки".

Лейбницъ надѣялся посредствомъ этого союза достигнуть великихъ результатовъ не только для Германіи, но для цѣлой Европы, и даже

для всего христіанскаго міра. „Германія, говоритъ онъ—яблоко раздора, какъ была сначала Греція, потомъ Италія. Германія — мячикъ, которымъ играли всѣ тѣ, которые соперничали между собой за власть. Германія — поле брани, на которомъ сражались за первенство въ Европѣ. Вслѣдствіе ея слабости — остальные сильны. Если она укрѣпится, вся Европа успокоится и обратится туда, гдѣ можно добыть славу и пользу съ чистою совѣстью, — противъ невѣрныхъ. Если императоръ и Польша съ напряженіемъ всѣхъ силъ пойдутъ на Турокъ, а Москва на Татаръ, и никто изъ нихъ при этомъ не станетъ опасаться непріятельскаго нападенія съ тыла, то какъ скоро обнаружится благословеніе Божіе въ этомъ справедливомъ дѣлѣ! Англія и Данія изберутъ себѣ тогда поприщемъ своей дѣятельности сѣверную Америку, Испанія южную, Голландія Индію; Франція же предназначена Провидѣніемъ сдѣлаться вождемъ христіанскаго оружія въ Малой Азіи, — выставлять Готфридовъ Бульйонскихъ и Людовиковъ Святыхъ, напасть на Африку и истребить тамъ притоны морскихъ разбойниковъ, наконецъ, завоевать Египетъ, одну изъ лучшихъ странъ въ мірѣ. Однимъ словомъ, всѣ европейскіе народы тогда обратятъ свою дѣятельность на открытіе невѣдомыхъ странъ и колонизацію. Тамъ они найдутъ безсмертную славу, спокойную совѣсть, всеобщее сочувствіе, вѣрную побѣду, неизмѣримую пользу. Тогда осуществится желаніе того философа, который совѣтовалъ, чтобы люди воевали только съ волками и хищными звѣрями, къ которымъ можно въ извѣстномъ смыслѣ приравнять дикарей и невѣрныхъ до укрощенія ихъ и подчиненія цивилизаціи".

Записка эта, какъ выше сказано, была составлена въ августѣ 1670 года. Черезъ два мѣсяца послѣ этого Людовикъ XIV, которому надоѣли непостоянство и интриги герцога Лотарингскаго, занялъ своими войсками Лотарингію. Эта рѣшительность возбудила повсюду большую тревогу. Многіе думали, что это первый шагъ къ завоеванію Германіи. Но Лейбницъ былъ дальновиднѣе другихъ; онъ догадался, что немногіе предвидѣли, именно, что намѣренія Французскаго короля направлены противъ Голландіи. Тогда онъ составилъ продолженіе своей записки, въ которомъ онъ мастерски изложилъ тогдашнее политическое положеніе Европы, объяснилъ политику Франціи и указалъ средства къ предотвращенію грозившей опасности.

„Опасенія оправдались, говоритъ онъ: Французы заняли Лотарингію. Но чего отъ нихъ ожидать далѣе? Они не имѣютъ намѣренія завоевать Германію, ибо такую обширную страну невозможно завоевать или удержать въ повиновеніи. Людовикъ XIV стремится только

къ тому, чтобы медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ достигнуть первенствующаго положенія въ Европѣ (arbitrium rerum). Невѣроятно даже, чтобы Франція имѣла намѣреніе завоевать рейнскія области, ибо въ этомъ случаѣ она возбудила бы противъ себя всю Германію и объединила бы ее. Если же бы она захотѣла подѣлиться съ какою-нибудь изъ нѣмецкихъ державъ: съ Баваріей, Бранденбургомъ или Австріей, то послѣднюю легко было бы усмирить при отдаленности французской помощи.

„Притомъ, продолжаетъ Лейбницъ, пріобрѣтеніе рейнскихъ областей не представляетъ для Франціи большихъ выгодъ: ей легко ихъ завоевать, но трудно удержать. Вѣроятнѣе всего, что опасность грозитъ Голландіи. Причины озлобленія Людовика противъ этой республики двоякія: личныя и политическія. Французы стремятся къ господству въ мірѣ (monarchia universalis); но всемірное господство, въ смыслѣ Александра Македонскаго или же Юлія Цезаря, теперь невозможно, развѣ только въ Азіи. Господство, которое имѣетъ въ виду Франція, заключается только въ томъ, чтобъ имѣть рѣшительный голосъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ. Такимъ преобладаніемъ пользовались Римляне въ эпоху своего процвѣтанія. Но когда они своихъ союзниковъ превратили въ подданныхъ, тогда начался упадокъ ихъ республики. Испанія когда-то также стремилась къ такому первенствующему положенію, но погубила себя при этомъ слишкомъ насильственными, жестокими средствами, которыми она дѣйствовала противъ иновѣрцевъ. Теперь могущество Испаніи перешло къ Франціи. Сокровища Испаніи не помогли ей. У Франціи много золота, которое добывается безъ помощи ртути. Франція посредствомъ торговли и промышленности постоянно возвращаетъ истраченное ею золото.

„Для того, чтобы достигнуть первенствующаго положенія, нужно укрѣпить себя и ослабить другихъ посредствомъ раздѣленія. Франція дѣлаетъ и то и другое. У принцевъ крови, у правителей провинцій, отнята всякая власть, протестанты усмирены, злоупотребленія откупщиковъ податей ограничены, доходы приведены въ порядокъ, устроены торговыя общества, введены новые роды промышленности, учреждены академіи, военныя школы и прочее. Франція употребляетъ въ дѣло также и второй способъ: всюду вноситъ раздоръ, вооружаетъ Португалію противъ Испаніи, Арагонію противъ Кастиліи, королеву противъ грандовъ, и наоборотъ; въ Англіи поддерживаетъ короля противъ парламента; подъ предлогомъ гарантіи Вестфальскаго мира вмѣшивается во всѣ дѣла Германіи, поддерживаетъ сильныхъ, чтобы привлечь ихъ

къ себѣ, или старается примирить враждующихъ, если обѣ стороны ей привержены. Франція повсюду дѣйствуетъ двумя орудіями, посредствомъ женщинъ и денегъ. Посредствомъ женщинъ вносятся въ Германію французскіе нравы и моды, воспитаніе становится французскимъ. Деньги дѣйствуютъ еще сильнѣе. Въ Германіи въ нихъ такъ нуждаются вслѣдствіе расточительности, подражанія французскимъ нравамъ и безполезныхъ путешествій, что было бы лишнимъ указывать на отдѣльные примѣры. При этомъ стремленіи къ преобладанію въ Европѣ, для Франціи особенно важно ослабить Голландію. Республики вообще ненавистны монархамъ. Онѣ даютъ убѣжище политическимъ изгнанникамъ, возбуждаютъ въ сосѣднихъ государствахъ стремленія къ политической свободѣ, допускаютъ всевозможныя религіи, заботятся объ общественныхъ интересахъ, недоступны подкупу, представляютъ разсадники способныхъ людей, которые не довольствуются реторикой, но имѣютъ въ виду положительную пользу. Голландію же Франція должна ненавидѣть еще несравненно сильнѣе, вслѣдствіе противоположности ихъ интересовъ и могущества первой. Одна Голландія въ состояніи остановить развитіе торговли и морскаго могущества Франціи.

„Начнетъ ли Франція весною войну съ Голландіей? Это много зависитъ отъ Англіи. Въ союзѣ съ Англіей Голландіи было бы выгодно самой начать войну. Безъ Англіи Франція не можетъ причинить Голландіи существеннаго вреда, развѣ только ежегодно брать у нея по одной крѣпости, на манеръ Спинолы (auf gut spinolisch).

„Но Франція можетъ натравить на Голландію ея сосѣдей — Бранденбургъ, Люнебургъ, Мюнстеръ, курфирста Кельнскаго и другихъ, а это можетъ возбудить въ Германіи большія смуты. Поэтому нужно прежде всего уладить несогласія между Голландіей и вышесказанными сосѣдями ея, затѣмъ возбудить Голландію и Англію противъ Франціи. Если между ними возгорится война, тогда наступитъ надлежащее время для устройства въ Германіи того союза, о которомъ говорилось въ первой части записки. Тогда, наконецъ, Германія будетъ въ состояніи освободиться отъ вреднаго французскаго вліянія. Прежде всего нужно будетъ искоренить пагубное злоупотребленіе французскихъ субсидій и подарковъ. Потомъ нужно будетъ ограничить роскошь, запретить безполезныя путешествія, которыми вывозятся деньги и ввозятся дурные нравы, затѣмъ поднять торговлю возстановленіемъ Ганзы, развить мануфактуры повышеніемъ пошлинъ. Нужно только захотѣть. При этомъ необходимо согласіе не всѣхъ, а только многихъ, которымъ слѣдуетъ предоставить на выборъ, хотятъ ли они сомкнуться, или врознь

погибнуть, изъ-за каприза и мнимыхъ интересовъ, изъ-за пагубной медлительности или страсти къ неразумной роскоши, которая влечетъ за собой смѣшное притворство и униженіе передъ тѣмъ, кто даетъ имъ для того только, чтобъ удержать ихъ въ бѣдности и зависимости отъ себя. Отъ Господа же зависятъ всѣ начинанія и исполненія, и Онъ все устроитъ къ лучшему, согласно съ своимъ величіемъ и неисповѣдимою мудростью".

Мы остановились на запискѣ Лейбница не потому, чтобъ она имѣла важныя практическія послѣдствія. Правда, въ слѣдующемъ году курфирсту Майнцскому удалось заключить съ императоромъ, Триромъ, Мюнстеромъ, Саксоніей и Бранденбургъ-Кульмбахомъ оборонительный союзъ, который представляетъ много общаго съ проектомъ Лейбница: этотъ Маріенбургскій союзъ имѣлъ цѣлью обезпечить внутренній миръ въ Германіи (securitas publica); онъ предоставлялъ открытый доступъ всѣмъ имперскимъ князьямъ безъ различія религіи и старался придать себѣ характеръ не враждебный для Франціи. Но хотя этотъ союзъ въ извѣстномъ смыслѣ осуществилъ идеи Лейбница, ему не пришлось играть политической роли, и онъ скоро былъ забытъ среди другихъ, болѣе важныхъ политическихъ событій. Мы обратили вниманіе читателя на записку Лейбница потому, что въ ней выражается его замѣчательный талантъ публициста, его вѣрный взглядъ на политическое состояніе Европы и характеръ отдѣльныхъ государствъ, а также тотъ живой и глубокій интересъ, съ которымъ онъ принималъ участіе во всѣхъ важныхъ современныхъ вопросахъ, наконецъ — что̀ всего болѣе ему дѣлаетъ чести — выражается его способность всегда возвышаться надъ тѣснымъ кругомъ близкихъ ему и дорогихъ интересовъ и выискивать такія цѣли, которыя могли бы примирить враждебныя столкновенія и содѣйствовать общему благу и успѣхамъ цивилизаціи. Это послѣднее свойство Лейбница еще болѣе обнаруживается въ другой запискѣ его, стоящей въ непосредственной связи съ вышеизложенною, именно въ его предложеніи Людовику XIV завоева́ть Египетъ.

Въ 1803 году, передъ началомъ новой войны между Англіей и Франціей, вышла въ Англіи брошюра, которая надѣлала много шума. Европейская публика изъ нея въ первый разъ узнала, что Лейбницъ указывалъ Людовику XIV на выгоды, которыя представляло для Франціи завоеваніе Египта, и представилъ ему проектъ, какимъ образомъ лучше всего совершить это завоеваніе [1]). Эта брошюра получила по-

---

[1]) До того времени о существованіи такого проекта можно было догадываться

тому важный интересъ въ глазахъ европейской публики, что изданіе ея было, очевидно, дѣломъ англійскаго правительства, которое хотѣло въ общественномъ мнѣніи оправдать свой разрывъ съ Франціей и неисполненіе съ своей стороны Амьенскаго трактата, обязавшаго Англію возвратить Іоаннитамъ островъ Мальту. Брошюра была озаглавлена: „Извлеченіе изъ записки Лейбница, представленной Людовику XIV и доказывающей, что завоеваніе Египта доставитъ Франціи господство (supreme authority) надъ Европой", и имѣла цѣлью показать, что экспедиція Бонапарта въ Египетъ не что иное, какъ исполненіе этого плана, давно подготавливаемаго французскимъ правительствомъ. Издатель брошюры очень искусно примѣнялъ къ Англіи все, что Лейбницъ говорилъ о Голландіи. „Изъ Египта, говорилъ Лейбницъ въ своемъ проектѣ, можно безъ труда лишить Голландцевъ торговли съ Индіей и причинить имъ непосредственно и неминуемо большій вредъ, чѣмъ самыми блестящими побѣдами въ открытой войнѣ". „Это *наша* судьба", восклицаетъ по этому поводу англійскій издатель брошюры. Далѣе онъ доказываетъ, что Бонапартъ въ точности исполнялъ указанія Лейбница, который считалъ необходимымъ завоевать на пути въ Египетъ Мальту, чтобъ имѣть вѣрную станцію на морѣ, и занять въ Сиріи Алеппо и Дамаскъ для обезпеченія французскаго владычества въ Египтѣ. Авторъ выводилъ изъ этого, что англійскому правительству необходимо оставить за собой островъ Мальту вопреки Амьенскому договору, чтобы предотвратить французское намѣреніе снова завоевать Египетъ, *раздѣлить Турецкую имперію*, ниспровергнуть могущество Англіи и присвоить себѣ господство въ Европѣ.

Интересъ, возбужденный этою брошюрой, былъ такъ великъ, что маршалъ Мортье, который въ томъ же году занялъ Ганноверъ, чтобы наказать Георга III, короля Англійскаго и курфирста Ганноверскаго, велѣлъ взять копію съ рукописи Лейбница и послалъ ее Наполеону. Наполеонъ велѣлъ передать ее Монжу, президенту Египетской коммиссіи, и въ предисловіи къ знаменитому изданію этой коммиссіи: „Описаніе Египта", говорится съ большою похвалой о проектѣ Лейбница [1]).

только по одному намеку въ корреспонденціи Лейбница съ оріенталистомъ Лудольфомъ, изданной въ 1755 году. Въ 1795 году распространились темныя извѣстія о существованіи въ Ганноверской библіотекѣ рукописей Лейбница, касающихся этого проекта. Но эти извѣстія обращали на себя мало вниманія и не выходили изъ предѣловъ Германіи.

[1]) Le célèbre Leibniz, né pour toutes les grandes vues, s'était longtemps occupé de cet objet и пр.

Въ общественномъ мнѣніи укоренилось убѣжденіе, что Бонапартъ заимствовалъ у Лейбница идею о завоеваніи Египта, и это убѣжденіе долгое время раздѣлялось даже лучшими французскими историками. Знаменитый историкъ крестовыхъ походовъ Мишо говоритъ еще въ 1838 году: „Читая описаніе французской экспедиціи, остаешься убѣжденнымъ, что Бонапартъ былъ знакомъ съ проектомъ, представленнымъ Людовику XIV". Мишо восхваляетъ Лейбница, но какъ историкъ періода реставраціи онъ не любитъ Наполеона и сочувствуетъ Людовику XIV. Это чувство заставляетъ его отзываться скептически о планѣ Лейбница. „Этотъ геніальный человѣкъ, говоритъ онъ, ослѣпленный своимъ воображеніемъ и примѣшивая къ своей политикѣ предразсудки вѣка, ставилъ завоеваніе Египта тотчасъ послѣ открытія философскаго камня". А въ другомъ мѣстѣ: „Это колоссальное предпріятіе, успѣхъ котораго былъ болѣе блестящъ чѣмъ продолжителенъ и проченъ, менѣе шло монарху, который руководствовался въ своей политикѣ чувствомъ истиннаго величія (Людовику XIV), чѣмъ герою новѣйшаго времени, который всегда стремился къ причудливой и фантастической славѣ".

Современные историки не совсѣмъ согласны съ этимъ сужденіемъ. Достаточно прочесть у Анри Мартена упреки, которымъ теперь подвергается Людовикъ XIV за то, что предпочелъ войну съ Голландіей экспедиціи въ Египетъ и этимъ принесъ въ жертву истинные интересы Франціи увлеченіямъ страсти и своего оскорбленнаго самолюбія [1]).

Но не только писатель, проникнутый духомъ реставраціи, а даже восторженный историкъ первой имперіи также раздѣляетъ убѣжденіе, что Наполеонъ зналъ о проектѣ Лейбница. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, Тьеръ, по поводу плановъ Наполеона предпринять экспеди-

---

[1]) *Henri Martin* — Histoire de France. T. XIII p. 369: C'était le génie même de la civilisation et de l'humanité, qui appelait la France en Orient par la voix du plus grand homme, qu'ait enfanté l'Allemagne!... Trois fois la même apparition s'est manifestée à des puissans chefs de nations et leur a fait signe de les suivre... La première fois, ce fut Ximenez, qui l'aperçut... La seconde fois nous venons de la dire. Combien différentes eussent été les destinées de notre patrie et du monde, si Louis XIV au lieu d'ameuter l'Europe contre la France en s'acharnant à l'injuste destruction d'une nationalité, eût fondé un empire oriental, que sa glorieuse marine — elle allait bientôt en donner la preuve! — eût été aussi capable de conserver que de conquérir! La troisième, c'était à Bonaparte que l'idée devait apparaître, mais trop tard!... La puissance navale de la France, minée par des circonstances fatales, n'était plus en état de soutenir l'éclatant début d'une telle entreprise! La fausse gloire l'emporta donc sur la vraie; la passion sur l'interêt et la raison...

цію въ Египетъ: „Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ находились драгоцѣнные документы о Египтѣ, о значеніи его для торговли, для морскаго и военнаго дѣла. Наполеонъ поручилъ Талейрану доставить ихъ ему и началъ углубляться въ нихъ". Далѣе: „Великіе геніи, которые разсматривали карту этого міра, всѣ думали о Египтѣ. Можно назвать троихъ: Альбукерка, Лейбница и Бонапарта. Въ царствованіе Людовика XIV, великій Лейбницъ, умъ котораго былъ всеобъемлющъ, представилъ Французскому королю записку, составляющую одинъ изъ лучшихъ памятниковъ политическаго смысла (raison) и краснорѣчія. Людовикъ XIV хотѣлъ вторгнуться въ Голландію изъ-за нѣсколькихъ медалей [1]). „Сиръ, говорилъ ему Лейбницъ, не въ собственной странѣ этихъ республиканцевъ вы побѣдите ихъ. Вы не будете въ состояніи перейдти черезъ ихъ плотины и вооружите противъ себя всю Европу. Въ Египтѣ нужно нанести имъ ударъ. *Тамъ* вы найдете настоящій путь къ индійской торговлѣ и обезпечите за Франціей на вѣки господство въ Малой Азіи; вы обрадуете весь христіанскій міръ, вы исполните всю Европу изумленіемъ и похвалой. Европа будетъ сочувствовать вамъ вмѣсто того, чтобы соединяться противъ васъ". Вотъ великія идеи, которыми пренебрегъ Людовикъ XIV и которыя наполняли голову молодаго республиканскаго генерала".

Послѣ этого не покажется страннымъ, что убѣжденіе, будто бы Бонапартъ заимствовалъ свой планъ у Лейбница, высказывалось у другихъ еще опредѣленнѣе. Такъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ мемуарахъ герцогини д'Абрантесъ, Бонапартъ и Талейранъ прямо обсуждаютъ записку Лейбница.

Нѣмецкому біографу Лейбница Гурауеру принадлежитъ заслуга, что онъ съ помощью неутомимыхъ поисковъ въ Ганноверскомъ и Парижскихъ архивахъ совершенно разъяснилъ этотъ вопросъ [2]). Резуль-

---

[1]) То-есть, будто бы изъ-за того, что Голландцы его оскорбили чеканкою нѣсколькихъ медалей съ надменными надписями, прославлявшими торжество Голландіи надъ Франціей. Подробности см. у А. Мартена. Т. XIII.

[2]) Проекту Лейбница посвящена бо́льшая часть сочиненія Гурауера — Kur-Mainz. 1839, 2 B., и тамъ напечатанъ Consilium Aegyptiacum — извлеченіе изъ пространной записки, сдѣланное Лейбницемъ для курфирста Майнцскаго. Въ изданіи Онно Клоппа записки Лейбница, относящіяся къ завоеванію Египта, занимаютъ весь II-й томъ. 1864. LXXXVI p. и 432 p. in 4⁰. Главные, относящіеся сюда, документы на латинскомъ языкѣ и исторія самого проекта изданы Клопомъ отдѣльно. Leibnitz Vorschlag einer Französischen Expedition nach Aegypten. Han. 1864. Еще до появленія ганноверскаго изданія Фуше-де-Карель издалъ во французскомъ переводѣ египетскій проектъ Лейбница и относящуюся сюда пере-

таты его поисковъ подтверждены болѣе тщательными и полными изслѣдованіями новѣйшаго издателя сочиненій Лейбница — Онно Клоппа, и они ясно доказываютъ, что обстоятельная записка Лейбница вовсе не была отправлена къ Людовику XIV и что Бонапартъ былъ совершенно незнакомъ съ проектомъ Лейбница.

Но для насъ записка Лейбница важна не потому, что она обратила на себя всеобщее вниманіе въ началѣ нашего столѣтія и что ей долгое время приписывали идею французской экспедиціи въ Египетъ, а потому, что выраженный въ ней взглядъ Лейбница соста-

---

писку въ V томѣ «Сочиненій Лейбница» (Oeuvres de Leibniz, Tome V. Paris. 1864). Онъ воспользовался тѣмъ, что было издано Гурауеромъ, главную же записку Лейбница, которая была неизвѣстна Гурауеру, заимствовалъ изъ Ганноверскаго архива. Но небрежность французскаго изданія превосходитъ всякое вѣроятіе. Переводъ чрезвычайно неточенъ и часто не вѣренъ. Иногда не разобрана рукопись подлинника, и оттого нѣкоторыя мѣста лишены всякаго смысла. При этомъ обнаруживается иногда изумительное невѣжество въ исторіи и географіи. Въ одномъ мѣстѣ Лейбницъ говоритъ, что могущество Голландцевъ основано на морской торговлѣ ихъ; потеря нѣсколькихъ внутреннихъ городовъ, Мастрихта, Рейнбергена и пожалуй даже Герцогенбуша, для нихъ не ощутительна. Фуше-де-Карель или тотъ, кто для него сдѣлалъ переводъ, передаетъ это такъ: Car, pour les affaires maritimes, surtout celles de quelques villes, situées dans les terres, telles que Maestricht sur la Meuse, *Rheims,* et si vous voulez *Sédan* (оба города во Франціи) leur commerce est faible, et sans poids aucun sur la souveraineté des choses. Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ говоритъ о нападеніи на Новую Батавію, принадлежащую Голландцамъ. Фуше-де-Карель исправляетъ это: J'ai lieu de penser, qu'une invasion de *l'Australie* ne leur causerait pas des alarmes plus vives. Тамъ, гдѣ Лейбницъ говоритъ, что Францiя во время войны съ императоромъ должна возбуждать Швецію, Данію же съ ея союзниками Бранденбургомъ и Люнебургомъ успокоивать для того, чтобъ они допустили вторженіе (Шведовъ) изъ Помераніи въ Силезію (принадлежавшую Австріи) переведено: il faudra endormir le Danemark, *au moyen du Brandebourg-Lunebourg*, afin, qu'il laisse и т. д. Особенно хорошо слѣдующее *недоразумѣніе*: Лейбницъ говоритъ, что честь короля и французской націи нисколько не пострадали отъ безславной экспедиціи въ Жижери (Gigeri на африканскомъ берегѣ) и въ Кандію — у Фуше-де-Кареля сказано: La réputation du roi et de la nation ne perdit rien de son prestige, lorsque *Genséric* abandonna peu glorieusement Candie. Далѣе французскій издатель говоритъ о Японцахъ (вмѣсто Яванцевъ) въ Новой Батавіи, о томъ, что мать Мелеагра бросила въ пылающій огонь своего несчастнаго сына et fit brûler ses entrailles (вмѣсто головешки, которую она сожгла). Но замѣчательно, съ какимъ пренебреженіемъ Фуше-де-Карель, при этихъ достоинствахъ своихъ, говоритъ о трудахъ Гурауера, хотя онъ самъ ими пользуется и переноситъ въ свой текстъ ошибки, сдѣланныя его предшественникомъ. Эта непростительная недобросовѣстность французскаго ученаго, столь заслуженнаго въ другихъ отношеніяхъ, обнаружена Онно Клоппомъ въ вышеназванномъ сочиненіи: Vorschlag, и т. д.

вляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ въ исторіи восточнаго вопроса.

Подъ восточнымъ вопросомъ въ наше время разумѣютъ неминуемое разложеніе Турецкой имперіи, возникновеніе на ея мѣстѣ новыхъ государствъ и роль, которую должны играть въ этомъ дѣлѣ могущественнѣйшія изъ европейскихъ державъ. Но историки справедливо напоминаютъ, что восточный вопросъ имѣетъ за собой длинное прошедшее, что онъ въ нынѣшней своей формѣ есть не что иное какъ эпизодъ изъ вѣковой борьбы между Европой и Азіей [1]). Въ этой борьбѣ, которая начинается почти вмѣстѣ съ исторіей человѣчества, мы можемъ различить три эпохи. Первую можно назвать періодомъ гелленизма, вторая знаменуется борьбой христіанства съ магометанствомъ и можетъ называться періодомъ крестовыхъ походовъ, третья постепенно замѣняетъ вторую и начинается въ XVII вѣкѣ. Въ первую эпоху борьба шла сначала за самостоятельность маленькихъ греческихъ общинъ на материкѣ и въ Архипелагѣ, но она скоро получила характеръ борьбы за цивилизацію противъ восточнаго варварства и деспотизма. Во имя гелленской цивилизаціи Александръ Великій ниспровергъ Персидскую монархію и распространилъ вліяніе гелленизма до Пенджаба, гдѣ теперь стоятъ форпосты Англичанъ, и до Яксарта или Сыръ-Дарьи, куда съ противоположной стороны проникаетъ теперь цивилизація подъ защитой русскаго оружія. Главная часть наслѣдія Александра перешла въ руки Римлянъ, и долгое время они употребляли всѣ силы своей могущественной имперіи, лежавшей вокругъ Средиземнаго моря, какъ оплотъ европейской цивилизаціи на берегахъ Евфрата и Тигра. Но когда имперія распалась, когда западная часть ея раздробилась отъ наплыва Германцевъ, а восточная половина дрожала отъ безпрестаннаго напора Славянъ, Норманновъ и степныхъ кочевниковъ, тогда Азія снова ободрилась. На этотъ разъ она выставила не нестройныя полчища Ксеркса, не шайки дикихъ наѣздниковъ Парѳянъ, но новую религію, основанную на строгомъ монотеизмѣ, которая изъявила притязанія сдѣлаться обще человѣческою религіей, породила новую цивилизацію и вооружила своихъ поклонниковъ двумя непобѣдимыми орудіями: фанатизмомъ и вѣрою въ свое призваніе. Тогда борьба между Европой и Азіей совершенно измѣнилась и получила религіозный характеръ. Интересы цивилизаціи были забыты; объ нихъ

[1]) Эта мысль развивается въ статьѣ С. М. Соловьева (№ 1 *Москвы* 1866 г.) и въ статьяхъ Saint-Marc-Girardin — Les origines de la question d'Orient, въ *Rèvue des Deux Mondes,* отъ 1-го мая и 1-го октября 1864 г. и 1-го декабря 1865 г.

и не могло быть рѣчи: эмиры Саладина и Мавры испанскихъ халифовъ въ отношеніи цивилизаціи стояли выше феодальныхъ бароновъ и нестройной толпы, предводимой фанатическими монахами. Крестъ, символъ христіанской религіи, былъ знаменемъ европейскихъ народовъ и воодушевлялъ ихъ къ опаснымъ и безуспѣшнымъ походамъ. Борьба сохранила этотъ характеръ и тогда, когда Арабовъ замѣнили Турки, и мѣсто борьбы было перенесено изъ Палестины въ равнины Дуная. Магометане по прежнему считались общимъ врагомъ всѣхъ христіанскихъ народовъ. Въ XVI вѣкѣ это измѣнилось. Соперничество съ Габсбургскимъ домомъ заставило Францію вступить въ союзъ съ невѣрными, а протестанты Германіи, тѣснимые католическимъ большинствомъ, начали видѣть въ Туркахъ орудіе Божіе противъ нечестиваго папства.

Францію часто хвалили за то, что она первая перестала руководствоваться въ политикѣ религіозными интересами и сочла возможнымъ вступить въ союзъ съ магометанами, а потомъ съ протестантами противъ своихъ единовѣрцевъ католиковъ. Другіе порицаютъ ее за это и называютъ *антихристіанскими* писателей, хвалившихъ Францію за освобожденіе политики изъ-подъ религіознаго вліянія. Но дѣло въ томъ, что Францискъ I также мало заслуживалъ похвалы за свой союзъ съ Турками, какъ Генуэзцы, которые перевезли черезъ Босфоръ войско султана Мурада, такъ какъ это происходило у него изъ политическаго эгоизма, а не изъ вѣротерпимости, ибо онъ въ то же время считалъ своимъ долгомъ сожигать еретиковъ. Нельзя не порицать этихъ грубыхъ проявленій политическаго эгоизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что союзъ Франціи съ Турціей въ XVI вѣкѣ былъ первымъ признакомъ болѣе зрѣлаго взгляда на политическія дѣла, который умѣлъ политику отдѣлять отъ религіи и который сталъ мало по малу замѣнять теократическія идеи среднихъ вѣковъ.

Несмотря однако на эти отступленія, которыя, повторяемъ, вытекали изъ эгоизма, а не изъ ясно сознаннаго принципа вѣротерпимости, общественное мнѣніе въ XVI и XVII вѣкахъ продолжало считать войну съ Турками *священною* и *общимъ дѣломъ* всѣхъ христіанскихъ народовъ. Даже такіе практическіе умы, какъ Бэконъ, въ часы досуга мечтали о *священной войнѣ*. Между сочиненіями этого философа находится отрывокъ, въ которомъ люди разныхъ положеній и убѣжденій бесѣдуютъ объ этомъ предметѣ — ревностный католикъ, ревностный реформатъ, католическій священникъ съ умѣреннымъ взглядомъ, воинъ, политикъ и придворный. Результатъ ихъ бесѣды кло-

нится къ тому, что всеобщая война христіанъ противъ Турокъ сообразна, какъ съ естественнымъ и международнымъ, такъ и съ божественнымъ правомъ, и потому поистинѣ можетъ быть названа священною войною. Французы, особенно дворянство, несмотря на политику своего правительства, горѣли нетерпѣніемъ выказать свою храбрость въ борьбѣ съ Турками. При Генрихѣ IV цѣлыя толпы французскихъ волонтеровъ, подъ предводительствомъ герцоговъ Меркёръ и Неверъ, сражались въ Венгріи противъ Турокъ, и напрасно султанъ требовалъ отъ Французскаго короля ихъ отозванія. Бонгаръ посвятилъ свое изданіе историковъ крестовыхъ походовъ Людовику XIII, какъ преемнику Людовика Святаго. Кардиналъ Мазарини въ своемъ завѣщаніи отказалъ Германскому императору сумму въ 400.000 фр. *для войны съ Турціей*. Когда въ 1663 году Турки снова поднялись противъ Австріи, Тюренъ привѣтствовалъ въ Марсели короля Людовика рѣчью, въ которой онъ напоминалъ ему о славѣ его предка, умершаго въ крестовомъ походѣ. Онъ совѣтовалъ собрать войско и черезъ сѣверную Германію поспѣшить въ Венгрію на помощь императору. „Всѣ народы Европы, говорилъ онъ, съ удовольствіемъ услышатъ призывъ Франціи и примкнутъ къ ней“. Самъ Людовикъ XIV мечталъ въ первые годы своего царствованія о славѣ христіанскаго героя. Его послы въ Римѣ вели переговоры о союзѣ между папой, Франціей, императоромъ, Испаніей и Венеціанскою республикой противъ Турціи. Онъ приказываетъ своему послу въ Вѣнѣ успокоить императора относительно намѣреній Франціи, для того чтобы тотъ не жертвовалъ интересами христіанъ и не заключалъ съ Турками постыднаго и невыгоднаго для религіи мира. Онъ выражаетъ свою готовность помогать ему противъ *общаго* врага. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, Людовикъ послалъ войско въ Венгрію, и знаменитое сраженіе при Санъ-Готардѣ казалось состязаніемъ въ храбрости между французскими и нѣмецкими войсками. Нѣсколько позднѣе французскіе волонтеры отстаивали противъ Турокъ островъ Кандію, принадлежавшій тогда Венеціанцамъ. Въ 1668 году герцогъ Ла-Фёліадъ на свой счетъ перевезъ въ Кандію болѣе 500 офицеровъ, получившихъ отставку послѣ Ахенскаго мира. Въ слѣдующемъ году Людовикъ послалъ для защиты Кандіи шести-тысячное войско подъ предводительствомъ герцога Наваль, которое впрочемъ не могло спасти острова, завоеваннаго Турками въ 1669 году. Но разсчитываютъ, что въ теченіе 25-ти лѣтъ, которыя продолжалась осада острова, Венеціанцы получили изъ Франціи 50.000 людей [1]). Германія въ это время

[1]) H. Martin, p. 365.

была наводнена сочиненіями и памфлетами, возбуждавшими къ войнѣ съ Турками. Конрингъ издалъ цѣлое собраніе сочиненій, доказывавшихъ солидарность христіанъ противъ Турокъ и требовавшихъ общаго нападенія. Онъ посвятилъ это сочиненіе французскому послу и возлагалъ всѣ свои надежды на Людовика XIV. Бойнебургъ изъ опасенія предъ Турками измѣнилъ свою французскую политику и сталъ склоняться на сторону Австріи.

Лейбницъ жилъ въ этихъ идеяхъ священной войны; но къ религіозному энтузіазму у него примѣшивался еще другой элементъ. Турки были для него не только врагами христіанскихъ народовъ, но и врагами цивилизаціи. Его воображеніе рисовало ему картины тѣхъ чудныхъ странъ, которыя были колыбелью человѣчества и цивилизаціи, а теперь, покрытыя развалинами и безплодныя, навсегда казались потерянными для человѣчества. Вырвать ихъ изъ рукъ варваровъ, открыть доступъ къ нимъ торговлѣ и промышленности, вызвать ихъ снова къ жизни и воспользоваться ихъ богатыми средствами для успѣховъ цивилизаціи, — вотъ что было его мечтой. Лейбницъ одинъ изъ первыхъ сталъ смотрѣть на Востокъ не глазами только христіанина, который ищетъ тамъ мѣстъ, дорогихъ для его религіозныхъ воспоминаній, но глазами человѣка, который желалъ бы перенести туда благодѣянія цивилизаціи, освободить народы, погибающіе подъ гнетомъ варварскаго деспотизма, вызвать ихъ къ политической жизни и ввести ихъ въ общую семью народовъ, трудящихся для цивилизаціи. Съ Лейбница мы можемъ начать третій періодъ въ великомъ состязаніи Европы съ Азіей — періодъ борьбы за успѣхи и торжество цивилизаціи, борьбы не истребительной и безплодной, какъ религіозныя войны, но оживляющей и призывающей къ возрожденію народы Востока.

Лейбницъ, какъ мы видѣли, былъ человѣкъ глубоко религіозный; онъ былъ религіозенъ не только въ философскомъ смыслѣ, то-есть, не только сознавалъ, что религія составляетъ неотъемлемую потребность человѣческой натуры, и видѣлъ въ ней могущественнѣйшее орудіе для нравственнаго развитія индивидуальностей и всего человѣчества, но онъ былъ религіозенъ въ христіанскомъ смыслѣ, то-есть, вѣрилъ въ христіанскіе догматы и только въ христіанствѣ находилъ спасеніе. Эта религіозность, однако, не затемняла ясности его взгляда и не возбуждала въ немъ страстей. Онъ желалъ подорвать владычество магометанства надъ Востокомъ не потому только, что это было ученіе лжепророка, а потому что эта религія — съ своимъ фанатизмомъ, съ своими окоченѣвшими обрядами, вынесенными изъ Арабской пустыни, съ своимъ

взглядомъ на Провидѣніе, порождающимъ такую безпечность и фатализмъ, съ своимъ дѣтски-грубымъ воззрѣніемъ на государственную жизнь, на искусство, науку и высшія духовныя потребности человѣка— сдѣлалась тормазомъ для цивилизаціи и гнетомъ для подвластнаго христіанскаго населенія.

Съ жаромъ принялся Лейбницъ изучать политическое и экономическое состояніе Востока, чтобы пріискать средства, которыя бы скорѣе всего привели къ цѣли. Онъ углубился въ чтеніе сочиненій путешественниковъ, какъ средневѣковыхъ, такъ и современныхъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о топографіи, о средствахъ обороны, объ устройствѣ и могуществѣ Турецкой имперіи. Онъ перечиталъ лѣтописи, повѣствовавшія о крестовыхъ походахъ, чтобъ узнать причины неудачъ и составить планъ болѣе успѣшной экспедиціи. Съ необыкновеннымъ практическимъ взглядомъ Лейбницъ скоро убѣдился, что ключъ къ обладанію Востокомъ составляетъ Египетъ и что туда должны быть направлены удары Европейцевъ. Сама исторія указывала на этотъ путь. Уже въ XII вѣкѣ крестоносцы убѣдились, что они не въ состояніи будутъ удержать Палестину и Сирію, если не обезпечатъ за собой владычества надъ Египтомъ.

Преданіе, занесенное въ лѣтопись, говоритъ, что одинъ арабскій мудрецъ, которому французскій король Филиппъ II даровалъ жизнь при взятіи Птолемеи, изъ благодарности открылъ ему, что онъ не иначе овладѣетъ Іерусалимомъ, какъ покоривъ напередъ Египетъ. Филиппъ хотѣлъ двинуться въ Египетъ, но ссора съ Ричардомъ Львинымъ-Сердцемъ разрушила этотъ планъ. Дѣйствительно, уже въ XII вѣкѣ Іерусалимскій король Амальрихъ совершилъ походъ въ Египетъ, а со времени третьяго крестоваго похода почти всѣ попытки крестоносцевъ были направлены противъ Египта. Онѣ не удавались, потому что вожди крестоносцевъ ссорились между собой, войска были не дисциплинированы, припасы скудны, а главное потому, что у нихъ не было флота, и они не могли поддерживать сообщеніе съ Европой.

При успѣхахъ мореплаванія и при развитіи матеріальныхъ средствъ Европы, въ XVII вѣкѣ можно было ожидать совершенно другаго исхода. Вниманіе Лейбница преимущественно останавливала на себѣ Франція. Это было передовое государство въ XVII вѣкѣ; оно имѣло отборное войско, часть котораго легко можно было отправить въ дальнюю экспедицію, не оставляя безъ защиты границъ; во главѣ его стоялъ молодой воинственный государь, жаждавшій славы. Экспедиція въ Египетъ доставила бы Франціи громадныя выгоды; но послѣдствія ея

были бы не менѣе благодѣтельны и для всей Европы. Франція готовилась къ войнѣ съ Голландіей, но эта война непремѣнно завлекла бы всѣ остальныя государства и особенною тяжестью пала бы на Германію. Ибо ни Испанія, ни императоръ не могли бы допустить завоеваніе Голландіи Французами, и на берегахъ Рейна возгорѣлась бы всеобщая европейская война, во время которой Франціи легко было бы захватить рейнскія области и окончательно подорвать единство и существованіе Германской имперіи; экспедиція же въ Египетъ и война съ Турціей послужили бы громоотводомъ для Европы, соединили бы интересы Габсбурговъ и Бурбоновъ и положили бы конецъ вѣковой враждѣ этихъ двухъ могущественныхъ династій. Выгоды египетской экспедиціи для Франціи казались Лейбницу очевидными. Нигдѣ Франція не была въ состояніи нанести такой ударъ торговлѣ Голландцевъ, какъ въ Египтѣ, который лежалъ на кратчайшемъ пути въ Индію. Вся индійская и азіатская торговля перешла бы въ руки Французовъ и ихъ союзниковъ. Франція сдѣлалась бы властительницею Востока, покровительницею христіанства, и вслѣдствіе этого неминуемо пріобрѣла бы первенствующее положеніе между европейскими державами.

Лейбницъ надѣялся, что эта блестящая перспектива увлечетъ воображеніе Людовика XIV, и онъ рѣшился представить ему проектъ о завоеваніи Египта. Онъ взялся за дѣло основательно. Изъ богатаго, собраннаго имъ матеріала онъ составилъ обширное сочиненіе, которое и теперь еще имѣетъ ученое достоинство и читается съ большимъ интересомъ. Мы находимъ въ немъ такое подробное описаніе внутренняго состоянія Турецкой имперіи въ политическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, что оно можетъ служить важнымъ пособіемъ для исторіи XVII вѣка. Вторая часть содержитъ въ себѣ характеристику европейскихъ государствъ, ихъ политики и ихъ матеріальныхъ интересовъ, которая обличаетъ въ Лейбницѣ не только близкое знакомство съ дѣломъ, но и чрезвычайно ясный и глубокій взглядъ государственнаго человѣка. Нѣкоторыя страницы, гдѣ Лейбницъ говоритъ о предметахъ ему особенно знакомыхъ, напримѣръ, объ австрійской политикѣ, можно назвать классическими, и мы полагаемъ, что теперь, когда онѣ въ первый разъ сдѣлались извѣстны, ни одинъ историкъ XVII вѣка не преминетъ пользоваться ими.

Сочиненіе Лейбница не подверглось окончательной отдѣлкѣ. Оно оставалось черновымъ, написано небрежно на клочкахъ бумаги, такъ что издателю его стоило большаго труда разобрать неясное письмо и привести въ порядокъ отрывки. Оттого въ немъ нерѣдко встрѣ-

чаются повторенія и слишкомъ частыя и обширныя цитаты; отдѣльныя части его неравномѣрно разработаны. Но все это не уменьшаетъ его значенія, и мы жалѣемъ, что объемъ нашего труда позволяетъ намъ только въ общихъ чертахъ познакомить читателя съ этимъ интереснымъ сочиненіемъ Лейбница.

Указавъ въ бѣгломъ очеркѣ, что Европейцами уже давно понято значеніе Египта и что самые мудрые изъ политиковъ, напримѣръ, кардиналъ Хименесъ, не разъ замышляли завладѣть имъ, Лейбницъ начинаетъ излагать выгоды, которыя Франція извлекла бы изъ завоеванія Египта. Онъ доказываетъ, что завоевательная политика въ Европѣ невозможна и что она была гибельна для всѣхъ, кто увлекался ею, начиная съ Германскихъ императоровъ, стремившихся къ обладанію Италіей, и кончая Карломъ X Шведскимъ, который хотѣлъ завоевать Польшу. „Желаніе подчинить себѣ оружіемъ народы цивилизованные и воинственные и въ то же время любящіе свободу, каковы въ настоящее время почти всѣ народы Европы, есть не только преступленіе (res impia), но и нелѣпость. Войны между цивилизованными народами могутъ имѣть своимъ результатомъ только пріобрѣтеніе нѣсколькихъ клочковъ земли, не имѣющихъ никакого значенія. Франція не должна идти этимъ путемъ; только внутренними реформами устанавливается безопасность монарха и благоденствіе народа; только мирнымъ путемъ христіанскія государства должны соперничать между собой — договорами, торговлей, промышленностью, мореплаваніемъ; только противъ варваровъ должно быть обращено ихъ оружіе. Въ войнахъ съ варварами однимъ счастливымъ ударомъ можно разрушить и основать цѣлыя государства; тамъ, въ случаѣ неуспѣха, нѣтъ позора и нѣтъ опасности; тамъ можно пріобрѣсти изумительную славу и средства къ громадному могуществу; тамъ достигается всеобщее сочувствіе, которое у всѣхъ завистниковъ отниметъ возможность вредить и препятствовать. Покоривъ Египетъ, Французскій король сдѣлается вождемъ христіанскихъ народовъ, а Франція военною школой Европы, академіей замѣчательнѣйшихъ умовъ, складочнымъ мѣстомъ для торговли на океанѣ и на Средиземномъ морѣ. Если нужны почести и титулъ, то Французскій король можетъ пріобрѣсти этимъ путемъ титулъ и права Восточнаго императора, низложеннаго Турками, и первенствующее положеніе въ Европѣ (arbitrium rerum), что несравненно желательнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ всемірная монархія. Несвоевременною же войной въ Европѣ, особенно же войной, предпринятою противъ народовъ сильныхъ на морѣ, Франція можетъ по-

губить свою торговлю и свои неукрѣпившіяся еще акціонерныя общества, учрежденныя съ очень большими издержками, и вызвать такое отчаяніе въ умахъ, котораго нельзя будетъ поправить въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Египетская экспедиція — это самое выгодное изъ всѣхъ предпріятій за море, ибо Египетъ — зѣница земли, источникъ плодовъ, центръ торговли".

Высчитывая преимущества Египта, Лейбницъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на Суэсскомъ перешейкѣ, и на громадномъ значеніи, которое онъ имѣетъ для торговли Европы съ Индіей, Африки съ Азіей. Онъ описываетъ плодородіе Египта, неисчерпаемое богатство его почвы. Онъ называетъ Египетъ Голландіей Востока, съ тою только разницей, что Египетъ вѣчно былъ въ цвѣтущемъ состояніи, Голландія же какъ бы выросла случайно изъ земли, благодаря междуусобіямъ сосѣдей, волненіямъ религіозныхъ страстей, и держится только вслѣдствіе безпечности остальныхъ народовъ, которые позволили Голландцамъ присвоить себѣ всѣ выгоды торговли [1].

Съ особенною тщательностію Лейбницъ собралъ всѣ данныя, относившіяся къ доходамъ Египта. О громадныхъ богатствахъ этой страны можно составить себѣ понятіе по тому, что султанъ получаетъ съ нея ежегодно 1.000.000 скудовъ чистаго дохода. Паша Египетскій, вступая въ должность, платитъ за нее чистыми деньгами отъ 3 до 400.000 скудовъ, а по прошествіи трехлѣтія, когда его смѣняютъ, онъ привозитъ съ собой такія громадныя сокровища, что возбуждаетъ алчность султана и бываетъ принужденъ дѣлиться ими съ своимъ господиномъ.

Завоеваніе Египта доставитъ Французамъ неминуемо владычество въ Индіи. Португальцы давно завладѣли бы этою страной, если бы у нихъ было больше людей. Французамъ легко будетъ завоевать Индію. Укрѣпившись тамъ, они будутъ въ состояніи открыть торговлѣ, цивилизаціи и христіанской религіи доступъ въ Китай и до крайнихъ предѣловъ міра. Тотъ, кто въ состояніи понять легкость этихъ предпріятій, ни во что не будетъ ставить мелочные результаты (minutias) европейскихъ побѣдъ. Легче покорить Египетъ чѣмъ Бельгію, и легче овладѣть всѣмъ Востокомъ чѣмъ одною Германіей. Что касается до средствъ, необходимыхъ для завоеванія Египта, то не потребуется большихъ пожертвованій. При теперешней военной организаціи своей,

---

[1]) Ex vicinorum fluctibus, religionumque aestu creverit, nec nisi ceterorum slultitia subsistat.

Франція безъ труда можетъ выслать 50.000 войска, а это болѣе чѣмъ достаточно для завоеванія Египта. Нужно только все подготовить и сдѣлать внезапное нападеніе. Морская экспедиція никого не должна пугать; моремъ всего легче перевозить большія массы войска и поддерживать въ немъ дисциплину. Враждебныхъ флотовъ въ Средиземномъ морѣ нѣтъ; бури опасаться нечего; переѣздъ можно совершить въ 3 недѣли, а острова Средиземнаго моря вездѣ представляютъ безопасныя станціи для флота. При этомъ Лейбницъ обращаетъ особенное вниманіе на Мальту и Кандію.

Климатъ Египта чрезвычайно здоровъ, особенно во время разлива Нила. Правда, тамъ господствуетъ чума, вслѣдствіе нечистоты и безпечности магометанскаго населенія, но чума рѣдко поражаетъ Европейцевъ и страшна только для туземцевъ, потому что они постоянно употребляютъ нездоровую пищу. Притомъ, какъ скоро начинается разлитіе Нила, тотчасъ же прекращается самая жестокая чума.

Затѣмъ Лейбницъ подвергаетъ подробному изученію военныя силы Египта. Онъ описываетъ отдѣльные разряды войскъ: янычаръ, спаіевъ, тимаріотовъ или земское ополченіе, а также ихъ вооруженіе, ихъ дисциплину, ихъ военное искусство. По его вычисленію, Египетъ можетъ выставить около 36.000 солдатъ и около 100.000 земскаго ополченія. Но эта масса не страшна для европейскихъ войскъ, ибо янычаръ презираютъ остальныя войска, сами же они утратили всю воинственность и дисциплину съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались торгашами и толпятся на рынкахъ Каира, нагруженные тряпками и всякимъ хламомъ.

Со стороны моря Египетъ совершенно открытъ. Александрія защищается небольшимъ каменнымъ замкомъ безъ рва и укрѣпленій. Даміетта только съ одной стороны окружена стѣной, да въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея находится небольшое укрѣпленіе съ четырьмя башнями. Со стороны Чермнаго моря Египетъ защищенъ еще хуже. Внутренніе города почти совершенно лишены стѣнъ и укрѣпленій и необходимо достанутся тому, кто будетъ господствовать своимъ флотомъ надъ Ниломъ. Все будетъ зависѣть отъ завоеванія столицы Египта — Каира. Этотъ городъ, правда, очень великъ и защищенъ стѣнами и цитаделью; но онъ былъ взятъ султаномъ Селимомъ въ три дня, несмотря на то, что артиллерія султана была гораздо хуже европейской и что морской берегъ и Нилъ находились во власти непріятеля. Притомъ же Европейцы имѣли бы на своей сторонѣ многочисленное христіанское населеніе Каира.

Съ такою же подробностью Лейбницъ описываетъ потомъ береговыя и внутреннія укрѣпленія Сиріи. Хотя онъ имѣлъ передъ собой только описанія путешествій и плохія карты, онъ ясно понялъ, что завоевателю, высадившемуся въ Египтѣ, рано или поздно придется перенести театръ войны въ Сирію, чтобъ упрочить свои побѣды.

Дѣйствія Наполеона въ Сиріи послужили въ послѣдствіи блестящимъ доказательствомъ дальновидности и стратегическихъ способностей Лейбница.

Описавъ собственныя средства Египта къ оборонѣ, Лейбницъ переходитъ къ вопросу: какія силы могутъ прійдти на помощь къ Египту. Онъ приходитъ къ убѣжденію, что вслѣдствіе плохой военной организаціи Турціи завоеваніе Египта будетъ давно совершено, прежде чѣмъ подоспѣетъ какое-либо турецкое войско; слѣдовательно, нужно только рѣшить вопросъ, будетъ ли Франція въ состояніи отстоять Египетъ противъ турецкихъ силъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы Турція могла выслать 100.000 отборнаго войска въ Сирію, а Французы, оставивъ 20.000 для гарнизона въ Египтѣ, выслали противъ Турокъ только 30.000, они могли бы быть совершенно спокойны. Изъ Сиріи ведутъ въ Египетъ только три узкіе прохода. Одинъ идетъ по берегу Средиземнаго моря, другой по берегу Чермнаго моря, третій находится по срединѣ у подошвы Синайской горы. Послѣдніе два ведутъ черезъ Арабскую пустыню, и этотъ путь невозможенъ для большаго войска. Первый такъ узокъ, что его чрезвычайно легко защитить. Но дѣло въ томъ, что Турція не въ состояніи выслать сильнаго войска. Чтобы доказать это, Лейбницъ подвергаетъ подробному анализу финансовыя и военныя средства Порты. Результатъ, къ которому онъ приходитъ, весьма замѣчателенъ для того времени, когда турецкое могущество казалось еще столь грознымъ для всей Европы. Лейбницъ убѣдился, что это могущество только мнимое, что турецкое владычество въ Европѣ не имѣетъ подъ собой твердаго основанія, и что оно обязано своимъ существованіемъ только раздорамъ и близорукой политикѣ европейскихъ государствъ.

Финансы Порты вовсе не находятся въ блестящемъ состояніи. Полагаютъ, что ежегодно вносится въ казну 10.000.000 золотыхъ. Но къ концу года мало остается. Часто даже истрачиваются впередъ доходы за нѣсколько лѣтъ, и султанамъ нѣсколько разъ приходилось продавать драгоцѣнности сераля и уменьшать подарки янычарамъ.

Турецкій флотъ со времени войны въ Кандіи находится въ бѣдственномъ положеніи. Турки перестали строить большіе корабли. Въ

1661 году они потеряли отъ бури въ Черномъ морѣ 28 галеръ со всѣмъ экипажемъ. Визирь Куприли приказалъ тотчасъ построить 30 новыхъ; но лѣсъ, изъ котораго онѣ были построены, былъ такъ сыръ и такъ мало пригоденъ, что бо́льшая часть этихъ кораблей не могла выйдти въ море. Остальные послѣ перваго рейса были отчислены къ старымъ кораблямъ, негоднымъ для употребленія. Вообще во всемъ, что̀ касается до кораблестроительнаго дѣла, Турки выказываютъ изумительную небрежность и поспѣшность.

Могущество Порты основывалось на ея военной организаціи. Но въ послѣднее время эта организація подверглась кореннымъ измѣненіямъ, и вмѣстѣ съ нею рушилось прежнее могущество Османовъ. Главныя силы турецкой арміи заключаются въ конницѣ спаіевъ и въ пѣхотѣ янычаръ. Но такъ какъ эти постоянныя войска своею необузданностью стали страшны султанамъ, то всѣ старанія визирей клонились къ тому, чтобы подорвать ихъ значеніе. Вожди ихъ погибли отъ казней или на полѣ битвы; остальное представляетъ нестройную толпу. Ряды янычаръ не пополняются попрежнему дѣтьми, отобранными у христіанъ: туда принимаютъ теперь всякій сбродъ, не привыкшій къ войнѣ. Янычарамъ не выдаютъ жалованья, и вмѣсто этого позволяютъ заниматься мелочною торговлей и всякаго рода ремеслами. Тѣ, у которыхъ есть деньги, откупаются у офицеровъ отъ обязанностей военной службы, не отправляются въ походъ и пользуются привилегіями своего сословія.

Самую многочисленную часть турецкаго войска составляютъ тимаріоты. Это войско заведено султаномъ Солиманомъ. Онъ началъ раздавать особые поземельные участки (тима̀ры), владѣльцы которыхъ были обязаны нести за это военную службу. Но съ теченіемъ времени корыстолюбіе военачальниковъ исказило это учрежденіе; вмѣсто того, чтобы раздавать участки солдатамъ, паши, казначеи и проч. начали дарить ихъ своимъ рабамъ и другимъ людямъ за извѣстныя услуги. Въ провинціяхъ эти участки продаются часто съ публичнаго торга.

Администрація такъ же испорчена, какъ и военная организація. Министрамъ недостаетъ самыхъ обыкновенныхъ свѣдѣній изъ исторіи и географіи; невѣжество и варварство встрѣчаются на каждомъ шагу. На корабляхъ турецкихъ нѣтъ ни одной морской карты, которой хорошій морякъ могъ бы довѣриться. Эта страна представляетъ царство мрака (ruditatis) и варварства, а султанъ, возсѣдая на престолѣ невѣжества, влачитъ жизнь Сарданапала среди цѣлаго стада женщинъ и евнуховъ.

По теперешней пустынности турецкихъ областей едва можно себѣ составить понятіе о населенности Азіи и древней Греціи. Трудъ не уважается; жители не заботятся ни объ улучшеніи земледѣлія, ни о постройкѣ прочныхъ зданій. Дома рѣдко выносятъ болѣе 15-ти или 20-ти лѣтъ. Въ этой богатой своею природою странѣ рѣдко можно найдти фруктовый садъ, или цвѣтникъ, или дачу. Никто не дерзаетъ какими-либо удобствами жизни навлечь на себя подозрѣніе въ богатствѣ. Никто не трудится для своихъ дѣтей, потому что наслѣдство ихъ не обезпечено. Это отнимаетъ даже охоту имѣть дѣтей. Тамъ нѣтъ другаго средства обезсмертить свое имя, какъ постройкой мечетей, бань и страннопріимныхъ домовъ, до которыхъ религія не позволяетъ коснуться султану. Тамъ, гдѣ прежде были населеннѣйшіе города, теперь стоятъ жалкія деревни. Турки давно уже были бы не въ состояніи собрать войско по недостатку людей, если бы Татары не привозили каждый день по Черному морю плѣнныхъ христіанъ. Малая населенность Турціи проистекаетъ прежде всего отъ ежегодной чумы, которая зарождается въ рѣкахъ, запруженныхъ вслѣдствіе безпечности Турокъ пескомъ и нечистотами, и въ болотахъ, которыя никто не рѣшается прорыть и осушить. Во время лѣтнихъ жаровъ тутъ происходитъ гніеніе и зараженіе воздуха, которое распространяется тѣмъ дальше, чѣмъ менѣе Турки берегутъ себя отъ неизбѣжнаго зла и чѣмъ болѣе они склонны къ зараженію вслѣдствіе дурной пищи; ибо большинство по бѣдности питается только полусгнившими плодами. Лѣность этого народа заставляетъ его жить со дня на день. Къ этому примѣшивается еще политика правительства, которое сознаетъ, что оно было бы неспособно удержать въ повиновеніи такія обширныя области, если бы онѣ находились въ цвѣтущемъ состояніи. Зло увеличивается отъ жестокости и корыстолюбія пашей и другихъ правителей, которые заставляютъ бѣдныхъ жителей провинцій искать убѣжища въ горахъ и пустыняхъ. Наконецъ, ко всему этому присоединяется безобразный содомическій грѣхъ, пренебреженіе къ женщинамъ среди полигаміи и отвращеніе отъ большаго потомства, такъ какъ дѣти здѣсь въ тягость родителямъ. Нигдѣ не встрѣчается такъ часто вытравливаніе дѣтей, ибо женщины боятся оскорбить мужей своею плодовитостью и тѣмъ побудить ихъ къ разводу. Сюда присоединяется частое употребленіе опіума, который, какъ говорятъ, чрезвычайно способствуетъ безплодности, и многіе полагаютъ, что если бы не было многоженства, бо́льшая часть Турокъ совсѣмъ не имѣли бы дѣтей. Если мы всмотримся ближе въ государственное устройство

Турціи, мы найдемъ тамъ неограниченную власть въ рукахъ государя неспособнаго и безнравственнаго, приказанія котораго, какъ бы несправедливы они ни были, считаются закономъ, дѣйствія, какъ бы ни были неправильны, служатъ образцомъ, мнѣнія котораго, особенно въ дѣлахъ государственныхъ, принимаются какъ указы, противъ которыхъ нельзя возражать. Добродѣтель тамъ не вознаграждается, преступленія остаются безнаказанными, если они доставляютъ какую-нибудь выгоду султану; люди повышаются внезапно посредствомъ лести, случая и милости султана; они достигаютъ самыхъ важныхъ, самыхъ почетныхъ должностей въ имперіи, не имѣя за собой ни знатнаго происхожденія, ни заслугъ, ни опытности въ дѣлахъ. Они не долго остаются въ своихъ высокихъ должностяхъ, и въ одно мгновеніе ока по волѣ султана предаются казни. Они стараются какъ можно скорѣе обогатиться, хотя они знаютъ, что богатства для нихъ составляютъ оковы, что они сдѣлаются когда-нибудь причиной ихъ гибели и смерти, несмотря даже на всю честность и вѣрность ихъ султану — свойства, впрочемъ рѣдко встрѣчающіяся у Турокъ.

Теперь уже обнаружилось, что султанъ утратилъ въ глазахъ своихъ подданныхъ святость и неприкосновенность; это подвергаетъ его постоянной опасности, ибо тамъ давно уже не существуетъ никакой любви. Вообще этого свойства почти нѣтъ между Турками: братья предаютъ смерти братьевъ, отцы пренебрегаютъ воспитаніемъ дѣтей, знатность рода не уважается, имущества не переходятъ по наслѣдству, никто не печется о своемъ потомствѣ и о безсмертіи, дѣтямъ самыхъ богатыхъ пашей часто приходится побираться милостынью, довѣрія и любви нѣтъ между самыми близкими родственниками. Султанъ не заботится даже о своихъ дочеряхъ и сестрахъ; дѣтей и внучатъ своихъ онъ ежедневно приноситъ въ жертву своему эгоизму. Всѣ живутъ какъ будто во снѣ или какъ будто разыгрывая роль на театрѣ. Ибо большинство вдругъ выростаетъ изъ земли на подобіе грибовъ, не зная родителей своихъ и родни, живетъ со дня на день, не знаетъ куда стремится, алчетъ богатства и могущества, и не знаетъ чего ради. У всѣхъ одна только забота — награбить какъ можно больше сокровищъ, которыя они должны принести въ даръ султану. Всѣ несутся въ общемъ потокѣ туда, куда влечетъ ихъ обычай, едва помышляя о своей жизни, конца которой они ожидаютъ, какъ жертвы, безъ заботы и надежды. Нечего искать благородныхъ порывовъ и силы добродѣтели у рабовъ, рабски воспитанныхъ, которые держатся на мгновеніе, но пока они держатся на высотѣ, — надменны какъ тираны. Весь дворъ

турецкій есть не что иное, какъ темница рабовъ, отличающихся отъ преступниковъ, приговоренныхъ къ галерамъ, только пышностью мѣста заключенія и драгоцѣнностью своихъ оковъ. Самъ султанъ, рожденный отъ рабыни, только первый изъ этихъ рабовъ, погруженный въ полное невѣжество и роскошь варварства, и постоянно подверженный ярости своихъ приближенныхъ.

Вторженіе въ Египетъ вызоветъ всеобщее возстаніе противъ султана. Турки хотятъ, чтобы въ каждой провинціи воспроизводился деспотизмъ, образцомъ котораго служитъ правленіе самаго султана. Поэтому въ рукахъ пашей сосредоточивается и администрація, и судебная власть, и казна, и командованіе войсками. Но паши, жертвы султанскаго произвола, постоянно склонны къ возстанію и часто возстаютъ; эти мятежи не удаются, потому что у мятежнаго паши нѣтъ организованнаго войска и крѣпостей, жители провинцій ненавидятъ своего пашу и никогда его не поддерживаютъ, сосѣдніе паши подъ вліяніемъ страха не оказываютъ ему помощи. При иностранномъ же вторженіи можно ожидать одновременнаго возстанія нѣсколькихъ пашей.

Лейбницъ разсматриваетъ отдѣльныя провинціи Турецкой имперіи, доказываетъ, какъ мало Порта можетъ разчитывать на нихъ, указываетъ на многочисленность и неудовольствіе христіанскаго населенія и переходитъ, наконецъ, къ сосѣдямъ Турціи, чтобы показать, въ какомъ опасномъ положеніи находится эта имперія. Онъ говоритъ объ Арабахъ и о земляхъ, сосѣднихъ Египту. Въ этомъ мѣстѣ рукопись представляетъ пробѣлъ, который отчасти можно восполнить по извлеченію, сдѣланному самимъ Лейбницемъ изъ пространнаго его сочиненія.

Затѣмъ онъ переходитъ къ европейскимъ сосѣдямъ Турціи и къ остальнымъ европейскимъ государствамъ. Цѣль этого обзора, который составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній публицистики XVII вѣка — показать, какихъ союзниковъ и какихъ враговъ Франція найдетъ въ случаѣ войны съ Турціей. Лейбницъ доказываетъ, что Австрія, Польша и Россія будутъ самыми надежными союзниками Франціи, если она предприметъ экспедицію въ Египетъ. Главный интересъ этихъ государствъ заключается въ уничтоженіи, или по крайней мѣрѣ, въ ослабленіи Турецкой имперіи. Лейбницъ при этомъ превосходно обрисовываетъ политическое состояніе Германіи и политику Австріи. Эти страницы нужно прочесть въ подлинникѣ, на выразительной художественной латыни, на которой онѣ написаны. Имперія — гово-

ритъ между прочимъ Лейбницъ — находится теперь въ такомъ положеніи, какъ и Италія; политика князей ея, подобно хамелеону, безпрерывно мѣняетъ свои цвѣта; нужно обратить вниманіе на тысячу соображеній и гипотезъ, взять въ разчетъ мельчайшія случайныя обстоятельства и прослѣдить ихъ въ послѣдовательной связи, чтобы сказать о ней что-нибудь положительное. Сынъ часто оставляетъ политику своего отца, преемникъ (въ духовныхъ территоріяхъ) измѣняетъ взглядъ своего предшественника. Не всегда при этомъ руководятся разумомъ, бо́льшая часть — страстями или случаемъ, или какимъ-нибудь мелочнымъ соображеніемъ. Нѣкоторые съ дѣтства или даже съ молокомъ матери всосали какое-нибудь безотчетное нерасположеніе къ Франціи или къ Австріи, и часто приходится примѣнять къ нимъ пословицу: „Тебя я не люблю, но отчего — не знаю“. Другіе отступаютъ отъ образа дѣйствій своего предшественника, потому что ненавидятъ его министровъ, или его память, или завидуютъ его судьбѣ. Поэтому невозможно установить общія правила относительно политики нѣмецкихъ князей, если не оградить себя разными условіями и ограниченіями.... Императоръ, какъ извѣстно, государь благоразумный и основательный (profundus), скорѣе тяжелый на подъемъ, чѣмъ измѣнчивый; онъ ненавидитъ перемѣны, крѣпко держится за прошедшее и упрямъ; болѣе способенъ къ оборонѣ, чѣмъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, вообще довольно безпристрастенъ и почти вовсе не раздражителенъ. Его намѣренія тверды, рѣшенія положительны и безопасно могутъ быть провозглашаемы на цѣлый міръ. Его политика заключается въ слѣдующемъ: сохраненіе настоящаго положенія дѣлъ, усмиреніе мятежныхъ подданныхъ, обузданіе турецкаго своеволія, сохраненіе достоинства имперіи, безопасность Германіи, благоденствіе Польши, всеобщій миръ.

При теперешнемъ политическомъ разстройствѣ своемъ, Польша легко можетъ сдѣлаться добычей Турціи и крымскихъ Татаръ. Для императора чрезвычайно важно сохраненіе Польши, и потому Франціи легко будетъ склонить Польшу и Австрію къ коалиціи противъ Турціи. Остальныя европейскія государства или возьмутъ сторону Франціи, или не станутъ препятствовать ей. Испанія не поднимется противъ Франціи, если послѣдняя будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ австрійскими Габсбургами. Португалія охотно согласится помогать своимъ флотомъ Франціи, если послѣдняя предоставитъ ей нѣкоторыя выгоды на Чермномъ морѣ и обѣщаетъ ей свое содѣйствіе, чтобы вытѣснить Голландцевъ изъ Индіи. Англійскій король получаетъ пен-

сію отъ Франціи, и притомъ легко возбудить соперничество между Англіей и Голландіей. Швеція находится въ полной зависимости отъ Франціи; ея положеніе таково, что она должна содержать большое войско и держаться воинственной политики; но она въ состояніи это дѣлать только съ помощью французскихъ субсидій.

Только Голландія встрѣтитъ враждебно попытку Франціи завладѣть Египтомъ, ибо эта попытка подорветъ торговлю Голландцевъ съ Индіей. По выраженію Лейбница, Голландцы играютъ такую же роль относительно всей Европы, какую Евреи во многихъ государствахъ. Они сумѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ денежные капиталы, завладѣли торговлей и сдѣлались поэтому необходимыми для правительствъ и народовъ. Между причинами, вызвавшими благосостояніе Голландцевъ, Лейбницъ, кромѣ чрезвычайно выгоднаго географическаго положенія ихъ страны, указываетъ на умѣренность ихъ и способность переносить всякаго рода лишенія, и эти качества даютъ имъ возможность производить ихъ товары и доставлять ихъ на рынки съ меньшими издержками, чѣмъ другіе народы. Главная же причина, которая притягиваетъ въ Голландію людей и капиталы, это—неограниченная вѣротерпимость и политическая свобода. Хотя бо̀льшая часть населенія, особенно ремесленники, находится въ крайне бѣдственномъ положеніи по причинѣ дороговизны съѣстныхъ припасовъ и своей матеріальной зависимости отъ купеческой аристократіи, стоящей во главѣ государства, однако, равноправность предъ закономъ, отсутствіе насилій и свобода вѣры и слова все искупаютъ. Послѣдній матросъ, въ кабакѣ, гдѣ онъ пьетъ свое пиво, считаетъ себя царемъ, хотя въ то же время долженъ таскать самыя тяжелыя ноши изъ-за насущнаго хлѣба. Вслѣдствіе того, что Голландцы притянули въ свои руки монополію торговли, они сдѣлались бременемъ для другихъ народовъ, особенно для Германіи и Франціи. Послѣдняя не имѣетъ другаго средства освободиться изъ-подъ этого ярма, какъ подорвавъ индійскую торговлю Голландцевъ занятіемъ Египта. Голландцы, конечно, будутъ противиться этому всѣми силами и оказывать Туркамъ дѣятельную помощь, но въ союзѣ съ Англіей и Португаліей Франція можетъ достигнуть своей цѣли.

Доказавъ выгоды, которыя представляетъ для Франціи завоеваніе Египта, и возможность его, Лейбницъ переходитъ къ вопросу о своевременности экспедиціи. Обстоятельства для Франціи весьма благопріятны. Если же она начнетъ какую-нибудь другую войну, напримѣръ съ Голландіей, эта война непремѣнно затянется, и тогда все

можетъ измѣниться: Англія, напримѣръ, можетъ перейдти на сторону враговъ Франціи, и тогда возможность совершить экспедицію въ Египетъ пройдетъ безвозвратно. То, что̀ Лейбницъ предвидѣлъ, дѣйствительно случилось.

Въ заключеніе онъ говоритъ о справедливости экспедиціи, о нравственномъ правѣ, которое имѣетъ Франція на завоеваніе Египта. „Что̀ можетъ быть справедливѣе этого предпріятія, въ которомъ дѣло идетъ не только о распространеніи, но о спасеніи (servanda) христіанской религіи, объ освобожденіи несчастнаго народа, который стонетъ подъ варварскимъ игомъ и скоро утратитъ остатки своей религіи? Отъ этого предпріятія зависитъ благоденствіе (salus) не малой части рода человѣческаго. Не Египетъ, не Палестина, не Евфратъ будутъ предѣлами христіанскаго міра; онъ обниметъ Японію, Китайскія земли, невѣдомые берега Австраліи и крайнія страны, въ которыхъ обитаетъ человѣкъ. Эта экспедиція избавитъ Европу отъ страха, Францію отъ ненависти, христіанство, до сего времени терзающееся въ распряхъ, отъ вѣковаго позора, восточные народы отъ ига невѣрныхъ, міръ отъ варварства, родъ человѣческій отъ ослѣпленія“.

Лейбницъ оканчиваетъ патетическимъ эпилогомъ, обращеннымъ къ Людовику XIV, и пророческими словами, которыя онъ влагаетъ въ уста Людовику Святому. Людовику XIV, занятому приготовленіями къ войнѣ съ Голландіей, является во снѣ его предокъ, Людовикъ Святой, который порицаетъ его за эту войну и побуждаетъ его предпринять походъ въ Египетъ. Онъ напоминаетъ ему о пораженіи, которое Французы потерпѣли въ Египтѣ во время крестоваго похода. Обращаясь къ нему съ Виргиліевымъ стихомъ: Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor, онъ показываетъ ему раны, которыя ему были нанесены въ плѣну, и говоритъ, что только кровь можетъ смыть этотъ позоръ съ Франціи и съ королевскаго дома. Онъ умоляетъ его сжалиться надъ несчастнымъ Востокомъ,

Et tandem oppressi miserere orientis et una
Redde decus patriae, pareque vocantibus astris....

и пророчитъ ему самый блестящій успѣхъ.

Лейбницъ имѣлъ полное право разчитывать, что его проектъ будетъ принятъ французскимъ правительствомъ со вниманіемъ, ибо въ это самое время отношенія между Франціей и Портой были такъ натянуты и враждебны, что обѣ стороны ежеминутно ожидали разрыва

парламентами. Послѣдніе получали такую крѣпкую организацію, были ограждены такими вѣковыми привилегіями и поддерживаемы такими обширными сословными интересами, что сдѣлались почти недоступны вліянію времени и новыхъ порядковъ. Университетъ отсталъ еще болѣе отъ общаго движенія.

Въ началѣ XVI вѣка Парижскій университетъ сдѣлался оплотомъ схоластики противъ гуманизма. Король Францискъ I, покровительствовавшій гуманизму, долженъ былъ создать для поддержки его особое учрежденіе, независимое отъ университета. То было знаменитое Collége de France, существующее до сихъ поръ; 12 профессоровъ, изъ которыхъ первоначально состояла эта коллегія, назначались самимъ королемъ, не принадлежали къ университету, и лекціи ихъ были публичны и безплатны. Здѣсь нашелъ убѣжище отъ гоненія оскорбленныхъ схоластиковъ неустрашимый поборникъ гуманизма, истинной философіи и здравыхъ педагогическихъ началъ противъ схоластическаго пустословія, Рамюсъ, который всю жизнь долженъ былъ бороться съ своими университетскими врагами и погибъ отъ ихъ мести во время Варѳоломеевой ночи. Такое же упорство университетъ выказалъ потомъ въ борьбѣ съ іезуитами, которые хотѣли подчинить себѣ народное образованіе и проникнуть въ университетъ. Несмотря на поддержку правительства, іезуитамъ удалось только послѣ долгихъ стараній добыть себѣ право открыть школы и публичные курсы. Борьба этимъ не кончилась, ибо университетъ не допускалъ къ магистерскому экзамену молодыхъ людей, слушавшихъ курсы іезуитовъ, и только при Людовикѣ XIV іезуиты окончательно восторжествовали надъ сопротивленіемъ университета [1]).

Въ борьбѣ съ іезуитами университетъ имѣлъ въ виду только свою монополію, а не какое-либо существенное различіе въ направленіи и методѣ преподаванія. Тамъ же, гдѣ дѣло шло о послѣднемъ, вражда должна была быть еще ожесточеннѣе, и такую-то вражду университетъ питалъ къ картезіанизму.

Гуманизмъ былъ ненавистенъ университету, потому что онъ настаивалъ на классическомъ образованіи, основывалъ воспитаніе на изученіи лучшихъ писателей греческой и латинской литературы; картезіанизмъ же — потому, что онъ ставилъ на первый планъ математику и физику, отвергалъ весь схоластическій хламъ, поддерживаемый авторитетомъ великаго Аристотеля, и требовалъ, вмѣсто діалектическихъ

---

[1]) *Hahn* — Unterrichtswesen in Frankreich. I, p. 85.

ухищреній, физическихъ опытовъ и анатомическихъ препаратовъ. Такая новизна испугала тѣхъ, которые съ самодовольствомъ жили въ мірѣ *субстанціальныхъ формъ* и ради своей причудливой метафизики столько же искажали латинскій языкъ, сколько извращали простой смыслъ человѣка. Изъ-за новизны эти философы не хотѣли распознать истины [1]).

Всѣмъ кандидатамъ на философскія степени было вмѣнено въ обязанность добыть свои первые лавры въ борьбѣ съ картезіанизмомъ и выступить противъ новаго ученія съ заржавленнымъ оружіемъ схоластической діалектики. Но новое ученіе скоро начало проникать въ ряды своихъ противниковъ, а это еще болѣе ожесточило университетъ.

Когда, въ 1671 году, архіепископъ Парижскій передалъ университету приказаніе короля, чтобъ изъ университетскаго преподаванія было исключено всякое новое ученіе, отступающее отъ принятаго, и чтобы на диспутахъ не обсуждалось ни одно положеніе, заимствованное оттуда, то всѣ факультеты, и во главѣ ихъ богословскій, поспѣшили заявить свою покорность и свое рвеніе въ преслѣдованіи новизны. Медицинскій факультетъ не отставалъ отъ богословскаго, и на запросъ Реймскаго медицинскаго факультета, можно ли подвергать обсужденію одно медицинское положеніе, на которомъ отразилось вліяніе картезіанизма, отвѣтилъ, что этого не слѣдуетъ допускать и что нужно почтительно сообразоваться съ королевскимъ указомъ. Но противники картезіанизма не довольствовались этими административными мѣрами: имъ хотѣлось выхлопотать у парламента формальное запрещеніе распространять ученіе Декарта въ предѣлахъ королевства подъ страхомъ строгихъ наказаній. Университетъ уже готовилъ прошеніе въ этомъ смыслѣ, и первый президентъ парламента Ламуаньонъ говорилъ своимъ знакомымъ, что ему нельзя будетъ не исполнить желанія университета. Но къ чести парламента такое постановленіе не состоялось. Между его членами было нѣсколько горячихъ приверженцевъ Декарта. Наконецъ, все это дѣло произвело большую тревогу въ обществѣ. Арно̀ [2]) представилъ парламенту записку, въ которой онъ съ большимъ достоинствомъ доказывалъ невозможность запретить Декартово ученіе и вредныя послѣдствія такой мѣры.

---

[1]) Cartesius dictus est magis indulsisse novitati quam veritati. Bouillier. I, p. 455.

[2]) Авторство Арно̀ доказано Кузеномъ. См. Fragments de Philosophie Cartésienne, p. 101.

Исторія — говорилъ онъ — убѣждаетъ въ томъ, что никакой законъ не можетъ заставить людей предпочесть одну философію другой, и всякая попытка такого рода можетъ только подорвать авторитетъ законодательной власти. Напрасно упрекаютъ картезіанизмъ въ томъ, что его нельзя привести въ согласіе съ догматами церкви. То же самое можно сказать о всякой другой философіи. Это происходитъ отъ того, что всякое ученіе, основанное исключительно на выводахъ разума, недостаточно и не можетъ удовлетворить потребностямъ вѣры. Если же сохранить неприкосновеннымъ принципъ независимости вѣры отъ выводовъ разума, то съ вѣрою можно согласить всякую философскую систему, дѣйствительно основанную на законахъ разума.

Сильнѣе, можетъ-быть, чѣмъ эти доказательства философа, подѣйствовала на общественное мнѣніе и парламентъ сатира, написанная Буало̀, вмѣстѣ съ Расиномъ и Бернье. Въ этой сатирѣ, которую Буало̀ представилъ своему другу Ламуаньону, поэты напередъ осмѣяли постановленіе парламента противъ картезіанизма въ пользу университетской схоластики. Поддѣлываясь подъ старинный канцелярскій слогъ парламента, они въ своемъ «Arrêt Burlesque» пародируютъ университетскихъ профессоровъ, которые жалуются парламенту, что какой-то незнакомецъ, *Разумъ*, хочетъ насильно вторгнуться въ университетъ и съ помощью нѣсколькихъ безпокойныхъ головъ и заговорщиковъ вытѣснить оттуда Аристотеля, исконнаго и мирнаго обладателя университета. Парламентъ, во вниманіи къ жалобѣ университета, опредѣляетъ неприкосновенность правъ Аристотеля и постановляетъ, чтобы всѣ доктора, магистры и профессора придерживались его ученія, хотя они и избавляются отъ обязанности читать его и познакомиться съ его языкомъ и съ его мнѣніями,—изгоняетъ навсегда *Разумъ* изъ вышесказаннаго университета, запрещаетъ ему вторгаться туда, „тревожить и безпокоить вышеназваннаго Аристотеля, подъ страхомъ признанія его за янсениста и за приверженца новизны“ [1]).

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого «Arrêt Burlesque»: «Vu par la Cour la requête présentée par les régents, maîtres-ès-arts (магистры), docteurs et professeurs de l'Université, tant en leur nom que comme tuteurs et défenseurs de la doctrine de maître Aristote, ancien professeur royal en grec dans le collège du Lycée et précepteur du feu roi de querelleuse mémoire, Alexandre dit le Grand, acquéreur de l'Asie, Europe, Afrique et autres lieux, contenant que depuis quelques années, une inconnue, nommée la Raison, aurait entrepris d'entrer par force dans les écoles de ladite Université, et pour cet effet à l'aide de certains quidams factieux, prenant les surnoms factieux de cartésiens, nouveaux philosophes, circulateurs et gassendistes, gens sans aveu, se serait mise en état

Въ виду такого сильнаго движенія въ обществѣ, Парижскій университетъ не рѣшился представить своей просьбы, и постановленіе парламента не состоялось. Но примѣръ главнаго университета подѣйствовалъ на провинціальные. Больше всѣхъ отличился Анжерскій университетъ въ преслѣдованіи новой философіи. Картезіанизмъ сдѣлалъ тамъ особенные успѣхи, благодаря дѣятельности нѣсколькихъ профессоровъ, принадлежавшихъ къ ордену Ораторіанцевъ и потому менѣе зависѣвшихъ отъ ученой коллегіи. Андре Мартенъ былъ однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ картезіанизма, хотя онъ еще считалъ нужнымъ прикрывать себя псевдонимомъ. Смѣлѣе его дѣйствовалъ его преемникъ по каѳедрѣ Бернардъ Лами. Кокери, ректоръ (principal) коллегіи, учрежденной при университетѣ орденомъ Ораторіанцевъ, также принадлежалъ къ приверженцамъ Декарта. Въ 1675 году Анжерскій университетъ получилъ королевское посланіе, въ которомъ ему предписывалось никоимъ образомъ не допускать распространенія на лекціяхъ новаго ученія, по примѣру Парижскаго университета. По полученіи этого посланія, весь университетъ рѣшилъ принять его къ свѣдѣнію и положить въ архивъ, собрать всѣхъ ректоровъ коллегій, профессоровъ философіи и аббатовъ монастырей, чтобъ обязать ихъ подпиской сообразоваться съ постановленіемъ университета, наконецъ впредь подвергать всѣ тезисы и рукописные учебники философіи цензурѣ особой коммиссіи, назначенной университетомъ. Одинъ только Кокери протестовалъ и аппелировалъ въ Парижскій парламентъ. Тамъ въ послѣдніе три года, картезіанизмъ, вѣроятно, сдѣлалъ большіе успѣхи, ибо парламентъ кассировалъ постановленіе Анжерскаго университета и призвалъ его къ своему суду (mander à la barre) за превышеніе власти. Но этимъ рѣшеніемъ парламентъ самъ сталъ въ оппозицію противъ правительства, а то было время полнаго развитія абсолютизма. Не задолго предъ этимъ молодой Людовикъ явился въ засѣданіе парламента въ охотничьемъ костюмѣ и

d'en expulser Aristote, ancien et paisible possesseur des dites écoles.... La Cour a maintenu et gardé, maintient et garde Aristote en pleine et paisible possession et jouissance des dites écoles; ordonne, qu'il sera toujours suivi et enseigné par les régents, docteurs, maîtres-ès-arts et professeurs en ladite Université, sans que pour cela ils soient obligés de le lire ou de savoir sa langue et ses sentiments; remet les entités, identités, formalités, matérialités, virtualités, eccéités, pétréités, polycarpeités et autres imaginaires.... en leur bonne fame.... bannit à perpétuité la Raison des écoles de ladite Université, lui fait défense d'y entrer, troubler et inquiéter ledit Aristote en la possession et jouissance d'icelles, à peine d'être declarée janséniste et amie des nouveautés».

съ нагайкой въ рукѣ. Поэтому, вслѣдъ за приговоромъ парламента вышелъ королевскій указъ, кассировавшій этотъ приговоръ и подтвердившій запрещеніе, наложенное Анжерскимъ университетомъ на картезіанизмъ и на приверженцевъ его въ орденѣ Ораторія.

Несмотря на это, Бернардъ Лами продолжалъ излагать ученіе Декарта, стараясь только соблюдать осторожность и прикрывать его формулами Аристотелевой схоластики. Это навлекло на него со стороны ректора университета и коммиссіи новое внушеніе возвратиться къ прежней философіи и отказаться отъ Декарта. Настоятели ордена порицали поведеніе Лами и увѣщевали его покориться, и наконецъ, опасаясь, что его упорство навлечетъ на весь орденъ непріятности и преслѣдованія, они отняли у него каѳедру и перевели его въ другую провинцію, лишивъ права проповѣдывать и обучать.

Вскорѣ послѣ этого Канскій (Caen) университетъ въ Нормандіи, который считался лучшимъ послѣ Парижскаго, также началъ преслѣдовать картезіанизмъ. Въ 1677 году богословскій факультетъ постановилъ не допускать къ ученымъ степенямъ тѣхъ, которые придерживались картезіанизма, и запретилъ всѣмъ распространять это ученіе изустно или письменно, подъ страхомъ лишенія привилегій и степеней. Вслѣдствіе этого нѣсколько профессоровъ и духовныхъ лицъ были лишены должностей и подверглись изгнанію или должны были отказаться отъ своихъ мнѣній.

Оппозиція университетовъ противъ картезіанизма получила особенно ожесточенный характеръ вслѣдствіе того, что въ нихъ преобладалъ богословскій факультетъ, а большинство богослововъ считало картезіанизмъ несовмѣстнымъ съ христіанскою религіей, потому что онъ опровергалъ объясненіе, придуманное схоластическою метафизикой для ученія о пресуществленіи. Подобно тому какъ гуманизмъ, отверженный университетами, долженъ былъ искать себѣ другаго органа и вызвалъ Французскую Коллегію, и картезіанизмъ нашелъ убѣжище помимо университета и послужилъ поводомъ къ возникновенію новыхъ научныхъ учрежденій. Онъ нашелъ это убѣжище въ *ученыхъ обществахъ*, новомъ явленіи, характеризующемъ ту эпоху. Такія общества составлялись повсемѣстно; въ одномъ Парижѣ ихъ было около 12-ти; сначала они не имѣли опредѣленной организаціи, но нѣкоторыя изъ нихъ вскорѣ получили болѣе постоянный характеръ. Наконецъ, само правительство обратило на нихъ свое вниманіе, и подъ его покровительствомъ изъ нихъ образовалась въ 1666 году Академія Наукъ, которая принесла такіе плодотворные результаты.

Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся въ Англіи. И тамъ потребность найдти, помимо устарѣвшихъ университетовъ, новые органы для успѣшнаго развитія математическихъ и естественныхъ наукъ привела къ составленію ученыхъ обществъ, и наконецъ, къ учрежденію Лондонскаго Королевскаго Общества Наукъ, которое скоро прославилось именемъ Ньютона. Во Франціи уже при жизни Декарта существовали общества и сходки ученыхъ, которыя разработывали его философію и старались подтвердить ея результаты физическими опытами и анатомическими изслѣдованіями. Парижскіе ученые собирались то у отца Мерсенна во францисканскомъ монастырѣ (aux Minimes), то у аббата Пико, у котораго останавливался Декартъ, когда пріѣзжалъ въ Парижъ, то у Абера де-Монмора (Habert de Monmort), члена парламента. Послѣдній былъ до такой степени преданъ новому ученію, что съ большой настойчивостью упрашивалъ Декарта принять отъ него въ подарокъ дачу, дававшую отъ 3 до 4 тысячъ ливровъ дохода. Члены общества, собиравшіеся у Монмора, сходились правильно каждую недѣлю для того, чтобы заниматься разъясненіемъ философіи Декарта. Но послѣдователи Декарта не довольствовались учеными обществами, которыя были доступны немногимъ; они распространяли новую философію съ помощью публичныхъ лекцій и преній, на которыя собирались люди всѣхъ сословій. Извѣстный физикъ Рого (Rohault), одинъ изъ самыхъ ученыхъ и даровитыхъ послѣдователей Декарта, устраивалъ каждую среду въ своемъ домѣ публичное засѣданіе, на которое сходились епископы и аббаты, придворные доктора, философы, математики, учителя, студенты, провинціалы, иностранцы, ремесленники, — однимъ словомъ, люди всѣхъ возрастовъ, половъ и званій. Въ этомъ обществѣ „дамы занимали первое мѣсто". Рого́ излагалъ на этихъ собраніяхъ физику, начиная съ теоріи и подтверждая ее самыми точными опытами, при чемъ онъ каждому позволялъ прерывать себя вопросами и возраженіями. Изъ этой школы вышелъ Режисъ, который потомъ читалъ такія же публичныя лекціи въ Тулузѣ и Монпелье. По возвращеніи своемъ въ Парижъ и по смерти Рого, онъ возобновилъ его публичныя лекціи въ 1680 году съ такимъ успѣхомъ, что повредилъ своему дѣлу. Архіепископъ Парижскій, встревоженный шумомъ, который надѣлали эти курсы, велѣлъ закрыть ихъ по прошествіи 6-ти мѣсяцевъ. Интересъ, который они возбуждали, былъ такъ великъ — говоритъ Фонтенель въ своемъ похвальномъ словѣ Режису — что нужно было приходить задолго до начала, чтобы найдти себѣ мѣсто.

Успѣхъ картезіанизма въ немалой степени зависѣлъ отъ того, какимъ образомъ къ нему относились монашескіе ордена. Вліяніе, которое эти ордена имѣли въ XVII вѣкѣ, было еще чрезвычайно значительно. Бóльшая часть низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеній во Франціи существовали на средства монашескихъ орденовъ и находились подъ руководствомъ учителей и профессоровъ, принадлежащихъ къ этимъ корпораціямъ. Домашнее воспитаніе было большею частію въ ихъ рукахъ. Наконецъ, они доставляли тысячамъ людей обезпеченное и независимое положеніе и давали имъ возможность совершенно предаваться по своему выбору научнымъ занятіямъ въ теченіе цѣлой жизни. Напрасно полагаютъ, что наука только въ средніе вѣка была много обязана монашескимъ орденамъ. Въ католическихъ странахъ эти ордена продолжали до конца прошлаго вѣка оказывать наукѣ чрезвычайно важныя услуги. Католицизмъ выказывалъ удивительную живучесть; монашескіе ордена, которые онъ создавалъ изъ своей среды, всегда соотвѣтствовали измѣнившемуся духу времени и всегда умѣли удовлетворять новымъ потребностямъ общества. Въ эпоху феодализма католицизмъ выставилъ Бенедиктинскій орденъ, монастыри котораго имѣли характеръ рыцарскихъ замковъ, а аббаты нисколько не отличались отъ воинственныхъ феодальныхъ бароновъ. Когда папству нужно было ввести въ церковь духъ аскетизма и централизаціи, изъ ордена бенедиктинцевъ вышли конгрегаціи Клюньи и Сито̀. Монастыри ихъ состояли въ строгомъ подчиненіи главному центру конгрегаціи, и всякое приказаніе папы быстро разносилось въ самыя отдаленныя области. Когда рушился феодализмъ и вмѣстѣ съ этимъ измѣнился политическій бытъ и экономическія условія, папству понадобилось орудіе другаго свойства, и въ началѣ XIII вѣка на помощь къ нему явились доминиканцы и францисканцы. Свѣтская власть окрѣпла и побѣдила феодализмъ; политическая жизнь сосредоточилась въ городахъ, гдѣ торговля и промышленность накопили большія богатства; университеты развились и пріобрѣли громадное значеніе; началось научное движеніе; христіане стали прислушиваться къ голосу еврейскихъ и арабскихъ философовъ; появились ереси. Свѣтская власть, матеріальные интересы и наука готовились вступить въ могущественную коалицію противъ папства. Тогда францисканцы и доминиканцы приняли свои мѣры. Они провозгласили принципъ бѣдности и нищенства. Но это значило только, что они не стремились къ пріобрѣтенію поземельнаго владѣнія. Они не хотѣли жить въ горахъ и въ лѣсахъ, окруженные своими подданными, подобно бенедиктинцамъ. Они посе-

лились въ городахъ; въ душныхъ и мрачныхъ кварталахъ, среди городскаго пролетаріата, они строили свои монастыри; босикомъ и съ непокрытою головой, повязанные веревкой, входили они въ лачуги бѣдняковъ, молились у постели больныхъ и зараженныхъ чумою. Въ этомъ же костюмѣ они тѣснились въ аудиторіяхъ, входили на каѳедру, стали наконецъ во главѣ научнаго движенія, довершили зданіе схоластики и побѣдносно отразили вліяніе арабской философіи. Они сдѣлались любимыми проповѣдниками и духовниками, вступили въ борьбу съ ересью и овладѣли инквизиціей. Они не имѣли, подобно бенедиктинцамъ, мѣстныхъ привязанностей, ихъ отечествомъ былъ ихъ орденъ, и они послушно отправлялись туда, гдѣ могли служить интересамъ ордена и папства. Они составляли подвижную милицію папства; смотря по обстоятельствамъ, они становились миссіонерами, проповѣдниками, демагогами, профессорами, жандармами и сборщиками податей въ интересахъ папской куріи.

Въ XVI вѣкѣ произошелъ важный переворотъ въ положеніи папства. Реформація отторгла отъ римской церкви значительную часть Европы и подвергла сомнѣнію самый принципъ католицизма—необходимость единства въ христіанской церкви. Протестантская церковь не хотѣла быть ересью или сектой въ прежнемъ значеніи этого слова, въ смыслѣ отступничества отъ католицизма; она провозгласила принципъ, что права различныхъ исповѣданій должны основываться не на древности ихъ учрежденій и многочисленности ихъ приверженцевъ, а на потребностяхъ религіозной совѣсти человѣка. Но положеніе католицизма не менѣе измѣнилось въ тѣхъ странахъ, которые остались ему вѣрны. Въ средніе вѣка католицизмъ былъ цивилизующимъ началомъ; папы были блюстителями нравственности, защитниками слабыхъ отъ грубаго насилія, учителями политической мудрости; хотя они сами не много заботились о наукѣ, но они не мѣшали и иногда даже покровительствовали ей, въ надеждѣ найдти въ ней могущественное орудіе въ пользу церкви. Но въ XVI вѣкѣ все это измѣнилось. Католицизмъ пришелъ въ застой; послѣдній соборъ Тридентскій былъ созванъ какъ будто для того только, чтобъ освятить и запечатлѣть этотъ застой. Папство стало относиться враждебно ко всякому движенію, ко всякому улучшенію въ политическомъ и научномъ мірѣ. Оно одобрило Варѳоломееву ночь и отказалось признать Вестфальскій миръ, который окончилъ полуторавѣковую религіозную борьбу. Когда гуманизмъ подорвалъ значеніе схоластики, папство перестало покровительствовать ему и начало враждебно смотрѣть на науку. Оно громко протестовало противъ раз-

витія математическихъ и естественныхъ наукъ, сожгло Ванини на кострѣ и заставило Галилея отказаться отъ научной аксіомы. Во всѣхъ сферахъ жизни папство поспѣшило заявить свое *non possumus*, свою *невозможность* слѣдовать новому порядку вещей.

Въ этомъ опасномъ положеніи папства на выручку къ нему явились іезуиты. Сообразно съ тѣмъ, что папство теперь должно было преслѣдовать двойную политику, внутреннюю и внѣшнюю, относительно католиковъ и протестантовъ, дѣятельность іезуитовъ получила самый разнообразный характеръ. Въ борьбѣ съ протестантами они позволяли себѣ употреблять всевозможныя средства: внѣшнее насиліе, подкупъ, заговоры, пропаганду, обманъ, хитрость, ученую полемику, даровое обученіе и пр., для того чтобъ уменьшить число протестантовъ. Въ католическихъ же странахъ они преслѣдовали иныя цѣли. Они ясно поняли, что при новомъ порядкѣ вещей имъ прійдется главнымъ образомъ имѣть дѣло съ тремя силами, и всѣ ихъ стремленія были направлены къ тому, чтобы подчинить себѣ эти три силы и заставить ихъ дѣйствовать въ свою пользу. Эти три силы были — правительство, общественное мнѣніе и наука. Чтобы подчинить себѣ правительство, они прибѣгали къ интригамъ, замѣщали людьми своего ордена должности царскихъ духовниковъ и даже, не колеблясь, признали страшную теорію цареубійства. Они отлично поняли громадную силу общественнаго мнѣнія и науки. Образованіе перестало быть монополіей духовенства; явилась свѣтская наука, свѣтскіе ученые и писатели. Первой заботой іезуитовъ было овладѣть образованіемъ, устроить даровыя школы, безплатные курсы въ университетахъ, подчинить себѣ народное воспитаніе. Они придумали новыя методы обученія, болѣе сообразныя съ успѣхами педагогіи, и іезуитскія школы скоро сдѣлались образцомъ для остальныхъ. Монахи-педагоги вышли изъ моды. Іезуиты не хотѣли быть монахами. На запросъ Парижскаго университета, причисляютъ ли они себя къ монашествующему или къ свѣтскому (séculier) духовенству, они уклончиво отвѣчали: sumus *tales*, *quales* nos Curia accipit. Іезуиты не имѣли, подобно прежнимъ орденамъ, своей философской системы. Они готовы были принять всякую систему, лишь бы она могла служить имъ полезнымъ орудіемъ. Ихъ орденъ довелъ централизацію до крайнихъ предѣловъ. Члены его не только должны были мѣнять мѣстопребываніе и образъ жизни по приказанію своего генерала, отправляться миссіонерами въ Азію или Америку и рисковать жизнью для ордена; они точно также должны были приносить въ жертву ордену свои научныя убѣжденія. Всякому іезуиту позво-

лялось придерживаться извѣстной философской и научной системы и писать въ ея духѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не получалъ приказанія промѣнять ее на другую.

Іезуиты раньше другихъ замѣтили разладъ между католицизмомъ и наукой, и смѣло взялись прикрыть этотъ разладъ. Они занялись естественными науками, вдались въ матеріализмъ, для того чтобы показать міру, что католицизмъ все можетъ сносить, что онъ не боится никакой новой истины. Многіе въ этомъ случаѣ дѣйствовали искренно, другіе были орудіемъ въ рукахъ ордена. Но они поступали при этомъ очень осторожно. Какъ скоро они замѣчали, что либеральничанье опасно, что новое ученіе непримиримо съ ихъ интересами, они тотчасъ повертывали въ другую сторону, и тогда уже употребляли всѣ свои средства, всѣ интриги своей хитрой политики, для того чтобы подавить то, что̀ они прежде сами отстаивали. Эта система ставила ихъ постоянно въ ложное положеніе, и между многими обвиненіями во лжи и обманѣ, которыя падаютъ на іезуитовъ, ихъ неискреннее отношеніе къ наукѣ есть самое тяжелое.

Другой орденъ, возникшій вскорѣ послѣ іезуитскаго, также сообразовался съ потребностями новаго времени. Это орденъ Ораторія (молельня), основанный въ 1574 году Филиппомъ де-Нери и распространившійся во Франціи при Людовикѣ XIII подъ покровительствомъ кардинала Берюлла. Ораторіанцы не давали монашескихъ обѣтовъ; задачей ихъ было руководить религіозною жизнью, заниматься богословіемъ и разработывать науку и философію въ католическомъ духѣ. Изъ рядовъ французскаго ордена Ораторія вышло много замѣчательныхъ ученыхъ.

Мы позволили себѣ это отступленіе, для того чтобы характеризовать монашескіе ордена и объяснить изъ самой исторіи ихъ различное отношеніе къ наукѣ и философіи Декарта. Бенедиктинцы преданіями и привычками своего ордена были привлечены къ историческимъ занятіямъ. Монастыри ихъ представляли богатыя хранилища самыхъ драгоцѣнныхъ рукописей. Архивы ихъ были лучшею школой для палеографіи и дипломатики, для искусства критически обходиться съ древними рукописями и грамотами. Трудолюбіе и рвеніе бенедиктинцевъ соотвѣтствовали ихъ громаднымъ средствамъ; они обогатили историческую науку и археологію такими сборниками лѣтописей, изданіями и учеными изслѣдованіями, которыя вызываютъ благодарность и заставляютъ удивляться учености и самоотверженію этихъ почтенныхъ тружениковъ. Несмотря на эту спеціальность, бенедиктинцы не пренебрегали

занятіями философіей. Они преданіями своего ордена не были особенно связаны съ схоластикой, и потому были довольно расположены къ ученію Декарта. Гордость и украшеніе Бенедиктинскаго ордена, основатель дипломатики, домъ-Мабильйонъ, въ своемъ сочиненіи о монастырскихъ занятіяхъ совѣтуетъ заниматься философіей и не скрываетъ своего предпочтенія къ философіи Декарта. Главныя вѣтви Бенедиктинскаго ордена, конгрегаціи Св. Мавра и С. Ваннъ (Saint-Vannes), выставили изъ своей среды нѣсколько человѣкъ, которые составили себѣ имя въ исторіи картезіанизма. Къ первой принадлежали Бернардъ Лами, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ ораторіанцемъ Лами, авторъ сочиненія: de la Connaissance de soi-même, и Галлуа (Gallois); ко второй — болѣе извѣстный домъ-Дегабэ (Desgabets) [1]), прославившійся рвеніемъ, съ какимъ онъ старался ввести въ свой орденъ изученіе картезіанизма. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ самыми даровитыми послѣдователями Декарта — Режисомъ, Рого, Клерселье (Clerselier) и Мальбраншемъ. Въ защиту послѣдняго противъ критики Фуше онъ въ 1676 году написалъ свою *антикритику* (Critique de la critique de la Recherche de la Vérité....). Дегабэ оставилъ послѣ себя множество сочиненій богословскихъ и философскихъ, до сихъ поръ не изданныхъ. Особенное же вниманіе онъ обратилъ на себя своими стараніями распространить и защитить объясненіе пресуществленія, придуманное Декартомъ, для того чтобы примирить богословскую науку съ своею философіей. Онъ возбудилъ этимъ такое неудовольствіе противъ себя, что начальство ордена потребовало, чтобъ онъ отрекся. Онъ долженъ былъ оправдаться и заявилъ свою полную покорность принятому въ церкви ученію. Послѣднее время своей жизни онъ провелъ аббатомъ Брёльскаго монастыря, близь замка Коммерси, въ которомъ жилъ кардиналъ де-Рецъ, и игралъ главную роль въ кружкѣ картезіанцевъ, собравшемся около кардинала.

Другой орденъ, менѣе значительный, конгрегація Св. Геновефы (Geneviève), такъ отличался своимъ расположеніемъ къ ученію Декарта, что навлекъ на себя слѣдующую остроту Гюе (Huet), извѣстнаго противника картезіанизма: „Этотъ орденъ убѣжденъ, что онъ канонизировалъ систему Декарта, съ тѣхъ поръ, какъ помѣстилъ тѣло Декарта рядомъ съ мощами св. Геновефы“. Тѣло Декарта было погребено въ церкви св. Геновефы, въ послѣдствіи превращенной въ Пан-

[1]) См. Cousin — Séance d'une Société Cartésienne въ Fragments....

теонъ. Къ этому ордену принадлежали Піеръ Лалеманъ, сказавшій надгробное слово Декарту, и Рене-Ле-Боссю, старавшійся примирить древнюю философію съ системой Декарта. Доминиканцы и францисканцы были слишкомъ заинтересованы услугами, оказанными ихъ орденомъ схоластикѣ, чтобъ особенно сочувствовать ученію, которое подрывало созданную ими систему. Но и между послѣдними можно указать на отца Мерсенна, близкаго друга Декарта, и Меньяна (Maignan), много позаимствовавшаго у Декарта.

За то полнѣйшее сочувствіе нашло ученіе Декарта въ орденѣОраторія. Духъ этого ордена стоялъ въ рѣзкой противоположности къ стремленіямъ іезуитовъ. Искренно преданный своему призванію — молитвѣ, наукѣ и преподаванію, онъ устранялъ себя отъ всякихъ политическихъ интригъ, отъ всякаго стремленія къ господству и порабощенію другихъ. Преподаваніе ему не служило средствомъ для достиженія корыстныхъ цѣлей, какъ у іезуитовъ, но имѣло въ виду интересы истины и пользу обучаемыхъ. По уставу ордена всякій, кто вступалъ въ него, долженъ былъ нѣсколько лѣтъ заниматься преподаваніемъ. Это было скорѣе общество ученыхъ, посвятившихъ себя наукѣ и церкви, чѣмъ монашескій орденъ. „Идите, говоритъ Боссюэтъ объ этомъ орденѣ, въ ту обитель, гдѣ покоятся мощи великаго святаго Маглуара [1]); тамъ на самомъ ясномъ и чистомъ воздухѣ города безчисленный сонмъ духовныхъ питается еще болѣе чистымъ духомъ церковнаго чина (discipline cléricale), оттуда они расходятся по епархіямъ и повсюду разносятъ съ собой истинный духъ церкви“. Уставъ этой конгрегаціи былъ либеральнѣе, чѣмъ въ другихъ орденахъ. Тамъ не было тайныхъ статей, не было монашескихъ обѣтовъ; всякій членъ имѣлъ право оставить конгрегацію и сохранялъ полную независимость въ выборѣ занятій. Отъ членовъ требовались только священническіе обѣты; они не были подвержены такой строгой дисциплинѣ, какъ монахи другихъ орденовъ, и не были изъяты изъ подсудности епископамъ. „Насъ связываютъ, говоритъ ораторіанецъ Лами, только одни узы любви. Безъ нихъ орденъ не могъ бы существовать“.

Любимымъ писателемъ для членовъ этого ордена былъ блаженный Августинъ. Изученіе его сочиненій привело ихъ къ идеализму и расположило ихъ къ Платону, котораго они предпочитали Аристотелю схоластиковъ. Это уваженіе къ Августину было внушено имъ ихъ по-

---

[1]) Главная обитель ордена — S. Magloire — находилась въ Парижѣ на высотѣ Faubourg St. Jacques.

кровителемъ, кардиналомъ Берюлломъ. Онъ же обратилъ ихъ вниманіе на Декарта. Этотъ кардиналъ одинъ изъ первыхъ заинтересовался идеями Декарта и выказывалъ ему свое личное расположеніе въ то время, когда онъ еще не пріобрѣлъ славы знаменитаго философа. Орденъ Ораторія скоро сдѣлался однимъ изъ главныхъ разсадниковъ картезіанизма, и подвергся за это различнымъ гоненіямъ со стороны правительства и церкви и сильнымъ нападкамъ со стороны іезуитовъ и схоластиковъ. Мы уже говорили о гоненіяхъ противъ ораторіанцевъ въ Анжерскомъ университетѣ. Преслѣдованія этимъ не ограничились, но вмѣстѣ съ ними усиливалась среди конгрегаціи приверженность къ ученію Декарта и къ идеямъ блаженнаго Августина, которыя въ это время были заклеймлены прозваніемъ янсенизма. „40 лѣтъ преслѣдованій противъ картезіанизма и янсенизма, подведенныхъ подъ общее проклятіе, не могли заставить послѣдователей Берюлла отказаться отъ той философіи, которую онъ имъ указалъ“ [1]). Когда въ 1678 году управленіе ордена, чтобы спасти его отъ неминуемой гибели, было принуждено запретить изученіе картезіанизма, члены конгрегаціи протестовали и сказали въ своемъ прошеніи: „Если картезіанизмъ зараза, то болѣе двухъ сотъ изъ насъ заражены ею“ [2]).

Между послѣдователями Декарта въ конгрегаціи Ораторія, которые особенно выдавались своими философскими трудами, мы укажемъ на Андре Мартена, о которомъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ. Въ большомъ сочиненіи своемъ „Христіанская философія“, онъ не упоминаетъ о Декартѣ; онъ постоянно цитуетъ только блаженнаго Августина, но онъ такъ подбираетъ цитаты и даетъ имъ такое толкованіе, что легко замѣтить его цѣль — поддержать ученіе современнаго философа авторитетомъ отца церкви. Другой картезіанецъ Пуассонъ сдѣлался извѣстенъ переводомъ „Механики“ Декарта на латинскій языкъ и своимъ комментаріемъ на его „Разсужденіе о Методѣ“. Но самый замѣчательный человѣкъ, вышедшій изъ конгрегаціи Ораторія, и въ то же время самый знаменитый преемникъ Декарта былъ Мальбраншъ. Вліяніе, которое Мальбраншъ имѣлъ на развитіе Декартовой системы, было такъ велико, что въ ея исторіи начинается новый періодъ со времени этого вліянія. Декартъ не довершилъ своей системы, онъ оставилъ многое не досказаннымъ. Въ основаніи его философіи лежалъ дуализмъ, противоположность

---

[1]) Biographie Universelle подъ Bérulle.
[2]) Bouillier. — Hist. de la Phil. Cart. II. p. 10.

между мыслящимъ духомъ и измѣряемою матеріей. Поэтому его систему можно было развивать въ двоякомъ направленіи. Можно было продолжать его изслѣдованія надъ матеріей, подчинять философію математикѣ и механикѣ. Это дѣлали непосредственные ученики его — Рого̀, Режисъ и пр., которые продолжали начатыя Декартомъ математическія изслѣдованія и физическіе опыты. Но можно было также развить ту сторону Декартовой системы, которая содержала въ себѣ ученіе о духѣ, — его теорію о врожденныхъ идеяхъ, объ идеѣ Бога, какъ источникѣ всѣхъ другихъ истинъ, — опредѣлить отношеніе души къ тѣлу, вопросъ, не разрѣшенный Декартомъ. Эту задачу взялъ на себя Мальбраншъ. Декартъ, вѣроятно, былъ бы недоволенъ тѣмъ направленіемъ, которое приняла его система подъ руководствомъ Мальбранша; послѣдній внесъ туда весь идеализмъ и мистицизмъ своей созерцательной и болѣзненно-сосредоточенной натуры, которые дѣлали его непонятнымъ для толпы и доставили ему прозвище „мечтателя Ораторія" (Rêveur de l'Oratoire). Но Декартъ не имѣлъ бы права жаловаться на искаженіе своей ясной, популярной системы. Самыя мистическія положенія Мальбранша логически вытекаютъ изъ основаній, положенныхъ Декартомъ, и представляютъ только крайне идеальное развитіе его системы.

Для насъ Мальбраншъ имѣетъ особенно важное значеніе по тому вліянію, которое онъ имѣлъ на Лейбница. Философія Лейбница выросла на почвѣ картезіанизма, хотя во многомъ является ея противоположностью. Отношеніе этихъ двухъ системъ было бы непонятно безъ Мальбранша, который составляетъ естественный переходъ отъ Декарта къ Лейбницу.

Лейбницъ былъ лично знакомъ съ Мальбраншемъ. Первое сочиненіе послѣдняго, въ которомъ была уже изложена вся его система — La Recherche de la Vérité — вышло въ 1674 году, во время пребыванія Лейбница въ Парижѣ. Лейбницъ бывалъ у Мальбранша и бесѣдовалъ съ нимъ о различныхъ вопросахъ, относящихся къ математикѣ и метафизикѣ. Мы знаемъ объ этомъ по письмамъ, которыя сохранились въ бумагахъ Лейбница и изданы Кузеномъ [1]). Однажды у нихъ зашелъ споръ о томъ, существуетъ ли пространство отдѣльно отъ матеріи, существуетъ ли пустота въ пространствѣ, составляетъ ли протяженіе существенное свойство матеріи. Лейбницъ оспаривалъ это краеугольное положеніе картезіанизма. Возвратившись домой въ свой

[1]) Corréspondance inédite de Malebranche et de Leibniz въ Fragments de Ph. Cartés. p. 349.

Hôtel de St. Quentin, онъ письменно формулировалъ свои возраженія и послалъ ихъ Мальбраншу. Тотъ отвѣтилъ ему очень вѣжливо, но неохотно и коротко. Онъ замѣчаетъ въ своемъ письмѣ, что письменные споры представляютъ еще болѣе затрудненій и бòльшую потерю времени, чѣмъ устные. Лейбницъ остался не удовлетворенъ отвѣтомъ. Онъ снова пишетъ Мальбраншу съ вѣжливостью, проситъ снисхожденія за неповоротливость своего ума (ésprit pesant), который не позволяетъ ему высказаться вполнѣ въ устной бесѣдѣ и заставляетъ прибѣгать къ письменнымъ объясненіямъ, и потомъ повторяетъ свои доводы съ удвоенною силой. Мальбраншъ, какъ кажется, оставилъ это письмо безъ отвѣта. Онъ былъ ласковъ и привѣтливъ въ обращеніи и разговорчивъ о предметахъ, интересовавшихъ его. Но какъ всѣ люди съ сосредоточеннымъ и созерцательнымъ характеромъ, привыкшіе къ уединенію, онъ легко поддавался застѣнчивости и робости и тогда уклонялся отъ преній. Такъ, напримѣръ, онъ всегда отказывался вступать въ устныя пренія съ Боссюэтомъ. Онъ любилъ проводить время въ сельскомъ уединеніи и закрывалъ ставни своего дома, чтобы ничто не мѣшало его размышленіямъ. Для отдохновенія отъ своихъ напряженныхъ занятій онъ игралъ съ маленькими дѣтьми.

Предметъ его спора съ Лейбницемъ очень интересенъ, ибо изъ него видно, что Лейбницъ уже въ то время отвергалъ самое существенное положеніе картезіанизма. Онъ высказываетъ свою мысль еще неопредѣленно и смутно, но онъ уже выработалъ главныя положенія своей философіи, что принципъ матеріи есть сила и что пространство есть отношеніе.

Переписка между Лейбницемъ и Мальбраншемъ не прекратилась на этомъ. Лейбницъ возобновилъ ее въ 1679 году по поводу новаго сочиненія Мальбранша: Les Conversations Chrétiennes, въ которомъ онъ, по просьбѣ герцога де-Шеврёзъ, популяризировалъ свою систему. Лейбницъ жилъ въ это время въ Ганноверѣ и получилъ книгу Мальбранша черезъ знаменитую ученицу Декарта, Елисавету Пфальцскую. Въ письмѣ своемъ Лейбницъ позволяетъ себѣ высказывать уже болѣе рѣзкое мнѣніе о Декартѣ. „Я убѣжденъ, говоритъ онъ, что его механика полна ошибокъ, что его физика слишкомъ поспѣшна въ своихъ заключеніяхъ (va trop vite), что его геометрія не идетъ довольно далеко (trop bornée), и наконецъ, что его метафизика представляетъ всѣ эти недостатки вмѣстѣ“. Онъ выражаетъ надежду доказать чѣмъ-нибудь существеннымъ (d'effectif), что Декартъ не открылъ еще настоящаго метода въ математикѣ. Мальбраншъ отвѣчаетъ ему очень коротко:

онъ отклоняетъ отъ себя авторство книги, приписываемой ему Лейбницемъ, и говоритъ, что общество будетъ ему чрезвычайно признательно, если онъ исполнитъ свои обѣщанія и откроетъ настоящій методъ въ математическихъ наукахъ. Въ своемъ отвѣтѣ Лейбницъ обсуждаетъ болѣе обстоятельно нѣкоторыя положенія Декарта и Мальбранша. Онъ одобряетъ вполнѣ теорію Мальбранша, что идеи всѣхъ предметовъ мы созерцаемъ въ Богѣ и что тѣло не производитъ прямаго дѣйствія на душу. Онъ соглашается также съ мнѣніемъ Мальбранша, что Богъ дѣйствуетъ въ мірѣ только простыми способами (simplicité des décrets) и посредствомъ неизмѣнныхъ законовъ, вслѣдствіе чего становится возможнымъ физическое и нравственное зло, ибо Богъ имѣетъ въ виду не частности, а возможно большее совершенство цѣлаго. Далѣе онъ отвергаетъ положеніе Декарта, что животныя лишены души; тутъ мы уже встрѣчаемъ такъ-называемыя *смутныя представленія*, которыя играютъ такую важную роль въ философіи Лейбница и которыми онъ объясняетъ переходъ отъ низшихъ проявленій органической жизни въ природѣ къ сознательному мышленію человѣка. Затѣмъ онъ критикуетъ Декартовы доказательства въ пользу существованія Бога и противоположности между мыслію и протяженіемъ, или духомъ и матеріей, находя ихъ недостаточными и неполными.

Переписка ихъ снова возобновилась въ 1693 году, по поводу одного научнаго спора. Лейбницъ оспаривалъ положеніе Декарта, что количество движенія въ мірѣ всегда остается одинаково, и доказывалъ, что не количество движенія, но количество силъ остается неизмѣннымъ. На этомъ положеніи онъ построилъ новую систему динамики и съ его помощью доказалъ ошибочность Декартовыхъ законовъ упругости тѣлъ. Это вовлекло его въ полемику съ картезіанцами, во время которой Лейбницъ сослался на мнѣніе Мальбранша. Тогда Мальбраншъ напечаталъ свой „Трактатъ о законахъ передачи движенія“, въ которомъ онъ отстаивалъ положеніе Декарта, хотя съ нѣкоторыми уступками. Вѣроятно, въ отвѣтъ на возраженія Лейбница, которыя не дошли до насъ, онъ написалъ ему письмо, въ которомъ говоритъ, что ни уваженіе, ни дружба не могутъ замѣнить ему очевидныхъ доказательствъ. Однако, новыя возраженія Лейбница сдѣлали на него сильное впечатлѣніе и произвели переворотъ въ его динамической теоріи. Онъ подвергъ ее новому анализу и убѣдился, что факты не согласуются съ его теоріей. Въ 1698 году онъ сообщаетъ Лейбницу, что онъ отказывается отъ своего прежняго взгляда. „Я теперь убѣжденъ, пишетъ онъ, что абсолютное движеніе постоянно убываетъ и прибы-

ваетъ. Я говорю вамъ это, чтобъ убѣдить васъ въ томъ, что я искренно ищу истины". Съ трогательною скромностью признаетъ онъ превосходство Лейбница. „Если есть люди, говоритъ онъ, которые равнодушны къ вашимъ заслугамъ или придаютъ себѣ такой видъ, то они только вредятъ этимъ самимъ себѣ, по крайней мѣрѣ въ мнѣніи благоразумныхъ людей".

Такой благородный образъ дѣйствія глубоко тронулъ Лейбница. Онъ пишетъ объ этомъ къ Бойлю, не упоминая имени Мальбранша, но называя его однимъ изъ первыхъ современныхъ философовъ. Въ письмѣ къ Мальбраншу онъ восхваляетъ его искренность и поздравляетъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ съ избраніемъ въ почетные члены Академіи Наукъ. „Математикамъ, говоритъ онъ, столь же необходимо быть философами, сколько философамъ быть математиками; вы, достопочтенный отецъ, соединяя въ себѣ то и другое и справедливо считаясь однимъ изъ первыхъ современныхъ философовъ, способнѣе всѣхъ на свѣтѣ осуществить этотъ союзъ". Переходя къ себѣ, Лейбницъ жалуется, что не въ состояніи посвящать себя, какъ слѣдуетъ, математикѣ. „Здѣсь нѣтъ никого, кто бы интересовался этою наукой, и это меня отталкиваетъ отъ нея (cela me rebute). Такого рода занятія, сухія сами по себѣ, становятся пріятными, когда можно подѣлиться ими съ кѣмъ-нибудь, и я не въ состояніи долго заниматься математикой безъ поддержки со стороны другихъ".

Въ 1710 году Лейбницъ послалъ Мальбраншу свою „Теодицею". Мальбраншъ долженъ былъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому сочиненію. Онъ вполнѣ раздѣлялъ основную мысль его, что міръ есть совершенство и что грѣхъ и зло неминуемо вытекаютъ изъ совершенства всего цѣлаго. Но между его взглядомъ и теоріей Лейбница мы находимъ существенное различіе, и Мальбраншъ въ своемъ письмѣ къ нему прямо указалъ на это различіе. Для „мечтателя Ораторія", который сознавалъ идеи всѣхъ предметовъ въ Богѣ, вселенная была совершенствомъ не сама по себѣ, а какъ твореніе Бога. Наисовершеннѣйшее существо можетъ создать только твореніе совершенное по цѣли и по средствамъ. Совершенство средствъ въ мірозданіи заключается въ наибольшей простотѣ и неизмѣнности міровыхъ законовъ. А что касается до цѣли, то создавая міръ, Творецъ имѣлъ въ виду самую высокую цѣль—славу Іисуса Христа, который искупилъ человѣчество. По представленію Мальбранша, Богъ въ своей безконечности остается неподвиженъ (immobile) при грѣхопаденіи человѣка, ибо благоденствіе лучшаго изъ Его твореній ничто предъ Нимъ. Грѣхопаде-

12

ніе для Него только средство къ возвеличенію Іисуса Христа. Въ концѣ письма высказывается католическій священникъ: Мальбраншъ, увлеченный сочувствіемъ къ Лейбницу, молитъ Бога, чтобъ онъ „наградилъ его и сподобилъ его послѣдовать примѣру его достойнаго покровителя[1]), то-есть, сдѣлаться католикомъ".

Лейбницъ, вѣроятно, не ожидалъ такого заключенія. Ему часто приходилось отклонять подобные совѣты и просьбы, и онъ дѣлалъ это всегда съ большою мягкостью и вѣжливостью. На этотъ разъ въ его отвѣтѣ слышится какая-то горечь. Впрочемъ, до насъ дошло только черновое письмо его, но и тамъ относящееся сюда мѣсто перечеркнуто. Онъ выражаетъ свое неудовольствіе противъ Тридентскаго собора, который возвелъ несущественныя различія въ догматы и сдѣлалъ всякое примиреніе невозможнымъ, и заключаетъ: „Остальные народы не должны имѣть столько снисходительности, чтобы давать обманывать себя Италіанцамъ, которые вдобавокъ только смѣются надъ ними" (qui s'en moquent).

Замѣчанія Мальбранша по поводу Теодицеи были слишкомъ проникнуты богословскимъ духомъ и вызвали возраженія Лейбница. Философъ индивидуализма и восторженный поклонникъ красоты природы не могъ допустить толкованіе, по которому вся вселенная и благоденствіе разумныхъ существъ исчезали въ мистическомъ созерцаніи Божества и которое слишкомъ близко подходило къ суровому пантеизму Спинозы. Лейбницъ замѣчаетъ Мальбраншу, что его объясненіе даетъ право заключать, будто бы Богъ совершенно равнодушенъ къ благоденствію и спасенію своихъ твореній, и что такой взглядъ уменьшилъ бы любовь къ Божеству. Въ сущности же Онъ ни къ чему не относится равнодушно; всѣ творенія Его сохраняютъ свои размѣры предъ Нимъ (gardent ses proportions entre elles), подобно безконечно малымъ линіямъ, которыя исчезаютъ предъ обыкновенными, хотя отношенія ихъ опредѣляются тѣми же математическими законами.

Какъ видно изъ этой переписки, между философіей Мальбранша и Лейбница существовало глубокое различіе, но въ то же время между ними было много общаго. Въ основаніи обѣихъ системъ лежалъ картезіанизмъ, но Лейбницъ получилъ картезіанизмъ, такъ-сказать, изъ рукъ Мальбранша. Его философія прямо примыкаетъ къ системѣ Мальбранша и во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться ея продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ. *Предопредѣленная гармонія* Лейбница есть не что

---

[1]) Мальбраншъ имѣетъ въ виду ландграфа Эрнста Гессенскаго.

иное, какъ видоизмѣненная Мальбраншева теорія *окказіонализма*[1]), а въ Теодицеѣ его точно также отражается оптимизмъ французскаго философа. Самъ Лейбницъ въ этомъ откровенно сознается[2]). Дѣйствительно, міросозерцаніе обоихъ философовъ есть *оптимизмъ*. Но оптимизмъ Мальбранша основанъ только на вѣрѣ въ совершенство Создателя; это мрачный монашескій оптимизмъ, который соединяется съ полнымъ пренебреженіемъ или по крайней мѣрѣ равнодушіемъ къ міру. Оптимизмъ же Лейбница основанъ на убѣжденіи въ совершенствѣ природы, въ гармоніи міровыхъ законовъ, и поддерживается вѣрой въ безконечный прогрессъ.

Правда, и у Мальбранша мы находимъ теорію, которая представляетъ много сходства съ міровою гармоніей Лейбница. По его представленію, все, что существуетъ въ мірѣ, обладаетъ извѣстною степенью совершенства, и эта степень опредѣляетъ различное отношеніе Божества къ Его твореніямъ. Отсюда проистекаетъ неизмѣнный и необходимый строй, и сознаніе этого строя есть источникъ всѣхъ истинъ, какъ отвлеченныхъ (научныхъ), такъ и нравственныхъ (практическихъ). Но у Мальбранша этотъ міровой строй отражается только въ Божествѣ, и человѣкъ сознаетъ его, только погружаясь въ безконечность Божества. Мы увидимъ, какъ это представленіе преобразилось въ системѣ Лейбница. Различіе ихъ философскихъ системъ соотвѣтствуетъ различію, которое представляютъ ихъ личности. Мальбраншъ былъ богословъ, и его философское мышленіе находило себѣ предѣлы въ твердо установленныхъ догматахъ католической церкви. Его натура была сосредоточенная и созерцательная; онъ гордился прозвищемъ le méditatif. Его пугалъ шумъ общественной и политической жизни, и онъ съ пренебреженіемъ относился къ историческимъ и политическимъ наукамъ, несмотря на то, что въ юности подъ руководствомъ извѣстнаго Ле-Куэнта (Cointe) занимался нѣкоторое время

---

[1]) Je ne trouve pas, que les sentiments du révérend P. Malebranche soient trop éloignés des miens: le passage des causes occasionelles à l'harmonie préétablie ne paraît pas très difficile. Въ письмѣ къ Р. де-Монмору отъ 26-го августа 1714 года.

[2]) Les voies de Dieu sont les plus simples et les plus uniformes, parce qu'il choisit des régles, qui se limitent le moins les unes les autres. Elles sont aussi les plus fécondes par rapport à la simplicité des voies. C'est comme si l'on disait, qu'une maison a été la meilleure, qu'on ait pu faire avec la même depénse. On peut même réduire ces deux conditions, la simplicité et la fecondité, à un seul avantage, qui est de produire le plus de perfection, qu'il est possible, et par ce moyen, le système du P. Malebranche en cela se réduit au mien. Théod. II § 208.

исторіей. Онъ говорилъ, что въ одномъ принципѣ метафизики и этики содержится гораздо болѣе истины, чѣмъ во всѣхъ историческихъ книгахъ. Въ другой разъ онъ сказалъ, что видъ всякаго насѣкомаго занимаетъ его болѣе, чѣмъ вся греческая и римская исторія. Натура же Лейбница была до крайней степени воспріимчива и всеобъемлюща. Для него повсюду въ мірѣ была разлита жизнь, вездѣ дѣйствовали индивидуальныя силы. Исторія человѣчества, какъ произведеніе разумныхъ существъ, представляла для него такой же смыслъ, отражала на себѣ ту же міровую гармонію, какъ и царства природы; но и вся природа оживлялась предъ нимъ индивидуальными, не гибнущими силами, которыми онъ замѣнилъ отвлеченное *протяженіе* матеріи Декарта. Эти монады Лейбница, — самостоятельныя вѣчно дѣйствующія силы, — давали міру реальность и не допускали его исчезновенія въ мистическомъ пантеизмѣ Мальбранша.

Также хорошо какъ съ Мальбраншемъ, Лейбницъ успѣлъ сойдтись, во время своего пребыванія въ Парижѣ, съ его знаменитымъ противникомъ Арно̀. Арно̀, подобно большинству членовъ Портъ-Рояля, принадлежалъ къ послѣдователямъ Декарта. Это ученое общество, прославившееся научными трудами, благочестіемъ и строгою нравственностью своихъ членовъ, отличалось почти не меньшею преданностью картезіанизму, чѣмъ конгрегація Ораторія. Ученые Портъ-Рояля, раздѣлявшіе свое время между спеціальными, научными трудами и какою-нибудь механическою работой, въ часы досуга охотно бесѣдовали о теоріяхъ Декарта, производили на основаніи ихъ физическіе опыты и даже, какъ говорятъ, безжалостно анатомировали животныхъ, считая ихъ автоматами. Но картезіанизмъ для нихъ стоялъ не на первомъ планѣ: они были болѣе заняты другимъ современнымъ вопросомъ, янсенизмомъ, возбуждавшимъ не менѣе горячую полемику и вызвавшимъ еще болѣе смутъ въ обществѣ и преслѣдованій, чѣмъ ученіе Декарта.

Послѣдователей Янсена и Декарта соединяла общая судьба; они подвергались одинаковымъ гоненіямъ со стороны папства и правительства, у нихъ были общіе враги—іезуиты. Обвиненіе въ картезіанизмѣ и янсенизмѣ сдѣлалось обычною формулой, для того чтобы заподозрить человѣка въ глазахъ общества или по крайней мѣрѣ правительства. Но система французскаго философа и ученіе бельгійскаго епископа имѣли еще болѣе важныя точки соприкосновенія, чѣмъ внѣшняя судьба ихъ. Въ основаніи обоихъ лежалъ суровый идеализмъ, который ставилъ ихъ во враждебное отношеніе къ схоластикѣ, господствовавшей тогда въ философіи и въ богословіи, и строгое отвлеченіе,

которое дѣлало ихъ равнодушными къ всему конкретному и индивидуальному. Какъ у Декарта органическія существа природы исчезаютъ предъ математическими линіями и механическими законами, и индивидуальныя души людей сглаживаются въ общей субстанціи „мыслящаго духа“, такъ по воззрѣнію янсенизма, внутренняя жизнь и борьба людей въ стремленіи къ добру и къ злу ничтожна предъ Божественнымъ предопредѣленіемъ, которое ниспосылаетъ благодать по своему усмотрѣнію и по соображеніямъ, недоступнымъ человѣческому разуму.

Самымъ блестящимъ поборникомъ янсенизма былъ тотъ же Антуанъ Арно̀, который, какъ мы видѣли, защищалъ картезіанизмъ противъ преслѣдованій Парижскаго парламента. Онъ принадлежалъ къ семьѣ, которая прославилась даровитостью своихъ членовъ, преданностью янсенизму и враждою къ іезуитамъ. Отецъ его былъ адвокатомъ и пріобрѣлъ извѣстность своимъ краснорѣчіемъ и своимъ безкорыстіемъ. Одна изъ рѣчей его въ парламентѣ произвела такое сильное впечатлѣніе на генеральнаго адвоката Маріона, что тотчасъ послѣ засѣданія онъ предложилъ ему жениться на его дочери. Особенно онъ отличился въ процессѣ, который онъ велъ противъ іезуитовъ отъ имени Парижскаго университета. Изъ числа 22 дѣтей его остались въ живыхъ 4 сына и 6 дочерей, которыя всѣ поступили въ бенедиктинскій монастырь Портъ-Рояля около Версаля. Одна изъ нихъ, Марія-Анжелика, 14-ти лѣтъ была выбрана игуменьей и сдѣлала изъ своего монастыря центръ янсенизма. Несмотря на всѣ гоненія, монахини Портъ-Рояля оставались вѣрны янсенизму, пока наконецъ въ 1709 г. онѣ не были изгнаны, а монастырь ихъ разрушенъ по приказанію Людовика XIV. Въ сосѣдствѣ этого монастыря поселился, около 1640 года, ея братъ Антуанъ съ своими товарищами. Они приняли уставъ монастыря и устроили при немъ школу, которая должна была отличаться отъ іезуитскихъ болѣе чистою нравственностью и болѣе серіознымъ образованіемъ.

Какъ все его семейство, Антуанъ Арно̀ отличался необыкновенною пылкостью характера, которая часто доходила до раздражительности и до надменности. О его сестрахъ, ихъ противникъ, архіепископъ Парижскій, выразился, что „эти дѣвы чисты какъ ангелы, но надменны какъ демоны“. Подобный характеръ рано обнаружился въ Арно̀. Когда онъ получилъ званіе доктора богословія и по обычаю того времени произносилъ сопряженную съ этимъ присягу въ соборѣ Богоматери, онъ прибавилъ отъ себя слова: „и клянусь защищать истину до пролитія крови“. Эти слова послѣ него были повторяемы всѣми докто-

рантами. Вся жизнь Арно̀ была постоянною полемикой съ Сорбонною, съ іезуитами, съ кальвинистами, съ противниками Декарта и Янсена, наконецъ, съ Мальраншемъ по вопросу о предопредѣленіи. За твердость своихъ убѣжденій и горячность, съ которою онъ ихъ высказывалъ, онъ подвергался постояннымъ гоненіямъ. Будучи еще студентомъ Сорбонны, онъ вооружилъ противъ себя своею искренностью и честностью своего бывшаго учителя Леско, который навлекъ на него гнѣвъ всемогущаго Ришельё. Только послѣ смерти мстительнаго кардинала, Арно̀ удалось получить докторскую степень и вступить въ факультетъ. Но когда онъ, возмущенный недобросовѣстнымъ способомъ дѣйствія римской куріи, принялъ подъ свою защиту янсенистовъ, его вытѣснили изъ факультета посредствомъ неправильнаго суда. Въ засѣданіе факультета, на которомъ обсуждались сочиненія Арно̀, были приглашены 32 монаха, вопреки университетскому уставу. Арно̀ долженъ былъ оставить свое убѣжище въ Портъ-Роялѣ и скрываться въ Парижѣ, въ домѣ герцогини Лонгвиль и въ бѣдныхъ квартирахъ, гдѣ его не могла отыскать парижская полиція. Въ 1668 году папѣ Клименту IX удалось умиротворить взволнованныя страсти. Арно̀ обратился противъ кальвинистовъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ снова возгорѣлась полемика между нимъ и іезуитами. Въ 1679 году онъ былъ вынужденъ оставить Францію и поселился въ Бельгіи, гдѣ онъ умеръ въ 1694 году, 82-хъ лѣтъ. Но всѣ эти тревоги и лишенія не сломили его бодрости. Когда однажды его другъ и товарищъ въ борьбѣ съ іезуитами, Николь, утомленный полемикою, выразилъ желаніе отдохнуть, неутомимый Арно̀ воскликнулъ: „Какъ, вы хотите отдыхать? развѣ вамъ не предстоитъ отдыхать цѣлую вѣчность?“

Лейбницъ пріѣхалъ въ Парижъ въ то время, когда полемика между Арно̀ и іезуитами пріостановилась, и Арно̀ могъ наслаждаться непродолжительнымъ отдыхомъ. Неизвѣстно, какимъ путемъ онъ съ нимъ познакомился, — можетъ-быть, черезъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, Арно̀-де-Помпона, къ которому Лейбницъ имѣлъ рекомендательныя письма отъ Бойнебурга. Лейбницъ бывалъ у Арно̀ и бесѣдовалъ съ нимъ о вопросахъ, имѣвшихъ тогда современный интересъ. Но самолюбію молодаго неизвѣстнаго ученаго часто приходилось страдать отъ вспыльчивости Арно̀. Лейбницъ самъ разказываетъ объ одномъ случаѣ, который мы приводимъ, потому что онъ хорошо характеризуетъ тогдашнее общество и вопросы, занимавшіе въ то время передовыхъ людей. „Однажды, говоритъ Лейбницъ, я засталъ у него нѣсколькихъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей его кружка.

которыхъ онъ пригласилъ, какъ мнѣ кажется, для того чтобъ имъ показать меня. Между ними были Николь и С.-Амандъ. Я упомянулъ въ разговорѣ, такъ какъ объ этомъ зашла рѣчь, что я составилъ молитву, которую можетъ произносить не только всякій христіанинъ, но и всякій Еврей и магометанинъ. Какъ только я сказалъ свою молитву, Арно̀ воскликнулъ: „Она никуда не годится, потому что въ ней не упоминается о Іисусѣ Христѣ“. Въ первую минуту я былъ не мало смущенъ такимъ быстрымъ и суровымъ осужденіемъ, но я не потерялъ присутствія духа и возразилъ ему, что въ этомъ случаѣ не годилось бы также „Отче нашъ“ и многія другія молитвы въ Дѣяніяхъ Апостоловъ и въ посланіяхъ ихъ, въ которыхъ не всегда упоминается о Христѣ и о Троицѣ. Арно̀ смутился, и вслѣдъ за этимъ мы всѣ вышли, чтобъ освѣжиться“.

Въ 1686 г. между Лейбницемъ и Арно̀ завязалась чрезвычайно интересная переписка. Она была вызвана ландграфомъ Гессенъ-Рейнфельзскимъ, который интересовался философскими и особенно богословскими вопросами и былъ въ перепискѣ со многими замѣчательными людьми своего времени. Этотъ ландграфъ принялъ католицизмъ и сдѣлался самымъ ревностнымъ поборникомъ католической пропаганды. Особенно близко принималъ онъ къ сердцу проектъ о примиреніи протестантизма съ католицизмомъ. Съ этою цѣлію онъ завелъ съ Лейбницемъ переписку, которая продолжалась 13 лѣтъ. Они сообщали другъ другу самыя разнообразныя новости, главнымъ же предметомъ были религіозные вопросы и соглашеніе между церквами. При этомъ ландграфъ не скрывалъ своего желанія, если не удастся осуществить сліяніе враждебныхъ церквей, то по крайней мѣрѣ переманить Лейбница въ лоно „единоспасающей“ церкви. Онъ избралъ себѣ для этого помощникомъ Арно̀, прославившагося своею полемикой съ кальвинистами. Лейбницъ воспользовался перепиской съ Арно̀, чтобы сообщить ему свои философскія воззрѣнія, которыя окончательно сложились, послѣ того какъ они разстались въ Парижѣ, и подвергнуть ихъ критикѣ искуснаго картезіанца. Арно̀ сначала отвѣчалъ нехотя и иногда позволялъ себѣ обидныя для Лейбница выраженія; послѣдній не разъ жалуется на это въ письмахъ къ ландграфу. Но мало по малу Арно̀ начинаетъ интересоваться философскими вопросами, предлагаемыми Лейбницемъ, и письма обоихъ становятся все серіознѣе и искреннѣе. Лейбницъ опровергаетъ нѣкоторыя положенія Декартовой системы и замѣняетъ ихъ своими. Арно̀ защищаетъ ихъ, но постепенно сдается и въ концѣ переписки стоитъ уже гораздо ближе къ системѣ Лейб-

ница, чѣмъ прежде. Желая убѣдить своего достойнаго противника, Лейбницъ развиваетъ предъ нимъ все полнѣе и полнѣе свои воззрѣнія, и его письма къ Арно̀ представляютъ одно изъ лучшихъ изложеній всей его системы. Еще современники его оцѣнили важность этой переписки и распространяли ее въ копіяхъ. Самъ Лейбницъ думалъ издать ее въ концѣ своей жизни, по выходѣ Теодицеи, и писалъ объ этомъ къ своему издателю въ Голландіи. Но дѣло это почему-то не состоялось. Въ наше время ее долго считали потерянною. Издатели сочиненій Лейбница, Эрдманъ и Гурауеръ, напрасно искали ее въ Парижѣ. Наконецъ, Гротефендъ нашелъ ее въ ганноверскомъ архивѣ и обогатилъ философскую литературу однимъ изъ драгоцѣнныхъ и интересныхъ памятниковъ XVII вѣка[1]).

Совершенно противоположнымъ образомъ, чѣмъ ораторіанцы, относились къ картезіанизму іезуиты. Сначала они какъ будто покровительствовали Декарту: они любили выказывать интересъ ко всему новому и замѣчательному въ наукѣ; притомъ же Декартъ воспитывался въ ихъ школѣ. Нѣкоторые изъ іезуитовъ до конца сохранили къ Декарту уваженіе и личную дружбу. Между ними заслуживаетъ вниманія отецъ Меланъ (Mesland), восторженный приверженецъ Декарта, которому послѣдній въ двухъ письмахъ объяснилъ возможность примирить новую философію съ католическимъ ученіемъ о пресуществленіи. Декартъ взялъ съ него обѣщаніе хранить эти письма въ тайнѣ. Но отецъ Меланъ, отправленный своимъ орденомъ, можетъ-быть за излишнюю страсть къ философіи, миссіонеромъ къ дикарямъ, чтобы проповѣдывать имъ христіанство, передъ отъѣздомъ своимъ распространилъ письма Декарта, такъ какъ онъ былъ глубоко убѣжденъ, что они навсегда устранятъ всякія недоразумѣнія между новою философіей и католическою догматикой. Эти письма вызвали цѣлую бурю противъ картезіанизма. Лучшіе изъ картезіанцевъ отвергли довольно странное и натянутое объясненіе, предложенное Декартомъ, считая вообще неумѣстнымъ и опаснымъ всякое примѣненіе новой философіи къ твердо установившейся католической догматикѣ.

Другой приверженецъ Декарта изъ іезуитовъ, о. Андре, подвергся за это со стороны своего ордена самымъ продолжительнымъ и жестокимъ преслѣдованіямъ, несмотря на свою краснорѣчивую и мужествен-

---

[1]) *Grotefend* — Briefwechsel zwischen Leibnitz, Arnauld und Landgraf Ernst. 1846. Сюда же относится *Rommel* — Leibnitz und Landgraf Ernst. 2 vol. 1847. Переписка Лейбница съ Арно̀ перепечатана Фуше де-Карелемъ въ Nouvelles Lettres et Opuscules inédits de Leibnitz. Paris. 1857 p. 206—316.

ную защиту. Его начальники называютъ его фанатикомъ помѣшаннымъ и дуракомъ. Провинціалъ Гимондъ пишетъ ему, что орденъ не только требуетъ, чтобы никто изъ его членовъ не одобрялъ философіи Декарта, но чтобы всякій нападалъ на нее. „Говорить, что я ее уважаю и что въ ней много разумнаго, это все равно что̀ сказать: я уважаю Кальвина и нахожу въ его убѣжденіяхъ много разумнаго". Еще въ началѣ XVIII вѣка генералъ ордена іезуитовъ, Микель-Анджело Тамбурини, разослалъ по своему ордену 30 положеній, большею частью взятыхъ изъ философіи Декарта, съ запрещеніемъ объяснять ихъ въ преподаваніи.

Изъ этого видно, съ какою ненавистью орденъ іезуитовъ сталъ относиться съ картезіанизму. Эта ненависть проистекала изъ различныхъ причинъ. Хотя іезуиты любили кокетничать съ прогрессомъ, они боялись однако всякаго серіознаго переворота въ системѣ воспитанія и въ наукѣ. Наравнѣ съ многочисленными преподавателями философіи въ гимназіяхъ (collèges) и университетахъ, повторявшими съ спокойною совѣстью выученный ими курсъ схоластики, они испугались ученій о вѣчности матеріи, о безконечности міра, о невмѣшательствѣ Бога въ жизнь міра, о движеніи земли вокругъ солнца, которыя истекали изъ новой философіи. Имъ казалось, что святость вѣры христіанской несовмѣстна съ ученіемъ о томъ, что протяженіе составляетъ существенное свойство матеріи, и вѣра въ таинство причащенія невозможна при отрицаніи схоластическихъ „субстанціальныхъ и акцидентальныхъ формъ".

Но іезуитовъ заставляло враждовать противъ картезіанизма не только ихъ консервативное направленіе, ихъ опасеніе возбуждать существенные вопросы въ наукѣ и философіи: ученіе Декарта должно было быть имъ крайне антипатично по своему идеалистическому характеру, по своей противоположности любимымъ пріемамъ и теоріямъ ихъ. Іезуиты придерживались эмпиризма и ненавидѣли всякій спиритуализмъ и идеализмъ. Это повидимому странный, но легко объяснимый и очень поучительный фактъ. Мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи, что тѣ, которые выдаютъ себя за защитниковъ самыхъ священныхъ интересовъ своего общества, за блюстителей чистоты вѣры, сами склонны къ матеріализму и скептицизму и вступаютъ въ союзъ съ тенденціями грубыми и даже разрушительными противъ всего, что̀ носитъ идеалистическій характеръ. Іезуиты вступились вмѣстѣ со всѣми приверженцами схоластики за извѣстное положеніе Аристотеля, которое признаетъ физическое ощущеніе за источникъ всѣхъ понятій и идей че-

ловѣка (nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu) и изъ котораго схоластики дѣлали такое плохое употребленіе, пока оно наконецъ не было возстановлено Локомъ и положено въ основаніе сенсуалистической философіи. Съ помощью этого эмпиризма іезуиты ратуютъ противъ „врожденныхъ идей" Декарта и прокладываютъ дорогу раціоналистамъ и энциклопедистамъ XVIII вѣка, своимъ злѣйшимъ врагамъ. Іезуиты берутъ даже подъ свое покровительство послѣдователей Гассенди, этого французскаго предшественника Лока и основателя полуматеріалистической школы во Франціи. Благодаря этому покровительству, сочиненія Гассенди не попали въ знаменитый *Индексъ,* то-есть, списокъ книгъ, запрещенныхъ римскою куріей, тогда какъ въ него были включены сочиненія Декарта, правда, послѣ того какъ они сдѣлались извѣстны всему свѣту. Особенно былъ непріятенъ іезуитамъ догматизмъ въ философіи Декарта. Эта философія начинала съ сомнѣнія, но нашедши однажды твердое основаніе въ извѣстномъ своемъ положеніи: je pense, donc je suis, которое принималось за неопровержимо-достовѣрную аксіому, она выводила дальнѣйшія свои положенія съ увѣренностью математики и уже не допускала ни малѣйшаго сомнѣнія. Такъ какъ для іезуитовъ истина не была сама по себѣ цѣлью, а только средствомъ, то они не любили придавать ей характеръ неопровержимости. Они были скептиками, какъ въ нравственныхъ понятіяхъ, такъ и въ философіи. Ихъ этика низводилась къ казуистикѣ, то-есть, къ искусству толковать нравственныя истины сообразно съ потребностями случая, и совершенно послѣдовательно ихъ метафизика оканчивалась скептицизмомъ. Картезіанизмъ признавалъ врожденныя идеи; между ними за первую и основную принималась идея о Богѣ; вслѣдствіе этого всѣ остальныя врожденныя человѣку идеи пріобрѣтали какой-то характеръ святости и несомнѣнности; человѣческій разумъ возвышался, ибо какъ бы проистекалъ отъ божественнаго, и на истины, добытыя имъ, падалъ отблескъ вѣчной абсолютной истины. Іезуитамъ было весьма неловко въ такой отвлеченной сферѣ, и они охотно становились на почву эмпиризма, допускавшаго догадки и сомнѣнія — орудіе весьма удобное въ рукахъ ловкихъ діалектиковъ.

Мы не станемъ говорить о многочисленныхъ противникахъ Декарта въ рядахъ іезуитовъ, а остановимся на человѣкѣ, который не принадлежалъ къ самому ордену, но былъ тѣсно связанъ съ нимъ и личными симпатіями, и общею враждой къ Декарту: это — Гюе, епископъ Авраншскій, который для насъ интересенъ своими отношеніями къ Лейбницу. Во время своей молодости Гюе былъ даже поклонни-

комъ Декарта, но главный интересъ его сосредоточивался на археологіи классической и библейской. Еще молодымъ человѣкомъ онъ предпринялъ путешествіе въ Швецію, чтобы познакомиться съ тамошними библіотеками и съ учеными, которыми окружила себя Христина. Потомъ онъ былъ сдѣланъ учителемъ Дофина подъ руководствомъ Боссюэта и въ это время положилъ начало знаменитому изданію классическихъ писателей, извѣстному подъ названіемъ *in usum Delphini*. По окончаніи воспитанія Дофина, Гюе получилъ аббатство Оне (d'Aunay), а потомъ былъ сдѣланъ епископомъ Авраншскимъ. Почти 70-ти лѣтъ онъ оставилъ свою епархію, такъ какъ его должность отнимала слишкомъ много времени у его любимыхъ ученыхъ занятій, и переселился въ Парижъ къ іезуитамъ, которымъ онъ отказалъ свою богатую библіотеку. Тамъ онъ провелъ еще 20 лѣтъ, занимаясь наукой, и умеръ въ 1721 году, на 91 году своей жизни.

Епископъ Авраншскій оставилъ послѣ себя много сочиненій, которыя очень цѣнились въ свое время за ихъ ученость, напримѣръ, „О мѣстности, въ которой находился рай“, „Исторія торговли и мореплаванія у древнихъ“. Но еще больше славы доставили ему его полемическія сочиненія противъ философіи Декарта. Въ своемъ „Осужденіи (censure) картезіанской философіи“ онъ старается опровергнуть ученіе Декарта и доказать, что онъ не сказалъ ничего новаго, что все замѣчательное въ его физикѣ и метафизикѣ заимствовано имъ у прежнихъ философовъ, у Платона и Аристотеля, у Эпикура и Августина, у киренаиковъ и Ансельма Кантерберійскаго. Въ памфлетѣ: «Nouveaux mémoires pour servir à l'histoire du Cartésianisme» онъ старается подорвать авторитетъ Декарта самыми грубыми и не совсѣмъ остроумными насмѣшками. Онъ предполагаетъ, что Декартъ не умеръ въ Швеціи (сочиненіе написано почти 50 лѣтъ по смерти Декарта), но что ему надоѣло быть оракуломъ королевы Христины и всего рода человѣческаго и что онъ инкогнито удалился въ Лапонію, гдѣ обучаетъ мудрости молодыхъ Лапонцевъ, надъ легковѣріемъ и простотою которыхъ онъ самъ смѣется.

Въ осужденіи картезіанизма, епископъ Авраншскій становится, подобно своимъ друзьямъ іезуитамъ, на почву эмпиризма и скептицизма. Онъ хвалитъ Декарта за то, что онъ началъ съ послѣдовательнаго сомнѣнія (le doute méthodique), и порицаетъ за то, что онъ не остановился на этомъ, а пришелъ къ своему категорическому: je pense, donc je suis. Онъ обвиняетъ его за то, что онъ придаетъ душѣ чисто духовное свойство, и приводитъ противъ него обыкновенныя доказа-

тельства матеріалистовъ. Но вражда Авраншскаго епископа къ Декарту проистекаетъ не изъ одного только скептицизма. Онъ — ученый археологъ и дорожитъ поэтому историческими занятіями. Картезіанцы же, имѣвшіе притязаніе построить совершенно новую систему, относились съ пренебреженіемъ къ изученію чужихъ мнѣній и вообще ко всѣмъ историческимъ занятіямъ. Имъ казалось, что они только обременяютъ память ненужными свѣдѣніями и ошибочными мнѣніями, и такимъ образомъ приводятъ умъ человѣка въ заблужденіе и мѣшаютъ ему выйдти на истинный путь размышленія. У Декарта это пренебреженіе къ историческимъ занятіямъ вытекало изъ его философскаго метода. Онъ начинаетъ свою философію съ сомнѣнія, находитъ нужнымъ отрѣшиться отъ всѣхъ прежнихъ своихъ мнѣній и убѣжденій, какъ не вполнѣ достовѣрныхъ, останавливается только на положеніи: je pense, donc je suis, и уже на этомъ твердомъ основаніи строитъ новую систему. Но этотъ логическій пріемъ привелъ его и особенно его послѣдователей къ пренебреженію прежнею философіею, какъ схоластическою, такъ и классическою, а потомъ и вообще всѣми историческими занятіями. Епископа Авраншскаго оскорбляла гордая и насмѣшливая поговорка картезіанцевъ, что люди, развивающіе свой разумъ, достойнѣе тѣхъ, которые развиваютъ только свою память. Онъ видѣлъ въ этомъ надменность, варварство и фанфаронство. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно сходился съ Лейбницемъ. Мы не знаемъ, какимъ образомъ Лейбницъ познакомился съ Гюе, но уже черезъ годъ послѣ своего пріѣзда въ Парижъ онъ получилъ отъ него приглашеніе участвовать въ изданіи классиковъ in usum Delphini. Гюе просилъ его взять на себя изданіе такого классическаго писателя, для объясненія котораго была необходима не только филологическая ученость, но и близкое знакомство съ реальными науками, „для того чтобы свѣдѣнія, переданныя древними, пояснять открытіями современниковъ“. Всего болѣе онъ желалъ, чтобы Лейбницъ занялся Витрувіемъ. Но Лейбницъ отклонилъ это предложеніе, такъ какъ въ это самое время Витрувіемъ занимался извѣстный филологъ Валезій, и остановился въ выборѣ на Марціанѣ Капеллѣ, энциклопедическомъ писателѣ времени паденія римской образованности. Лейбницъ дѣйствительно приготовилъ къ изданію отрывокъ изъ этого писателя и послалъ его къ Гюе на обсужденіе. Въ письмѣ своемъ онъ выражается съ обычною ему любезностью, которая иногда кажется преувеличенною, даже если принять въ разчетъ манеру того времени. „Чего другаго, говоритъ онъ, можете вы ожидать отъ Нѣмца, принадлежащаго

къ народу, которому изъ всѣхъ способностей (inter animi dotes) дано одно только трудолюбіе?“ Но продолженія своего труда Лейбницъ не представилъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ отвлеченъ своими математическими и физическими занятіями, которыми онъ больше дорожилъ.

Мы видимъ, что Лейбницъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ не только къ послѣдователямъ и приверженцамъ Декарта, но и къ противникамъ его. Когда вышло „Осужденіе“ епископа Авраншскаго, Лейбницъ выражаетъ ему свое сочувствіе и предлагаетъ ему на случай втораго изданія прислать нѣсколько любопытныхъ замѣчаній (des choses curieuses), которыя могутъ ему пригодиться. Нѣкоторые изъ французскихъ писателей упрекаютъ за это Лейбница и обвиняютъ его въ неблагодарности относительно картезіанизма, которому онъ столь многимъ обязанъ [1]). Кузенъ видитъ въ этомъ даже неблагородное желаніе возвысить свой собственный авторитетъ на счетъ ученія, подвергавшагося преслѣдованіямъ со стороны правительства и церкви [2]). Французскіе писатели однако не всегда смотрѣли такъ на Лейбница: его современникъ Фонтенель сказалъ гораздо справедливѣе объ немъ, что онъ не зналъ зависти. Не изложивъ ученія Лейбница, мы не имѣемъ возможности точно опредѣлить, чѣмъ именно онъ обязанъ картезіанизму и въ чемъ состоятъ его собственныя заслуги. Но мы укажемъ, какъ самъ Лейбницъ смотрѣлъ на философію Декарта и какъ онъ къ ней относился, чтобъ оправдать его отъ возведеннаго на него упрека. Въ своихъ сочиненіяхъ Лейбницъ не рѣдко говоритъ объ ошибкахъ и недостаткахъ системы Декарта и его послѣдователей. Съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаетъ онъ о томъ, что законы движенія, выставленные Декартомъ, не вѣрны, а что ему удалось открыть настоящіе законы. Это удовольствіе очень понятно. Лейбницъ имѣлъ дѣло съ системой, которая господствовала уже нѣсколько десятилѣтій въ наукѣ и философіи и въ результаты которой тысячи современниковъ вѣрили съ слѣпою покорностію. Эти поклонники ея смотрѣли враждебно на всякаго, кто порицалъ ее или даже дерзалъ предложить вмѣсто нея нѣчто лучшее. Ничто не производитъ такого непріятнаго и тягостнаго впечатлѣнія, какъ замкнутая школа, которая прикрывается авторитетомъ своего основателя и съ высокомѣріемъ отвергаетъ всякое улуч-

[1]) Cousin — Fragm. de Philos. Cart. p. 367—378.

[2]) Il aimait passionnément la gloire, et puis il voulait être bien avec les puissances, et toutes celles du jour, religieuses et politiques, s'étaient déclarées contre Descartes. Ibid.

шеніе или самостоятельное развитіе принятой теоріи. Лейбницъ былъ молодымъ человѣкомъ и непризнаннымъ философомъ; ему стоило много труда, чтобъ обратить вниманіе на существенныя измѣненія, сдѣланныя имъ въ системѣ Декарта, важность которыхъ долго оставалась незамѣченною. Въ одномъ письмѣ къ Мальбраншу онъ говоритъ, что такъ какъ онъ началъ размышлять, когда еще не былъ „проникнутъ картезіанскими теоріями" (imbu des opinions cartésiennes), то это дало ему возможность подойдти другимъ путемъ къ истинѣ и открыть въ ней другія стороны, подобно путешественнику, который оставляетъ торную дорогу, рискуя даже заблудиться, и вслѣдствіе этого встрѣчаетъ предметы, неизвѣстные остальнымъ путешественникамъ. Кузенъ замѣчаетъ на это, что когда Лейбницъ былъ въ университетѣ, картезіанизмъ уже былъ извѣстенъ во всей Европѣ, и что Лейбницъ началъ заниматься имъ очень рано. Конечно, если бы Лейбницъ хотѣлъ сказать, что онъ былъ уже самостоятельнымъ мыслителемъ, прежде чѣмъ познакомился съ ученіемъ Декарта, то это было бы и высокомѣрно, и несправедливо; но онъ высказалъ только то, что онъ никогда не былъ на столько увлеченъ картезіанизмомъ, чтобъ утратить всякую самостоятельность. Происхожденіе и значеніе философіи Лейбница, конечно, были бы непонятны безъ исторіи картезіанизма. Система Лейбница вытекаетъ такъ естественно изъ картезіанизма, что она кажется только эпизодомъ въ ея исторіи. Но измѣненія, сдѣланныя Лейбницемъ въ системѣ Декарта такъ существенны, что онъ пришелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Онъ хорошо сознавалъ свою оригинальность, а потому, можетъ-быть, иногда слишкомъ выставляетъ ее на видъ въ своей полемикѣ съ картезіанцами, которые считаютъ его только отступникомъ отъ настоящаго ученія. Лейбницъ всегда отдаетъ самому Декарту полную справедливость и говоритъ о немъ съ большимъ уваженіемъ, но онъ постоянно высказываетъ, что его ученіе не есть послѣднее слово философіи, и особенно любитъ выраженіе, что картезіанизмъ есть преддверіе къ истинѣ [1]).

---

[1]) Lettre à un ami s. le Cart. Opera Philos. ed. Erdm. p. 123: «Il m'arriva un jour de dire, que le Cartésianisme en ce qu'il a de bon n'était que l'antichambre de la véritable philosophie. Un homme de la compagnie, qui fréquentait la Cour, qui avait de la lecture et qui se mêlait même de raisonner sur les sciences, poussa la figure jusqu'à l'allégorie et peut-être un peu trop loin; car il me demanda là dessus, si je ne croyois point, qu'on pourroit dire sur ce pied-là, que les anciens nous avaient fait monter l'escalier, que l'école des modernes était venue jusque dans l'antichambre, qu'il me souhaitait l'honneur de nous introduire dans le cabinet de la nature? Cette tirade de parallèles nous fit tous rire, et je

Ему многое было антипатично въ картезіанизмѣ — тотъ дуализмъ, который онъ вносилъ въ міръ своимъ рѣзкимъ противоположеніемъ души и матеріи, то механическое объясненіе мірозданія, которое необходимо вытекало изъ главнаго положенія Декарта, что существенное свойство матеріи есть протяженіе. Весь міръ по Декарту представлялся громадною, чрезвычайно искусною, но мертвою машиной, пущенною въ ходъ ея Творцемъ и безсознательно дѣйствующею. Все живое и органическое исчезало въ ней и низводилось на степень безсознательныхъ колесъ. Тутъ не было мѣста ни Провидѣнію, ни нравственной отвѣтственности сознательныхъ личностей, безъ которыхъ не мыслима человѣческая исторія. Лейбницу было особенно непріятно анти-историческое направленіе картезіанизма, его пренебреженіе къ отжившимъ мнѣніямъ и минувшимъ эпохамъ. Лейбницъ готовъ былъ допустить механику и математику для объясненія неорганическаго міра, но онъ считалъ ихъ недостаточными для пониманія органическихъ явленій природы и нравственныхъ фактовъ человѣческой исторіи.

Лейбницъ еще до своей поѣздки въ Парижъ былъ знакомъ съ картезіанизмомъ по сочиненіямъ самого Декарта и его послѣдователей. Жизнь же въ Парижѣ и личное знакомство со многими изъ нихъ совершенно ввели его въ сферу картезіанскихъ идей и воззрѣній. Мы видѣли, до какой степени въ это время всѣхъ занималъ картезіанизмъ; въ ученыхъ засѣданіяхъ, въ частныхъ сходкахъ, въ салонахъ, чуть не на улицѣ, съ жаромъ обсуждались положенія новой философіи. Какъ далеко доходилъ этотъ интересъ, доказываетъ намъ одинъ разказъ, сохраненный самимъ Лейбницемъ. Однажды онъ зашелъ въ одну книжную лавку, гдѣ его не знали. Тогда только-что вышла новая книга, опроверженіе Мальбраншева „Изысканія истины“ (Critique de la Recherche de la Vérité). Въ магазинѣ шелъ по поводу новой книги живой споръ о философскихъ предметахъ. Лейбницъ вмѣшался въ него и высказалъ самостоятельное мнѣніе. Но присутствовавшимъ не понравилось то, что̀ онъ говорилъ, и они слушали его съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. Маленькій ростъ и неловкая фигура оратора не внушали имъ большаго уваженія. Книгопродавецъ даже смѣялся надъ нимъ, а кто-то изъ другихъ спросилъ его: развѣ онъ не знаетъ различія между логикой и метафизикой? Я самъ началъ хохотать,

---

lui dis: Vous voyez, Monsieur, que votre comparaison a réjoui la compagnie; mais vous ne vous êtes point souvenu, qu'il y a la chambre d'audience entre l'antichambre et le cabinet, et que ce sera assez, si nous obtenons audience, sans prétendre de pénétrer dans l'intérieur.

говоритъ Лейбницъ, ибо я подумалъ, какъ смѣшно люди разсуждаютъ и какое значенiе они придаютъ мелочнымъ внѣшностямъ, которыя дѣйствуютъ на ихъ воображенiе и ослѣпляютъ ихъ умъ. Вдругъ входитъ авторъ книги — дижонскiй каноникъ аббатъ Фуше́. Онъ былъ знакомъ съ Лейбницемъ, ласково привѣтствовалъ его, сталъ ему говорить любезности и такъ расхвалилъ его достоинства, что привелъ присутствовавшихъ въ крайнее смущенiе. Тогда только они поняли, что имѣютъ предъ собой замѣчательнаго человѣка, и въ ихъ обращенiи съ нимъ произошла такая перемѣна, что Лейбницъ потомъ искренно смѣялся своему торжеству [1]).

Но пребыванiе въ Парижѣ представляло для Лейбница еще другую, болѣе важную сторону. Оно дало ему давно желанную возможность познакомиться съ современнымъ состоянiемъ математическихъ и физическихъ наукъ и многому научиться у знаменитыхъ ученыхъ, которые въ то время находились въ Парижѣ. Между ними занимаетъ первое мѣсто, и по своимъ ученымъ заслугамъ, и по влiянiю, которое онъ имѣлъ на Лейбница — извѣстный астрономъ и математикъ Гугенсъ [2]) (Huyghens). Онъ былъ 17-ю годами старше Лейбница и въ это время уже пользовался славою перваго математика. Еще молодымъ человѣкомъ онъ прiобрѣлъ извѣстность, открывъ, съ помощью сдѣланнаго имъ самимъ телескопа, перваго спутника Сатурна. Въ послѣдствiи онъ же открылъ кольца Сатурна. 23-хъ лѣтъ онъ издалъ свое сочиненiе о примѣненiи математическаго разчета къ азартнымъ играмъ. Это было первое сочиненiе о теорiи вѣроятностей, такъ какъ относящiеся сюда труды Паскаля и Фермата не были еще обнародованы.

Вскорѣ послѣ этого онъ сдѣлалъ то знаменитое открытiе, которое обезсмертило его имя и имѣло такiя важныя послѣдствiя въ наукѣ и въ практической жизни — примѣненiе маятника къ часамъ. Въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ онъ усовершенствовалъ свое открытiе и развивалъ относящiяся сюда математическiя теорiи, и наконецъ, въ 1673 году издалъ свое знаменитое сочиненiе Horologium Oscillatorium, которое онъ посвятилъ Людовику XIV. Гугенсъ происходилъ изъ знатной и богатой голландской фамилiи; его братъ, отецъ и дядя служили по дипломатiи и занимали важныя мѣста при штатгальте-

---

[1]) Und habe ich niehmals noch so sichtbarlich gemerket, was bei den Menschen die Praeoccupation und das Ansehen vermöge. Werke v. Leib. ed. O. K. VIII.

[2]) Мы, по примѣру Гергарда, издателя математическихъ сочиненiй Лейбница, пишемъ: Гугенсъ, такъ какъ этотъ ученый въ своихъ письмахъ къ Лейбницу всегда подписывался Hugens.

рахъ Оранскихъ, но любовь къ наукѣ заставила его отказаться отъ службы и привлекла его во Францію. Когда была учреждена французская Академія Наукъ, Кольберъ обратилъ вниманіе короля на Гугенса, и онъ былъ первымъ изъ иностранныхъ ученыхъ, которымъ щедрость Людовика XIV обезпечила полный досугъ для научныхъ занятій. Ему была предложена значительная пенсія и квартира въ королевской библіотекѣ, и съ 1666 года Гугенсъ поселился въ Парижѣ, который онъ оставлялъ только для поправленія своего здоровья въ родномъ климатѣ Голландіи, пока наконецъ разстроенное здоровье не заставило его въ 1681 году окончательно переселиться на родину, гдѣ онъ умеръ въ 1695 году.

Лейбницъ познакомился съ нимъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ и былъ совершенно имъ очарованъ; онъ говоритъ, что знакомство съ Гугенсомъ открыло ему новый міръ, и что онъ сдѣлался отъ этого совершенно новымъ человѣкомъ. Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что молодой Лейбницъ былъ чрезвычайно многимъ обязанъ знаменитому математику, натуры этихъ двухъ ученыхъ представляли очень много сходнаго. Лейбницу должно было чрезвычайно нравиться въ Гугенсѣ это соединеніе теоретическихъ способностей съ практическимъ направленіемъ, которое постоянно побуждало Гугенса примѣнять теорію къ практикѣ и обогащать науку своими механическими снарядами.

Несмотря на всю точность ума Гугенса, мы встрѣчаемъ и у него то живое воображеніе, не останавливавшееся предъ самыми смѣлыми и причудливыми гипотезами для объясненія явленій природы, которымъ отличаются всѣ знаменитые математики-философы XVII вѣка. Только это свойство дѣлаетъ намъ понятною догматическую философію XVII вѣка, представляющую въ небываломъ соединеніи строгую математическую науку съ самою отвлеченною и произвольною метафизикой,— эти смѣлыя системы, объясняющія все мірозданіе съ помощью одной отвлеченной идеи—*турбильоны* Декарта, *монады* Лейбница. Ньютонъ былъ первый изъ великихъ математиковъ XVII вѣка, который отказался отъ этого фантастическаго элемента въ физическихъ наукахъ и который вслѣдствіе этого произвелъ въ нихъ переворотъ; подъ его руководствомъ наука о природѣ сдѣлалась вполнѣ точною и положительною наукой и надолго распростилась съ метафизикой.

Какъ мало еще въ наукѣ того времени различали то, что̀ доступно знанію (scibile), отъ недоступнаго, доказываетъ примѣръ Гугенса, который въ своемъ «Cosmothéoros» обсуждаетъ съ самою строгою, научною основательностью вопросы о томъ, покрыты ли планеты, подобно

землѣ, растеніями, и водятся ли на нихъ животныя, обитаютъ ли на нихъ разумныя существа, и каковы ихъ свойства, обычаи, законы и занятія? Для объясненія закона тяжести Гугенсъ предполагалъ существованіе особенной эѳирной матеріи, которая окружаетъ землю и вслѣдствіе быстраго движенія сильно стремится къ центру и производитъ давленіе на всѣ остальные предметы въ направленіи къ центру земнаго шара. На этой гипотезѣ Гугенсъ основывалъ также свое объясненіе магнитизма и свѣта. Мы видѣли, что Лейбницъ еще въ Майнцѣ высказывалъ подобное мнѣніе. Мы не знаемъ, на сколько Лейбницъ тутъ заимствовалъ у Гугенса, и на сколько онъ былъ оригиналенъ, но примѣръ Гугенса показываетъ, что не одинъ Лейбницъ не хотѣлъ признать Ньютонова закона притяженія и что выставленная имъ гипотеза тогда не казалась такъ невѣроятной, какъ въ наше время.

Кромѣ Гугенса Лейбницъ познакомился въ Парижѣ съ извѣстнымъ астрономомъ Джіованни-Доменико Кассини (Cassini), родоначальникомъ семейства, которое въ теченіе четырехъ поколѣній оказывало астрономіи и математической географіи самыя важныя услуги. Кассини былъ четырьмя годами старше Гугенса; онъ родился на границѣ Италіи и Франціи, 25-ти лѣтъ уже занималъ каѳедру астрономіи въ Болоньѣ и составилъ себѣ громкую славу, открывъ спутниковъ Юпитера и опредѣливъ время, въ которое Марсъ и Юпитеръ вращаются около своихъ осей. Въ 1673 году Кольберу удалось переманить его во Францію, гдѣ онъ продолжалъ наблюденія Гугенса надъ Сатурномъ и открылъ еще 4 спутника этой планеты. Лейбницъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ къ обоимъ астрономамъ. Почти съ дѣтскимъ удовольствіемъ разказываетъ онъ въ одномъ письмѣ къ курфирсту Майнцскому, какъ у нихъ въ Парижѣ въ шутку говорили, что душа Гугенса послѣ его смерти будетъ пребывать на Сатурнѣ, душа Галилея на Юпитерѣ, а душа Кассини на Марсѣ.

Самъ Лейбницъ въ это время всего болѣе былъ занятъ устройствомъ *самосчета*, надъ которымъ онъ трудился еще въ Майнцѣ. Такого рода снаряды были тогда въ модѣ, отъ нихъ ожидали громадной пользы для науки и практической жизни. Паскаль устроилъ самосчетъ, съ помощью котораго можно было механически производить сложеніе и вычитаніе. Лейбницъ этимъ не удовольствовался; онъ хотѣлъ, чтобъ его снарядъ производилъ также умноженіе и дѣленіе и даже извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней. Послѣ многихъ не совсѣмъ удовлетворительныхъ опытовъ, ему наконецъ удалось устроить модель снаряда, который превзошелъ ожиданія всѣхъ: по-

средствомъ вращенія колеса можно было на этомъ самосчетѣ производить сложеніе и вычитаніе, умноженіе и дѣленіе самыхъ крупныхъ чиселъ (изъ 12 цифръ). Этотъ самосчетъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, несмотря на то, какъ говоритъ Лейбницъ, что въ Парижѣ ежедневно говорили о новыхъ проектахъ и открытіяхъ. Кольберъ очень интересовался изобрѣтеніемъ Лейбница, и послѣдній надѣялся, что его снарядъ будетъ введенъ во всѣ финансовые бюро̀. Изъ одного письма Лейбница мы узнаемъ, что въ 1675 году Кольберъ дѣйствительно заказалъ три самосчета по модели Лейбница. Одинъ предназначался для короля, другой для обсерваторіи, третій для самого Кольбера. Самосчеты эти, впрочемъ, требовали для своего устройства продолжительнаго труда и обходились довольно дорого. Механикъ, которому они были заказаны, долженъ былъ получить за каждый 200 пистолей (733 талера). Были ли окончены эти самосчеты и какая была ихъ дальнѣйшая судьба, объ этомъ письма Лейбница ничего не говорятъ. Во всякомъ случаѣ видно, что Лейбницъ пользовался покровительствомъ Кольбера.

Кольберъ не получилъ высокаго образованія. Онъ не интересовался философскими проблемами, которыя такъ волновали его современниковъ. Одинъ іезуитскій авторъ, враждебный картезіанизму, приписываетъ Кольберу слѣдующій не совсѣмъ лестный для картезіанцевъ отзывъ. Когда ему совѣтовали не учить сына схоластикѣ, потому что она заключаетъ въ себѣ только нелѣпости и химеры, Кольберъ будто бы возразилъ: „Мнѣ говорили, что и въ новой философіи не мало нелѣпостей (fadaises) и химеръ: итакъ, старая нелѣпость, новая нелѣпость (folie ancienne, folie nouvelle), ужь если выбирать, то слѣдуетъ предпочесть старую новой“. Впрочемъ, въ этихъ словахъ гораздо болѣе выражается скептицизмъ дѣловаго человѣка и недовѣрчивость вообще къ отвлеченнымъ теоріямъ, чѣмъ нерасположеніе къ картезіанизму. Практическое направленіе Кольбера выражается въ томъ, что онъ покровительствовалъ Дюгамелю, первому секретарю Академіи Наукъ, который старался привести въ согласіе древнюю философію съ новою, Платона съ Аристотелемъ и схоластикой, и составить курсъ философіи, удобный для употребленія въ школахъ (Philosophia vetus et nova ad usum scholae accomodata). О Кольберѣ разказываютъ, что онъ плохо зналъ по латыни и потому взялъ къ себѣ въ домъ аббата Галлуа, котораго онъ возилъ съ собой, когда ѣздилъ къ королю въ Версаль, для того чтобъ у него учиться этому языку.

Но Кольберъ болѣе чѣмъ кто-либо понималъ важность науки и

умѣлъ цѣнить ученыя и научныя учрежденія. Франція преимущественно ему обязана высокимъ и быстрымъ развитіемъ всѣхъ наукъ въ царствованіе Людовика XIV. Кольбера можно считать учредителемъ Академіи Надписей, первые члены которой собирались у него на дому. Въ 1664 году онъ учредилъ Академію Художествъ, а черезъ 2 года академію математическихъ и физическихъ наукъ. Онъ основалъ французскую академію художествъ въ Римѣ, обогатилъ королевскую библіотеку и античный кабинетъ, построилъ обсерваторію; подъ его надзоромъ и руководствомъ былъ отстроенъ Лувръ. Онъ приглашалъ во Францію знаменитыхъ художниковъ и ученыхъ, и отъ имени короля выдавалъ пенсіи и пособія 60 ученымъ, между которыми было 45 Французовъ и 15 иностранцевъ.

Лейбницъ бывалъ въ домѣ Кольбера. Онъ былъ очень близокъ съ аббатомъ Галлуа, который жилъ у Кольбера и пользовался его особеннымъ расположеніемъ. Галлуа былъ однимъ изъ основателей „Журнала для Ученыхъ“ (Journal des Savants) и съ 1666 по 1674 г., по порученію Кольбера, его редакторомъ. Онъ былъ также членомъ Академіи Наукъ и Французской Академіи. Лейбницъ называетъ его чрезвычайно самолюбивымъ и упрямымъ. Галлуа доказалъ это тѣмъ, что въ послѣдствіи сдѣлался однимъ изъ самыхъ упорныхъ противниковъ дифференціальнаго исчисленія. Лейбницу остался особенно памятенъ одинъ день, когда онъ отправился къ Кольберу, сопровождая туда герцога Шеврёза, зятя Кольбера и сына знаменитой и блестящей интриганки временъ Ришельё и Фронды. Они встрѣтили тамъ Галлуа и младшаго брата Кольбера, извѣстнаго подъ именемъ маркиза де-Кроасси, который въ послѣдствіи былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Теперь онъ готовился къ отъѣзду въ Нимвегенъ въ качествѣ уполномоченнаго Франціи для переговоровъ о мирѣ. Лейбницъ былъ очень удивленъ, что Галлуа старался смѣшить младшаго Кольбера, и ему казалось недостойнымъ такого ученаго человѣка заискивать почти пошлыми остротами расположеніе людей сильныхъ. Лейбницъ прибавляетъ, какъ бы въ оправданіе, что и старшій Кольберъ часто потѣшалъ себя болтовней аббата, когда хотѣлъ отдохнуть отъ трудовъ своего министерства.

Въ бумагахъ Лейбница найдены черновыя двухъ писемъ къ французскому министру. На первомъ число не обозначено: оно, вѣроятно, написано въ 1675 году. Лейбницъ говоритъ о великихъ услугахъ, которыя Кольберъ оказалъ наукѣ и цивилизаціи. Великія открытія и изобрѣтенія, которыя сдѣланы подъ его покровительствомъ, при-

надлежатъ всѣмъ временамъ и всѣмъ націямъ. „Персидскій шахъ придетъ въ изумленіе отъ дѣйствія оптическихъ стеколъ, и китайскій мандаринъ будетъ въ восторгѣ, когда пойметъ непогрѣшимость миссіонера-математика. Эти народы убѣдятся, что разумъ человѣческій исходитъ отъ божественнаго, и что Божество предпочтительно открывается христіанамъ". Лейбницъ извѣщаетъ министра, что онъ сообщилъ королевской академіи два открытія: первое, сдѣланное однимъ химикомъ и усовершенствованное Лейбницемъ, заключается въ изготовленіи какого-то постояннаго свѣта; второе состоитъ въ точномъ опредѣленіи цифрами отношенія круга къ квадрату — проблема, надъ разрѣшеніемъ которой тщетно трудились со времени Архимеда [1]). Потомъ Лейбницъ говоритъ министру о своихъ занятіяхъ минералогіей и палеонтологіей и присылаетъ ему въ подарокъ камень, интересный въ палеонтологическомъ отношеніи. Второе письмо — отъ 11-го января 1676 года. Лейбницъ проситъ въ немъ министра, въ чрезвычайно вѣжливыхъ и благородныхъ выраженіяхъ, нельзя ли его принять въ число ученыхъ, получавшихъ пенсіи отъ французскаго правительства. Изъ одного письма, написаннаго Лейбницемъ изъ Ганновера, мы узнаемъ, что Лейбницъ могъ надѣяться на успѣхъ и что только болѣзнь Кольбера остановила дѣло. А въ это время настойчивыя требованія герцога Ганноверскаго, приглашавшаго Лейбница къ себѣ и желавшаго получить рѣшительный отвѣтъ, заставили его отказаться отъ своего намѣренія, несмотря на доброе расположеніе къ нему герцога Шеврёза, Галлуа и самого Кольбера [2]).

Мы зашли нѣсколько впередъ въ нашемъ разказѣ, чтобъ объяснить отношенія Лейбница къ Кольберу. Изъ писемъ Лейбница, которыя мы привели, видно, что онъ желалъ пріобрѣсти въ Парижѣ твердое и обезпеченнос положеніе. Онъ былъ вынужденъ къ этому, потому что его прежнія отношенія къ Майнцскому двору разстроились вслѣдствіе смерти Бойнебурга и курфирста. Бойнебургъ хотѣлъ ѣхать въ Парижъ вслѣдъ за Лейбницемъ, чтобы выхлопотать себѣ возвращеніе пенсіи и привезти въ Парижъ своего сына, 16-лѣтняго юношу, который долженъ былъ тамъ окончить свое образованіе. Но война и занятіе курфиршества прусскими войсками его остановили. Вмѣсто

---

[1]) Werke. v. L. ed. O. K. III. p. 212: La véritable proportion telle qu'elle est en nombres effables entre le cercle et son quarré, qu'on a cherchée depuis Archimède jusqu'à nous et que j'ai trouvée et demonstrée.

[2]) Werke v. L. ed. O. K. IV. p. XXIV.

него, осенью 1672 года, прибылъ въ Парижъ обермаршалъ Шёнборнъ, племянникъ курфирста и зять Бойнебурга, какъ чрезвычайный посолъ курфирста, чтобы предложить Людовику XIV посредничество Германскаго сейма въ Голландской войнѣ. Онъ привезъ съ собой молодаго Бойнебурга, который, по желанію отца, долженъ былъ заниматься въ Парижѣ подъ руководствомъ Лейбница. Но въ декабрѣ того же года Бойнебургъ-отецъ неожиданно умеръ. Для Лейбница это была большая потеря. Въ теченіе 6-ти лѣтъ онъ пользовался его руководствомъ, и Бойнебургъ относился къ нему какъ искренній другъ, несмотря на неравенство лѣтъ и положеній. Въ письмѣ ко вдовѣ умершаго, Лейбницъ выражаетъ ей свое участіе и старается утѣшить ее, напоминая ей о славѣ покойнаго мужа: „Смерть тѣхъ, говоритъ онъ, оставляетъ насъ безъ утѣшенія, память о которыхъ погибаетъ вмѣстѣ съ ними; но тѣ, которые продолжаютъ жить незабвенною славой, блаженны, когда бы они ни умирали. Для себя они никогда не умираютъ слишкомъ рано, ибо достигли того, чего можетъ желать благоразумный человѣкъ. Для своихъ же и для общества, они всегда умираютъ слишкомъ рано, хоть бы прожили цѣлый вѣкъ“.

Обермаршалъ имѣлъ еще порученіе къ союзнику Людовика, къ Карлу II, и отправился въ Англію. Лейбницъ долженъ былъ сопровождать посольство, и такимъ образомъ ему удалось посѣтить Лондонъ и завести знакомство со многими учеными, которыхъ онъ зналъ прежде только по имени. Въ Лондонѣ его настигла другая, не менѣе печальная для него вѣсть — о смерти курфирста Майнцскаго, который умеръ также неожиданно 12-го февраля 1673 года. Лейбницъ возвратился въ Парижъ; тамъ оставался молодой Бойнебургъ, мать котораго уполномочила Лейбница хлопотать о возобновленіи пенсіи, обѣщанной покойному мужу французскимъ правительствомъ, и о продолженіи, въ уплату прежняго долга, ежегодной выдачи 1.000 тал. съ Ретельской домены. Въ то же время она просила Лейбница руководить занятіями сына. Лейбницъ серіозно принялся исполнять это порученіе. Онъ читалъ съ молодымъ человѣкомъ сочиненія лучшихъ юристовъ и публицистовъ и заставлялъ его дѣлать извлеченія изъ нихъ. Онъ составилъ тщательную программу для его занятій, такъ какъ молодой Бойнебургъ бралъ уроки и у другихъ учителей. Но молодой баронъ неохотно слушался его. Онъ предпочиталъ тѣлесныя упражненія (Fatiguen des Leibes) умственнымъ занятіямъ (Studien des Gemüths), не дѣлалъ визитовъ къ знакомымъ отца, куда Лейбницъ его посылалъ, и хотѣлъ поступить въ одну изъ *академій*, гдѣ воспиты-

вались сыновья знатныхъ фамилій. Его манило туда веселое товарищество и разгульная жизнь, которую вели тамъ молодые люди.

У Лейбница были еще другія непріятности. Пока молодой Бойнебургъ находился въ Парижѣ, Лейбницъ жилъ у него и такимъ образомъ былъ въ извѣстномъ отношеніи обезпеченъ, хотя онъ не получалъ никакого денежнаго вознагражденія за свои труды. Вдругъ у него потребовали возвращенія тѣхъ 100 талеровъ, которые Бойнебургъ далъ ему заимообразно, когда онъ отправился въ Парижъ. Это чрезвычайно огорчило Лейбница. Въ его бумагахъ найдены двѣ записки, составленныя имъ по этому поводу, въ которыхъ онъ вычисляетъ всѣ услуги, оказанныя имъ барону безъ всякаго вознагражденія, доказываетъ, что тѣ 100 тал. онъ обязался возвратить только въ случаѣ, если его планъ будетъ имѣть успѣхъ, и требуетъ себѣ вознагражденія за свои труды по дѣламъ баронессы и по воспитанію ея сына. Мы не знаемъ, какая изъ этихъ записокъ, изъ которыхъ одна написана довольно рѣзко, дѣйствительно отправлена и чѣмъ кончилось дѣло, но вскорѣ послѣ этого послѣдовало охлажденіе и разрывъ между семействомъ Бойнебурга и Лейбницемъ.

Лейбницу хотѣлось оставаться въ Парижѣ въ званіи дипломатическаго агента курфирста Майнцскаго. Это дало бы ему возможность продолжать его научныя занятія, не покидая Майнцской службы. Онъ обратился съ этою просьбой къ преемнику курфирста, бывшему епископу Шпейерскому, К. Г. фонъ-Бейльштейнъ-Меттерниху, чрезъ посредство обермаршала Шёнборна, его родственника. Новый курфирстъ хорошо зналъ Лейбница и былъ къ нему расположенъ, но не могъ или не хотѣлъ ничего для него сдѣлать. Шёнборнъ отвѣтилъ ему 5-го мая 1673 года, что онъ не могъ исполнить желаніе Лейбница и доставить ему дипломатическое порученіе, но что курфирстъ позволяетъ ему оставаться въ Парижѣ съ зачисленіемъ на Майнцскую службу.

Въ 1675 году Лейбницъ снова обратился къ курфирсту и къ Шёнборну съ просьбой сколько-нибудь обезпечить его шаткое положеніе въ Парижѣ. Но время было еще неудобнѣе для такой просьбы. Война въ Германіи еще болѣе истощила скудную казну курфирста. „Мнѣ кажется, отвѣчалъ ему Шёнборнъ, въ настоящее время можно сказать, что щедрость князей *не превышаетъ* разоренія ихъ государствъ“ [1]). Это было въ началѣ 1676 года. Лейбницъ послѣ этого не

---

[1]) Ib. p. 53 La libéralité des princes n'excède pas la ruine de leurs états.

могъ уже имѣть никакой надежды на своихъ прежнихъ Майнцскихъ друзей и долженъ былъ пріискивать новый способъ существованія.

У Лейбница были разные планы, и онъ получалъ предложенія съ различныхъ сторонъ. Онъ питалъ большую преданность къ императорскому дому Габсбурговъ и охотно переселился бы въ Вѣну. На это указываетъ его переписка съ Линкеромъ фонъ-Луценвикъ, Трирскимъ совѣтникомъ, который имѣлъ связи въ Вѣнѣ. Линкеръ радуется намѣренію Лейбница написать біографію Бойнебурга; онъ говоритъ, что никто не могъ бы выполнить этой задачи съ такимъ успѣхомъ, какъ Лейбницъ, и умоляетъ его „сдѣлаться Тацитомъ этого новаго Агриколы". Въ другомъ письмѣ изъ Вѣны 1673 года Линкеръ высказываетъ желаніе, чтобы Лейбницъ сдѣлался императорскимъ исторіографомъ и написалъ біографію Леопольда, ибо онъ гораздо болѣе содѣйствовалъ бы къ славѣ императора, чѣмъ Гвальдусъ и Ламбецій, пользующіеся его милостями". Но эта переписка не привела ни къ какому результату.

Другое предложеніе было сдѣлано Лейбницу черезъ Габбеуса фонъ-Лихтенштерна, датскаго резидента въ Гамбургѣ, который былъ прежде шведскимъ дипломатическимъ агентомъ при Рейнскихъ князьяхъ и познакомился съ Лейбницемъ въ Майнцѣ. Габбеусъ предложилъ Лейбницу мѣсто секретаря у датскаго перваго министра графа Гюлденлёве, съ 400 тал. жалованья, квартирой и столомъ у графа. Лейбницъ нашелъ это предложеніе выгоднымъ, но говоритъ, что онъ не ищетъ денегъ и развлеченія, а такого занятія, которое давало бы пищу уму и возможность сдѣлать что-нибудь полезное. Онъ пишетъ, что ему необходимо имѣть полное довѣріе графа, такъ какъ онъ не привыкъ подчиняться различнымъ политическимъ капризамъ важныхъ господъ. Онъ признается, что за нимъ есть недостатокъ, который считается важнымъ въ свѣтѣ: онъ часто не соблюдаетъ этикета и не производитъ слишкомъ выгоднаго впечатлѣнія съ перваго раза. „Если, говоритъ онъ, всему этому придаютъ тамъ большое значеніе, чего я впрочемъ не думаю, если тамъ необходимо много пить, чтобы прослыть дѣльнымъ человѣкомъ, то я туда не гожусь, какъ вы сами согласитесь" [1]).

Переписка Лейбница съ Габбеусомъ интересна еще тѣмъ, что знакомитъ насъ съ новою стороной его дѣятельности въ Парижѣ. Его

---

[1]) W. v. Lb. ed. O. K III p. 227. Je confesse.... de manquer souventes fois aux cérémonies.... s'il faut boire pour se faire valoir....

занятія были самыя разнообразныя: онъ читалъ историческіе памятники въ архивѣ и библіотекахъ; писалъ, какъ мы увидимъ, юридическія изслѣдованія; слѣдилъ дѣятельно за политикой; занимался чрезвычайно усердно, особенно послѣ Лондонской поѣздки, высшею математикой, и при всемъ этомъ имѣлъ время слѣдить за фабричною промышленностью, за всѣми усовершенствованіями ремеслъ и искусствъ, которыя въ это время быстро развивались во Франціи, благодаря покровительству Кольбера. Для этого онъ заводилъ знакомства съ простыми ремесленниками, стараясь усвоить себѣ ихъ пріемы и узнать отъ нихъ секреты ихъ ремесла. Если, говоритъ онъ, у меня было бы больше денегъ, я сдѣлалъ бы гораздо больше успѣховъ. Онъ предлагаетъ датскому министру вывести съ собой изъ Парижа искусныхъ ремесленниковъ и фабричныхъ, которые могли бы перенести въ Данію свое искусство и открыть такимъ образомъ новые источники дохода въ этой странѣ.

Предположеніе переселиться въ Данію однако не состоялось. Лейбницъ одно время думалъ на всегда остаться во Франціи, гдѣ его любознательность постоянно находила новую пищу. Какъ онъ привязался къ Франціи, видно изъ одного письма къ Габбеусу, написаннаго въ началѣ 1676 года. Что касается до меня, говоритъ Лейбницъ, я буду амфибіей, то во Франціи, то въ Германіи, пока я не найду случая гдѣ-нибудь выгодно поселиться (me fixer avantageusement).

Во Франціи въ это время бóльшая часть административныхъ и судебныхъ должностей продавались въ пользу казны. При хорошей протекціи можно было за не слишкомъ большую сумму достать такое мѣсто, которое обезпечивало извѣстный пожизненный доходъ и не требовало слишкомъ много трудовъ. Лейбницъ имѣлъ въ виду достать себѣ одно изъ подобныхъ мѣстъ; какое именно это было мѣсто, мы не знаемъ, но изъ письма Лейбница къ одному изъ его родственниковъ [1]) видно, что онъ его считалъ очень выгоднымъ. Оно давало ежегодно до 800 тал., въ мирное время до 1000, и Лейбницъ надѣялся, что будетъ имѣть возможность еще болѣе увеличить эту сумму. Оно было почетно, могло быть занято лютераниномъ, не ставило его во враждебное отношеніе къ его отечеству, не требовало усиленныхъ трудовъ и большой отвѣтственности, позволяло ему предпринимать отъ времени до времени путешествія и всегда могло быть опять продано. Хотя для покупки этого мѣста нужно было имѣть нѣсколько

[1]) W. v. Lb. ed. O. Kl. III. p. XX. An Aegidius Strauch. 20 Oct. 1675 г.

тысячъ талеровъ, но друзья Лейбница хлопотали за него, чтобъ ему разсрочили уплату, и собрали даже бо̀льшую часть необходимыхъ денегъ. Ему недоставало только нѣсколькихъ сотъ талеровъ. Онъ обратился за этими деньгами къ своимъ родственникамъ въ Германіи. Его отношенія къ этимъ родственникамъ очень трогательны. Ихъ письма, особенно сестры Лейбница, наполнены упреками за то, что онъ покинулъ отечество, и опасеніями за его вѣру. Сестра ему пишетъ, въ Майнцъ, что по слухамъ, оттуда хотятъ изгнать всѣхъ лютеранъ и Евреевъ; она проситъ его быть осторожнымъ и боится, чтобъ его не отравили. „И въ лютеранской землѣ много добрыхъ людей, и Богъ его не оставитъ“. Лейбницъ успокоиваетъ ихъ, что хотя бы онъ считалъ римскую вѣру истинною или неопасною (ungefährlich), онъ никогда не принялъ бы ее, если бы это было сопряжено съ какою-нибудь выгодой.

Лейбницъ имѣлъ полное право просить у своихъ родственниковъ денегъ, такъ какъ его семейство должно было получить съ Саксонскаго правительства въ уплату стараго долга довольно значительную сумму, часть которой принадлежала Лейбницу. Еще въ 1682 г. онъ уполномочиваетъ своего брата взыскать съ Веймарскаго правительства слѣдующую ему часть иска — 600 гульд. Одинъ изъ родственниковъ Лейбница выслалъ ему 336 тал. заимообразно; но его планъ купить себѣ мѣсто не состоялся, неизвѣстно, по недостатку ли денегъ, или по другой причинѣ.

Впрочемъ, Лейбницъ не находился въ бѣдственномъ положеніи въ Парижѣ. Онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ родственнику, „что съ помощью благословенія Божія и своими трудами собралъ нѣсколько денегъ“. Онъ зарабатывалъ деньги тѣмъ, что составлялъ „Записки“ (Denkschriften) и юридическіе акты для различныхъ лицъ. Въ письмѣ къ Ольденбургу, секретарю Лондонскаго королевскаго общества, Лейбницъ жалуется, что эти работы отнимаютъ у него много времени и не даютъ заняться какъ бы хотѣлось математикой и физическими опытами. Одна изъ такихъ работъ была вызвана дѣломъ герцога Христіана Мекленбургскаго. Этотъ герцогъ былъ сначала женатъ на своей двоюродной сестрѣ; затѣмъ принялъ католичество и выхлопоталъ у папы расторженіе брака подъ предлогомъ близкаго родства. Послѣ этого онъ женился въ Парижѣ на вдовѣ герцога Колиньи. Однако и вторая жена ему надоѣла, и онъ теперь хлопоталъ въ Парижѣ, чтобъ и этотъ бракъ былъ расторгнутъ. Онъ просилъ Лейбница быть его адвокатомъ, и Лейбницъ составилъ для него на латинскомъ и француз-

скомъ языкахъ нѣсколько записокъ, которыя всѣ отличаются строгою логичностью доказательствъ и ясностью выводовъ[1]). Математическій методъ принесъ свою пользу. Лейбницъ доказываетъ, что второй бракъ не законенъ, такъ какъ первый бракъ былъ вполнѣ законенъ, и поэтому не могъ быть расторгнутъ папой. Католическая церковь сама избавляетъ протестантовъ отъ многихъ правилъ, которымъ она подчиняетъ католиковъ. Браки протестантовъ въ запрещенныхъ у католиковъ степеняхъ родства вполнѣ законны и безъ разрѣшенія (dispensus) папы, такъ какъ протестанты не имѣютъ возможности получить этого разрѣшенія. Наконецъ, государственная власть въ Германіи, которая заключается въ императорѣ и сеймѣ, избавила протестантовъ отъ обязанности искать разрѣшенія папы. Каждое изъ этихъ положеній подтверждается въ свою очередь многими фактическими и юридическими доказательствами. Въ заключеніе Лейбницъ приводитъ изъ исторіи французской юридической практики различные случаи, доказывающіе, что гражданское законодательство въ брачныхъ дѣлахъ не подчиняется во Франціи постановленіямъ каноническаго права, и что права, которыми пользуются французскіе протестанты, во всякомъ случаѣ должны быть распространены и на нѣмецкихъ. Лейбницъ долженъ былъ за свой трудъ получить 60 луидоровъ, но какъ кажется, его обманули: по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ одному изъ приближенныхъ герцога онъ жалуется, что ему дали только 24, и требуетъ остальнаго.

Наконецъ, судьба Лейбница рѣшилась, и онъ вступилъ въ отношенія, которыя уже не разрывались до самой его смерти. Еще когда Лейбницъ былъ въ Майнцѣ, Габбеусъ обратилъ на него вниманіе Іоганна-Фридриха, герцога Ганноверскаго, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и любознательныхъ государей своего времени. Проѣздомъ черезъ Майнцъ въ 1669 г. герцогъ познакомился съ Лейбницемъ, принялъ большое участіе въ его занятіяхъ и просилъ его сообщать ему обо всѣхъ его трудахъ и открытіяхъ въ наукѣ. Письма Лейбница къ герцогу составляютъ одну изъ самыхъ интересныхъ частей его громадной переписки и даютъ подробное понятіе о ходѣ его занятій въ Майнцѣ и Парижѣ, о развитіи его философскихъ идей и о различныхъ планахъ и проектахъ, которыми постоянно была наполнена голова молодаго ученаго. Бойнебургу очень хотѣлось пристроить его въ Ганноверѣ, и онъ говорилъ объ этомъ герцогу. Герцогъ съ удовольствіемъ

[1]) W. v. Lb. ed. O. K. III. De Matrimoniorum Principum Germaniae Protestantium.... validitate Leibnitii dissertatio. p. 113 — 209.

согласился принять Лейбница къ себѣ на службу, но вѣроятно, поѣздка послѣдняго въ Парижъ помѣшала дѣлу. По смерти Бойнебурга герцогъ возобновилъ свое предложеніе; онъ обѣщалъ Лейбницу чинъ совѣтника и 400 тал. ежегодно. Мы не знаемъ, почему Лейбницъ не принялъ предложенія. Вѣроятно, ему еще не хотѣлось оставлять Парижъ и бросить начатыя тамъ занятія. Можетъ-быть, его останавливала война и вражда политическихъ партій въ Германіи. Онъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ своему родственнику Штрауху: „Между тѣмъ, Богъ дастъ, пройдетъ и война, во время которой я боюсь въ Германіи выступить на общественное поприще[1]), такъ какъ въ случаѣ ея продолженія, въ имперіи могутъ произойдти большія перемѣны, и потомъ одинъ будетъ обвинять другаго. Въ этихъ случаяхъ всегда правъ — побѣдитель; тѣ же, которые въ такое время имѣютъ въ виду справедливость, пріискиваютъ какой-нибудь выходъ и не хотятъ слѣпо слѣдовать всему тому, что̀ предлагаютъ горячія головы изъ той или другой партіи, подвергаются опасности съ обѣихъ сторонъ. Если пріобрѣтешь милость какого-нибудь государя, то она непрочна, потому что онъ можетъ умереть, и часто приходится отвѣчать передъ его преемникомъ, чему я видѣлъ не мало примѣровъ. Да и государи сами измѣнчивы, и часто невинный человѣкъ приносится въ жертву ихъ непостоянству, чему я также могъ бы привести примѣры. Поэтому лучше оставить Германію, пока не возстановится въ ней миръ". Послѣ этого, какъ кажется, переписка между Лейбницемъ и герцогомъ прервалась на нѣкоторое время. Она возобновилась въ 1675 году и съ нею предложеніе поселиться въ Ганноверѣ. Лейбницъ смотрѣлъ на него теперь благосклоннѣе, ему надоѣло его необезпеченное положеніе. Лейбницу не нравилась дѣятельность профессора; цѣлью его было найдти себѣ такое положеніе, которое оставляло бы ему какъ можно болѣе досуга для его научныхъ занятій, давало бы средства производить научные опыты въ большихъ размѣрахъ и возможность путешествовать, видѣться съ замѣчательными людьми, заниматься политикой и жить постоянно въ кругу людей образованныхъ, свѣтскихъ и вліятельныхъ. Такое положеніе онъ могъ найдти только при дворѣ какого-нибудь государя. Мы не хотимъ отрицать, чтобы въ этомъ желаніи вовсе не участвовало самолюбіе, но во всякомъ случаѣ самолюбіе великаго человѣка, которому нужна обширная и плодотворная дѣятельность. Не слѣдуетъ забывать, что въ то

---

[1]) W. v. Lb. ed. G. K. III. XXIII: Mich in publicis brauchen zu lassen ...

время общество не имѣло ни малѣйшаго вліянія; все исходило отъ государей, особенно въ Германіи, гдѣ ихъ было такъ много. Всякій матеріальный и научный прогрессъ зависѣлъ отъ ихъ доброй воли; только они имѣли средства покровительствовать наукѣ и примѣнять къ жизни ея результаты. Этимъ объясняется тотъ *культъ* государей, которымъ отличалась эпоха Людовика XIV. Лейбницъ былъ совершенно проникнутъ убѣжденіемъ, что безъ содѣйствія государей ничего нельзя сдѣлать, и въ его сочиненіяхъ мы часто встрѣчаемъ восторженный взглядъ на задачу и положеніе великаго государя. „Великіе государи, говоритъ онъ, число которыхъ такъ не велико, мнѣ кажутся достойными совершенно особеннаго *служенія* (d'un culte tout-à-fait particulier); имъ слѣдуетъ оказывать не только почитаніе (vénération), но еще особенную преданность (une certaine tendresse). Такъ какъ отъ нихъ можно ожидать противодѣйствія общественному злу и такъ какъ они самое могущественное орудіе Божеской милости (bonté divine), то они по необходимости любимы всѣми безкорыстными людьми, которые ищутъ своего счастія только въ общественномъ благоденствіи и которые никогда не перестанутъ возсылать мольбы за сохраненіе такихъ государей, хотя они отъ нихъ ничего для себя лично не ожидаютъ". Мы взяли это мѣсто изъ письма Лейбница къ герцогу Ганноверскому; такой языкъ можетъ показаться страннымъ въ наше время, но можно указать много мѣстъ изъ сочиненій Лейбница и его писемъ къ частнымъ людямъ, въ которыхъ онъ говоритъ тѣмъ же самымъ языкомъ. Въ его словахъ не слѣдуетъ видѣть лести; въ письмахъ къ тому же герцогу, онъ говоритъ языкомъ человѣка чрезвычайно благороднаго и независимаго. „Все, что̀ дается людямъ моего характера (de mon humeur), которые употребляютъ это только на общеполезныя цѣли, скорѣе дается заимобразно, чѣмъ въ даръ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Я никогда не дѣйствовалъ изъ корыстолюбія. Все честолюбіе мое заключалась только въ томъ, чтобы найдти великаго государя (un grand Prince), который былъ бы развитъ и просвѣщенъ болѣе обыкновеннаго, и я думалъ, что нѣтъ ничего столь благороднаго и прекраснаго (si noble ny de si beau) въ человѣческомъ мірѣ, какъ великая мудрость, соединенная съ могуществомъ".

Лейбницъ рѣшился принять мѣсто библіотекаря у герцога съ чиномъ совѣтника и на прежнихъ условіяхъ. Но ему не хотѣлось такъ скоро покинуть Парижъ. Наслѣдники Паскаля передали ему на раз-

---

[1]) W. v. Lb. ed. O. K. III p. 275: Est plustot presté que donné. Далѣе p. 285 и p. 191. Correspondenz v. Lb. mit. d. Herzoge. I. Fr. v. Br. L. p. 239—305.

смотрѣніе бумаги послѣдняго и просили его издать сочиненіе его о коническихъ сѣченіяхъ. Аббатъ Гравель, отправлявшійся въ качествѣ французскаго уполномоченнаго въ Маршіенъ-сюръ-Самбръ для дипломатическихъ переговоровъ, предлагалъ Лейбницу сопровождать его. Лейбницъ очень любилъ политику, и ему хотѣлось ѣхать съ Гравелемъ. Но герцогъ торопилъ его. Наконецъ, осенью 1676 г. Лейбницъ покинулъ навсегда Парижъ. Онъ отправился въ Ганноверъ черезъ Англію и Голландію; въ Лондонѣ ему хотѣлось повидаться съ его учеными друзьями, съ которыми онъ познакомился во время своего перваго путешествія въ Англію.

Мы видѣли, что это путешествіе было совершено имъ въ началѣ 1673 года въ свитѣ Майнцскаго посольства. Англія въ это время особенно привлекала его славою своихъ замѣчательныхъ математиковъ и химиковъ, сборнымъ мѣстомъ которыхъ было не задолго предъ тѣмъ учрежденное Лондонское Королевское Общество Наукъ. Лейбницъ еще въ Майнцѣ вступилъ въ переписку съ Ольденбургомъ, своимъ соотечественникомъ, секретаремъ общества. Теперь Лейбницъ познакомился съ нимъ лично и черезъ него съ нѣкоторыми другими членами общества. Между ними былъ знаменитый химикъ Бойль. Однажды Лейбницъ встрѣтился у него съ математикомъ Пеллемъ и сообщилъ ему одно изъ своихъ математическихъ открытій. Пелль замѣтилъ ему, что это открытіе уже прежде было сдѣлано французскимъ ученымъ Реньо и описано въ книгѣ Мутона, вышедшей въ 1670 году—„Observationes diametrarum solis“, e. t. c. Лейбницъ досталъ книгу и убѣдился, что французскій ученый предупредилъ его; но онъ нашелъ къ своему утѣшенію, что его формула была полнѣе и сохраняла свою оригинальность и послѣ сличенія съ прежней. Чтобъ оправдать себя въ глазахъ своихъ новыхъ друзей, онъ составилъ объ этомъ особую записку и передалъ ее Ольденбургу. По возвращеніи въ Парижъ Лейбницъ возобновилъ ученую переписку съ Ольденбургомъ, которая не прерывалась до смерти послѣдняго въ 1677 г. Черезъ Ольденбурга Лейбницъ завелъ переписку съ математикомъ Коллинсомъ. Коллинсъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Ньютону и другимъ современнымъ ученымъ, которые, по обычаю того времени, извѣщали его о ходѣ своихъ занятій и о сдѣланныхъ ими открытіяхъ. Поэтому въ его рукахъ находилось много интересныхъ писемъ и рукописныхъ сочиненій и между ними нѣсколько писемъ и статей Ньютона, чрезвычайно важныхъ въ исторіи математическихъ наукъ. Съ Ньютономъ Лейбницъ не успѣлъ познакомиться въ Лондонѣ, такъ какъ онъ жилъ въ Кембриджѣ, но

и съ нимъ завелъ переписку въ 1676 году чрезъ посредство Ольденбурга, не задолго передъ своею второю поѣздкой въ Лондонъ.

Эти поѣздки въ Лондонъ и эта переписка съ Ольденбургомъ, Коллинсомъ и Ньютономъ играютъ весьма важную роль въ жизни Лейбница и находятся въ связи съ самымъ славнымъ и счастливымъ событіемъ его жизни — изобрѣтеніемъ дифференціальнаго исчисленія. Во время своего четырехлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Лейбницъ усердно занимался математикой, и самой лучшей наградой, самымъ блестящимъ результатомъ этихъ занятій было это знаменитое изобрѣтеніе, которое доставило ему славу одного изъ величайшихъ математиковъ въ мірѣ. Но какъ часто бываетъ въ жизни, лучшая заслуга Лейбница передъ наукой послужила для него источникомъ непріятностей, которыя отравили ему послѣдніе годы его жизни, помрачили ясность его благороднаго характера и навлекли на него оскорбительные упреки и клеветы, вполнѣ опровергнутые только въ наше время. Къ удовольствію, которое должно было доставлять ему его высокое изобрѣтеніе, примѣшалась горечь безконечнаго спора съ Ньютономъ и его приверженцами о томъ, кто былъ *первымъ* изобрѣтателемъ дифференціальнаго исчисленія.

Но не только для самихъ изобрѣтателей, а и для всего потомства этотъ споръ представляетъ очень непріятную сторону. Онъ напоминаетъ, что въ людскихъ дѣлахъ самые великіе подвиги не бываютъ свободны отъ примѣси человѣческой слабости и что самые геніальные таланты не умѣютъ возвышаться надъ самолюбіемъ и раздражительностью. Біографы Ньютона и Лейбница охотно бы опустили изъ жизнеописанія ихъ разказъ объ этомъ спорѣ; но это невозможно, потому что онъ обратилъ на себя еще при жизни ихъ слишкомъ большое вниманіе и навлекъ на нихъ упреки, которые нельзя оставить не разъясненными. Мы въ настоящемъ случаѣ не можетъ присвоить себѣ права суда относительно ученой стороны дѣла и должны ссылаться на авторитетъ спеціалистовъ; но весь этотъ вопросъ теперь такъ разъясненъ, что читатель можетъ составить себѣ понятіе о немъ, и не входя въ научныя подробности [1]).

---

[1]) Для читателей, желающихъ познакомиться съ научною стороной спора, мы укажемъ на слѣдующіе источники. Съ англ. стороны: *D. Brewster* — Memoirs of the Life, Writings and Discoveries of S. J. Newton. 2. Vll. 1855. (Передѣлка изд. 1831 г.). Главы XIV, XV и XXII. Съ нѣмецкой: *Gerhardt*—Die Entdeckung der Differentialrechnung durch Leibnitz. Halle 1848, и Введеніе къ его изданію математическихъ сочиненій Лбца. Leibnizens Ges. W. her. v. Pertz. III Folge:

XVII вѣкъ былъ эпохой замѣчательнаго развитія математическихъ наукъ. Онѣ возбуждали къ себѣ всеобщій интересъ и занимали самые лучшіе умы. Въ Англіи, во Франціи и въ Италіи одновременно трудились надъ разрѣшеніемъ математическимъ проблемъ, и ученые этихъ странъ были между собой въ дѣятельной перепискѣ, чтобы сообщать другъ другу достигнутые результаты и ободрять себя взаимными успѣхами. Особенное вниманіе обращали на себя тѣ математическія изслѣдованія, вѣнцомъ которыхъ было изобрѣтеніе дифференціальнаго исчисленія. Съ разныхъ сторонъ подходили къ великой цѣли. Труды Кавалери и Риччи въ Италіи, Фермата и Роберваля во Франціи, Гугенса, Гудде и Слюза въ Голландіи, Валлиса и Барроу въ Англіи постепенно подготовляли окончательный результатъ. Въ трудахъ ихъ недоставало общаго метода, недоставало, такъ-сказать, послѣдняго слова, которое бы всѣмъ раскрыло глаза, озарило свѣтомъ пройденный путь и показало цѣль, къ которой всѣ приближались какъ бы ощупью. Это послѣднее слово было у всѣхъ на устахъ; изобрѣтеніе дифференціальнаго исчисленія чуялось, такъ-сказать, въ воздухѣ. При этомъ положеніи дѣла понятно, что окончательный результатъ могъ быть одновременно достигнутъ въ разныхъ мѣстахъ. Такіе случаи были не рѣдки въ то время. Исторія математическихъ наукъ въ XVII вѣкѣ исполнена разказами о спорахъ между учеными по поводу *первенства* того или другаго изобрѣтателя. Мы видѣли, что съ Лейбницемъ въ Лондонѣ былъ подобный случай. Лейбницъ ничего не зналъ о томъ, что его открытіе было уже сдѣлано другимъ. При тогдашней неразвитости книжной торговли, при медленности сообщеній, литературныя новости, которыя теперь въ нѣсколько недѣль распространяются по всей Европѣ, оставались долго неизвѣстными на самомъ близкомъ разстояніи. Особенно много подобныхъ споровъ пришлось пережить Ньютону вслѣдствіе множества сдѣланныхъ имъ открытій и изобрѣтеній. Почти каждый разъ, когда онъ выступалъ съ какимъ-нибудь новымъ открытіемъ, ему приходилось отстаивать свои права противъ какого-нибудь соперника, который хотѣлъ раздѣлить съ нимъ его славу. Этими соперниками не всегда можно было пренебрегать; иногда между ними были люди, заслуживавшіе полнаго довѣрія и вполнѣ способные къ достиженію важныхъ результатовъ. Но Ньютонъ всегда имѣлъ передъ ними

Mathem. Schriften. B. I. 1849. *Cantor* — War Leibnitz ein Plagiator? въ Sybels *Histor. Zeitschr.* 1863. III. и Замѣч. на Гергарда Ibid. 1864. I. Съ французской: статьи *Biot* въ Biographie Universelle: Leibnitz и Newton — и предисловіе къ сочиненію Бертрана: Traité de Calcul Différentiel et de Calcul Intégral. Paris. 1864.

то громадное преимущество, что всякій охотнѣе приписывалъ ему новое открытіе, такъ какъ его авторитетъ стоялъ выше всякихъ сомнѣній, а заслуги его были такъ велики, что новое открытіе, кажется, не много прибавляло къ его славѣ, тогда какъ для его соперника оно составляло жизненный вопросъ, результатъ долголѣтнихъ, темныхъ трудовъ.

Нельзя также сказать, чтобы Ньютонъ во всѣхъ этихъ спорахъ велъ себя такъ, какъ могло бы желать сочувствующее ему потомство. Онъ какъ будто не довѣрялъ своей славѣ и выказывалъ въ своихъ литературныхъ спорахъ чрезмѣрную нетерпимость и раздражительность. Этотъ геніальный человѣкъ отличался въ частной жизни замѣчательною, совершенно искреннею скромностью. Въ высшей степени трогательны слова, приписываемыя ему въ концѣ его славной, столь плодотворной для человѣчества жизни: „Я не знаю, каковъ я кажусь людямъ: себѣ же самому я кажусь мальчикомъ, который играетъ на берегу морскомъ и тѣшится тѣмъ, что находитъ то гладкій камешекъ, то раковину болѣе красивую чѣмъ обыкновенно, тогда какъ необъятный океанъ истины простирается передъ нимъ неизвѣданный“. При этой скромности, раздраженное самолюбіе его въ литературныхъ спорахъ за первенство кажется противорѣчіемъ. Но такія противорѣчія не рѣдки въ жизни, и не маловажное вліяніе имѣли въ этомъ лесть и подстрекательства его друзей и поклонниковъ.

Нужно имѣть въ виду эти два обстоятельства, характеризующія эпоху: одновременное и независимое изслѣдованіе научныхъ проблемъ, приводящихъ къ общей цѣли, и частые споры за первенство въ изобрѣтеніи, чтобы не считать споръ между Лейбницемъ и Ньютономъ исключительнымъ явленіемъ и составить себѣ о немъ настоящее понятіе. Въ 1669 году Ньютонъ, которому тогда было только 27 лѣтъ, но который съ дѣтства занимался своею наукой, написалъ сочиненіе, заключающее въ себѣ основаніе новаго математическаго метода. Онъ не напечаталъ этого сочиненія и переслалъ его своему учителю и другу Барроу, который показалъ его Коллинсу. Послѣдній снялъ съ него копію и отослалъ оригиналъ Ньютону. Это было въ обычаѣ того времени; ученые не спѣшили обнародованіемъ своихъ трудовъ, иногда, можетъ-быть, и въ тѣхъ видахъ, чтобы другіе не воспользовались ими, прежде чѣмъ они сами извлекутъ изъ нихъ всю пользу для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ такихъ случаяхъ эти труды сообщались только самымъ близкимъ друзьямъ или отдавались на храненіе въ ученыя общества; иногда даже сущность труда, главная формула,

скрывалась подъ загадочною формой анаграммы. Въ 1672 году Ньютонъ написалъ Коллинсу письмо, которое могло служить дополненіемъ къ первому его сочиненію.

Лейбницъ былъ въ перепискѣ съ Ольденбургомъ и сообщалъ ему о своихъ занятіяхъ. Часто онъ подчеркивалъ слова: „сообщаю вамъ", если онъ желалъ, чтобъ Ольденбургъ хранилъ въ тайнѣ то или другое извѣстіе о добытыхъ имъ результатахъ. Переписка между Ольденбургомъ и Лейбницемъ издана въ 1849 году: она составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ въ исторіи знаменитаго спора. Изъ нея видно, что изслѣдованія Лейбница происходили совершенно независимо отъ результатовъ, добытыхъ Ньютономъ, и что Лейбницъ шелъ къ общей цѣли совершенно инымъ путемъ. Изъ этой переписки кромѣ того видно, что Лейбницъ не былъ знакомъ съ Коллинсомъ во время своей первой поѣздки въ Лондонъ и не могъ получить отъ него рукописнаго сочиненія Ньютона, и что Лейбницъ вообще ничего не зналъ о содержаніи этого сочиненія. Лѣтомъ 1674 года Лейбницъ сообщаетъ Ольденбургу объ одномъ важномъ результатѣ, котораго онъ достигнулъ. Ольденбургъ въ отвѣтъ на это извѣщаетъ его въ декабрѣ, что Ньютонъ сдѣлалъ прежде то же самое открытіе. Лейбницъ продолжалъ свои занятія и въ концѣ 1675 года изобрѣлъ интегральное исчисленіе, а въ половинѣ 1676 года окончилъ свое изобрѣтеніе дифференціаловъ.

Между тѣмъ Ольденбургъ обратилъ вниманіе Ньютона на успѣхи Лейбница, и это было поводомъ, что Ньютонъ написалъ черезъ него Лейбницу письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, сообщилъ ему свой знаменитый *биномъ*. Ольденбургъ отправилъ его 26-го іюля, и при этомъ въ первый разъ упоминаетъ о письмѣ Ньютона къ Коллинсу отъ 10-го декабря 1672 г., но въ выраженіяхъ, доказывающихъ, что Лейбницъ ничего не зналъ о его содержаніи. Лейбницъ отвѣтилъ Ньютону 27-го августа и сообщилъ ему изобрѣтенное имъ дифференціальное исчисленіе, но въ такихъ темныхъ выраженіяхъ, что только человѣкъ, знакомый съ дѣломъ, могъ бы понять, въ чемъ оно заключается.

Нѣсколько недѣль спустя, Лейбницъ отправился вторично въ Лондонъ. Здѣсь ему удалось увидѣть сочиненіе, которое Ньютонъ написалъ въ 1669 году. Онъ могъ узнать изъ него много новаго; но главное уже было сдѣлано имъ самимъ. Въ его бумагахъ найдено извлеченіе, сдѣланное имъ изъ этого сочиненія; къ сожалѣнію, на немъ не обозначено число. Но въ этомъ извлеченіи Лейбницъ вездѣ употребляетъ знаки интегральнаго и дифференціальнаго исчисленія, имъ введенные

и въ послѣдствіи принятые наукой. Это доказываетъ, что онъ познакомился съ сочиненіемъ Ньютона уже послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ свое изобрѣтеніе; вѣроятнѣе всего, онъ получилъ его отъ Ольденбурга во время своей второй поѣздки въ Лондонъ. Съ Ньютономъ онъ не видался. Послѣдній отвѣтилъ ему 24-го октября на его письмо отъ 27-го августа. Но это письмо пролежало у Ольденбурга до весны, пока онъ не нашелъ вѣрнаго случая, чтобы переслать его въ Ганноверъ. Въ этомъ письмѣ Ньютонъ сообщаетъ Лейбницу о своемъ изобрѣтеніи; но онъ тщательно скрываетъ отъ него его сущность. Главная формула сообщена подъ видомъ анаграммы, то-есть, Ньютонъ говоритъ, что сущность его метода заключается въ латинскомъ предложеніи, которое содержитъ въ себѣ столько-то *a*, столько-то *b* и т. д. Очевидно, Ньютонъ хотѣлъ, не посвящая Лейбница въ самую сущность дѣла, доказать ему, что онъ еще прежде открылъ новый методъ, а въ доказательство ссылается на свое сочиненіе 1669 года. Въ отвѣтъ на это письмо Лейбницъ совершенно откровенно сообщаетъ ему основанія дифференціальнаго исчисленія, но тщательно скрываетъ алгаритмъ интеграловъ. Въ этомъ письмѣ Лейбницъ умалчиваетъ о томъ, что онъ знакомъ съ сочиненіемъ Ньютона 1669 года, вѣроятно для того, чтобы не дать послѣднему повода подумать, что онъ оттуда почерпнулъ свое знакомство съ новымъ методомъ. Лейбницъ не уничтожилъ въ своихъ бумагахъ извлеченіе, сдѣланное имъ изъ сочиненія Ньютона, даже и тогда, когда споръ между ними достигъ крайняго ожесточенія. Но онъ не хотѣлъ сознаться предъ нимъ въ томъ, что онъ зналъ о его сочиненіи, не желая дать ему противъ себя сильнаго оружія. Мы видимъ, что Лейбницъ находился въ невыгодномъ положеніи относительно Ньютона; его легко можно было заподозрить въ томъ, что онъ всѣмъ былъ обязанъ Ньютону. Это заставляло его быть осторожнымъ, и эта осторожность ставила его въ фальшивое положеніе.

Читатель изъ сказаннаго могъ замѣтить, что для разрѣшенія спора между Ньютономъ и Лейбницемъ чрезвычайно важно опредѣленіе времени, когда именно послѣднему удалось познакомиться съ рукописными сочиненіями Ньютона. На предположеніи, что это было во время первой поѣздки въ Лондонъ или вскорѣ послѣ того, Ньютонъ и его приверженцы основывали обвиненіе Лейбница въ *плагіатъ*, то-есть, въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ чужое открытіе, и нѣсколько измѣнивъ его, выдалъ его за свое. Для подтвержденія своего обвиненія они, между прочимъ, пользовались слѣдующимъ фактомъ. Въ маѣ 1675 года, въ Англію пріѣхалъ молодой нѣмецкій ученый Чирнгаусъ, который

познакомился тамъ со многими знаменитостями и около сентября отправился въ Парижъ, гдѣ онъ сошелся очень близко съ Лейбницемъ и занимался вмѣстѣ съ нимъ математикой. Чрезъ посредство этого Чирнгауса Лейбницъ будто бы получилъ знаменитое письмо Ньютона къ Коллинсу, написанное въ 1672 году.

Это обвиненіе въ первый разъ было выставлено въ 1725 году, когда всѣ замѣшанныя въ этомъ лица — Лейбницъ, Чирнгаусъ и Коллинсъ уже не были въ живыхъ. Обнародованная теперь переписка между Ольденбургомъ и Лейбницемъ бросаетъ свѣтъ на все это дѣло. Изъ нея видно, что Лейбницъ въ 1673 году не былъ знакомъ съ Коллинсомъ, что до своей второй поѣздки въ Лондонъ онъ отъ Ольденбурга не получалъ сочиненій Ньютона, и главное, что къ 1676 году онъ окончилъ свои работы надъ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ. Извлеченіе изъ сочиненія Ньютона, сдѣланное Лейбницемъ, наконецъ, доказываетъ, что Лейбницъ познакомился съ нимъ, уже послѣ изобрѣтенія дифференціальнаго исчисленія.

Это матеріальныя доказательства въ пользу Лейбница; но есть еще доказательства не менѣе важныя, основанныя на самомъ свойствѣ открытій, сдѣланныхъ Лейбницемъ и Ньютономъ. Противники перваго представляли дѣло такъ, какъ будто открытіе Лейбница только во внѣшнемъ, формальномъ отношеніи отличается отъ открытія Ньютона. Лейбницъ будто бы только придумалъ названіе для метода, открытаго Ньютономъ, и первый обнародовалъ его. Таково было мнѣніе Лондонскаго Королевскаго Общества, которое приняло сторону Ньютона, и всѣхъ англійскихъ ученыхъ. Только въ концѣ прошлаго вѣка Лейбницъ нашелъ могущественныхъ защитниковъ въ знаменитыхъ французскихъ математикахъ того времени. Лапласъ обратилъ вниманіе на то, что между методами Ньютона и Лейбница заключается существенное различіе, и видѣлъ въ обозначеніи, придуманномъ Лейбницемъ, принципъ новаго исчисленія. Пуассонъ приписывалъ всѣ успѣхи, которые сдѣлало исчисленіе безконечно-малыхъ величинъ, способу, придуманному Лейбницемъ. Біотъ оправдалъ Лейбница противъ обвиненій, взведенныхъ на него біографомъ Ньютона Брюстеромъ[1]), и доказалъ, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, кто первый и кто второй изобрѣтатель, потому что мы имѣемъ дѣло съ *двумя* изобрѣтеніями, различными по методу и по всему ходу

---

[1]) Въ своей рецензіи книги Брюстера о Ньютонѣ въ *Journal des Savants* 1832, котораго мы не имѣли подъ рукой, но изъ котораго приведены мѣста Гурауэромъ въ біографіи Лейбница.

мысли и умственной работы, который привелъ изобрѣтателей къ общему результату. Даже если бы было доказано, что Лейбницъ зналъ сочиненіе Ньютона до изобрѣтенія дифференціальнаго исчисленія, то изъ этого нельзя было бы вывести, что онъ оттуда заимствовалъ свое изобрѣтеніе, такъ какъ тамъ обозначены только результаты исчисленій, но не описанъ методъ ихъ. Біотъ находитъ, что оба изобрѣтенія имѣютъ совершенно особый характеръ, соотвѣтствующій *индивидуальности* изобрѣтателей и своеобразному ходу ихъ занятій[1]).

Эти слова написаны, когда еще не были изданы Гергардомъ математическія сочиненія Лейбница и переписка его съ Ольденбургомъ, которыя содержатъ въ себѣ вполнѣ убѣдительныя фактическія доказательства въ его пользу. Въ настоящее время невозможенъ упрекъ Лейбница въ плагіатѣ; даже восторженный біографъ Ньютона отказался въ новомъ изданіи своего сочиненія отъ своего прежняго мнѣ-

---

[1]) Біотъ въ Biogr. Univ. Leibn. 1819. XXIII 631. Cette série d'idées séparément propre à chacun de ces grands génies, et suivie par chacun d'eux depuis ses premiers pas jusqu'au terme de ses dernières découvertes, nous semble offrir un caractère d'individualité, qui suffirait pour qu'on dut attribuer à l'un comme à l'autre l'honneur d'être arrivé au calcul infinitésimal par ses propres vues et par une route indépendante, si les preuves matérielles, qui peuvent établir ce fait litteraire, étaient perdues.... En effet une série d'idées si continue et si distincte, attachée à un mode de génération des quantités tout-à-fait abstrait, et exprimée par un algarithme spécial d'une facilité comme d'une netteté admirable pour toutes les applications aux questions d'analyse et de philosophie naturelle, ont dû paraître aux géomètres des titres péremptoires *à une invention propre non du calcul des fluxions*, que Newton possédait sans aucun doute avant 1669, calcul compliqué de l'idée de mouvement et jusque là sans algorithme, *mais du calcul différentiel* abstrait avec sa métaphysique, son algarithme et ses procédés généraux tout établis; et c'est en effet ainsi qu'ils en ont décidés quatre juges, qui me dispenseront d'en citer d'autres, quand j'aurai dit, qu'ils s'appellent *Euler*, *Lagrange*, *Laplace* et *Poisson*. Biot въ *J. d. Sav.*, прив. у Гурауэра въ Примѣч. къ I части стр. 23. Особенно хорошо характеризовано отношеніе Лейбница къ Ньютону въ Исторіи Дифференціальнаго исчисленія Бертраномъ въ его Traité e. t. c. p. XVII: Leibnitz et Newton partagent donc la gloire d'avoir inventé le calcul différentiel, et quoique différemment illustres, chacun d'eux doit être tenu pour honoré de s'être rencontré avec un tel émule. Bien qu'ils soient complétement d'accord sur le fond, on retrouve dans la forme, qu'ils ont adoptée, l'empreinte de leurs génies si dissemblables. L'un plus préoccupé des lois de l'univers que de celles de l'esprit humain, semble voir surtout dans les nouvelles méthodes l'instrument de ses efforts pour pénétrer la nature et leur assignant un but plus élevé en a mieux montré toute la portée. L'autre, qui mettait sa gloire à perfectionner l'art d'inventer, a plus nettement marqué la route et nous suivons encore aujourd'hui les traces lumineuses, qu'il a laissées.

нія. Впрочемъ, полное единогласіе въ этомъ вопросѣ не можетъ быть достигнуто, такъ какъ тутъ играютъ слишкомъ большую роль патріотическое чувство и національная раздражительность. Англійскіе ученые всегда будутъ обращать особенное вниманіе на то, что Ньютонъ былъ первымъ изобрѣтателемъ; нѣмецкіе ученые будутъ выставлять на первый планъ существенное различіе между обоими изобрѣтеніями и самостоятельность изслѣдованій Лейбница.

Мы охотно покончили бы на этомъ нашъ разказъ о соперничествѣ, возникшемъ между знаменитѣйшими математиками Англіи и Германіи, но къ сожалѣнію, мы должны еще коснуться той роли, которую они сами играли въ этомъ спорѣ.

Лейбницъ сначала не имѣлъ намѣренія обнародовать свое изобрѣтеніе, можетъ-быть, потому что считалъ свой трудъ еще не вполнѣ оконченнымъ и не имѣлъ времени заняться имъ; но въ 1682 году Чирнгаусъ, его товарищъ по занятіямъ въ Парижѣ, желая получить мѣсто въ академіи, напечаталъ подъ своимъ именемъ нѣсколько изслѣдованій, сдѣланныхъ имъ вмѣстѣ съ Лейбницемъ. Это послужило поводомъ къ ссорѣ между друзьями и заставило Лейбница въ 1684 году напечатать въ Лейпцигскомъ журналѣ *Acta Eruditorum* статью, въ которой въ первый разъ было изложено дифференціальное исчисленіе. Ньютонъ не протестовалъ противъ этого. Въ 1687 году онъ издалъ свое знаменитое сочиненіе: Philosophiae Naturalis Principia Mathematica, часть результатовъ котораго была достигнута имъ съ помощью изобрѣтенной имъ теоріи *флюксій*, соотвѣтствующей дифференціальному исчисленію. Но и при этомъ случаѣ онъ не объяснилъ своего метода, и только въ одномъ примѣчаніи замѣтилъ, что въ 1676 году онъ письменно сообщилъ Лейбницу, что открылъ новый методъ, съ помощью котораго можно достигнуть такихъ-то результатовъ; формулу метода онъ скрылъ подъ анаграммой. На это Лейбницъ ему отвѣтилъ, что онъ открылъ подобный же методъ. „Этотъ методъ, продолжаетъ Ньютонъ, почти вовсе не отличался отъ моего, за исключеніемъ формулъ, словъ и знаковъ". Интересно то, что во второмъ изданіи этого сочиненія, которое было напечатано въ 1710 году Котсомъ[1]) (Cotes), ученикомъ Ньютона, при чемъ послѣдній, съ согласія Ньютона, сдѣлалъ важныя поправки и измѣненія, къ вышеприведенному мѣсту была прибавлена вставка: что различіе между методами Ньютона и Лейбница основано кромѣ того на *способѣ возникновенія*

---

[1]) Та часть изданія, въ которой находится вставка, была напечатана еще въ 1710 году, хотя все изданіе появилось только въ 1713 году. См. Cantor p. 135.

величинъ. Въ этихъ словахъ была указана вся важность и сущность различія. Въ 3-мъ же изданіи, появившемся послѣ смерти Котса и Лейбница въ 1726 и послѣ разгара страстей, возбужденныхъ споромъ, эта вставка опять была опущена. Въ этомъ примѣчаніи уже заключалось косвенное, хотя, можетъ-быть, не намѣренное обвиненіе Лейбница. Вскорѣ оно было прямо высказано друзьями и приверженцами Ньютона. Въ предисловіи къ сочиненію англійскаго математика Валлиса, появившемуся въ 1695 году, было сказано, что Ньютонова теорія флюксій подобна дифференціальному исчисленію Лейбница и что Ньютонъ сообщилъ ему свой методъ въ двухъ письмахъ, написанныхъ въ 1676 году. Этотъ намекъ вызвалъ со стороны Лейбница возраженіе въ анонимной рецензіи книги Валлиса, что авторъ ея, къ сожалѣнію, слишкомъ мало знакомъ съ трудами нѣмецкихъ ученыхъ. Несравненно оскорбительнѣе для Лейбница было обвиненіе, выставленное противъ него швейцарскимъ ученымъ Фатіо изъ Дюиллье въ особомъ памфлетѣ, появившемся въ 1699 году. Этотъ Фатіо былъ очень способный, но чрезвычайно тщеславный человѣкъ; онъ жилъ въ Англіи и сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе Ньютона, Гугенса и многихъ другихъ современниковъ и внушить имъ преувеличенное мнѣніе о своихъ способностяхъ. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ Лейбницемъ, который не хотѣлъ помѣняться съ нимъ своими математическими изслѣдованіями и не упомянулъ о немъ въ одной статьѣ, въ которой онъ назвалъ по имени знаменитѣйшихъ математиковъ своего времени. Фатіо искалъ случая, чтобъ отомстить Лейбницу. Въ своемъ памфлетѣ онъ прямо высказалъ, что Ньютонъ — первый изобрѣтатель новыхъ методовъ въ высшемъ анализѣ; заимствовалъ ли что-нибудь отъ него Лейбницъ, второй изобрѣтатель, этого онъ не берется рѣшить, но предоставляетъ это людямъ, которымъ удастся увидѣть письма и бумаги Ньютона. Въ своемъ возраженіи Лейбницъ оспариваетъ у Фатіо право говорить отъ имени Ньютона, который всегда оказывалъ ему, Лейбницу, уваженіе и довѣріе, ссылается на примѣчаніе въ сочиненіи Ньютона и доказываетъ, что онъ только изъ сочиненія Валлиса узналъ значеніе метода, изобрѣтеннаго Ньютономъ.

Въ 1705 году Ньютонъ издалъ свои оптическія сочиненія, въ которыхъ находилась статья о квадратурѣ кривыхъ линій. Во введеніи къ этой статьѣ Ньютонъ обсуждаетъ методъ Лейбница и относится къ нему полемически; онъ говоритъ, что вовсе не нужно вводить въ геометрію безконечно-малыхъ величинъ, что въ математикѣ не слѣдуетъ допускать ни малѣйшихъ неточностей.

Лейбницъ напечаталъ въ *Acta Eruditorum* анонимную рецензію на это сочиненіе, въ которой, между прочимъ, сказано, „что дифференціальное и интегральное исчисленіе изобрѣтено Лейбницемъ. Вмѣсто дифференціаловъ Ньютонъ примѣняетъ и прежде всегда примѣнялъ теорію флюксій, подобно тому, какъ Фабри замѣнилъ методъ Кавалери“. Эти слова должны были оскорбить Ньютона, такъ какъ измѣненіе, сдѣланное Фабри въ методѣ Кавалери, было не существенное, и Фабри не могъ считаться оригинальнымъ изобрѣтателемъ.

За Ньютона вступился шотландскій математикъ Кейль. Въ 1708 году онъ напечаталъ въ журналѣ Лондонскаго Королевскаго Общества статью, въ которой прямо назвалъ Ньютона первымъ изобрѣтателемъ и заявилъ, что Лейбницъ въ послѣдствіи измѣнилъ названіе метода и способъ обозначенія. Секретарь общества только въ 1710 году выслалъ этотъ томъ Лейбницу, какъ члену общества; но такъ какъ Лейбница въ это время не было въ Ганноверѣ, то онъ получилъ его только въ 1711 году. Лейбницъ тотчасъ протестовалъ и потребовалъ, чтобъ общество заставило Кейля взять назадъ его обвиненіе. Кейль отвѣтилъ еще болѣе рѣзкимъ письмомъ, адресованнымъ въ королевское общество; здѣсь онъ, между прочимъ, прямо говоритъ, что Лейбницъ довольно богатъ собственными трудами, такъ что ему не нужно увеличивать свое богатство ограбленіемъ другихъ. Лейбницу переслали это письмо, и онъ въ своемъ отвѣтѣ выразилъ, что въ его лѣтахъ и положеніи отъ него нельзя ожидать, чтобъ онъ защищался противъ такого новичка, какъ Кейль. Тогда послѣдній потребовалъ отъ общества, чтобъ оно назначило коммиссію для изслѣдованія переписки Коллинса и другихъ бумагъ, хранившихся въ архивѣ общества. Въ коммиссію были выбраны 6 членовъ общества, преданныхъ Ньютону, и между ними астрономъ Галлей, другъ Ньютона[1]). Потомъ къ нимъ были присоединены еще нѣсколько лицъ и между прочимъ прусскій посолъ Бонетъ, который едва-ли былъ въ состояніи судить о сущности дѣла. Общество, выслушавъ докладъ коммиссіи, постановило напечатать его отъ своего имени. Докладъ заключалъ въ себѣ слѣдующія чрезвычайно оскорбительныя для Лейбница обвиненія: 1) Лейбницъ состоялъ въ 1673—1676 годахъ въ перепискѣ съ Коллинсомъ, а Коллинсъ чрезвычайно щедро сообщалъ другимъ ученымъ то, что

[1]) Brewster — Memoirs on the Life и т. д. p. 48: The committee consisted entirely of Newton's friends; and several of them, though qualified to attest the genuineness of the documents in the report, were not fitted by their mathematical acquirements to give an opinion on the subject.

зналъ о трудахъ Ньютона. 2) Еще во время перваго своего пребыванія въ Лондонѣ, Лейбницъ сдѣлалъ попытку присвоить себѣ дифференціальный методъ Мутона. 3) Ньютонъ еще до 1669 года изобрѣлъ теорію флюксій. 4) Дифференціальное исчисленіе отличается отъ теоріи флюксій только названіемъ и знаками; они не представляютъ двухъ различныхъ методовъ, а одинъ и тотъ же, изобрѣтателемъ котораго былъ Ньютонъ: слѣдовательно, Кейль былъ правъ во всемъ, что онъ высказалъ объ этомъ дѣлѣ.

Экземпляры этого доклада были разосланы только приверженцамъ Ньютона. По прошествіи цѣлаго года (1713) Лейбницъ получилъ одинъ экземпляръ черезъ своего послѣдователя и друга, извѣстнаго математика Іог. Бернулли. Послѣдній вмѣстѣ съ этимъ прислалъ ему письмо, въ которомъ онъ принимаетъ его сторону и высказываетъ убѣжденіе, что Ньютонъ и послѣ обнародованія дифференціальнаго исчисленія не вполнѣ овладѣлъ новымъ методомъ. Бернулли позволяетъ Лейбницу воспользоваться этимъ письмомъ, но проситъ не компрометтировать его относительно Ньютона и его соотечественниковъ.

Лейбницъ былъ чрезвычайно взволнованъ. Онъ напечаталъ письмо Бернулли, не называя автора и обозначая его только выраженіемъ: „одинъ знаменитый математикъ“, но нарочно ли или случайно въ письмѣ было сохранено одно выраженіе, по которому легко можно было догадаться, кто его авторъ. Письмо было издано съ примѣчаніями, въ которыхъ обвиненіе въ плагіатѣ возвращается Ньютону. Есть основаніе думать, что Лейбницъ самъ составилъ эти примѣчанія, хотя онъ въ письмѣ къ графу Ботмеру отказывается отъ авторства и приписываетъ ихъ одному изъ своихъ друзей. Черезъ нѣсколько времени онъ напечаталъ письмо Бернулли въ одной голландской газетѣ, съ обозначеніемъ его имени, хотя онъ ему обѣщалъ прежде не называть его. Узнавъ объ этомъ, Бернулли отрекся отъ своего письма. Печатно и въ частныхъ письмахъ онъ сталъ увѣрять Ньютона и его приверженцевъ, что не онъ авторъ письма и употреблять всевозможныя средства, лесть и самоуниженіе, чтобы задобрить Ньютона и возвратить его расположеніе. Вообще во всемъ этомъ дѣлѣ этотъ замѣчательный математикъ выказалъ крайнюю нравственную слабость и ничтожество характера и этимъ очень повредилъ Лейбницу. Поразителенъ контрастъ между поведеніемъ приверженцевъ Ньютона, которые заступались за него смѣло и запальчиво, и поклонниками Лейбница, которые, за исключеніемъ Вольфа, были или равнодушны или слишкомъ заботились о томъ, чтобы не компрометтировать самихъ

себя. Споръ между Лейбницемъ и Ньютономъ принималъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ.

Нѣкоторые изъ современниковъ пытались положить конецъ ему: сначала за это взялся англійскій ученый Чемберленъ, который былъ въ перепискѣ съ Ньютономъ и Лейбницемъ; но его попытка была весьма неудачна. Лейбницъ въ письмѣ къ нему выразился, что онъ имѣетъ основанія сомнѣваться, зналъ ли Ньютонъ новый методъ, прежде чѣмъ онъ его обнародовалъ. Чемберленъ переслалъ это письмо къ Ньютону, который отвѣтилъ, что онъ не оскорблялъ Лейбница, но что онъ не можетъ взять назадъ того, что онъ считаетъ справедливымъ; наконецъ, что Лейбницъ не имѣетъ никакого права жаловаться на докладъ коммиссіи; этимъ онъ прямо обвинилъ Лейбница въ плагіатѣ. Лейбницъ отвѣтилъ изъ Вѣны, что онъ признаетъ письмо Ньютона какъ бы не написаннымъ, что по возвращеніи въ Ганноверъ пересмотритъ свои бумаги и также издастъ сборникъ писемъ, которыя послужатъ поясненіемъ для исторіи науки. Вскорѣ послѣ того, Венеціанскій аббатъ Конти, который давно былъ въ перепискѣ съ Лейбницемъ и въ это время находился въ Англіи, вызвался быть посредникомъ между враждующими. Споръ, начавшійся въ самой отвлеченной области математики, сдѣлался предметомъ всеобщаго интереса и получилъ отчасти политическій характеръ. На англійскій престолъ взошла Ганноверская династія, и королемъ Англіи съ 1714 года сталъ Георгъ, курфирстъ Ганноверскій, выросшій на глазахъ Лейбница. Вся свита короля, прибывшая съ нимъ изъ Ганновера, близко знала Лейбница и привыкла уважать его какъ геніальнаго философа и ученаго. Дворъ раздѣлился на партіи. Недовѣріе и недоброжелательство между англійскими и ганноверскими придворными отразилось на спорѣ между учеными, представителями обѣихъ націй. По желанію Ньютона, Конти пригласилъ въ засѣданіе общества нѣкоторыхъ иностранныхъ пословъ и придворныхъ, чтобъ они могли разсмотрѣть бумаги, служившія документами въ спорѣ. Ганноверскій обершталмейстеръ, баронъ фонъ-Кильмансегге заявилъ, что этого недостаточно и что лучше всего попросить Ньютона написать письмо къ Лейбницу и такимъ образомъ разъяснить дѣло. Всѣ присутствовавшіе согласились съ нимъ, и король, которому объ этомъ донесли въ тотъ же день, также одобрилъ это.

Можно было бы подумать, что король, который въ продолженіе всего царствованія своего оставался Ганноверцемъ въ душѣ, будетъ пристрастенъ къ Лейбницу, но это было бы несправедливо. Георгу I приписываютъ по поводу этого спора слова, достойныя короля: „Я

счастливъ, что у меня два государства, изъ которыхъ въ одномъ я могу назвать своимъ подданнымъ Ньютона, а въ другомъ Лейбница". Но на самомъ дѣлѣ онъ, несмотря на свой ганноверскій патріотизмъ, былъ не расположенъ къ Лейбницу. Какъ это часто бываетъ, наслѣдникъ престола не любилъ друга и долголѣтняго совѣтника своихъ родителей, а королю Георгу пришлось долго быть наслѣдникомъ престола.

Письмо Ньютона не могло достигнуть своей цѣли; оно было написано строгимъ и рѣзкимъ тономъ, и въ немъ не высказывается ни малѣйшаго желанія достигнуть примиренія. Ньютонъ защищается противъ подозрѣнія, что онъ заимствовалъ что-либо у Лейбница, называетъ Лейбница зачинщикомъ спора (aggressor) и требуетъ отъ него, чтобъ онъ доказалъ свое обвиненіе, если не хочетъ быть признанъ за клеветника. Ньютонъ былъ правъ; но онъ выказалъ при этомъ слишкомъ много жесткости и мстительности. Такъ какъ онъ находился въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи чѣмъ Лейбницъ, то ему было легко пощадить самолюбіе послѣдняго, признать за нимъ нѣкоторыя права на новое изобрѣтеніе и этою справедливою уступкой покончить споръ. Въ своемъ письмѣ Ньютонъ, кромѣ того, строго критикуетъ философскую систему Лейбница; онъ называетъ его „*предустановленную гармонію*" чудомъ и говоритъ, что оно противорѣчитъ опыту.

Ньютонъ и въ этомъ отношеніи былъ правъ, такъ какъ Лейбницъ не разъ печатно нападалъ на его теорію *протяженія*, и еще въ послѣднемъ письмѣ къ Конти упрекалъ Ньютона въ томъ, что онъ своею теоріей воскресилъ схоластическія понятія, критиковалъ его философію и назвалъ вообще англійскую метафизику узкою (bornée), а математику *поверхностною*.

Письмо Ньютона было переведено на французскій языкъ баронессой фонъ-Кильмансегге [1]), которая была въ перепискѣ съ Лейбницемъ.

---

[1]) Эта баронесса, извѣстная въ англійской исторіи подъ именемъ графини Дарлингтонъ, была одной изъ метрессъ короля Георга I. Она была дочерью графини Платенъ, бывшей въ связи съ курфирстомъ Эрнстомъ-Августомъ, и какъ говорятъ, отцомъ ея былъ этотъ курфирстъ. Она, по отзыву всѣхъ своихъ современниковъ, была очень умная женщина. Злая маркграфиня Байрейтская, сестра Фридриха Великаго, говоритъ объ ней въ своихъ мемуарахъ: On peut dire d'elle avec vérité, qu'elle avait de l'esprit, comme un diable, car il était entièrement tourné au mal. Elle était vicieuse, intrigante et ambitieuse. Англичане ее не любили, равно какъ и ея соперницу, герцогиню Кендаль. Вальполь въ своихъ мемуарахъ описываетъ ея наружность не совсѣмъ лестнымъ для нея образомъ и глумится надъ ея полнотою.

Самъ король читалъ письмо Ньютона и объявилъ, что доводы его очень ясны и просты и что трудно будетъ возражать противъ фактовъ. Въ своемъ отвѣтѣ Лейбницъ отрицаетъ, что онъ былъ зачинщикомъ и что онъ обвинялъ Ньютона въ плагіатѣ, и доказываетъ, что его философскія идеи искажены Ньютономъ. Споръ былъ перенесенъ изъ области математики въ область философіи.

Въ письмѣ къ принцессѣ Вельской, которая въ то время уже находилась въ Англіи, Лейбницъ подвергнулъ строгой критикѣ господствовавшее въ Англіи философское направленіе. Каролина, жена принца Вельскаго, сдѣлавшагося въ 1727 году Англійскимъ королемъ подъ именемъ Георга II, принадлежала къ числу замѣчательныхъ женщинъ XVII и XVIII вѣковъ, которыя среди заботъ и удовольствій придворной жизни сохраняли живой интересъ къ наукѣ и къ философіи. Со времени своего замужества въ 1705 году она жила въ Ганноверѣ въ близкой дружбѣ съ курфирстыней Софіей, покровительницей Лейбница, и часто слушала ихъ бесѣды. Въ Англіи она искала убѣжища отъ грубыхъ выходокъ своего тестя и мужа въ кружкѣ умныхъ и образованныхъ людей, къ которымъ принадлежали, между прочимъ, Попъ, Честерфильдъ и леди Монтегю. Съ большею вѣроятностью, чѣмъ ея тестю Георгу I, ей приписываютъ вышеприведенныя нами слова: „Лучшее царство въ мірѣ то, которое считаетъ между своими подданными Лейбница и Ньютона“.

Лейбницъ, конечно, долженъ былъ дорожить мнѣніемъ такого лица: можетъ-быть, тутъ была замѣшана маленькая ревность къ его ученицѣ, и онъ боялся, что она подчинится вліянію враждебной ему философіи. Въ своемъ письмѣ къ принцессѣ онъ обвинилъ англійскую философію въ томъ, что она ведетъ къ матеріализму. Онъ говоритъ, что какъ ему кажется, въ Англіи религіозное чувство (religion naturelle) быстро слабѣетъ; многіе полагаютъ, что человѣческая душа состоитъ изъ матеріи; другіе представляютъ себѣ самого Бога матеріальнымъ существомъ (être corporel). По крайней мѣрѣ Локъ и его послѣдователи допускаютъ возможность, что душа человѣка матеріальнаго свойства и поэтому по своей природѣ разрушима. Ньютонъ утверждаетъ, что пространство есть *óрганъ*, которымъ Богъ ощущаетъ предметы міра: изъ этого бы слѣдовало, что они не зависятъ отъ Него и не созданы Имъ. Ньютонъ и его послѣдователи имѣютъ также чрезвычайно странное понятіе о мірозданіи. Согласно съ ихъ представленіемъ, міръ подобенъ *часамъ*, которые мастеръ долженъ заводить отъ времени до времени, для того чтобы не остановились. Какъ

будто бы Творецъ не могъ съ самого начала придать Своему творенію вѣчное движеніе. По мнѣнію этихъ господъ, міръ такая несовершенная машина, что Творецъ принужденъ даже отъ времени до времени *чинить* ее посредствомъ особеннаго прямаго вмѣшательства въ ея ходъ, подобно тому, какъ мастеръ чинитъ свои часы, когда они испорчены. „По моему же представленію, говоритъ Лейбницъ, однѣ и тѣ же *силы* всегда остаются въ мірѣ и только переходятъ отъ одной частички матеріи къ другой согласно съ законами природы и съ чуднымъ *предустановленнымъ порядкомъ*. И я полагаю, что если Богъ творитъ чудеса, то не для того, чтобы восполнять недостатки въ царствѣ природы, но для того чтобъ осуществить царство благодати. Всякій, кто думаетъ иначе, имѣетъ очень недостойное понятіе о премудрости и могуществѣ Бога“.

Письмо Лейбница ходило по рукамъ и обратило на себя всеобщее вниманіе при дворѣ. Король пожелалъ, чтобы Ньютонъ оправдался противъ упрековъ Лейбница. Защиту Ньютона взялъ на себя англійскій философъ Клеркъ, который пользовался при этомъ указаніями и совѣтами самого Ньютона. Между Клеркомъ и Лейбницемъ возникла по этому поводу полемическая переписка, чрезвычайно интересная для исторіи философіи. На четыре письма Клерка Лейбницъ прислалъ свои возраженія; пятое письмо не застало его въ живыхъ [1]. Лейбницъ былъ совершенно правъ въ своей полемикѣ противъ англійской философіи. Эмпирическій методъ Лока въ психологіи и философіи былъ важнымъ успѣхомъ въ наукѣ и залогомъ блестящаго развитія ея, но онъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ матеріализмъ и сенсуализмъ XVIII вѣка. То же самое можно сказать относительно Ньютона. Ньютонъ, правда, не занимался спеціально философіей и не создалъ оригинальной философской системы; но онъ выставилъ нѣсколько гипотезъ въ метафизикѣ, напримѣръ, о пространствѣ, и во всѣхъ своихъ научныхъ сочиненіяхъ проводилъ извѣстный взглядъ, который могъ сдѣлаться основаніемъ опредѣленной философской системы. Принципъ этой философіи былъ механизмъ — механическое представленіе о мірѣ, о силахъ природы и о человѣкѣ. Великая заслуга XVII вѣка заключается въ томъ, что онъ освободилъ область математическихъ наукъ отъ фантастическихъ представленій болѣе наивнаго періода и выяснилъ строгій методъ, безъ котораго эти науки не могли достигнуть настоящаго

[1]) Recueil de Lettres entre Leibniz et Clarke sur Dieu, l'Ame, l'Espace, la Durée etc. Leib. Opera Phil. ed. Erdmann p. 746.

развитія. Въ изслѣдованіи явленій стали отыскивать только *причину*, старались съ математическою точностью опредѣлить *законъ*, по которому эта причина дѣйствовала, но устраняли при этомъ всѣ догадки о *цѣли* явленія, всѣ соображенія, заимствованныя изъ другаго порядка идей. Это *одностороннее* направленіе сдѣлало XVII вѣкъ особенно способнымъ къ развитію математическихъ наукъ и дало ему возможность достигнуть тѣхъ изумительныхъ результатовъ въ астрономіи, математикѣ и физикѣ, которые глубоко видоизмѣнили все міросозерцаніе европейскаго человѣка. Но это направленіе вѣка, именно вслѣдствіе своей односторонности, влекло за собой большія неудобства. *Причинность* или изслѣдованіе явленій только со стороны отношенія ихъ какъ причины и слѣдствія есть принципъ механизма, и этотъ принципъ, оказавшійся столь плодотворнымъ въ одной области науки, былъ примѣненъ и приложенъ ко всѣмъ остальнымъ. Личность Ньютона является самымъ полнымъ выраженіемъ этого стремленія вѣка; оттого онъ опередилъ всѣхъ своихъ современниковъ многочисленностью и величіемъ своихъ открытій, но оттого и всѣ представленія его о природѣ и мірѣ носятъ на себѣ особенно явно характеръ механизма. Лейбницъ совершенно вѣрно уподобилъ взглядъ Ньютона на міръ представленію о часахъ, о машинѣ, которая дѣйствуетъ по механическимъ законамъ. Лейбницъ по своей природѣ не могъ отдаться одностороннему направленію; оттого онъ, несмотря на свои блестящія способности къ математическимъ наукамъ, сдѣлалъ менѣе открытій въ нихъ, чѣмъ можно было ожидать отъ него. Онъ былъ философъ, то-есть, всегда имѣлъ въ виду цѣлое, и изъ-за явленій никогда не терялъ изъ вида идеи. Занимаясь нравственными науками, онъ убѣдился въ недостаточности механическаго метода. Принципъ его философіи природы и философіи духа былъ индивидуализмъ, и его міросозерцаніе, его представленіе о взаимнодѣйствіи безчисленныхъ индивидуальныхъ силъ въ природѣ былъ прямою противоположностью механическому представленію Ньютона. Намъ, въ XIX вѣкѣ, совершенно понятно пренебреженіе, съ которымъ долженъ былъ относиться Ньютонъ къ метафизикѣ Лейбница, для него непостижимой и излишней; но намъ точно также понятно негодованіе, которое должно было внушать тонкой натурѣ Лейбница механическое міросозерцаніе англійскихъ эмпириковъ. Если природа человѣка такъ устроена, что она можетъ достигнуть великихъ результатовъ только одностороннимъ напряженіемъ своихъ силъ, то въ замѣнъ ему дана способность безпристрастно относиться къ зрѣлищу противоположныхъ

стремленій въ наукѣ и исторіи и одинаково цѣнить все, что вытекало изъ искренняго побужденія доискаться истины [1]).

Возвращаясь изъ Англіи, Лейбницъ свернулъ съ прямой дороги, чтобы заѣхать въ Гагу и лично познакомиться съ Спинозой. Мы видѣли, что Лейбницъ еще въ Майнцѣ заискивалъ знакомства съ Спинозой. Онъ извѣстилъ его о своихъ занятіяхъ оптикой и просилъ Спинозу познакомить его съ своей философіей. Но Спиноза не довѣрялъ ему и боялся сближенія: „Я знаю этого Лейбница, о которомъ ты мнѣ говоришь“, пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. „Я получалъ отъ него письма, но я не знаю, почему онъ оставилъ Майнцъ, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто совѣтника, и отправился во Францію. Онъ мнѣ показался человѣкомъ благороднымъ, гуманнымъ и дѣйствительно ученымъ. Но я считалъ неосторожнымъ довѣрить ему такъ скоро мои сочиненія. Мнѣ хотѣлось бы прежде знать, что онъ дѣлалъ во Франціи“. Спиноза до этого времени издалъ два изъ своихъ сочиненій: „Изложеніе Декартовой философіи по геометрическому способу“ и свой „Богословско-политическій трактатъ“, основная идея котораго состоитъ въ томъ, что свобода мысли не только совмѣстна съ общественнымъ спокойствіемъ и религіозностью, но и необходима для ихъ поддержанія. Несмотря, однако, на эту сдержанность, Спиноза успѣлъ уже обратить на себя вниманіе своихъ современниковъ и навлекъ на себя ненависть и гоненія, хотя жилъ въ Голландской республикѣ, самомъ либеральномъ изъ тогдашнихъ государствъ. Его единовѣрцы съ проклятіемъ изгнали его изъ своей среды, подсылали убійцъ противъ него и упрашивали правительство подвергнуть его полицейскому преслѣдованію какъ преступника. Христіане всѣхъ исповѣданій провозгласили

---

[1]) Мы съ удовольствіемъ пользуемся случаемъ, чтобъ указать читателю на умный и отлично написанный эскизъ *Снелля*—Newton und die Mechanische Naturwissenschaft. Lpz. 1858. 2-te Aufl., въ которомъ авторъ старался охарактеризовать Ньютона и науку его времени. Заключительныя слова, которыми онъ описываетъ стремленіе вѣка, могутъ быть особенно примѣнены къ Ньютону и Лейбницу и характеризуютъ ихъ противоположныя стремленія: Die allgemeine und wesentliche Eigenthümlichkeit jener Zeit besteht darin, dass die Geister, ohne von den tieferen Problemen, die concreten und individuellen Gestaltungen des Lebens und der Geschichte in ihrer philosophischen Nothwendigkeit zu begreifen, beunruhigt und bedrängt zu sein, in einem reinen Aether des abstracten Verstandes lebten, und auf dies eine Gebiet beschränkt, wenigstens in der Naturwissenschaft und Philosophie uns abgeschlossene plastisch vollendete Gestalten der Wissenschaft hinterlassen haben, an denen wir uns immer, nach dieser Richtung des Geistes hin, werden erziehen und heraufbilden müssen.

его атеистомъ и съ ужасомъ и отвращеніемъ избѣгали его, какъ врага человѣческаго рода. „Онъ носилъ на своемъ челѣ печать отверженія“, сказалъ самый *безпристрастный* изъ его современныхъ біографовъ. Долго господствовало это предубѣжденіе противъ Спинозы и его ученія. Только философія XIX вѣка смягчила этотъ приговоръ и истолковала печать отверженія, которую современники усматривали на челѣ Спинозы. „Эта суровая черта глубокаго мыслителя, говоритъ Гегель, правда, признакъ отверженія, но только не страдательнаго, а дѣйствительнаго: ибо то философъ, который отвергаетъ заблужденія и безсмысленныя страсти людей“.

Спиноза—одна изъ тѣхъ благородныхъ личностей исторіи, въ которыхъ вполнѣ олицетворилось истинное человѣческое достоинство. Это типъ мудреца, характеръ и вся жизнь котораго соотвѣтствуютъ его ученію и могутъ служить ему объясненіемъ и подтвержденіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ большое сходство съ Сократомъ. Постоянно подвергавшійся самой ожесточенной ненависти и безразсудному глумленію, онъ никогда не зналъ злобы. Съ спокойною улыбкой смотрѣлъ онъ на страсти людей какъ на естественныя явленія природы, какъ на бурю и дождь, на холодъ и зной. Въ обращеніи съ людьми онъ былъ всегда кротокъ и ровенъ, доступенъ и привѣтливъ. Онъ былъ не взыскателенъ въ жизни и въ высшей степени безкорыстенъ. Трудомъ своихъ рукъ, шлифованіемъ оптическихъ стеколъ, онъ доставлялъ себѣ дневное пропитаніе и часть ночи посвящалъ своимъ философскимъ занятіямъ. Онъ иногда цѣлые мѣсяцы не выходилъ изъ дома. Хотя онъ страдалъ въ теченіе 20-ти лѣтъ изнурительною болѣзнію, онъ не хотѣлъ измѣнить этого образа жизни и воспользоваться помощью своихъ друзей. Онъ уступилъ своимъ жаднымъ сестрамъ отцовское наслѣдство, на которое онѣ не имѣли права, и отказался отъ значительнаго состоянія, которое хотѣлъ завѣщать ему одинъ изъ его друзей. Онъ убѣдилъ его завѣщать состояніе брату и уменьшилъ назначенную ему ежегодную пенсію съ 500 на 300 гульденовъ. Онъ даже не могъ искать себѣ вознагражденія въ славѣ; ибо нетерпимость его вѣка не дозволяла ему при жизни обнародовать свои сочиненія. Но несмотря на эти высоконравственныя свойства, Спиноза не сдѣлался, подобно Сократу, идеаломъ мудреца. Главная причина этого заключается въ характерѣ его ученія. Его суровый пантеизмъ, который уничтожалъ всякую индивидуальную жизнь, обдавалъ ужасомъ его современниковъ и казался имъ мертвящимъ атеизмомъ. Его спокойное, почти безучастное, отношеніе къ человѣческимъ порокамъ и

страстямъ было непонятно для большинства и казалось ему преступнымъ равнодушіемъ къ злу и къ добру. Только поэтическій талантъ Шеллинга и философское пониманіе природы Гёте въ наше время могли одушевить это суровое ученіе и указать его поэтическую сторону.

Свиданіе Спинозы, доживавшаго послѣдній годъ своей жизни, съ молодымъ Лейбницемъ, которому было суждено сдѣлаться основателемъ философской системы, прямо противоположной его пантеизму, для насъ въ высшей степени интересно. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ объ немъ только отрывочныя свѣдѣнія. Въ своей Теодицеѣ Лейбницъ упоминаетъ о Спинозѣ и говоритъ, что слышалъ отъ него нѣсколько интересныхъ разказовъ (bonnes anecdotes) о современныхъ событіяхъ. Въ одной замѣткѣ, недавно найденной [1]) между бумагами Лейбница, онъ говоритъ подробнѣе о своемъ свиданіи съ Спинозою. „Я провелъ съ нимъ послѣ обѣда нѣсколько часовъ; онъ разказывалъ мнѣ, между прочимъ, что въ день убіенія братьевъ де-Витъ онъ собирался выйдти ночью и прибить около того мѣста, гдѣ совершено было убійство, надпись: ultimi barbarorum (послѣдніе варвары). Но его хозяинъ заперъ дверь и не выпустилъ его, потому что онъ въ этомъ случаѣ подвергнулъ бы себя опасности быть разорвану разъяреннымъ народомъ“. Этотъ маленькій разказъ прибавляетъ новую, интересную черту къ характеристикѣ Спинозы, о которомъ мы имѣемъ такъ мало извѣстій, не искаженныхъ слѣпою страстью. Мы видимъ изъ него, что философъ, который въ своей этикѣ смотрѣлъ на пороки и преступленія людей какъ на естественныя явленія, порожденныя неизбѣжною необходимостью, на дѣлѣ не всегда оставался невозмутимымъ зрителемъ и даже рисковалъ своею жизнью въ справедливомъ негодованіи на безсмысленное преступленіе.

Потомъ мы застаемъ обоихъ философовъ въ серіозномъ разговорѣ. Лейбницъ объясняетъ Спинозѣ ошибочность законовъ движенія, установленныхъ Декартомъ. Какъ извѣстно, ошибочность этихъ законовъ побудила Лейбница отвергнуть вмѣстѣ съ ними самый принципъ Декартовой философіи и замѣнить его новымъ. Спиноза былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Декарта въ его математическихъ теоріяхъ, и вся его собственная система основывалась на картезіанскихъ принципахъ. Онъ поэтому былъ весьма удивленъ, когда молодой его собесѣдникъ математически доказалъ ему ошибочность одного изъ главныхъ основаній картезіанизма.

---

[1]) Foucher de Careil — Leibniz, Descartes et Spinoza. 1863, p. 74.

Это свиданіе и эта интимная бесѣда двухъ философовъ, вѣроятно, повлекла бы за собой переписку между ними, и можетъ-быть, не осталась бы безъ вліянія на ихъ убѣжденія, если бы смерть Спинозы, послѣдовавшая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, не прервала ихъ личныхъ отношеній. Но за то вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ философскихъ системъ постоянно занималъ науку и долгое время разрѣшался чрезвычайно неудовлетворительно. Въ прошломъ вѣкѣ Спинозѣ приписывали преувеличенное вліяніе на Лейбница и обращали больше вниманія на общія стороны ихъ системъ, чѣмъ на существенное ихъ различіе. Можетъ-быть, тутъ участвовало, по крайней мѣрѣ, у Лессинга, желаніе возстановить такимъ образомъ память Спинозы и защитить его популярностью Лейбница. Но и Якоби, противникъ Спинозы и Лессинга, былъ въ этомъ отношеніи совершенно согласенъ съ послѣднимъ, такъ что, напримѣръ, Мендельсонъ, другъ Лессинга и поклонникъ Спинозы, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе относительно обоихъ. Раціонализмъ XVIII вѣка не умѣлъ отличить пантеизмъ Спинозы и индивидуалистическую философію Лейбница. И въ нашемъ еще вѣкѣ нерѣдко повторялось старое недоразумѣніе. Одинъ изъ біографовъ Спинозы, Сентъ (Saintes) [1], прямо высказалъ обвиненіе, что Лейбницъ изъ тщеславія и изъ уступчивости предразсудкамъ своего вѣка постоянно полемизировалъ съ Спинозою и умалчивалъ о томъ, что̀ онъ самъ у него заимствовалъ. Еще недавно Эрдманъ, издатель сочиненій Лейбница и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ его философіи, доказывалъ вліяніе, которое Спиноза имѣлъ на Лейбница, при чемъ ему случилось сдѣлать странный промахъ. Въ доказательство этого вліянія онъ приводилъ небольшой отрывокъ Лейбница De Vita Beata, имъ впервые изданный, въ которомъ находились нѣкоторыя выраженія, взятыя изъ этики Спинозы. Но потомъ оказалось, что эти мѣста буквально заимствованы и Лейбницемъ, и Спинозою, изъ общаго источника — Декарта.

Въ настоящее время вопросъ объ отношеніяхъ Лейбница къ Спинозѣ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно, благодаря стараніямъ Фуше де-Кареля [2]), который особенно имъ занимался и въ Ганновер-

---

[1]) См. *Helfferich* — Spinosa und Leibniz. 1846, p. 100. Авторъ этой книги довольно поверхностно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніяхъ двухъ философовъ и только проводитъ довольно парадоксальную мысль, что Спиноза былъ идеалистомъ, а Лейбницъ реалистомъ.

[2]) Foucher de Careil — Leibniz, Descartes et Spinosa. Paris. 1863. Idem — Leibniz. La Philosophie Juive et la Cabale. P. 1861.

скомъ архивѣ отыскалъ различныя рукописныя замѣтки Лейбница, объясняющія его взглядъ на Спинозу. Лейбницъ изучалъ сочиненія Спинозы также добросовѣстно и серіозно, какъ всѣ замѣчательныя произведенія своего вѣка. Всѣ изданія Спинозы, находившіяся въ библіотекѣ Лейбница, покрыты примѣчаніями и замѣтками. Главное сочиненіе Спинозы, его Этика, подвергнуто Лейбницемъ серіозному критическому разбору; шагъ за шагомъ онъ анализируетъ или опровергаетъ отдѣльныя положенія Спинозы. Наконецъ, между рукописями Лейбница найдено множество извлеченій изъ Спинозы и отдѣльныхъ замѣтокъ къ его сочиненіямъ.

Еще во время своего свиданія съ Спинозою Лейбницъ замѣтилъ, какъ глубоко различіе между ихъ философскими убѣжденіями. „Спиноза умеръ нынѣшнею зимой", пишетъ онъ аббату Галлуа въ 1677 г. „Я его видѣлъ проѣздомъ черезъ Голландію и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ и очень долго. У него странная метафизика, полная парадоксовъ. Между прочимъ, онъ думаетъ, что міръ и Богъ, по своему существу (субстанціи), одно и то же, что Богъ есть субстанція всѣхъ предметовъ, и что Его творенія только видоизмѣненія этой субстанціи (des modes ou accidents). Но я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ его такъ-называемыхъ *демонстрацій* (démonstrations prétendues) не точны". Когда въ томъ же году въ числѣ посмертныхъ сочиненій Спинозы вышла Этика, Лейбницъ былъ еще болѣе изумленъ его ученіемъ и заключилъ свои замѣтки объ ней восклицаніемъ: „Этика, это—сочиненіе, до того исполненное заблужденій, что я удивляюсь!" [1])

Но Лейбницъ лучше другихъ своихъ современниковъ понималъ источникъ этихъ заблужденій и отлично опредѣлилъ характеръ спинозизма. „Спиноза, говорилъ онъ, развилъ только нѣкоторыя начала Декарта, и ученіе Спинозы есть крайнее развитіе картезіанизма" [2]). Онъ совершенно различно относился къ картезіанизму и къ крайнему развитію его началъ у Спинозы. Въ первомъ онъ только находилъ нѣкоторыя заблужденія, которыя онъ хотѣлъ устранить, и недостатки, которые онъ старался восполнить, ученіе же Спинозы онъ считалъ ложнымъ въ основаніи и вреднымъ для религіи.

Дѣйствительно, хотя Лейбницъ и Спиноза оба исходили изъ положеній картезіанизма, они приходили къ самымъ противоположнымъ

[1]) L'Éthique cet ouvrage si plein de manquement, que je m'étonne. Foucher, p. 93.

[2]) Spinosa n'a fait que cultiver certaine semence de la philosophie de Mr. Descartes. Письмо къ аб. Нисезъ въ Op. Phil. ed Erdm., p. 139.

результатамъ относительно всѣхъ трехъ существенныхъ вопросовъ метафизики: Бога, безсмертія души и свободной воли.

Желая очистить понятіе о Божествѣ отъ всякой примѣси антропоморфическихъ представленій, Спиноза сталъ отрицать въ немъ свойства духа. Разсудокъ и воля суть свойства человѣческаго духа, и потому ихъ не слѣдуетъ приписывать Божеству, ибо между свойствами человѣка и Божества также мало общаго, говоритъ Спиноза, какъ между Сиріусомъ (по-латыни *Canis* — собака) на звѣздномъ небѣ и собакой — лающимъ животнымъ. Человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ разчитываетъ и желаетъ, Божество же дѣйствуетъ — согласно съ Своею природой, то-есть, Его дѣйствія всегда необходимы, и для Него невозможенъ выборъ. Лейбницъ сильно порицаетъ такое представленіе и называетъ его страннымъ и вреднымъ (un sentiment si mauvais et si inexplicable). „Спиноза, говоритъ Лейбницъ, не допускаетъ, что дѣйствія Божества опредѣляются Его благостью и совершенствомъ; онъ признаетъ за Нимъ только слѣпую математическую необходимость, подобно тому, какъ дуга полукруга можетъ заключать въ себѣ только прямые углы, хотя не имѣетъ въ этомъ отношеніи ни сознанія, ни воли". Божество Спинозы не создало міра; міръ есть естественное и необходимое проявленіе этого Божества. Божество Лейбница создало самый совершенный изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Однимъ словомъ, принципъ Спинозы есть *фатализмъ*, принципъ Лейбница — *оптимизмъ*; Божество Спинозы есть причина всего существующаго, Божество Лейбница есть Провидѣніе.

Декартъ внесъ въ философію дуализмъ, признавая въ мірѣ двѣ субстанціи: мысль и протяженіе, которымъ въ человѣкѣ соотвѣтствуютъ душа и тѣло. Онъ не зналъ, какъ примирить этотъ дуализмъ и какъ объяснить взаимодѣйствіе души и тѣла. Спиноза думалъ устранить дуализмъ, признавая мысль и протяженіе *аттрибутами* (свойствами) Божества, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергалъ индивидуальность и слѣдовательно, безсмертіе души человѣческой. Лейбницъ совершенно справедливо критикуетъ его понятіе о душѣ: „Душа, говоритъ онъ, для Спинозы только мимолетное видоизмѣненіе (une modification passagère) его единой міровой субстанціи, и хотя онъ дѣлаетъ видъ, что считаетъ ее постоянною (durable) и даже вѣчною, но его душа есть не что иное какъ *идея тѣла* (l'idée du corps), то-есть, простое понятіе, а не реальное и дѣйствительное существо" (chose) [1].

---

[1]) Теодиц. изд. Эрд., p. III, § 372.

Лейбницъ не ограничивается тѣмъ, что критикуетъ Спинозу; онъ старается прослѣдить исторически эту пантеистическую теорію, уничтожающую индивидуальность человѣческой души. Онъ находитъ ее у нѣкоторыхъ аристотеликовъ, которые признавали міровой духъ, оживляющій вселенную и всѣ ея отдѣльныя части, каждую сообразно съ ея устройствомъ и органами, подобно тому какъ одинъ и тотъ же вѣтеръ заставляетъ звучать иначе различныя трубы органа. По мнѣнію этихъ аристотеликовъ, этотъ міровой духъ (ame universelle) одинъ можетъ вѣчно существовать, отдѣльныя же души постоянно возникаютъ и погибаютъ. Онѣ рождаются, отдѣляясь отъ него подобно каплямъ отъ океана, когда находятъ тѣло, которое онѣ могутъ оживить. А когда это тѣло разрушается, онѣ погибаютъ, возвращаясь въ общій океанъ, подобно ручьямъ, текущимъ въ море. Это ученіе возобновлено было Аверроесомъ, извѣстнымъ арабскимъ философомъ, и въ послѣдніе три вѣка принималось многими послѣдователями Аристотеля и различными мистиками. Лейбницъ находитъ, что многіе картезіанцы, полагая, что Богъ одинъ дѣйствуетъ во вселенной, безсознательно приближаются къ этому ученію и впадаютъ въ спинозизмъ. Онъ указываетъ на сходство между ученіемъ Спинозы и средневѣковой арабско-еврейской философіей, ведущей свое начало отъ Аристотеля. Онъ изучаетъ сочиненіе Вахтера — „De recondita Hebraeorum philosophia“, который старался доказать, что Спиноза заимствовалъ свое ученіе изъ еврейской кабалы, и дѣлаетъ извлеченіе изъ сочиненія еврейскаго философа Моисея Маймонида: Doctor Perplexorum, комментируетъ его и тщательно отмѣчаетъ мысли и выраженія, встрѣчающіяся также у Спинозы.

Въ философіи Спинозы, въ которой Божество дѣйствуетъ по слѣпой необходимости, и въ которой душа человѣческая является только мимолетнымъ видоизмѣненіемъ міровой субстанціи, конечно, не могло быть рѣчи о свободной волѣ. Ученіе о свободной волѣ стоитъ въ тѣсной связи съ представленіемъ о Божествѣ. Спиноза не хотѣлъ допустить въ Божествѣ ничего случайнаго и произвольнаго, и поэтому заставляетъ его повиноваться необходимости. По его ученію, міръ не могъ быть созданъ Божествомъ случайно, но возникъ по необходимости. Точно также въ мірѣ не можетъ произойдти ничего случайнаго, все имѣетъ свою причину, то-есть, подлежитъ необходимости. На это Лейбницъ возражаетъ, что между необходимымъ и случайнымъ заключается еще третье, — то, что проистекаетъ изъ свободной воли. Спиноза правъ, говоритъ Лейбницъ, если онъ отрицаетъ въ Божествѣ и

въ дѣйствіяхъ человѣческой воли случайность; но онъ несправедливо подчиняетъ ихъ необходимости. Божество вполнѣ свободно въ Своихъ дѣйствіяхъ, но Оно руководствуется всегда *лучшими* цѣлями. Воля человѣка также свободна, хотя она далеко не всегда руководствуется лучшими цѣлями. Спиноза говоритъ, что люди, считая свои поступки и дѣйствія *свободными*, то-есть, не подлежащими необходимости, управляющей міромъ, создали для себя, такъ-сказать, отдѣльный міръ въ мірѣ или государство въ государствѣ (imperium in imperio). Лейбницъ на это возражаетъ, что всякое существо въ мірѣ (субстанція) представляетъ государство въ государствѣ, но только въ гармоніи со всѣмъ остальнымъ.

Вслѣдствіе этой противоположности взглядовъ на свободную волю, этика обоихъ философовъ должна была представлять совершенно иной характеръ. Этика Спинозы въ извѣстномъ смыслѣ не знаетъ различія между добромъ и зломъ. Добро и зло, правда, существуютъ сами по себѣ, но не отъ человѣка зависитъ направлять свои дѣйствія въ ту или другую сторону. „Я пріучилъ себя къ тому, говоритъ Спиноза, чтобы разсматривать человѣческія страсти, любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, честолюбіе, состраданіе и всѣ другія чувства, не какъ пороки человѣка, но какъ его свойства, которыя принадлежатъ ему также неотъемлемо, какъ природѣ воздухъ, жаръ, холодъ, буря, громъ и другія подобныя явленія, хотя непріятныя, но необходимыя и проистекающія отъ опредѣленныхъ причинъ". Лейбницъ однимъ выразительнымъ словомъ опредѣлилъ это направленіе и въ его опредѣленіи заключается въ одно и то же время объясненіе этики Спинозы и осужденіе ея. «Spinoza, говоритъ онъ, incepit, ubi Cartesius desivit — in naturalismo» („Спиноза началъ тамъ, гдѣ кончилъ Декартъ — въ *натурализмѣ*").

Дѣйствительно, этика Спинозы есть не что иное, какъ послѣдовательное примѣненіе къ нравственнымъ наукамъ тѣхъ началъ, которыя Декартъ выставилъ для наукъ математическихъ и физическихъ, то-есть, механизма. Заслуга Декарта заключается въ томъ, что онъ изгналъ изъ этихъ наукъ понятіе цѣли — телеологическій методъ, по которому явленія природы разсматривались не по своему происхожденію и по своимъ слѣдствіямъ, а по своему отношенію къ человѣку, — какъ орудія Провидѣнія для нравственнаго воспитанія человѣка и человѣчества. Человѣкъ считался центромъ вселенной, вся природа существовала только для него. Философія и наука XVII вѣка измѣнили этотъ взглядъ. Они стали отыскивать въ явленіяхъ природы

только причины (causae efficientes), а не конечную цѣль (causae finales), которая не можетъ быть извѣстна человѣку, и для объясненія которой онъ всегда руководствуется своими человѣческими потребностями и желаніями. Они провозгласили основнымъ принципомъ математическихъ и физическихъ наукъ, что всякое матеріальное явленіе имѣетъ свою матеріальную причину, и что въ природѣ все происходитъ по строгому закону причинности (Causalität).

Спиноза перенесъ этотъ принципъ въ духовную область. Онъ съ торжествомъ восклицаетъ: „Древніе, на сколько мнѣ извѣстно, никогда не понимали подобно намъ, что душа дѣйствуетъ по опредѣленнымъ законамъ". Итакъ, подобно явленіямъ природы, духовныя явленія должны быть разсматриваемы только какъ причина и слѣдствіе, но не съ точки зрѣнія цѣли; всѣ дѣйствія человѣка имѣютъ свою причину, то-есть, необходимы, и поэтому въ нихъ не можетъ быть ни доброй, ни дурной цѣли.

Но Спиноза перенесъ въ духовный міръ не только основной принципъ физическаго міра, онъ прямо примѣнилъ къ этикѣ положенія картезіанской физики. Декартъ нашелъ законъ, что количество движенія въ мірѣ всегда остается одно и то же, или что отношеніе между движеніемъ и покоемъ всегда остается неизмѣннымъ. Декартъ говоритъ, что всякое движеніе въ мірѣ можетъ быть вызвано только другимъ движеніемъ, или всякое тѣло можетъ быть приведено въ движеніе только другимъ движущимся тѣломъ. Спиноза переноситъ это въ область идей и говоритъ: „Порядокъ и связь идей тождественны съ порядкомъ и связью предметовъ".

Нельзя слишкомъ упрекать Спинозу за это примѣненіе физики къ метафизикѣ. Оно было въ духѣ картезіанской философіи. Самъ Декартъ провозгласилъ этотъ принципъ. „Эти физическія истины, говоритъ онъ въ своихъ письмахъ, составляютъ основаніе болѣе разумной этики" [1]. Но не всякому человѣку и не всякому мыслителю дана послѣдовательность. Декартъ ограничился провозглашеніемъ принципа, Спиноза построилъ на немъ свою этику.

Лейбницъ отвергалъ и основаніе этой этики, и ея результаты. Онъ доказалъ, что механическіе законы Декарта не вѣрны. Онъ отстаивалъ въ наукѣ понятіе о цѣли или телеологическій методъ. Онъ находилъ его полезнымъ даже въ механическихъ и физическихъ наукахъ и признавалъ его положительно необходимымъ для объясненія явленій

---

[1]) Ces vérités de la physique sont le fondement d'une éthique supérieure.

нравственныхъ. Вся его философія есть борьба противъ ложнаго примѣненія механизма къ области духовныхъ явленій. Sa monadologie, какъ выразился удачно одинъ французскій философъ, c'est la pensée, qu'on opprime et qui se venge sur l'étendue [1]).

Математическій методъ и механизмъ были знаменемъ науки въ XVII вѣкѣ. Имъ она обязана своими лучшими успѣхами, и ими характеризуется дѣятельность самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей этого вѣка. Декартъ перенесъ математическій методъ въ метафизику; его философія проникнута механизмомъ; его физика построена на механическихъ законахъ; даже органическую природу онъ началъ объяснять этими законами; мы видѣли, что онъ отрицаетъ существованіе души у животныхъ и называетъ ихъ автоматами и машинами. Но онъ останавливается передъ человѣкомъ; его религіозное воспитаніе и извѣстный вѣрный тактъ заставляютъ его быть непослѣдовательнымъ. Спиноза идетъ далѣе; онъ прямо примѣняетъ механику къ нравственнымъ наукамъ, къ психологіи и этикѣ. Возвышенность его точки зрѣнія и чистая нравственность его собственной личности мѣшаютъ ему замѣтить практическій вредъ и несостоятельность этого ученія. У Ньютона, какъ мы это часто видимъ у Англичанъ, крайній механизмъ въ наукѣ соединяется съ какою-то трезвою, практическою религіозностью. Оттого философія и религія этого замѣчательнаго человѣка носятъ на себѣ характеръ какой-то наивности и ограниченности. Міозданіе представляется ему громадною, въ высшей степени научною машиной, а Божество — машинистомъ, который наблюдаетъ за своимъ произведеніемъ.

Лейбницъ былъ также приверженцемъ математическаго метода. Принципъ его философіи — монада — совпадаетъ съ его великимъ научнымъ открытіемъ, исчисленіемъ безконечно-малыхъ величинъ. Но у него была въ высшей степени гармоническая натура, и онъ не выносилъ никакихъ крайностей и преувеличеній. Особенно непріятно должно было быть для него всякое преувеличеніе въ примѣненіи механическаго метода, вслѣдствіе его живаго пониманія индивидуальности и самодѣятельности человѣка (Spontaneität), проявляющейся въ свободной волѣ, въ выборѣ между добромъ и зломъ. Поэтому онъ постоянно возстаетъ противъ крайностей господствующаго направленія своего вѣка, противъ мертваго пониманія органической природы въ картезіанской философіи, противъ механической этики Спинозы.

---

[1]) Foucher de Careil — Leibniz, Desc. etc p. 102.

противъ эмпирической психологіи Лока, противъ механическихъ представленій Ньютона о мірозданіи и о Провидѣніи. Но полемика его не имѣетъ раздражительнаго, личнаго характера, если она не вызвана нападками противниковъ. Она не служитъ ему средствомъ увеличить свой собственный авторитетъ и пріобрѣсть популярность: только изрѣдка, напримѣръ, встрѣчаются въ его сочиненіяхъ критическія замѣчанія противъ Спинозы, которыя всего легче могли бы вызвать сочувствіе общественнаго мнѣнія. Главная часть этихъ замѣчаній написана на клочкахъ бумаги, на поляхъ книгъ, не предназначалась для печати и только недавно сдѣлалась извѣстною.

Въ откровенной бесѣдѣ, въ перепискѣ съ близкими людьми онъ высказываетъ свои опасенія на счетъ вредныхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть крайнее развитіе механическаго метода. Въ одномъ письмѣ къ Арнò онъ является какъ бы пророкомъ, который ясно предвидитъ грядущее зло. Онъ предсказываетъ матеріализмъ и сенсуализмъ XVIII вѣка—крайнее развитіе и популярное изложеніе началъ предшествовавшаго вѣка. „Настаетъ, говоритъ онъ, философскій вѣкъ, когда искреннее стремленіе къ распознанію истины (cura acrior veritatis) изъ философскихъ школъ проникнетъ въ общество (in viros reipublicae natos) и къ политическимъ дѣятелямъ...... Нужно опасаться, чтобы послѣднею ересью не былъ если не атеизмъ, то по крайней мѣрѣ явный *натурализмъ* (naturalismus publicatus)“. Мы знаемъ, чтò Лейбницъ разумѣлъ подъ натурализмомъ, котораго онъ такъ боялся, и которому онъ предсказывалъ такое успѣшное развитіе — ложное примѣненіе математическаго метода и законовъ, которыми управляется неорганическая природа, къ духовной жизни человѣка и неминуемое вслѣдствіе этого непониманіе религіозныхъ и нравственныхъ явленій человѣческой жизни, происхожденіе и свойства которыхъ необъяснимы математическими и естественными науками.

ГЛАВА IV.

Лейбницъ при дворѣ герцога Ганноверскаго Іоганна-Фридриха.

Герцоги Брауншвейгскаго дома. — Переворотъ въ политикѣ нѣмецкихъ князей. — Сыновья герцога Георга. — Іоганнъ-Фридрихъ. — Положеніе Лейбница. — Его занятія какъ библіотекаря и герцогскаго совѣтника. — Его записки и предложенія. — Открытіе фосфора. — Брандъ. — Алхимическіе опыты. — Химикъ Бехеръ. — Улучшеніе рудокопства въ Гарцѣ. — Статистическій альманахъ и центральный архивъ. — Записка о направленіи занятій въ школахъ и университетѣ. — Уничтоженіе преслѣдованій противъ колдовства. — Сочиненія Лейбница о правѣ нѣмецкихъ князей отправлять полномочныхъ пословъ. — Его записки о соединеніи церквей. — Геологъ Стено; его странное обращеніе въ католицизмъ. — Смерть герцога. — Его торжественные похороны. — Надгробное слово Лейбница. — Его „идеалъ государя“. — Его стихотворенія на смерть герцога. — Его „правила жизни“. — Его характеристика самого себя. — Цѣль его разнообразныхъ занятій.

Герцогъ Брауншвейгъ-Ганноверскій Іоганнъ-Фридрихъ, ко двору котораго Лейбницъ переселился изъ Парижа, принадлежалъ къ знаменитому своей древностью и знатностью дому Вельфовъ, производившему свой родъ отъ италіянскихъ маркграфовъ Эсте и черезъ нихъ отъ Карла Великаго. Въ XII вѣкѣ Вельфы были самымъ могущественнымъ домомъ въ Германіи; имъ принадлежала Баварія и почти вся Саксонія въ тогдашнемъ смыслѣ, то-есть, земли, лежащія между Эльбой и Рейномъ. Они вступили въ состязаніе съ Гогенштауфенами, и политика ихъ имѣла важное вліяніе на судьбы Германіи и Италіи. Самый знаменитый изъ Вельфовъ, Генрихъ Левъ преслѣдовалъ цѣль, которая потомъ была осуществлена Пруссіей. Онъ задумалъ завоевать Славянскія земли на правомъ берегу Эльбы, создать себѣ тамъ крѣпкое воинственное государство, независимое отъ имперіи, и его средствами противодѣйствовать древнегерманской по-

литикѣ, стремившейся къ обладанію Италіей и къ верховному владычеству надъ христіанскимъ міромъ на основаніи императорскаго титула. Но онъ не выдержалъ борьбы съ рыцарственнымъ Фридрихомъ Барбароссой, лишился своихъ герцогствъ Баваріи и Саксоніи, и за потомками его остались только его аллодіальныя Брауншвейгскія земли.

Эти земли лежали между Везеромъ и Эльбой; онѣ были бѣдны и мало населены, потому что часть ихъ на склонахъ Гарца была гориста, другая представляла безплодную степь (Lüneburger Haide). Но потомки Генриха Льва еще болѣе ослабили свое могущество посредствомъ раздробленія своего наслѣдія подобно другимъ княжескимъ домамъ въ Германіи. Въ концѣ XVI вѣка Брауншвейгскія земли были раздѣлены между тремя вѣтвями: старшая линія владѣла княжествами Календергъ и Грубенгагенъ, съ городами Ганноверомъ и Гёттингеномъ; вторая княжествомъ Волфенбюттель; третья княжествомъ Люнебургъ съ главнымъ городомъ Целле. Брауншвейгъ былъ вольнымъ имперскимъ городомъ. Владѣнія каждой вѣтви были чрезполосны и поэтому представляли еще бо̀льшую дробность. Вслѣдствіе этого, средства Брауншвейгскихъ герцоговъ были чрезвычайно ограниченны, и придворная жизнь ихъ отличалась крайней простотой и патріархальностью. Всѣ придворные, напримѣръ, должны были сходиться къ обѣду по данному знаку, и тотъ, кто не приходилъ во̀-время, оставался безъ обѣда. Пиво и вино раздавались каждому въ извѣстные часы дня по опредѣленной мѣркѣ. Сидѣвшимъ за столомъ было воспрещено „наполнять карманъ хлѣбомъ, мясомъ и другими кушаньями“, которыя подавались на столъ. Но если судьба не щедро надѣлила Брауншвейгскихъ герцоговъ богатствомъ, то она вознаградила ихъ семейнымъ счастіемъ. У герцога Люнебургскаго Вильгельма, который умеръ въ 1592 году, было 8 дочерей и 7 сыновей. Всѣ сыновья имѣли право наслѣдовать отцу; но они заключили между собой сдѣлку, что старшій между ними долженъ управлять страной, и что только одному изъ нихъ, по жребію, будетъ предоставлено право жениться; остальные же должны были или остаться холостыми, или же заключить, такъ-называемый, бракъ *львой руки,* то-есть, жениться на дѣвушкѣ не княжескаго происхожденія, чтобы ихъ дѣти не имѣли права престолонаслѣдія. Жребій палъ на шестаго изъ братьевъ, Георга; этотъ Георгъ принималъ дѣятельное участіе въ Тридцатилѣтней войнѣ, сражался то на сторонѣ протестантовъ, то на сторонѣ императора, и умеръ въ 1641 году, оставивши послѣ себя четырехъ наслѣдниковъ.

Къ счастію этихъ наслѣдниковъ, въ 1634 году прекратилась старшая линія Вельфскаго дома, и владѣнія ея были раздѣлены между двумя младшими вѣтвями. Княжество Каленбергъ съ городами Ганноверомъ и Гёттингеномъ досталось Люнебургской линіи. Оно было отдано Георгу и перешло къ его сыновьямъ, къ которымъ послѣ смерти дядей перешло также княжество Люнебургъ. Старшій изъ нихъ получилъ Люнебургъ, второй Каленбергъ; а по смерти старшаго, который не оставилъ дѣтей, Люнебургъ перешелъ ко второму, Георгу-Вильгельму; Каленбергъ же, или Ганноверъ, достался Іоганну-Фридриху. Младшій братъ Эрнстъ-Августъ управлялъ епископствомъ Оснабрюкъ, въ которомъ, согласно съ постановленіемъ Вестфальскаго мира, долженъ былъ поочередно управлять то католическій епископъ, то кто-нибудь изъ герцоговъ Брауншвейгскаго дома.

При этихъ братьяхъ снова возвысилось значеніе Вельфскаго дома и преимущественно Ганноверскаго герцогства. Это возвышеніе основывалось на тѣхъ же причинахъ, которымъ Пруссія была обязана своимъ усиленіемъ въ это время. То, что̀ въ Пруссіи сдѣлалъ великій курфирстъ, въ Ганноверѣ ввелъ герцогъ Георгъ-Вильгельмъ. Прежній патріархальный образъ правленія въ этихъ странахъ уступилъ мѣсто другому, болѣе энергическому и даже деспотическому, и притомъ болѣе правильному. Земство, которое прежде опредѣляло налоги, потеряло всякое значеніе. То, что̀ прежде издавалось въ видѣ сдѣлки между земствомъ и правительствомъ, теперь издавалось въ видѣ герцогскихъ указовъ. Подати перестали считаться временными и сдѣлались постоянными. Къ нимъ присоединились новыя подати. На высшія правительственныя мѣста назначались не юристы и ученые доктора изъ мѣщанскаго сословія, какъ прежде, а придворные дворяне, совершенно преданные герцогу, или иностранцы, незнакомые съ преданіями страны. Правой рукой герцога сдѣлался, такимъ образомъ, Мекленбургскій баронъ Бернсторфъ, который въ послѣдствіи былъ первымъ министромъ въ Ганноверѣ, при курфирстѣ Георгѣ I. На маленькихъ правителей Германіи заразительно дѣйствовалъ примѣръ Лудовика XIV. Они всѣ стремились къ абсолютизму.

Главнымъ же нововведеніемъ была постоянная армія, которая замѣнила прежнія наемныя войска. Содержаніе этой арміи требовало много денегъ. Нельзя было ограничиваться, какъ прежде, доходами съ доменовъ. Нужно было ввести правильную систему податей, придумать новые источники дохода, регаліи и пошлины. Высшее финансовое искусство заключалось въ томъ, чтобы собрать какъ можно

болѣе денегъ съ страны. Для этой цѣли истощались всѣ средства страны.

Но за то у герцога была постоянная армія въ 10.000 человѣкъ, очень значительная для того времени, когда Франція могла выслать за границу не болѣе 70.000. Свою маленькую армію герцогъ могъ двинуть въ походъ въ каждую данную минуту противъ кого ему было угодно. Это заставляло другихъ заискивать его дружбу и давало ему немаловажное значеніе и голосъ въ европейскихъ дѣлахъ.

Въ 1665 году Георгу-Вильгельму въ Ганноверѣ наслѣдовалъ Іоганнъ-Фридрихъ, который продолжалъ дѣло, начатое братомъ. Онъ прямо объявлялъ, что онъ императоръ въ своей странѣ. При немъ доходы герцогства очень увеличились, и число постояннаго войска было доведено до 14.000.

Подобно другимъ князьямъ этого времени, онъ отдавалъ его въ наемъ; такъ, напримѣръ, въ 1668 году онъ послалъ Венеціанцамъ отрядъ въ 2.800 человѣкъ, для защиты Кандіи противъ Турокъ.

Подобно своему отцу, который былъ прозванъ Одиссеемъ, и всѣмъ своимъ братьямъ, онъ страстно любилъ путешествовать. Все время, отъ смерти отца и до смерти старшаго брата, которая открыла ему путь къ престолу, то-есть, 25 лѣтъ онъ провелъ въ путешествіяхъ и посѣтилъ Францію, Англію, Голландію и Италію. Подобно своимъ братьямъ, онъ особенно любилъ Венецію и нѣсколько разъ ѣздилъ туда. Уже сдѣлавшись герцогомъ Ганноверскимъ, онъ еще разъ отправился въ Венецію и заставилъ себя внести въ золотую книгу Венеціанской аристократіи.

Венеція съ своей блестящей аристократіей, съ своей утонченной роскошью, съ своей оперой и съ своими художественными произведеніями, съ увеселеніями своего карнавала, съ своими красавицами, которыя такъ выгодно отличались своей привѣтливостью отъ Ганноверскихъ баронессъ, имѣла чарующую силу для этихъ сѣверныхъ князьковъ. Они тамъ совершенно забывали про свою родину и про страну, которою они управляли. Напрасно ихъ министры, не знавшіе откуда достать денегъ, настаивали на томъ, чтобъ они возвратились. „Господинъ маршалкъ — писалъ герцогъ Георгъ своему гофмаршалу — не повѣритъ, какъ здѣсь весело; еслибъ онъ попалъ сюда, онъ бы не захотѣлъ возвратиться въ Германію“. Какъ нравилась имъ Венеція, можно судить по тому, что эти герцоги, гордые своимъ происхожденіемъ и утверждавшіе, что они „императоры надъ своими подданными“, считали за честь, если ихъ вписывали въ золотую книгу Венеціанскихъ «Nobili».

Они страстно предавались удовольствіямъ; проигрывали большія суммы и не меньше тратили на танцовщицъ и оперныхъ пѣвицъ. Герцогъ Георгъ даже привезъ съ собой танцовщицу Зенобію Буколини, и она была причиной того, что онъ такъ поздно женился. Ея сынъ отъ герцога, Букко, былъ сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ при дворѣ своего отца.

Іоганнъ-Фридрихъ сдѣлался жертвой другаго вліянія. Онъ попалъ въ руки католическаго духовенства и принялъ въ Италіи католицизмъ. Напрасно изъ Ганновера отправили для его спасенія профессора Блума. Тотъ самъ принялъ католичество и былъ возведенъ императоромъ въ санъ барона и въ члены придворнаго совѣта.

Когда Іоганнъ-Фридрихъ вступилъ въ управленіе Ганноверомъ, онъ привезъ съ собой капуциновъ и пригласилъ къ своему двору множество католиковъ. Папа назначилъ къ его двору апостольскимъ викаріемъ епископа Марокскаго, а потомъ Титіопольскаго (in partibus infidelium). Нѣкоторые изъ придворныхъ приняли, въ угоду герцогу, католичество; но примѣръ ихъ не имѣлъ вліянія. Герцогъ женился на католичкѣ, на дочери пфальцграфа Эдуарда, сына извѣстнаго курфирста Пфальцскаго Фридриха V и италіянской принцессы Анны Гонзаги, воспитывавшейся въ Парижѣ.

Эта перемѣна религіи, а можетъ-быть, и этотъ бракъ имѣли вліяніе на политику герцога. Тогда какъ его братъ Георгъ, другъ Вильгельма Оранскаго, ненавидѣлъ Французовъ и былъ приверженцемъ императора, Іоганнъ-Фридрихъ заискивалъ дружбу Лудовика XIV. Онъ получалъ отъ него значительныя субсидіи, и изъ Франціи былъ присланъ генералъ, который обучалъ ганноверскихъ солдатъ французскому строю. Когда началась въ 1673 году война между Франціей и имперіей, Іоганнъ-Фридрихъ, вмѣстѣ съ Кельномъ и Мюнстеромъ, принялъ сторону Франціи и заключилъ съ ней оборонительный союзъ, несмотря на то, что принцы его дома сражались въ рядахъ императорскаго войска противъ Французовъ. Наконецъ, сосѣдніе князья, во главѣ которыхъ была Пруссія, заставили его объявить себя нейтральнымъ и выслать свой контингентъ въ имперскую армію.

Частыя путешествія и долгое пребываніе за границей имѣли, по крайней мѣрѣ, одну хорошую сторону для герцога Ганноверскаго. Они содѣйствовали его образованію и развили въ немъ уваженіе къ наукѣ и любознательность, необыкновенную для людей его положенія, особенно въ то время въ Германіи. Онъ интересовался не только, какъ многіе изъ его современниковъ, тѣми химическими опытами, которые

обѣщали привести къ давно искомому результату, къ искусству превращать въ золото дешевые металлы, но и болѣе серіозными изслѣдованіями въ химіи и въ другихъ естественныхъ наукахъ. Онъ тратилъ большія деньги на покупку книгъ и составилъ въ своемъ дворцѣ очень хорошую библіотеку. Онъ подражалъ Лудовику XIV въ томъ, что давалъ изъ своихъ небольшихъ средствъ пенсіи нѣкоторымъ ученымъ; но онъ этимъ не ограничивался, а старался познакомиться съ ними и приблизить ихъ къ себѣ.

Съ Лейбницемъ, какъ мы видѣли, онъ познакомился еще въ Майнцѣ, и тогда уже желалъ перевести его въ Ганноверъ. Послѣ того, онъ писалъ ему нѣсколько разъ въ Парижъ и приглашалъ къ своему двору для того, чтобъ онъ могъ, „при своихъ разнообразныхъ и многотрудныхъ правительственныхъ занятіяхъ, находить въ его обществѣ отдохновеніе и развлеченіе“.

Лейбницъ сначала не имѣлъ въ Ганноверѣ никакихъ опредѣленныхъ занятій. Онъ былъ совѣтникомъ герцога, какъ тогда говорилось, «Herz. Rath von Haus aus», то-есть, чѣмъ-то въ родѣ частнаго секретаря. Онъ долженъ былъ отвѣчать на запросы герцога и давать ему объясненія по самымъ различнымъ предметамъ, однимъ словомъ, служить ему живымъ, справочнымъ словаремъ. Онъ долженъ былъ поддерживать обширную переписку съ замѣчательными людьми разныхъ странъ и сообщать герцогу всѣ важныя новости по части наукъ и литературы, которыя онъ узнавалъ этимъ путемъ. При тогдашнемъ положеніи книжной торговли, при отсутствіи критическихъ журналовъ, особенно въ Германіи, только съ помощью такой переписки можно было слѣдить за успѣхами наукъ и узнавать мнѣнія спеціалистовъ о томъ или другомъ новомъ сочиненіи. Наконецъ, Лейбницъ долженъ былъ подавать герцогу записки обо всемъ, что онъ считалъ важнымъ, объ улучшеніяхъ и примѣненіи новыхъ научныхъ изобрѣтеній къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ промышленности.

Черезъ нѣсколько времени послѣ пріѣзда Лейбница очистилось мѣсто библіотекаря, и герцогъ далъ ему это мѣсто. Лейбницъ серіозно посмотрѣлъ на свою обязанность. Онъ заботился не только о томъ, чтобы ввести порядокъ въ расположеніи библіотеки и составить для нея каталогъ по самой разумной системѣ, но и о томъ, о чемъ рѣдко заботятся другіе библіотекари, чтобы пополнять библіотеку и при самыхъ небольшихъ средствахъ пріобрѣтать самое нужное по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, для того, чтобы библіотека дѣйствительно соотвѣтствовала своему назначенію и представляла полный об-

зоръ всего, что̀ достигнуто въ различныхъ наукахъ. Для этой цѣли Лейбницъ придерживался слѣдующаго правила: „Мнѣ кажется — говоритъ онъ — что нужно имѣть большое разнообразіе и обиліе въ историческихъ книгахъ, но что достаточно имѣть самое необходимое во всѣхъ остальныхъ наукахъ. Не числомъ, а выборомъ можно достигнуть этой цѣли, и я бы предпочелъ 2 или 3 тысячи избранныхъ сочиненій 6-ти или 7-ми другихъ“ [1]).

Онъ убѣдилъ герцога пріобрѣсти цѣликомъ библіотеку, оставшуюся послѣ смерти Гамбургскаго медика и естествоиспытателя Фогеля. Онъ былъ въ перепискѣ съ этимъ ученымъ, и узнавши о его смерти еще въ Парижѣ, хлопоталъ о томъ, чтобъ эта важная библіотека не была разрознена. Въ 1673 году онъ отправился по порученію герцога въ Гамбургъ для ея пріобрѣтенія и этимъ чрезвычайно обогатилъ библіотеку Іоганна-Фридриха, которая сдѣлалась основаніемъ королевской Ганноверской библіотеки.

Лейбницъ, однако, былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ. Несмотря на то, что къ его прежнимъ занятіямъ присоединились занятія по библіотекѣ, онъ продолжалъ получать 400 т. Въ его бумагахъ находится нѣсколько писемъ къ герцогу, на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, въ которыхъ онъ проситъ назначить ему, кромѣ 400 т., еще содержаніе, выдававшееся его предшественнику библіотекарю. „Я менѣе всего на свѣтѣ — пишетъ онъ — желаю излишняго (le superflu), но я не могу, безъ крайняго неблагоразумія, пренебрегать необходимымъ“. Онъ обращаетъ вниманіе герцога на то, что въ теченіе 10-ти лѣтъ, за исключеніемъ очень короткаго времени, онъ не получалъ никакого жалованья, что онъ въ это время долженъ былъ истратить свои деньги и что ему необходимо подумать о будущемъ [2]).

Кромѣ этой просьбы, у него была еще другая. Ему не хотѣлось оставаться въ званіи заштатнаго гофрата; онъ желалъ сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ придворной канцеляріи герцога и продолжать юридическую карьеру, начатую въ Майнцѣ.

---

[1]) W. v. L. ed. O. Kl. IV, p. 378.

[2]) W. v. L. ed. O. Kl. IV, p. 373. Pendant tout ce temps là j'ay eu partout le bonheur d'avoir l'approbation des personnes le plus approuvées et le moins suspectes; mais les avantages n'ont pas esté proportionnés aux applaudissemens, que j'ay receus. Ce que j'impute partie à la froideur de mon naturel à m'intriguer en matière d'interest, m'estant tousjours imaginé, que la justice se doit faire elle même sans ces solicitations basses, partie aux conjonctures du temps, e. t. c.

„Ваша свѣтлость знаетъ — пишетъ онъ герцогу — что люди, которые возятся только съ книгами, не пользуются большимъ уваженіемъ, а обыкновенно считаются неспособными къ другимъ занятіямъ. Для меня это будетъ тѣмъ непріятнѣе, что обо мнѣ прежде было совсѣмъ другое мнѣніе, и что я дѣйствительно занималъ мѣсто въ юридической службѣ. Къ тому же, должность библіотекаря пользуется уваженіемъ только у тѣхъ князей, которые, подобно вашей свѣтлости, обладаютъ необыкновеннымъ умомъ. Но и здѣсь эта должность вовсе не постоянна и самая библіотека не публична". Лейбницъ обращаетъ вниманіе герцога на то, что уже 10 лѣтъ тому назадъ получилъ степень доктора и съ тѣхъ поръ имѣлъ почетныя порученія (anständige Vocationen). Мѣсто библіотекаря ему было бы гораздо приличнѣе 10 лѣтъ тому назадъ, и ему не хотѣлось бы отстать отъ людей, которые стояли ниже его и которые, между тѣмъ, успѣли занять почетное и выгодное положеніе.

Обѣ просьбы его были исполнены герцогомъ. На третій годъ своего пребыванія въ Ганноверѣ, онъ получилъ мѣсто въ гофратѣ, который соотвѣтствовалъ въ Ганноверѣ министерству юстиціи. Онъ остался при этомъ библіотекаремъ герцога [1]). Въ новой должности ему приходилось читать судебные акты и произносить приговоры въ процессахъ, и иногда, по желанію герцога, высказывать свое мнѣніе объ общихъ государственныхъ дѣлахъ. Но онъ пользовался большими льготами. Ему позволялось посвящать канцеляріи не все свое время и ходить туда только въ свободное отъ другихъ занятій время. Герцогъ цѣнилъ въ немъ по преимуществу ученаго и хотѣлъ ему дать возможность продолжать прежнія занятія. „Я, право, не желалъ бы — пишетъ Лейбницъ Конрингу о своихъ занятіяхъ въ надворной канцеляріи — быть приговореннымъ къ тому, чтобы постоянно влачить эту Сисифову скалу канцелярскихъ занятій, даже если бы мнѣ были обѣщаны самыя богатыя сокровища и самыя высокія почести".

Лейбницъ никогда не могъ находить полнаго удовлетворенія ни въ кабинетной жизни ученаго, ни въ практической дѣятельности, которую представляла юридическая или государственная служба. Онъ всегда старался соединить и то и другое. Когда, въ 1680 году, по

[1]) Какъ гофратъ, онъ получалъ теперь слѣдующее содержаніе: жалованья 375 т., квартирныхъ 50 т., на дрова 40; соли на 2 т., ржи (24 малтера) на 48, ячменя (24 малтера) на 36 т., гороха на 3, всего 554 т.; и какъ библіотекарь — 400 т. W. v. Leib. ed. O. Kl. IV, p. XXXIV.

смерти Ламбеція, Лейбницъ сталъ искать мѣста библіотекаря въ Вѣнѣ, онъ выставилъ первымъ условіемъ, чтобъ его назначили также въ число протестантскихъ членовъ императорскаго гофрата (высшей судебной инстанціи въ имперіи по дѣламъ, не подлежащимъ *Рейхс-каммеръ-герихту.* „Занимая мѣсто — писалъ онъ въ Вѣну — въ совѣтѣ моего государя, я не желалъ бы сойдти съ этой степени; а это бы случилось, если бы я принялъ на себя мѣсто простаго императорскаго библіотекаря и исторіографа, и такимъ образомъ, изъ блеска практической дѣятельности отступилъ бы въ тѣнь".

Предложенія, которыя Лейбницъ дѣлалъ герцогу, и записки, которыя онъ ему представлялъ, можно раздѣлить на два разряда. Одни касались естественныхъ наукъ или улучшеній по разнымъ отраслямъ промышленности и государственнаго устройства, то-есть, служили къ увеличенію герцогскихъ доходовъ; другія были политическаго свойства.

Однажды онъ ему сообщаетъ, что получилъ письма изъ Парижа о новомъ способѣ лить чугунъ. Изобрѣтатель этого способа увѣряетъ, что пушки, вылитыя изъ этого чугуна, не уступаютъ въ крѣпости лучшимъ мѣднымъ. Лейбницъ проситъ у герцога позволенія съѣздить въ рудники въ Гарцѣ, чтобы познакомиться съ свойствами тамошней руды и выслать изобрѣтателю нѣсколько образчиковъ ея для изслѣдованія.

Лейбницъ познакомилъ герцога съ новымъ химическимъ открытіемъ, которое въ то время сдѣлало много шума, съ фосфоромъ. Заслуга этого открытія принадлежитъ одному малоизвѣстному химику въ Гамбургѣ, Бранду. Брандъ, по указанію одной алхимической книги, занимался разрѣшеніемъ проблемы превращать серебро въ золото, съ помощью какого-то жидкаго состава, приготовляемаго изъ мочи. Эти алхимическіе опыты навели его случайно на открытіе фосфора. Этому открытію въ первое время придавали совершенно ложное значеніе. Между многими странными задачами, надъ которыми задумывался тогдашній вѣкъ, было также изобрѣтеніе неугасаемаго свѣта; фосфоръ, казалось, соотвѣтствовалъ желанному результату. Брандъ сообщилъ о своемъ открытіи саксонскому коммерцсовѣтнику Крафту, который, вмѣстѣ съ камердинеромъ курфирста Кункелемъ, отправился въ Гамбургъ, чтобъ узнать отъ Бранда тайну приготовленія фосфора. Узнавши кое-что и дополнивши свои свѣдѣнія собственными опытами, они начали выдавать новое открытіе за свое и путешествовать по Европѣ, чтобы продать секретъ.

Крафтъ, во время своего проѣзда черезъ Ганноверъ, познакомился съ Лейбницемъ и назвалъ Бранда, какъ первоначальнаго изобрѣтателя. Лейбницъ убѣдилъ герцога назначить Бранду ежегодную пенсію въ 120 т. и пригласить его въ Ганноверъ, чтобъ онъ тамъ могъ производить свои опыты въ большихъ размѣрахъ. Когда, въ 1678 г., Лейбницъ ѣздилъ въ Гамбургъ для покупки библіотеки Фогеля, онъ заключилъ условіе съ Брандомъ, и тотъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ганноверъ. Герцогъ самъ интересовался его опытами и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы цѣлыми банками доставляли необходимый ему матеріалъ. Пока живъ былъ герцогъ, Брандъ исправно получалъ свою пенсію, а это — говоритъ Лейбницъ — было, можетъ быть, единственной выгодой, которую доставило ему его открытіе.

Въ Ганноверѣ отъ этихъ опытовъ ожидали важныхъ результатовъ. Брандъ сообщилъ Лейбницу въ Гамбургѣ, что онъ знаетъ тайну, какимъ образомъ, съ помощью новаго свѣта, то-есть, фосфора, превращать серебро въ золото. Изъ письма Лейбница къ герцогу видно, что онъ не совсѣмъ не довѣрялъ обѣщаніямъ Бранда. Онъ поспѣшилъ дать ему денегъ и заключить съ нимъ условіе, чтобы помѣшать ему разболтать свою тайну другимъ. Брандъ былъ человѣкъ простой и легковѣрный, и его такъ же легко было обмануть, какъ онъ обманывалъ самого себя.

Лейбницъ особенно боялся въ Гамбургѣ одного доктора Бехера, который не отходилъ отъ Бранда и обѣщалъ ему пожизненную пенсію въ 10 т. еженедѣльно и разныя другія выгоды, если онъ станетъ работать вмѣстѣ съ нимъ.

Этотъ Бехеръ былъ очень способный человѣкъ и извѣстный въ свое время химикъ, хотя онъ, какъ многіе химики того вѣка, былъ болѣе похожъ на искателя приключеній, чѣмъ на настоящаго ученаго. Многіе считали его *адептомъ*, то-есть, приписывали ему умѣнье дѣлать золото. Но при всемъ своемъ шарлатанствѣ онъ оставилъ слѣдъ въ наукѣ. Онъ былъ основателемъ, такъ-называемой, флогистической теоріи въ химіи, которая потомъ была развита Шталемъ и господствовала до изслѣдованій Лавуазье [1]).

Лейбницъ имѣлъ съ нимъ черезъ нѣсколько времени еще одно непріятное столкновеніе. Бехеръ явился въ Ганноверъ, чтобы воспользоваться легковѣріемъ герцога и предложить ему свое алхимическое искусство. Лейбницъ помѣшалъ ему въ его планахъ, и за это Бехеръ воз-

[1]) Guhrauer — Leibnitz. II, 299.

ненавидѣлъ его и отомстилъ ему чрезъ нѣсколько времени. Лейбницъ, узнавши, что онъ интересуется механикой, говорилъ ему, между прочимъ, о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ механикѣ дилижансовъ, которые онъ придумалъ. Бехеръ воспользовался этимъ разговоромъ, чтобы подвергнуть Лейбница насмѣшкамъ. Въ 1683 году онъ издалъ сочиненіе „Глупая мудрость и мудрая глупость", въ которомъ онъ осмѣивалъ всѣ изобрѣтенія и проекты своихъ современниковъ, которые онъ считалъ невозможными и несбыточными, конечно, преувеличивая и искажая ихъ. Между мудрыми глупостями онъ приводилъ проектъ Лейбница объ устройствѣ дилижанса, который могъ бы проѣхать отъ Ганновера въ Амстердамъ въ 6 часовъ.

Лейбницъ долженъ былъ оправдываться передъ герцогомъ въ томъ, что онъ никогда не имѣлъ такого проекта. Онъ ссылался на то, что Бехеръ извѣстенъ своими странностями (extravagances), своей заносчивостью и своею злобой. Впрочемъ, несмотря на это, Лейбницъ отдавалъ должное его заслугамъ. Еще въ 1692 году, по смерти Бехера, онъ писалъ о немъ: „Этотъ Бехеръ былъ способный человѣкъ и много зналъ, хотя больше отъ другихъ, чѣмъ по собственному опыту. Во всякомъ его сочиненіи находятся новые химическіе принципы. Но я не зналъ и даже не воображалъ, что есть люди, которые его считали адептомъ".

Такіе адепты, которые посѣщали дворы и своимъ шарлатанствомъ обманывали многихъ, были тогда не рѣдки. Лейбницъ пишетъ однажды герцогу объ одномъ Венцелѣ, котораго императоръ за его заслуги сдѣлалъ барономъ и начальникомъ Богемскаго монетнаго двора. Этотъ баронъ Венцель фонъ-Рейнбургъ предлагалъ герцогу «comme par grace et pour faire cet honneur à V. Altesse Serenissime» превратить двѣ серебряныя медали въ золотыя, одну цѣликомъ, другую на половину. Лейбницъ пишетъ по этому поводу герцогу, „что нужно принять всѣ мѣры предосторожности: лучше обѣ медали превратить на половину" и т. д.

Въ другой разъ Лейбницъ пишетъ герцогу о введеніи въ Ганноверѣ шерстяной промышленности черезъ того же Крафта, о которомъ мы упоминали выше. Этотъ Крафтъ предлагалъ еще курфирсту Майнцскому привести къ нему рабочихъ изъ Голландіи и устроить у него фабрики для производства шерстяныхъ товаровъ. Но смерть курфирста помѣшала этому, и Крафтъ обратился съ своимъ предложеніемъ въ Саксонію, гдѣ ему дѣйствительно удалось устроить нѣсколько фабрикъ.

Между бумагами Лейбница находится также одинъ интересный отрывокъ, въ которомъ онъ защищаетъ введеніе машинъ для замѣны ручной работы. Это былъ тогда вопросъ еще новый и возбуждавшій общее вниманіе. Объ немъ разсуждали въ это время на Регенсбургскомъ сеймѣ; и не задолго еще передъ этимъ голландское правительство запретило употребленіе машинъ; въ Лондонѣ ученики мастеровыхъ разрушили дома тѣхъ рабочихъ, которые употребляли машины, а придворный проповѣдникъ курфирста Саксонскаго сдѣлалъ изъ этого религіозный вопросъ.

Вниманіе Лейбница было также обращено на монетную систему, — вопросъ, который одинаково занималъ его знаменитыхъ современниковъ, Лока и Ньютона. При раздробленіи на мелкія государства, при произволѣ и невѣжествѣ, которые господствовали въ этихъ дѣлахъ, этотъ вопросъ былъ очень важенъ для Германіи. Лейбницъ постоянно защищалъ принципъ, что нужно чеканить серебряную монету какъ можно высшей пробы, и этому правилу дѣйствительно слѣдовали при дворахъ Брауншвейгскихъ князей, которымъ богатые рудники въ Гарцѣ доставляли серебро въ достаточномъ количествѣ, такъ что брауншвейгскія монеты считались даже лучше англійскихъ. Въ 1700 году Лейбницъ писалъ Бюрнету, что онъ прежде много думалъ объ этомъ предметѣ и открылъ множество заблужденій, распространенныхъ о немъ. Въ другой разъ онъ писалъ: „Монетная система такой предметъ, о которомъ я думалъ не менѣе всякаго другаго. Я написалъ объ этомъ столько замѣчаній, что изъ нихъ легко составился бы цѣлый томъ". Но болѣе, чѣмъ всѣ приведенные нами проекты, занималъ Лейбница вопросъ объ улучшеніи рудокопства въ Гарцѣ. Ежегодная прибыль съ этихъ рудъ составляла важный доходъ Ганноверскаго герцога. Въ 1678 году онъ получилъ съ нихъ 77.000 т. на 342.000 т. всего дохода. Прежде эти руды были въ большомъ запустѣніи. При Іоганнѣ-Фридрихѣ производство поднялось и доходъ очень увеличился. Но эти доходы легко можно было еще болѣе увеличить при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ производствѣ работъ, и на это-то Лейбницъ обратилъ свое вниманіе. Каждый годъ приходилось покидать богатыя руды, вслѣдствіе того, что въ нихъ накоплялась вода, которую не умѣли отвести. Лейбницъ началъ придумывать машины, чтобъ очищать руды отъ этой воды. Герцогъ такъ заинтересовался этимъ планомъ, что обѣщалъ Лейбницу ежегодную пенсію въ 2.000 талеровъ, если ему удастся осуществить свое намѣреніе, и приказалъ чиновникамъ своего горнаго правленія оказывать Лейбницу необходимую помощь. По увѣ-

ренію Лейбница, онъ былъ близокъ къ цѣли, когда смерть герцога остановила работы. Черезъ нѣсколько времени онѣ были возобновлены при преемникѣ его Эрнстѣ-Августѣ. Лейбницъ часто проводилъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ Гарцѣ, но онъ долженъ былъ бороться не только съ затрудненіями, которыя представляло самое дѣло, но и съ препятствіями, придуманными завистью и невѣжествомъ. Лейбницъ самъ просилъ у герцога, чтобъ ему позволили оставить дѣло. Въ 1684 году, напримѣръ, онъ просилъ герцогиню Софію, чтобъ она ходатайствовала за него передъ мужемъ. „Я сдѣлалъ то, писалъ онъ ей, что̀ считали невозможнымъ, и надѣюсь, заслужилъ, чтобы мнѣ позволили съ честью отказаться отъ этого порученія". Въ письмахъ Лейбница къ герцогу Іоганну-Фридриху, относящихся къ этому вопросу, есть одно мѣсто, которое чрезвычайно характеризуетъ понятія и свѣдѣнія той эпохи. Лейбницъ убѣждаетъ герцога, что надобно спѣшить улучшеніемъ горнаго производства. „Ибо эти сокровища уменьшаются, если ими пренебрегаютъ. Рудокопы справедливо полагаютъ, что металлы поднимаются и опускаются, что испаренія уничтожаютъ въ нихъ самыя существенныя части, такъ что тамъ происходятъ постоянныя перемѣны и что, можетъ-быть, черезъ 100 лѣтъ не будетъ ни одного куска тѣхъ металловъ, которые теперь тамъ находятся" [1]).

Лейбницъ надѣялся посредствомъ этого увеличенія доходовъ герцога достигнуть осуществленія своей завѣтной мысли — учрежденія въ Ганноверѣ академіи, члены которой могли бы совершенно предаться изученію практическихъ наукъ и своими изобрѣтеніями вызвать новые промыслы и увеличить благосостояніе народа. Въ умѣ Лейбница мысль о серіозной наукѣ, о теоріи, всегда соединялась съ мыслію о практическомъ примѣненіи ея. Извлекая изъ нея тотчасъ практическую выгоду, онъ думалъ оправдать отвлеченную науку и доказать необходимость постоянно прибѣгать къ теоріи, къ отвлеченной мысли. Оттого онъ не любилъ университетовъ, представлявшихъ только сухую и часто безполезную теорію, и постоянно хлопоталъ объ учрежденіи академій, которыя должны были соединять научныя изслѣдованія съ практическимъ примѣненіемъ ихъ. „Если научныя учрежденія — писалъ онъ герцогу — какъ бы они ни были важны, кажутся безполезными, то народъ отзывается дурно о нихъ и воображаетъ, что такими пустыми забавами растрачивается достояніе подданныхъ, хотя бы издержки были и не значительны. Но если онъ видитъ, что думаютъ только о томъ, чтобъ

---

[1]) W. v. L. ed. O Kl. IV, p. 404.

облегчить его положеніе, дать ему средство заработать свой хлѣбъ, производить дома то, что̀ привозится отъ иностранцевъ, извлечь выгоду изъ произведеній страны, онъ только будетъ благословлять такія благія намѣренія. И такъ какъ всѣ подобныя предпріятія основаны на механикѣ и физикѣ, то нѣтъ лучшаго средства поддерживать науку, какъ соединяя съ ней такія практическія цѣли".

Но пока нельзя было и думать объ устройствѣ въ Ганноверѣ такого ученаго общества. Лейбницъ одинъ старался замѣнить собой цѣлую академію. Для того, чтобы быть болѣе въ состояніи давать герцогу совѣты, Лейбницъ считалъ прежде всего нужнымъ собрать какъ можно больше фактическихъ свѣдѣній о положеніи герцогства и о состояніи различныхъ промысловъ и различныхъ отраслей государственнаго хозяйства. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ указываетъ герцогу на то, что императоръ Августъ постоянно носилъ при себѣ нѣчто въ родѣ справочной книги „Breviarium Imperii", въ которой заключались самыя главныя свѣдѣнія о состояніи его имперіи, собранныя изъ различныхъ архивовъ при канцеляріяхъ и мѣстныхъ управленіяхъ. Эта книга служила основаніемъ самыхъ важныхъ постановленій его. Лейбницъ совѣтуетъ герцогу составить для себя такую книгу и предлагаетъ ему свои услуги. Эта книга должна была служить, по предположенію Лейбница, тѣмъ, что̀ въ наше время называется статистическимъ сборникомъ, и въ то же время заключать въ себѣ указатель, въ какомъ архивѣ и въ какомъ мѣстѣ его можно собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по извѣстному предмету. Съ этою цѣлію онъ совѣтуетъ герцогу учредить центральный архивъ или назначить центральнаго архиварія, который имѣлъ бы право требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ герцогствѣ и отъ всѣхъ чиновниковъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся ихъ вѣдомства, то-есть, нѣчто въ родѣ современнаго статистическаго комитета.

Лейбницъ прямо высказывалъ герцогу, что онъ съ удовольствіемъ принялъ бы на себя эту должность, и дѣйствительно такая должность была бы совершенно по немъ. Но, опасаясь возбудить подозрѣніе герцога, что онъ дѣйствуетъ по внушенію честолюбія, то-есть, желаетъ такимъ путемъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ перваго министра, герцогскаго *fac-totum*'а, Лейбницъ говоритъ, что эта должность могла бы остаться тайной для всѣхъ и извѣстной одному герцогу.

Лейбницъ долженъ былъ опасаться зависти другихъ министровъ и совѣтниковъ герцога, которые не могли сочувствовать подобнымъ проектамъ. Поэтому, представляя свои записки герцогу, онъ часто

проситъ его никому ихъ не показывать, сдѣлать къ нимъ собственноручныя замѣчанія и возвратить ихъ ему.

Съ этимъ центральнымъ архивомъ Лейбницъ соединялъ еще много другихъ важныхъ плановъ. Кромѣ краткаго статистическаго альманаха, при этомъ архивѣ должны были бы издаваться нѣсколько важныхъ сборниковъ и собраній документовъ. Лейбницъ считалъ необходимыми слѣдующіе сборники:

Сборникъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ съ сосѣдними и иностранными государствами.

Сборникъ всѣхъ постановленій, касающихся княжескаго Браунштейгскаго дома.

Сводъ законовъ и постановленій, изданныхъ правительствомъ герцогства, который распадался бы на нѣсколько отдѣловъ: Regierungsordnung, Canzleyordnung, Amtsordnung, Forstordnung, Auschussordnung и пр.

Собраніе всѣхъ земскихъ постановленій, Landtagsabschiede, въ которыхъ находится много полезныхъ указаній.

Собраніе всѣхъ привилегій, почестей и преимуществъ, признанныхъ за герцогскимъ домомъ.

Собраніе всѣхъ рѣшеній имперскихъ судовъ въ Шпейерѣ и въ Вѣнѣ, касающихся Браунштейгскаго дома.

Собраніе всѣхъ притязаній этого дома.

Собраніе всѣхъ привилегій и постановленій, касающихся городовъ, общинъ, обществъ, ремеслъ и отдѣльныхъ семействъ въ странѣ.

Сборникъ свѣдѣній, относящихся къ географіи страны.

Сборникъ историческій, служащій дополненіемъ къ лѣтописямъ страны, и нѣсколько другихъ сборниковъ, необходимость которыхъ оказалась бы съ теченіемъ времени.

Легко замѣтить, что нѣкоторые изъ предположенныхъ сборниковъ имѣли цѣлію только заинтересовать герцога и расположить его въ пользу такого предпріятія, но что вообще все предпріятіе было бы въ высшей степени полезно. Оно свидѣтельствуетъ объ обширности ума Лейбница, о томъ, на сколько онъ опередилъ свой вѣкъ и къ какой блестящей дѣятельности онъ былъ бы способенъ, еслибъ нашелъ себѣ большій просторъ. Мы укажемъ еще на одинъ планъ Лейбница, который доказываетъ, какъ высоко онъ понималъ значеніе науки и какую благодѣтельную реформу онъ произвелъ бы въ системѣ народнаго образованія, еслибъ ему дали возможность осуществить свои планы.

Въ Ганноверѣ, какъ и во всѣхъ протестантскихъ государствахъ сѣверной Германіи, во время реформаціи было конфисковано множество имѣній, принадлежавшихъ католическимъ епископамъ, монастырямъ и церквамъ. Еще во время Тридцатилѣтней войны Ганноверъ пріобрѣлъ такимъ образомъ аббатство Волькенридъ. Большая часть этихъ имуществъ, по крайней мѣрѣ въ Ганноверѣ, состояли подъ особеннымъ вѣдомствомъ, и доходы съ нихъ обращались въ пользу школъ, университетовъ, на содержаніе духовенства и пр. Въ Ганноверѣ сохранились даже отъ времени католицизма нѣсколько такъ-называемыхъ Pfründen, — доходы, которые отдавались въ пожизненное пользованіе различнымъ лицамъ въ видѣ награжденія или въ дополненіе жалованья, преимущественно профессорамъ и проповѣдникамъ; такъ, напримѣръ, Моланусъ, предсѣдатель Ганноверской консисторіи, носилъ званіе аббата Лакумскаго и получалъ доходы, принадлежавшіе этому аббатству. И Лейбницу было обѣщано герцогомъ Іоганномъ-Фридрихомъ одно изъ такихъ мѣстъ, если сдѣлается вакантнымъ. Лейбницъ просилъ герцога поручить ему управленіе всѣми этими имуществами и кромѣ того завѣдываніе стипендіями и суммами, завѣщанными съ благотворительною цѣлью. „Эти имущества — писалъ онъ герцогу — могутъ еще и теперь быть употреблены для благочестивыхъ цѣлей (à des causes pieuses), не такъ, какъ это понимаетъ народъ, но не менѣе къ славѣ Божіей, какъ сообразно съ благоразуміемъ и съ общественной и государственной пользой“. Лейбницъ надѣялся такимъ образомъ выискать средства къ осуществленію тѣхъ ученыхъ и промышленныхъ учрежденій, которыя онъ считалъ необходимыми. Но онъ разчитывалъ, кромѣ того, посредствомъ этого получить вліяніе на направленіе занятій въ Гельмштедскомъ университетѣ, который содержался на счетъ всѣхъ княжескихъ линій Брауншвейгскаго дома, и на школы герцогства, такъ какъ отъ него зависѣло бы въ этомъ случаѣ жалованье профессорамъ и стипендіи учащимся. „Такъ какъ эти люди — пишетъ онъ герцогу — должны были бы относиться ко мнѣ по своимъ дѣламъ, я могъ бы направлять ихъ на полезныя занятія. Ибо жалко смотрѣть, какъ много способныхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ людей занимаются пустяками (niaiseries) по недостатку такого лица, которое могло бы указать имъ предметы, достойные ихъ трудовъ и болѣе подходящіе къ ихъ способностямъ и наклонностямъ. Нѣкоторыхъ можно было бы направлять къ изслѣдованіямъ въ математикѣ и въ механикѣ и къ физическимъ опытамъ. Тѣмъ же, которые склонны къ литературнымъ занятіямъ (gens de belles lettres),

можно было бы предлагать темы по исторіи и публицистикѣ, которыя были бы полезны и бросили бы свѣтъ на исторію страны и на ея состояніе, не говоря уже о сборникахъ и изданіяхъ матеріала, которые можно было бы поручать людямъ, только къ этому способнымъ".

„Въ Гельмштедтѣ читается столько лекцій и защищается столько тезисовъ, часто составленныхъ съ тщательностью и пониманіемъ дѣла; но что̀ можно было бы сдѣлать, еслибъ эти университетскіе господа такъ же охотно занимались дѣйствительными, какъ и призрачными тонкостями" [1])?

Издатель сочиненій Лейбница Онно Клоппъ не безъ нѣкотораго основанія приписываетъ также его вліянію уничтоженіе въ Ганноверѣ этого страннаго предразсудка его времени, такъ-называемыхъ преслѣдованій за колдовство. Какъ извѣстно, первый кто понялъ, что колдовство существуетъ только въ воображеніи невѣжественныхъ судей и суевѣрной толпы и что эти тысячи бѣдныхъ людей и даже дѣтей, ежегодно погибавшихъ на кострѣ за то, что они въ мукахъ пытки наговаривали на себя то, что̀ имъ подсказывали ихъ фанатическіе судьи и исповѣдники — только невинныя жертвы вѣковаго предразсудка,—былъ іезуитъ Ф. Спе. Онъ убѣдился въ этомъ, такъ какъ ему не одинъ разъ приходилось напутствовать такихъ несчастныхъ на ужасную смерть, и онъ высказывалъ это убѣжденіе въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „Cautio criminalis circa processus contra sagas". Дѣло было, однако, такъ опасно, что онъ издалъ свое сочиненіе анонимно, и если бы не Лейбницъ, то мы бы не знали имени того человѣка, который своимъ простымъ умомъ опередилъ самыхъ мудрыхъ и высокоученыхъ юристовъ своего вѣка. Лейбницъ нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ упоминаетъ о почтенномъ іезуитѣ и всякій разъ говоритъ о немъ съ самой высокой похвалой. Мы уже сказали, что курфирстъ Майнцскій І. Ф. Шёнборнъ первый уничтожилъ въ своей странѣ преслѣдованіе противъ колдовства; его примѣру послѣдовалъ Іоганнъ-Фридрихъ, герцогъ Ганноверскій. Самъ Лейбницъ перевелъ на французскій языкъ для герцогини Софіи введеніе къ сочиненію патера Спе, и поэтому предположеніе, что Лейбницъ имѣлъ вліяніе на уничтоженіе при Іоганнѣ-Фридрихѣ процессовъ за колдовство, не лишено вѣроятія.

Второй отдѣлъ занятій Лейбница при дворѣ герцога Ганновер-

---

[1]) W. v. L. ed. O. Kl. IV, p. 423. Si ces messieurs de l'université trouvoient leur conte aussi bien dans les realités, que dans les subtilités en l'air.

скаго составляютъ его труды политическаго и религіозно-политическаго содержанія.

Въ Парижѣ Лейбницъ имѣлъ мало времени и возможности заниматься политикой и публицистикой. Въ его бумагахъ найдено нѣсколько сюда относящихся отрывковъ, но до сихъ поръ неизвѣстно, для кого они были написаны и почему не были окончены. Одинъ отрывокъ отлично описываетъ политическое состояніе Швеціи около 1674 года, когда съ совершеннолѣтіемъ Карла XI вновь начала усиливаться королевская власть на счетъ самовольной и избалованной аристократіи, расточавшей средства страны. Въ другомъ отрывкѣ Лейбницъ въ краткихъ, но мѣткихъ выраженіяхъ обрисовываетъ истощеніе Франціи, плохо прикрываемое внѣшнимъ блескомъ двора. „Парижъ процвѣтаетъ, провинціи бѣднѣютъ“ [1]), говоритъ Лейбницъ. Онъ указываетъ на дороговизну капиталовъ, высокіе проценты, распродажу имѣній и отсутствіе покупателей, паденіе торговли и промышленности вслѣдствіе войны и высокихъ пошлинъ, какъ на вѣрные признаки обѣднѣнія страны.

Нѣсколько отрывковъ касаются плѣна и освобожденія князя Фюрстенберга и заключенія мира между Франціей и Германіей. Извѣстно, что нападеніе Французовъ на Голландію заставило императора и Испанію объявить войну Лудовику XIV. По настоянію Швеціи, союзницы Франціи, воюющія державы согласились въ 1674 году прислать своихъ уполномоченныхъ въ Кельнъ для переговоровъ о мирѣ. Сюда же въ Кельнъ явился безъ охранной или пропускной грамоты князь Вильгельмъ Фюрстенбергъ, совѣтникъ курфирста Кельнскаго, совершенно преданный Франціи и постоянно дѣйствовавшій въ ея интересахъ. Его вліянію и совѣтамъ приписывали насильственныя дѣйствія Франціи въ Эльзасѣ и Лотарингіи и ея высокомѣріе на Кельнскомъ конгрессѣ. Императоръ, по совѣту своихъ пословъ, приказалъ схватить Фюрстенберга какъ вѣроломнаго вассала и отвезти его въ Вѣну. Франція и Швеція объявили это нарушеніемъ международнаго права, отозвали своихъ уполномоченныхъ изъ Кельна, и переговоры о мирѣ были на долгое время отсрочены.

Лейбницъ, несмотря на свой патріотизмъ и на свою привязанность къ императору, разсматриваетъ въ своихъ отрывкахъ дѣло Фюрстенберга чрезвычайно объективно и безпристрастно; онъ вычисляетъ всѣ обвиненія противъ него и приводитъ все, что можно было сказать въ

[1]) Parisii florent, provinciae exhauriuntur. W. v. Leib. ed. O. Kl. III, p. 78, etc.

его оправданіе. Наконецъ, разбираетъ все дѣло съ точки зрѣнія международнаго права и осуждаетъ способъ дѣйствія императорскаго правительства. Лейбницъ называетъ себя въ одномъ изъ этихъ отрывковъ sempersibisimilis, намекая на то, что онъ въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ остается вѣренъ себѣ, то-есть, безпристрастенъ, не поддаваясь духу партій и всегда имѣя въ виду не частный, а общій интересъ. Въ этомъ случаѣ онъ больше всего желалъ возстановленія европейскаго мира и въ послѣднемъ отрывкѣ обсуждаетъ основанія, на которыхъ могъ бы быть заключенъ этотъ миръ.

Пребываніе въ Ганноверѣ снова дало Лейбницу возможность заняться политикой и выказать свой замѣчательный талантъ къ публицистикѣ. Но какъ можно было ожидать, его талантъ въ Ганноверѣ поглощался мелочными интересами маленькаго нѣмецкаго двора и не находилъ соотвѣтствующей себѣ задачи. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выказывается весь вредъ политической раздробленности, которую выставляютъ въ Германіи такъ часто съ идеальной стороны.

Главная забота Ганноверскаго герцога состояла въ томъ, чтобъ обезпечить за собой право посылать, подобно великимъ державамъ, на конгрессъ и къ иноземнымъ дворамъ уполномоченныхъ пословъ съ подобающими ихъ званію почестями. Въ 1675 году въ Нимвегенѣ собрался конгрессъ для переговоровъ о мирѣ. На этомъ конгрессѣ не хотѣли допускать уполномоченныхъ отъ нѣмецкихъ князей иначе, какъ въ званіи „представителей" (deputés); тогда какъ уполномоченные отъ курфирстовъ были допущены въ званіи пословъ (ambassadeurs), подобно дипломатамъ Франціи, Англіи, Испаніи и пр. Напрасно герцоги Брауншвейгскаго дома обращались къ Англіи, какъ посреднической державѣ на конгрессѣ, съ требованіемъ, чтобъ ихъ послы были сравнены въ правахъ съ правами курфирстовъ. Напрасно они объявили императору, что готовы на всякое пожертвованіе въ пользу имперіи, если ихъ просьба будетъ имъ исполнена. Желаніе ихъ не было удовлетворено, и переговоры объ этомъ тянулись нѣсколько лѣтъ. По этому поводу возникла цѣлая литература полемическихъ сочиненій въ пользу княжескихъ притязаній и противъ нихъ. Этотъ споръ на первый взглядъ можетъ казаться только пустымъ изобрѣтеніемъ тщеславія и педантизма, которымъ отличались дипломаты XVII вѣка. Въ то время между послами постоянно происходили столкновенія изъ-за титуловъ, изъ-за почестей и мелочей дипломатическаго церемоніала. Извѣстно столкновеніе между французскимъ и

испанскимъ посломъ въ Лондонѣ, во время котораго Лондонская чернь приняла сторону послѣдняго и которое едва не послужило поводомъ къ разрыву между Франціей и Испаніей. Вскорѣ послѣ того подобная ссора возникла между императоромъ и курфирстомъ Бранденбургскимъ за то, что императорскій посолъ въ Варшавѣ не хотѣлъ дать бранденбургскимъ посламъ титулъ превосходительства. Но споръ, о которомъ мы хотимъ говорить, представляетъ болѣе серіозную сторону. Въ настоящемъ случаѣ, важенъ былъ не столько титулъ, сколько политическій принципъ, скрывавшійся за нимъ. Нѣмецкіе князья давно стремились къ самостоятельности и независимости отъ императора. До Тридцатилѣтней войны, однако, эта независимость ихъ касалась только внутренняго устройства имперіи; во внѣшнихъ же отношеніяхъ имперія представляла одно государство. Послѣ Тридцатилѣтней войны Германія перестаетъ быть государствомъ, хотя сохраняетъ прежнія формы; она является группою самостоятельныхъ государствъ, весьма слабо связанныхъ политическими преданіями и федеративными формами. Выраженіемъ этого новаго порядка вещей является стремленіе князей заключать союзъ съ иностранными государствами, что̀ было допущено Вестфальскимъ миромъ, и выступать на конгрессахъ въ качествѣ европейской державы. Но на практикѣ тутъ представлялись большія затрудненія. Число государствъ, на которыя распадалась Германія, было слишкомъ велико, и большая часть ихъ была слишкомъ ничтожна, чтобъ играть роль въ международныхъ отношеніяхъ Европы и стать на ряду съ первоклассными державами Европы. Но ка̀къ разграничить полноправныя государства отъ неполноправныхъ? Легче всего отъ другихъ князей отдѣлялись курфирсты, которые избирали императора и составляли особенную коллегію на сеймѣ. Послѣ нѣкоторыхъ пререканій европейскія державы признали ихъ равноправными съ собой. Но за курфирстами тянулся цѣлый рядъ герцоговъ и другихъ князей, изъ которыхъ нѣкоторые въ могуществѣ не уступали курфирстамъ и составляли переходъ къ графамъ и прочимъ мелкимъ владѣтелямъ. Къ этимъ князьямъ, не желавшимъ уступить курфирстамъ, принадлежалъ и герцогъ Ганноверскій, который поручилъ Лейбницу написать сочиненіе въ защиту княжескихъ притязаній.

Итакъ, здѣсь дѣло шло не столько о правѣ князей посылать уполномоченныхъ на конгрессъ, сколько о томъ, чтобы выяснить мѣсто мелкихъ государей Германіи въ международныхъ отношеніяхъ Европы. Задача, порученная Лейбницу, была для него не легка. Мы видѣли, что онъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ противникомъ

партикуляризма, стремившагося къ раздробленію Германіи. Онъ былъ патріотъ, то-есть, защитникъ верховныхъ правъ императора, на сколько это нужно было для объединенія и безопасности Германіи. И ему-то поручали защищать княжескіе интересы, доказывать право князей на политическую самостоятельность. Его сочиненіе носитъ на себѣ слѣды этого противорѣчія, въ которомъ онъ находился. Онъ старался занять такую точку зрѣнія, съ которой можно было примирить интересы князей и императора, какъ представителя цѣлой Германіи. Самый псевдонимъ, который онъ избралъ для себя — Caesarinus Fürstenerius, указываетъ на то, что онъ, поддерживая притязанія князей, старается соблюдать интересы императора. Онъ старался быть умѣреннымъ и безпристрастнымъ не только относительно императора, но и относительно главныхъ соперниковъ князей — курфирстовъ, которые желали имѣть какъ можно болѣе преимуществъ передъ князьями и потому были самыми ожесточенными противниками ихъ. Эта умѣренность его въ отношеніи къ курфирстамъ вызвала неудовольствіе ганноверскаго министра Грота; но Лейбницъ успѣлъ склонить герцога на свою сторону. Въ послѣдствіи, когда Ганноверскіе герцоги сами пріобрѣли титулъ курфирстовъ, Лейбницъ часто напоминалъ Гроту о томъ, какъ умѣстно было его безпристрастіе.

По своему обыкновенію, Лейбницъ совершенно исчерпываетъ затронутый имъ вопросъ и пользуется всѣми средствами своей громадной учености и начитанности, чтобы выяснить его настоящее значеніе и возвести частный фактъ въ область строгой науки. Подъ его перомъ памфлетъ о правѣ князей послать уполномоченныхъ пословъ на Нимвегенскій конгрессъ превратился въ серіозное сочиненіе, которое занимаетъ почетное мѣсто въ литературѣ государственнаго и международнаго права. Его Tractatus de jure suprematus ac legationis principum Germaniae служитъ важнымъ историческимъ источникомъ, потому что бросаетъ яркій свѣтъ на переворотъ, происшедшій вслѣдствіе Тридцатилѣтней войны въ государственномъ правѣ Германіи и вслѣдствіе этого въ международныхъ отношеніяхъ Европы. Несмотря на свою обширность (оно занимаетъ 305 стр. in-4 въ изданіи О. Клоппа), на сухость предмета и мелочность интересовъ, наконецъ, на латинскій языкъ, сочиненіе Лейбница читается почти съ увлеченіемъ, такъ живо его изложеніе и такъ искусно овладѣваетъ онъ вниманіемъ читателя.

Точка отправленія Лейбница слѣдующая: нѣмецкіе князья — свободные, самостоятельные государи, облеченные всѣми правами верховной власти, слѣдовательно имъ принадлежитъ также право отправлять

посольства. Но возвысивъ такимъ образомъ значеніе князей, Лейбницъ долженъ былъ, для сохраненія идеи Германской имперіи, возвысить значеніе императора. Для этого онъ прибѣгнулъ къ средневѣковымъ представленіямъ о томъ, что всѣ христіанскіе народы составляютъ одно цѣлое и что выраженіемъ этого единства служитъ папа, глава духовный, и императоръ — глава политическій. Странно было въ концѣ XVII вѣка, да къ тому же еще протестанту, снова вызывать эту давно забытую тѣнь средневѣковаго католичества. Но Лейбницъ примѣнилъ ее къ современнымъ потребностямъ. Если въ средніе вѣка народы группировались около императора во имя католической идеи и преданій Римской имперіи, они теперь могли сомкнуться въ братскій союзъ во имя интересовъ цивилизаціи и для поддержанія мира. Это та же самая идея о вѣчномъ мирѣ, которая занимала столькихъ мыслителей отъ Сенъ-Піерра до Канта. Лейбницъ думалъ достигнуть того же самаго посредствомъ постояннаго конгресса подъ предсѣдательствомъ или руководствомъ императора. Въ его время преданіе было еще такъ свѣжо и авторитетъ Римско-германскаго императора для многихъ еще такъ великъ, что эта мысль находила себѣ нѣкоторое основаніе въ дѣйствительности. Римско-германская имперія, уже теперь состоявшая изъ самостоятельныхъ государствъ, превратилась бы тогда въ федерацію всѣхъ христіанскихъ народовъ. „То, чего теперь, говоритъ Лейбницъ, стараются достигнуть съ помощью посредничествъ (mediationibus) и гарантій, тогда осуществлялось бы гораздо дѣйствительнѣе".

Всѣ эти разсужденія о вѣчномъ мирѣ и о средствахъ возстановить болѣе разумныя и достойныя отношенія между народами легко считать несбывчивыми мечтами теоретиковъ, несообразными съ дѣйствительностью и съ эгоистичеекими порывами человѣческой природы; но не слѣдуетъ забывать, что съ развитіемъ цивилизаціи крѣпнетъ сознаніе о международномъ правѣ и что особенно исторія нашего вѣка представляетъ отрадныя доказательства пробужденія этого сознанія. Дѣло не въ вѣчномъ мирѣ, а въ развитіи общественнаго мнѣнія между цивилизованными народами, которое можетъ со временемъ представлять крѣпкую гарантію для международнаго права и интересовъ цивилизаціи.

Въ началѣ своего сочиненія Лейбницъ излагаетъ исторію спора. Франція, желая присоединить къ себѣ Лотарингію и считая ее полузавоеванной провинціей, не хотѣла допустить на Нимвегенскій конгрессъ пословъ Лотарингскаго герцога. По смерти герцога Карла, она

не хотѣла дать его преемнику герцогскаго титула, а назвала его княземъ (prince), чтобы такимъ образомъ сравнить его съ младшей линіей Лотарингскаго дома, давно принявшей французское подданство. Наконецъ, французское правительство признало его герцогомъ, но въ паспортѣ (sauf-conduit), выданномъ его посламъ, назвало ихъ deputés—представителями. Чтобъ оправдать это, Франція объявила, что она только за посланниками курфирстовъ признаетъ титулъ пословъ (ambassadeur), герцогскихъ же и вообще княжескихъ пословъ считаетъ только депутатами или агентами. Французы даже взяли назадъ охранную грамоту, выданную уполномоченнымъ Пфальцъ-Нейбургскаго герцога, на томъ основаніи, что они въ ней были названы послами. Противъ этого герцоги Лотарингскій и Нейбургскій подали протестъ, и къ нимъ скоро присоединились герцоги Брауншвейгскаго дома. Вслѣдствіе этого переговоры о мирѣ затянулись. Наконецъ, генеральные штаты, недовольные проволочкой, стали хлопотать въ пользу герцоговъ, и хотя послѣдніе, не желая терять времени, отправили на конгрессъ пословъ низшаго званія, такъ-называемыхъ Ablegati, но императоръ призналъ за ними право посылать пословъ перваго разряда, то-есть, Legati.

Изъ того, что за герцогскими уполномоченными признано было званіе пословъ, Лейбницъ выводилъ, что за ними слѣдуетъ также признать права и почести, связанныя съ этимъ званіемъ, то-есть, вопервыхъ, чинъ превосходительства, вовторыхъ, право требовать по пріѣздѣ на конгрессъ первый визитъ отъ всѣхъ прежде прибывшихъ, и наконецъ, втретьихъ, право, въ случаѣ посѣщенія ими другаго посла, занимать первое мѣсто у него въ домѣ.

Для подтвержденія этого Лейбницъ разбираетъ различныя посольскія званія и титулы. По его мнѣнію, послы могутъ различаться относительно полномочія и относительно почестей. Полномочный послъ (plenipotentiarius) тотъ, дѣйствія котораго обязательны для государя. Относительно почестей можно различать два разряда: пословъ (legati, ambassadeurs) и посланниковъ (ablegati, envoyés). И тѣ и другіе могутъ быть полномочные и неполномочные. Степень полномочія не даетъ права на особенныя почести и преимущества, какъ нѣкоторые полагаютъ; точно также, говоритъ онъ, ошибочно полагать, что *чрезвычайные* (extraordinarii) послы своимъ званіемъ стоятъ выше обыкновенныхъ (ordinarii) и составляютъ особенный разрядъ. Какъ послы, такъ и посланники могутъ быть обыкновенные и чрезвычайные. Это зависитъ отъ того, посланы ли они на неопредѣленный срокъ или по

извѣстному дѣлу. Эта ошибка происходитъ отъ того, что вновь прибывшій чрезвычайный посолъ пользуется преимуществомъ передъ постояннымъ того же государя.

Что касается до остальныхъ дипломатическихъ званій, то *резидентъ* не что иное, какъ обыкновенный посланникъ (envoyé ordinaire), *агентъ* — тотъ, который имѣетъ при себѣ не вѣрительныя грамоты, а только рекомендаціонныя; агентовъ поэтому не причисляютъ къ дипломатическому корпусу (inter ministros non habent). *Консулы* занимаются купеческими дѣлами и имъ подсудны купцы ихъ націи; *депутатами* называются тѣ, которые присланы отъ государствъ, составляющихъ одно цѣлое; такъ, напримѣръ, посланники нѣмецкихъ государей на имперскомъ сеймѣ носятъ званіе депутатовъ.

Такимъ образомъ относительно почестей слѣдуетъ различать только два разряда: пословъ и посланниковъ. Посолъ представляетъ своего государя — habet characterem repraesentatitium, то-есть, пользуется тѣми почестями, которыми бы пользовался его государь; такъ, напримѣръ, онъ имѣетъ право стоять съ покрытой головой въ присутствіи государя, къ которому онъ посланъ. Но, конечно, онъ пользуется этими почестями только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ дѣйствительно представляетъ собой своего государя.

Право отправлять такихъ пословъ перваго разряда принадлежитъ нѣмецкимъ князьямъ. Это доказывается, вопервыхъ, логикой (ratione), ибо это право вытекаетъ изъ понятія верховной власти (suprematus). Это понятіе не довольно выяснено юристами. Первая ступень общественной власти — право суда въ извѣстной области и право наказывать непослушныхъ суду (jurisdictio). Если же къ этому присоединяется право держать воинскую силу, набирать войско изъ гражданъ и собирать все нужное для ихъ продовольствія, то это уже верховная власть — jus superioritatis territorialis, или какъ Французы это называютъ, souveraineté. Но это еще не есть верховная власть въ полномъ смыслѣ, ибо подвластная область можетъ быть такъ мала, что будучи въ состояніи обороняться, она, однако, можетъ не имѣть средствъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Если же она довольно обширна, чтобы вести войну и вступать въ союзы съ сосѣдними государствами, тогда и государю уже принадлежитъ полная верховная власть или suprematus territorialis.

Такимъ образомъ, въ своемъ разсужденіи, Лейбницъ изъ области теоріи прямо выступаетъ на почву дѣйствительности. Въ теоріи онъ признаетъ за всѣми нѣмецкими князьями верховную власть, считаетъ

ихъ государями; но какъ называть государями мелкихъ нѣмецкихъ князей, которые въ богатствѣ и значеніи уступаютъ многимъ подданнымъ другихъ государей? Лейбницъ беретъ за норму матеріальный фактъ; онъ приписываетъ супрематъ тѣмъ, которые имѣютъ средства доказать, что они государи, въ состояніи вести войну и довольно могущественны для того, чтобы другіе заискивали ихъ расположеніе и союзничество. Такимъ образомъ онъ не признавалъ верховной власти за мелкими князьями имперіи и устанавливалъ различія между нѣмецкими князьями, котораго на самомъ дѣлѣ не существовало. Но не слѣдуетъ забывать, что вопросъ, обсуждаемый Лейбницемъ, касался не столько внутренняго государственнаго права Германіи, относительно котораго и слабѣйшіе князья могли претендовать на равноправность, а международнаго права, въ которомъ ихъ притязанія не могли имѣть смысла, и что онъ писалъ для герцога Ганноверскаго, который подходилъ подъ установленную имъ норму.

Но признавая за болѣе крупными нѣмецкими князьями полную верховную власть, Лейбницъ патріотъ, Лейбницъ приверженецъ императора и защитникъ общегерманскихъ интересовъ, присоединялся къ противнику своему Пуфендорфу, ко всѣмъ, которые разрушали единство имперіи, считали ее не государствомъ, а федераціей. Поэтому онъ спѣшитъ заявить, что супрематъ князей не мѣшаетъ государственному единству, и выставляетъ для этого различіе между конфедераціей и уніей (unio), въ родѣ того, какъ нѣмецкіе публицисты, напримѣръ, Блунчли, до 1866 года старались различать Bundesstaat отъ Staatenbund, причисляя къ первому Германію, ко второму Америку и Швейцарію. Лейбницъ полагаетъ, что между *конфедераціей* и *уніей* заключается такое же различіе, какъ между *обществомъ* (въ смыслѣ компаніи) и *общиной*. Общество состоитъ изъ отдѣльныхъ членовъ, которые дѣлятъ между собой барыши; община же представляетъ собою гражданское лицо и члены ея находятся въ гораздо большемъ подчиненіи цѣлому, чѣмъ члены общества.

Но при этомъ Лейбницъ впалъ въ противорѣчіе съ ученіемъ самаго знаменитаго изъ тогдашнихъ юристовъ, Гоббеса, и поэтому подвергаетъ критикѣ его взглядъ на государство.

По ученію Гоббеса, люди по природѣ или въ безгосударственномъ состояніи имѣютъ право дѣлать все, что они считаютъ для себя полезнымъ; ихъ право на все ограничено только сопротивленіемъ другихъ; отсюда проистекаетъ постоянная борьба со всѣми, пагубная для отдѣльныхъ лицъ. Изъ этого вытекаетъ необходимость мира, кото-

рый возможенъ только въ томъ случаѣ, если всѣ отказываются отъ своего права на все, отъ того произвола, изъ котораго происходитъ это право. Такимъ образомъ право, произволъ, воля каждаго отдѣльнаго лица въ совокупности переносятся на правительство какъ на гражданское лицо (persona civilis), будетъ ли то монархъ, или совѣтъ оптимистовъ, или народное собраніе. Это правительство представляетъ собой волю всѣхъ гражданъ государства, поэтому должно быть единымъ, и верховную власть невозможно дробить между нѣсколькими лицами или коллегіями. Ибо если, напримѣръ, одному лицу будетъ предоставлена законодательная власть, другому право налагать подати, то въ случаѣ разногласія между ними, государство разрушается. Ибо такъ какъ безъ денегъ управлять нельзя, то лицо или коллегія, завѣдывающая налогами, можетъ лишить другое лицо правительственной власти, что не имѣетъ смысла. Поэтому вездѣ, гдѣ существуетъ раздѣленіе властей, Гоббесъ видитъ не государство, а чистую анархію — anarchiae merae.

Лейбницъ возражаетъ противъ этого, что такого государства, какое разумѣетъ Гоббесъ, на землѣ вовсе и нѣтъ. Изъ принциповъ Гоббеса вытекаетъ, что монархъ можетъ самъ назначить себѣ преемника; а это подверглось бы осмѣянію даже во Франціи, которую многіе считаютъ образцомъ абсолютическаго государства. Ошибка Гоббеса заключается въ томъ, что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ терпѣть никакого положенія, которое влечетъ за собой извѣстныя затрудненія; но это несогласно съ природою дѣлъ человѣческихъ. Хотя раздѣленіе властей можетъ породить несогласія и даже войны, но опытъ показываетъ, что на самомъ дѣлѣ люди большею частью избираютъ извѣстный средній путь. Затѣмъ Лейбницъ доказываетъ, что ни одно изъ европейскихъ государствъ не подходитъ подъ норму Гоббеса; даже въ Турціи власть султана ограничена, какъ видно изъ исторіи Ибрагима, который былъ низложенъ по рѣшенію высшихъ сановниковъ и котораго глава духовенства, или муфти, призвалъ къ духовному суду (Char-Allah), и потомъ, когда онъ не повиновался муфти, снялъ съ его подданныхъ присягу въ вѣрности.

Такимъ образомъ, заключаетъ Лейбницъ [1]), государства Гоббеса не встрѣчаются ни у варваровъ, ни у цивилизованныхъ народовъ. Они не возможны, да и не зачѣмъ ихъ желать; развѣ только въ томъ случаѣ, если бы тѣ, которые завѣдуютъ правительствомъ, обладали ангель-

[1]) Werke v. Leib. ed O. Kl. T. IV, p. 60.

скими добродѣтелями. Ибо до тѣхъ поръ люди захотятъ сохранить за собой свободную волю и заботиться о своемъ благоденствіи по своему усмотрѣнію, пока не будутъ вполнѣ убѣждены въ высшей мудрости и способности (potentia) своихъ правителей, что необходимо для совершенной уступки (resignatio) своей воли. Поэтому разсужденія Гоббеса умѣстны только относительно того царства, правитель котораго есть Богъ, которому одному можно во всемъ довѣриться.

Затѣмъ Лейбницъ приводитъ въ доказательство того мнѣнія, что нѣмецкіе князья обладаютъ верховною властью, мнѣнія различныхъ ученыхъ и государственныхъ людей. Онъ доказываетъ, что Францiя и Швецiя всегда признавали этотъ супрематъ, когда имъ это было выгодно. Давно уже признана за князьями верховная власть. Еще въ XV вѣкѣ Еней Сильвій (папа Пій II) говорилъ о нихъ, что они признаютъ надъ собой главу, но управляютъ своими подданными по своему произволу. Императоръ Максимиліанъ называлъ себя царемъ царей; надъ этимъ его современники подшучивали, говоря, что онъ этимъ признаетъ себя царемъ безъ подданныхъ.

Изъ ученыхъ Лейбницъ цитуетъ Эразма, Бодина, наконецъ самого Монзамбана (Пуфендорфа), „который въ своемъ изящномъ, но слишкомъ ѣдкомъ и не лишенномъ пристрастія сочиненіи говоритъ, что князья только состоятъ съ императоромъ на основаніи ленной присяги не въ неравноправномъ *союзѣ*, въ прочемъ же сохраняютъ за собой верховную власть“ [1]).

Но Лейбницъ идетъ еще далѣе. Онъ беретъ на себя доказать, „вопреки общепринятому мнѣнію“, что нѣмецкіе князья искони обладали этой верховной властью, что она произошла не отъ начальниковъ провинцій и воеводъ, мало по малу пріобрѣвшихъ наслѣдственность и самостоятельность, но отъ древнихъ князей и царьковъ германскихъ племенъ. Эти царьки были побѣждены Франками, но не совершенно покорены, и владѣнія ихъ не были обращены въ провинціи, но оставлены имъ и ихъ наслѣдникамъ въ видѣ лена. Этотъ парадоксъ характеристиченъ для состоянія тогдашней исторической науки. Правда, Лейбницъ тогда еще не посвятилъ себя спеціальному изученію средневѣковой исторіи, но и теперь уже онъ обладалъ обширными свѣдѣніями въ исторической и юридической литературѣ, какъ

[1]) Ibid. p. 66: Nuper Monzambanus quidam personatus libello eleganti, sed paulo mordaciore, quam par sit, nec affectuum vacuo asseruit, Principes Imperatori tantum feudi fide inaequaliter foederatos esse, salva ipsorum summa potestate.

видно изъ его сочиненія, и тѣмъ не менѣе онъ рѣшался высказать такой парадоксальный взглядъ на происхожденіе княжеской власти. Но вспомнимъ, что еще въ слѣдующемъ столѣтіи во Франціи въ ученыхъ сочиненіяхъ доказывалось, что дворянство происходитъ отъ Франковъ завоевателей, а остальныя сословія отъ покоренныхъ Романовъ, и что бытъ германскихъ племенъ V вѣка объяснялся съ помощью теорій общественнаго договора Руссо.

Чтобы доказать свое положеніе, Лейбницъ проходитъ въ бѣгломъ обзорѣ исторію Германіи со времени Франковъ и приводитъ имена герцоговъ и графовъ, о которыхъ упоминается въ исторіи. Тутъ встрѣчаются имена вождей еще не покоренныхъ Франками племенъ и рядомъ съ ними имена герцоговъ и графовъ, очевидно, поставленныхъ франкскими королями надъ отдѣльными провинціями. Какъ извѣстно, въ VII и VIII вѣкахъ, вслѣдствіе раздробленія Меровингской монархіи, значеніе франкской аристократіи чрезвычайно усилилось, и многія провинціи уже тогда пріобрѣли большую самостоятельность. Лейбницъ указываетъ на это и выводитъ заключеніе, что уже тогда состояніе Германіи приближалось къ тому, въ которомъ она находилась черезъ 300 лѣтъ послѣ этого, „такъ что, говоритъ онъ, мы напрасно отыскиваемъ въ древнихъ памятникахъ тѣхъ временныхъ герцоговъ, поставленныхъ надъ отдѣльными провинціями“. Эпоха Карла Великаго, время усиленія королевской власти, могла бы служить опроверженіемъ парадокса Лейбница, но онъ быстро ее проходитъ и останавливается на слѣдующей за тѣмъ эпохѣ, когда развивается феодализмъ и въ отдѣльныхъ областяхъ имперіи Каролинговъ снова возникаютъ могущественные, полусамостоятельные владѣльцы. Въ X вѣкѣ, продолжаетъ онъ, по причинѣ вторженія варваровъ, число князей и власть ихъ еще болѣе увеличились, такъ что уже въ то время утвердилось то могущество князей, которымъ они теперь обладаютъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ Лейбницъ, княжеская власть возникла не изъ воеводской посредствомъ возмущенія, но стоитъ въ преемственной связи съ властью древнихъ племенныхъ царьковъ.

Послѣ этого историческаго обзора, Лейбницъ описываетъ современное положеніе князей и доказываетъ, что они пользуются въ своихъ областяхъ верховною властью. Относительно подданныхъ имъ предоставлена законодательная власть, право чеканить монету, устанавливать мѣру и вѣсъ, учреждать судъ, созывать земство, право помилованія, право набирать войско, право вводить въ своей области всякое вѣроисповѣданіе, у протестантовъ еще высшая церковная власть,

право собирать налоги, акцизы и таможенныя пошлины, право регалій и проч. Въ международныхъ отношеніяхъ князья всегда имѣло право воевать между собой, съ Вестфальскаго же мира они получили право вести войну и вступать въ союзъ съ иностранными государствами. Итакъ Лейбницъ, который такъ неодобрительно относился къ этому праву князей, теперь употребляетъ его какъ доказательство въ пользу своего положенія. Онъ даже съ помощью исторіи вычисляетъ, какую пользу принесли Германіи различные союзы, заключенные имперскими князьями съ иностранцами, напримѣръ, Шмалькальденскій и Рейнскій союзы. Онъ говоритъ, что этимъ союзамъ Германская имперія обязана своимъ существованіемъ, и приводитъ слова одного публициста, что подобно тому, какъ въ медицинѣ многое полезно для больнаго тѣла, что̀ вредно для здороваго, такъ и эти союзы съ иностранцами должны быть разсматриваемы какъ лѣчебныя средства, отъ которыхъ бы слѣдовало воздержаться, если бы государство было въ нормальномъ положеніи. Далѣе, говоритъ онъ, нѣмецкіе князья не уступаютъ королевскимъ домамъ въ древности рода; они часто приглашались ими какъ посредники и третейскіе судьи, гарантировали ихъ владѣнія, и хотя уступаютъ имъ въ матеріальныхъ средствахъ, однако составляютъ съ ними извѣстную семью, подобно тому какъ всѣ рыцари, допускаемые на турниры, хотя были не равны другъ другу средствами и почестями, считались членами одного и того же сословія. Нѣмецкіе князья искони пишутся „Божіей милостью“, что̀ составляетъ признакъ верховной власти, и хотя имъ, равно какъ и князьямъ Италіи, не предоставлено право титуловаться „Величествомъ“, на самомъ же дѣлѣ оно имъ принадлежитъ, ибо преступленія противъ ихъ особы считаются преступленіями противъ Величества (laesae majestatis).

Затѣмъ Лейбницъ приводитъ противное мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ князей подданными на томъ основаніи, что они присягаютъ императору въ вѣрности какъ вассалы и могутъ быть обвиняемы въ измѣнѣ. Лейбницъ говоритъ, что тотъ же самый аргументъ можно привести противъ курфирстовъ, и если бы ленная присяга влекла за собой подданство, то короли Испаніи, Даніи и Швеціи должны были бы считаться подданными императора. Въ настоящее время суровые феодальные законы и вассальныя обязательства смягчены обычаемъ. Во время войны между Имперіей и Франціей, послѣдняя считала нѣкоторыхъ князей нейтральными, хотя они, какъ вассалы имперіи, выслали противъ Франціи свои контингенты. Немудрено, говоритъ онъ, что князья пользуются теперь большею свободою, когда и част-

нымъ людямъ предоставлена бо́льшая свобода, напримѣръ, право переселяться изъ одного государства въ другое.

Что касается до наказанія князей за измѣну, то казнь въ настоящее время считалась бы слишкомъ жестокой. Правда, они могутъ быть лишены имперскимъ сеймомъ своихъ владѣній, но по праву войны, какъ и иностранные государи. Въ настоящее время въ такую войну, на основаніи Вестфальскаго мира, гарантированнаго европейскими державами, непремѣнно вмѣшались бы иностранные государи, и не Имперія, а вся Европа была бы судьей въ этомъ вопросѣ. Противъ силы ничего нельзя сдѣлать въ человѣческихъ дѣлахъ; но тѣхъ, по крайней мѣрѣ, нужно считать свободными и неприкосновенными, которыхъ трудно осилить. Итакъ судъ надъ Имперскими князьями теперь непремѣнно долженъ принять международный характеръ. Подобно тому, въ древней Греціи амфиктіоны были судьями надъ свободными, независимыми государствами, и ими осуждены Лакедемонцы за занятіе Кадмеи, а Фокейцы объявлены врагами, и противъ нихъ вооружена вся Греція.

Папа, какъ глава церкви, и императоръ, какъ *меченосецъ* церкви, глава свѣтскій, всегда имѣли и имѣютъ извѣстную власть надъ самостоятельными государями, въ доказательство чего Лейбницъ приводитъ множество историческихъ примѣровъ. Французскіе короли до сихъ поръ на своихъ золотыхъ монетахъ употребляютъ эпиграфъ: Christus regnat, vincit, imperat. Подъ этимъ царствомъ Христовымъ подразумѣвалось то царство, главой котораго состоятъ папа и императоръ. И хотя бы преданіе о намѣстничествѣ св. Петра и о Четвертой монархіи и не было божественнаго происхожденія, бо́льшая часть людей считали бы это повѣріе полезнымъ и цѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ нѣмецкіе князья, признавая надъ собой власть императора, въ этомъ не отличаются отъ остальныхъ государей; нѣмецкая нація только дольше сохранила уваженіе къ императорской власти, послѣ того какъ присвоила себѣ право избирать императора. Итакъ за нѣмецкими князьями слѣдуетъ признать верховную власть; а изъ понятія верховной власти проистекаетъ право посольства.

Это доказательство логическое, но существуетъ еще доказательство фактическое. Если право посольства признано за курфирстами и за князьями Италіи, то его слѣдуетъ предоставить также князьямъ Германской имперіи.

Курфирсты прежде не имѣли никакихъ преимуществъ предъ другими князьями въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Только въ послѣднее

время они пріобрѣли ихъ. Когда курфирсты согласились давать Французскому королю титулъ величества (majestas), онъ сталъ называть ихъ братьями (mon frère), тогда какъ прежде давалъ имъ титулъ—mon cousin. А на Мюнстерскомъ конгрессѣ, когда они согласились не оказывать императорскому послу предпочтительныхъ почестей передъ французскимъ, ихъ послы были уравнены въ почестяхъ съ Венеціанскими, впрочемъ не совсѣмъ; ибо послы Венеціанскіе, Савойскіе, даже Мантуанскіе и Моденскіе имѣютъ право покрываться въ присутствіи французскаго короля; а послы Венеціанскіе и Голландскіе имѣютъ кромѣ того право торжественнаго въѣзда ко двору (receptio solennis). Но противъ уравненія князей съ курфирстами, говоритъ Лейбницъ, намъ могутъ сдѣлать возраженіе, что курфирста можно поставить въ уровень съ королями, остальныхъ же князей только съ герцогами. Напримѣръ, въ Римѣ Венеціанскіе послы пользуются почестями королевскихъ пословъ; курфирсты же уравнены теперь съ Венеціанцами.

Для того чтобы убѣдиться, справедливо ли это различіе между курфирстами и князьями, слѣдуетъ разсмотрѣть положеніе первыхъ въ Имперіи.

Преимущество курфирстовъ передъ князьями двоякое. Они избираютъ императора и они принимаютъ извѣстное участіе въ управленіи Имперіей. Къ избранію императора присоединяется еще право устанавливать условія избранія, такъ-называемыя *капитуляціи*. Это не очень древнее право. Золотая булла не упоминаетъ о капитуляціяхъ, а только о томъ, что императоръ при избраніи обязанъ утвердить привилегіи князей. Когда курфирсты начали все болѣе и болѣе расширять значеніе капитуляцій и хотѣли присвоить себѣ извѣстную законодательную власть, остальные чины Имперіи возставали противъ этого при Рудольфѣ II. Еще болѣе увеличилось неудовольствіе противъ курфирстовъ при Фердинандѣ II, который вовсе не созывалъ сеймовъ, а только собиралъ курфирстовъ и съ ихъ помощью хотѣлъ управлять Имперіей. Для него это было выгодно, такъ какъ духовные курфирсты были въ зависимости отъ него, Баварскій курфирстъ ему преданъ. Но это имѣло печальныя послѣдствія для самихъ курфирстовъ. Пфальцскій курфирстъ лишился своихъ владѣній, Саксонскій подвергался большой опасности, его спасла только Лейпцигская битва. „Вотъ что̀ значитъ сходить съ царской дороги (via regia) общественной пользы личныхъ выгодъ ради“.

Во время переговоровъ о Вестфальскомъ мирѣ условились составить

постоянную капитуляцію, и на послѣдующихъ сеймахъ дѣйствительно было приступлено къ обсужденію ея. Но при избраніи Фердинанда IV и Леопольда курфирсты не удовлетворили ожиданія князей и заставили послѣднихъ протестовать. Наконецъ, въ 1663 году формула постоянной капитуляціи была составлена, но курфирсты придумали для себя право дѣлать къ ней прибавленія (jus adcapitulationis), что̀ сдѣлало бы постоянную формулу тщетной. Опасность, грозившая отъ Турокъ, заставила на время забыть эти споры.

Что касается до участія курфирстовъ въ администраціи, то они составляютъ коллегію, которая представляетъ нѣкоторое сходство съ польскимъ сенатомъ. Она предварительно обсуждаетъ дѣла, поступающія въ сеймъ (quaedam suadendi et praeconsultandi auctoritas). Но въ важныхъ дѣлахъ сами курфирсты всегда относились къ сейму. Право же толковать имперскіе законы и произносить вмѣстѣ съ императоромъ опалу надъ имперскими чинами, которое они хотѣли себѣ присвоить, имъ не предоставлено.

Многіе утверждаютъ, что на сеймѣ одинъ курфирстъ значитъ столько, сколько 10 князей, ибо голоса на сеймѣ подаются не поголовно, а по палатамъ (non viritim, sed curiatim), и что палата курфирстовъ имѣетъ такую же силу, какъ вся палата князей, но уже давно установился обычай не прибѣгать въ важныхъ дѣлахъ къ подачѣ голосовъ, а рѣшать ихъ миролюбивой сдѣлкой (amicabili compositione). Сначала этотъ способъ былъ принятъ для религіозныхъ дѣлъ, а съ Вестфальскаго мира онъ прилагается также къ дѣламъ, касающимся имперскихъ налоговъ. Курфирсты имѣютъ еще нѣкоторыя мелкія преимущества: напримѣръ, право собираться (conventus). Но теперь и остальнымъ князьямъ это не воспрещается. Имъ предоставлены нѣкоторыя наслѣдственныя имперскія должности, напримѣръ, званіе маршала, кравчаго и проч. Но эти должности въ настоящее время потеряли политическое значеніе и сохранили его только въ церемоніалѣ при коронаціи императора. Притомъ такія должности предоставлены также нѣкоторымъ изъ остальныхъ князей: герцогу Виртембергскому приписываютъ титулъ знаменоносца имперіи, Каринтійскому—егермейстера. Наконецъ, можно еще привести право de non appellando, то-есть, привилегію курфирстовъ, что отъ ихъ судовъ нельзя аппеллировать къ имперскимъ судамъ. Но это право принадлежитъ не всѣмъ курфирстамъ и притомъ не однимъ только курфирстамъ. Титулъ „братьевъ“ данъ курфирстамъ не слишкомъ давно; прежде французскій король называлъ братьями только эрцгерцога Альберта и герцоговъ Лота-

рингскаго и Савойскаго. Даже король Шведскій назывался прежде только родственникомъ (cognatus). Въ настоящее время увеличены почести Голландцевъ, италіанскихъ князей и курфирстовъ; поэтому несправедливо сохранять прежній обычай только относительно князей.

На Вестфальскомъ конгрессѣ еще не было различія между курфирстами и князьями. Императоръ не хотѣлъ признать за князьями право вести переговоры и посылать уполномоченныхъ, поэтому всѣ князья и курфирсты въ прелиминаріяхъ были приглашены прислать не уполномоченныхъ пословъ, а депутатовъ, то-есть, конгрессъ разсматривался какъ имперскій сеймъ.

Но на самомъ конгрессѣ пріѣздъ Венеціанскаго посла Алоизія Контарена раздразнилъ курфирстовъ (salivam movit). Ибо онъ пользовался почестями, которыя были неизвѣстны въ Имперіи. Курфирсты же прежде имѣли преимущество передъ Венеціанцами. Они потребовали для своихъ пословъ титулъ „превосходительства". Князья не соглашались на это. Курфирсты упрашивали ихъ только на этотъ разъ уступить, безъ ущерба для себя на будущее время. Они говорили, что императоръ и иностранныя державы на это уже согласились, что отъ этого падетъ бо́льшій блескъ на всю Имперію, и слѣдовательно, на самихъ князей, что иначе иностранныя державы сами перестанутъ давать курфирстамъ этотъ титулъ, что для всей Имперіи будетъ предосудительно, если Венеціанцы будутъ имѣть преимущество предъ курфирстами; но курфирсты ничего не выиграли, такъ какъ въ мирномъ договорѣ, заключившемъ конгрессъ, и ихъ послы и послы князей были названы депутатами.

На сеймѣ 1653 года курфирсты были уступчивѣе и менѣе притязательны. Въ 1655 году, во Франкфуртѣ, они успѣли еще меньше достигнуть своей цѣли, такъ какъ они ссорились между собой о томъ, слѣдуетъ ли титулъ превосходительства предоставлять всѣмъ посламъ или только тѣмъ, которые рождены графами и баронами. При заключеніи Рейнскаго союза, уполномоченные князей подписались, съ согласія Франціи, въ званіи пословъ, хотя курфирсты этимъ были очень недовольны.

Не только примѣръ курфирстовъ, но и примѣръ итальянскихъ князей можетъ служить въ пользу притязаній нѣмецкихъ князей. Венеціанцы не давно только достигли того, что ихъ послы были уравнены въ почестяхъ съ королевскими послами. Прежде они уступали курфирстамъ и даже нѣкоторымъ герцогамъ. Титулъ превосходительства былъ за ними признанъ только на Вестфальскомъ конгрессѣ.

Этотъ титулъ прежде давался только самымъ знатнымъ князьямъ, когда еще не существовалъ титулъ „высочества" (celsitudo); потомъ онъ былъ предоставленъ князьямъ менѣе знатнымъ, но все-таки происходящимъ изъ свѣтлѣйшаго рода (familia serenissima). Но когда посолъ Генриха IV при папскомъ дворѣ, князь Неверскій, принялъ по праву этотъ титулъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ дома Мантуанскихъ герцоговъ, испанскій посолъ, побуждаемый соревнованіемъ, выхлопоталъ себѣ тотъ же самый титулъ. Его примѣру послѣдовали Венеціанцы и герцогъ Савойскій. Послу послѣдняго долго не давали этого титула. Наконецъ, папа Иннокентій X рѣшилъ дѣло въ его пользу. То же самое, наконецъ, было предоставлено и посламъ остальныхъ италіянскихъ князей, Тосканскаго, Мантуанскаго, Пармскаго и Моденскаго, которые всѣ пользуются высшими посольскими почестями и покрываются кромѣ того въ присутствіи Французскаго короля. Это право не предоставлено посламъ курфирстовъ, хотя они имѣютъ преимущество передъ италіянскими князьями. Изъ этого видна неправильность этикета, соблюдаемаго при французскомъ дворѣ. То, что̀ предоставлено италіянскимъ князьямъ, должно принадлежать и нѣмецкимъ князьямъ, ибо и первые подчинены Имперіи.

Никто не сомнѣвается, что Италія до Фридриха была подвластна Имперіи. Но Сигоній и за нимъ другіе утверждаютъ, что Рудольфъ Габсбургскій, занятый Германіей, уступилъ за деньги большей части италіянскихъ государствъ полную свободу и самостоятельность. Это не справедливо, ибо въ этомъ случаѣ существовали бы какія-нибудь грамоты объ этомъ; но исторія показываетъ, что и слѣдующіе за Рудольфомъ императоры отправлялись въ Италію и поступали съ тамошними князьями, какъ ихъ верховные государи. Еще Максимиліанъ I далъ, по желанію папы Юлія II, городъ Сіену въ ленъ герцогу Урбинскому. Въ настоящее время герцогъ Савойскій очевидно вассалъ Имперіи; ибо онъ приглашается на сеймъ и присылаетъ туда депутата, внесенъ въ имперскую матрикулу и обязанъ вслѣдствіе этого выставлять въ пользу имперіи 600 пѣшихъ и 277 конныхъ солдатъ или заплатить 1.828 флориновъ. Триста флориновъ онъ платитъ на поддержаніе имперскаго высшаго суда (Reichs-Kammergericht). Въ прошломъ столѣтіи онъ подвергнутъ этимъ судомъ опалѣ и въ сеймовыхъ постановленіяхъ называется вассаломъ Имперіи, напримѣръ, 1541 и 1544 годовъ. На сеймѣ его мѣсто послѣ герцоговъ Брауншвейгскихъ, Мекленбургскихъ, Виртембергскихъ и Голштинскихъ. Его титулъ: Prince et Vicaire perpétuel du S. Empire. Въ качествѣ викарія онъ

имѣетъ право возводить въ графское и дворянское достоинство, рѣшать споры именемъ императора и проч.

Герцогъ Мантуанскій получаетъ инвеституру отъ императора и можетъ быть призванъ къ имперскому суду, какъ видно изъ Вестфальскаго договора. Герцогъ Флорентинскій никогда не былъ освобожденъ отъ зависимости отъ Имперіи. Карлъ V побѣдилъ Флорентинцевъ и назначилъ герцогомъ ихъ Климента VI. Герцогъ Пармскій — вассалъ папы. Герцогство Пармское было уступлено Карломъ V папѣ Павлу III Фарнезе, который далъ его своему сыну salvis Imperii juribus. Притомъ всѣ эти италіянскія фамиліи въ древности и знатности рода уступаютъ нѣмецкимъ князьямъ. Медичисы, напримѣръ, были Флорентинскими купцами. Возраженіе, что италіянскіе князья кромѣ леновъ владѣютъ еще землями, независимыми отъ Имперіи, не имѣетъ силы, ибо эти земли не обширны, и наконецъ, онѣ не могутъ измѣнить ихъ положенія какъ вассаловъ. И Бранденбургскій курфирстъ владѣетъ Пруссіей, независимо отъ Имперіи, но это не даетъ ему никакого преимущества предъ остальными курфирстами. Другое возраженіе, что итальянскіе князья подчинены императору, но не сейму, такъ какъ они не участвуютъ въ совѣщаніяхъ сейма, — также не имѣетъ значенія; ибо герцогъ Савойскій — членъ сейма, а остальные были бы еще свободнѣе, если бы принимали участіе въ совѣщаніяхъ сейма, то-есть, имѣли бы право голоса въ своемъ государствѣ, которому они подчинены и тяжести котораго они должны нести. Подобно тому и нѣмецкое имперское дворянство (Reichsritterschaft) охотно бы согласилось высылать депутатовъ на сеймъ, еслибъ ему было предоставлено право голоса.

Примѣромъ курфирстовъ и итальянскихъ князей доказано, что нѣмецкимъ князьямъ слѣдуетъ предоставить посольское право; теперь нужно доказать, что они уже обладаютъ этимъ правомъ (possessionem ipsis asseramus). Для этого не нужно доказывать, что они дѣйствительно имъ пользовались, ибо то, что вытекаетъ изъ естественной свободы и предоставлено собственному желанію, должно считаться принадлежащимъ всякому по праву, пока онъ не утратитъ этого права [1]. Такъ, напримѣръ, не нужно доказывать, что я имѣю право строить на моей собственной землѣ или продавать ее, если на ней не лежитъ никакого обязательства. То же самое можно сказать о правѣ отправ-

[1]) Ib. p. 236. Quae sunt naturalis libertatis et dicuntur *merae facultatis*, ea possideri intelliguntur ipso jure, et retenta censentur, nisi amissa esse doceantur. qualia sunt re, conditione, dignitate mea uti ac frui.

лять пословъ, которое прямо вытекаетъ изъ верховной власти. „Если бы, напримѣръ, великій князь Московскій, измѣняя обычаи своего народа, захотѣлъ бы принять наши обычаи и принимать участіе посредствомъ своихъ пословъ въ нашихъ конгрессахъ, то, я думаю, никто не усомнится, что это право ему вполнѣ принадлежитъ, хотя онъ имъ никогда не пользовался“. Но можно спросить, почему нѣмецкіе князья не пользовались своимъ правомъ, подобно италіянскимъ? Потому, что Итальянцы вообще гораздо пристрастнѣе ко всему, что̀ относится къ обрядностямъ и церемоніямъ. Италія — колыбель этикета [1]). Тамъ возникли титулы свѣтлости (serenitas) и превосходительства; тамъ всѣ тонкости, соблюдаемыя въ процессіяхъ, при торжественныхъ встрѣчахъ, при визитахъ и проч. До какихъ ухищреній дошли Итальянцы, можно видѣть изъ сочиненій: *Римскій церемоніалъ* и *Церемоніймейстеръ* (Magister Camerae). Они употребляютъ такія тонкости, которыя незамѣтны для другихъ; такъ, напримѣръ, когда Венеціанскій дожъ пишетъ къ какому-нибудь нѣмецкому или италіянскому князю, онъ пишетъ въ письмѣ: Vostra Altezza, а на конвертѣ: Illustrissimo atque Excellentissimo Principi. Другіе не обратили бы на это вниманія, но герцогъ Савойскій, свѣдущій въ этихъ тонкостяхъ, не допустилъ этого; ибо онъ заключилъ изъ этого, что дожъ хочетъ называть его высочествомъ только частнымъ образомъ, безъ свидѣтелей.

Какъ искусны Италіянцы въ дѣлѣ этикета, видно изъ дневника Даніила Еремиты, сопровождавшаго въ 1609 году Флорентинскаго посла Колоредо.

Когда Фердинандъ Козьма, великій герцогъ Тосканскій, наслѣдовалъ своему отцу, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ отправить посольство къ нѣмецкимъ князьямъ, въ сущности для того только, чтобъ обманомъ выхлопотать себѣ отъ нихъ титулъ „Serenissimus“. Посолъ его объѣхалъ дворы нѣмецкихъ князей и курфирстовъ и представлялъ имъ грамоты, въ которыхъ они были названы Illustrissimi, объясняя это канцелярской ошибкой, самъ же для своего герцога требовалъ титулъ „Serenissimus“. Ему удалось склонить къ этому курфирста Саксонскаго, а его примѣромъ и нѣкоторыхъ другихъ курфирстовъ; только при Виртембергскомъ дворѣ ему очень не посчастливилось: тамъ провидѣли его хитрость, ибо виртембергскій посолъ только что возвратился изъ Флоренціи и разказалъ, какъ онъ тамъ былъ дурно принятъ.

---

[1]) Italia fons est caeremoniarum. Ib. p. 240.

Нѣмецкіе князья не слѣдовали примѣру италіянскихъ, отчасти по незнанію этихъ новыхъ обычаевъ и иностраннаго этикета, отчасти изъ привязанности къ отцовскимъ обычаямъ, наконецъ, потому что продолжительная война внушила имъ болѣе серіозныя заботы.

Но хотя это и не нужно, можно собственнымъ примѣромъ князей доказать, что имъ всегда принадлежало право, которое теперь у нихъ оспариваютъ. Недавно лотарингскій министръ баронъ де-Сереншампъ въ ученомъ сочиненіи доказалъ, что его герцогъ всегда посылалъ и принималъ у себя полноправныхъ пословъ, и это право признано въ 1677 году въ охранной грамотѣ, выданной лотарингскимъ уполномоченнымъ императоромъ и губернаторомъ Бельгіи отъ имени короля Испанскаго.

Точно также полноправныя посольства были отправляемы эрцгерцогами Австрійскими и эрцгерцогомъ Альбертомъ, которому было поручено управленіе герцогствами Бургундіи и Брабанта, принадлежащими къ Имперіи. Поэтому Габсбургскій домъ заинтересованъ въ дѣлѣ князей и долженъ оказать имъ покровительство, если не хочетъ повредить своимъ собственнымъ притязаніямъ. Вѣдь еще на Мюнстерскомъ конгрессѣ папскій нунцій не хотѣлъ уступить первое мѣсто пріѣхавшему къ нему австрійскому послу, полагая, что имперскимъ князьямъ, а слѣдовательно и Австрійскому дому, не принадлежитъ право посылать полноправныхъ пословъ. Во время переговоровъ о перемиріи между Испаніей и Голландіей, ландграфъ Гессенскій и герцогъ Виртембергскій были посредниками между ними, вмѣстѣ съ курфирстами и королями Франціи и Англіи, и при этомъ случаѣ отправили пословъ въ Гагу. Вильгельмъ, герцогъ Юлиха и Клеве, отправлялъ посольство къ Франциску I; на Тридентинскомъ соборѣ послы баварскіе спорили съ венеціанскими, хотя Баварія тогда была не курфиршествомъ, а герцогствомъ, и получили преимущество передъ швейцарскими и флорентинскими. Герцогъ Пфальцъ-Нейбургскій отправлялъ три раза посольства въ Польшу; въ первый разъ его послу оказывали тѣ же почести, какъ и Мантуанскому; въ послѣдніе два раза послы королевскіе давали ему титулъ превосходительства, онъ стоялъ съ покрытой головой въ присутствіи короля польскаго и королевы, сестры императора, и пользовался всѣми почестями, которыя оказывали посламъ шведскимъ и французскимъ. Въ 1667 году нѣкоторые курфирсты и князья отправили посольство во Францію для переговоровъ по поводу мира, который потомъ былъ заключенъ въ Ахенѣ. Ихъ приняли какъ пословъ и не дѣлали различія между послами курфирстовъ и князей.

Можно было бы привести еще много другихъ примѣровъ, если просмотрѣть архивы.

Въ заключеніе Лейбницъ старается доказать, что признаніе княжескихъ притязаній было бы полезно для всѣхъ. Императору онъ совѣтуетъ оставить прежнее ошибочное мнѣніе, что ему выгодно оказывать курфирстамъ преимущество передъ князьями; прійдетъ время, когда для него не менѣе важно будетъ снискать расположеніе могущественныхъ князей. Для курфирстовъ также было бы выгодно поддерживать притязанія князей. Ибо если послѣдніе, которые имъ уступаютъ въ значеніи, были бы уравнены съ самостоятельными герцогами Италіи, тогда имъ самимъ было бы легче достигнуть своей цѣли, — уравненія въ почестяхъ съ королями. У Испаніи тотъ же интересъ, какъ и у Австріи. Швеція есть членъ Имперіи. Франція не должна отказывать нѣмецкимъ князьямъ въ томъ, что она признала за италіянскими, которые не могутъ оказать ей такую же пользу. Императоръ согласился признать княжескихъ уполномоченныхъ послами; пусть Франція послѣдуетъ его примѣру и прибавитъ къ этому почести, связанныя съ этимъ званіемъ. Иначе и князья могутъ дѣлать различіе въ почестяхъ между послами французскими и императорскими. Франція въ Вестфальскомъ мирѣ настояла на томъ, чтобъ имперскимъ закономъ за князьями было признано право вести войну, заключать миръ и союзы, однимъ словомъ суприматъ. Пусть король довершитъ свое благодѣяніе и признаетъ за ними тѣ почести, которыя вытекаютъ изъ супремата. Теперь спрашивается, кто первый захочетъ оказать свою готовность помочь князьямъ въ справедливѣйшемъ дѣлѣ? Кому они будутъ болѣе обязаны: христіаннѣйшему или католическому королю?

Книга Лейбница была анонимно издана въ Голландіи и тотчасъ обратила на себя всеобщее вниманіе. Авторство ея приписывали различнымъ ученымъ того времени, напримѣръ, Конрингу, но многіе догадывались, что авторомъ ея былъ Лейбницъ, потому что въ книгѣ сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могли быть почерпнуты только изъ Ганноверскаго архива. Другіе, впрочемъ, на этомъ основаніи приписывали трактатъ ганноверскому вице-канцлеру Лудольфу Гуго.

Самъ Лейбницъ скрывалъ свое авторство отъ самыхъ близкихъ людей, но несмотря на это, черезъ нѣсколько лѣтъ установилось мнѣніе, что онъ авторъ трактата.

Сочиненіе Цезарина Фюрстенерія вызвало много возраженій и сдѣлалось въ университетахъ темой для публичныхъ диспутовъ. Лейб-

ницъ съ интересомъ слѣдилъ за опроверженіями, написанными противъ его книги, и дѣлалъ къ нимъ свои примѣчанія. Нѣкоторыя изъ своихъ возраженій онъ хотѣлъ напечатать, но они остались неизданными въ его бумагахъ [1]). Болѣе всего его возмущалъ упрекъ, что онъ, слишкомъ защищая въ своей книгѣ вольность князей, повредилъ императору и навлекъ опасность на Германію, указывая врагамъ на ея слабую сторону. „Какъ будто, восклицаетъ онъ, князья не знали, что имѣютъ право собирать войско и заключать союзы, прежде чѣмъ я написалъ свою книгу. Или нужно было молчать объ этомъ. Я напротивъ думаю, что нужно искренно и честно говорить о состояніи нашего отечества. Это голосъ льстецовъ или людей, которые пустымъ крикомъ стараются пріобрѣсти славу патріотовъ. Какъ относительно религіи, такъ и относительно государства, бываютъ ханжи, самая вредная порода людей. Какъ тѣ вредятъ истинному благочестію, такъ эти общественной жизни. Ибо они дѣлаютъ то, что люди честные и преданные своему отечеству или не признаются таковыми, или не смѣютъ свободно высказывать свое мнѣніе". Лейбницъ самъ старался выспрашивать мнѣніе тѣхъ, сужденіемъ которыхъ онъ дорожилъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ Конрингу о своей книгѣ. Тотъ ее зналъ только еще по наслышкѣ и не одобрялъ политическаго взгляда ея автора. „Мнѣ кажется, писалъ онъ, что всѣ эти вопросы возбуждены не кстати, къ погибели Римской имперіи".

Въ одномъ интересномъ отрывкѣ Лейбницъ сообщаетъ о своемъ разговорѣ съ Пуфендорфомъ по поводу Цезарина Фюрстенерія. Гдѣ и когда происходила эта бесѣда, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. Пуфендорфъ былъ особенно недоволенъ тѣмъ, что курфирсты въ ней уравнивались въ правахъ съ королями. Пуфендорфъ сначала подозрѣвалъ, что Лейбницъ авторъ книги, но послѣдній нарочно дѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ нея и этимъ разувѣрилъ своего собесѣдника.

Французы были очень недовольны тѣмъ, что императору приписывалась извѣстная власть въ христіанской церкви или надъ всѣми христіанскими государями. Но, по мнѣнію Лейбница, Французовъ, которые свысока смотрѣли на нѣмецкихъ князей, нужно было задѣть за живое, и для нихъ ничего не могло быть чувствительнѣе, какъ увѣреніе, что императоръ Германскій стоитъ выше ихъ короля, съ чѣмъ они прежде сами соглашались.

---

[1]) Въ первый разъ изданы О. Клоппомъ въ IV т. Сочиненій Лейбница.

Лейбницъ написалъ еще нѣсколько небольшихъ отрывковъ для поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ своей книги. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ онъ еще болѣе настаиваетъ на томъ, что императору принадлежитъ верховная власть надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Онъ это доказываетъ своимъ любимымъ математическимъ способомъ, то-есть, положеніями, которыя составляютъ непрерывную цѣпь доказательствъ.

Мы приводимъ главныя изъ нихъ:

Всѣ люди грѣшатъ, если не дѣлаются христіанами, а христіане не грѣшатъ, если ихъ силою заставляютъ дѣлаться христіанами.

Всѣ христіане обязаны повиноваться тѣмъ, которымъ дана власть разрѣшать грѣхи.

Эта власть дана апостоламъ и преимущественно апостолу Петру. Отъ апостоловъ эта власть перешла къ Римской церкви. Поэтому всякій обязанъ повиноваться Римской церкви. Слѣдовательно всякій, кто обязанъ повиноваться ей и этого не дѣлаетъ, можетъ быть принужденъ къ этому императоромъ, то-есть, защитникомъ (advocatus) Римской церкви. Слѣдовательно, относительно распространенія и защиты Римской церкви, императору принадлежитъ высшая судебная власть (jurisdictio) на земномъ шарѣ.

При изложеніи книги Лейбница о суприматѣ князей мы уже указывали на то, что его не слѣдуетъ за это возобновленіе средневѣковыхъ представленій о церкви и императорѣ ставить на одинъ уровень съ тѣми современными ему рутинерами, которые все еще мечтали о Четвертой монархіи и считали Нѣмецкую имперію продолженіемъ Римской. Это не было также для него уловкой, чтобъ оправдать себя въ томъ, что онъ слишкомъ рѣзко выставилъ самостоятельность князей и за это вознаградить императора какою-то прозрачною властью надъ всѣми князьями міра. Лейбницъ вѣрилъ въ единство христіанскаго міра, и это единство олицетворялось для него церковью. Эту-то вселенскую церковь разумѣлъ онъ, когда говорилъ о Римской церкви. Онъ не относился враждебно къ папѣ и къ католицизму, и онъ готовъ былъ признать за Римскимъ епископомъ приматъ надъ всей христіанской церковью, въ томъ случаѣ, если бы удалось осуществить примиреніе и сліяніе церквей. Это соединеніе было одной изъ задачъ, надъ которыми Лейбницъ искренно трудился въ теченіе многихъ лѣтъ.

Этой же задачи онъ посвящалъ часть своей дѣятельности при дворѣ герцога Ганноверскаго. Хотя Іоганнъ-Фридрихъ по убѣжденію принялъ католицизмъ, онъ однако отличался большой вѣротерпимостью, какъ и всѣ его братья. Лейбницъ приписывалъ это частымъ путеше-

ствіямъ ихъ. „Почти только одни герцоги Брауншвейгъ-Люнебургскіе, пишетъ онъ ландграфу Рейнфельдскому, освободились отъ предразсудковъ посредствомъ путешествій и обобщенія съ людьми другаго исповѣданія. Подобно тому какъ Италіянцы и Испанцы имѣютъ странное мнѣніе о протестантахъ, такъ и тѣ изъ протестантовъ, которые не сходились съ благоразумными католиками, составили себѣ объ нихъ не лучшее понятіе. Оттого происходитъ, что всякій замѣчаетъ только то, что̀ дурно въ его противникѣ или ему кажется таковымъ, и не обращаетъ вниманія на хорошія стороны".

Іоганнъ-Фридрихъ управлялъ своими протестантскими подданными съ большою умѣренностью и не далъ имъ повода жаловаться на него, какъ свидѣтельствуетъ Лейбницъ въ своемъ письмѣ къ Ѳомѣ Бюрнету; но при всемъ этомъ онъ сильно желалъ распространенія католичества, и его дворъ сдѣлался центромъ переговоровъ, которые имѣли цѣлію присоединеніе лютеранъ къ католической церкви.

Между католиками, собравшимися ко двору герцога, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ былъ папскій викарій и епископъ Титіопольскій Николай Стено. Онъ былъ родомъ изъ Ютландіи, протестантъ, занимался медициной и геологіей и пріобрѣлъ извѣстность своими анатомическими и геологическими трудами. Особенно прославился онъ своимъ сочиненіемъ: De solido intra solidum naturaliter contento (Флоренція, 1669 г), которое доставило ему почетное мѣсто въ исторіи геологіи. Онъ можетъ считаться однимъ изъ основателей этой науки. Мы еще коснемся его заслугъ, когда будемъ говорить о трудахъ самого Лейбница по геологіи. Вдругъ, вскорѣ послѣ изданія этого сочиненія, онъ бросилъ все, занятія и прежнія связи и принялъ католичество. Лейбницъ въ „Теодицеѣ" разказываетъ странный поводъ, который побудилъ его перемѣнить вѣру. „Онъ былъ замѣчательнымъ анатомомъ, говоритъ Лейбницъ, и очень хорошо зналъ природу; но, къ сожалѣнію, онъ пересталъ заниматься и изъ великаго естествоиспытателя сдѣлался посредственнымъ богословомъ. Съ тѣхъ поръ онъ слышать не хотѣлъ о чудесахъ природы, и для того чтобы вывѣдать изъ него тѣ наблюденія, которыя желалъ узнать отъ него Тевено, нужно бы было особенное повелѣніе папы in virtute sanctae obedientiae. Онъ самъ разказывалъ, что на его рѣшеніе принять католичество имѣлъ большое вліяніе слѣдующій случай. Во Флоренціи онъ услышалъ голосъ одной дамы, которая кричала ему изъ окна: „Не идите въ эту сторону, ступайте въ другую сторону". Эта дама знала, что онъ отыскиваетъ одного знакомаго въ томъ домѣ, гдѣ она жила,

и когда она замѣтила, что онъ ошибся въ направленіи, хотѣла ему указать дорогу".

Лейбницъ напрасно старался побѣдить отвращеніе новаго католическаго епископа къ занятіямъ естественными науками и въ своихъ письмахъ къ Конрингу онъ жалуется на эту ложно понимаемую религіозность.

Лейбницъ часто вступалъ въ устную и письменную полемику съ Стено, съ патеромъ Денисомъ, однимъ изъ капуциновъ, жившихъ при дворѣ герцога, и авторомъ сочиненія Via Pacis, и съ нѣкоторыми другими католиками въ Ганноверѣ. Эти споры получили новый интересъ, когда въ Ганноверъ пріѣхалъ епископъ Тинскій (Thina), собственно испанскій францисканецъ Христофъ Рохасъ, происходившій отъ знаменитой Генуэзской фамиліи Спинола. Онъ былъ присланъ въ Вѣну Испанскимъ королемъ Филиппомъ IV съ дипломатическимъ порученіемъ, остался тамъ въ качествѣ исповѣдника жены императора Леопольда, сдѣлался любимцемъ императора и былъ произведенъ папой въ епископы города Тина, въ Хорватіи.

Этотъ епископъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ идеи о присоединеніи лютеранъ къ католической церкви; императоръ Леопольдъ самъ лелѣялъ эту мечту, и по его порученію, Спинола предпринялъ путешествіе по дворамъ протестантскихъ князей Германіи, чтобы склонить ихъ къ этому дѣлу. Въ 1676 году онъ былъ въ Ганноверѣ и остался очень доволенъ герцогомъ, который съ полнымъ сочувствіемъ вошелъ въ его предположенія. Папа Иннокентій XI, одинъ изъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ папъ, зналъ объ этихъ планахъ и въ 1678 году письменно благодарилъ герцога за содѣйствіе, оказанное епископу. Въ 1679 году Спинола по этому дѣлу еще разъ пріѣхалъ въ Ганноверъ и познакомился съ Лейбницемъ, который съ обыкновенной горячностью принялся за дѣло.

Лейбницъ уже передъ этимъ имѣлъ частыя бесѣды съ герцогомъ о религіозномъ примиреніи и соединеніи церквей. Ему это дѣло было знакомо и близко; онъ еще въ Майнцѣ часто говорилъ объ этомъ съ Бойнебургомъ и тогда еще составилъ планъ обширнаго сочиненія, которое должно было содѣйствовать примиренію враждующихъ церквей. Онъ выработалъ себѣ особенный взглядъ на методъ, котораго, по его мнѣнію, слѣдовало держаться въ сочиненіяхъ этого рода. Онъ считалъ этотъ методъ безошибочнымъ и неминуемо ведущимъ къ желанному результату. Вообще, въ вѣкъ Лейбница методу приписывали гораздо большее значеніе, чѣмъ въ настоящее время. Лейбницъ же

отличался особеннымъ уваженіемъ къ методу; онъ выказывалъ во всемъ строгую методичность, въ мелочахъ жизни, въ ежедневныхъ занятіяхъ, и тѣмъ болѣе въ своихъ литературныхъ и научныхъ пріемахъ. Въ наукѣ онъ считалъ вѣрный методъ самымъ существеннымъ условіемъ успѣха.

Въ одномъ отрывкѣ онъ описываетъ свой разговоръ съ герцогомъ, въ которомъ онъ объяснялъ ему свой методъ. Этотъ методъ въ сочиненіяхъ, касающихся религіозной полемики, состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ авторъ не былъ „ни судьей, ни истцемъ, ни посредникомъ, но только докладчикомъ“. Вѣрность его изложенія должна обнаружиться въ томъ, чтобы не было возможно узнать, къ какой сторонѣ онъ самъ принадлежитъ. Онъ долженъ держаться извѣстнаго, строгаго порядка и стараться какъ можно болѣе сокращать споръ; наконецъ вести дѣло такъ, чтобы человѣкъ со смысломъ по его изложенію легко могъ составить себѣ понятіе о сущности дѣла, безъ того чтобы докладчикъ самъ высказалъ свое мнѣніе.

Большая часть споровъ, говорилъ Лейбницъ герцогу, не приводятъ ни къ чему, потому что люди не привыкли твердо останавливаться на чемъ-нибудь и со вниманіемъ объ этомъ размышлять. Когда они начинаютъ доказывать свое мнѣніе, они приводятъ первое попавшееся имъ на умъ доказательство. Но такъ какъ это доказательство часто такъ же шатко какъ то, что̀ они стараются доказать, то они сердятся, когда ихъ заставляешь подкрѣпить свое предположеніе, и жалуются, что ихъ противникъ имѣетъ дурную привычку все отрицать. Всякій изъ спорящихъ придумываетъ особый порядокъ спора, и нужна большая память и много досуга, чтобъ обнять все, что̀ сказано съ обѣихъ сторонъ. Оттого споры все разростаются и доходятъ до размѣра нѣсколькихъ томовъ, а это отнимаетъ охоту познакомиться съ предметомъ спора. Далѣе, спорящіе имѣютъ обыкновенно дурную привычку скрывать доказательства противника или ослаблять ихъ при изложеніи; притомъ повторять свои доказательства, не принимая въ разчетъ справедливыхъ возраженій противника.

Методъ Лейбница долженъ былъ устранить всѣ эти недостатки. Доказательства обѣихъ сторонъ были бы изложены такъ точно и вѣрно, что всякій читатель, не лишенный здраваго смысла, составилъ бы себѣ ясное понятіе обо всемъ. Этотъ методъ имѣлъ бы то преимущество, что онъ не возбуждалъ бы страстей, ибо ни одинъ читатель не зналъ бы, имѣетъ ли онъ дѣло съ союзникомъ или съ противникомъ. У тѣхъ,

которые спорили бы по этому методу, были бы, такъ-сказать, связаны руки, они могли бы наносить другъ другу удары только въ извѣстномъ порядкѣ, подобно тому какъ въ морской битвѣ движеніе корабля даетъ направленіе бою.

Въ другой запискѣ герцогу Лейбницъ объясняетъ ему планъ сочиненія, которое онъ намѣренъ былъ написать еще въ Майнцѣ. Оно должно было состоять изъ трехъ частей. Въ первой Лейбницъ хотѣлъ привести доказательства въ пользу существованія Бога, безсмертія души и такъ-называемой естественной религіи (théologie naturelle). Вторая часть была бы посвящена христіанству или религіи Откровенія. Лейбницъ хотѣлъ въ ней доказать возможность христіанскихъ таинствъ и возразить тѣмъ, которые находятъ трудности и противорѣчія въ догматахъ о Троицѣ, о воплощеніи, евхаристіи и воскресеніи мертвыхъ; ибо, говоритъ Лейбницъ, „одна невозможность, доказанная въ нашихъ таинствахъ, ниспровергаетъ все зданіе". Третья часть касалась бы церкви. Лейбницъ хотѣлъ доказать „неопровержимо", что іерархія церковная божественнаго происхожденія (de droit divin), и точно разграничить предѣлы свѣтской и духовной власти. „Нѣтъ ничего болѣе полезнаго, говоритъ онъ, для общества, какъ авторитетъ вселенской церкви, которая соединяетъ всѣхъ христіанъ въ одно тѣло посредствомъ любви и которая можетъ поддерживать священное благоговѣніе въ самыхъ могущественныхъ людяхъ на землѣ, пока они доступны упрекамъ совѣсти".

Этому сочиненію должно было предшествовать изложеніе „основаній истинной философіи", необходимое для ея пониманія. Ибо, говоритъ Лейбницъ, необходима новая логика, чтобы понимать степень вѣроятности приведенныхъ въ сочиненіи доказательствъ. А искусство опредѣлять степень вѣроятности нигдѣ еще не объяснено. Необходимо также дать новое развитіе метафизикѣ, чтобы составить себѣ вѣрныя понятія о Богѣ, о душѣ, о личности, о субстанціи и проч. Необходимо нѣсколько основательнѣе изложить физику, ибо безъ этого нельзя опровергнуть возраженій противъ сотворенія, потопа и воскресенія изъ мертвыхъ. Наконецъ, нужно изложить истинную этику, чтобы знать, что̀ такое справедливость, свобода, наслажденіе, счастіе,— чаяніе блаженныхъ (vision béatifique). Но такъ какъ въ философіи до сихъ поръ болѣе привыкли спорить, чѣмъ доказывать, говоритъ Лейбницъ, то нужно было убѣдить читателей, что авторъ — человѣкъ, знакомый съ математикой и умѣющій доказывать систематически и

неопровержимо[1]). Поэтому онъ хотѣлъ предпослать своему сочиненію свои математическія изслѣдованія и открытія, „которыя были приняты и одобрены самыми замѣчательными людьми вѣка и которыя не уступаютъ открытіямъ Галилея и Декарта“. „Это-то и было причиной того, говоритъ Лейбницъ, что я такъ долго жилъ во Франціи. Мнѣ хотѣлось усовершенствоваться въ математикѣ и пріобрѣсти способность безошибочно *демонстрировать*“. „Итакъ, я занимался математическими науками не ради ихъ самихъ, но для того, чтобы посредствомъ ихъ принести пользу религіи“ [2]).

Подобно Боссюету, издавшему въ 1671 году свою знаменитое сочиненіе: „Exposition de la foi de l'église catholique“, въ которомъ онъ старался изложить и объяснить для протестантовъ догматы католической церкви, Лейбницъ, въ дѣлѣ примиренія протестантовъ съ католиками, принялъ за точку отправленія постановленія Тридентинскаго собора. Онъ полагалъ, что эти постановленія могли бы быть приняты протестантами за исключеніемъ 3 или 4-хъ, которымъ слѣдовало дать истолкованіе согласное съ смысломъ и съ догматами католической церкви, но различное отъ толкованій нѣсколькихъ схоластическихъ богослововъ и особенно монаховъ.

Но чтобы сочиненіе, написанное въ этомъ смыслѣ, имѣло успѣхъ у католиковъ, нужно было выхлопотать папское бреве, въ которомъ было бы сказано, что въ немъ не заключается ничего еретическаго. Для того, чтобы получить это бреве, Лейбницъ хотѣлъ придать своему сочиненію такую форму, какъ-будто оно написано католикомъ для обращенія протестанта и какъ будто съ этой цѣлію авторъ даетъ католическимъ догматамъ самое близкое и благопріятное для протестантовъ толкованіе.

Но всѣ эти предположенія были прерваны однимъ неожиданнымъ событіемъ. Осенью 1679 года герцогъ собрался въ новое путешествіе въ Венецію. Онъ отправилъ свою жену съ тремя маленькими дочерьми въ Парижъ и самъ выѣхалъ изъ Ганновера. Послѣднія свои записки о примиреніи церквей Лейбницъ написалъ уже по отъѣздѣ герцога и отправился ему вслѣдъ. Въ одной изъ нихъ онъ говоритъ, что ему

[1]) Les hommes de meilleure trempe ne pèchent presque que par des faux raisonnements, говорилъ Лейбницъ въ другомъ мѣстѣ. IV, p. 450.

[2]) W. v. L. ed. O. Kl. IV p. 454. Je n'ay donc pas estudié les sciences mathématiques pour elles-mêmes, mais à fin d'en faire un jour un bon usage pour me donner du crédit en avançant la piété; p. 450 — pour les faire servir à l'avancement de la piété.

нужно отправиться въ Майнцъ, чтобы достать нѣсколько книгъ изъ библіотеки Бойнебурга, и что, можетъ-быть, ему прійдется по окончаніи своего сочиненія отправиться на свиданіе съ герцогомъ въ Италію.

Вдругъ въ Ганноверъ пришла вѣсть, что герцогъ Іоганнъ-Фридрихъ умеръ. Онъ долженъ былъ остановиться въ Аугсбургѣ, чтобы дождаться тамъ пропускной грамоты (fede) изъ Венеціи, такъ какъ по случаю чумы въ южной Германіи въѣздъ въ Италію изъ Германіи былъ запрещенъ. Здѣсь онъ заболѣлъ и послѣ трехдневной неопасной болѣзни неожиданно умеръ.

Для Лейбница это извѣстіе было тяжелымъ ударомъ. Въ послѣднее время ему удалось сблизиться съ герцогомъ, такъ что онъ ему каждую недѣлю устно или письменно сообщалъ свои мысли и планы. Онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ и писалъ о себѣ Гейеру, саксонскому проповѣднику, который его зналъ съ дѣтства: „Я теперь живу при дворѣ государя, достоинства котораго такъ велики, что я предпочитаю зависимость отъ него всякой свободѣ“.

Преемникомъ Іоганна-Фридриха былъ братъ его Эрнстъ-Августъ, который въ это время находился въ Венеціи. Новый герцогъ перевезъ тѣло своего брата съ большими почестями въ Календергъ, гдѣ оно находилось, пока дѣлались приготовленія къ торжественнымъ похоронамъ. Эти похороны происходили 30-го апрѣля съ всевозможнымъ великолѣпіемъ, которое доказываетъ, какіе успѣхи сдѣлали Ганноверскіе герцоги и какъ они далеко оставили за собой простоту и патріархальность своихъ предковъ. Въ бумагахъ Лейбница находится описаніе этого торжества. Герцогъ выѣхалъ на встрѣчу къ тѣлу въ Герренгаузенъ въ сопровожденіи 60-ти каретъ, запряженныхъ 6-ю лошадьми. Впереди процессіи ѣхали двѣ роты кирасиръ и гвардія герцога, одѣтыя въ черномъ, на бѣлыхъ лошадяхъ. За ними шелъ хоръ изъ 300 дѣтей, одѣтыхъ въ черныя мантіи. Затѣмъ духовенство герцогства и между нимъ депутаты 4-хъ факультетовъ Гельмштедскихъ. Второе отдѣленіе составляли земскіе чины герцогства—депутаты городовъ, Ганноверскій магистратъ, депутаты духовенства и дворянство княжествъ Календергъ, Грубенгагенъ и Геттингенъ и епископства Оснабрюкскаго. Къ нимъ примыкали всѣ придворные, которымъ не было указано особеннаго мѣста.

Третье отдѣленіе составляли знамена и гербы всѣхъ графствъ и земель, присоединенныхъ къ герцогству: Рейнштейнъ, Бланкенбургъ, Гое и проч. Впереди ихъ шли герольды, съ гербами, вышитыми на

платьѣ. Каждое знамя несъ дворянинъ, а за нимъ два дворянина вели лошадь, на черномъ чепракѣ которой былъ вышитъ тотъ же гербъ. За тѣмъ слѣдовали знамена герцогствъ въ томъ же порядкѣ, и послѣ всѣхъ древнее королевское знамя Саксоніи, на которомъ былъ изображенъ бѣлый конь Витекинда, языческаго вождя Саксовъ, сражавшагося съ Карломъ Великимъ. Затѣмъ боевой конь, на которомъ сидѣлъ вооруженный рыцарь, а за нимъ шелъ пѣшкомъ другой рыцарь, одѣтый въ черный панцырь. Затѣмъ вели траурнаго коня, покрытаго чернымъ бархатомъ до самой земли со серебрянымъ шитьемъ, и за нимъ маршалъ несъ шпагу покойнаго герцога, вице-канцлеръ — скипетръ, а генералъ Подевильсъ, главнокомандующій всѣхъ войскъ, — герцогскую корону съ богатыми каменьями.

Въ четвертомъ отдѣленіи везли тѣло герцога. Впереди шли 6 гофмаршаловъ, за ними 12 пажей, которые несли факелы изъ бѣлаго воска. Гробъ стоялъ на колесницѣ, запряженной 8-ю лошадьми, которыхъ вели за узду дворяне. Балдахинъ несли 8 полковниковъ, около которыхъ шло 20 дворянъ съ факелами и драбанты съ опрокинутыми алебардами. Концы одѣяла, которое покрывало гробъ, держали четыре генералъ-майора.

Въ пятомъ отдѣленіи находился преемникъ покойнаго герцога и его сыновья въ сопровожденіи маршаловъ и пажей, которые несли за ними шлейфъ, и большаго числа дворянъ и драбантовъ.

Послѣднее отдѣленіе составляли совѣтники и чиновники различныхъ правленій и канцелярій, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, съ своими маршалами, которые ѣхали верхомъ. Наконецъ, двѣ роты кавалеріи и остальная часть гвардіи.

По дорогѣ жители Ганновера подъ ружьемъ и солдаты составляли шпалеръ. Въ церкви былъ устроенъ великолѣпный катафалкъ (chapelle ardente, или castrum doloris) во всю вышину церкви, украшенный скульптурными изображеніями, эмблемами, надписями и безчисленнымъ количествомъ восковыхъ свѣчей. Епископъ принялъ тѣло, и италіянскими пѣвцами герцога былъ превосходно спѣтъ обычный реквіемъ.

На другой день епископъ отслужилъ нѣсколько миссъ при помощи 4 аббатовъ. Одинъ изъ капуциновъ сказалъ надгробное слово; затѣмъ лютеранскій придворный проповѣдникъ прочиталъ такъ-называемыя Personalia герцога, написанныя Лейбницемъ, то-есть, краткій очеркъ жизни и дѣятельности покойника.

Послѣ похоронъ послѣдовало великолѣпное угощеніе на счетъ

новаго герцога, которое продолжалось четыре дня. Все это торжество было такъ великолѣпно по понятіямъ того времени, что герцогъ счелъ нужнымъ увѣковѣчить память объ немъ въ особенномъ сочиненіи, въ которомъ были изображены въ точности катафалкъ, выстроенный въ церкви, и тріумфальныя арки со всѣми украшеніями, а за тѣмъ на нѣсколькихъ листахъ вся похоронная процессія и притомъ такъ подробно, что можно узнать портреты болѣе важныхъ лицъ, участвовавшихъ въ ней. Многіе уже изображены въ длинныхъ парикахъ, которые тогда входили въ моду, другіе носили еще свою природную прическу.

Въ этомъ же изданіи собраны всѣ подробныя рѣчи и стихотворенія, написанныя по случаю похоронъ герцога Іоганна-Фридриха. Между ними находится также жизнеописаніе его, написанное Лейбницемъ, о которомъ мы упоминали. Обычай произносить во время похоронъ герцоговъ такія надгробныя рѣчи давно существовалъ въ Ганноверѣ, и одинъ ганноверскій историкъ говоритъ, что въ прежнія времена проповѣдники, которымъ поручали писать эти рѣчи, подражали примѣру египетскихъ судей, которые часто неумолимо осуждали своихъ умершихъ царей. Но въ XVII вѣкѣ, въ эпоху развитія княжеской власти, прежняя суровая патріархальность уступила мѣсто болѣе смягченнымъ формамъ, и хотя все еще проповѣдники произносили эти рѣчи, составленіе ихъ однако поручалось царедворцамъ, и рѣчи все болѣе и болѣе принимали характеръ похвальныхъ словъ. Рѣчь Лейбница (на нѣмецкомъ языкѣ), впрочемъ, написана съ большимъ достоинствомъ и такою искренностью, что ее нельзя назвать похвальнымъ словомъ. Сначала онъ вкратцѣ разказываетъ жизнь покойнаго герцога, которая большею частію прошла въ путешествіяхъ; тѣхъ поступковъ его, которые были непріятны для присутствующихъ, то-есть, принятія католичества и союза съ Франціей, онъ касается слегка и очень бережно, указывая на то, что его главною заботою было поддержаніе и возстановленіе мира въ Германіи. Въ заключеніе слѣдуетъ характеристика герцога. Лейбницъ указываетъ на его правительственныя способности: герцогъ обладалъ проницательнымъ умомъ и отличной памятью, что̀ рѣдко встрѣчается вмѣстѣ, и во всемъ схватывалъ существенную сторону. Онъ былъ очень трудолюбивъ и входилъ съ большимъ терпѣніемъ въ самыя мелочныя дѣла. Онъ заботился о томъ, чтобы поднять благосостояніе своей страны, и придумалъ много полезныхъ улучшеній. Въ обращеніи съ подчиненными онъ былъ привѣтливъ и не взыскателенъ, но ненавидѣлъ ложь. Онъ хо-

рошо отличалъ людей и всякаго употреблялъ на то, къ чему онъ былъ способенъ. Онъ не только уважалъ науку, но самъ много занимался и любилъ бесѣдовать съ учеными. Онъ былъ очень религіозенъ и говорилъ, что дѣла правленія мѣшаютъ ему заботиться какъ слѣдуетъ о своемъ спасеніи. Поэтому онъ думалъ оставить престолъ, чтобы совершенно предаться созерцательной жизни.

Кромѣ этой рѣчи, Лейбницъ написалъ еще на французскомъ языкѣ одно сочиненіе подъ заглавіемъ: „Portrait du Prince, tiré des qualités et des vertus héroiques de S. A. S. Msgr. J. Fr. duc de Bronsvic et de Lunebourg“, въ которомъ онъ излагаетъ свой взглядъ на то, что̀ можетъ называться идеаломъ государя. Это сочиненіе было написано при жизни герцога, и вѣроятно, предназначалось для него, хотя нѣтъ никакихъ указаній на то, что оно сдѣлалось извѣстнымъ герцогу или его преемнику. Это очень искусный панегирикъ герцога. Ибо, разбирая различныя свойства и достоинства, необходимыя для того, чтобы составить идеалъ государя, Лейбницъ указываетъ на герцога какъ на примѣръ и образецъ. Впрочемъ, въ этомъ панегирикѣ подъ формою похвалъ очень часто заключаются совѣты, которые онъ даетъ герцогу. Нѣкоторыя выраженія для нашего времени слишкомъ сильны; часто, напримѣръ, повторяется оборотъ, что государи подобіе божества на землѣ и что они поэтому должны подражать его свойствамъ. Лейбницъ указываетъ на то, какое должно быть различіе между свойствами частнаго человѣка и свойствами государя. Такъ, напримѣръ, если мужество заставляетъ частнаго человѣка не бояться опасностей и смерти, то мужество государя преимущественно должно высказываться въ воздержности въ удовольствіяхъ и постоянствѣ въ трудѣ. Лейбницъ приписываетъ большое значеніе природной добротѣ, и по его мнѣнію, потому такъ мало благородныхъ людей, что это чувство встрѣчается слишкомъ рѣдко. Онъ полагаетъ, что оно обыкновенно встрѣчается только у людей знатнаго происхожденія, если вѣрить исторіи, показывающей, что знаменитые люди низкаго происхожденія почти всегда пятнали себя коварствомъ, вѣроломствомъ и жестокостью, такъ, напримѣръ Марій. Здѣсь слышится уже панегирикъ; если въ этомъ положеніи и заключается извѣстная доля истины, то ее нужно было бы высказать осторожнѣе и опредѣленнѣе; примѣръ также выбранъ неудачно, ибо отъ Марія недалеко до Суллы.

Лейбницъ настаиваетъ на необходимости для государя хорошаго воспитанія и образованія. Онъ не считаетъ нужнымъ, чтобы государь

зналъ всѣ науки, но самыя полезныя для правителя, какъ географію, этику, политику, военныя науки и самыя пріятныя для общества, къ которымъ онъ относитъ знакомство съ языками, съ обычаями, преимуществами и достопримѣчательностями различныхъ странъ. Лейбницъ говоритъ, что государи должны пріобрѣтать всѣ эти познанія не столько посредствомъ ученія, сколько въ бесѣдахъ съ знающими людьми, болѣе въ свѣтѣ, чѣмъ въ книгахъ, болѣе черезъ практику, чѣмъ черезъ теорію. Онъ хвалитъ герцога за то, что онъ такъ много путешествовалъ для своего образованія, и говоритъ, что онъ соединилъ въ себѣ преимущества трехъ націй: сдержанность, тонкость ума, ловкость и вѣжливость Итальянцевъ; свободное обращеніе, живость, пріятность ума и рыцарство Французовъ; наконецъ, основательность и разсудительность Нѣмцевъ и ихъ преданность требованіямъ чести.

По его мнѣнію, необходимо соединеніе трехъ условій, чтобъ образовать великаго государя — преимущества природы, судьбы и добродѣтели. Къ первымъ онъ относить умъ, разсудительность, мужество, душевную доброту и любовь къ добродѣтели и къ славѣ. Подъ вторымъ онъ разумѣетъ происхожденіе отъ знатныхъ и славныхъ предковъ и соотвѣтствующее этому воспитаніе. Подъ третьимъ онъ разумѣетъ тѣ свойства, которыя пріобрѣтаются посредствомъ ума и воли; сюда онъ причисляетъ благоразуміе, умѣренность, справедливость, милость, щедрость и великодушіе. Лейбницъ особенно долго останавливается на справедливости. Она болѣе всего необходима государямъ. Прочія добродѣтели служатъ имъ украшеніемъ, справедливость же существенна для ихъ призванія.

Справедливость вообще играетъ важную роль въ юридической и политической теоріи Лейбница. Она составляетъ для него основаніе общественной жизни и связь, которая соединяетъ людей въ государства. Она занимаетъ въ общественной жизни такое мѣсто, какое занимаетъ разумъ въ мірѣ; ибо на разумѣ зиждется природа и вся вселенная, и разумъ есть основаніе міровой гармоніи, какъ справедливость есть основаніе гармоніи въ мірѣ политическомъ. Жизнь общества можетъ быть поддерживаема только тремя добродѣтелями: благосклонностью, справедливостью и храбростью. Если бы первая, которая стремится къ тому, чтобы сдѣлать всѣ блага общими между людьми, могла быть осуществима, то не нужно было бы справедливости; а если бы люди никогда не уклонялись отъ справедливости, не нужно было бы храбрости, чтобы защищать государство. Но слабость человѣческой природы не допускаетъ того, чтобъ общественная

жизнь была исключительно основана на благосклонности, а нужно было приступить къ раздѣленію благъ, общихъ отъ природы. Это раздѣленіе должно быть поддерживаемо справедливостью, которая въ свою очередь опирается на силу противъ тѣхъ, кто дерзаетъ нарушать ея законы.

Вотъ сущность политическаго ученія Лейбница. Выставляя врожденное человѣку стремленіе къ справедливости основаніемъ общественной жизни, оно этимъ существенно отличается отъ другихъ современныхъ политическихъ теорій, которыя объясняли образованіе государствъ или чувствомъ страха, заставившаго людей сплотиться въ тѣсный союзъ и поручить одному изъ себя власть надъ всѣми, или эгоизмомъ, принудившимъ людей прибѣгнуть къ государственной жизни для установленія равновѣсія между враждебными страстями.

Лейбницъ также много настаиваетъ на великодушіи. Онъ называетъ его украшеніемъ всѣхъ добродѣтелей, потому что оно возвышаетъ каждую изъ этихъ добродѣтелей.

Благоразуміе, напримѣръ, предписываетъ много правилъ относительно войны и политики, но великодушный государь выбираетъ не тѣ, которыя дозволены, а всегда самыя честныя. Если милость побуждаетъ государя прощать обиды, нанесенныя другимъ, то великодушіе, по мнѣнію Лейбница, заставляетъ государя прощать заговоры, направленные противъ него самого. Если государь, любящій великолѣпіе, много издерживаетъ для своего удовлетворенія, то великодушный государь, дѣлая эти издержки, руководствуется общественнымъ благомъ.

Интересно сравнить этотъ идеалъ государя, начерченный Лейбницемъ, съ другими подобными произведеніями. Каждая эпоха имѣетъ свой идеалъ, и на этомъ идеалѣ всегда отражаются особенности ея политической жизни. Сравненіе между этими идеалами разныхъ вѣковъ, напримѣръ, типомъ государя, созданнымъ въ древности аѳинскимъ философомъ и политикомъ въ Киропедіи, съ „государемъ“ (princípe) Макіавелли, съ идеаломъ Лейбница и др. было бы весьма поучительно.

Въ идеальномъ представленіи государя у Лейбница преобладаетъ личный, человѣческій элементъ, то-есть, такія свойства, которыя украшаютъ не именно государя, а всякаго человѣка, находящагося въ высокомъ положеніи и облеченнаго властью. Это вполнѣ согласно съ политическими условіями эпохи, которая была прозвана вѣкомъ просвѣщеннаго абсолютизма. Въ ту эпоху благосостояніе государства исключительно зависѣло отъ личности государя, и чѣмъ болѣе со-

вершенная личность былъ этотъ государь, чѣмъ болѣе онъ былъ *человѣкомъ* въ идеальномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ счастливѣе была его страна.

У Лейбница вовсе не упоминается о народѣ и объ отношеніяхъ государя къ народу. У него государь представляется художникомъ или творцемъ, который трудится надъ своимъ твореніемъ. Оттого сравненіе съ божествомъ и съ отношеніями божества къ сотворенному міру не лишено основанія. Въ наше время такой отвлеченный идеалъ государя былъ бы невозможенъ. Каковы бы ни были политическія условія страны, при идеальномъ представленіи государя нельзя было бы ограничиться общечеловѣческими добродѣтелями его, но нужно бы было коснуться и тѣхъ свойствъ государя, которыя находятъ свое примѣненіе въ его отношеніяхъ къ внутренной жизни народа, къ его развитію на пути политической и нравственной зрѣлости.

Лейбницъ почтилъ память герцога не только прозаическими произведеніями, но и стихами. Имъ сочинены латинскія метрическія надписи на катафалкѣ, и кромѣ того онъ написалъ одно большое стихотвореніе на смерть Іоганна-Фридриха, которое онъ посвятилъ ученому епископу Мюнстерскому. Этотъ Epicedium in obitum Ioh. Fr. пользовался въ свое время большою извѣстностью. Фонтенель въ своей похвальной рѣчи Лейбницу называетъ это стихотвореніе образцовымъ произведеніемъ и причисляетъ его къ лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ вѣка [1]). Особенно славилось то мѣсто, въ которомъ Лейбницъ описываетъ звучными стихами и блестящими картинами новое открытіе, сдѣланное какъ бы подъ покровительствомъ герцога, то-есть, фосфоръ. Это дѣйствительно поэтическое мѣсто, показывающее, съ какимъ интересомъ современники смотрѣли на это новое для нихъ явленіе природы, которое теперь почти не обращаетъ на себя нашего вниманія.

Подъ конецъ Лейбницъ очень искусно привѣтствовалъ новаго герцога, которому вся Германія будетъ обязана своимъ возрожденіемъ и которому поэтъ предсказываетъ великую будущность:

Et Superi majora parant: sed talia Parcae
Noscere mortalem prohibent vel dicere vatem.

Въ послѣдствіи, когда сынъ этого герцога взошелъ на англійскій престолъ, Лейбницъ часто вспоминалъ о томъ, какой онъ былъ счастливый предвѣщатель.

---

[1]) Il fit sur la mort du prince un poëme latin qui est son chef-d'oeuvre et qui mérite d'être compté parmi les plus beaux d'entre les modernes.

Лейбницъ привѣтствовалъ также новую герцогиню французскимъ стихотвореніемъ, по обычаю того времени довольно высокопарнымъ, въ которомъ говорится гораздо менѣе о покойномъ герцогѣ, чѣмъ ея добродѣтеляхъ. Оно начинается стихами:

Princesse dont l'esprit et la grandeur de l'âme
Est un épanchement d'une céleste flamme
De qui le sang royal et souverain état
N'est pas le plus solide ou le plus grand éclat....

Эти привѣтствія и поздравленія, конечно, имѣли цѣлію обратить на себя вниманіе новаго герцога. Положеніе Лейбница было довольно шатко. Онъ былъ пришельцемъ въ Ганноверѣ и любимцемъ умершаго герцога; а эти свойства не должны были особенно располагать въ его пользу людей, къ которымъ переходила теперь власть. Заслуги Лейбница и его способности были извѣстны только покойному герцогу, такъ какъ труды его заключались или въ проектахъ, или же были изданы подъ псевдонимомъ, напримѣръ, его Caesarinus. Лейбницъ могъ ожидать, что его удалятъ отъ двора вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ, приглашеннымъ въ Ганноверъ Іоганномъ-Фридрихомъ. Правовѣрное протестантское духовенство уже тотчасъ по смерти герцога обратилось къ его преемнику съ просьбой изгнать католиковъ, „ради милости Божіей и ранъ Іисуса".

Лейбницъ въ это время завелъ переписку съ Вѣной, о которой мы упоминали, и хлопоталъ о мѣстѣ библіотекаря при императорскомъ дворѣ. Въ то же время онъ обратился къ своимъ друзьямъ въ Парижѣ Гугенсу и герцогу Шеврёзу, желая получить мѣсто иностраннаго члена французской Академіи Наукъ. Главнымъ препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ служила религія, и какъ видно изъ нѣкоторыхъ писемъ, Лейбница обнадеживали въ Парижѣ, но съ условіемъ принять католичество. Только послѣ измѣненія устава Академіи, Лейбницъ былъ принятъ въ ея члены въ 1699 году.

Но новый герцогъ любилъ своего брата и изъ уваженія къ нему не только оставилъ католическое духовенство въ Ганноверѣ для совершенія похоронъ, но удержалъ при своемъ дворѣ почти всѣхъ любимцевъ и слугъ своего брата. Разказываютъ только о нѣкоторыхъ исключеніяхъ. Однажды герцогъ встрѣтилъ садовника своего брата, француза, который ѣхалъ въ великолѣпной коляскѣ. Герцогъ остановилъ его и спросилъ, кто онъ такой. Тотъ отвѣтилъ: „садовникъ ва-

[1]) Um Gottes Barmherzigkeit und der Wunden Jesu Willen. Guhr. T. I p. 372.

шей свѣтлости". „Тебѣ было бы приличнѣе, сказалъ ему герцогъ, взять на плечо лопату, чѣмъ разъѣзжать въ коляскѣ". Затѣмъ онъ прислалъ ему пару башмаковъ въ знакъ того, что онъ можетъ удалиться, и отдалъ мѣсто прежнему садовнику, нѣмцу, „welchen der Franzmann ausgebissen" [1]).

Между оставшимися былъ и Лейбницъ. Но все-таки въ его жизни произошла большая перемѣна. Онъ вступилъ въ новыя отношенія и его дѣятельность получила новое направленіе. Объ этомъ мы разкажемъ въ слѣдующей главѣ.

Настоящую же главу заключимъ характеристикой личности Лейбница, составленной имъ самимъ въ эту эпоху его жизни.

Лейбницъ, какъ мы говорили, былъ очень методиченъ не только въ своихъ трудахъ, но и въ ежедневной жизни. Не рѣдко онъ набрасывалъ на клочкѣ бумаги правила для самого себя. Въ одномъ изъ такихъ отрывковъ на латинскомъ языкѣ мы читаемъ слѣдующее: *Правила жизни:* приличіе въ одеждѣ и въ манерѣ. Рѣчь спокойная, сдержанная, изящная—могущественные друзья въ разныхъ мѣстахъ. Относительно религіи никакихъ странностей [2]). *Дѣйствія относительно Бога, государя и другихъ:* По воскресеньямъ ходить въ церковь, разъ или два. Опредѣленное мѣсто въ главной церкви. Италіянскую проповѣдь посѣщать всякій разъ, когда она бываетъ. Говѣть въ Локкумѣ. Одежда черная, шелковая или суконная. Иногда поститься. Въ разговорѣ величайшее уваженіе къ Божественному. Все брать въ отношеніи къ Богу и къ благочестію. *Относительно государя:* Съ государемъ говорить или ему писать каждую недѣлю. Всегда что̀-нибудь новое. Предложеніе относительно географіи областей, къ чиновникамъ. Точныя карты. Чудеса природы. О цѣнности предметовъ, или докладъ о торговлѣ. Докладъ о мануфактурахъ. Точный докладъ о металлической части. О земледѣліи. О лѣсоводствѣ. Статистическій альманахъ (Breviarium Reipublicae). Краткая исторія событій съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ принялъ управленіе. Реляціи Регенсбургскія (гдѣ находился сеймъ). Допущеніе къ архиву. Извлеченія изъ новѣйшихъ дѣлъ въ архивѣ.

Въ другомъ отрывкѣ на нѣмецкомъ языкѣ Лейбницъ излагаетъ свои правила относительно здоровья: не напрягать глазъ, движеніе, діэта, соотвѣтствующая одежда и пр.

Лейбницъ часто анализировалъ себя; объ этомъ свидѣтельствуетъ

---

[1]) Vihse — Geschichle der Höfe des Hauses Braunschweig, I, p. 39.

[2]) In Religione nil singulare. W. v. L. ed. O. Kl. IV, p. XXVII.

одинъ отрывокъ, въ которомъ онъ, говоря какъ будто объ одномъ знакомомъ, описываетъ самого себя. „Въ Парижѣ я познакомился съ однимъ религіознымъ человѣкомъ, заслуги котораго были всѣми признаны. Онъ много размышлялъ о богословскихъ спорахъ, былъ хорошо знакомъ съ древнимъ міромъ. Чтеніе святыхъ отцовъ было однимъ изъ его лучшихъ удовольствій. Онъ питалъ къ нимъ уваженіе, но оно не было чрезмѣрнымъ.

„Этотъ человѣкъ былъ чрезвычайно способенъ объяснить какое-нибудь мѣсто и указать его настоящее значеніе; онъ дѣлалъ это съ необыкновенною точностью и ясностью. Онъ выказывалъ отличныя познанія въ томъ, что̀ называютъ гуманными науками (les humanités), когда онъ принимался писать стихи, что̀ впрочемъ случалось съ нимъ очень рѣдко. Его стихи нравились всѣмъ, и можно было думать, что онъ никогда ничѣмъ другимъ не занимался. Его слогъ какъ на латинскомъ, такъ и на его родномъ языкѣ былъ естественъ и простъ, но силенъ и возвышался тамъ, гдѣ это было нужно. Онъ былъ кратокъ, но ясенъ, пріятенъ, хотя не подкрашенъ.

„Онъ не любилъ заимствованныхъ украшеній и полагалъ, что достоинство разсужденія (d'un discours) должно заключаться въ силѣ доводовъ (des raisons). Онъ былъ мастеромъ въ искусствѣ доказывать. Въ этомъ всѣ были согласны. Онъ обладалъ всѣми свойствами, которыя для этого необходимы.

„Когда мы познакомились съ нимъ, онъ мнѣ разказывалъ нѣсколько разъ, какимъ образомъ шли его занятія. Онъ занимался классическими языками (humanités) и исторіей до 13-ти или 14-ти лѣтъ. Съ 15-ти лѣтъ по 17 онъ до такой степени вникъ въ тонкости схоластиковъ, что ставилъ въ тупикъ своихъ учителей. Многіе находятъ эти занятія безполезными.

„Но онъ говорилъ мнѣ часто, что онъ этимъ очень доволенъ, и что онъ посредствомъ этого узналъ, до какой утонченности можетъ дойдти человѣческій умъ. Онъ говорилъ мнѣ также, что въ схоластикѣ есть много основательнаго и хорошаго и что еслибъ это было выражено ясно и точно, то возбудило бы удивленіе въ мірѣ.

„Но онъ не остановился на схоластикѣ, какъ этого боялись его друзья, и съ 18-ти лѣтъ до 21 изучалъ юридическія науки съ такимъ успѣхомъ, что вызвалъ общее одобреніе и что одинъ замѣчательный государь нашелъ его достойнымъ содѣйствовать реформѣ этихъ наукъ. Ему дали мѣсто въ одномъ судѣ высшей инстанціи, и онъ доказалъ, что въ случаѣ нужды онъ также способенъ къ практикѣ, какъ къ тео-

ріи. Это продолжалось до 25 лѣтъ, и въ это время онъ имѣлъ случай еще болѣе познакомиться съ богословскими спорами.

„Вдругъ слухъ о новыхъ открытіяхъ въ математикѣ и физикѣ возбудилъ его любопытство. Что же, сказалъ онъ себѣ, меня считали къ чему-нибудь способнымъ, и я не буду въ состояніи содѣйствовать развитію наукъ? Это возбудило его неудовольствіе противъ его прежнихъ занятій; онъ увидѣлъ, что важное открытіе въ математикѣ есть самый вѣрный признакъ основательнаго ума; ибо тутъ не отдѣлаешься словами: нужны доказательства, годность и недостатки которыхъ очевидны.

„Онъ бросилъ свои занятія и свое мѣсто, чтобъ имѣть возможность провести нѣсколько времени въ Парижѣ — центрѣ всѣхъ важныхъ интересовъ. Тамъ онъ доказалъ, что онъ въ состояніи сдѣлать; ибо въ два года онъ отличился передъ всѣми остальными: замѣчательные люди, которые находятся въ Парижѣ, признали его однимъ изъ первыхъ математиковъ, способнымъ сдѣлать важныя открытія. Онъ предъявилъ машины своего изобрѣтенія, которыя вызвали удивленіе. И можно сказать, что ни одинъ иностранецъ не былъ принятъ такъ хорошо людьми, заслуживающими уваженія.

„Въ это время я съ нимъ познакомился. Его видъ не обѣщалъ ничего замѣчательнаго, его обыкновенный разговоръ былъ мало интересенъ, онъ не имѣлъ или не хотѣлъ выказать способности выставить себя съ хорошей стороны. И я былъ удивленъ, что не находилъ въ немъ признаковъ того, о чемъ мнѣ говорили. Но я потомъ убѣдился въ своей ошибкѣ.

„Я его засталъ однажды надъ богословскими книгами и высказалъ ему мое удивленіе, ибо его выставляли мнѣ какъ исключительнаго математика, такъ какъ онъ ничѣмъ другимъ въ Парижѣ не занимался. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что въ немъ очень ошибаются, что его главные труды посвящены богословію, что онъ занимался математикой какъ схоластикой для развитія своего ума и для того, чтобы выучиться искусству изобрѣтать и *демонстрировать* (l'art d'inventer et de démontrer), и что онъ въ этомъ искусствѣ теперь успѣлъ болѣе всѣхъ другихъ".

Такъ понималъ себя Лейбницъ и такъ мы должны объяснять необыкновенное разнообразіе его занятій. Не самолюбіе и тщеславіе заставляли его бросаться отъ одной науки къ другой; для него всѣ онѣ составляли части одного цѣлаго, ступени къ одной высшей цѣли, къ

которой онъ стремился. Эту цѣль обозначаетъ онъ здѣсь словами: искусство *изобрѣтать* и *доказывать*. Подъ этимъ онъ разумѣлъ *методъ* увеличивать познанія человѣка какъ въ мірѣ природы (изобрѣтать), такъ и въ мірѣ духовныхъ истинъ (демонстрировать, то-есть, доказывать математическимъ, безошибочнымъ способомъ). Эти стремленія Лейбница объяснятся намъ изъ дальнѣйшихъ главъ.

ГЛАВА V.

Лейбницъ въ Ганноверѣ при дворѣ герцога Эрнста-Августа.

Политическое состояніе Германіи. — Отжившія территоріи и возникающая государственная жизнь. — Отношенія Лейбница къ политическимъ событіямъ его времени. — Герцогъ Эрнстъ-Августъ. — Герцогиня Софія. — Ея характеръ и ея переписка съ Лейбницемъ. — Семейные раздоры въ Ганноверскомъ домѣ. — Убійство Кенигсмарка и заговоръ въ пользу младшихъ сыновей. — Установленіе престолонаслѣдія въ Ганноверѣ и пріобрѣтеніе курфирстскаго сана. — Патріотизмъ Лейбница. — Mars Christianissimus — памфлетъ противъ Лудовика XIV. — Лейбницъ защитникъ идеи права въ государственныхъ отношеніяхъ Европы. — Дѣятельность Лейбница при Ганноверскомъ дворѣ. — Его путешествія по Германіи и Италіи. — Пребываніе въ Римѣ. — Его заботы объ интересахъ имперіи. — Пребываніе въ Римѣ. — Знакомство Лейбница съ іезуитами и старанія завести сношенія съ Китаемъ. — Историческія занятія и труды Лейбница. — Судьба его исторіи Вельфскаго дома. — Заслуги Лейбница въ геологіи. — Протогея или исторія земнаго шара. — Жизнь и увеселенія при Ганноверскомъ дворѣ. — Участіе Лейбница въ этихъ увеселеніяхъ. — Пиръ Трималціона.

Хотя Лейбницу и не удалось играть политической роли, соотвѣтствующей его наклонностямъ и замѣчательнымъ способностямъ, его біографія представляетъ, однако, большой интересъ въ политическомъ отношеніи. Въ теченіе долгой, богатой событіями жизни ему приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными политическими интересами его отечества, и не только на его публичной, литературной дѣятельности, но и на его частной жизни и личныхъ сношеніяхъ вполнѣ отразились современныя ему политическія стремленія и событія.

Ни одно государство въ мірѣ не представляло такого разнообразія политическихъ формъ и не сохранило такъ много остатковъ средневѣковаго быта, какъ „Священная Римская имперія германской націи“. Ее можно было въ этомъ отношеніи назвать *музеемъ* историче-

скихъ и политическихъ древностей. Каждый вѣкъ, каждая историческая эпоха оставила въ ней слѣды, и отжившія политическія формы давно прошедшихъ временъ продолжали существовать рядомъ, подобно слоямъ преемственныхъ геологическихъ эпохъ.

Между ними мы различаемъ прежде всего такъ-называемыя духовныя территоріи, какъ остатокъ того времени, когда церковь, для поддержки своего вліянія, должна была принять грубыя формы окружавшаго ея политическаго быта. Подобно своимъ предшественникамъ, жившимъ въ эпоху феодализма и крестовыхъ походовъ, князья-епископы и аббаты XVII вѣка дѣлаютъ смотръ своимъ войскамъ, проводятъ цѣлые дни на охотѣ, а ночи въ шумныхъ играхъ, принимаютъ пословъ и занимаются дипломатіей, а въ большіе праздники служатъ обѣдню въ соборѣ, окруженные всевозможнымъ великолѣпіемъ католическаго богослуженія. Къ тому же времени относится многочисленное „имперское рыцарство“ (Reichsritterschaft), которое по прежнему не знаетъ отечества и признаетъ надъ собой только одного императора, живетъ въ своихъ замкахъ, окруженное своими крѣпостными подданными, по прежнему считаетъ позорнымъ учиться и отказываться отъ своихъ сословныхъ преданій, но которое потеряло теперь всякое значеніе вслѣдствіе переворота въ военномъ устройствѣ и вооруженіи. Этимъ имперскимъ рыцарямъ соотвѣтствуютъ имперскіе города (Reichsstädte), которые успѣли сохранить свои средневѣковыя привилегіи. Такихъ вольныхъ городовъ во времена Лейбница было еще 51. По прежнему они участвовали на имперскомъ сеймѣ и составляли тамъ особенную палату, а у себя дома они сохранили свое цеховое, корпоративное устройство, которое сковывало ремесла и промышленность, довело горожанъ до политическаго отупѣнія, а самые города до нищеты и разоренія. Къ тому же историческому слою принадлежала та сотня мелкихъ самостоятельныхъ владѣльцевъ подъ разными наименованіями, — Reichsgraf, Reichsfürst, Markgraf, Burggraf, Wild- und Raugraf и т. п., которые на сеймѣ подавали голоса на ряду съ курфирстами, съ королемъ прусскимъ и императоромъ германскимъ, и подобно имъ въ своихъ манифестахъ писались: „Мы Божіей милостію“, хотя бы государство ихъ было такъ же обширно, какъ владѣнія того бурграфа Рейнекскаго, все имущество котораго состояло изъ одного замка, 12 бѣдныхъ подданныхъ, одного еврея, нѣсколькихъ дворовъ и мельницъ.

Жизнь этихъ мелкихъ сувереновъ была чрезвычайно патріархальна. Они лично знали бо̀льшую часть своихъ подданныхъ, и семейныя со-

бытія, которыя случались въ мирной средѣ этихъ подданныхъ, считались важными новостями при дворѣ. Они скучали въ своихъ маленькихъ столицахъ и нерѣдко проводили время, подобно старому князю Шпильбергскому, который цѣлые дни сидѣлъ у окна своего замка, разсматривалъ проѣзжихъ, и если замѣчалъ какое-нибудь незнакомое лицо, спрашивалъ его, кто онъ такой. Несмотря однако на эту простоту быта, у нихъ были свои канцеляріи съ совѣтниками и секретарями, которымъ нечего было дѣлать и которые поэтому становились чрезвычайно изобрѣтательны въ искусствѣ издавать указы и придумывать административныя распоряженія для пользы государства. Правительство княжества Эттингенскаго (Oetting-Oettingen), напримѣръ, рѣшилось подвергнуть строгому контролю всѣхъ собакъ страны, и по его распоряженію волостныя правленія (Aemter) выслали списки, на которыхъ значились слѣдующія *статьи:* кличка, наружный видъ, лѣта, содержаніе, назначеніе и *всепокорнѣйшія, всеподданнѣйшія замѣчанія* (ohnmassgebliches, unterthänigstes Gutachten). Такъ какъ эти правительства нуждались въ деньгахъ, а средства страны были невелики, то они довели до совершенства искусство облагать подданныхъ налогами, оброками, барщинами, акцизами и пошлинами. Въ княжествѣ Витгенштейнскомъ, напримѣръ, всякій изъ подданныхъ обязанъ былъ ежегодно представить 20 воробьиныхъ головъ или въ противномъ случаѣ внести штрафныя деньги. Такъ какъ вслѣдствіе этого въ предѣлахъ княжества Витгенштейнскаго въ скоромъ времени исчезли всѣ воробьи, то изъ этого штрафа образовался постоянный, правильный налогъ. Всякій подданный въ княжествѣ Фюрстенбергѣ былъ обязанъ подъ штрафомъ 10 талеровъ покупать календарь, издаваемый его правительствомъ, и таможеннымъ объѣздчикамъ было приказано тщательно розыскивать, въ каждомъ ли домѣ находится такой календарь. Эти правительства старались быть всѣмъ для своихъ подданныхъ: государями, помѣщиками, откупщиками, поставщиками и пр. Подданные, напримѣръ, не только платили государственныя подати и несли барщину и оброкъ, но они должны были по низкой цѣнѣ продавать правительству свои произведенія и покупать у него по высокой цѣнѣ необходимые жизненные припасы, соль, пиво, дрова, и пр. Притѣсненія въ этомъ отношеніи доходили до невѣроятной мелочности, и изъ этого возникали иногда самые куріозные процессы. Такъ, напримѣръ, жители городка Ласфе были, наконецъ, избавлены по приговору верховнаго имперскаго суда (Reichs kammer-

gericht) отъ обязанности покупать *сало для смазки колесъ* только у своего владѣльца.

Несмотря однако на свою жалкую обстановку, эти микроскопическіе суверены тянулись во всемъ за могущественными государями своего вѣка. Они не могли жить безъ гофмаршала, гофкавалеровъ, фрейлинъ и французскихъ искателей приключеній, которые жили на ихъ счетъ и развлекали ихъ скуку своимъ остроуміемъ. Въ 1700 году всѣ эти правительства заключили между собой сдѣлку, по которой они обязывались давать высшимъ своимъ чиновникамъ титулъ превосходительства и держать при своемъ дворѣ камергеровъ. Въ герцогствѣ Гильдбурггаузенскомъ, которое впрочемъ можетъ еще считаться крупнымъ государствомъ сравнительно съ мелкими княжествами, такъ какъ оно заключало въ себѣ почти 12 квадратныхъ миль (то-есть, около 60.000 десятинъ), въ 1781 году была издана *табель о рангахъ,* далеко превосходящая многочисленностью и изобрѣтательностью титуловъ все подобное въ другихъ странахъ [1]).

Неудавшіяся попытки XV вѣка преобразовать имперію на новыхъ началахъ и замѣнить прежнее, обвѣтшалое устройство ея, основанное на ленной системѣ, болѣе современной формою федераціи также оставили свои слѣды въ имперіи. Къ исходу XV вѣка обособленіе отдѣльныхъ территорій и областей, начавшееся подъ вліяніемъ феодализма, довело ихъ до полной независимости и грозило полнымъ распаденіемъ имперіи. Но чувство національнаго единства, которое еще было живо въ народѣ, заставило его искать спасенія въ федеративномъ началѣ и породило попытку составить изъ многочисленныхъ мелкихъ государствъ, на которыя распалась имперія, союзъ подъ руководствомъ императора. Единство этого союзнаго государства должно было выражаться въ томъ, чтобы всѣ отдѣльныя территоріи его имѣли общій верховный судъ, общее войско, общую имперскую казну и общее центральное правительство. Но естественное влеченіе къ независимости въ отдѣльныхъ правительствахъ, а потомъ смуты, вызванныя реформаціей,

[1]) Она заключаетъ въ себѣ: одного обермаршала, тайныхъ совѣтниковъ съ титуломъ и безъ титула превосходительства, обер-егермейстера, обер-шталмейстера, предсѣдателей высокихъ коллегій, титулярныхъ тайныхъ совѣтниковъ, тайныхъ надворныхъ совѣтниковъ, тайныхъ регирунгсъ-, каммеръ- и легаціонератовъ, дѣйствительныхъ надворныхъ совѣтниковъ, оберстъ-лейтенантовъ, оберфорстмейстера, рейзе-обер-шталмейстера, камер-юнкеровъ, дѣйствительныхъ, регирунгсъ-, каммеръ-, консисторіяль- и легаціонератовъ, гоф-юнкеровъ и яхт-юнкеровъ, маіоровъ, рейзешталмейстера, титулярныхъ регирунгсъ-, каммеръ-, консисторіяль-, легатіонсъ- и канцлейратовъ и пр.

не позволили довершить преобразованія, и отъ нихъ остались только развалины.

Рейхскаммергерихтъ представлялъ только пародію на общій имперскій судъ. Ибо могущественные члены имперіи не повиновались его приговорамъ, а мелкіе и слабые не могли добиться правосудія. Нѣмецкіе князья не выплачивали жалованья членамъ суда, такъ что въ 1769 году за ними считалось болѣе полумилліона талеровъ недоимокъ. Вслѣдствіе этого число членовъ суда съ 50 уменьшилось до 18, до 12 и одно время даже до 8; но и этимъ немногимъ жалованье выплачивалось неправильно. Такое небольшое число судей не могло управиться съ громаднымъ количествомъ поступающихъ къ нимъ дѣлъ, такъ что процессы затягивались до тѣхъ поръ, пока смерть тяжущихся дѣлала ненужнымъ приговоръ. Вслѣдствіе этого было принято за правило разбирать только такія дѣла, о которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ тяжущіеся напоминали суду. Эта необходимость *напоминать* и ускорять очередь развили самое безстыдное взяточничество, такъ что ревизія 1767 года признала нужнымъ совершенно измѣнить составъ суда, такъ какъ никакія мѣры и законы не могутъ помочь. По ревизіи 1772 года оказалось, что число не оконченныхъ тяжбъ простиралось до 61.233, и многія изъ нихъ тянулись болѣе вѣка.

Имперское войско (Reichsarmee) служило только помѣхой въ войнахъ имперіи и причиной постыдныхъ пораженій. Могущественныхъ членовъ имперіи, которые должны были высылать отряды въ нѣсколько тысячъ, никто не могъ принудить посылать свой контингентъ во-время и туда, гдѣ онъ былъ нуженъ. Мелкіе же суверены посылали въ сборное мѣсто своихъ кучеровъ, лакеевъ и сторожей, а иногда очищали остроги для спасенія отечества. Полки, которые составлялись изъ этого сброда, по своему наружному виду напоминали труппу странствующихъ паяцовъ. Тутъ не могло быть рѣчи о единствѣ и полковой чести. Хорошо выдрессированные и обмундированные солдаты какого-нибудь герцога Ганноверскаго или курфирста Бранденбургскаго презирали этихъ товарищей и не хотѣли вмѣстѣ съ ними сражаться, а тѣ въ свою очередь ненавидѣли ихъ хуже Французовъ и вступали съ ними въ драку при всякомъ случаѣ. Офицерство этой имперской арміи было также въ самомъ жалкомъ положеніи. Одинъ суверенъ, напримѣръ, имѣлъ право отъ себя назначать прапорщика, другой капитана и т. д. Офицерамъ поэтому не предстояло никакого повышенія по службѣ, такъ какъ назначеніе на слѣдующее мѣсто зависѣло отъ другого государя. Офицеры знакомились между собой и съ своими сол-

датами въ сборномъ мѣстѣ въ виду непріятеля. Полки при этомъ формировались изъ отдѣльныхъ отрядовъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ сидѣли на сеймѣ государи, выславшіе эти отряды. Но хуже всего въ этой арміи была устроена интендантская часть. Каждый суверенъ долженъ былъ содержать свой отрядъ на свой счетъ и снабжать его провіантомъ. Вслѣдствіе этого отдѣльныя части одного и того же полка никогда не были снабжены одинаково; припасы выдавались въ разные дни и въ различномъ количествѣ, такъ что нельзя было сдѣлать съ полкомъ ни одного быстраго перехода. Дисциплины въ войскѣ не было никакой, ибо если солдаты или офицеры не повиновались своему начальству или даже дезертировали домой, то они могли разчитывать на поддержку своего суверена.

Военному устройству совершенно соотвѣтствовала финансовая часть имперіи. Имперская казна должна была пополняться изъ правильныхъ взносовъ, которые назывались Römermonate — это была сумма, необходимая на мѣсячное содержаніе контингента, поставляемаго каждымъ членомъ имперіи. Количество такихъ взносовъ опредѣлялось на сеймѣ, смотря по необходимости. Первоначально каждый взносъ, или Römermonat, составлялъ 128.000 гульденовъ. Но мало по малу эта сумма уменьшилась и въ прошломъ столѣтіи составляла только 58.000 гул. При этомъ еще нужно принять въ соображеніе паденіе цѣнности серебра. Но и такія маленькія суммы трудно было собрать съ имперіи. Въ 1731 году сеймъ, напримѣръ, назначилъ одинъ рёмермонатъ на постройку зданія для имперскаго суда, но по прошествіи 34 лѣтъ изъ всѣхъ курфирстовъ только Триръ и Ганноверъ внесли свою часть. Могущественныхъ князей нельзя было заставить платить, а мелкіе указывали на примѣръ сильныхъ. Поэтому въ прошломъ столѣтіи было рѣшено платить по порядку, secundum ordinem collegiarum et votantium, то-есть, чтобы мелкіе князья были обязаны платить только тогда, когда крупные уже внесли свою часть. Съ тѣхъ поръ сборъ имперской подати пошелъ еще хуже.

Правительственнымъ органомъ этой неуклюжей имперіи былъ сеймъ, который соединялъ въ себѣ недостатки стариннаго феодальнаго парламента и федеральнаго конгресса. Какъ во времена феодализма, курфирсты, князья и города составляли отдѣльную палату, и въ каждой палатѣ члены были равноправны, хотя бы дѣйствительное могущество ихъ было совершенно несоразмѣрно. Но члены имперіи подавали голоса не лично, какъ въ прежнее время, а черезъ пословъ, которыхъ они отправляли на сеймъ съ инструкціями. Это отнимало у

сейма всякую возможность дѣйствовать; ибо какъ скоро приходилось постановить какое-нибудь рѣшеніе, то оказывалось, что у того или другаго посла нѣтъ инструкцій и полномочій, и дѣло откладывалось на неопредѣленное время.

Сеймъ поэтому потерялъ всякое значеніе. Собранные послы занимались только спорами объ этикетѣ: какимъ сукномъ должны быть обиты стулья княжескихъ пословъ — краснымъ, какъ кресла курфирстскихъ пословъ, или только зеленымъ; какіе титулы давать посламъ; кто кому долженъ сдѣлать первый визитъ и пр.; или составляли поздравительные адресы императору къ новому году и къ всякому торжественному случаю въ императорской семьѣ отъ имени имперіи, такъ-называемыя Reichsgratulationsgutachten. Постановленія сейма оставались на бумагѣ, ибо некому было заставить непокорныхъ повиноваться имъ. Въ серіозныхъ вопросахъ императоръ сносился съ самыми могущественными князьями помимо сейма, посредствомъ особенныхъ посольствъ, а послѣдніе поступали точно такъ же между собою. Сеймъ былъ почти безполезенъ, такъ что многіе члены имперіи жалѣли объ издержкахъ на ихъ посольства въ Регенсбургѣ и по нѣсколько лѣтъ не замѣщали посольскихъ мѣстъ. Поэтому, несмотря на увѣщанія императора, въ Регенсбургѣ рѣдко бывало на лицо болѣе какихъ-нибудь 20-ти пословъ.

Но подъ этими омертвѣлыми формами и отжившими учрежденіями, развалинами давно прошедшихъ временъ, билась свѣжая и молодая жизнь [1]). Если бы не было этихъ свѣжихъ жизненныхъ силъ, дряхлая нѣмецкая имперія давно бы распалась и сдѣлалась жертвой сосѣдей, подобно древней Римской имперіи и королевской Польшѣ. Эти силы были тѣ молодыя государства, — Ганноверъ, Бранденбургъ, Саксонія, Баварія и нѣсколько другихъ, которыя возникли на развалинахъ феодальной имперіи, сплотились изъ тысячи мелкихъ клочковъ — графствъ, княжествъ, аббатствъ, но мало по малу дошли до государственнаго единства, утвердили у себя самодержавіе и смѣло шли впередъ на пути преобразованій и улучшеній. Они пріобрѣли европейское значеніе и вслѣдствіе своихъ связей втягивали европейскія державы въ кругъ своихъ интересовъ. Правители ихъ часто дѣйствовали подъ вліяніемъ эгоизма, вопреки интересамъ имперіи, но не рѣдко увлекались чувствомъ патріотизма, подобно Эрнсту-Августу, герцогу Ганноверскому, который приказалъ своему послу заявить на Франкфурт-

---

[1]) См. Perthes — Das deutsche Staatsleben vor der Revolution. 1845.

скомъ съѣздѣ, когда Французы въ мирное время заняли Страсбургъ, „что онъ считаетъ постыднымъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и непростительнымъ передъ потомствомъ отказать въ помощи столькимъ членамъ имперіи и предоставить ихъ власти чужестранцевъ“, или подобно Фридриху-Вильгельму Прусскому, который говорилъ: „ни Англичанинъ, ни Французъ не посмѣетъ властвовать надъ нами, Нѣмцами; въ колыбели я дамъ дѣтямъ моимъ пистолетъ и саблю, чтобъ они помогали защищать Германію отъ чужестранцевъ“.

Эти-то государства составляли оплотъ Германіи и залогъ ея будущаго политическаго развитія. За ними стояла Австрія, которая сдѣлалась европейской державой съ тѣхъ поръ, какъ собрала силы придунайскихъ Славянъ и Венгровъ въ великой борьбѣ противъ Турокъ. Но корни австрійскаго могущества лежали въ Германіи, и пока бо̀льшая половина Венгріи находилась во власти Турокъ, Австрія не могла отдѣлять свои интересы отъ Германіи. Преданія, блескъ и политическія выгоды императорскаго титула, наконецъ, матеріальные интересы, — такъ какъ Габсбургскія владѣнія въ то время простирались до Рейна, — соединяли ее съ Германіей и заставляли ее не щадить никакихъ средствъ для защиты ея границъ.

Но не Австріи, космополитической державѣ, которая, вслѣдствіе своего союза съ папствомъ и іезуитами, обрекла себя на умственный застой и вслѣдствіе своей политической рутины, противилась всякимъ преобразованіямъ въ имперіи, было суждено совершить политическое обновленіе Германіи. Съ конца XVII вѣка все болѣе и болѣе растетъ значеніе Пруссіи. Судьба поставила ее между двумя дряхлѣющими государствами, Польшей и Швеціей, на счетъ которыхъ она увеличила свои матеріальныя средства. Но еще болѣе содѣйствовало къ ея возвышенію то, что она стала во главѣ духовнаго и политическаго движенія въ Германіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Саксонскій курфирстъ, увлеченный польской короной, принялъ католичество, а Ганноверская династія взошла на англійскій престолъ, Пруссія сдѣлалась въ Германіи оплотомъ протестантизма и вмѣстѣ съ этимъ свободнаго умственнаго развитія, а со времени Великаго курфирста, она мало по малу становилась центромъ національной оппозиціи противъ Франціи.

Лейбницъ, какъ мы сказали, пришелъ въ близкое соприкосновеніе со всѣми этими разнообразными интересами, и по его жизни можно изучить политическую исторію Германіи болѣе чѣмъ за полвѣка. Первую молодость онъ провелъ въ Майнцѣ, въ одной изъ тѣхъ духовныхъ территорій, въ которыхъ самыя блестящія способности и самая

энергическая дѣятельность ничего не могли сдѣлать противъ вѣковой рутины и корпоративнаго эгоизма рыцарства и каноников. Это было въ то время, когда французская политика не приняла еще того притязательнаго характера, которымъ она вооружила противъ себя всю Европу. Къ тому же интересы духовныхъ территорій по обоимъ берегамъ Рейна постоянно заключались въ томъ, чтобы не раздражать Франціи и мнимой покорностью удерживать ее отъ наступательныхъ дѣйствій.

Лейбницъ вошелъ въ виды этой политики и провозгласилъ тогда политическую максиму, что лучшее средство для того, чтобъ оградить себя отъ честолюбія Франціи, это — быть съ ней въ союзѣ. Но онъ уже тогда думалъ о политическомъ преобразованіи Германіи и избралъ для этого единственно возможный и вѣрный путь. Онъ считалъ нужнымъ замѣнить хаотическое устройство имперіи, основанное на ленной системѣ, конфедераціей съ сильнымъ центральнымъ правительствомъ. Въ ней должны были участвовать только могущественные князья, тѣ, которые были въ состояніи выставить не менѣе 600 человѣкъ пѣхоты и 400 кавалеріи. Императоръ долженъ былъ участвовать въ ней не какъ императоръ, а какъ король Богеміи и Венгріи. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ *медіатизировать* отжившія территоріи и поставить дѣятельную конфедерацію на мѣсто призрачной имперіи.

Затѣмъ судьба перенесла его въ Ганноверъ, въ одно изъ тѣхъ маленькихъ, но полныхъ жизни и будущности государствъ, которыя стали выдѣляться изъ имперіи со времени Тридцатилѣтней войны. 40 лѣтъ онъ жилъ въ Ганноверѣ, былъ свидѣтелемъ двухъ перемѣнъ на престолѣ, и принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ судьбахъ этой страны. Его трактатъ „о правѣ посольства“ исходилъ изъ того же политическаго начала, какъ и его «Bedenken wie Securitas Publica etc.» Лейбницъ не былъ расположенъ къ революціоннымъ мѣрамъ, какъ Ипполитъ а Лапиде и отчасти Пуффендорфъ; но онъ считалъ нужнымъ признать совершившійся фактъ, и на этомъ основаніи требовалъ для князей имперіи тѣхъ же преимуществъ, которыми пользовались самостоятельные государи. Но онъ разумѣлъ только тѣхъ князей, которые вслѣдствіе своего дѣйствительнаго могущества имѣли европейское значеніе; слѣдовательно, онъ рѣзко отдѣлялъ отъ нихъ массу мелкихъ территорій (Reichsstände), неспособныхъ къ политической жизни.

Мы увидимъ далѣе, какое участіе принималъ Лейбницъ въ стремленіяхъ Ганноверскихъ герцоговъ увеличить значеніе своего дома по-

средствомъ установленія нераздѣльности владѣній и посредствомъ пріобрѣтенія курфирстскаго достоинства. На старости лѣтъ Лейбницу еще удалось быть свидѣтелемъ восшествія Ганноверской династіи на англійской престолъ.

Но Лейбницъ не удовольствовался скромной ролью ганноверскаго политика. Мы увидимъ его три раза въ Вѣнѣ, гдѣ ему удается пріобрѣсти расположеніе императора и гдѣ онъ старается приложить свою громадную ученость и свои замѣчательныя способности къ пользѣ всей имперіи. Это была самая тяжелая эпоха для Германіи. Лудовикъ XIV отказался отъ своей прежней сдержанности въ политикѣ и подъ вліяніемъ самаго грубаго эгоизма пренебрегалъ всякимъ международнымъ и человѣческимъ правомъ. Онъ старался во что бы то ни стало уничтожить свободу и благосостояніе Голландіи, заключилъ союзъ съ Турціей, и во время полнаго мира захватилъ Страсбургъ и другія пограничныя владѣнія со стороны Германіи.

Въ виду этого своеволія, которое грозило порабощеніемъ Германіи, Лейбницъ старается возбудить національное чувство въ своихъ соотечественникахъ и оппозицію въ Европѣ. Его знаменитый сатирическій памфлетъ Mars Christianissimus открываетъ собой рядъ сочиненій, въ которыхъ видѣнъ столько же юристъ и защитникъ международнаго права, сколько политикъ и патріотъ.

Въ то же время отъ Лейбница не могло укрыться возрастающее значеніе Пруссіи. Чрезъ свою ученицу и друга, Ганноверскую принцессу Софію-Шарлотту, которая выходитъ за мужъ за сына великаго курфирста, Лейбницъ пріобрѣтаетъ связи и почетное положеніе при Берлинскомъ дворѣ. На его глазахъ развивается блескъ и значеніе этого двора, послѣ того какъ курфирстъ Фридрихъ, мужъ Софіи-Шарлотты, возлагаетъ на себя корону прусскаго короля. Политика Лейбница съ этихъ поръ состоитъ въ томъ, чтобъ установить тѣсную связь между Ганноверомъ и Пруссіей для поддержки взаимныхъ интересовъ и для защиты протестантизма и европейской свободы отъ притязаній Лудовика XIV, къ деспотизму котораго все болѣе и болѣе примѣшивается католическій фанатизмъ со времени уничтоженія Нантскаго эдикта и восшествія Вильгельма Оранскаго на англійскій престолъ.

Съ этой цѣлью Лейбницъ хлопочетъ о сліяніи лютеранской церкви съ реформатской. Ганноверскіе герцоги были самые могущественные изъ лютеранскихъ князей, а Гогенцоллерны принадлежали къ реформатскому исповѣданію. Соединеніе этихъ двухъ исповѣданій сплотило

бы тѣснѣе протестантскій сѣверъ Германіи и скрѣпило связь между обѣими династіями. Подобно тому Лейбницъ прежде старался о примиреніи протестантской церкви съ католической, надѣясь черезъ это умиротворить Европу, поднять общехристіанскіе интересы, обезпечить торжество христіанской Европы надъ магометанскимъ Востокомъ, и на этомъ основаніи создать болѣе прочное международное право и установить союзъ всѣхъ народовъ въ интересахъ цивилизаціи.

Лейбницъ употреблялъ свое вліяніе при Берлинскомъ дворѣ не только въ пользу политики, но и въ пользу науки. То, чего онъ не могъ достигнуть въ Ганноверѣ вслѣдствіе незначительности средствъ и болѣе грубыхъ наклонностей тамошнихъ герцоговъ, ему удалось въ Берлинѣ — учрежденія академіи наукъ, которая должна была служить разсадникомъ науки въ Германіи, центромъ и складочнымъ мѣстомъ всѣхъ научныхъ изобрѣтеній и главнымъ органомъ примѣненія теоретической науки къ практической жизни. Хотя ему не удалось вполнѣ осуществить свой планъ, но первый успѣхъ такъ его ободрилъ, что онъ сталъ хлопотать объ учрежденіи такихъ же академій въ Дрезденѣ и въ Вѣнѣ. Въ это время онъ встрѣтился съ Петромъ Великимъ, который тотчасъ отличилъ Лейбница въ толпѣ царедворцевъ, привѣтствовавшихъ его въ Европѣ, и приблизилъ его къ себѣ. Передъ глазами Лейбница открылся новый міръ, необозримое поле для человѣческой науки и цивилизаціи. Востокъ Европы, который онъ вмѣстѣ со всѣми современниками считалъ недоступнымъ и о которомъ онъ забылъ, вдругъ заявилъ свое право на участіе въ общемъ наслѣдіи европейской семьи. Шестидесяти-пяти-лѣтній философъ съ жаромъ принялся писать проекты о томъ, какъ водворить правильную администрацію въ обширной имперіи, какъ улучшить ея финансы, какъ перенести въ нее европейскую науку. Такимъ образомъ жизнь Лейбница представляетъ вѣрный оттискъ того періода европейской исторіи, который простирается отъ Тридцатилѣтней войны до Утрехтскаго мира, заключаетъ въ себѣ возвышеніе и униженіе Франціи посредствомъ европейской коалиціи и оканчивается вступленіемъ Россіи въ кругъ европейскихъ державъ.

Разказъ объ этой дѣятельности и объ этихъ отношеніяхъ Лейбница будетъ составлять содержаніе слѣдующихъ главъ.

Герцогъ Ганноверскій, который наслѣдовалъ своему брату Іоганну Фридриху, назывался, какъ мы видѣли, Эрнстомъ-Аугустомъ. При вступленіи на престолъ ему было уже болѣе 50-ти лѣтъ, и если молодость, проведенная въ лишеніяхъ всякаго рода, можетъ служить хоро-

шимъ приготовленіемъ къ царственной дѣятельности, то Ганноверцы должны были считать себя счастливыми при вступленіи новаго герцога. Онъ былъ четвертымъ сыномъ того герцога Георга, котораго прозвали Одисеемъ, и съ малолѣтства ему предстояла будущность очень не блистательная. Молодость свою онъ провелъ въ обычныхъ путешествіяхъ, такъ-называемомъ cavalier-tour, которыя считались тогда необходимымъ педагогическимъ средствомъ для образованія молодыхъ дворянъ и принцевъ. Когда ему минуло 17 лѣтъ, ему доставили мѣсто викарія архіепископа Магдебургскаго. Это архіепископство было тогда уже секуляризовано, но сохранило свое прежнее устройство съ той разницей, что мѣсто архіепископа отдавалось протестантскимъ принцамъ. Но по Вестфальскому миру архіепископство досталось Бранденбургу, и Эрнста-Августа вознаградили правомъ на занятіе (Exspectans) Оснабрюкскаго епископства послѣ смерти тогдашняго епископа. 13 лѣтъ пришлось ему ждать этой смерти, и только въ 1661 году онъ поселился въ своей столицѣ Ибургѣ, въ которой прожилъ до 1680 года. Во все это время онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ своимъ старшимъ братомъ, Георгомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ Люнебургскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ сражался противъ Французовъ. Своей храбростью и рѣшительностью онъ много содѣйствовалъ побѣдѣ надъ Французами, въ 1675 году, при Концѣ, вслѣдствіе которой маршалъ Креки долженъ былъ сдаться въ Трирѣ со всѣмъ своимъ войскомъ. Въ запискахъ одного изъ его придворныхъ онъ охарактеризованъ слѣдующимъ образомъ [1]): „Его внѣшность была привлекательна и внушала уваженіе. Щедрый и любезный (galant), онъ умѣлъ легко пріобрѣтать благосклонность прекраснаго пола. Онъ былъ мужественъ на войнѣ, дѣятеленъ въ государственныхъ занятіяхъ и счастливъ въ правленіи, потому что онъ умѣлъ выбирать способныхъ людей и не жалѣлъ денегъ, если можно было этимъ средствомъ помочь дѣлу. Щедрость свою онъ часто выказывалъ тайно тѣмъ, которые ему служили; былъ привязанъ къ нимъ, хотя держалъ ихъ на извѣстномъ разстояніи. Въ семьѣ онъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и послушаніе. Несмотря на большія издержки, которыя онъ тратилъ на свой дворъ и на путешествія, онъ оставилъ свои финансы и свою страну въ лучшемъ состояніи, чѣмъ они были въ началѣ его царствованія“.

---

[1]) Leben des Staatsministers Iobst von Ilten, написаны его сыномъ. Эти еще не напечатанныя записки часто приводятся Федеромъ въ Sophie, Churfürstin v. Hannover. 1810.

Въ этой характеристикѣ кое-что не досказано: Эрнстъ-Аугустъ былъ не очень религіозенъ и мало интересовался наукой. Въ этомъ отношеніи онъ не походилъ на своего старшаго брата, Іоганна-Фридриха, хотя также не пренебрегалъ алхиміей, астрологіей и другими таинственными науками. Онъ страстно любилъ увеселенія, и для удовлетворенія этой потребности нѣсколько разъ ѣздилъ въ Венецію. Послѣ того какъ онъ сдѣлался Ганноверскимъ герцогомъ, онъ былъ три раза въ Италіи. Въ 1683 году онъ отправился туда съ большой свитой, состоявшей изъ 30-ти человѣкъ. Въ этой свитѣ была графиня Платенъ, которая, вслѣдствіе своихъ отношеній къ герцогу, занимала важное мѣсто при ганноверскомъ дворѣ, и ея мужъ, оберъ-гофмаршалъ, игравшій роль перваго министра. Супруга герцога въ это время ѣздила съ своей дочерью въ Парижъ. Эрнстъ-Аугустъ пробылъ въ Италіи болѣе года. Въ 1685 г. онъ снова отправился туда съ своимъ старшимъ сыномъ. Герцогиня осталась въ Ганноверѣ „противъ своего желанія“. На этотъ разъ пребываніе его въ Венеціи ознаменовалось еще болѣе роскошными празднествами, стоившими по 7-ми и 8-ми тысячъ талеровъ. Герцогъ получалъ отъ Венеціанской республики громадныя суммы въ вознагражденіе за ганноверскія войска, сражавшіяся подъ венеціанскими знаменами противъ Турокъ въ Мореѣ. Герцогъ отправилъ туда 6.700 человѣкъ подъ командой своего втораго сына Макса. Для Венеціанцевъ эта торговля людьми была выгоднѣе, чѣмъ для Ганновера; деньги, которыя они платили за войско, оставались въ странѣ, но изъ 6.700 Ганноверцевъ только 1.400 возвратились на родину.

Этотъ герцогъ былъ женатъ на одной изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ XVII вѣка. Герцогиня Софія была дочерью того извѣстнаго курфирста Пфальцскаго, который, увлеченный честолюбіемъ своей супруги, принялъ богемскую корону, но послѣ битвы при Бѣлой Горѣ скитался изгнанникомъ съ своей семьей по Голландіи. По своей матери Софія происходила отъ англійскаго королевскаго дома Стюартовъ. Прабабкой ея была Марія Стюартъ, дѣдомъ ея былъ ученый и педантическій Іаковъ I. Мать ея Елисавета была женщина страстная и честолюбивая; когда Чехи предложили ея мужу богемскую корону, она сказала ему извѣстныя гордыя слова: „что если онъ не рѣшается принять короны, ему бы не слѣдовало жениться на королевской дочери“. Но при этомъ она была женщина умная и развитая. Послѣ несчастія, постигшаго ея семью, она посвятила себя воспитанію своихъ дочерей. Она старалась окружить себя умными и учеными людьми, и примѣръ ея не остался безъ вліянія на ея дочерей.

Мужъ ея умеръ рано; многочисленная семья ея скоро разсѣялась, и члены ея подверглись самой разнообразной судьбѣ. Семья эта состояла изъ 8-ми сыновей и 5-ти дочерей.

Старшій изъ сыновей, Карлъ-Лудвигъ, послѣ долгихъ, напрасныхъ стараній, получилъ, наконецъ, по Вестфальскому миру курфиршество своего отца, хотя значительно уменьшенное. Мы нѣсколько разъ имѣли случай упоминать о немъ по поводу его вѣротерпимости и его стараній привлечь къ себѣ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени. Дочерью его была извѣстная герцогиня Орлеанская, прославившаяся своей оригинальной перепиской съ родственниками, въ которой она такъ откровенно и незастѣнчиво описываетъ нравы французскаго двора.

Третій сынъ Елисаветы былъ принцъ Рупрехтъ, который отличился въ войнахъ Карла I противъ пуританъ и Кромвеля. Въ досужное время онъ занимался химіей и составилъ себѣ имя въ этой наукѣ нѣкоторыми важными открытіями.

Старшая изъ дочерей была Елисавета, знаменитая ученица и другъ Декарта. На ней всего болѣе отразилось вліяніе и воспитаніе матери. Еще ребенкомъ она выучилась, подъ руководствомъ матери, 6-ти языкамъ; но литература, исторія, риторика и піитика того времени ее не удовлетворяли: она съ рвеніемъ предалась изученію математики и философіи. Въ это время стала распространяться философія Декарта. Елисавета совершенно увлеклась ея изученіемъ и понимала ее лучше и глубже всѣхъ своихъ современницъ. Чтобы свободно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ, она отказалась отъ руки Польскаго короля. Она чрезвычайно интересовалась знакомствомъ съ Декартомъ, который жилъ въ Голландіи, но скрывалъ свое мѣстопребываніе. Декартъ былъ пораженъ ея умомъ и способностями. Онъ искренно привязался къ ней и самъ посвящалъ ее въ самые трудные вопросы своей философіи. Она ему дѣлала возраженія [1]), которыя затрудняли его больше, чѣмъ нападки его многочисленныхъ противниковъ. Декартъ посвятилъ ей свое сочиненіе: „Начала философіи". Въ посвященіи онъ расточаетъ похвалы ея личнымъ достоинствамъ и способностямъ и говоритъ, что не встрѣчалъ никого, кто бы понималъ его сочиненія такъ вѣрно, какъ принцесса Елисавета. Онъ прибавляетъ, что ему было бы неприлично льстить въ такомъ сочиненіи, въ которомъ онъ желаетъ положить основанія всѣмъ истинамъ, достижимымъ для чело-

[1]) См. Descartes et la Princesse Palatine ou l'Influence du Cartésianisme sur les femmes du XVII S. par Foucher de Careil.

вѣка. Другое свое сочиненіе „О страстяхъ", онъ написалъ для Елисаветы. Онъ былъ въ перепискѣ съ ней и старался ее утѣшить въ непріятностяхъ ея жизни. Она не долго пользовалась его дружбой: другая поклонница его философіи, Христина Шведская, убѣдила его пріѣхать въ Стокгольмъ, гдѣ онъ въ томъ же году умеръ.

Елизаветѣ было тогда только 30 лѣтъ. Дальнѣйшая судьба ея была печальна. Въ свитѣ ея матери находился французскій дворянинъ де-Л'Эпине, который, какъ говорила молва, пользовался полнымъ ея расположеніемъ. Дѣти его ненавидѣли, особенно же младшій сынъ Филиппъ. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ и убилъ любимца матери. Мать была очень огорчена, она стала обвинять свою дочь Елисавету въ томъ, что она знала обо всемъ и подстрекала своего молодаго брата къ убійству, и не хотѣла ее болѣе пускать къ себѣ на глаза. Елисавета должна была нѣсколько лѣтъ скитаться по Германіи, и наконецъ, нашла убѣжище въ Герфордскомъ монастырѣ въ Вестфаліи. Она была сдѣлана игуменьей этого секуляризованнаго монастыря. Тамъ она снова стала окружать себя людьми преданными наукѣ и распространять между ними картезіанизмъ. Она умерла въ 1680 году.

Вторая сестра ея, Луиза-Голландина, представляетъ полную противоположность. Она поселилась во Франціи, приняла католичество и была сдѣлана игуменьей монастыря Мобюиссонъ близъ Парижа. Она не стѣснялась предписаніями своего званія и вела веселую, роскошную жизнь. Объ ней говорятъ, что у нея было 14 дѣтей, и что она хвасталась этимъ съ шутливой откровенностью. Любимымъ занятіемъ ея была живопись, и она украшала свой монастырь и сосѣднія церкви произведеніями своей кисти. Такъ она прожила до глубокой старости и умерла въ 1709 г., 86-ти лѣтъ. Ея племянница, герцогиня Орлеанская, которая ее часто навѣщала, разказываетъ о ней въ своихъ письмахъ много любопытнаго: „Она говорила мнѣ про свою комедію; я спросила ее, какъ она могла привыкнуть къ этой глупой монастырской жизни. Она разсмѣялась и отвѣтила: „я говорю съ монашенками только тогда, когда раздаю приказанія". Она держала при себѣ глухую монашенку, чтобы съ ней не говорить. Она всегда любила деревенскую жизнь и воображаетъ себѣ, что живетъ помѣщицей. Но спросила я, каково же вставать ночью и ходить въ церковь? Она разсмѣялась и сказала, что я не знаю вкуса художниковъ. Они любятъ бывать въ темныхъ мѣстахъ; тѣни, которыя ложатся отъ церковныхъ свѣчей, каждый разъ даютъ ей новые мотивы для живописи. Всему она умѣла дать такой оборотъ, что оно не казалось глупымъ".

Эта принцесса получила, какъ всѣ ея сестры, хорошее образованіе и не была лишена ума. Она поддерживала знакомство съ многими учеными и литераторами своего времени, между которыми можно встрѣтить Пелиссона, исторіографа Лудовика XIV, и даже Боссюета. Секретаремъ ея была г-жа Бринонъ, ученая и властолюбивая дама, которая прежде завѣдывала Сен-Сирскимъ институтомъ и ввела тамъ духовную трагедію, но не ужилась съ М. де Ментенонъ и переселилась въ Мобюиссонъ. Принцесса была въ перепискѣ съ своей сестрой, герцогиней Ганноверской, которая часто присылала ей письма Лейбница. Веселой игуменьи пришла мысль обратить свою сестру и Лейбница въ католичество. Ея секретарь, г-жа Бринонъ съ жаромъ взялась за это дѣло; вслѣдствіе этого возникла переписка, которая дала поводъ къ сношеніямъ между Лейбницемъ и Пелиссономъ, о чемъ намъ еще придется говорить въ послѣдствіи.

Софія, герцогиня Ганноверская, была младшая въ семьѣ. Она родилась въ 1630 году, за два года до смерти своего отца, и провела молодость среди самой печальной обстановки. Какъ всѣ свои сестры, она получила превосходное воспитаніе, но кромѣ того, отличалась красивой наружностью и привлекательными манерами. Преданіе говоритъ, что она очень понравилась старшему сыну императора Фердинанда III, который былъ уже избранъ въ Римскіе короли, и что онъ хотѣлъ свататься за нее. Но онъ умеръ отъ чрезвычайно распространенной въ то время опасной болѣзни — оспы. Софія была уже 28-ти лѣтъ, она жила въ Гейдельбергѣ при дворѣ своего брата курфирста Пфальцскаго. Въ это время туда пріѣхали Ганноверскіе принцы Георгъ-Вильгельмъ и Эрнстъ-Аугустъ на пути въ Италію. Говорятъ, что она произвела сильное впечатлѣніе на старшаго брата, что онъ этого не скрывалъ отъ нея, и что всѣ его считали ея женихомъ. Но удовольствія и наслажденія итальянской жизни заставили его раскаяться въ своемъ намѣреніи и предпочесть холостую жизнь. Тогда младшій его братъ, 29-лѣтній Эрнстъ-Аугустъ, поспѣшилъ воспользоваться оплошностью своего брата. Бракъ съ обѣихъ сторонъ нельзя было назвать блестящимъ. Эрнстъ-Аугустъ, какъ младшій сынъ небогатаго княжескаго дома, имѣлъ очень небольшія средства и ему пришлось еще нѣсколько лѣтъ ждать упраздненія Оснабрюкскаго епископства; но въ то же время тогда никто еще не могъ предвидѣть, что Софія доставитъ Ганноверской династіи англійскій престолъ.

У Софіи не было такого глубокаго и серіознаго ума, какъ у ея сестры Елисаветы, но за то ея умъ былъ болѣе практиченъ и блестящъ

и онъ выдавался еще больше отъ ея необыкновенной живости и остроумія. Наука не была для нея, какъ для Елисаветы, главнымъ интересомъ въ жизни, но служила для нея средствомъ, чтобъ украсить ее. Современный ей французскій писатель Шевро (Chevreau) очень вѣрно опредѣлилъ это различіе между двумя сестрами, сказавши, что онъ въ цѣлой Франціи не знаетъ женщины, столь основательно ученой (solidement savante), какъ Елисавета, и столь умной (bel esprit), какъ герцогиня Ганноверская.

Софія отлично знала языки; по свидѣтельству Толанда, извѣстнаго англійскаго деиста, посѣтившаго ее въ Ганноверѣ, она говорила такъ хорошо по-голландски, по-нѣмецки, по-французски, по-итальянски и по-англійски, что трудно было бы опредѣлить, который изъ нихъ ея природный языкъ. Она обладала большими свѣдѣніями въ богословіи, исторіи и философіи, была очень начитана, любила самое разнообразное чтеніе и особенно бесѣды и споры съ знающими людьми. Разговоръ ея былъ чрезвычайно занимателенъ; она интересовалась не только наукой, но и политикой и самыми практическими вопросами, въ которые женщины рѣдко любятъ входить. Когда она сдѣлалась наслѣдницей англійскаго престола, и толпы Англичанъ стали отправляться въ Ганноверъ, чтобы представиться своей будущей королевѣ, она удивляла ихъ своимъ совершеннымъ пониманіемъ англійскаго государственнаго устройства, столь непостижимаго для абсолютныхъ государей материка. Она была большой поклонницей этого устройства и восхищала своихъ англійскихъ гостей тѣмъ, что постоянно распрашивала объ обычаяхъ, законахъ, объ аристократическихъ семействахъ Англіи, и во всемъ этомъ выказывала большой политическій смыслъ. Ей было тогда уже болѣе 70-ти лѣтъ; но Бёрнетъ, игравшій политическую роль при Вильгельмѣ Оранскомъ, не нахвалится ея живостью и называетъ ее самой свѣдущей и интересной женщиной своего вѣка (sche was the most knowing and the most entertaining woman of the age).

Лейбницъ говоритъ объ ней, что она съ одинаковымъ искусствомъ умѣла занимать какъ самыхъ великихъ государей и самыхъ великихъ государственныхъ людей, такъ и деревенскихъ дамъ, съ которыми она могла говорить только про ихъ хозяйство. Ей это было легко, ибо она была чрезвычайно обходительна и ласкова съ людьми, принимала въ нихъ искреннее участіе и отличалась большой добротой.

Она была чрезвычайно жива и весела, рѣдко бывала не въ духѣ и очень любила шутить. Но ея шутливость принимала иногда очень ѣдкій оборотъ, и многіе боялись ея остроумія, особенно же министры

ея мужа. Одинъ изъ нихъ обвиняетъ ее даже въ томъ, что она любила имѣть около себя „чудаковъ", на счетъ которыхъ она могла потѣшаться [1]).

Время ея проходило не въ одномъ только чтеніи и въ разговорахъ о политическихъ и научныхъ вопросахъ. Она много занималась рукодѣліемъ. Комнаты ея замка и алтари нѣсколькихъ церквей были украшены работами ея рукъ. Она любила птицъ и сама кормила ихъ. „Я провожу свой досугъ, пишетъ она однажды Лейбницу, въ томъ, что кормлю своихъ утокъ и лебедей, которымъ я велѣла устроить домики въ саду. Вы видите, что я становлюсь хорошей хозяйкой съ тѣхъ поръ, какъ у меня отдѣльное хозяйство". Въ другомъ письмѣ она говоритъ опять о своихъ лебедяхъ и какъ она любуется заботливостью, съ которою старые лебеди носятъ на спинѣ и на крыльяхъ молодыхъ, когда послѣдніе устанутъ плавать. Это было на дачѣ въ Герренгаузенѣ, въ лѣтнемъ мѣстопребываніи ганноверскаго двора, украшенномъ, въ подражаніе Версалю, всею роскошью того времени. „Въ моемъ уединеніи въ Герренгаузенѣ, пишетъ она, главное мое удовольствіе состоитъ въ прогулкахъ и въ перепискѣ".

Зимою же въ городѣ она съ одинаковымъ удовольствіемъ играла въ карты и на праздникахъ принимала участіе въ различныхъ маскерадахъ и играхъ, которыя не всегда бывали веселы [2]).

Несмотря на свои способности играть видную политическую роль, Софія мало вмѣшивалась въ управленіе герцогствомъ, и даже, какъ кажется, имѣла мало вліянія при дворѣ, хотя ганноверскіе историки, благоговѣющіе изъ династической преданности передъ всѣми предками своихъ государей, говорятъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ о согласіи между Эрнстомъ-Аугустомъ и Софіею, и о вліяніи, которое она имѣла на своего мужа и на всѣ дѣла [3]). Но изъ современныхъ и

---

[1]) Въ вышеприведенной рукописной біографіи Ильтена: Au reste caustique avec beaucoup de sel et ayant toujours à sa suite des originaux, dont elle se divertissait.

[2]) Pour moi je n'ai autre compagnie, пишетъ она Ильтену, который былъ съ ея мужемъ въ Италіи, qu'un petit Turc, que mon fils ainé m'a donné, que j'ai fait bâtiser le jour de trois rois. Je croyais que cette fête se passerait gaiement, mais par malheur Mad. Corenburg, qui a perdu son fils, était reine de la fête et un Huguenot exilié, qui a perdu tont son bien, roi, si bien que tout le repas se passa fort mélancoliquement.

[3]) Шпитлеръ и Вентурини — Handb. d. Vaterl. Geschichte, у Федера p. 39. Послѣдній говоритъ: Was Ernst-August Gemahlin unternahm und durchsetzte, wäre in früheren Zeiten keiner fürstlichen Hausfrau nachgesehen worden.

достовѣрныхъ свидѣтельствъ видно совершенно другое. И при мужѣ и при сынѣ, сказано въ біографіи ганноверскаго министра Ильтена, она оставалась въ удаленіи отъ дѣлъ и не имѣла на нихъ никакого вліянія, въ замѣнъ чего предоставлялись ей всѣ удовольствія двора [1]). То же самое она не разъ высказываетъ въ своихъ письмахъ къ Лейбницу: „Если бы Богу было угодно, пишетъ она ему, взять на себя трудъ создать за одинъ разъ всѣхъ порядочныхъ людей и сдѣлать не нужнымъ нарожденіе ихъ (la peine de la génération), мнѣ кажется, его твореніе было бы гораздо совершеннѣе, и намъ было бы легче вѣрить, что мы созданы по Его образу и подобію. Но теперь какъ будто все вращается (tout roule), и только Онъ одинъ остается неизмѣненъ. Что касается до перемѣнъ, которыя должны совершаться здѣсь, то такъ какъ онѣ не касаются ни меня и ни васъ, то я не знаю, что̀ о нихъ говорить, и я наслаждаюсь тѣмъ, что слушаю соловьевъ въ моемъ саду въ Герренгаузенѣ, чтобы забыть все (pour m'ôter de l'esprit), что̀ меня можетъ огорчить". Въ этомъ отношеніи ея положеніе представляетъ много общаго съ положеніемъ Лейбница. Герцогъ, какъ всѣ люди, одаренные сильной волей, но нѣсколько ограниченные и упрямые, боялся вліянія людей, которые были умнѣе его, и поэтому ревниво старался какъ можно болѣе удалять отъ дѣлъ свою супругу и своего геніальнаго совѣтника. Софія, какъ мы видѣли, съ большимъ тактомъ примирялась съ своимъ положеніемъ и въ философскомъ стоицизмѣ искала себѣ вознагражденія. Съ такимъ же тактомъ она переносила другія непріятности своей семейной жизни, которыя проистекали изъ непостоянства ея мужа и изъ его излишняго поклоненія женской красотѣ; только изрѣдка она вознаграждала себя нѣсколькими тонкими остротами на счетъ своей главной соперницы, дородной и злой графини Платенъ.

Но хотя Софія, такимъ образомъ, почти не вмѣшивалась въ управленіе герцогствомъ, она играла очень важную роль. Ея дѣятельность преимущественно проявлялась въ той сферѣ, которая особенно доступна женскому вліянію. Своими личными отношеніями и своимъ умѣньемъ обращаться съ людьми, она достигала бо̀льшихъ результатовъ, чѣмъ герцогъ посредствомъ своей дипломатіи. Главною цѣлью Эрнста-Аугу-

[1]) Elle fut toujours femme éloignée et sans crédit dans les affaires et par son mari et par son fils, qui laissaient à sa disposition tous les agréments de leurs cours dont elle faisait l'agrément et les honneurs avec cette dignité et cette noblesse, accompagnée d'aisance, qui en fait l'agrément et qui est si difficile aux princesses d'attraper.

ста было, какъ мы говорили, установить нераздѣльность своего герцогства и доставить себѣ курфиршество. Для этого было прежде всего необходимо склонить къ этому старшаго брата Георга-Вильгельма, герцога Люнебургскаго, и успокоить оскорбленное самолюбіе старшей линіи Ганноверскаго дома, герцоговъ Вольфенбюттельскихъ. Эта задача выпала на долю Софіи. Она сумѣла пріобрѣсти такое вліяніе на Георга-Вильгельма, что успѣла разстроить предположенный бракъ его единственной дочери и наслѣдницы съ герцогомъ Вольфенбюттельскимъ, женить на ней своего старшаго сына и такимъ образомъ упрочить присоединеніе Люнебурга къ Ганноверу[1]). Несмотря на это, она сумѣла также сохранить до извѣстной степени хорошія отношенія съ Антономъ-Ульрикомъ, герцогомъ Вольфенбюттельскимъ, отвратить явный разрывъ между обѣими линіями, и послѣ долгихъ стараній заставить Антона-Ульрика даже примириться съ возвышеніемъ младшей линіи.

Эти политическіе успѣхи стоили ей большихъ жертвъ. Вслѣдствіе установленія нераздѣльности Ганноверскаго герцогства, ея младшіе сыновья лишались наслѣдства. Они не хотѣли безропотно повиноваться своей судьбѣ и особенно второй — Максимиліанъ, который принялъ даже участіе въ заговорѣ противъ брата, вслѣдствіе чего долженъ былъ бѣжать и искать убѣжища на императорской службѣ. Лейбницъ справедливо говоритъ, что у Софіи было столько же духа, сколько чувства (sensibilité). Она это вполнѣ доказала своими отношеніями къ сыновьямъ. Она всѣми силами поддерживала право своего старшаго сына, которое она считала необходимымъ для блага династіи, но въ то же время страдала за младшихъ. Въ ея письмахъ къ Лейбницу въ Вѣну выражается самая нѣжная заботливость объ этихъ сыновьяхъ, которые находились на императорской службѣ. Она не вѣритъ дурнымъ слухамъ о нихъ, которые доходятъ до нея, и проситъ Лейбница выхлопотать для нихъ какое-нибудь повышеніе на службѣ.

Точно также она принимала дѣятельное участіе въ переговорахъ съ Вильгельмомъ III о томъ, чтобъ упрочить за собой и за своимъ потомствомъ престолонаслѣдіе въ Англіи. Въ 1700 г. она воспользовалась пріѣздомъ короля въ Голландію и отправилась на свиданіе съ нимъ, чтобъ лично склонить его въ пользу ганноверскихъ наслѣд-

---

[1]) Ея секретарь пишетъ объ этомъ Лейбницу: Les complaisances, que Msr le Duc a pour Madame sont extraordinaires, et l'on ne saurait voir converser ensemble les deux illustres personnes, plus unies d'amitié que par le sang, sans en être attendri».

никовъ. По всему этому можно справедливо сказать, что Софія много содѣйствовала къ быстрому возвышенію Ганноверской династіи.

Послѣ смерти мужа вліяніе ея въ Ганноверѣ сдѣлалось еще слабѣе при ея старшемъ сынѣ, самолюбивомъ и ограниченномъ Георгѣ I.

Но скорѣ послѣ того умеръ Вильгельмъ III, на англійскій престолъ взошла Анна, а Софія сдѣлалась наслѣдницей этого престола. Ея дворъ въ Ганноверѣ сталъ центромъ приверженцевъ Ганноверской династіи и вигской партіи, которыя составляли оппозицію противъ якобитовъ и торійскаго министерства королевы Анны. Но и въ новомъ своемъ положеніи она сохранила прежнее спокойствіе духа и прежній стоицизмъ. „Если бы я была моложе, пишетъ она Лейбницу, я могла бы льстить себя надеждой на корону. Но теперь, если бы мнѣ пришлось выбирать, я скорѣе бы пожелала нѣсколько лишнихъ лѣтъ жизни, чѣмъ увеличеніе блеска".

Можетъ-быть, это было не совсѣмъ искренно. Во всякомъ случаѣ можно пожалѣть, что Анна не умерла нѣсколькими годами раньше. Умная и опытная Софія на англійскомъ престолѣ, и Лейбницъ, близкій другъ и совѣтникъ правительницы такого обширнаго и могущественнаго государства, представляли бы зрѣлище, достойное исторіи и чрезвычайно интересное для потомства. Тогда не было бы Утрехтскаго мира, честолюбіе Лудовика XIV было бы наказано гораздо больнѣе, и политика Европы получила бы, можетъ-быть, на нѣсколько лѣтъ совершенно иной ходъ. Но судьба исполнила желаніе Софіи. Она умерла 8-го іюня 1714 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Анны, на 85-мъ году своей жизни.

Софія до послѣдней минуты жизни пользовалась совершеннымъ здоровьемъ и была необыкновенно свѣжа, бодра и весела для своихъ лѣтъ. Она почти не знала старости и болѣзни или, какъ это называла ея сестра, Мобюиссонская игуменья, — le dépérissement de la nature. Толандъ, который видѣлъ ее, когда ей было болѣе 70-ти лѣтъ, говоритъ о ней: „Трудно повѣрить, что она такъ стара. У нея нѣтъ ни одной морщины на лицѣ, и она сохранила всѣ зубы; она читаетъ безъ очковъ, даже мелкую печать вечеромъ въ сумеркахъ, и ходитъ такъ прямо и твердо, какъ самая молодая женщина. Каждый день въ хорошую погоду она прогуливается въ своемъ саду въ Герренгаузенѣ часъ или два, а иногда еще больше, часто до утомленія своихъ провожатыхъ".

Вслѣдствіе своего здоровья она была очень неосторожна. Она не знала другаго діэтетическаго правила, кромѣ ея аппетита, особенно относительно плодовъ. Однажды она заболѣла довольно опасно и нѣсколько

дней боялись за ея жизнь, но потомъ оказалось, что это была рожа, которой она часто подвергалась. Ея сынъ сталъ ее упрекать за неосторожность. „Чему же тутъ удивляться, мой милый сынъ, отвѣтила она ему, что 84-лѣтняя старуха заболѣла; скорѣе нужно бы удивляться, что она столько лѣтъ пользовалась отличнымъ здоровьемъ“.

Она не любила медиковъ и была очень не высокаго мнѣнія о ихъ искусствѣ. Лейбницу часто приходилось отстаивать медицину и медиковъ отъ ея насмѣшекъ [1]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ доказываетъ, что медицина основана на наблюденіи, и что государи должны содѣйствовать къ ея развитію посредствомъ такихъ публичныхъ учрежденій, въ которыхъ могутъ производиться тщательныя наблюденія въ обширныхъ размѣрахъ. Онъ заключаетъ это письмо словами: „Въ ожиданіи такого усовершенствованія медицины, можно считать большимъ счастіемъ, если Богъ далъ кому такое здоровье, какъ вашей курфирстинской свѣтлости и вашей сестрѣ Мобюиссонской игуменьѣ. Если умираешь, когда въ лампѣ недостаетъ масла, какъ ваше курфирстинская свѣтлость выражается объ этомъ непріятномъ предметѣ, тогда смерть должна быть легка и безъ боли; а если повѣрить Кардану, даже пріятна. По крайней мѣрѣ не дурно утѣшать себя такимъ представленіемъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что намъ однажды говорилъ его свѣтлость курфирстъ, который нѣсколько разъ испыталъ очень пріятное ощущеніе во время обморока. Но я желаю, чтобы Господь сохранилъ вашу свѣтлость отъ этого, какъ и отъ всякихъ другихъ непріятныхъ случаевъ“.

Смерть Софіи совершенно соотвѣтствовала ея сравненію съ лампой, потухающей отъ недостатка масла. Гуляя по саду съ своей любимой внучкой Каролиной, женою Георга II, она упала въ объятія своей спутницы и тутъ же скончалась отъ удара. „Она умерла, какъ всегда желала, сказано въ біографіи Ильтена—sans médecin, ni prêtre“.

Софія была религіозна, но на ея религіозности отражались свойства ея ума и ея природы. Въ ея умѣ преобладалъ здравый смыслъ, и потому она не постигала мистицизма въ религіи; въ то же время ея образованный вкусъ не выносилъ длинныхъ, педантическихъ проповѣдей, исполненныхъ схоластическихъ объясненій, на неуклюжемъ нѣмецкомъ языкѣ того времени. Она ненавидѣла ханжество и суевѣріе, но

[1]) По поводу мнимой беременности курфирстины Саксонской, Софія писала: D'abord, qu'on m'a dit, que les médecins ont jugé, qu'elle etait grosse, j'en ai eu méchante opinion; car on n'a guères à faire du jugement de ces gens, quand on l'est en effet.

твердо стояла за сущность религіи. Она была воспитана въ реформатскомъ исповѣданіи, и несмотря на всѣ увѣщанія лютеранскихъ пасторовъ ея мужа причаститься у нихъ, она всегда ходила въ свою церковь. Въ то время религіозной нетерпимости и борьбы вѣроисповѣданій даже мелочная привязанность къ своей религіи была добродѣтелью и признакомъ благородства. Она любила разсуждать о религіозныхъ вопросахъ и особенно о такихъ, которые представляютъ философскую сторону, напримѣръ, о Богѣ и о безсмертіи. Лейбницъ разказываетъ, что она возставала противъ пантеизма и отстаивала личность Божію, и въ этихъ спорахъ любила приводить доказательство: „Кто сотворилъ глазъ, неужели тотъ не видитъ, и тотъ кто сотворилъ ухо, неужели тотъ не слышитъ". Однажды у нея за столомъ зашла рѣчь о безсмертіи души и о философскихъ доказательствахъ безсмертія. Она и ея мужъ нашли неудовлетворительными доказательства, которыя приводилъ Моланусъ, аббатъ Локкумскій, предсѣдатель Ганноверской консисторіи. Всѣ условились предоставить Лейбницу рѣшеніе о томъ, кто правъ въ спорѣ. Моланусъ извѣщаетъ объ этомъ Лейбница и говоритъ, что онъ разчитыватъ на его дружбу и надѣется на его помощь. Лейбницъ отвѣчаетъ ему, что въ сущности онъ правъ; но онъ не можетъ защитить его доказательствъ, заимствованныхъ изъ картезіанской философіи. Въ то же время онъ пишетъ Софіи длинное и живое письмо, въ которомъ объясняетъ ей доказательства своей философіи въ пользу нераздѣльности и безсмертія души.

Софія была чрезвычайно вѣротерпима въ религіозныхъ вопросахъ. Однажды къ ней обратился Гейнсонъ, Остфрисляндскій суперинтендентъ, съ просьбой оказать ему помощь въ преслѣдованіи піэтистовъ, которыхъ поддерживалъ начальникъ тамошняго управленія. Софія была очень недовольна такой просьбой и просила Лейбница „вразумить" его [1]). „Скажите ему, писала она Лейбницу, что лютеранскіе государи—папы въ своей церкви, и что имъ слѣдуетъ повиноваться. Если его государь доволенъ своими подданными, то и онъ долженъ быть доволенъ".

Софія принимала дѣятельное участіе въ попыткахъ соединить лютеранскую церковь съ католической, но это не мѣшало ей выражаться въ очень шутливомъ тонѣ о своемъ участіи въ переговорахъ. „Il faut espérer, пишетъ она Лейбницу, sur ce sujet une révélation extraordinaire; et comme le christianisme est venu dans le monde par une femme, il

[1]) Je me promets de votre piété, que vous le manderez dans les termes de l'art.

me serait glorieux, que l'union se fit par moi; mais il faut des influences particulières pour réussir".

Всего ближе можно познакомиться съ Софіей изъ ея переписки съ Лейбницемъ [1]). Онъ былъ ея совѣтникомъ въ серіозныхъ и затруднительныхъ вопросахъ. Ему она довѣряла свои опасенія относительно младшихъ сыновей, онъ же былъ ея повѣреннымъ въ переговорахъ съ герцогомъ Вольфенбюттельскимъ и въ ея отношеніяхъ къ любимой дочери Софіи-Шарлоттѣ, которая жила въ Берлинѣ, окруженная равнодушными и недоброжелательными людьми. Къ нему же Софія обращалась за совѣтомъ въ различныхъ мелочахъ ежедневной жизни, когда, напримѣръ, нужно было выписать зеркало изъ Венеціи или украсить стѣны замка картинами. Она пишетъ ему, что герцогъ желаетъ заказать нѣсколько картинъ (tapisseries), которыя бы представляли сцены изъ его жизни и изъ жизни его отца, и проситъ Лейбница придумать сюжеты для картинъ, такъ какъ воображеніе ея придворнаго живописца не слишкомъ плодотворно [2]).

Отношенія между герцогиней и Лейбницемъ были самыя дружественныя. Она пишетъ ему однажды въ отвѣтъ на его поздравленія къ новому году: „Вы дали такой пріятный и обязательный оборотъ поздравленіямъ, которыя вы мнѣ прислали къ новому году, что я ихъ предпочитаю поздравленіямъ, полученнымъ отъ королей и принцевъ. Отъ судьбы зависитъ исполненіе вашихъ желаній, и въ этомъ отношеніи ваши желанія и желанія самыхъ великихъ государей равны для меня. Я хотѣла бы чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ выразить вамъ мою благодарность и доказать вамъ, какъ я цѣню вашу дружбу". Она заботится о его здоровьѣ: „Я боюсь за ваше здоровье, пишетъ она ему; мнѣ кажется, что вы въ Берлинѣ не находите той пищи, которая вамъ полезна".

Она присылаетъ ему новыя книги и журналы, высказываетъ свой взглядъ на нихъ и спрашиваетъ его мнѣніе. Въ своихъ письмахъ къ нему она говоритъ обо всемъ: сообщаетъ ему придворныя новости или извѣстія о томъ, что случилось при иностранныхъ дворахъ, шутитъ и остритъ надъ общими знакомыми, говоритъ о политикѣ; иногда

---

[1]) Къ сожалѣнію, эта переписка еще не издана вполнѣ; только небольшая часть ея напечатана въ сочиненіи: Feder—Sophie Churfürstin von Hannover. 1810.

[2]) Je ne trouve pas notre peintre fertile en invention; c'est pour cela qu'il me semble, que vous y pourriez bieu suppléer; à fin qu'on ne le fit pas à tricoter et à boire du Bruhan, comme ils firent jadis, mais plustôt le feu duc George à la bataille de Hamelen et ses enfants selon l'âge, qu'ils avaient alors.

же письма становятся серіозны и касаются религіозныхъ и философскихъ вопросовъ. Софія, какъ большинство образованныхъ женщинъ XVII вѣка, знала философію и интересовалась ею. Впрочемъ, для оправданія современныхъ женщинъ нужно прибавить, что философія въ то время имѣла совершенно иное значеніе, чѣмъ теперь. Религія гораздо болѣе занимала общественное вниманіе, чѣмъ въ настоящее время. Она не только своимъ нравственнымъ элементомъ входила въ воспитаніе человѣка, но интересовала общество именно своей догматической стороной. Въ эпоху борьбы исповѣданій и религіозныхъ войнъ, догматическіе споры были самыми современными вопросами, и ни одинъ образованный человѣкъ не могъ оставить ихъ безъ вниманія. Но чтобы понять ихъ, необходимо было знакомство съ тогдашней философіей, которая именно ставила своей задачей разумное объясненіе догматовъ вѣры. Догматы о таинствѣ евхаристіи и о св. Троицѣ прямо вводили въ сферу философскихъ терминовъ и понятій. И Софія, подобно всѣмъ своимъ современницамъ, подходила къ философіи со стороны религіозной догматики. Лейбницъ долженъ былъ сдѣлаться ей особенно симпатиченъ потому, что съ помощью своей философіи объяснялъ ей то, что̀ для нея было заученнымъ съ дѣтства догматомъ. Какъ видно изъ обнародованныхъ до сего времени писемъ, главнымъ и любимымъ предметомъ ихъ разговоровъ было безсмертіе души. Его философія, основанная на принципѣ индивидуализма, объяснявшая весь міръ монадами, безконечно малыми, вѣчными существами, духовными по своей природѣ и матеріальными по своимъ дѣйствіямъ, — была особенно способна дать новую пищу врожденной человѣку вѣрѣ въ безсмертіе. Лейбницу не всегда было легко переводить на простой обыкновенный языкъ положенія своей философіи, особенно „гофкавалирамъ", въ присутствіи которыхъ иногда происходили эти разговоры. Онъ часто для ихъ объясненія долженъ былъ прибѣгать къ неточнымъ сравненіямъ, взятымъ изъ окружающаго міра. Онъ самъ разказываетъ, какъ однажды, гуляя съ герцогиней по стриженнымъ аллеямъ Герренгаузена, онъ объяснялъ ей свое положеніе, что въ мірѣ нѣтъ ни одного предмета вполнѣ тождественнаго съ другимъ, что между самыми мелкими, совершенно похожими другъ на друга предметами, существуетъ на самомъ дѣлѣ безконечное различіе. Это положеніе было ему необходимо для его принципа индивидуализаціи и оно относилось собственно только къ монадамъ, то-есть, значило, что между этими единичными существами есть безконечное различіе, которое и составляетъ основаніе ихъ индивидуальности. Но

Лейбницъ, желая выражаться болѣе осязательно, обратился къ видимому міру и приводилъ въ доказательство, что даже нельзя найдти двухъ листьевъ, совершенно тождественныхъ. Герцогиня стала въ этомъ сомнѣваться и одинъ изъ присутствующихъ вызвался найдти такіе два листа. Послѣ долгаго времени онъ возвратился съ своихъ поисковъ съ пустыми руками.

Эти монады чрезвычайно затрудняли Софію. Вслѣдствіе непривычки къ отвлеченнымъ представленіямъ или вслѣдствіе женской добросовѣстности, она непремѣнно хотѣла представить себѣ ихъ осязательно и жалуется Лейбницу, что она не можетъ понять *его единицъ* (ses unités). Лейбницъ ее утѣшаетъ, и увѣряетъ, что она ихъ понимаетъ, на сколько онѣ понятны, ей нужно только вдуматься въ нихъ, и затѣмъ онъ снова начинаетъ ихъ объяснять [1]).

Письма Софіи къ Лейбницу и къ другимъ отличаются неподдѣльной веселостью и игривостью и пересыпаны остроумными шутками. „Такъ какъ ваше пророчество, пишетъ она однажды Лейбницу, было яснѣе пророчествъ Аполлона, то я должна его выше цѣнить, и мнѣ кажется, что васъ можно принять за мага (mage), который приноситъ свой ѳиміамъ (encens) въ видѣ прекрасныхъ писемъ, написанныхъ вами мнѣ и моей дочери по поводу рожденія маленькаго принца". Въ другой разъ она пишетъ ему съ Ребургскихъ водъ: „Я испытывала гораздо большее удовольствіе, читая ваше письмо, чѣмъ теперь отвѣчая на него, ибо упражненіе ногъ здѣсь болѣе здорово,

---

[1]) Pour ce qui est des *unités,* dont nous avions parlé ensemble, V. A. E. les entend autant, qu'elles sont intelligibles, si Elle en prend la peine. Çar Elle juge bien, que tout ce qui est corporel et composé est multitude et non pas une unité véritable; que toute multitude cependant doit être formée et composée par l'assemblage des unités véritables, lesquelles par conséquent n'étant point composées ni sujettes à la dissolution sont des substances perpétuelles, quoiqu'elles changent toujours. Or ce qui n'a point de parties ni d'étendue, n'a point de figure aussi; mais il peut avoir de la pensée et de la force ou de l'effort, dont on sait aussi que la source ne saurait venir de l'étendue ni des figures, et par conséquent il faut chercher cette source dans les unités, puisqu'il n'y a qu'unités et multitude dans la nature.

Въ другой разъ онъ указываетъ ей на природу и свойства Божества, чтобъ объяснить ей единичность, нераздѣльность и слѣдовательно безсмертіе монады и человѣческой души: Puisque vous concevez, que l'esprit général est une unité, pourquoi ne pourriez vous pas concevoir des unités particulières: car être universel et particulier ne fait rien à l'unité, ou plutôt il parait plus aisé que l'unité soit dans le particulier.

чѣмъ упражненіе головы, которое необходимо, чтобы хорошо выяснить наше мнѣніе насчетъ евхаристіи [1]).

Сообщая министру Ильтену, который находился при ея мужѣ въ Италіи, о смерти королевы датской, Софія продолжаетъ: „Впрочемъ, міръ не опустѣетъ, пока г-жа Ильтенъ и вы еще будете находиться въ немъ. Она только-что родила хорошенькаго мальчика, почти не бывши больной. Онъ можетъ съ тѣмъ, который у васъ уже есть, замѣнить тѣхъ, которые теперь умрутъ въ Венгріи. Мой сынъ собирается выступить туда съ пѣхотой (на войну противъ Турокъ), и т. д.".

Иногда эти шутки идутъ дальше, чѣмъ дозволяется языкомъ нашего времени, и свидѣтельствуютъ о наивности нравовъ, которой отличалось самое образованное общество XVII вѣка. Эта черта, которую мы встрѣчаемъ у самыхъ порядочныхъ женщинъ того времени, можетъ насъ заставить не удивляться наивной откровенности, доходящей до цинизма въ письмахъ герцогини Орлеанской и въ мемуарахъ маркграфини Байрейтской, сестры Фридриха Великаго.

Кромѣ Лейбница, къ любимцамъ герцогини принадлежалъ Гортензіо Мауро, одинъ изъ тѣхъ умныхъ и ловкихъ италіанскихъ аббатовъ, которыхъ мы въ то время такъ часто встрѣчаемъ при нѣмецкихъ дворахъ, гдѣ они занимаются сочиненіемъ поздравительныхъ стиховъ и текстовъ для италіанскихъ оперъ и пасторалей. Гортензіо Мауро былъ секретаремъ Софіи и писалъ для нея ея итальянскія письма. Онъ былъ человѣкъ честный, не занимался интригами, подобно своимъ соотечественникамъ, и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Лейбницемъ. Онъ нравился Софіи своимъ остроуміемъ; но многіе изъ придворныхъ смотрѣли враждебно на отношенія герцогини къ людямъ, подобнымъ Лейбницу и Мауро, и боялись ихъ вліянія [2]).

У Софіи было 7 дѣтей, изъ которыхъ 4 умерли при ея жизни. Старшій, который родился въ 1660 году, былъ Георгъ-Людвигъ, сдѣ-

[1]) Это было написано во время переписки съ Пелиссономъ и г-жею Бринонъ о примиреніи церквей.

[2]) Selon vous M-r, пишетъ Гротъ Ильтену изъ Стокгольма, notre Électrice devient bien ambulante et je commence à craindre, que nos beaux esprits, que vous spécifiez, ne lui fassent voir à la fin plus de pays, quelle ne pense. L'exemple de la reine Christine me fait peur, et je sais aussi ce que c'est que la contagion du bel esprit. Celui de M-r Hortense dechéeroit bientôt de son prix sous sa satire, de sorte que je ne suis bien surpris, s'il tache à faire sa cour aux dépens d'autrui. Quoi qu'il soit du siècle passé (письмо написано въ 1702 году) il n'a pas laissé de connaître le génie de celui où nous sommes, et en s'y accomodant il témoigne, qu'il n'a pas pour rien blanchi dans les antichambres.

лавшійся англійскимъ королемъ подъ именемъ Георга I. Второй, Фридрихъ-Аугустъ, вступилъ въ императорскую службу и былъ убитъ въ Трансильваніи въ битвѣ противъ Турокъ въ 1690 году. Максиміліанъ былъ также на австрійской службѣ и умеръ въ 1726 году фельдмаршаломъ. О Софіи-Шарлоттѣ, которая вышла замужъ за Прусскаго короля Фридриха I, намъ придется еще много говорить. Карлъ-Филиппъ былъ убитъ въ Албаніи, гдѣ онъ предводительствовалъ венеціанскимъ отрядомъ въ войнѣ противъ Турокъ въ томъ же 1690 г., когда былъ убитъ его братъ Фридрихъ. Христіанъ также погибъ во время войны за испанское наслѣдство при переправѣ черезъ Дунай. Младшій, Эрнстъ-Аугустъ, былъ подобно отцу епископомъ Оснабрюкскимъ.

Жизнь Софіи не прошла безъ печальныхъ катастрофъ. Самая трагическая изъ нихъ была — семейный разладъ между наслѣднымъ принцемъ и его женой, который окончился убійствомъ графа Кёнигсмарка и заключеніемъ этой принцессы. Софія-Доротея была двоюродной сестрой своего мужа, дочерью Люнебургскаго герцога Георга-Вильгельма, который, какъ мы видѣли, изъ своихъ путешествій въ Венецію вынесъ распущенность нравовъ и любовь къ холостой жизни. Но сорока лѣтъ онъ познакомился въ Голландіи съ 27-лѣтней Елеонорой д'Ольбрёзъ, дочерью одного маркиза-гугенота, которая произвела такое впечатлѣніе на стараго холостяка, что онъ женился на ней. Этотъ неравный бракъ возбудилъ негодованіе герцогскихъ родственниковъ. Еще по прошествіи 40 лѣтъ герцогиня Орлеанская писала женѣ герцога: „Эта герцогиня слишкомъ низкаго происхожденія, и для нея было бы большой честью выйдти замужъ за monsieur premier valet de chambre. Подумайте же, какъ она можетъ годиться для Брауншвейгскаго герцога“ [1]). Братья герцога называли ее графиней Вильгельмсбургской и только въ послѣдствіи признали ее герцогиней съ тѣмъ, однакожь, чтобы ея сыновья не имѣли права на наслѣдство. Герцогиня Орлеанская описываетъ ее не очень лестнымъ образомъ: „Характеръ ея — говоритъ она — былъ не изъ лучшихъ; она была какъ почти всѣ Француженки, которыя всегда капризны и честолюбивы, всѣмъ хотятъ заправлять и все себѣ подчинить. Было бы лучше, еслибъ она осталась среди своего плохаго дворянства въ Поату.“.

---

[1]) Далѣе она говоритъ: Insonderheit ist es war, dass ein verständiger Herr, wie Herzog Georg Wilhelm ist ein Mensch heirathet, mit welcher er so viele Jahre ohne Heirath gehaust hat.

Отъ этого брака родилась въ 1666 году только одна дочь, Софія-Доротея, которую баловали и отецъ и мать. Герцогиня Орлеанская прямо говоритъ о ней, что мать воспитала ее съ малолѣтства „zur Coquetterie und Galanterie“. Ее хотѣли выдать замужъ за одного изъ герцоговъ Вольфенбюттельскихъ, но вліянію Софіи и Люнебургскаго министра Бернсторфа удалось устроить ея бракъ съ Георгомъ-Людвигомъ. По характеру обоихъ можно было видѣть, что бракъ будетъ не изъ счастливыхъ. У Георга была грубая и чувственная натура, онъ любилъ только охоту и солдатъ, притомъ былъ всегда холоденъ, сдержанъ и молчаливъ. Толандъ говоритъ, что даже сдѣлавшись курфирстомъ, онъ всегда ждалъ, чтобы другіе начали съ нимъ говорить [1]).

Жена его представляла совершенно противоположную натуру. Въ одной современной характеристикѣ восхваляется ея красота, ея станъ, цвѣтъ ея лица, ея волоса. Она отлично танцовала, играла на фортепьяно и пѣла. Далѣе о ней говорится, что она очень умна, чрезвычайно жива, и что у нея богатое воображеніе, развитое большою начитанностью. Она одарена отъ природы хорошимъ вкусомъ, который еще болѣе развитъ тщательнымъ воспитаніемъ. Мужчина, который бы столько зналъ, какъ она, могъ бы быть счастливъ и доволенъ собой. Она вѣрно судитъ обо всемъ, входитъ во все, что̀ ей говоришь, и отвѣчаетъ умно. При такихъ качествахъ, прибавлено въ характеристикѣ, трудно уберечься отъ самолюбія.

Хотя у нихъ было двое дѣтей, отношенія между обоими супругами были самыя непріятныя. Георгъ часто отсутствовалъ по нѣсколько мѣсяцевъ на войнѣ, а когда онъ возвращался въ Ганноверъ, проводилъ время на охотѣ или съ своими любовницами, молодой графиней Платенъ, ея невѣсткой графиней Кильмансегге-Дорлингтонъ, дочерью старой графини Платенъ и Мелузиной Шуленбургъ, возведенной въ Англіи въ санъ герцогини Кендаль. Когда Софія-Доротея высказывала свое неудовольствіе противъ невѣрности мужа, ея ожидали новыя оскорбленія. Однажды онъ ее ударилъ въ присутствіи своей сестры и короля Прусскаго. Подобныя сцены были нерѣдки въ царственныхъ семьяхъ XVII вѣка. У Фрейтага въ его „Очеркахъ прошедшаго“ можно прочесть описаніе того, что̀ происходило между курфирстомъ Пфальцскимъ и его супругой, которая жаловалась на мужа императору и въ своей жалобѣ говоритъ съ удивительной откровенностью про свою семейную

---

[1]) Герцогиня Орлеанская пишетъ о немъ: Der Kurfürst von Braunschweig hat das, dass er unleidlich trocken und kalt ist in seiner Rede und redt gar nicht.

жизнь. Софія-Доротея скучала и начала интересоваться молодыми людьми, которые восхищались ея красотой, сначала однимъ изъ своихъ родственниковъ, потомъ другомъ своего дѣтства, молодымъ графомъ Филиппомъ фонъ-Кёнигсмаркъ. Этотъ Филиппъ былъ внукомъ того извѣстнаго генерала Кёнигсмарка, который былъ однимъ изъ типичныхъ героевъ Тридцатилѣтней войны. Во время войны онъ составилъ себѣ такое состояніе, что его семья сдѣлалась одной изъ самыхъ богатыхъ въ Европѣ. Почти всѣ члены этой семьи пріобрѣли извѣстность своей замѣчательной судьбой и приключеніями, въ которыя ихъ вовлекала красота, природная необузданность и безумная отважность. Старшій братъ Филиппа былъ настоящимъ представителемъ „странствующихъ львовъ“ XVII вѣка. Современники называли его „le parfait chevalier errant“. Еще юношей онъ покрылъ себя славой въ войнѣ противъ африканскихъ Барбаресковъ. Онъ переѣзжалъ отъ одного двора къ другому, поступалъ съ одной службы на другую. Во время его путешествія по Италіи одна графиня, Сутгемптонъ, до такой степени влюбилась въ него, что одѣтая пажемъ, слѣдовала за нимъ повсюду. Но онъ ее бросилъ, когда ей сдѣлалось невозможнымъ продолжать путешествія. Въ Англіи онъ самъ влюбился въ одну молодую вдову, дочь графа Нортумберландскаго; но она вышла замужъ за другаго. Онъ потребовалъ, чтобы мужъ отказался отъ нея, а потомъ подослалъ убійцъ, отъ рукъ которыхъ тотъ погибъ. Убійцы, нѣсколько шведскихъ офицеровъ, были казнены. Кёнигсмаркъ съ своимъ братомъ Филиппомъ долженъ былъ оставить Англію. Вскорѣ послѣ того онъ былъ убитъ въ войнѣ съ Турками. Сестра ихъ была знаменитая Аурора, любовница Августа I и мать Морица Саксонскаго. Филиппъ почти воспитывался вмѣстѣ съ Софіей-Доротеей, и какъ онъ увѣрялъ ее, съ малолѣтства ее любилъ. Онъ вступилъ въ ганноверскую службу и бо́льшую часть времени проводилъ при дворѣ. Между нимъ и принцессой возстановились самыя нѣжныя отношенія. Когда онъ отлучался на войну, они пересылались самыми страстными письмами. Впрочемъ, въ этихъ отношеніяхъ было много романтическаго; они мечтали о томъ, чтобы бѣжать куда-нибудь и обвѣнчаться. Кёнигсмаркъ иногда тяготился этими отношеніями. Его состояніе нѣсколько разстроилось вслѣдствіе конфискаціи дворянскихъ имѣній, предпринятой Карломъ XI. Онъ хотѣлъ на войнѣ доставить себѣ славу и богатство и собирался вступить въ венеціанскую службу. Но принцесса его не пускала. Нравы при ганноверскомъ дворѣ были очень свободны. Принцесса, особенно въ отсутствіи мужа, принимала

кого хотѣла. Иногда Кёнигсмаркъ проводилъ съ ней наединѣ цѣлый вечеръ и оставался у нея ужинать. Наконецъ, послѣ 7-лѣтнихъ ожиданій, казалось, для нихъ настало удобное время, чтобъ осуществить свое намѣреніе. Во время походовъ противъ Франціи Кёнигсмаркъ пріобрѣлъ расположеніе курфирста Саксонскаго, который предложилъ ему перейдти въ его службу. Мужъ принцессы въ это время отправился въ Берлинъ къ сестрѣ; она поѣхала къ своему отцу и умоляла его принять ее снова подъ свое покровительство и позволить ей оставить мужа. Но отецъ заставилъ ее возвратиться въ Ганноверъ. Тогда они рѣшились бѣжать. Кёнигсмаркъ выслалъ впередъ свои экипажи на 52 лошадяхъ съ большимъ числомъ слугъ, и 1-го іюля 1694 года, вечеромъ, отправился къ принцессѣ, чтобъ уговориться съ ней о времени бѣгства. Но переговоры эти продолжались очень долго; напрасно фрейлина принцессы, которая знала обо всемъ, торопила ихъ. Наконецъ, въ 2 часа Кёнигсмаркъ вышелъ, и принцесса провела остальную часть ночи въ укладываніи своихъ вещей.

Но у нихъ былъ врагъ, который разрушилъ всѣ ихъ планы. Старая графиня Платенъ, съ своей стороны, влюбилась въ красиваго графа; какъ разказываетъ сестра его, онъ нѣсколько времени уступалъ прихотямъ всемогущей старухи, но, наконецъ, своимъ пренебреженіемъ навлекъ на себя ея крайнюю ненависть и месть. Она знала обо всемъ, что̀ происходило между нимъ и принцессой, и убѣдила герцога арестовать Кёнигсмарка. Когда онъ выходилъ отъ принцессы, въ одномъ изъ корридоровъ замка его остановили 4 драбанта. Онъ сталъ защищаться, но, наконецъ, его шпага сломалась, и его осилили. Какъ говорятъ, къ раненому подбѣжала графиня Платенъ и ногой зажала ему ротъ, когда онъ сталъ обвинять ее въ убійствѣ. По другому извѣстію, его послѣ этого утопили, а тѣло сожгли въ печкѣ. Долго никто не зналъ, куда онъ дѣлся, и всѣ запросы саксонскаго двора оставались безъ отвѣта. Многіе думали, что онъ живъ и находится въ заключеніи.

Принцесса была внѣ себя отъ отчаянія. Она громко кричала, что не хочетъ жить между варварами и убійцами, и какъ говорятъ, хотѣла лишить себя жизни. Ея мужъ теперь самъ настаивалъ на разводѣ. Ея родные, самъ отецъ, отъ нея отказались, и 28-лѣтнюю несчастную женщину отвезли въ замокъ Альденъ, гдѣ она находилась 32 года до самой своей смерти. Все ея общество состояло изъ двухъ фрейлинъ, камергера и дежурнаго офицера. Кататься она могла только съ разрѣшенія амтманна и въ сопровожденіи конной стражи. Въ

средствахъ ее, впрочемъ, не стѣсняли. Она свободно занималась управленіемъ своего богатаго наслѣдства, которое ей досталось послѣ смерти отца и матери. Иногда ее тайкомъ навѣщали ея дѣти и мать. Съ мужемъ она никогда болѣе не видѣлась и умерла за 4 года до его смерти.

Другой причиной семейнаго разлада въ герцогскомъ домѣ былъ, какъ мы видѣли, новый законъ о престолонаслѣдіи. Младшіе сыновья находили поддержку у матери [1]), особенно у дяди, герцога Вольфенбюттельскаго, и искали помощи у императора. Особенно недоволенъ былъ Максимиліанъ, который послѣ смерти своего брата Фридриха-Августа былъ вторымъ сыномъ и по обычаю, господствовавшему до того времени въ Брауншвейгскомъ домѣ, имѣлъ право на Ганноверъ, тогда какъ герцогство Люнебургское, по смерти Георга-Вильгельма, должно было перейдти къ старшему брату. Въ пользу этого Максимиліана въ 1691 году составился даже заговоръ, во главѣ котораго стоялъ обер-егермейстеръ фонъ-Мольтке. Но о заговорѣ узнала въ Берлинѣ Софія-Шарлотта и извѣстила обо всемъ своего отца. Заговорщики были арестованы; Мольтке въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ дворца, гдѣ онъ игралъ въ карты съ герцогомъ. Онъ былъ приговоренъ къ колесованію, къ истязанію раскаленными щипцами и къ четвертованію. Въ составленіи этого приговора участвовалъ университетъ. Герцогъ замѣнилъ эту варварскую казнь смертью посредствомъ отсѣченія головы. Друзья и вѣрные слуги Мольтке дали ему средства бѣжать изъ заключенія, но веревка, на которой онъ спускался, оборвалась и онъ былъ снова схваченъ. На его столѣ нашли рѣзкое и насмѣшливое письмо къ курфирсту, съ надписью: „Christ ist erstanden, Moltk' ist entgangen" etc.

Казнь была совершена, несмотря на неудовольствіе всего дворянства, со всею обстановкою древне-нѣмецкаго суда, превратившагося въ устарѣвшую формальность. На мѣсто казни, между прочимъ, были приглашены 12 присяжныхъ изъ той части города, на землѣ которой совершилась казнь. Предсѣдатель (Gerichtsschulze) предложилъ имъ

---

[1]) Arm Gustchen (то-есть, второй сынъ Фридрихъ-Августъ), писала она Антону-Ульриху, wird ganz verstossen, sein Herr Vater will ihm gar kein Unterhalt mehr geben. Ich lache den Tag und schreie die ganze Nacht hie über; denn ein Kind ist mir eben so lieb als das ander, ich habe sie alle unter mein Herz getragen und die unglücklich sein jammern en am meisten. Was Gott will muss man mit zufrieden sein. Aber dieses ist ein harter Punct, denn ich bin ein Narr mit meine Kinder.

старинную формулу: Ist es so viel am Tage, dass man allhier peinlich Gericht halten kann? Присяжные отвѣтиля „да", тогда онъ сломалъ свою палку надъ головою приговореннаго.

Максимиліанъ былъ отвезенъ въ крѣпость Гамельнъ, гдѣ онъ содержался нѣсколько лѣтъ. Онъ долженъ былъ письменно отказаться отъ всѣхъ своихъ притязаній, удалился въ Римъ, а потомъ въ Вѣну. До самой смерти своей онъ былъ въ разладѣ съ своей семьей [1]).

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не знаемъ, какую роль игралъ Лейбницъ въ описанныхъ нами событіяхъ и въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ замѣшаннымъ въ нихъ лицамъ. Какъ кажется, Лейбницъ не былъ особенно близокъ къ Софіи-Доротеѣ. Въ изданныхъ до сихъ поръ сочиненіяхъ мы находимъ только одну эпиталаму на свадьбу Георга и Софіи-Доротеи [2]).

За то Лейбницъ принималъ какъ юристъ дѣятельное участіе въ важныхъ событіяхъ, касавшихся герцогскаго дома, установленія престолонаслѣдія и пріобрѣтенія курфирстскаго сана.

Обычай раздѣлять владѣнія между всѣми сыновьями былъ одной изъ главныхъ причинъ раздробленія Германіи. Золотая булла Карла IV

---

[1]) Seit ich weiss, dass Herzog Max, писала герцогиня Орлеанская въ 1719 г., sich über seine Frau Mutter, unsrer lieben Churfürstin seligen Tod erfreuet und sie bei dem Kaiser aus purem Interesse verklagt hat, kann ich ihn nicht mehr leiden, noch von ihm hören.

[2]) Восхваливши принца за храбрость, оказанную на войнѣ, Лейбницъ продолжаетъ:

Si Mars domte des coeurs, Vénus leur fait des chaînes,
Pour lier doucement les puissances humaines.
Vous sentez son pouvoir, vous sçavez les vertus,
Des épines des Mars, des roses de Vénus.
Mars donne fort souvent des couronnes stériles
Vénus fait obtenir des conquestes fertiles....
La divine Beauté, qui soumet vostre coeur
Accorde vostre amour et le commun bonheur,
Et le peuple enchanté par celle, qui Vous blesse
Adore jusqu'aux pas d'une belle Déesse
Comme un gage du ciel, dont la perfection
Fait le ferme ciment d'une grande union.

Лейбницъ говоритъ здѣсь о соединеніи герцогствъ Ганноверскаго и Люнебургскаго, которое было скрѣплено этимъ бракомъ. Послѣдніе два стиха звучатъ какъ иронія, если вспомнить печальный исходъ этого брака.

Prince, chéri des cieux, que Vostre sort est doux;
Que vous ferés des Rois, même les Dieux, jaloux!

установила нераздѣльность и престолонаслѣдіе старшаго сына въ курфиршествахъ для того, чтобы право избранія императора не досталось слишкомъ мелкимъ князьямъ. Въ остальныхъ же территоріяхъ сохранился обычай дробленія. Но съ начала XVII вѣка замѣчается во многихъ княжескихъ домахъ Германіи, напримѣръ, въ Гессенскомъ и Брауншвейгскомъ, стремленіе отмѣнить этотъ обычай. Эти стремленія были въ связи съ болѣе зрѣлыми политическими идеями, проникавшими государственную жизнь. Феодальное право не знало государства; государь относился иначе ко всякому клочку своей территоріи: здѣсь онъ былъ помѣщикомъ, тамъ — феодальнымъ сюзереномъ, въ такой-то области онъ былъ графомъ, въ другой — герцогомъ. Всѣ эти клочки имѣли мѣстные интересы и противились введенію общихъ мѣръ, сліянію въ одно государство. Представителями такихъ стремленій къ обособленію были земства, которыя носили чисто средневѣковой характеръ и были главнымъ тормазомъ на пути къ политическому развитію страны. Еще отецъ Эрнста-Аугуста долженъ былъ дать письменное обѣщаніе (Revers) земствамъ герцогствъ Ганноверскаго и Люнебургскаго воспрепятствовать, посредствомъ особеннаго закона, соединенію этихъ двухъ герцогствъ. Но по мѣрѣ того, какъ земства теряли значеніе, и необходимость подчинять государственное управленіе общимъ началамъ становилась яснѣе, престолонаслѣдіе старшаго сына, такъ-называемое jus primogeniturae, было повсюду установлено. Эрнстъ-Аугустъ ввелъ этотъ законъ въ своихъ владѣніяхъ въ 1682 году при бракосочетаніи своего сына съ принцессой Люнебургской. Въ слѣдующемъ году этотъ законъ былъ утвержденъ императоромъ. Въ этихъ стремленіяхъ герцогъ находилъ дѣятельнаго союзника въ своемъ старшемъ братѣ Георгѣ-Вильгельмѣ, главными же его противниками были его троюродные братья, герцоги Вольфенбюттельскіе Рудольфъ-Аугустъ и Антонъ-Ульрихъ, составлявшіе старшую линію Брауншвейгскаго дома. Всѣ они были внуками двухъ братьевъ, Генриха и Вильгельма, которымъ принадлежало герцогство Люнебургское; старшій изъ нихъ, Генрихъ, отказался въ пользу своего брата отъ герцогства и оставилъ только графство Даннебергъ; его внуки были Рудольфъ-Аугустъ и Антонъ-Ульрихъ. Когда вымерла въ 1634 году старшая линія Вольфенбюттельская, имъ досталось герцогство Вольфенбюттельское, а герцогство Ганноверское досталось потомкамъ Вильгельма. Вслѣдствіе этого Вольфенбюттельскіе герцоги были слабѣе средствами своей младшей линіи, владѣвшей двумя герцог-

ствами, Ганноверомъ и Люнебургомъ, и поэтому они не желали соединенія ихъ въ одно могущественное цѣлое.

Въ бумагахъ Лейбница найдена записка объ интересномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ въ 1685 году съ Антономъ-Ульрихомъ по этому поводу. Герцогъ доказывалъ, что намѣреніе Эрнста-Августа соединить оба герцогства въ рукахъ старшаго сына не только противно обычаю и установленнымъ законамъ, не только заключаетъ въ себѣ большую несправедливость относительно второго сына, но и повлечетъ за собой дурныя послѣдствія, ибо вызоветъ оппозицію Вольфенбюттельской линіи. Возвышеніе Брауншвейскаго дома преимущественно обусловливалось тѣснымъ союзомъ всѣхъ линій его; теперь же старшая линія будетъ искать себѣ другую поддержку и будетъ находиться къ Ганноверу въ такихъ же враждебныхъ отношеніяхъ, какъ линія Зондербургская (Шлезвигъ-Голштинская) къ Даніи.

По обычаю того времени, обѣ стороны вели между собою литературную полемику. Главное сочиненіе въ пользу права первородства было написано ганноверскимъ вице-канцлеромъ Лудольфомъ Гуго, но и Лейбницу пришлось поддерживать права старшаго сына. Сюда относится его записка на французскомъ языкѣ: „Le droit de primogéniture dans la maison de Bronsvic-Lunebourg“ [1]. Эта записка написана уже послѣ смерти Эрнста-Августа и вѣроятно предназначалась для императора, котораго принцъ Максимиліанъ убѣждалъ отмѣнить завѣщаніе отца. Въ историческомъ обзорѣ Лейбницъ старается доказать, что въ Брауншвейгскомъ домѣ давно уже слѣдовали праву первородства, за нѣкоторыми исключеніями. Особенное затрудненіе представляло завѣщаніе герцога Георга, который отдалъ Ганноверъ и Люнебургъ двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ, съ тѣмъ, чтобы по прекращеніи одной изъ этихъ линій, линія третьяго или четвертаго сына заступила ея мѣсто. При этомъ было сказано, что каждое изъ этихъ герцогствъ должно быть сохранено въ своей цѣлости, dans sa consistence. Противники первородства выводили изъ этого, что оба герцогства должны всегда существовать отдѣльно. Лейбницъ же доказывалъ, что герцогъ Георгъ хотѣлъ этимъ только запретить дальнѣйшее раздробленіе ихъ, но вовсе не воспрепятствовать соединенію ихъ подъ управленіемъ одной линіи въ случаѣ прекращенія остальныхъ, что теперь дѣйствительно и случилось.

Увеличивая такимъ образомъ матеріальное могущество своего дома,

---

[1]) Въ V томѣ соч. Лейбница, изд. Онно Клопомъ.

Эрнстъ-Аугустъ въ то же время стремился къ возвышенію его посредствомъ пріобрѣтенія курфирстскаго сана. Тридцатилѣтняя война, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ учрежденіе восьмаго — Баварскаго курфиршества, нарушила священное число 7 и открыла путь честолюбію другихъ князей. Стремленія Эрнста-Аугуста, впрочемъ, находили основаніе въ географическомъ положеніи его страны. Въ древнее время избраніе императора было главнымъ образомъ въ рукахъ герцоговъ 4 племенъ, изъ которыхъ состояла нѣмецкая нація — Саксонскаго, Баварскаго, Франконскаго и Швабскаго. Но эти племенныя герцогства рано раздробились и распредѣленіе курфирстскихъ голосовъ не соотвѣтствовало племенамъ Германіи. Три голоса достались духовнымъ князьямъ; два курфиршества возникли на восточныхъ окрайнахъ государства въ земляхъ, отвоеванныхъ у Славянъ, гдѣ поэтому, вслѣдствіе завоеванія, образовалась болѣе крѣпкая государственная жизнь; шестой голосъ достался пфальцграфу Рейнскому; а седьмой былъ присвоенъ Богеміи, потому что эта страна въ то время принадлежала императору Карлу IV Люксембургскому, который издалъ постановленіе о курфиршествахъ. При этомъ распредѣленіи были обойдены племя Баварское и Саксонское: первое потому, что оно находилось во владѣніи Виттельсбахской линіи, изъ которой были также Рейнскіе пфальцграфы, и въ то время одному и тому же княжескому дому не хотѣли предоставить два курфирстскихъ голоса; второе — потому, что оно, по низложеніи Генриха-Льва, раздробилось на слишкомъ мелкія части. Вслѣдствіе этого сѣверо-западная Германія не имѣла ни одного представителя въ курфирстской коллегіи, и герцогъ Ганноверскій, какъ самый могущественный князь въ этой части Германіи и преемникъ Генриха-Льва, имѣлъ поэтому полное право требовать, чтобъ его приняли въ число курфирстовъ. Но въ то время императоромъ и князьями не столько руководили историческое право и интересы Германіи, сколько личная политика.

Стремленія Ганноверскаго герцога встрѣтили сильную оппозицію въ большинствѣ князей; не только католическіе князья, во главѣ которыхъ стоялъ курфирстъ Майнцскій, были ему враждебны, потому что не хотѣли допустить въ коллегію курфирстовъ новаго протестантскаго члена, но и многіе изъ протестантскихъ князей, какъ напримѣръ, герцоги Брауншвейгскіе и Саксонскіе, смотрѣвшіе съ завистью на быстрое возвышеніе Ганновера.

Болѣе всего зависѣло отъ императора, и Эрнстъ-Аугустъ старался пріобрѣсти его расположеніе, обѣщая ему союзъ и дѣятельную помощь противъ Турокъ и Франціи. Переговоры продолжались нѣсколько

лѣтъ, но война съ Франціей, возгорѣвшаяся въ 1688 году и требовавшая большихъ жертвъ[1]) отъ имперіи, рѣшила дѣло въ пользу Ганновера. Въ 1692 году Эрнстъ-Аугустъ постановленіемъ курфирстской коллегіи былъ признанъ девятымъ курфирстомъ имперіи. Но многіе князья долго еще не хотѣли признать его новаго сана, и только черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ принятъ въ коллегію курфирстовъ.

Лейбницъ оказывалъ своему герцогу дѣятельную помощь. Къ сожалѣнію, не всѣ еще письма и записки его, относящіяся къ этому дѣлу, изданы. Есть основаніе полагать, что его поѣздка въ Вѣну по возвращеніи изъ Италіи, о которой мы еще будемъ говорить, имѣла цѣлью привести къ успѣшному окончанію переговоры съ императоромъ.

Лейбницъ былъ теперь уже вліятельнымъ лицемъ въ Германіи вслѣдствіе своихъ связей. Черезъ своего бывшаго ученика, молодаго Бойнебурга, который былъ камергеромъ у императора, онъ старается дѣйствовать на курфирста Майнцскаго, его родственника, и склонить его въ пользу Эрнста-Аугуста. Это посредничество дѣйствительно удалось.

Въ то же самое время онъ пишетъ своему другу, оріенталисту Лудольфу, который былъ резидентомъ Саксонскихъ герцоговъ во Франкфуртѣ, и объясняетъ, какъ необходимо для Германіи признаніе новаго курфирста. Онъ указываетъ на то, что бо̀льшая часть старыхъ курфиршествъ лежатъ на Рейнѣ, на границѣ, и легко могутъ впасть въ зависимость отъ Франціи. Тогда Франція будетъ имѣть перевѣсъ въ коллегіи курфирстовъ. „Нужда насъ заставитъ, говоритъ онъ, учредить еще больше курфиршествъ, если Французы завоюютъ Рейнъ и такимъ образо̀мъ расшатаютъ все зданіе имперіи. Объ этомъ мы должны болѣе заботиться, чѣмъ спорить о почестяхъ и церемоніяхъ. Ты справедливо повторяешь слова Аристотеля, что обязанность хорошаго гражданина состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать существующій порядокъ въ государствѣ; но этого можно достигнуть только

[1]) Герцогъ Ганноверскій долженъ былъ вступить въ вѣчный союзъ съ Австріей, обѣщать всегда подавать свой голосъ на сеймѣ въ пользу императора, всегда избирать въ императоры старшаго принца Австрійскаго дома, заплатить 500.000 тал. и выслать на время войны 6.000 человѣкъ въ Венгрію, 3.000 на Рейнъ, построить католическую церковь въ Ганноверѣ и Целлѣ. Но даже всѣ эти жертвы не привели бы герцога къ желанной цѣли, еслибъ его министръ Гротъ не прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ уговорилъ любимца курфирста Саксонскаго, Шёнинга, заключить съ Ганноверомъ договоръ о нейтралитетѣ во время войны между Франціей и Германіей, съ этимъ договоромъ поѣхалъ въ Вѣну и такъ напугалъ австрійскихъ министровъ, что они тотчасъ согласились на требованія Эрнста-Аугуста.

посредствомъ рѣшительныхъ дѣйствій. Хорошій медикъ будетъ поддерживать состояніе тѣла, если оно здорово, и лѣчить его, если оно болѣетъ". Онъ указываетъ на пользу, которую новый курфирстъ можетъ принести протестантскому дѣлу. „Какой протестантъ, пишетъ онъ, не возрадовался бы, 20 лѣтъ тому назадъ, если бы могъ надѣяться увеличить число протестантскихъ курфирстовъ?"

По древнему обычаю, санъ курфирста былъ связанъ съ однимъ изъ придворныхъ званій феодальнаго періода. Эти званія потеряли тогда уже всякое значеніе; только при коронаціи императора, курфирсты черезъ своихъ пословъ исполняли обязанности, связанныя съ ихъ званіемъ—маршала, стольника (Truchsess), виночерпія и пр. Императоръ, возводя герцога Ганноверскаго въ санъ курфирста, далъ ему званіе „знаменоносца" (Reichbannerträger). Вдругъ герцогъ Виртемберскій подалъ протестъ на сеймѣ противъ этого назначенія, доказывая, что еще въ 1336 году его предки были пожалованы въ знаменоносцы. Лейбницъ долженъ былъ опровергнуть эти притязанія и въ чрезвычайно ученомъ и основательномъ сочиненіи доказалъ, что герцогамъ Виртемберскимъ пожаловано не имперское знамя (Reichsbanner), а боевое знамя (Sturmfahne), которое въ битвѣ несли передъ императоромъ. Право же нести имперское знамя никому не принадлежало наслѣдственно, и въ торжественныхъ или важныхъ случаяхъ это знамя поручалось особенному лицу, по назначенію императора; впрочемъ же, въ теченіе 200 лѣтъ, со времени похода императора Фридриха противъ Карла Бургундскаго, это знамя не употреблялось.

Это мелочное и скучное разсужденіе нужно было подкрѣплять лѣтописными свидѣтельствами и грамотами, разсѣянными по различнымъ книгамъ и рукописямъ. Полемика продолжалась нѣсколько лѣтъ, и дѣло было рѣшено въ пользу Виртемберга, то-есть, герцогъ Ганноверскій получилъ санъ курфирста безъ особеннаго придворнаго званія (Erzamt).

Новый курфирстъ возвелъ Лейбница за его заслуги въ званіе тайнаго юстицъ-совѣтника. Но гораздо большее значеніе, чѣмъ эти труды въ пользу Ганноверскаго дома, имѣли для современниковъ Лейбница и имѣютъ теперь для насъ его сочиненія, касавшіяся общихъ интересовъ Германіи и европейской политики.

Германія переживала тогда тяжелое время. Съ востока ей грозила Турецкая война; съ запада Людовикъ XIV, пользуясь неуклюжимъ устройствомъ имперіи, присвоивалъ себѣ одну пограничную область за другой. Людовикъ теперь совершенно оставилъ прежнюю свою

политику, указанную ему Кольберомъ и министрами, вышедшими изъ школы Мазарина, которые не столько заботились о матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, сколько о томъ, чтобы посредствомъ искусной дипломатіи играть первую роль въ Европѣ. Онъ теперь совершенно поддался вліянію Лувуа, который надѣялся посредствомъ грубаго насилія достигнуть болѣе существенныхъ результатовъ и вооружилъ противъ Франціи всю Европу. Царствованіе Лудовика XIV представляетъ въ этомъ отношеніи много общаго съ временемъ революціи, гдѣ также необузданное честолюбіе перваго императора лишило Францію нравственнаго авторитета и матеріальныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ побѣдами республики.

Тотчасъ послѣ Нимвегенскаго мира Лудовикъ учредилъ тѣ извѣстныя коммиссіи въ Мецѣ и Брейзахѣ, по указанію которыхъ онъ анектировалъ (если можно употребить терминъ современной политики) всѣ города и области, находившіеся когда бы то ни было въ ленной зависимости отъ уступленныхъ Франціи по Вестфальскому миру областей. Весь Эльзасъ и многія другія области и города со стороны Германіи и Бельгіи были такимъ образомъ заняты во время мира французскими войсками. Въ отвѣтъ на жалобы императора Лудовикъ выразилъ готовность выслать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ во Франкфуртъ. Но пока продолжались засѣданія этого конгресса и депутаты имперіи спорили между собою объ этикетѣ, французское войско неожиданно осадило Страсбургъ и потребовало сдачи этого стариннаго имперскаго города, который вслѣдствіе его положенія можно было назвать ключемъ къ южной Германіи.

Французское золото дѣйствовало такъ же успѣшно на магистратъ этой ветхой республики, какъ и угроза французскаго генерала бомбардировать городъ, и 2-го октября 1681 года Страсбургъ принялъ навсегда въ свои стѣны французскій гарнизонъ.

Еще слабое въ то время общественное мнѣніе въ Германіи было глубоко оскорблено этимъ наглымъ вѣроломствомъ, въ которомъ высказывалось такое презрѣніе къ безпомощной имперіи. Къ этому чувству оскорбленнаго патріотизма присоединялось еще тяжелое сознаніе своего безсилія и немощи. Несмотря на обширность своего генія и свои стремленія къ общечеловѣческимъ интересамъ, Лейбницъ былъ горячимъ патріотомъ, и въ этомъ случаѣ онъ живѣе другихъ чувствовалъ униженіе своего отечества. О силѣ этого чувства свидѣтельствуютъ многочисленныя стихотворенія и эпиграммы, написанныя имъ по поводу паденія Страсбурга и найденныя въ его бумагахъ.

Нельзя сильнѣе выразить грусть и негодованіе, вызванныя въ немъ равнодушіемъ, съ которымъ императоръ и князья смотрѣли на потерю одного изъ лучшихъ городовъ имперіи, какъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ, которыми заканчивается одно изъ этихъ стихотвореній:

O labem Rhenus, quam non satis abluat omnis
Quod torpore jacent Caesar et Imperium [1]).

Другое стихотвореніе представляетъ ѣдкую сатиру на подкупныхъ жителей Страсбурга. Мы жалѣемъ, что не можемъ его привести, такъ какъ оно написано на латинскомъ языкѣ и притомъ слишкомъ длинно. Оно написано въ формѣ эпитафіи надъ могилой молодой женщины, которая позволила себя обольстить и умерла отъ объятій злаго тирана anno salutis christianae 1681, Germaniae forte ultimo (то-есть, въ послѣдній, можетъ-быть, годъ Германіи). Лейбницъ называетъ въ этомъ стихотвореніи Лудовика иронически: могущественнѣйшій король Галліи, счастливѣйшій побѣдитель, тріумфаторъ, однимъ словомъ, Геркулесъ (Alcides) нашего времени, укротитель чудовищъ, но не самого себя и т. д. (monstrorum domitor, non tamen ipse sui).

Взявши Страсбургъ, Лудовикъ предложилъ имперіи заключить съ нимъ 20-лѣтнее перемиріе, то-есть, другими словами требовалъ, чтобъ имперія уступила ему захваченныя имъ области. Мнѣнія нѣмецкихъ князей, высказывавшіяся на Франкфуртскомъ конгрессѣ, были чрезвычайно различны. Императоръ, который лишился нѣкоторыхъ владѣній въ Эльзасѣ, рѣшительно требовалъ войны съ Франціей. Эрнстъ-Аугустъ былъ также въ самомъ патріотическомъ настроеніи. Онъ писалъ своему послу на конгрессѣ, Гроту, чтобы конгрессъ прежде всего настаивалъ на возвращеніи Страсбурга. Въ слѣдующемъ году онъ пишетъ ему, чтобъ онъ, если ему ничего не удастся сдѣлать въ пользу имперіи, не принималъ участія въ переговорахъ о мирѣ и не бралъ на себя такого позора.

Но главнымъ препятствіемъ къ энергическимъ дѣйствіямъ со стороны Германіи было оскорбленное самолюбіе курфирста Бранденбургскаго. Въ предшествовавшую войну онъ былъ самымъ дѣятельнымъ противникомъ Лудовика XIV и всѣхъ болѣе содѣйствовалъ къ спасенію Голландіи. Ему удалось во время войны отнять у Шведовъ, союзниковъ Лудовика, Померанію; но онъ долженъ былъ возвратить всѣ свои завоеванія, такъ какъ императоръ и Голландія не хотѣли

[1]) Этого позора не смоетъ весь Рейнъ, что императоръ и имперія коснѣютъ въ безжизненномъ равнодушіи.

продолжать войны для поддержанія его притязаній. Онъ долженъ былъ заключить съ Лудовикомъ отдѣльный миръ (въ Сенъ-Жерменѣ), и считая себя оскорбленнымъ своими прежними союзниками, сблизился съ Франціей и сталъ держать ея сторону. Эта анти-патріотическая политика великаго курфирста въ опасную минуту для Германіи, хотя и вызванная справедливымъ раздраженіемъ, до сихъ поръ затрудняетъ прусскихъ историковъ, а ихъ противникамъ доставляетъ желанный поводъ къ укорамъ противъ Пруссіи.

Лейбницъ долженъ былъ сопровождать Грота на Франкфуртскій конгрессъ, такъ какъ французскіе уполномоченные основывали свои притязанія на давно забытыхъ положеніяхъ леннаго права, и Лейбницъ, какъ хорошій историкъ и юристъ, могъ быть тамъ очень полезенъ. Намъ неизвѣстно, почему эта поѣздка не состоялась. Но изъ Ганновера Лейбницъ слѣдилъ съ самымъ живымъ интересомъ за Франкфуртскими переговорами. Онъ переписывался съ Горникомъ въ Берлинѣ, который сообщаетъ ему о намѣреніяхъ и настроеніи своего двора. Онъ пишетъ Гроту во Франкфуртъ и излагаетъ ему свой взглядъ относительно переговоровъ. При этомъ онъ боится оскорбить своимъ вмѣшательствомъ самолюбиваго министра, такъ какъ Гротъ по своему положенію былъ начальникомъ Лейбница. Грустно читать, къ какимъ смиреннымъ выраженіямъ долженъ прибѣгать философъ, чтобъ имѣть возможность высказать свое мнѣніе. Одно письмо, напримѣръ, онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Tout se que je dis icy, n'est que pour vous égayer, et pour vous faire rire en me voyant raisonner sur les affaires, comme nous nous mettons à rire, quand un enfant bégaye au lieu de parler“.

Онъ набрасываетъ у себя на бумагѣ свое мнѣніе о текущихъ событіяхъ. Одинъ отрывокъ озаглавленъ: „Мнѣнія, произнесенныя на международномъ совѣтѣ“. Здѣсь онъ излагаетъ въ діалогической формѣ политику отдѣльныхъ народовъ, заинтересованныхъ во Франкфуртскомъ конгрессѣ, въ томъ направленіи, которое онъ бы желалъ ей придать. Въ другомъ отрывкѣ онъ обсуждаетъ жалобы курфирста Бранденбургскаго, „*до тошноты* (ad nauseam) повторяемыя о томъ, что онъ былъ оставленъ союзниками въ предшествовавшую войну“; опровергаетъ справедливость ихъ и оправдываетъ поведеніе императора.

Положеніе Германіи становилось все опаснѣе. Жестокость австрійскаго правительства въ Венгріи противъ участниковъ заговора 1670 года и преслѣдованіе протестантовъ въ этой странѣ имѣли своимъ

послѣдствіемъ союзъ національной партіи съ протестантской, который привелъ къ открытому возстанію. Вождь мятежниковъ, графъ Текели передался на сторону Турціи и призвалъ ее на помощь; французскій посолъ въ Константинополѣ дѣлалъ всевозможное, чтобы побудить Турцію къ войнѣ съ императоромъ. Дѣйствительно, осенью 1682 года, за два года до истеченія 20-ти лѣтняго перемирія, великій визирь выступилъ съ войскомъ изъ Константинополя. Турецкая граница проходила тогда между Вѣной и Пештомъ, и Туркамъ было легко подступить къ столицѣ Германіи. Они оставили въ сторонѣ крѣпости, преграждавшія имъ дорогу, и пошли прямымъ путемъ на Вѣну. Императорское войско отступило съ всевозможной поспѣшностью, чтобы достигнуть Вѣны раньше Турокъ. 14-го іюля 1683 года громадное турецкое войско осадило Вѣну. Германія была въ самомъ большомъ волненіи; отовсюду спѣшили небольшіе отряды къ Вѣнѣ. Все зависѣло отъ мужества осажденныхъ и отъ энергіи тѣхъ, которые спѣшили на выручку Вѣны.

Лейбницъ въ это время жилъ въ Гарцѣ и былъ занятъ устройствомъ своихъ гидравлическихъ машинъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ въ своемъ уединеніи извѣстій о событіяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба его отечества. Какъ близко принималъ онъ къ сердцу эти событія, свидѣтельствуютъ отрывки, набросанные имъ во время осады Вѣны. Одинъ изъ нихъ: „Мнѣніе о несчастномъ отступленіи императорской арміи“ особенно живо обнаруживаетъ волненіе, въ которомъ находился Лейбницъ, когда приходили „письма за письмами“, извѣщавшія, что „наши покинули горный проходъ, непріятель прошелъ черезъ него, пѣхота удалилась на островъ Шютъ, кавалерія отступила къ Вѣнѣ, но настигнута и разсѣяна Турками, нѣсколько полковъ уничтожено, весь багажъ потерянъ“. Лейбницъ задумывается о причинахъ такой неудачи и обвиняетъ австрійское военное устройство; солдаты хороши: но вся вина, по его мнѣнію, падаетъ на офицеровъ, которые получаютъ мѣста по протекціи, по родству или по богатству, что̀ вызываетъ неудовольствіе старыхъ солдатъ и отнимаетъ у нихъ желаніе отличиться.

Другой отрывокъ представляетъ извлеченіе изъ донесенія Фалькенгана, ганноверскаго посла при императорскомъ дворѣ. Главное заключеніе, которое выводитъ Лейбницъ изъ этихъ донесеній то, что слухи, приписывавшіе Полякамъ главную славу въ побѣдѣ, несправедливы, ибо императорскій отрядъ первый прорвалъ ряды непріятеля. Въ одномъ отрывкѣ Лейбницъ осуждаетъ австрійскую политику въ Венгріи

и нетерпимость въ отношеніи венгерскихъ протестантовъ. Главную причину въ несчастіяхъ Австріи онъ видитъ во вмѣшательствѣ въ управленіе духовенства, а особенно іезуитовъ, которые всегда жертвуютъ государствомъ для своихъ интересовъ, въ настоящее время расположены къ Франціи и способны принести ей въ жертву императорскій престолъ, если въ Вѣнѣ долго будутъ слѣдовать ихъ внушеніямъ.

Но Лейбницъ, несмотря на свою способность къ горячимъ симпатіямъ, былъ человѣкъ *мѣры;* его возмущала всякая несправедливость даже со стороны его единомышленниковъ. Въ другомъ отрывкѣ онъ возстаетъ противъ близорукихъ людей, которые кричатъ изъ религіознаго рвенія, что императоръ хуже султана, что онъ тайно вступилъ въ орденъ іезуитовъ, которые распространяютъ о немъ невыгодные слухи, напримѣръ, то, что онъ заключилъ миръ съ Франціею изъ зависти къ Бранденбургу, что онъ заключилъ перемиріе съ Турками для того только, чтобы притѣснить протестантовъ въ Венгріи — и этимъ подрываютъ желаніе помочь ему въ настоящей опасности. Лейбницъ объясняетъ причины, побудившія императора въ 1664 году заключить перемиріе съ Турціей, оправдываетъ его характеръ и представляетъ въ настоящемъ свѣтѣ положеніе Венгріи и ошибки австрійскаго правительства.

Но самый важный плодъ уединеннаго пребыванія Лейбница въ горахъ Гарца былъ его Mars Christianissimus, самая ѣдкая современная сатира на политику Лудовика XIV.

Лейбницъ прежде благоговѣлъ передъ Лудовикомъ XIV. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что никто не можетъ такъ много содѣйствовать развитію наукъ и общечеловѣческихъ интересовъ, какъ могущественный государь, въ рукахъ котораго сосредоточены всѣ средства страны. Это искреннее убѣжденіе было одною изъ главныхъ причинъ, почему Лейбницъ предпочиталъ придворную жизнь самостоятельной жизни ученаго и почему онъ до самой смерти искалъ сближенія съ различными государями. Но ни отъ кого изъ современныхъ государей нельзя было ожидать столько пользы, какъ отъ Лудовика XIV, который неограниченно властвовалъ надъ самой могущественной и образованной націей въ мірѣ, тѣмъ болѣе, что Лудовикъ дѣйствительно покровительствовалъ литературѣ и ученымъ, какъ своимъ, такъ и иностраннымъ, въ первую половину своего царствованія; Лудовикъ всего ближе подходилъ къ идеалу государя, составленному Лейбницемъ. Незадолго еще послѣ заключенія Нимвегенскаго мира Лейбницъ посвятилъ

ему двѣ статьи, которыми онъ надѣялся одушевить его въ пользу плодотворнаго преобразованія науки: «Préceptes pour avancer les sciences» и «Discours touchant la méthode de la certitude et l'art d'inventer». Онъ излагаетъ въ нихъ свой планъ, о которомъ мы прежде говорили, доставить наукамъ обширный и вѣрный матеріалъ, посредствомъ составленія громаднаго реперторія, въ который бы вошли извлеченія сущности всѣхъ написанныхъ до сего времени дѣльныхъ книгъ и описаніе всѣхъ изобрѣтеній и наблюденій по всѣмъ отраслямъ наукъ и практической жизни, чтобы потомъ оплодотворить и увеличить этотъ матеріалъ съ помощью безошибочнаго (математическаго) метода и искусства изобрѣтать и извлекать новыя истины. Онъ считалъ необходимымъ тотчасъ приступить къ такому дѣлу, пока въ наукахъ еще не водворился полный хаосъ. „И какое время, восклицаетъ онъ, удобнѣе для этого, чѣмъ нашъ вѣкъ, который въ будущемъ, можетъ-быть, станутъ называть „вѣкомъ изобрѣтеній и чудесъ“ (le siècle d'invention et de merveilles). А самымъ великимъ чудомъ этого времени будутъ считать того величаваго монарха, которымъ гордится наше время, и какого грядущіе вѣка напрасно будутъ себѣ желать. Я не стану восхвалять его искусство управлять государствомъ и вести войны; того, что̀ онъ сдѣлалъ для науки, достаточно, чтобъ обезсмертить его имя. Его не нужно описывать точнѣе. Онъ единственный въ своемъ родѣ и его легко узнать.... Все, чего мы должны желать, это то, чтобы ничто не помѣшало исполненію его плановъ, чтобы небо продолжало благопріятствовать ему и чтобы, спокойный отъ внѣшнихъ враговъ, онъ могъ даровать Европѣ тотъ счастливый миръ, которымъ онъ увѣнчалъ свои блистательные подвиги“.

Но вѣроломство, съ которымъ Лудовикъ воспользовался этимъ миромъ, могло служить ироническимъ отвѣтомъ на этотъ одушевленный панегирикъ и глубоко разочаровало патріота. Отъ космополитизма своей юности, который манилъ его повсюду, гдѣ только можно было наиболѣе успѣшно дѣйствовать въ пользу науки, Лейбницъ все болѣе и болѣе переходилъ къ патріотизму. Но не одинъ патріотизмъ былъ оскорбленъ въ Лейбницѣ. Лудовикъ сталъ для него теперь не только врагомъ отечества, но злымъ геніемъ Европы, который разрушалъ всѣ любимыя его идеи — изгнаніе Турокъ изъ Европы и подчиненіе Востока европейской цивилизаціи, умиротвореніе религіозныхъ страстей и водвореніе новой международной жизни въ Европѣ на началахъ права и справедливости.

Всѣ эти чувства нашли себѣ полное выраженіе въ его памфлетѣ

Mars Christianissimus, самомъ горячемъ протестѣ противъ насилій Лудовика XIV и замѣчательнѣйшемъ памятникѣ политическаго краснорѣчія въ XVII вѣкѣ. Передъ другими подобными сочиненіями Лейбница, о которыхъ мы говорили прежде, онъ имѣетъ еще то преимущество, что былъ напечатанъ при жизни его, хотя анонимно, и что онъ доступнѣе ихъ вслѣдствіе своей краткости и легкости языка, такъ какъ Лейбницъ кромѣ латинскаго издалъ его еще на французскомъ языкѣ.

Заглавіе, которое Лейбницъ далъ своей сатирѣ, *Христіанскій Марсъ,* было выбрано имъ потому, что подходило къ заглавію извѣстнаго въ его время сочиненія *Гальскій Марсъ,* которое заключало въ себѣ рѣзкую критику французской политики во время кардинала Ришельё, за его союзъ съ Турками, Голландцами, Шведами и вообще протестантами. Это сочиненіе имѣетъ большое значеніе для исторіи XVII вѣка. Мы узнаемъ отъ Лейбница, что авторомъ его былъ извѣстный Янсеній, епископъ Ипернскій [1]). Сочиненіе Лейбница написано не съ католической точки зрѣнія, а вообще съ христіанской, оттуда и заглавіе Христіанскій или *Христіаннѣйшій* Марсъ. Какъ извѣстно, прозвище *Христіаннѣйшій* было титуломъ французскихъ королей и употребляется здѣсь въ ироническомъ смыслѣ.

Лейбницъ придаетъ своему сочиненію такой оборотъ, какъ будто авторъ его — одинъ изъ приверженцевъ Лудовика XIV въ Германіи, которыхъ въ насмѣшку называли Галло-Греками, и какъ будто оно написано въ защиту христіаннѣйшаго короля отъ упрековъ христіанъ. Оттого полное заглавіе его: Mars Christianissimus, autore Germano-Gallo-Greco, ou Apologie des armes du roy Très-Chrestien contre les Chrestiens.

Лейбницъ начинаетъ съ того, что возстаетъ противъ близорукихъ людей, которые болѣе преданы интересамъ своего государя или народа, чѣмъ общехристіанскимъ интересамъ, то-есть, интересамъ Франціи, не понимая, что спасеніе христіанской церкви отъ турецкаго рабства зависитъ исключительно отъ Франціи.

„Вслѣдствіе того, что интересы Франціи совершенно совпадаютъ съ интересами христіанскаго міра, политика ея не нуждается въ защитѣ, и потому уже съ 1672 года французскій король рѣшился впредь не давать міру отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, подобно своимъ пред-

---

[1]) Полное заглавіе книги Янсенія: Alexandri Patricii Armacani Theologi Mars Gallicus seu de justitia armorum et foederum regis Galliae libri duo. a. 1836.

камъ и другимъ государямъ. Поэтому, когда онъ вздумалъ начать войну съ Голландіей, объявленіе войны замѣнило ему всякій манифестъ, и желаніе короля (la volonté et le bon plaisir du roi) было приведено какъ единственный поводъ къ войнѣ. Точно также французы поступали и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

„Но такъ какъ этотъ методъ избѣгать лишнихъ объясненій не нравится нашимъ Нѣмцамъ, привыкшимъ къ войнамъ посредствомъ пера, то я и взялъ на себя трудъ выступить противъ наглыхъ враговъ короля, которые не хотятъ допустить, чтобы всѣ христіанскіе народы соединились подъ одно знамя противъ невѣрныхъ, чтобъ еретики были истреблены и чтобы на свѣтѣ былъ только одинъ король, одна вѣра и одинъ законъ (un roi, une foy, une loy). Въ настоящее время Французы не считаютъ болѣе нужнымъ скрывать свои планы и обращать вниманіе на мнѣніе *толпы* (le vulgaire); подъ толпой же они разумѣютъ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ ихъ партіи, ибо теперь нельзя быть развитымъ и порядочнымъ человѣкомъ, не сдѣлавшись Французомъ [1]). Французы начинаютъ теперь отдѣлываться отъ этой неловкой совѣстливости (honte malséante) и деревенской стыдливости (pudeur rustique) и дѣйствуютъ съ свободой, достойной благовоспитанныхъ людей.

„Послѣ смерти Мазарина король долго еще слѣдовалъ его совѣтамъ. Но Лувуа и новые министры короля скоро вывели его изъ заблужденія. Они доказали ему, что ему не нужно держаться Вестфальскаго и Нимвегенскаго мира, ибо Нѣмцы сами нарушили первый, а второй былъ слѣдствіемъ милости короля (une pure grace de roi). Поэтому мнѣ кажется, что я окажу ему не малую услугу, если освобожу его совѣтниковъ отъ остатковъ совѣсти, которые могли сохраниться у нѣкоторыхъ относительно международнаго права и религіозныхъ правилъ. Я докажу, что все это обязательно для простыхъ людей, но что существуетъ высшій законъ, освобождающій короля отъ этихъ правилъ. Ибо св. Павелъ замѣтилъ, что для праведнаго законъ не писанъ, и тотъ, кому Господь поручилъ необычную власть, вслѣдствіе этого избавленъ отъ обыкновенныхъ людскихъ обязательствъ.

„Мнѣ необходимо поэтому положить начало новой юридической наукѣ, чтобы сразу устранить возраженія нѣмецкихъ юристовъ и италіянскихъ канонистовъ. Я полагаю въ основаніе, что все принадле-

---

[1]) A moins que d'avoir l'âme française, on ne sçaurait avoir l'esprit poli, ny élevé au dessus du commun. W. v. Leib. ed. O. Kl. V p. 208.

житъ Богу и все подчинено верховному праву Его надъ Его твореніями. Французскій же король есть единственный и настоящій намѣстникъ Божій на землѣ. Къ этому основанію еще присоединяется опредѣленіе того, что̀ справедливо. Платонъ отлично объяснилъ это, говоря: „*справедливо то, что̀ полезно болѣе сильному*[1]). Это совершенно согласно съ тѣмъ, что̀ мы сказали о Богѣ, ибо Богъ сильнѣе всѣхъ. Послѣ же Бога, безъ сомнѣнія, самый могущественный французскій король (не считая конечно дьявола). Императоръ Максимиліанъ говорилъ: если бы я былъ Богомъ и сдѣлалъ бы завѣщаніе, я отдалъ бы старшему сыну царство небесное, второму же французское королевство.

„Доказать намѣстничество французскаго короля очень легко. Все, что̀ предсказано въ священномъ писаніи о царствѣ Христа, относится къ французскому королю. Не даромъ съ неба ниспослано св. муро[2]), и не даромъ королю дана сила дѣлать чудеса и лѣчить болѣзни[3]). Правда, есть медики, которые отрицаютъ эту чудесную силу короля. Но не слѣдуетъ придавать значенія безвѣрію этихъ людей, которое такъ велико, что религіозность медиковъ вошла въ пословицу.

„Есть много пророчествъ и предсказаній, которыя говорятъ о будущемъ величіи Франціи. Между Турками, напримѣръ, распространено повѣріе, что ихъ имперія погибнетъ отъ Французовъ. Правда, знаменитый Гуго Гроцій не позволяетъ основывать какое-нибудь право на пророчествахъ, но вѣдь юриспруденція Гроція совершенно отлична отъ той, которую мы здѣсь излагаемъ[4]).

„Призваніе короля французскаго доказывается еще тѣмъ, что Господь очевидно помогаетъ ему во всѣхъ его предпріятіяхъ. Сколько

---

[1]) Какъ извѣстно, это опредѣленіе софистовъ, которыхъ Платонъ выводитъ въ своихъ діалогахъ.

[2]) La Sainte ampoule — которое сошло съ неба при помазаніи Хлодвига, и которымъ помазываютъ всѣхъ послѣдующихъ королей.

[3]) Какъ извѣстно, во Франціи полагали, что прикосновеніе короля вылѣчиваетъ отъ золотухи — les escrouelles.

[4]) Какъ примѣръ шутливаго объясненія различныхъ пророчествъ у Лейбница, при чемъ онъ пародируетъ пріемы нѣкоторыхъ современныхъ писателей, мы приведемъ слѣдующій: Sans parler d'autres passages en est-il de plus clair, que celui de Jésus Christ, lorsqu'il dit: Lilia agri non nent. Ce qui signifie sans doute, que le royaume de France ne doit pas tomber en quenouille, afin que le sceptre ne soit pas ôté à cette nation belliqueuse, et qu'elle ne soit jamais soumise ny aux étrangers ny aux femmes, puisque le Schilo temporel ou Héros, que les peuples suivront, en doit sortir.

разъ король своимъ безразсудствомъ вызывалъ противъ себя всю Европу, въ одно время папу и протестантовъ, императора и султана, и всякій разъ онъ успѣшно выходилъ изъ борьбы. То, что̀ называютъ счастіемъ, ничто иное, какъ воля Божественнаго провидѣнія. Всѣ правила политики несостоятельны въ отношеніи къ нему, ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Господомъ.

„Поэтому всѣ государи земли обязаны преклониться предъ нимъ, признавать его судьей въ своихъ несогласіяхъ и предоставить ему распоряженіе дѣлами христіанскаго міра, ибо всѣ, которые противятся ему, возстаютъ противъ воли Божіей. Правда, нѣкоторыхъ можетъ пугать судьба Мессинцевъ, которые предались Франціи, но потомъ были покинуты съ такой поспѣшностью, что сдѣлались жертвой самаго жестокаго мщенія Испанцевъ; но вѣдь всякая великая партія должна имѣть своихъ мучениковъ.

„Особенно же католики Германіи должны признать Лудовика своимъ *избавителемъ,* ибо извѣстно, что войны Франціи всегда имѣли въ виду интересы религіи, а не приращеніе страны. Всѣмъ извѣстно, что Лудовикъ началъ войну съ Голландіей только для того, чтобъ отстоять права епископовъ Кёльнскаго и Люттихскаго; хотя эти епископы болѣе всѣхъ пострадали отъ этой войны, но вѣдь то было противъ желанія короля, для общаго блага. Мнѣ возразятъ, что Лудовикъ оказывалъ помощь венгерскимъ мятежникамъ-протестантамъ, хотя онъ зналъ, что это принесетъ пользу только Турціи, и что Франція постоянно поддерживала германскихъ протестантовъ. Но этотъ временный ущербъ церкви необходимъ для будущаго торжества ея. Французскій король для того только желаетъ унизить Австрію и принести ее въ жертву Туркамъ, чтобы сдѣлаться господиномъ Европы и упрочить тогда торжество христіанской церкви.

„Онъ скоро достигнетъ своей цѣли, ибо во всѣхъ странахъ у него есть могущественные союзники. Въ Германіи все низшее католическое духовенство предано Франціи, въ Италіи Французы имѣютъ на своей сторонѣ всѣхъ женщинъ, которыя ожидаютъ отъ нихъ избавленія отъ тиранніи своихъ мужей. Не даромъ же французскій уполномоченный, между прочими тяжелыми условіями мира, потребовалъ отъ Генуэзцевъ, чтобы впредь женщины этой страны пользовались французской свободой и чтобъ имъ было позволено свободно принимать у себя Французовъ [1])“.

---

[1]) Je crois bien, que les Italiens pourront faire quelque petit effort, avant de se rendre, et qu'ils combattront un peu, non *pro aris et focis, sed pro lectulis,*

Затѣмъ авторъ обращается къ французской партіи въ Германіи и такъ-называемымъ Галло-Грекамъ и иронически оправдываетъ ихъ образъ мыслей. „Самые лучшіе политики согласны въ томъ, что Германская имперія такое чудовищное и разстроенное государство, что ей необходимъ неограниченный властитель, который могъ бы возстановить въ ней порядокъ. И что̀ такое германская свобода, какъ не свобода лягушекъ, которыя кричатъ и прыгаютъ туда и сюда и которымъ необходимъ журавль, ибо этотъ чурбанъ (императоръ), который, падая, надѣлалъ столько шума, пересталъ быть для нихъ страшнымъ“.

Представивши мрачную картину положенія, въ которомъ будетъ находиться Германія подъ властью Французовъ, Лейбницъ продолжаетъ: „Но такія мысли суть искушенія демона, который мучитъ меня иногда. Въ этихъ случаяхъ я возношусь душею къ небу. Вѣдь извѣстно, что праведные подвержены искушеніямъ, и то, что̀ мы принимаемъ за бѣдствіе, есть настоящее счастіе. Итакъ, вы будете блаженны предъ Господомъ, о мои Нѣмцы, если Французы сдѣлаютъ васъ несчастными предъ міромъ; ибо вы охотнѣе пойдете на небо, оставляя безъ сожалѣнія эту юдоль печали. Идите же подъ иго Франціи и спѣшите заслужить рай вашимъ смиреніемъ. Если вы утратите вашу свободу, вы утѣшитесь при мысли, что вы принесли ее въ жертву царству Христову, ибо вы ускорите этимъ побѣду французскаго короля надъ еретиками и магометанами“.

Затѣмъ авторъ представляетъ обзоръ эгоистической и коварной французской политики со времени Ришельё, которая старается повсюду возбудить раздоръ, въ Германіи — между князьями и императоромъ, въ Англіи — между королемъ и народомъ, и которая дошла до послѣднихъ предѣловъ наглости въ насильственныхъ и произвольныхъ дѣйствіяхъ своихъ анексаціонныхъ коммиссій. Всѣ эти дѣйствія невозможно оправдать положеніями обыкновеннаго права; они основываются на томъ, что право французскаго короля стоитъ выше всякаго закона и всякихъ обязательствъ.

„Но такъ какъ толпа не знаетъ этого прекраснаго изобрѣтенія, то она по своему неразумію негодуетъ на французскаго короля; она указываетъ на поля, обагренныя христіанской кровью для того, чтобы удовлетворить честолюбію одной націи, вѣчной нарушительницы общаго спокойствія; она вспоминаетъ о томъ, сколько тысячъ людей

crainte des cornes, que les Français leur préparent, avec lesquels ils sçavent bien, que leur femmes conspirent déja secrètement и т. д. W. v. L. ed. O. Kl. T. V p. 294.

погибло отъ меча, отъ голода и разоренія для того только, чтобы можно было на воротахъ Парижа начертать золотыми буквами имя Лудовика Великаго. Отъ Франціи зависитъ, говоритъ толпа, дать Европѣ миръ и благоденствіе. Какое преступленіе можетъ быть выше того, какъ быть виновникомъ всѣхъ бѣдствій христіанскаго міра, столько крови, невинно пролитой, столькихъ злодѣяній и проклятій, столькихъ стоновъ въ минуту смерти и столькихъ слезъ, пролитыхъ вдовами и сиротами. Особенно громко начинаютъ кричать эти безразсудные теперь, когда 200.000 христіанъ погибло отъ турецкаго меча или уведено въ рабство, которое хуже чѣмъ смерть, ибо это не только рабство плоти, но и порабощеніе души; когда съ минуты на минуту ожидается сдача Вѣны, и когда совѣтники короля настаиваютъ, чтобъ онъ воспользовался отчаяннымъ положеніемъ Австріи и довершилъ гибель Германіи. Вотъ что̀ говорятъ эти безумцы, которые осмѣливаются осуждать дѣйствія самаго лучшаго и великаго изъ королей, не зная его святыхъ намѣреній. Еслибъ они могли взглянуть внутрь его души, они бы прекратили свое злословіе. Этотъ великій государь все предвидѣлъ; ему извѣстны бѣдствія, которыя онъ допускаетъ; онъ самъ стонетъ, когда думаетъ о гибели столькихъ тысячъ душъ. Но что̀ же дѣлать? Какъ можетъ онъ противиться своему высокому призванію? Онъ знаетъ, что только огнемъ и мечемъ, какъ онъ это дѣлаетъ, можно уврачевать недуги христіанскаго міра; всякій другой способъ доставитъ только временное облегченіе; зараза въ тѣлѣ можетъ быть уничтожена только жестокими средствами. Нужно истребить самый корень нашихъ бѣдствій. Поэтому ему необходимо слѣдовать указаніямъ Господа, который призвалъ его для кореннаго исправленія порочнаго христіанскаго міра; ему необходимо разорить Австрію, которая противится этому, ибо пока существуетъ это государство, соединеніе христіанъ подъ однимъ вождемъ и обращеніе еретиковъ будетъ невозможнымъ“.

Печальное состояніе, въ которомъ находилось политическое развитіе нѣмецкаго народа во время Лейбница, характеризуется тѣмъ, что онъ издалъ свою филиппику противъ Лудовика XIV на двухъ языкахъ, на латинскомъ и на французскомъ, но не издалъ ее на родномъ языкѣ, на которомъ она могла сдѣлаться доступной большинству его соотечественниковъ. Черезъ нѣсколько времени, правда, вышелъ нѣмецкій переводъ ея съ патріотическимъ эпиграфомъ:

Auf, Teutscher, auf, dein Heil ruht fast auf schlechtem Fuss
Auf, Teutscher, lies, bedenk, und mach' den rechten Schluss;

но переводъ этотъ былъ сдѣланъ не Лейбницемъ и полонъ ошибокъ. Лейбницъ хотѣлъ подѣйствовать на общественное мнѣніе Европы; онъ имѣлъ въ виду дворъ и образованныхъ людей всѣхъ странъ, съ этой цѣлью онъ выбралъ французскій и латинскій языки; нѣмецкое же изданіе ему казалось ненужнымъ.

Лудовикъ XIV не рѣшился однако воспользоваться опаснымъ положеніемъ Германіи. Открытымъ союзомъ съ Турками онъ боялся вооружить противъ себя папу и католическую партію; притомъ онъ надѣялся, что Турки одни справятся съ Австріей и что Нѣмцы въ отчаяніи сами прибѣгнутъ подъ его защиту. Неожиданное спасеніе Вѣны разрушило всѣ его разчеты. Извѣстіе о побѣдѣ Нѣмцевъ было такимъ ударомъ для Франціи, что тамошнія газеты долго молчали о ней, и наконецъ, объявили, что Вѣна спаслась не вслѣдствіе побѣдъ, а вслѣдствіе паническаго страха, напавшаго на Турокъ при извѣстіи о приближеніи Яна Собѣсскаго; министры же Лудовика не рѣшились прямо сообщить ему это извѣстіе, и наконецъ, узнавъ его, онъ, какъ разказываетъ Пуфендорфъ, заперся въ своей комнатѣ подъ предлогомъ болѣзни и три дня не выходилъ изъ нея.

Въ то самое время, когда Турки стояли около Вѣны, послы Лудовика предложили Регенсбургскому сейму заключить съ Франціей 30-лѣтнее перемиріе на основаніи statu quo, то-есть, оставивши въ ея рукахъ Страсбургъ и всѣ остальныя захваченныя ею области. Общественное мнѣніе въ Германіи было сильно взволновано вопросомъ, слѣдуетъ ли принять это предложеніе и, другими словами, уступить Франціи безъ сопротивленія все, что она произвольно взяла себѣ, или объявить ей войну. Обстоятельства для того, чтобы начать войну, были чрезвычайно неблагопріятны. Правда, Испанія, оскорбленная тѣмъ, что французскія войска вступили въ Бельгію, заняли города Куртре и Диксмуйденъ и осадили Люксембургъ, была готова начать войну. Неутомимый соперникъ Лудовика Вильгельмъ Оранскій, опасаясь за Голландію, заключилъ оборонительный союзъ, для поддержанія Нимвегенскаго мира, съ Шведскимъ королемъ Карломъ XI, котораго Франція оскорбила тѣмъ, что заняла его родовое княжество Цвейбрюкенское. Но съ другой стороны, у Лудовика были могущественные союзники въ самой Германіи: Пруссія и епископы Кёльнскій и Мюнстерскій, и въ то же самое время Турки связывали руки императору.

Несмотря на свое патріотическое одушевленіе, Лейбницъ считалъ неблагоразумнымъ начать войну. Онъ изложилъ свое мнѣніе въ обстоятельной запискѣ: „Consultation touchant la guerre ou l'accomode-

ment avec la France" [1]). Это сочиненіе заслуживаетъ вниманіе всѣхъ, кто изучаетъ исторію XVII вѣка, вслѣдствіе необыкновенной ясности, съ которой изложено въ немъ политическое состояніе Европы въ 1680-хъ годахъ. Мы не станемъ долго останавливаться на немъ, потому что не знаемъ, было ли оно запиской, поданной герцогу и его министрамъ, такъ-называемая, Staatschrift, или же Лейбницъ набросалъ его самъ для себя. Онъ говоритъ, что все заставляетъ Германію взяться за оружіе: чувство права, честь и собственный интересъ. „Если нѣмецкіе князья равнодушно снесутъ оскорбленіе, нанесенное ихъ отечеству Франціей, они совершенно погубятъ свою репутацію: въ свѣтѣ будутъ говорить о нихъ съ презрѣніемъ, исторія покроетъ ихъ имя позоромъ, а потомство будетъ вспоминат о нихъ съ проклятіями; они заклеймятъ вѣчнымъ пятномъ имя Нѣмца, если рабство ихъ отечества будетъ приписано недостатку мужества у нихъ".

При этомъ Лейбницъ говоритъ съ высшей похвалой о Вильгельмѣ Оранскомъ. „Еслибъ этотъ государь захотѣлъ подчиниться видамъ Франціи, онъ могъ бы пользоваться покоемъ и обезпеченнымъ величіемъ. Онъ пріобрѣлъ бы любовь своего народа, если бы потворствовалъ его наклонностямъ къ миру и къ торговлѣ. Но онъ пренебрегаетъ всѣми выгодами, для того чтобы пристать къ правой, но слабой сторонѣ, хотя, вслѣдствіе этого, его положеніе становится не твердо и опасно, а политика его такъ противна симпатіямъ народа, что нужно много труда и умѣнья, чтобы вести его въ этомъ направленіи; и все это онъ дѣлаетъ только ради славы, что онъ исполнялъ свою обязанность, сопротивляясь всеобщей испорченности (corruption)".

Но выше всѣхъ этихъ соображеній стоитъ необходимость сохранять миръ. Для подтвержденія этого, Лейбницъ представляетъ картину политическаго состоянія Европы, вычисляетъ силы обѣихъ партій и приходитъ къ выводу, что война противъ Франціи въ настоящее время будетъ пагубна для Германіи. „Положительно ясно — говоритъ онъ — что безъ чуда, на которое трудно разчитывать (un coup du ciel, dont on n'a point de promesse), невозможно побороть Францію, такъ хорошо приготовленную, иначе, какъ нападая на нее съ превосходными силами".

Лейбницъ предсказываетъ положеніе Германіи въ случаѣ войны, и

---

[1]) W. v. Leib. ed. O. Kl. T. V, p. 260, и въ изданіи Foucher de Careil. T. III, p. 239.

оно совершенно соотвѣтствуетъ положенію ея во время Наполеона и Рейнскаго союза. Франція, если будетъ умѣренна, сдѣлаетъ Рейнъ своей границей, а остальную Германію раздѣлитъ между нѣсколькими преданными ей царьками (roitelets). Властвуя надъ Германіей, Франція начнетъ утверждать свое владычество надъ Италіей и Испаніей. „Взявши Рейнъ, она скажетъ, насмѣхаясь надъ нами, что онъ ей нуженъ для того, чтобъ обезпечить себя отъ нашихъ нападеній". Характеристично для политическаго состоянія тогдашней Германіи то, что Лейбницъ говоритъ по поводу Рейна: „На уступку лѣваго берега Рейна въ Германіи согласятся тѣмъ легче, что тамъ находятся области только трехъ епископовъ, о которыхъ никто не станетъ жалѣть, и одного свѣтскаго курфирста, у котораго нѣтъ дѣтей". Мы видимъ изъ этого, что даже тамъ, гдѣ былъ затронутъ патріотизмъ, на первомъ планѣ всегда стояли интересы князей и династій, объ интересахъ же націи не было рѣчи. Вслѣдствіе этого, Лейбницъ совѣтуетъ принять перемиріе, во что бы то ни стало умѣрить горячность Вильгельма Оранскаго и выждать болѣе удобнаго времени для войны. Какъ хорошо Лейбницъ понималъ положеніе дѣлъ, видно изъ его совѣтовъ и предсказаній. „Не слѣдуетъ — говоритъ онъ — спорить теперь съ Франціей о границахъ; нѣсколько клочковъ земли не измѣнятъ дѣла; пусть она даже продолжаетъ свои присоединенія, тѣмъ скорѣе возстановитъ она всѣхъ противъ себя. Нужно только ждать, пока окончится Турецкая война и пока совершится поворотъ въ политикѣ Пруссіи. Курфирстъ Бранденбургскій теперь еще раздраженъ за то, что его такъ неблагоразумно оставили во время Нимвегенскаго мира; но въ сущности онъ чувствителенъ къ бѣдствіямъ отечества, и у него патріотическое сердце (il a le coeur teutonique). Если мы съ помощью этого перемирія доставимъ себѣ спокойствіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я считаю Европу спасенной. Слѣдуетъ только пользоваться этимъ временемъ, чтобы приготовить себя къ войнѣ, и необходимо, чтобы конференція въ Гагѣ привела къ твердому союзу, способному дать торжество правому дѣлу".

Лейбницъ слѣдилъ постоянно съ самымъ живымъ интересомъ не только за политическими событіями своего времени, но и за политической литературой. Отъ его вниманія не ускользало ни одно сколько-нибудь важное сочиненіе, касавшееся современныхъ вопросовъ, а такихъ сочиненій въ то время было гораздо больше, чѣмъ кажется. Онъ часто въ своихъ письмахъ высказываетъ свое мнѣніе о прочтенныхъ имъ книгахъ или посвящаетъ имъ отдѣльные критическіе раз-

боры. Одинъ изъ такихъ разборовъ былъ написанъ имъ по поводу вышедшей въ Германіи книги: „Nouveaux intérests des princes de l'Europe, où l'on traite des maximes, qu'ils doivent observer pour se maintenir dans leurs éstats et pour empêcher, qu'il ne se forme une monarchie universelle“.

Лейбницъ опровергаетъ ошибки ея автора, который критикуетъ въ своей книгѣ политику и государственныхъ людей всѣхъ современныхъ европейскихъ государствъ и даетъ имъ совѣты. При этомъ Лейбницъ дѣлаетъ очень много интересныхъ замѣчаній по поводу различныхъ современныхъ событій и лицъ. Мы приведемъ въ примѣръ такую характеристику Карла II Англійскаго, которая можетъ цѣликомъ войдти въ исторію: „Когда авторъ говоритъ, что покойный англійскій король былъ государь не слишкомъ умный (d'un esprit de médiocre étendue), онъ доказываетъ, что онъ мало знакомъ съ истиной; это былъ одинъ изъ самыхъ проницательныхъ и обширныхъ умовъ (des plus universels) на свѣтѣ. Можно даже сказать, что онъ зналъ слишкомъ много, и что онъ слишкомъ увлекался во всемъ блестящей стороной и пренебрегалъ основнымъ (son génie le faisait donner plustost dans le brillant et se dégouster du solide). Онъ смотрѣлъ на дѣла, какъ на тяжкое рабство, и слишкомъ разсуждая (moralisant) надъ тщетою всего мірскаго, онъ предавался своимъ удовольствіямъ“.

Но эти занятія политикой имѣли для Лейбница совершенно иной смыслъ, чѣмъ для обыкновенныхъ людей. Онъ былъ въ политикѣ всегда юристомъ и философомъ. Онъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на дюжинныхъ политиковъ, которые придаютъ такое значеніе своей пустой дѣятельности и которые пользуются часто такимъ незаслуженнымъ успѣхомъ. „Нашъ авторъ — говоритъ онъ — разсуждая на свой ладъ о ловкой политикѣ Франціи и объ ошибкахъ всѣхъ остальныхъ, восклицаетъ, что нѣтъ ничего лучше политики и что о преимуществахъ политики (sa beauté) можно судить только по великимъ успѣхамъ, къ которымъ она приводитъ. Что касается до меня, то я другаго мнѣнія, и я скорѣе раздѣляю мнѣніе одного опытнаго человѣка, который сказалъ, что политика, то-есть, обыкновенная (la vulgaire), есть самая пустая (vaine) изъ всѣхъ наукъ, по крайней мѣрѣ, она самая легкая въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно проявляется. Какъ часто люди съ посредственными способностями вдругъ становятся дипломатами (s'érigent bientôt en négociateurs), когда имъ даютъ какое-нибудь порученіе, и если случай или могущество ихъ государя доставятъ имъ успѣхъ, они тотчасъ слывутъ великими министрами. Я го-

товъ признать, что бываютъ министры съ великими заслугами, и что если бы наука руководить людьми была болѣе извѣстна и лучше изслѣдована, то давала бы важные результаты; но я вижу мало людей, которые бы ее знали или примѣняли ее къ дѣлу. Тѣ, которые имѣютъ успѣхъ, достигаютъ его съ помощью своихъ природныхъ способностей или посредствомъ рутины, и часто самое сцѣпленіе дѣлъ показываетъ, какъ нужно дѣйствовать; такъ что заслуга тѣхъ не велика, которые сдѣлали то, чего они не могли не сдѣлать, не подвергаясь осужденію.

„Впрочемъ, не всегда можно по успѣху судить о достоинствѣ политики. Посредственное благоразуміе въ связи съ большимъ могуществомъ всегда восторжествуетъ надъ лучшими разчетами самаго великаго политика, но безсильнаго. А между тѣмъ, наши мудрецы (nos raisonneurs) и наши историки, подобны астрологамъ, которые изслѣдуютъ гороскопомъ жизнь извѣстнаго имъ человѣка и которые, конечно, всегда прочтутъ эту жизнь въ звѣздахъ. Эти мудрецы всегда находятъ, что тотъ, кто былъ самымъ счастливымъ, былъ самымъ мудрымъ, все предвидѣлъ и все устроилъ, ибо они приводятъ намѣренія въ согласіе съ событіями".

Лейбницъ былъ совершенно правъ въ своемъ пренебреженіи къ дюжиннымъ политикамъ, какъ къ дѣйствующимъ или дипломатамъ, такъ и къ пишущимъ или журналистамъ. Только та политика имѣетъ смыслъ и значеніе, которая основана на какой-нибудь нравственной идеѣ. Политика Лейбница построена на идеѣ *права;* этой идеей проникнуты всѣ политическія сочиненія его, ее онъ постоянно выставляетъ какъ щитъ противъ притязаній и насилій Лудовика XIV. Противъ этихъ насилій онъ взываетъ къ суду общественнаго мнѣнія въ Европѣ, къ совѣсти христіанскаго міра, ибо, по его мнѣнію, всѣ христіанскія государства составляютъ одно нравственное цѣлое, и въ своихъ отношеніяхъ должны руководствоваться положеніями международнаго права.

Въ наше время вошло какъ-то въ моду иронически отзываться о международномъ правѣ, сомнѣваться въ его существованіи, утверждать, что положенія этого права придуманы для того только, чтобы ихъ вѣчно нарушали. Эти насмѣшки не лишены извѣстнаго смысла; онѣ имѣютъ свое основаніе въ томъ, что международное право находится въ переходномъ состояніи и вслѣдствіе этого кажется, что положенія его постоянно нарушаются. Нравственные и юридическіе законы не теряютъ своего значенія, какъ часто бы ихъ ни нарушали;

но иногда уменьшается вѣра въ нихъ, когда затемняется ихъ смыслъ, и вслѣдствіе этого, самое нарушеніе ихъ вызываетъ къ себѣ сочувствіе. Вотъ это и случилось съ международнымъ правомъ. До послѣдняго времени, это право, хотя и называлось международнымъ, но относилось исключительно къ государствамъ. Въ нашъ вѣкъ, вслѣдствіе развитія политической жизни, интересы государствъ часто становились въ противорѣчіе съ интересами народными, и тогда даже явныя нарушенія международнаго права были встрѣчаемы съ искреннимъ сочувствіемъ. Это сочувствіе не должно повлечь за собой презрѣніе къ международному праву. Оно значитъ только, что политическія убѣжденія во многомъ измѣнились, и что согласно съ этимъ должны измѣниться положенія международнаго права. Оно должно принимать въ разчетъ не только интересы государствъ, но и интересы народовъ, то-есть, сдѣлаться по истинѣ международнымъ.

Въ эпоху Лейбница рѣчь шла не о правахъ народовъ, а о правахъ государствъ, о томъ, чтобъ обезпечить за всѣми государствами свободное самостоятельное развитіе и помѣшать преобладанію одного надъ остальными — это была эпоха такъ-называемаго политическаго равновѣсія.

Самымъ опаснымъ врагомъ этой свободы государствъ былъ Лудовикъ XIV, честолюбіе котораго не знало предѣловъ. Но Лудовикъ встрѣтилъ себѣ непреодолимую преграду въ одномъ героѣ, который всю жизнь посвятилъ этой борьбѣ. Этотъ герой былъ Вильгельмъ Оранскій, который въ XVII вѣкѣ отстоялъ свободу Европы. Рядомъ съ дипломатомъ и полководцемъ — съ принцемъ Оранскимъ мы должны поставить философа Лейбница, чтобы пополнить картину XVII вѣка. Неутомимо защищалъ онъ въ области идей право и справедливость и интересы цивилизаціи противъ Лудовика XIV, и обвинялъ предъ цѣлымъ міромъ его пренебреженіе къ трактатамъ и договорамъ, его надменность съ слабыми, его безчеловѣчную мстительность, его эгоистическую, грубую политику. Оттого политическія сочиненія Лейбница и имѣютъ значеніе для насъ, какъ отголосокъ общественной совѣсти въ XVII вѣкѣ, какъ протестъ противъ торжества грубой силы и политическаго безвѣрія.

Но мы на время оставимъ политику и обратимся къ другимъ сторонамъ дѣятельности Лейбница, прямо относящимся къ его положенію при Ганноверскомъ дворѣ. Онъ старался быть такъ же полезенъ Эрнсту-Августу, какъ прежде его брату Іоганну-Фридриху, и не переставалъ представлять ему записки и просить о различныхъ улучшеніяхъ и

нововведеніяхъ. Съ многими изъ нихъ мы уже знакомы изъ разказа объ отношеніяхъ Лейбница къ герцогу Іоганну-Фридриху. Лейбницъ совѣтуетъ Эрнсту-Аугусту позаботиться о расширеніи и наполненіи библіотеки, купить кабинетъ эстамповъ и рисунковъ, продающихся въ Парижѣ, устроить кунсткамеру, или музей, который можетъ принести большую пользу и въ практическомъ отношеніи, такъ какъ послужитъ къ лучшему изученію минераловъ и рудъ Гарца, устроить лабораторію и пригласить туда не мнимыхъ химиковъ и знаменитыхъ фокусниковъ (grosse vermeinte Chymicos und Arcanisten), а нѣсколько простыхъ и опытныхъ лаборантовъ, дѣятельность которыхъ гораздо плодотворнѣе. Онъ совѣтуетъ устроить герцогскую типографію, въ которой могли бы печататься сборники законовъ и постановленій, формуляры для облегченія канцелярской работы, историческіе памятники и описанія достопримѣчательностей страны и различныя другія полезныя книги, отъ продажи которыхъ можно бы было получать барыши и пополнять герцогскую библіотеку.

Мы снова встрѣчаемся съ планомъ Лейбница составить статистическій альманахъ, то-есть, подробное описаніе страны съ точными свѣдѣніями о всѣхъ промыслахъ, доходахъ[1]) и проч. Онъ считаетъ такой сборникъ необходимымъ для всякаго государя и называетъ его государственнымъ телескопомъ (Staats-perspectiv). Онъ по прежнему совѣтуетъ учредить центральный архивъ или центральный статистическій комитетъ, куда должны были бы поступать свѣдѣнія изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и отъ всѣхъ чиновниковъ страны.

Лейбницъ предлагаетъ ввести въ государствѣ обязательное застрахованіе, устроить эмеритальную кассу, въ пользу которой вычитается одинъ процентъ изъ жалованья всѣхъ служащихъ, получаютъ ли они его изъ казенныхъ или общественныхъ суммъ. Если же кто оставляетъ службу, ему возвращаютъ взносъ; а если онъ умретъ, то деньги съ

---

[1]) Darin die Anzahl und Condition aller liegenden Güther und Gebäu, aller inwohner und deren Vermögens. Aller rohen waaren oder materialien, so im lande beruhen, deren orth, quantität und güthe; alle manufacturen oder sachen, so durch Kunst im Lande zu wege gebracht werden. Was man im lande an einem jeden orth ohngefähr consumiret, was führ wahren ins land gebracht, oder daraus verführet werden. Der Preis der wahren, womit sich ein jeder nehre, wie viel ein jeder durch seine arbeit verdiene und wie viel er arbeite. Roole oder liste derjenigen, so an fleiss und invention andere übertreffen und zu etwas sonderlich zu gebrauchen. Vergleichung der nahrung, mittel und macht des landes so gegenwärtig mit dem so an. 1618 und an. 1648 gewesen. W. v. Leib. ed. O. Kl. T. V, p. 18.

процентами выдаются вдовѣ и дѣтямъ. Въ эту кассу слѣдуетъ принимать взносы не только отъ служащихъ, но и отъ всякаго гражданина. Онъ считаетъ нужнымъ устроить закладное мѣсто (mont de piété), гдѣ бѣдные люди могли бы получать деньги подъ залогъ своихъ вещей за умѣренные проценты, никогда не теряя права на залогъ. При этомъ онъ совѣтуетъ устроить адресную контору, черезъ которую можно бы было узнать все, что́ покупается, продается и отдается въ наймы и проч., въ цѣлой странѣ, а также большіе амбары, куда всѣ фабриканты и ремесленники могли бы привозить свои произведенія — нѣчто въ родѣ постоянной ремесленной выставки [1]).

Проекты Лейбница имѣютъ иногда нѣсколько фантастическій характеръ; такъ напримѣръ, онъ совѣтуетъ устроить большой рабочій домъ (General Werkhaus), гдѣ всякій желающій тотчасъ можетъ найдти работу.

Лейбницъ по прежнему также желаетъ сосредоточить въ своихъ рукахъ попеченіе о народномъ образованіи, то-есть, надзоръ за университетомъ, гимназіями и школами, управленіе архивами и библіотекой, и наконецъ, цензуру всѣхъ новыхъ книгъ [2]).

Лейбницъ находитъ необходимымъ для правительства заботиться не только о народномъ образованіи, но и о народномъ здравіи. „Я того мнѣнія — пишетъ онъ — что юристовъ вообще слишкомъ много, медиковъ же слишкомъ мало, особенно, если я вспомню, сколько людей хлопочатъ объ одномъ процессѣ, — судьи и помощники ихъ, докладчики, засѣдатели, секретари, канцеляристы, адвокаты, повѣренные, хотя иногда весь процессъ изъ-за нѣсколькихъ талеровъ. О здоровьи же человѣка заботится всего одинъ медикъ, да и тотъ часто только кое-какъ и мимоходомъ, такъ какъ онъ живетъ практикой и въ одинъ день осматриваетъ столько больныхъ, изъ которыхъ каждый, можетъ-быть, требуетъ нѣсколько часовъ размышленія. Притомъ же о процессѣ легче судить, чѣмъ о болѣзни, ибо можно справиться въ актахъ и разобрать ихъ, тѣло же человѣка недоступно.

---

[1]) О торговомъ союзѣ съ Испаніей и объ учрежденіи Остиндской компаніи въ Германіи хлопоталъ также извѣстный уже намъ епископъ Спинола и его предположенія послужили основаніемъ для проектовъ Лейбница.

[2]) W. v. Leib. ed. O. Kl. T. V, p. 64: Dazu dann censura librorum billig gezogen werden könnte, damit nichts in E. D. Landen gedruckt werde, so nicht erstlich censiret werde, inmassen offtmahls allerhand ungereimte dinge heraus-kommen. Какъ видно, Лейбницъ заботится здѣсь не столько о сочиненіяхъ противъ правительства и церкви, сколько о томъ, чтобы не *печатались* нелѣпости.

Кромѣ того, законы юридическіе точно описаны, законы же природы еще подлежатъ изслѣдованію. Поэтому я часто удивляюсь ослѣпленію людей, которые такъ мало заботятся о своемъ благоденствіи".

Поэтому онъ требуетъ, чтобы правительство опредѣлило по всей странѣ достаточное число медиковъ съ постояннымъ жалованьемъ. Эти медики должны получать также плату отъ больныхъ, и кромѣ того, особенныя вознагражденія въ случаѣ удачнаго излѣченія.

Лейбницъ говорилъ, что знаменитые медики губятъ больше людей, чѣмъ великіе полководцы; но тѣмъ не менѣе, онъ считалъ нужнымъ какъ можно болѣе содѣйствовать развитію медицины посредствомъ устройства больницъ и носредствомъ учрежденія санитарнаго комитета, который служилъ бы центромъ частныхъ наблюденій, слѣдилъ за вліяніемъ климатическихъ условій, за эпидеміями, велъ бы списки болѣзнямъ, смертности и пр.

Лейбницъ придавалъ особенное значеніе діэтѣ; онъ считалъ возможной особенную діэтетическую медицину, то-есть, излѣченіе болѣзней посредствомъ соотвѣтствующей пищи, ибо — говоритъ онъ — кухня и погребъ имѣютъ бо̀льшую важность для здоровья, чѣмъ аптека и лабораторія.

Лейбницъ въ XVII вѣкѣ одинъ изъ нервыхъ сталъ примѣнять математику и теорію вѣроятностей къ статистикѣ, и особенно къ вычисленію средней жизни и смертности между людьми. Мы отсылаемъ читателя къ его „Essay de quelques raisonnements nouveaux sur la vie humaine" и пр. Тамъ же онъ выставляетъ около 50-ти пунктовъ, относительно которыхъ слѣдуетъ собирать статистическія свѣдѣнія, и даетъ нѣсколько совѣтовъ, полезныхъ для сельскаго хозяйства и для государства, напримѣръ, о посѣвѣ клевера, о томъ, чтобы по деревнямъ сажать деревья, чтобы выставлять ящики, въ которые всякій могъ бы опускать совѣты и замѣчанія, и пр. и пр.

Въ вѣкъ Лейбница многочисленныя изобрѣтенія и открытія въ естественныхъ наукахъ вызвали особенное оживленіе общества. Въ этомъ оживленіи приняло участіе высшее общество и даже дворы, и всѣ стали слѣдить съ самымъ живымъ интересомъ за новыми открытіями. Къ ожиданіямъ этимъ примѣшивалось большое суевѣріе, и поэтому въ нихъ было много фантастическаго. Постоянно ходили слухи о новыхъ необыкновенныхъ открытіяхъ, чаще всего алхимическаго свойства. Всякій старался наперерывъ передъ другими овладѣть новымъ открытіемъ, надѣясь, съ его помощью, внезапно обогатиться. Этимъ настроеніемъ пользовались различные искатели приключеній,

искренные и обманщики, которые ѣздили изъ города въ городъ, отъ одного двора къ другому, и старались выгодно продать свои тайны. Такіе искусники появлялись нерѣдко и въ Ганноверѣ. Отъ Лейбница узнаемъ мы, что какой-то Англичанинъ Бретриджъ предложилъ ганноверскому правительству продать секретъ, съ помощью котораго можно было придать свинцу Гарца мягкость англійскаго свинца, и кромѣ того, извлекать киноварь (cinabre) изъ шлаковъ свинца. Его пригласили въ Ганноверъ, но опыты его оказались весьма неудачными; наконецъ, онъ объявилъ, что можетъ произвести второй опытъ только въ Амстердамѣ, а для перваго потребовалъ 10.000 фунтовъ свинца. Тогда герцогъ велѣлъ его отпустить и дать ему на дорогу 100 талеровъ, но Англичанинъ подалъ въ Амстердамѣ жалобу на тамошняго ганноверскаго посланника, какъ будто тотъ обманулъ его ложными обѣщаніями. Какіе-то два Италіянца предлагали герцогу за 100 талеровъ „дымящуюся воду“ (eau fumante), употребленіе которой намъ неизвѣстно, но отъ которой Лейбницъ ожидалъ большихъ результатовъ, и поэтому онъ сосовѣтуетъ герцогу не скупиться и пріобрѣсти секретъ.

Въ то же время кавалерійскій капитанъ Фиротъ предлагалъ какой-то коричневый порошокъ, съ помощью котораго можно было свинцу придавать цвѣтъ золота. „Признаюсь, пишетъ Лейбницъ герцогу, что я въ этомъ отношеніи принадлежу къ числу самыхъ невѣрующихъ. Но курфирстъ Майнцскій Іоганнъ-Филиппъ мнѣ самъ разказывалъ, что подобный опытъ былъ сдѣланъ въ его присутствіи. Опытъ былъ произведенъ надъ ртутью, которая превратилась въ золото, вмѣстѣ съ нѣсколькими серебряными медалями, которыя самъ курфирстъ бросилъ въ огонь во время опыта“.

„Я знаю, заключаетъ Лейбницъ свое письмо, что до извѣстной степени позорно говорить объ алхиміи. Поэтому я рѣшаюсь сообщить объ этомъ только вамъ однимъ“.

Послѣднія слова не совсѣмъ ясны. Хотѣлъ ли Лейбницъ этими алхимическими опытами только поддерживать вообще интересъ герцога къ химіи, или онъ самъ ожидалъ отъ нихъ какой-нибудь пользы для науки, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ большинство?

Изъ подобныхъ изобрѣтеній герцогу, какъ кажется, особенно понравилась машина одного Англичанина, въ которой можно было варить говядину такъ, что кости становились мягкими и годными для ѣды. Герцогъ любилъ великолѣпіе и пиршества, но въ то же время онъ былъ очень экономенъ въ хозяйствѣ и старался сократить расходы своего двора. Лейбницъ по этому поводу написалъ шутливую

петицію собакъ, которыя жалуются, что ихъ хотятъ лишить вѣковаго права на кости, остающіяся отъ обѣда[1]).

Изъ всѣхъ трудовъ и задачъ, за исполненіе которыхъ хотѣлъ взяться Лейбницъ, герцогъ остановился на его намѣреніи написать исторію Вельфскаго дома. По желанію герцога, Лейбницъ все болѣе и болѣе сосредоточивался на этомъ трудѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ свои попытки улучшить рудокопство въ Гарцѣ.

Но писать исторію въ то время было не такъ легко, какъ теперь. Историкъ долженъ былъ прежде, подобно естествоиспытателю, пуститься въ путь для отысканія необходимаго матеріала. Среди лишеній всякаго рода, сопряженныхъ съ путешествіями того времени, ему приходилось, по монастырямъ и библіотекамъ, бороться съ недовѣріемъ и грубымъ невѣжествомъ, чтобъ имѣть возможность въ старинныхъ, неразборчивыхъ рукописяхъ иногда тщетно искать матеріала.

---

[1]) Nous soubsignés dogues, chiens de St. Hubert, lévriers, limiers, mâtins, chiens de Boulogne et autres chiens grands et petits, prions humblement Vostre Grandeur de vouloir entendre et faire entendre nos raisons sur un grief d'importance. V. Gr. se souviendra sans doute, ayant tant de lecture et de belles connaissances, que le grand Diogène surnommé le cynique ou canin à cause de l'affection, qu'il nous portait, avoit coustume de dire hautement, qu'il y avoit plus de différence quelques fois de chien à chien, qu'il y en a entre certains hommes et quelques bestes. Несмотря, однако, на это различіе, весь родъ собачій единодушно собрался, чтобы принести свою жалобу. Ибо хотя онѣ этому не вѣрятъ и считаютъ это пустыми мечтами, но полагаютъ, что какой-нибудь злой геній, врагъ собачьяго рода столько же какъ и рода человѣческаго, открылъ это изобрѣтеніе для того, чтобы нарушить доброе согласіе, искони господствовавшее между людьми и собаками, подобно тому, какъ другой демонъ внушилъ монаху тайну приготовленія пороха.

Гомеръ и самые древніе писатели говорили въ ясныхъ выраженіяхъ о правѣ собакъ на кости, и Священное Писаніе, говоря о томъ, что не слѣдуетъ отнимать хлѣбъ у дѣтей и давать его собакамъ, не упоминаетъ о костяхъ, ибо извѣстно, что эти кости принадлежатъ собакамъ со времени потопа, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ люди начали питаться мясомъ животныхъ. Собаки грозятъ местью великаго Сиріуса или небеснаго Пса, который заслужилъ мѣсто между звѣздами и который удвоитъ іюльскіе жары. Кромѣ того, эта новая пища будетъ имѣть дурное вліяніе на людей и сдѣлаетъ ихъ всѣхъ циническими, такъ какъ они уже безъ того теперь склонны къ безстыдству.

Собаки грозятъ, что перестанутъ служить человѣку; борзыя и гончія перестанутъ охотиться, сторожевыя собаки и овчарки — беречь дома и стада. Et nous petits chiens de Boulogne nous abandonnerons nos maistresses aux amans, qui les poursuivent, et nous n'abboyerons plus, quelque chose qu'ils puissent entreprendre.

Осенью 1687 года Лейбницъ выѣхалъ изъ Ганновера. Ближайшей цѣлью его путешествія была Баварія, родовое владѣніе Вельфскихъ герцоговъ, гдѣ лежали монастыри, ими основанные, въ которыхъ можно было получить вѣрныя свѣдѣнія о ихъ древнѣйшей исторіи. Но по мѣрѣ того какъ увеличивался матеріалъ Лейбница, онъ убѣждался въ необходимости продолжать свое путешествіе все дальше и дальше. Много труда стоило ему испросить у своего герцога и его министровъ согласіе на постепенное продолженіе путешествія. Но онъ преодолѣлъ эти трудности: ему удалось побывать въ Вѣнѣ, перебраться въ Италію и даже доѣхать до Рима; только въ началѣ 1690 года онъ возвратился въ Ганноверъ.

Во время этого путешествія особенно обнаруживается многосторонность Лейбница. Хотя ближайшую цѣль его составляютъ историческія изслѣдованія, онъ не пропускаетъ ничего безъ вниманія: навѣщаетъ на пути всѣхъ замѣчательныхъ людей и старается узнать отъ нихъ что-нибудь новое; посѣщаетъ фабрики и рудники; изучаетъ промыслы до мельчайшихъ подробностей; дѣлаетъ при этомъ важныя наблюденія и записываетъ все замѣчательное.

Въ Марбургѣ онъ посѣтилъ картезіанца Вальдшмидта, медика и естествоиспытателя, который сообщаетъ ему свои медицинскія и физіологическія открытія. Въ Рейнфельсѣ онъ навѣщаетъ тамошняго ландграфа, съ которымъ онъ уже давно въ перепискѣ. Ландграфъ даетъ ему теплое рекомендательное письмо къ новому курфирсту Пфальцскому изъ Нейбургской линіи, для котораго Лейбницъ въ молодости написалъ свой „Образчикъ политическаго разсужденія“, когда тотъ искалъ польской короны. Ландграфъ проситъ курфирста дать Лейбницу письмо къ императору и доставить мѣсто въ Вѣнѣ. Въ своемъ письмѣ онъ называетъ Лейбница: „княжескимъ совѣтникомъ изъ Верхней Саксоніи, который сдѣлался извѣстенъ міру своими сочиненіями, и который самъ сообщитъ дальнѣйшія подробности“ [1]).

Во Франкфуртѣ Лейбницъ лично познакомился съ оріенталистомъ Лудольфомъ, который, также какъ и онъ, всю жизнь мечталъ объ изгнаніи Турокъ изъ Египта посредствомъ союза христіанскихъ государей съ абиссинскимъ Негушемъ. Тутъ же онъ взялъ себѣ въ секретари одного молодаго ученаго, Гейна, который дѣлалъ ему извлеченія изъ рукописей.

---

[1]) Der bei habenden Meritis ohne Pretension oder Importunität, und ein ehrliebender Mann sei, so viam regiam juris et aequitatis denen Neben-Respecten vorziehe.

Въ Зульцбахѣ Лейбницъ посѣтилъ извѣстнаго въ то время каббалиста барона Кнорра фонъ-Розенрота, который бесѣдовалъ съ нимъ о свидѣтельствахъ каббалистическихъ писателей въ пользу христіанства. Лейбницъ говоритъ въ своихъ письмахъ съ большимъ уваженіемъ о Кноррѣ. Одному изъ знакомыхъ, котораго это удивило, онъ замѣчаетъ: „Таковъ я, что я всегда отыскиваю и замѣчаю то, что̀ я могу похвалить, вмѣсто того, что̀ заслуживаетъ порицанія".

О затрудненіяхъ, которыя встрѣчалъ Лейбницъ въ своемъ трудѣ вслѣдствіе неразработанности историческаго матеріала, можно судить по слѣдующему. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ для Лейбница было происхожденіе Вельфскаго дома. Извѣстно было, что Вельфы происходятъ отъ итальянскихъ Эстовъ. Но одинъ изъ самыхъ ученыхъ компиляторовъ-историковъ XVI вѣка, Авентинъ, называлъ ихъ предковъ не Эстенскими, а Астенскими (Astenses) маркграфами. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые другіе историки. Если это было вѣрно, то герцоги Брауншвейгскіе должны были производить свой родъ не отъ Тосканскихъ Эсте, а отъ Піемонтскихъ маркграфовъ Асти. Лейбницу необходимо было узнать, на чемъ было основано мнѣніе Авентина. Рукописи этого ученаго находились въ Мюнхенской библіотекѣ. Лейбницу удалось черезъ тамошняго капельмейстера, италіянца Стефани, который былъ прежде въ Ганноверѣ, выхлопотать себѣ у курфирста позволеніе заниматься въ библіотекѣ и брать оттуда рукописи къ себѣ на домъ. Но баварскіе министры нашли, что не слѣдуетъ передъ иностранцемъ такимъ образомъ разоблачать государственныя тайны, и Лейбницу былъ воспрещенъ входъ въ библіотеку. Ему удалось однако уже просмотрѣть рукописи Авентина. Онѣ были на нѣмецкомъ языкѣ; разказъ автора былъ проще, чѣмъ въ латинскомъ изданіи его исторіи, и онъ часто приводилъ источники. Лейбницъ замѣтилъ, что онъ больше всего ссылается на старинную рукопись одного Аугсбургскаго монастыря. Пока министры разсуждали, слѣдуетъ ли его допускать въ архивы, онъ съѣздилъ въ Аугсбургъ, отыскалъ рукопись и нашелъ, что въ ней ясно сказано „Эстенскіе". Тогда онъ убѣдился, что Авентинъ писалъ Астенскіе изъ ложной афектаціи латинизма (par une fausse affectation du latinisme), какъ онъ это часто дѣлалъ.

Лейбницъ удивлялся невѣжеству, которое онъ встрѣчалъ въ Баваріи въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. „Прежде (то-есть, въ XVI вѣкѣ), говоритъ онъ, въ Баваріи были лучшіе нѣмецкіе исто-

рики [1]); теперь же я не нашелъ ни одного, который имѣлъ бы особенныя свѣдѣнія". Различіе между умственнымъ развитіемъ сѣверной—протестантской и южной—католической Германіи уже успѣло обнаружиться. Отсюда происходила и недовѣрчивость Баварцевъ, на которую жалуется Лейбницъ [2]).

Дневникъ Лейбница и письма, которыя онъ отправлялъ изъ Мюнхена къ ганноверскимъ министрамъ, по своему содержанію чрезвычайно интересны и разнообразны. Онъ сообщаетъ имъ придворныя и политическія новости, описываетъ различные техническіе пріемы и нововведенія, которые онъ считаетъ полезнымъ ввести въ Ганноверѣ, сообщаетъ результаты своихъ многосторонныхъ наблюденій. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ, что на баварскихъ горныхъ заводахъ не бросаютъ, какъ въ Ганноверѣ, шлаки свинцовой руды, оставшіеся въ водѣ послѣ осадка свинца, но продаютъ горшечникамъ, которымъ они служатъ для глазури посуды. Онъ сообщаетъ различные, болѣе выгодные способы для добыванія серебра изъ свинцовой руды и золота изъ серебряной руды. Онъ пишетъ, что вслѣдствіе новой монетной конвенціи въ южной Германіи, ганноверскому правительству необходимо понизить на $^1/_{65}$ долю чеканъ своей серебряной монеты, иначе, оно будетъ терпѣть ежегодно убытокъ въ 6.000 тал.

Одно изъ новыхъ изобрѣтеній, о которыхъ пишетъ Лейбницъ, имѣетъ современный интересъ. Онъ сообщаетъ, что баварское правительство ведетъ переговоры съ однимъ Аугсбургскимъ оружейникомъ, который изобрѣлъ ружье, заряжающееся съ казенной части 7 или 8 пулями; но Лейбницъ полагаетъ, что оно можетъ разрядиться сзади, тогда какъ такое же ружье, которое онъ видѣлъ въ Парижѣ, было совершенно безопасно.

Лѣтомъ 1688 года Лейбницъ прибылъ въ Вѣну. Хотя онъ не имѣлъ дипломатическаго порученія, ему удалось въ Вѣнѣ оказать своему правительству нѣсколько услугъ. Вслѣдствіе брака, заключеннаго въ 1685 году между Софіею-Шарлоттой и наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ, произошло сближеніе между дворами Прусскимъ и Ганноверскимъ. Такъ какъ Пруссія была въ то время въ союзѣ съ

---

[1]) Vor Alters hat Bayern die trefflichsten Historicos gehabt, so Teutschland gesehen.

[2]) J'ai trouvé les gens de ce pays cy scrupuleux au dernier point sur la moindre chose. Ce qui n'arrive à mon avis, que de ce qu'ils ne sont pas assez versés en ces matières pour distinguer, ce qui est indifférent et communicable, de ce qui peut faire naistre du préjudice.

Франціей и въ оппозиціи къ императору, то этотъ союзъ имѣлъ послѣдствіемъ сближеніе Ганновера съ Франціей и охлажденіе къ Австріи.

Съ помощью своихъ обширныхъ связей Лейбницъ скоро познакомился съ министрами императора: съ Стратманомъ, который въ то время занималъ должность канцлера, съ вице-канцлеромъ графомъ Кёнигсекомъ и съ графомъ Виндишгрецомъ, который въ послѣдствіи былъ президентомъ рейхсгофрата. Въ разговорахъ съ ними онъ оправдывалъ политику Ганновера, доказывалъ пользу, которую она принесла Германіи тѣмъ, что вслѣдствіе сближенія съ Франціей обуздала честолюбіе Даніи, союзницы Франціи, и спасла Гамбургъ.

Въ это самое время Ганноверъ изъявлялъ свои притязанія на Остфрисляндію, которая, по прекращеніи тамошней династической линіи, должна была отойдти къ Пруссіи. Эти притязанія основывались на томъ, что въ Фрисляндіи нѣкогда управляли предки Ганноверскихъ герцоговъ по женской линіи. Такъ какъ Фрисляндскіе историки, Уббо Эммій и другіе, объ этомъ ничего не упоминали, то министры императора сомнѣвались въ справедливости этихъ притязаній, и ганноверскій агентъ Веселовъ напрасно писалъ домой и требовалъ, чтобъ ему сообщили историческія доказательства. Пріѣздъ Лейбница рѣшилъ всѣ сомнѣнія. Онъ указалъ Веселову историческія грамоты и лѣтописныя мѣста, доказывавшія права Ганноверскихъ герцоговъ.

Но въ Вѣнѣ, тогдашней столицѣ Германской имперіи, Лейбницъ не могъ исключительно заниматься мѣстными интересами Ганновера; его вниманіе было скоро привлечено общими интересами его отечества.

Въ первый разъ австрійское оружіе одерживало блестящія побѣды надъ Турками. Битва при Могачѣ истребила турецкія силы; Бѣлградъ былъ взятъ, и первое турецкое посольство явилось въ Вѣну просить мира. Въ Вѣнѣ уже разсуждали о томъ, заключить ли выгодный миръ или продолжать войну до изгнанія Турокъ изъ Европы. Отъ Лейбница мы узнаемъ, что тогда носились въ Вѣнѣ съ проектомъ предложить Франціи раздѣлъ Оттоманской имперіи [1]). Но Франція рѣшилась поддерживать Турецкую имперію. Лудовикъ боялся, что побѣды императора слишкомъ ослабятъ Турцію, дадутъ ему слишкомъ

[1]) Франція должна была, какъ говоритъ Лейбницъ, получить Грецію, Ѳракію и часть Азіи. Но изъ словъ его не видно, было ли дѣйствительно сдѣлано Франціи такое предложеніе, или это былъ только проектъ политическихъ мечтателей.

большой перевѣсъ на востокѣ Европы и возможность отнять у Франціи несправедливо захваченныя ею области. Онъ поспѣшилъ прійдти на помощь Турціи, и въ сентябрѣ 1688 года объявилъ войну имперіи, хотя прошло только 4 года съ тѣхъ поръ, какъ, по его настоянію, было заключено 20-лѣтнее перемиріе.

Манифестъ, которымъ онъ хотѣлъ оправдать себя, былъ исполненъ ложными обвиненіями. Онъ доказывалъ, что императоръ спѣшилъ заключить вредный для христіанства миръ съ Турками для того, чтобы имѣть возможность нарушить перемиріе и напасть на Францію; что по настоянію императора папа не утвердилъ законнаго избранія Фюрстенберга (приверженца Франціи) въ архіепископы Кёльнскіе; что герцогиня Орлеанская несправедливо была лишена наслѣдства, которое должно было ей достаться послѣ смерти ея брата, бездѣтнаго курфирста Пфальцскаго. Императорскій манифестъ, изданный въ отвѣтъ Лудовику, былъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ этихъ обвиненій. Гурауеръ, первый приписалъ его Лейбницу, основываясь на сходствѣ мыслей между этимъ манифестомъ и письмами, которыя въ это время Лейбницъ писалъ къ своимъ друзьямъ; съ тѣхъ поръ это мнѣніе вошло во всѣ нѣмецкія исторіи.

Но авторство Лейбница сдѣлалось болѣе чѣмъ сомнительнымъ вслѣдствіе изданія нѣкоторыхъ, до того времени неизвѣстныхъ сочиненій его [1]). Изъ писемъ его къ австрійскимъ министрамъ видно, что онъ тогда еще не пользовался такой извѣстностью въ Вѣнѣ, чтобы къ нему, иностранцу, проѣздомъ находящемуся въ Вѣнѣ, обратились за составленіемъ такого важнаго государственнаго акта, какъ 20 лѣтъ спустя, когда ему дѣйствительно поручили написать манифестъ въ пользу притязаній Карла на испанское наслѣдство.

Сомнѣнія усиливаются тѣмъ, что въ декабрѣ (два мѣсяца послѣ обнародованія императорскаго манифеста) Лейбницъ дѣйствительно представилъ министрамъ обширную критику французскаго манифеста и предложилъ напечатать ее въ Голландіи отдѣльной брошюрой. Въ письмахъ, при которыхъ онъ пересылаетъ имъ свои „Réflexions sur la déclaration de la guerre, que la France a faite à l'Empire", онъ ничего не упоминаетъ о манифестѣ; напротивъ, изъ всего видно, что онъ представляетъ имъ свое сочиненіе какъ первый опытъ его политическаго краснорѣчія [2]).

---

[1]) См. V т. изданія О. Клоппа — введеніе.

[2]) Volui vero experiri an de novissimis reipublicae negotiis homo in interiora non admissus posset aliquid non ineptum dicere. Лейбницъ оправдывается

Лейбницъ опровергаетъ притязанія французскаго короля и выставляетъ на видъ безнравственность его политики съ свойственной ему ясностью и силой. Но мы не станемъ останавливаться на этомъ сочиненіи, такъ какъ иначе намъ пришлось бы слишкомъ вдаваться въ историческія подробности. Германія снова находилась въ большой опасности. Императорскіе министры отклонили мирныя предложенія Турокъ, и Германіи приходилось въ одно время вести двѣ тяжелыя войны. Французы, пользуясь неожиданностью нападенія и тѣмъ, что всѣ войска находились на восточной границѣ, быстро заняли весь лѣвый берегъ Рейна и взяли крѣпости Триръ, Боннъ и Майнцъ. На Рейнѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія императорскихъ войскъ. „Что же дѣлаютъ господа Австрійцы?—писалъ баронъ Батмаръ Лейбницу въ Вѣну. Фёкьеръ [1]) справедливо сказалъ о нихъ: „Les Impériaux marchent toujours et n'arrivent jamais". Лейбницъ сгаралъ отъ нетерпѣнія при видѣ этой медленности и рутины, съ которой тратились по пустому лучшія силы. „Гораздо выгоднѣе—писалъ онъ—стрѣлять изъ крупнаго оружія, которое скоро пробиваетъ стѣну, чѣмъ даромъ истратить многія тысячи пудовъ пороха на мелкіе выстрѣлы".

Лейбницъ не упускалъ изъ вниманія и тактику. Въ своихъ письмахъ, напримѣръ, къ ландграфу Эрнсту онъ высказываетъ свое мнѣніе о недостаткахъ современной тактики. Онъ полагаетъ, что храбрость и мужество Европейцевъ сильно упали со времени Крестовыхъ походовъ и приписываетъ это вліянію пороха. Особенно недоволенъ онъ Нѣмцами и паденіе воинскаго дѣла у нихъ объясняетъ тѣмъ, что они слишкомъ много учатся. Книгопечатаніе сдѣлало ученіе легкимъ; всѣ хотятъ теперь учиться, но часто ученіе служитъ только уважительнымъ предлогомъ для лѣности. При томъ способѣ, какимъ обыкновенно учатся, нѣтъ ничего легче ученія, ибо все дѣло въ томъ, чтобы выучиться болтать методически (à jaser avec méthode). Во Франціи считается позорнымъ для молодаго человѣка, если онъ не знакомъ съ оружіемъ и не принималъ участія хотя въ одномъ походѣ. Въ Германіи же молодежь думаетъ, что она сдѣлала свое дѣло, если провела нѣсколько лѣтъ въ университетѣ и истратила тамъ довольно денегъ [2]). Затѣмъ Лейбницъ высказываетъ свое мнѣніе, какимъ обра-

---

тѣмъ, что онъ, какъ историкъ, не можетъ оставаться чуждымъ современной политикѣ. Nom mihi historias cogitanti, et harum rerum cura aliquo esse debet. T. V. p. 516.

[1]) Feuquières, посолъ Лудовика XIV при германскомъ сеймѣ.

[2]) Leibniz und L. Ernst v. Hessen Rheinfels. Ein ungedr. Briefwechsel. ed.

зомъ улучшить военное устройство; онъ считаетъ нужнымъ дать особенное развитіе артиллеріи и обратить большее вниманіе на штабофицеровъ, отъ которыхъ всего болѣе зависитъ годность войска. Теперь, въ Вѣнѣ, Лейбницъ выступаетъ съ проектомъ всеобщаго ополченія, которое онъ представляетъ императору. Онъ беретъ за основаніе уставъ всеобщаго ополченія, составленный кардиналомъ Ришельё въ 1636 году, когда испанскій кардиналъ-инфантъ, управлявшій Бельгіей, съ своимъ войскомъ быстро двинулся на Парижъ. Занимаясь во время своего пребыванія въ Парижѣ въ тамошнихъ архивахъ, Лейбницъ нашелъ этотъ уставъ, замѣтилъ его важность и списалъ его, въ надеждѣ, что онъ ему пригодится въ отечествѣ. Этимъ онъ, можетъ-быть, спасъ его отъ забвенія; ибо о немъ не упоминаетъ ни одинъ французскій историкъ, и энергическія мѣры геніальнаго кардинала оставались неизвѣстными до выхода въ свѣтъ послѣдняго тома сочиненій Лейбница.

По этому уставу всѣ дворяне и свободные отъ податей, не имѣющіе опредѣленныхъ занятій, должны были немедленно вооружиться и отправиться въ С.-Дени. Всѣ мастера были обязаны отпустить своихъ рабочихъ, за исключеніемъ одного. Господа должны были представить въ военную службу своихъ лакеевъ, подъ страхомъ денежнаго наказанія для нихъ и галеръ для слугъ. Всѣ, у которыхъ есть карета, должны снарядить одного коннаго воина. Всѣ цехи обязаны снарядить на войну извѣстное число воиновъ. Третья часть окрестныхъ жителей Парижа должна работать на укрѣпленіяхъ и т. д.

Какъ зорко Лейбницъ слѣдилъ за интересами имперіи и какъ онъ старался, гдѣ только можно, охранять эти интересы, доказываетъ одна историческая записка, составленная имъ въ Вѣнѣ о правахъ императора на Франкфуртскихъ Евреевъ. Мы приводимъ ее потому, что она характеризуетъ тогдашнее время. Въ средніе вѣка, въ Германіи Евреи составляли, какъ извѣстно, собственность императоровъ, считались „казенными крѣпостными“ (Cammer-Knechte). Въ 1348 году Карлъ IV заложилъ городу Франкфурту за 15.000 фунт. геллеровъ всѣхъ живущихъ тамъ Евреевъ, а въ 1372 году продалъ ихъ, сохраняя за собой право выкупа. Когда Максимиліанъ при своемъ воцареніи хотѣлъ наложить на Франкфуртскихъ Евреевъ обычную подать (Krönungspfennig), магистратъ города воспротивился этому, ссылаясь на то, что Евреи принадлежатъ исключительно городу. Между тѣмъ Франкфуртскіе

Rommel. T. I. p. 353. «Surtout en Allemagne cette folie de vouloir toujours faire estudier les enfans règne encore au grand préjudice du public» и т. д.

Евреи все болѣе и болѣе богатѣли. Уже императоръ Фердинандъ грозилъ магистрату, что онъ воспользуется своимъ правомъ выкупа. Когда взошелъ на престолъ Леопольдъ, Франкфуртскій магистратъ согласился собрать съ своихъ Евреевъ въ пользу императора извѣстную сумму, а во время Турецкой войны 1663 года онъ снова заставилъ ихъ заплатить 15.000 тал. Когда возгорѣлась новая Турецкая война и императорскіе министры не знали, откуда достать денегъ, они вспомнили о Евреяхъ Франкфурта и городу было объявлено, что императоръ требуетъ съ Евреевъ „турецкую дань" (Türkensteuer) и въ скоромъ времени выкупитъ ихъ. Но магистрату удалось, посредствомъ разныхъ происковъ и искаженія историческихъ фактовъ, выхлопотать себѣ въ 1685 году указъ, по которому императоръ за 20.000 гульд. отказывался навсегда въ пользу города отъ права выкупа.

Это пренебреженіе къ правамъ имперіи заставило Лейбница подать записку, въ которой онъ, на основаніи историческихъ документовъ и грамотъ, доказываетъ право императора и требуетъ, чтобы тотъ указъ, вынужденный несправедливымъ вымогательствомъ, былъ отмѣненъ.

Лейбницъ давно уже размышлялъ о торговыхъ интересахъ Германіи. Онъ совѣтовалъ завести болѣе тѣсныя торговыя сношенія между Германіей и Испаніей и привлечь въ Германію испанскую торговлю льняными произведеніями, которою завладѣла Франція. Въ прядильной промышленности, говорилъ онъ, заключается философскій камень: „lapis philosophicus in re textoria. Онъ совѣтовалъ также привлечь въ Германію торговлю съ Востокомъ съ помощію герцога Тосканскаго и Генуи, которые болѣе склонны къ Австріи, чѣмъ къ Франціи. Лейбницъ совѣтовалъ уничтожить пошлины съ отпускной торговли и взимать пошлины съ привозныхъ товаровъ за исключеніемъ сырыхъ.

Въ торговлѣ онъ видѣлъ средство къ улучшенію политическаго состоянія Германіи. Онъ совѣтовалъ устроить въ Испанской Америкѣ нѣмецкія колоніи, предоставить императору пошлины съ иностранныхъ товаровъ во всей имперіи, и такимъ образомъ пополнить пустую императорскую казну. Онъ предлагалъ устроить нѣмецкую компанію, на подобіе Остиндской компаніи въ Голландіи, капиталъ ея долженъ былъ составиться изъ вкладовъ императора и самыхъ могущественныхъ князей. Многіе богатые люди, говоритъ Лейбницъ, не знаютъ, куда дѣвать свои деньги. Эта компанія, по плану Лейбница, служила бы національнымъ банкомъ въ Германіи, давала бы взаймы имперіи и

князьямъ и такимъ образомъ тѣснѣе бы связала интересы князей и имперіи. Но, несмотря на свои занятія политикой, Лейбницъ никогда не упускалъ изъ вида интересовъ науки.

Передъ началомъ его путешествія Лудольфъ прислалъ ему проектъ перваго историческаго общества въ Германіи, составленный Паулини, и пригласилъ его принять участіе въ немъ. Лейбницъ съ жаромъ взялся за дѣло. Онъ писалъ, что при составленіи такого общества нужно брать примѣръ съ обществъ испытателей природы. Каждый членъ долженъ взять на себя разработку какого-нибудь спеціальнаго вопроса, а между тѣмъ общество дóлжно издавать сборники матеріаловъ. Ибо всякому попадаются подъ руку лѣтописи, грамоты и отрывки, которые не имѣютъ значенія для его спеціальной работы, но важны для другихъ. Въ Вѣнѣ онъ старался заинтересовать ученыхъ, министровъ и императора въ пользу общества. Ему это удалось; но старанія его остались безплодными, ибо въ Австріи не было денегъ, и ему сказали, что члены общества не должны разчитывать на жалованье. Лейбницъ жаловался на это; онъ говорилъ, что, по его мнѣнію, всѣ, которые стремятся къ чему-нибудь полезному, въ высшей степени достойны наградъ и почестей. Лейбницъ былъ совершенно правъ. Бóльшею частью общества отъ того остаются безплодными, что члены ихъ не связаны съ обществомъ никакими интересами. Общество, отъ котораго Лейбницъ ожидалъ такой пользы для своего отечества, не только въ научномъ, но и въ политическомъ отношеніи, не состоялось. Изъ Вѣны Лейбницъ собирался въ Венгрію, чтобъ осмотрѣть тамошніе рудники. Но усиленныя занятія надъ рукописями библіотеки, за которыми Лейбницъ проводилъ дни и ночи, разстроили его здоровье, и онъ долженъ былъ просидѣть нѣсколько недѣль дома. „Что̀ дѣлать, писалъ онъ въ это время Гроту: Il n'est pas nécessaire, qu'on vive, mais il est nécessaire, qu'on travaille et qu'on fasse son devoir".

Онъ убѣждался все болѣе и болѣе, что для своихъ историческихъ изслѣдованій ему необходимо посѣтить Италію, особенно Модену. Только съ помощью тамошнихъ архивовъ онъ могъ надѣяться разъяснить древнѣйшую исторію дома Эсте. Еще въ Германіи Лейбницъ, желая получить свѣдѣнія изъ Моденскаго архива, обратился за этимъ къ одному ученому іезуиту Комаберти, который бывалъ въ Германіи и занимался составленіемъ историческихъ статей или скорѣе панегириковъ, какъ говоритъ Лейбницъ, и который славился тѣмъ, что былъ знакомъ съ исторіей дома Эсте. Какъ въ то время смотрѣли на такого рода розысканія даже ученые, видно изъ отвѣта этого іезуита.

Лейбницъ обратился къ нему чрезъ посредство извѣстнаго бельгійскаго іезуита Папеброха́, главнаго составителя знаменитаго сборника житій святыхъ и одного изъ первыхъ ученыхъ, занимавшихся критикой историческаго матеріала. Несмотря на эту протекцію, Комаберти не исполнилъ желанія Лейбница. „Видно было, говоритъ Лейбницъ, что онъ предпочитаетъ слѣдовать принятымъ мнѣніямъ, какъ бы ни были они неосновательны, и украшать ихъ блестящимъ слогомъ, чѣмъ возстановлять истину. Казалось даже, что онъ сердился за это любопытство, какъ будто оно было не дозволено, и онъ далъ косвенно понять, что такого рода розысканія не понравились бы е. св. герцогу Моденскому". Несмотря на это, Лейбницу удалось чрезъ ганноверскаго агента въ Венеціи Флорамонти выхлопотать себѣ у герцога позволеніе лично заниматься въ его архивѣ, и зимою 1689 года онъ выѣхалъ изъ Вѣны.

Онъ отправился сначала въ Венецію, а оттуда посѣтилъ императорскіе рудники въ Истріи, гдѣ добывалась ртуть. Въ Венеціи онъ отправился однажды въ море на небольшой лодкѣ. На дорогѣ его настигла сильная буря. Лодочники, полагая, что онъ не знаетъ ихъ языка, стали сговариваться о томъ, чтобы выбросить его въ море и взять его вещи. Какъ будто не понимая ихъ разговора, онъ вынулъ четки, которыя имѣлъ при себѣ, и сдѣлалъ видъ, что молится по нимъ. Тогда одинъ изъ лодочниковъ объявилъ, что такъ какъ этотъ человѣкъ не еретикъ, то онъ не можетъ рѣшиться на его убійство. Все лѣто Лейбницъ провелъ въ Моденѣ, усердно занимаясь въ архивѣ.

Въ октябрѣ онъ прибылъ въ Римъ. Римъ, который теперь поражаетъ иностранцевъ полнымъ затишьемъ умственной жизни, въ которомъ только одно ученое общество — *Прусское* антикварное общество на Капитоліи, состоящее изъ Нѣмцевъ, въ XVII вѣкѣ представлялъ картину самаго живаго умственнаго движенія и былъ богатъ учеными и обществами всякаго рода, не только богословскими и антикварными, но математическими и физическими. Аббатъ Франческо Назари, извѣстный математикъ и издатель Giornale di Litterati, ввелъ Лейбница въ общество римскихъ ученыхъ, познакомилъ его съ Аузуломъ, однимъ изъ основателей Парижской академіи наукъ, съ Чампини (Ciampino), основавшемъ въ своемъ домѣ физико-математическую академію, къ которой принадлежали нѣкогда Борелли, Кассини, Біанкини и многіе другіе ученые, оставившіе свое имя въ наукѣ. Извѣстный антикварій Фабретти, секретарь папы Александра VIII, показывалъ Лейбницу свои коллекціи и водилъ его по Римскимъ катакомбамъ. Онъ

доказывалъ Лейбницу, что красноватая пыль, которая заключается въ пузырькахъ и чашечкахъ, часто встрѣчаемыхъ въ катакомбахъ, есть кровь мучениковъ, и чтобъ убѣдить его разводилъ ее въ водѣ, „вслѣдствіе чего, говоритъ италіянскій разкащикъ, Лейбницъ почти убѣдился и оставилъ могилы мучениковъ съ большимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ“. Въ послѣдствіи Фабретти ссылался въ своемъ знаменитомъ сборникѣ христіанскихъ надписей на авторитетъ протестантскаго философа Лейбница и приводилъ извлеченіе изъ письма его, въ которомъ Лейбницъ ему говорилъ; что послѣ химическаго изслѣдованія этой пыли, онъ признаетъ ее скорѣе за кровь, чѣмъ за какое-нибудь минеральное вещество.

Лейбницъ очаровалъ Римскихъ ученыхъ своею любезностью, живостью и многосторонней ученостью; онъ долженъ былъ сдѣлаться членомъ ихъ обществъ и посѣщать ихъ собранія. Кромѣ общества Чампини, Лейбницъ упоминаетъ еще о нѣсколькихъ другихъ и между прочимъ объ одномъ, которое собиралось въ кофейнѣ близъ Піаццы Навона: „ad aedes caffeepotarum“. Когда онъ выѣхалъ изъ Рима, нѣкоторые изъ Римскихъ ученыхъ остались съ нимъ въ перепискѣ и всѣ ему кланялись. Они просили, чтобъ онъ вспомнилъ о нихъ, если кто-нибудь изъ его соотечественниковъ отправится къ нимъ: «qui praeclaram indolis Germaniae nobilitatem, gratiam, excellentiam, studium, imaginem denique tuam nobis restituat». Ему даже предлагали, если онъ приметъ католичество, мѣсто кустода Ватиканской библіотеки,—мѣсто, которое, какъ извѣстно, въ большомъ почетѣ въ католическомъ мірѣ, и откуда открытъ доступъ въ коллегію кардиналовъ. Съ свойственной ему живостью и впечатлительностію, которая заставляла его входить во все и вездѣ думать объ исправленіи и улучшеніи, Лейбницъ въ центрѣ католичества сталъ заботиться объ интересахъ науки. Онъ убѣждалъ своихъ Римскихъ друзей похлопотать у новаго папы, чтобъ онъ заставилъ смолкнуть чрезмѣрныхъ ревнителей религіи, ратовавшихъ противъ результатовъ новѣйшей астрономіи, и далъ большій просторъ научнымъ изслѣдованіямъ. Но Лейбницъ пошелъ еще дальше. Трогательно видѣть, какъ этотъ человѣкъ, одаренный такимъ положительнымъ умомъ, увлекался энтузіазмомъ, когда дѣло шло объ интересахъ науки. Ему пришла мысль обратить въ пользу цивилизаціи громадныя средства, которыя католичество тратило по пустому. Онъ съ жаромъ сталъ отстаивать свой планъ „ввести изученіе естественныхъ наукъ въ *монастыри*“, и ему удалось убѣдить въ возможности этого нѣкоторыхъ изъ своихъ италіянскихъ друзей. „Только тогда.

писалъ онъ, родъ человѣческій сдѣлаетъ большіе успѣхи въ изученіи природы, когда любознательность проникнетъ въ монастыри и когда будетъ вмѣняться въ благочестіе обитателямъ ихъ восхваленіе Божіей мудрости изученіемъ ея чудесныхъ твореній. Сколько тысячъ людей содержатся теперь на общественный счетъ для того, чтобы хвалить Господа, и каковъ долженъ быть результатъ, если такое число способныхъ людей, которые теперь тратятъ свои силы на пустыя слова, соединятся и обратятъ общее свое рвеніе и прилежаніе на изученіе неисчерпаемой сокровищницы Божественной славы, которую представляетъ сотворенная для этого природа!" „Что́ болѣе сообразно съ благочестіемъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, какъ созерцаніе удивительныхъ твореній Бога и Провидѣнія, которое отражается въ природѣ не менѣе чѣмъ въ области исторіи, въ судьбахъ церкви и всего человѣческаго рода. Отрицать благочестіе этихъ занятій, значило бы лишить ихъ здоровой пищи и оставить имъ только сухія разсужденія, отъ которыхъ неудовлетворенная душа легко переходитъ къ игрѣ пустыми отвлеченностями, способными ввести въ заблужденіе".

Особенный интересъ имѣло для Лейбница въ Римѣ его знакомство съ тамошними іезуитами. Іезуитамъ удалось пріобрѣсти въ XVII вѣкѣ сильное вліяніе въ Китаѣ, благодаря ловкости, съ которой они приноравливали тамъ христіанство къ обычаямъ и повѣріямъ страны, умѣнью выставить на видъ свои математическія познанія и особенно благодаря покровительству просвѣщеннаго императора Кангъ-Хи. Этотъ императоръ такъ любилъ математику, что занимался ею ежедневно по цѣлымъ часамъ съ іезуитомъ Вербистомъ, зналъ Евклида и даже умѣлъ посредствомъ тригонометріи вычислять движенія небесныхъ тѣлъ. Лейбницъ познакомился въ Римѣ съ іезуитомъ Гримальди, котораго императоръ пригласилъ на мѣсто умершаго Вербиста въ президенты математическаго трибунала и мандарины и который намѣревался отправиться въ Китай.

Лейбницъ слушалъ съ удивленіемъ разказы Гримальди о Китаѣ и о добродѣтеляхъ императора. Въ XVII вѣкѣ европейцы имѣли преувеличенное мнѣніе о цивилизаціи Китая, о мудрости китайской философіи, о высокой чистотѣ этики Китайцевъ. Въ этомъ отчасти были виноваты іезуиты, которые намѣренно поддерживали такое мнѣніе, для того чтобы придать больше значенія собственной дѣятельности въ Китаѣ. Лейбницъ отчасти раздѣлялъ взглядъ своего вѣка. Онъ утверждалъ, что Китайцы далеко отстали отъ Европейцевъ въ теоретическихъ наукахъ, особенно въ логикѣ и метафизикѣ, а также въ

астрономіи, геометріи и тактикѣ; но онъ полагалъ, что у нихъ существовала нѣкогда болѣе глубокая философія, слѣды которой сохранились въ символахъ, сдѣлавшихся теперь непонятными для самихъ Китайцевъ. Ему казалось, что въ одной изъ своихъ математическихъ теоремъ въ бинарной ариѳметикѣ онъ нашелъ утраченный ключъ къ пониманію 64-хъ таинственныхъ значковъ Фоги, основателя Китайской имперіи. Эти значки состоятъ изъ прямыхъ и ломанныхъ линій, въ разныхъ направленіяхъ, которыя сводятся на нѣсколько основныхъ линій. Они доставили европейскимъ ученымъ много головоломной работы и подали поводъ къ самымъ вычурнымъ и страннымъ гипотезамъ и соображеніямъ, напримѣръ, еще не такъ давно Фридриху Шлегелю въ его философіи исторіи.

Лейбницъ возлагалъ большія надежды на дѣятельность іезуитовъ въ Китаѣ и ожидалъ большихъ выгодъ для цивилизаціи отъ сближенія Китая съ Европой. Поэтому онъ защищалъ религію Китайцевъ отъ упрековъ въ матеріализмѣ и суевѣріи и защищалъ іезуитовъ отъ нападокъ ихъ противниковъ, упрекавшихъ ихъ за уступчивость въ приноравливаніи христіанскихъ догматовъ къ повѣріямъ Китайцевъ.

Когда онъ въ 1697 году открылъ свою діадику или ариѳметическую теорему, основанную на 2-хъ числахъ 0 и 1, ему казалось, что она представляетъ символъ таинственнаго сотворенія міра Господомъ изъ ничего, и послужитъ средствомъ для того, чтобъ убѣдить Китайскаго императора въ справедливости одного изъ главныхъ догматовъ христіанской религіи. Иногда у Лейбница встрѣчается уже оттѣнокъ тѣхъ идей, которыя пріобрѣли такой авторитетъ въ XVIII вѣкѣ и такого блестящаго проповѣдника, какъ Руссо. „Мнѣ кажется почти необходимымъ, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей «Novissima Sinica», если я смотрю на возрастающую до безпредѣльности порчу нравовъ въ Европѣ, чтобы Китайцы прислали къ намъ миссіонеровъ, которые бы распространили между нами пониманіе естественной религіи, какъ мы отправляемъ къ нимъ миссіонеровъ, чтобы познакомить ихъ съ религіей Откровенія".

Лейбницъ посвятилъ вопросу о Китайцахъ множество статей и писемъ. Онъ остался въ перепискѣ съ Гримальди и получалъ отъ него письма изъ Индіи и Китая. Онъ надѣялся черезъ него и другихъ іезуитовъ получить вѣрныя свѣдѣнія о народахъ и языкахъ Азіи, о которыхъ тогда очень мало знали въ Европѣ.

Лейбницъ предлагалъ всѣмъ оріенталистамъ Германіи вступить черезъ него въ сношенія съ іезуитами въ Китаѣ. И долго, хотя на-

прасно, убѣждалъ Берлинскаго синолога Мюллера переслать Гримальди свой ключъ къ Китайскому письму. Іезуиты не всегда понимали, изъ какого источника выходятъ его попеченія объ нихъ. Іезуитъ Маркетти сталъ его однажды заклинать „пламенемъ ада, которое его непремѣнно ожидаетъ", принять католическую вѣру. Такимъ назойливымъ совѣтникамъ Лейбницъ умѣлъ отвѣчать, какъ они заслуживали. „Я знаю, писалъ онъ Маркетти, какая бездна раздѣляетъ католическое исповѣданіе отъ протестантскаго, но тѣмъ не менѣе я стараюсь содѣйствовать успѣхамъ іезуитовъ въ Китаѣ, потому что лучше ввести туда *нечистое* христіанство (inquinatam de Christo doctrinam), чѣмъ никакое. Когда Лейбницъ сталъ терять надежду на примиреніе католической и протестантской церквей, онъ старался убѣждать англійское и прусское правительства къ отправленію въ Китай протестантскихъ миссіонеровъ. Онъ совѣтовалъ курфирсту Бранденбургскому въ 1695 г. воспользоваться проѣздомъ Петра Великаго черезъ Берлинъ, чтобы выхлопатать у него свободный пропускъ протестантскимъ миссіонерамъ въ Китай.

Въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлался лично извѣстенъ Петру, его надежды завести сношенія между Европой и Китаемъ и получить свѣдѣнія о народахъ и языкахъ Азіи еще болѣе усилились. Онъ думалъ о томъ, чтобы послать Китайскому императору свою счетную машину, и просилъ русское правительство приказать перевести для него „Отче нашъ" на языкъ всѣхъ подвластныхъ Россіи и пограничныхъ съ нею народовъ, чтобъ имѣть матеріалъ для сравнительнаго языкоизученія.

Послѣ Рима Лейбницъ посѣтилъ на короткое время Неаполь, а потомъ отправился во Флоренцію. Онъ нашелъ самый радушный пріемъ не только у тамошнихъ ученыхъ, но и при дворѣ. Принцъ Тосканскій Гастонъ, который любилъ математику, доставилъ ему еще въ послѣдствіи черезъ Флорентинскаго посла въ Вѣну одну математическую проблему, поставленную геометромъ Вавіани, ученикомъ Галилея. Лейбницъ разрѣшилъ ее въ тотъ же день съ помощью дифференціальнаго исчисленія. Особенно сошелся онъ съ знаменитымъ библіотекаремъ Мальябеки, имя котораго теперь еще носитъ Флорентинская публичная библіотека. Мальябеки отличался необыкновенной ученостью, но онъ мало писалъ, и только его друзья пользовались его познаніями. Лейбницъ дружески упрекаетъ его въ этомъ въ одной элегіи, написанной для него[1]). Во всѣхъ городахъ, черезъ которые проѣзжалъ

[2]) Omnia quid legisse juvat, tibi si legis uni?
Et paucis viva est bibliotheca domi.

Лейбницъ, онъ заводилъ знакомство съ учеными, и съ многими изъ нихъ онъ остался въ перепискѣ и въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ Болоньѣ онъ познакомился съ математикомъ Гвильельмини, который въ послѣдствіи избралъ его судьей въ своемъ спорѣ съ Марбургскимъ профессоромъ Папиномъ объ измѣреніи текущей воды. Тамъ же онъ проводилъ съ знаменитымъ анатомомъ Мальпиги „много часовъ въ самыхъ пріятныхъ и полезныхъ бесѣдахъ". Въ Падуѣ онъ совѣтовалъ одному молодому профессору медицины и астрономіи примѣнить по примѣру Борелли математику къ медицинѣ: «mathematicum inter medica agere». Въ Венеціи онъ познакомился съ Фоскарини, которому Венеціянская республика поручила продолженіе ея исторіи, начатой Нани, съ сенаторомъ Корраро, знатокомъ монетъ, съ Дандоло, авторомъ сочиненія о турецкой литературѣ. Въ концѣ 1689 года Лейбницъ возвратился въ Модену и заключилъ свои работы въ тамошнемъ архивѣ. Ему удалось совершенно разъяснить происхожденіе Вельфовъ отъ маркграфовъ Эсте на основаніи „грамотъ и памятниковъ". Онъ открылъ въ одномъ кармелитскомъ монастырѣ на рѣкѣ Эчи надгробныя надписи древнихъ маркграфовъ и ихъ родоначальника Ацона.

Мы уже упоминали о томъ, что онъ имѣлъ въ Моденѣ, кромѣ научнаго, еще дипломатическое порученіе. Намъ ничего не извѣстно о ходѣ этихъ переговоровъ, но дѣйствительно черезъ нѣсколько лѣтъ Лейбницъ былъ въ Герренгаузенѣ свидѣтелемъ свадьбы герцога Моденскаго и дочери Іоганна-Фридриха Шарлотты. Въ честь ихъ онъ издалъ плодъ своихъ розысканій въ Моденскомъ архивѣ: «Lettre sur la connexion ancienne des maisons de Brunsvic et d'Este».

Интересно, что Лейбницу пришлось принимать участіе въ сватовствѣ и другой дочери своего покойнаго покровителя и друга, герцога Іоганна-Фридриха. Ему было черезъ нѣсколько времени поручено завести переговоры черезъ своего бывшаго ученика Бойнебурга съ императорскимъ дворомъ о бракѣ между Римскимъ королемъ Іосифомъ и принцессой Амаліей, которые и привели къ желанному результату.

Въ началѣ 1690 года Лейбницъ возвратился черезъ Венецію и Вѣну въ Ганноверъ съ богатымъ результатомъ своихъ историческихъ изслѣдованій.

Заслуги Лейбница въ исторіи такъ же велики и оригинальны, какъ

Incipe jam tandem diffundere flumina mentis
Incipe doctrinae spargere grandis opes.

и во всѣхъ остальныхъ наукахъ. Обнимая въ своемъ обширномъ умѣ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, онъ ясно сознавалъ отличительный принципъ каждой науки. «Didici in mathematicis ingenio, in natura experimentis, in legibus humanisque autoritate, in historia testimoniis nitendum esse» [1]) — говоритъ онъ съ неподражаемой ясностью и опредѣленностью афоризма. (Я убѣдился, что въ математикѣ нужно опираться на умъ, въ естественныхъ наукахъ на опыты, въ человѣческомъ и божественномъ правѣ на авторитетъ, въ историческихъ наукахъ на свидѣтельства). Итакъ матеріалъ исторической науки заключается въ *свидѣтельствахъ*, и единственно вѣрный методъ въ ней состоитъ въ томъ, чтобы собирать этотъ матеріалъ какъ можно полнѣе и отличить тѣ свидѣтельства, которыя заслуживаютъ наиболѣе довѣрія, то-есть — въ „исторической критикѣ". Доходить до источниковъ требовалъ Лейбницъ въ такое время, когда историческія сочиненія представляли складочное мѣсто всевозможныхъ фактовъ, которые переходили на вѣру отъ одного писателя къ другому, гдѣ они были переполнены баснословными разказами и произвольными выводами. „Но теперь, говорилъ Лейбницъ, смѣются надъ историкомъ, который представляетъ только писца (qui n'est que copiste), который не приводитъ ничего оригинальнаго и не черпаетъ въ самомъ источникѣ; въ вопросахъ древности не придаютъ значенія позднѣйшимъ историкамъ, которые толкуютъ не приводя доказательствъ". Въ этихъ словахъ выражется не столько общій взглядъ того времени, сколько требованіе лучшихъ представителей исторической науки, и Лейбницъ такимъ образомъ становится для Германіи тѣмъ, чѣмъ были для Франціи Дюканжъ, авторъ знаменитаго словаря средневѣковой латыни, Балюзій, библіотекарь Кольбера и издатель капитулярій Карла Великаго, и Мабильонъ, отецъ дипломатики, то-есть, науки опредѣлять подлинность и время историческихъ грамотъ и документовъ: все это были его современники, которыхъ онъ лично уважалъ и съ которыми былъ въ перепискѣ [2]).

По мнѣнію Лейбница, всякая исторія недостовѣрна, если не осно-

---

[1]) Въ письмѣ къ Блуму 10. W. v. Leib. ed. O. Kl. T. V. p. 368.

[2]) Съ Дюканжемъ онъ переписывался о своемъ сочиненіи; для Балюзія онъ взялся, между прочимъ, списать въ Вѣнѣ одну старинную греческую рукопись съ многими сокращеніями, такъ какъ въ Вѣнѣ онъ не находилъ никого, кому можно бы было поручить такой трудъ. «Ибо, говоритъ Лейбницъ, въ Вѣнѣ мало обращаютъ вниманія на серіозныя занятія (studia interiora); молодежь занимается только схоластической философіей и практическимъ правомъ».

вывается на свидѣтельствѣ замѣчательныхъ людей и на документахъ. Послѣдніе составляютъ самый достовѣрный матеріалъ исторіи; они, такъ-сказать, сваи, на которыхъ возводится ея зданіе. Лейбницъ считалъ по этому главнымъ условіемъ для успѣшнаго хода исторической науки тщательное собираніе и изданіе памятниковъ, и онъ открылъ собою блестящій рядъ тѣхъ ученыхъ историковъ, которыми Германія можетъ теперь гордиться передъ всѣми другими странами.

Но историческая дѣятельность Лейбница находилась въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Виною этому было отчасти время, отчасти же его личное положеніе. Въ XVII вѣкѣ жизнь государствъ и народовъ отождествлялась съ судьбою царствующихъ домовъ, и оттого, естественно, исторія народовъ становилась собственно исторіей государей. Обвинять за это историковъ того времени было бы несправедливо, ибо они отвѣчали этимъ дѣйствительной потребности своего времени. Государственное и международное право приняли характеръ частнаго права между государями. Брачныя связи между ними, права, основанныя на родствѣ и на договорахъ о взаимномъ наслѣдіи (Erbverträge), частныя сдѣлки между ними составляли главныя основы для государственнаго и международнаго права. Мы, напримѣръ, указывали на то, что въ потерѣ лѣваго берега Рейна видѣли не ущербъ для нѣмецкаго народа или для Германской имперіи, но только для династій, которыя черезъ это лишались своихъ владѣній. Оттого родословіе составляло одинъ изъ главныхъ интересовъ при изученіи исторіи. Родословныя отношенія имѣли практическое значеніе. Многіе государи покровительствовали историческимъ занятіямъ только для того, чтобы разъяснить свои родословныя отношенія. При незрѣлости исторической науки и при отсутствіи критическаго вкуса и смысла, такое покровительство должно было породить самыя чудовищныя попытки. Въ XVII вѣкѣ сдѣлалось просто модой придавать всѣмъ династіямъ какъ можно болѣе древнее происхожденіе, просто сочинять для нихъ родословное древо. Этимъ занимались даже добросовѣстные и серіозные ученые. Такъ, Ламбекцій производилъ Габсбурговъ отъ римскихъ Аниціевъ, другіе производили ихъ отъ Сципіоновъ и Фабіевъ [1]); Рейнекцій производилъ Гогенцоллерновъ отъ Петра Колумбы, одного средневѣковаго римскаго патриція; Вейнгартенскій монахъ Буцелинъ производилъ Вельфовъ черезъ императора Лотаря II отъ Карла Великаго; другіе считали Вельфовъ черезъ маркграфа Ацона потомками

---

[1]) См. Гурауеръ — Жизнь Лейбн. Т. II, стр. 68.

римскихъ Акціевъ, а голландскій дворянинъ Дамайденъ, аббатъ С. Марія де-Кастро въ Венеціи, даже сочинилъ для Эрнста-Августа родословную таблицу, въ которой онъ прямо производилъ его отъ императора Октавіана и возстановилъ непрерывную родословную и хронологическую нить отъ построенія Рима до 1645 года. Рукопись его была украшена изображеніями гербовъ, монетъ, портретовъ и статуй.

И для Лейбница, какъ мы видѣли, исходной точкой историческихъ занятій былъ генеалогическій трудъ; только потому герцогъ согласился дать ему почти трехлѣтній отпускъ и содержаніе во время такого продолжительнаго путешествія, чтобы дать ему средства написать полезную и основательную исторію своего дома. Въ то время нужна была извѣстная доля гражданскаго мужества, чтобъ опровергнуть такія баснословныя, но льстивыя родословія и раскрыть ошибки такихъ историковъ, какъ Пигна и Фалети, которые писали о династіи Эсте.

Но Лейбницъ не могъ удовлетвориться узкими рамками такой задачи; подъ его рукой родословная Вельфскаго дома разрослась въ исторію Германской имперіи. Онъ хотѣлъ довести эту исторію до современныхъ событій. Его особенно интересовала новѣйшая исторія [1]). Онъ просилъ Пелиссона, исторіографа Лудовика XIV, сообщить ему документы и источники для современной исторіи, которые у него были подъ рукой, и Пелиссонъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе. Съ этой же цѣлью онъ старался выхлопотать себѣ доступъ въ Вѣнскій архивъ.

Если бы намѣреніе Лейбница написать исторію своего времени осуществилось, исторіографія обогатилась бы однимъ изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ сочиненій. Но чѣмъ болѣе времени Лейбницъ посвящалъ своему труду, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ сокращать объемъ его; 24 года онъ неутомимо работалъ надъ нимъ, и смерть все-таки не дала ему окончить этого труда. Почва исторической науки была слишкомъ мало подготовлена для такого труда. Ему одному приходилось дѣлать то, что теперь распредѣляется между многими. Онъ изслѣдовалъ всѣ архивы сѣверной Германіи, Саксонскіе, Бранденбургскій, особенно Вольфенбюттельскій, архивы монастырей и городовъ, издавалъ памятники, долженъ былъ исправлять хронологію и много времени посвятилъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, безъ которыхъ не могъ

[1]) Historiam antiquam rerum Brunsvicensium molior, писалъ онъ Блуму. Verum si ad nostra tempora veniendum esset, optarem universalius aliquid dari posse. Sed tunc majori apparatu opus erit, quam domi nostrae invenire possim. Ed. O. Kl. T. V, p. 368.

подвинуться впередъ его главный трудъ. Правда, ему дали помощника въ Экгартѣ, профессорѣ исторіи въ Гельмштедтскомъ университетѣ, въ сопровожденіи котораго онъ посѣщалъ архивы; но этой помощи было недостаточно.

Лейбницъ иногда тяготился своей безконечной задачей, которая отвлекала его отъ любимыхъ занятій математикой, философіей и правомъ, которая не давала ему времени поддерживать свою обширную переписку[1]), особенно же съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Эрнстъ-Аугустъ и преемникъ его Георгъ подсмѣивался надъ „невидимымъ" сочиненіемъ Лейбница и постоянно торопилъ его, недовольный тѣмъ, что не видитъ плода, такъ долго ожидаемаго и такъ дорого стоившаго его казнѣ. Отчасти, чтобъ успокоить курфирста, отчасти же, чтобы привести въ ясность громадный матеріалъ, Лейбницъ предпринялъ нѣсколько предварительныхъ изданій. Въ 1693 году онъ издалъ свой „Codex juris gentium diplomaticus", который содержалъ въ себѣ рѣдкіе, большею частью еще не изданные грамоты и договоры отъ XII до XV столѣтія. Онъ далъ своему сборнику названіе кодекса потому, что хотѣлъ выразить, что договоры должны имѣть въ международныхъ отношеніяхъ такое значеніе, какое имѣютъ законы въ отношеніяхъ частныхъ людей, хотя бы государи и нарушали эти договоры. Въ предисловіи къ „Кодексу" онъ излагаетъ свой взглядъ на естественное и международное право. Первоначально онъ хотѣлъ издать три тома своего сборника, но черезъ 7 лѣтъ онъ издалъ только прибавленіе къ первому тому: „Mantissa Codicis" и т. д. Роль простаго издателя ему не нравилась.

Банажу, полагавшему, что Лейбницъ имѣетъ въ виду полное изданіе всѣхъ дипломатическихъ актовъ, Лейбницъ отвѣтилъ: „Боже избави меня отъ этого. Я никогда не имѣлъ желанія разыгрывать писца. Въ этомъ случаѣ вы не найдете во мнѣ той страсти, которую приписываютъ Нѣмцамъ. И не думаете ли вы, что вашъ совѣтъ похожъ на совѣтъ человѣка, который хочетъ женить своего друга на злой женѣ. Ибо поручить трудъ, который бы занималъ человѣка цѣлую жизнь, это все равно, что женить его".

Интересенъ взглядъ Лейбница на исторіографію, который онъ высказываетъ по поводу своего изданія. Въ этомъ случаѣ нельзя не признать нѣкотораго вліянія его жизни при дворѣ. Онъ признаетъ два

[1]) Omnes meditationes mathematicas, philosophicas, juridicas, quas affectas habeo, seponere cogor. Itaque pendent etiam commercia litteraria — donec mihi reddar, писалъ онъ Микелото.

рода исторіографіи, публичную и тайную (historia anecdota), подобно Византійскому историку Прокопію, и сообразно съ этимъ двоякій законъ для историка. Въ публичной исторіи онъ долженъ руководствоваться правиломъ „не говорить ничего ложнаго“, а въ тайной „не скрывать ничего истиннаго“.

Въ предисловіи къ „Мантиссѣ“, Лейбницъ гордится тѣмъ, что убѣдилъ правительства въ пользѣ обнародованія документовъ, которые до тѣхъ поръ хранились во мракѣ архивовъ. Изъ Англіи, Скандинавіи, Франціи, Италіи и Германіи, говоритъ онъ, наперерывъ присылаютъ ему грамоты для его сборника.

Только Вѣну онъ не называетъ, и въ своихъ письмахъ онъ жалуется на Австрійское правительство: „хотя онъ трудится для блага имперіи и хотя давно не выходило книги, которая содержала бы въ себѣ столько доказательствъ въ пользу правъ и притязаній имперіи, онъ не получилъ никакой поддержки отъ императорскаго двора“. Въ 1696 году, Лейбницъ издалъ свою статью „О происхожденіи Германцевъ“ и съ слѣдующаго года началъ изданіе отдѣльныхъ лѣтописныхъ источниковъ Германіи, которые потомъ были собраны въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: „Accessiones historicae“.

Когда, вслѣдствіе изслѣдованій Лейбница въ архивахъ, разросся его лѣтописный матеріалъ, онъ предпринялъ свое большое изданіе лѣтописей, которыя вышли въ 3-хъ томахъ, подъ заглавіемъ „Scriptores rerum Brunsvicensium“, въ 1707, 1710 и 1711 годахъ. Сто пятьдесятъ семь средневѣковыхъ лѣтописей вошли въ этотъ сборникъ, который до знаменитаго изданія Перца въ наше время былъ однимъ изъ главныхъ пособій для изученія не только исторіи Германіи, но и всей западной Европы въ средніе вѣка. Къ каждому писателю прибавлены очень подробныя біографическія и критическія замѣчанія. Позднѣйшія изслѣдованія въ архивахъ и болѣе тщательная критика измѣнили взглядъ на многія частности, но въ цѣломъ можно удивляться проницательности и критическому такту Лейбница.

Среди этихъ изданій и другихъ занятій Лейбница, его большой трудъ подвигался медленно впередъ. Онъ отказался отъ первоначальнаго плана — довести свою исторію до новѣйшихъ временъ, и хотѣлъ заключить ее императоромъ Оттономъ IV, который былъ изъ Вельфскаго дома. Но онъ убѣдился, что и этотъ объемъ ему не по силамъ. Онъ рѣшился закончить свою исторію 1024 годомъ, смертью Генриха II, послѣдняго императора изъ Саксонскаго дома, отъ котораго по женской линіи происходили Вельфы. Такимъ образомъ ему пришлось бы

изложить родословную Брауншвейгскаго дома, такъ какъ маркграфъ Ацонъ, родоначальникъ его, родился при этомъ императорѣ. Дальнѣйшую же исторію Вельфскаго дома онъ хотѣлъ поручить своему помощнику Экгарту. Въ концѣ 1715 года онъ извѣстилъ министровъ, что первая часть его труда готова и что можно было бы приступить къ печатанію, но что ему хотѣлось бы окончить прежде вторую часть. Онъ выражалъ надежду, что это ему удастся въ теченіе слѣдующаго года, если Богъ дастъ ему здоровье. Печатаніе перваго тома отняло бы у него много времени, да притомъ дальнѣйшія занятія часто даютъ возможность пополнять и улучшать прежнее. Онъ хотѣлъ украсить изданіе своего сочиненія всею роскошью типографскаго искусства. „Изображенія на мѣди, писалъ онъ министрамъ Бернсторфу и Гёрцу, должны быть двоякія: одни требуютъ изящества, другія только точности. Первыя должны быть поручены великимъ художникамъ, и сюжеты слѣдуетъ для нихъ обозначить только въ общихъ чертахъ. Ко вторымъ относятся историческія карты, старинныя медали и надписи, оттиски старинняго письма и нѣкоторыхъ древнихъ грамотъ, старинныхъ печатей и т. д.; эта работа должна бы производиться на моихъ глазахъ, ибо она требуетъ большей точности. Поэтому было бы хорошо пригласить сюда особеннаго гравёра".

Въ началѣ 1716 г., Лейбницъ писалъ Муратори и извѣстному французскому библіографу Лелону, что надѣется въ теченіе года окончить свой трудъ и что ему осталось только изложить исторію 25-ти лѣтъ. Но работа подвигалась медленно: въ теченіе лѣта онъ дописалъ только исторію 3-хъ годовъ. Смерть прервала его занятія. Послѣднія слова его исторіи, написанныя за нѣсколько дней до смерти, были: „quos ex tenebris eruendos aliorum diligentiae relinquo" (высвободить ихъ изъ мрака я предоставляю прилежанію другихъ).

Но и послѣ смерти Лейбница, судьба его историческихъ трудовъ была особенно неблагопріятна. Ганноверскіе министры подвергли его сочиненіе просмотру, выпустили и измѣнили нѣсколько мѣстъ, напримѣръ, то, гдѣ говорится о королевѣ Прусской Софіи-Шарлоттѣ и по поводу Гильдегарды, жены Карла Великаго, прославленной поэтами своего времени, и поручили его изданіе Экгарту, который сдѣлался преемникомъ Лейбница въ званіи библіотекаря. Экгартъ счелъ нужнымъ прибавить примѣчанія на поляхъ и подвести точныя цитаты. Этотъ трудъ и затѣмъ другія многочисленныя изданія, имъ предпринятыя, отсрочили изданіе. Наконецъ, предисловіе и первые 15 параграфовъ сочиненія были уже напечатаны, какъ вдругъ удаленіе Экгарта изъ

Ганновера прервало начатое дѣло. Преемникъ Экгарта счелъ нужнымъ не только подвести цитаты, но и напечатать ихъ вполнѣ. Это опять отсрочило изданіе; преемникъ его Груберъ нашелъ, что въ такомъ видѣ сочиненіе Лейбница заняло бы 40 томовъ in-folio, и убѣдилъ Ганноверское правительство придерживаться плана Экгарта. Въ это время въ Ганноверъ прибылъ изъ Англіи Георгъ II. Онъ освѣдомился, въ какомъ состояніи находится сочиненіе Лейбница, и приказалъ прежде всего напечатать изслѣдованіе о происхожденіи Вельфовъ, которое было написано Экгартомъ по плану Лейбница и входило въ его большой трудъ.

Это изслѣдованіе было напечатано въ 1750-1753 г., въ 4 томахъ inf-olio, подъ заглавіемъ: „Origines Guelficae". Изданіе сочиненія Лейбница вслѣдствіе этого было опять отложено. Только чрезъ 100 лѣтъ, въ 1843 году, вышло оно наконецъ, благодаря стараніямъ Перца, знаменитаго издателя „Памятниковъ Германской исторіи", который въ то время былъ Ганноверскимъ библіотекаремъ. Оно вышло въ 3-хъ томахъ in 4° мелкой, сжатой печати съ немногими литографическими украшеніями подъ заглавіемъ, которое ему далъ Лейбницъ: „Annales Imperii Occidentis Brunsvicenses", ибо Лейбницъ избралъ для своего сочиненія, по примѣру знаменитаго Баронія, форму анналъ.

Извѣстное выраженіе, что „книги имѣютъ свое время", особенно относится къ историческимъ сочиненіямъ. Если бы трудъ Лейбница вышелъ во-время, онъ имѣлъ бы благодѣтельное вліяніе на развитіе исторической науки, и нѣсколько поколѣній черпали бы изъ него свое историческое образованіе. Въ наше же время онъ представляетъ только памятникъ многосторонней способности автора и патріотической дѣятельности его на полѣ исторіи и имѣетъ особенный интересъ для немногихъ спеціалистовъ.

Замѣчательно, что уже Лейбницъ обратилъ вниманія на связь, которая существуетъ между исторіей страны и ея геологическими и физическими свойствами. Онъ хотѣлъ предпослать своей исторіи Браунвейгскаго дома геологическое описаніе Ганновера, которое служило бы введеніемъ въ исторію страны. Его долголѣтнія занятія въ Гарцѣ принесли свои плоды, онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ минералогіи и геологіи своего времени. Но какъ онъ всегда отъ частнаго восходилъ къ общему и отъ изученія отдѣльнаго факта къ изслѣдованію закона, такъ и въ этомъ случаѣ геологическое описаніе Ганновера обратилось въ исторію образованія земнаго шара. Правда, Лейбницъ скромно называетъ свое сочиненіе только опытомъ, заклю-

чающимъ въ себѣ сѣмена новой науки, которую онъ предлагаетъ называть géographie naturelle; но это небольшое сочиненіе занимаетъ видное мѣсто въ исторіи геологіи и палеонтологіи. Полное заглавіе его: „Protogaea, seu de prima facie telluris et antiquissimae historiae vestigiis in ipsis naturae momentis", то-есть, „О первообразѣ земли и о слѣдахъ древнѣйшей ея исторіи въ дѣятельности самой природы". Онъ напечаталъ въ 1693 г. извлеченіе изъ него въ Лейпцигскомъ ученомъ журналѣ, самое же сочиненіе постигла участь большей части произведеній Лейбница: оно было издано долго послѣ его смерти — въ 1749 году [1]).

Лейбницъ написалъ свое сочиненіе по возвращеніи изъ путешествія и изложилъ въ немъ результатъ своихъ минералогическихъ и геологическихъ изслѣдованій въ Дальмаціи и въ Италіи. Эти наблюденія расширили его взглядъ и дали ему возможность дѣлать сравненія. Наблюденія, которыя онъ дѣлалъ въ окрестностяхъ Мантуи, напоминаютъ ему геологическія особенности почвы въ Росторфѣ близъ Геттингена. Но основаніе его труда составляютъ, какъ мы видѣли, наблюденія въ своемъ отечествѣ. „Дома, говоритъ онъ, у насъ зараждаются интересныя соображенія, подобно лучамъ общаго свѣта, и оттуда мы переходимъ къ изслѣдованіямъ другихъ странъ" [2]).

Какъ во всѣхъ остальныхъ изслѣдованіяхъ Лейбница, такъ и въ его трудахъ, касающихся естественной исторіи и геологіи, главная заслуга его заключается въ методѣ. Онъ умѣетъ воспользоваться самыми скудными фактами, и съ помощью своего строго логическаго и проницательнаго ума, своей привычки анализировать и приводить въ систему, такъ сгруппировать ихъ, чтобъ извлечь изъ нихъ самый важный результатъ. Оттого даже тамъ, гдѣ по недостатку матеріала или времени, онъ не можетъ представить ничего цѣльнаго и оконченнаго, Лейбницъ всегда указываетъ на сущность предмета и вы-

---

[1]) Оно имѣетъ теперь еще интересъ, не только для біографіи Лейбница, но и для исторіи геологической науки, какъ видно изъ того, что еще 8 лѣтъ тому назадъ одинъ французскій геологъ издалъ его во французскомъ переводѣ, съ введеніемъ, въ которомъ онъ обсуждаетъ заслуги Лейбница въ геологіи и палеонтологіи: «Protogée, ou de la formation et des révolutions du globe par Leibnitz, trad. par Bertrand de Saint-Germain. Paris, 1859». Объ этихъ заслугахъ см. еще Ehrenberg—Rede über Leibnizens Methode, Verhältniss zur Naturforschung u. s. w. Berl. 1845.

[2]) Domi nobis insignes conjecturae, et velut radii nascuntur publicae lucis, unde ad caeteras regiones aestimatio procedat.

ставляетъ на видъ, какъ бы мимоходомъ, тѣ плодотворныя идеи, на дальнѣйшемъ развитіи которыхъ основана будущность науки.

Въ его геологическомъ опытѣ мы встрѣчаемъ двѣ такія плодотворныя идеи: вопервыхъ, мысль, что причиной всѣхъ геологическихъ переворотовъ земнаго шара два дѣятеля — огонь и вода; вовторыхъ, что ископаемые остатки растительнаго и животнаго царствъ, которые находятся въ различныхъ слояхъ земли, должны служить основаніемъ при изученіи исторіи земнаго шара.

Чтобы лучше понять значеніе этихъ двухъ идей, мы должны вспомнить, въ какомъ состояніи находилась геологическая наука во время Лейбница. Вся исторія этой науки до нашего времени заключается въ борьбѣ двухъ системъ, изъ которыхъ одна объясняла всѣ геологическіе перевороты дѣйствіемъ огня, во всемъ видѣла *плутоническія* явленія, а другая объясняла ихъ дѣйствіемъ воды—*нептуническія* явленія. Начало этого спора относится ко времени, предшествовавшему Лейбницу. Еще въ 1575 году знаменитый Палисси, по ремеслу простой горшечникъ, умѣвшій возвести это ремесло, силою таланта, на степень художества и, какъ нерѣдко бывало въ то время, соединявшій искусство съ наукой, высказалъ въ своей космогоніи на сильномъ, рельефномъ языкѣ того времени мнѣніе, что горы и слои земной почвы произошли изъ осадковъ воды [1]).

Черезъ нѣсколько времени, соотечественникъ Палисси, Декартъ, высказалъ противоположный взглядъ. По мнѣнію этого философа, вещество матеріи вездѣ и всегда одно и то же. Различія ея происходятъ только отъ движенія, которое заставляетъ отдѣльныя частички ея принимать различныя формы и свойства. Матерія въ самой тонкой своей формѣ, представляла *огненную* стихію, которая, будучи приведена въ движеніе, образовала тѣ огненные шары, которые наполняютъ міроздание. Огненная стихія отъ силы движенія выбрасывала на поверхность болѣе грубыя частички, находившіяся въ ней, и онѣ образовали пятна, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ на солнцѣ. Если огонь довольно силенъ, онъ уничтожаетъ эти пятна; если же онъ слишкомъ слабъ, то эти пятна увеличиваются и образуютъ наконецъ *твердую кору* вокругъ огненнаго зерна своего. Такимъ образомъ земля, по мнѣнію Декарта, есть солнце [2]), вокругъ котораго на-

[1]) «Quand tu auras bien examiné toutes choses par les effets du feu, tu trouveras mon dire véritable, et me confesseras, que le commencement et origines de toutes choses est *eau*».

[2]) Bertrand de Saint-Germain, p. XXIV и д.

росла кора; внутренній огонь иногда разрушалъ эту кору, и отъ его вліянія образовались на поверхности земли тѣ шероховатости и неровности, которыя представляются намъ горами.

Всѣ позднѣйшіе геологи примкнули къ одной изъ этихъ системъ. Между ними одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ Голштинецъ Стенонъ, съ которымъ мы познакомились въ предшествовавшей главѣ при дворѣ Іоганна-Фридриха. Стенонъ обратилъ особенное вниманіе на ископаемыхъ и въ своемъ сочиненіи: «De solido intra solidum naturaliter contento» выставилъ слѣдующія положенія: что ископаемыя должны были существовать раньше тѣхъ скалъ и слоевъ, въ которыхъ они заключаются; что слоеобразныя формаціи, представляющія совершенную аналогію съ осадками воды, должны были образоваться путемъ осажденія. Онъ считаетъ слои, въ которыхъ не находится ископаемыхъ, болѣе древними, чѣмъ тѣ, гдѣ они встрѣчаются. Доказывая, что всѣ слои, которые образовались путемъ осажденія, должны были бы находиться въ горизонтальномъ положеніи, но что, напротивъ, они встрѣчаются по бокамъ горъ, онъ выводитъ изъ этого, что они были приподняты силою воспламенившихся подземныхъ паровъ (halituum), которые искали себѣ выхода на поверхность земли.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, какъ Лейбницъ написалъ свою Протогею, вышло сочиненіе Ѳомы Бёрнета: „Theoria sacra Telluris“, въ которомъ ученый епископъ старался примирить новѣйшія геологическія теоріи съ буквальнымъ смысломъ Моисеева повѣствованія. По его мнѣнію, вся земля представляла сначала жидкую массу. Твердыя частички собрались мало по малу около центра и образовали зерно, которое было окружено водою. На поверхности воды плавало жирное вещество, которое, смѣшиваясь съ нечистотами атмосферы, образовало слой земли, довольно плотный, чтобы поддержать первыхъ обитателей земли. Такъ какъ этотъ слой не имѣлъ такой твердости какъ настоящая поверхность земли, то онъ легче проникался солнечными лучами и потому заключалъ въ себѣ удивительную плодородность. Это былъ садъ наслажденій — Эдемъ. Но постепенно высыхая и твердѣя подъ палящимъ зноемъ солнца, онъ сталъ трескаться; громадные обломки его, низвергаясь въ окружающую бездну, подняли уровень воды и вызвали потопъ. Въ послѣдствіи часть воды высохла, остальная собралась въ низменныхъ частяхъ земнаго шара, и съ тѣхъ поръ поверхность земли представляетъ горы и долины, моря и материки. Объясняя происхожденіе земли водою, Бёрнетъ приписывалъ конецъ ея

огню или внутреннему, или солнца, которое притянетъ земной шаръ въ своей огненный вихрь.

Лейбницъ не раздѣляетъ фантастическихъ представленій Бёрнета и односторонности своихъ предшественниковъ. Онъ заимствовалъ у нихъ то, что онъ одобрялъ, и первый ясно высказалъ положеніе, что для объясненія геологическихъ переворотовъ земнаго шара одинаково необходимы огонь и вода.

Онъ придерживается теоріи Декарта, что земля, подобно другимъ небеснымъ тѣламъ, представляла огненный шаръ, который постоянно остывалъ, такъ что на поверхности его образовалась твердая кора. Но онъ подтверждаетъ это мнѣніе фактическими доказательствами. Онъ разсматриваетъ нѣкоторыя горныя породы и видитъ въ нихъ произведеніе огня. Онъ сравниваетъ происхожденіе ихъ съ процессомъ, посредствомъ котораго выплавляется стекло. Скалы представляютъ шлакъ, который остается, когда плавятъ стекло; песокъ есть самое стекло, но только силою движенія растертое въ мелкій порошокъ. Въ доказательство этого Лейбницъ приводитъ то, что во внутренности скалъ и горъ встрѣчаются металлическія руды, которыя по своему расположенію и по своимъ химическимъ свойствамъ ясно указываютъ на дѣйствія огня и напоминаютъ произведенія нашихъ плавиленъ. Лейбницъ, такимъ образомъ, устранялъ мнѣніе тѣхъ, которые полагали, что минералы и металлы возникаютъ внутри земли изъ сѣмянъ и растутъ подобно произведеніямъ растительнаго царства. Вообще одно изъ преимуществъ Лейбницева труда состоитъ въ томъ, что онъ прибѣгаетъ къ химіи для объясненія геологіи; онъ уподобляетъ дѣйствія природы съ искусственными химическими процессами и называетъ природу большою лабораторіей. Это былъ важный шагъ впередъ. При неразвитости тогдашней химіи, Лейбницъ не могъ избѣжать ошибокъ, но онъ указалъ тотъ путь, на которомъ теперь достигаются самые важные результаты геологіи.

Въ то время, когда земной шаръ находился въ раскаленномъ состояніи, влага окружала его въ видѣ паровъ; но по мѣрѣ того какъ онъ остывалъ, вода осаждалась; она всасывала въ себя соленыя вещества, легко растворяемыя, собиралась въ низменностяхъ земнаго шара и образовала моря. Когда земной шаръ остывалъ, подъ его корой образовывались громадныя выпуклости, въ которыхъ набирались вода и воздухъ. Остывая, земная кора стягивалась неравномѣрно и вслѣдствіе этого происходили большія трещины. Стѣны этихъ выпуклостей въ иныхъ мѣстахъ опускались, и тамъ происходили долины; въ другихъ

же мѣстахъ онѣ оставались неподвижны, и тамъ возникали горы. Вода убѣгала въ отверстія земнаго шара, но отъ дѣйствія воздуха и газовъ часто поднималась вверхъ, разбивала земную кору и производила громадные потопы, которые оставляли послѣ себя осадки. Такимъ образомъ поверхность земнаго шара подвергалась частымъ измѣненіямъ, одинъ слой покрывался другимъ, пока, наконецъ, не установилось равновѣсіе дѣйствующихъ силъ и спокойствіе на землѣ.

Итакъ, Лейбницъ ясно различаетъ слои двоякаго рода: волканическіе и нептуническіе. Главное отличительное свойство послѣднихъ составляютъ ископаемыя. Лейбницъ посвящаетъ бо̀льшую половину своего труда описанію немногихъ извѣстныхъ ему ископаемыхъ съ точными изображеніями ихъ и доказываетъ, что они дѣйствительно принадлежатъ къ остаткамъ растительнаго и животнаго царствъ. Тогда еще не совсѣмъ прошло то время, когда ископаемыя подавали поводъ къ самымъ страннымъ предположеніямъ. Одни видѣли въ нихъ „игру природы", ошибки пластическихъ силъ природы; другіе даже приписывали ихъ различнымъ геніямъ и подземнымъ существамъ. Знаменитый живописецъ Леонардо-да-Винчи былъ однимъ изъ первыхъ, который не хотѣлъ приписать происхожденіе ихъ вліянію звѣздъ, и объяснялъ тѣмъ, что это слѣды наводненія. Въ томъ же XVI столѣтіи монахъ и медикъ Фракасторъ поддерживалъ то же самое мнѣніе, противъ приверженцевъ пластической силы природы. Въ 1670 году одинъ сициліянскій живописецъ Сцилла издалъ первое описаніе ископаемыхъ съ точными изображеніями, на которомъ онъ сопоставлялъ ископаемыя съ ихъ оригиналами. Но въ обществѣ господствовали еще прежнія убѣжденія. Даже извѣстный Конрингъ, который удивлялъ современниковъ своей многосторонней ученостью, объяснялъ ископаемыя „дѣйствіемъ геніевъ, которые забавлялись вычурными формами минераловъ [1])".

Лейбницъ возстаетъ противъ „дѣтскихъ сказокъ, серіозно разказанныхъ въ сочиненіяхъ Кирхера, Бекера и другихъ писателей, столь же пустыхъ сколько легковѣрныхъ". Онъ объясняетъ различіе, которое существуетъ между настоящими ископаемыми растеніями и животными и тѣми явленіями, которыя дѣйствительно можно приписать случайной игрѣ природы „или же вѣрнѣе игрѣ людскаго воображенія". Онъ приводитъ въ примѣръ, что нѣкоторые находятъ изображеніе Христа и Моисея, на стѣнахъ пещеры Баумана въ Гарцѣ, Аполлона и

---

[1]) Лейбницъ, въ 29-й главѣ Протогеи.

музъ — въ венахъ агата, папы и Лютера — на Эйслебенскомъ камнѣ, портреты различныхъ историческихъ лицъ — въ одномъ драгоцѣнномъ камнѣ, который показывалъ какой-то Эйлеръ изъ Гамбурга. Всѣ подобныя историческія и миѳологическія сцены остаются незамѣченными безъ помощи сильнаго воображенія, или если другіе не обратятъ на нихъ нащего вниманія. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію настоящихъ ископаемыхъ и съ помощью точныхъ изображеній сравниваетъ ихъ съ оригиналами. Иногда, говоритъ онъ, мы не находимъ для нихъ типовъ между существующими теперь животными; „но кто изслѣдовалъ бездну океана — сколько неизвѣстныхъ намъ породъ найдено въ новомъ свѣтѣ? И наконецъ, не слѣдуетъ ли признать, что во время великихъ переворотовъ земнаго шара, большое число животныхъ формъ подверглось измѣненіямъ“ [1]).

Мы обращаемъ вниманіе читателей на эту гипотезу Лейбница о естественномъ измѣненіи животныхъ породъ во время геологическихъ переворотовъ. Скудостъ научнаго матеріала не давала ему возможности достигнуть болѣе положительныхъ результатовъ. Его трудъ остался эскиссомъ. Но это-то и даетъ Лейбницу, по выраженію ученаго Эренберга [2]), право занимать почетное мѣсто между естествоиспытателями, что онъ созналъ необходимость сначала увеличить матеріалъ спеціальнымъ изученіемъ частностей: „Послѣдующія поколѣнія, говоритъ онъ, все это лучше опредѣлятъ, когда любознательность людей достигнетъ того, что они начнутъ описывать по странамъ различныя свойства и слои, тамъ преобладающіе“. Или: „Не въ нашей власти узнать истину, когда у насъ недостаточно фактовъ; но мы можемъ, если имѣемъ время обо всемъ хорошенько размыслить, предостеречь себя отъ ошибокъ съ помощью логики, и еслы мы усовершенствуемъ логику найдти все, что̀ можно извлечь изъ фактовъ. А гдѣ недостаетъ фактовъ, можно по крайней мѣрѣ замѣтить, какихъ намъ недостаетъ“. Лейбницъ не даромъ хотѣлъ предпослать Протогею своему великому историческому труду. Онъ понялъ, какая тѣсная связь существуетъ между исторіей земнаго шара и древнѣйшей исторіей человѣческаго рода. Вотъ заключительныя слова его Протогеи: „Такимъ образомъ природа восполняетъ для насъ пробѣлы нашей исторіи; въ свою очередь наша исторія оказываетъ природѣ ту услугу,

[1]) Протогея, гл. 26-я.

[2]) Diese den Philosophen zum Naturforscher stempelnde Stelle heisst и т. д. Ehrenberg — Rede, p. 8.

что увѣковѣчиваетъ въ потомствѣ знакомство съ знаменитыми твореніями ея“.

До сихъ поръ мы говорили только о серіозной сторонѣ дѣятельности Лейбница при Ганноверскомъ дворѣ; въ заключеніе этой главы мы скажемъ нѣсколько словъ объ участіи, которое онъ принималъ въ увеселеніяхъ этого двора. Жизнь при Ганноверскомъ дворѣ въ концѣ XVII вѣка представляла смѣсь французскаго вліянія съ обычаями нѣмецкой старины. Этикетъ, придворный штатъ и увеселенія были устроены по французскому образцу; но многочисленность блюдъ, которыя подавались за герцогскій столъ, извѣстная „буржуазность“, отчасти объясняющаяся недостаткомъ средствъ, и патріархальная грубость, прорывавшаяся иногда среди французской утонченности, напоминали прежнее время.

Иностранцы, которые пріѣзжали въ Ганноверъ, очень хвалятъ тамошній дворъ. „Ганноверскій дворъ, говоритъ Толандъ, находится въ самомъ лучшемъ состояніи; комнаты во дворцѣ очень чисто и богато меблированы. Тамъ есть хорошенькій театръ съ красивыми ложами. Никто изъ придворныхъ и изъ жителей города не платитъ за мѣста: курфирстъ содержитъ весь театръ на свой счетъ, какъ это дѣлается и при другихъ дворахъ Германіи. Опера же во дворцѣ посѣщается всѣми пріѣзжими какъ рѣдкость, ибо по украшеніямъ и по устройству она лучшая въ Европѣ. Капелла курфирста также украшена хорошей живописью. Дворъ вообще отличается хорошимъ тономъ и считается однимъ изъ лучшихъ въ Германіи относительно тона и великолѣпія. Иностранцы, имѣющіе пріѣздъ ко двору, удивляются вѣжливости и непринужденности въ обращеніи и господствующей здѣсь свободѣ, которою однако никто не злоупотребляетъ. Въ обыкновенное время, всякій порядочный человѣкъ (of fashion) имѣетъ право прійдти во дворецъ; и если онъ знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя при дворѣ, онъ можетъ обо всемъ говорить съ самой курфирстиной. Придворныя дамы отлично воспитаны, вѣжливы и большею частью красивы. Статсъ-дамы курфирстины отлично исполняютъ свою роль“.

Дворъ Эрнста-Аугуста былъ довольно многочисленъ; въ 1694 году число придворныхъ и слугъ составляло 307. Эти триста лицъ получали однако только 37.000 талеровъ жалованья. Лошадей при дворѣ держали 600. Роскошь при Ганноверскомъ дворѣ быстро увеличивалась. Свита, которая сопровождала наслѣдняго принца Георга во время похода 1690 года состояла изъ, 90 лицъ, камердинеровъ, поваровъ, ку-

черовъ и пр.; между ними мы встрѣчаемъ 2 кандитеровъ, 1 мясника, 1 пастуха, наконецъ, особеннаго повара для фаршированія каплуновъ (Kapaunenstopfer). Для перевозки этой свиты нужно было всякій разъ 150 лошадей.

Эрнстъ-Аугустъ издалъ для своего двора табель о рангахъ, по которой всѣ служащіе, военные и статскіе, раздѣлялись на 10 классовъ. Онъ издалъ также подробныя инструкціи для каждой придворной должности [1]).

Каммерфурьерамъ, напримѣръ, было приказано смотрѣть за тѣмъ, чтобы за герцогскимъ столомъ не было не приглашенныхъ лицъ. Если это случалось въ первый разъ, фурьеры должны были имъ вѣжливо замѣтить, чтобъ они въ другой разъ не являлись; если же это повторялось, то должны были выпроводить ихъ, и смотря по обстоятельствамъ, «mit einem härteren Tractament ansehen». Если это были чиновники, то съ нихъ слѣдовало вычесть за недѣлю столовыя деньги и раздать ихъ бѣднымъ. Если же это были ремесленники или простолюдины, то ихъ слѣдовало палкой прогнать и посадить подъ арестъ до дальнѣйшей расправы.

Въ инструкціи виночерпію было сказано, чтобы хорошія и дорогія вина, шампанское и бургонское, онъ ставилъ только на столъ курфирста и наслѣднаго принца, на прочіе же столы (bei denen adligen Nebentafeln) ставилъ простыя нѣмецкія вина; впрочемъ, смотрѣлъ бы за тѣмъ, чтобъ они были хороши, — «damit Niemand Ursach habe, bei den Tafeln spitzige und verdriessliche Reden zu führen», что не будетъ оставлено безнаказаннымъ.

Главному кухмистеру было вмѣнено въ обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы не тратилось ничего лишняго и чтобы блюда изъ герцогской кухни не разносились, куда не слѣдовало. „Если кто-нибудь изъ благородныхъ дамъ при дворѣ явно заболѣетъ и будетъ нуждаться въ особенной пищѣ, то доставлять ей таковую, но не больше какъ для нея нужно и какъ принято при дворѣ“. Если же заболѣетъ кто-нибудь изъ мужчинъ, которые обѣдаютъ за герцогскимъ столомъ, то не посылать ему кушаній, но выдавать столовыя деньги, «danebenst soll aber auch zu seiner Labung aus der Küche die Bouillons, und aus dem Keller ein extraordinairer Trunk Wein und Bier nicht versaget werden».

---

[1]) Malortie—Der Hannoversche Hof unter dem Kurfürsten Ernst-August e. t. c. Hann. 1847.

Въ одномъ письмѣ къ герцогу Лейбницъ жалуется, что обѣды при дворѣ вредны для его здоровья, и проситъ отпускать ему столовыя деньги [1]).

Содержаніе двора стоило при Эрнстѣ-Аугустѣ 263.500 талеровъ ежегодно, при чемъ 84.000 тал. тратилось на одну кухню, и несмотря на это, въ 1692 году въ счетахъ кухни оказалась передержка въ 24.000 тал. Этикетъ, который соблюдался при пріемѣ иностранныхъ пословъ и государей, былъ въ высшей степени утонченный и педантичный. Всякаго государя, который приближался къ границамъ спрашивали, какого онъ желаетъ пріема, торжественнаго или полуторжественнаго. Въ точности было опредѣлено, какъ его встрѣчать на границѣ, на сколько станцій выслать лошадей, гдѣ его должны встрѣтить курфирстъ или наслѣдный принцъ. Какъ строго соблюдался въ то время этикетъ, можно видѣть изъ описанія встрѣчи курфирста Ганноверскаго и Карла, сына императора Леопольда [2]). Карлъ былъ провозглашенъ Испанскимъ королемъ и спѣшилъ въ Голландію, чтобъ оттуда переправиться въ Испанію. Курфирстомъ тогда былъ уже Георгъ I. Онъ послалъ впередъ къ Карлу въ Саксонію графа Платена, чтобы пригласить его остановиться въ Ганноверѣ. Въ инструкціи графу было поручено *поторговаться* съ оберъ-гофмейстеромъ Карла насчетъ церемоніала. Между прочимъ, онъ долженъ былъ предложить, что при свиданіи государи будутъ обѣдать за *овальнымъ* столомъ, такъ что Карлъ займетъ верхнее мѣсто, курфирстъ же и его старшій сынъ сядутъ въ „соразмѣрномъ разстояніи отъ его величества". Если же это предложеніе не будетъ принято, и оберъ-гофмейстеръ потребуетъ угольнаго стола, то согласиться и предложить, чтобы Карлъ сидѣлъ одинъ за широкой стороной стола, курфирстъ же съ сыномъ на двухъ узкихъ сторонахъ. Если оберъ-гофмейстеръ изъявить притязаніе, чтобы Карлъ разыгривалъ роль хозяина, такъ чтобы, напримѣръ, за столомъ служила его свита, то отъ имени курфирста выразить надежду, что Карлъ сдѣлаетъ ему честь и позволитъ быть хозяиномъ въ его собственной странѣ (die honneurs allda völlig zu machen), и привести въ примѣръ, что самъ императоръ, его отецъ, такъ поступилъ при свиданіи съ своимъ тестемъ герцогомъ Пфальцъ-Нейбургскимъ. Если ко-

---

[1]) Pour ce qui est du Kostgeld, il n'y a principalement que la considération de ma santé, qui m'y oblige, laquelle reçoit de grandes atteintes de cette manière de vivre en cour, à laquelle je ne suis pas accoutumé. W. v. L. ed. O. Kl. T. V. p. 78.

[2]) Оффиціальное описаніе этой встрѣчи издано у Малорти.

роль потребуетъ, чтобы курфирстъ или наслѣдный принцъ подали ему салфетку, то выразить, что никто изъ королей, пріѣзжавшихъ въ Ганноверъ, и даже король Англійскій Вильгельмъ, этого никогда не требовали.

Но Габсбурги, какъ извѣстно, были очень неуступчивы въ церемоніалѣ. Оберъ-гофмейстеръ Карла настоялъ на томъ, что хотя бы они и находились во владѣніяхъ курфирста, за столомъ должна служить австрійская прислуга. Кушанья были приготовлены ганноверскими поварами, поваръ же Карла приготовилъ нѣсколько блюдъ для него одного. При свиданіи государей большое вниманіе было обращено на то, какъ разставить кресла. Кресла для курфирста и для его сына были поставлены не лицомъ къ креслу Карла, но бокомъ и другъ противъ друга. Положеніе ихъ было срисовано, чтобы служить примѣромъ въ будущемъ, и весь пріемъ былъ тщательно описанъ.

Испанія тогда была занята Французами. Карлъ долженъ былъ отвоевать у нихъ свое королевство. Онъ спѣшилъ въ походъ, и несмотря на это, свита и прислуга его состояли изъ 183-хъ человѣкъ и для перевозки ихъ было необходимо 56 экипажей, 326 почтовыхъ и 28 верховыхъ лошадей.

Когда въ Ганноверъ пріѣзжали иностранные послы и государи, тамъ не жалѣли издержекъ, чтобы сдѣлать пріемъ какъ можно болѣе роскошнымъ и великолѣпнымъ. Особенно хорошо были приняты англійскіе послы: лордъ Меклесфильдъ, который привезъ Софіи актъ парламентовъ, признавшій ее наслѣдницей англійскаго престола, и лордъ Галифаксъ. Не только все посольство, состоявшее изъ 30 — 40 человѣкъ, но и всѣ пріѣхавшіе въ Ганноверъ Англичане за все время ихъ пребыванія получали отъ двора даровое содержаніе и угощеніе. Всѣмъ жителямъ Ганновера было приказано не брать денегъ ни съ одного Англичанина за пищу или питье. При отъѣздѣ всѣ члены посольства получили великолѣпные подарки, посланникъ, между прочимъ — портретъ Софіи, осыпанный брилліантами, которые стоили нѣсколько тысячъ ф. стер.

Съ родственниками, впрочемъ, въ Ганноверѣ обращались проще. Когда герцоги Вольфенбюттельскіе и Люнебургскіе пріѣзжали туда на масляницу повеселиться, они должны были на свой счетъ содержать своихъ лошадей и высылать туда сѣно, солому и овесъ.

Въ своихъ увеселеніяхъ ганноверскій дворъ подражалъ Франціи [1]).

La cour de Hannover — сказано въ *Mercure Galant* 1684 г., издававшемся

Еще будучи епископомъ Оснабрюкскимъ Эрнстъ-Аугустъ содержалъ вмѣстѣ съ своими братьями французскую труппу, которая попеременно играла въ ихъ столицахъ. Когда онъ сдѣлался герцогомъ Ганноверскимъ, онъ устроилъ тамъ постоянный французскій театръ. Въ Италіи онъ пристрастился къ оперѣ. Онъ устроилъ у себя италіянскую оперу и пригласилъ для нея изъ Мюнхена италіянскаго капельмейстера Стефани, который потомъ пріобрѣлъ нѣкоторое вліяніе въ политическихъ дѣлахъ, а изъ Италіи—примадонну Маргериту, называвшуюся Margherita bella. Напрасно лютеранскіе пасторы возставали противъ этихъ увеселеній и ратовали противъ нихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Для оперы и балетовъ были устроены дорогія театральныя машины, съ помощью которыхъ въ одной оперѣ представляли: хаосъ, стихію, облако, молнію и пр. Постановка одной этой оперы стоила 5.000 тал. Но главное веселье въ Ганноверѣ было празднованіе карнавала, которое продолжалось иногда цѣлый мѣсяцъ. Эти празднества пріобрѣли такую славу въ Германіи, что многіе государи пріѣзжали на нихъ смотрѣть, и ландграфъ Гессенскій Эрнстъ однажды отправилъ нарочнаго въ Ганноверъ, чтобы составить для него точное описаніе тамошнихъ празднествъ. Во время карнавала торжественные обѣды, балы, маскарады и балеты, въ которыхъ принималъ участіе дворъ, быстро смѣнялись одинъ другимъ. Маскарады или такъ-называемые Wirthschaft были, впрочемъ, любимымъ увеселеніемъ ганноверскаго двора и во всякое другое время. Въ *Mercure Galant* [1]) описанъ одинъ изъ такихъ маскарадовъ, который былъ устроенъ въ честь принцессы Софіи-Шарлотты.

Нѣсколько молодыхъ людей, des plus qualifiés, переодѣлись въ индійскихъ принцевъ, которыхъ Амуръ представилъ принцессѣ. Шествіе открывалось двумя зефирами, которые пѣли діалогъ въ стихахъ, начинавшійся словами:

Animons nos voix
Et disons cent fois:
Il n'est rien dans la vie
De plus beau que Sophie.

Затѣмъ появлялись одинъ за другимъ индійскіе принцы: баронъ Гротъ, графъ и графиня Платенъ и пр., пѣли речитативъ и аріи, а

въ Парижѣ—qui suit toutes les manières de France, l'imite aussi dans ses divertissements.

[1]) Vehse — Gesch. d. Höfe d. Haus. Braunschweig. T. I, p. 137.

графиня Платенъ протанцовала жигу (une gigue) и т. д. Послѣ того зефиры опять начали пѣть:

Chantons, dançons, tout est tranquille
Dans cet agréable séjour.
Ah, le charmant azile!
N'y parlons que de jeux, de plaisirs et d'amours.

Всѣ присутствующіе взяли въ руки тамбурины, „чтобы лучше выразить свое удовольствіе" и такъ далѣе. Во время пріѣзда ландграфа Гессенскаго былъ устроенъ маскарадъ, для котораго участники должны были костюмироваться по жребію. Ландграфъ одѣлся Марсомъ, супруга его — богиней, принцесса Курляндская — индійской принцессой, герцогъ Ганноверскій — арлекиномъ, герцогиня Софія надѣла женскій костюмъ, который носили 300 лѣтъ тому назадъ. Всѣ маски отправились въ Герренгаузенъ, гдѣ былъ устроенъ турниръ. Кавалеры, одѣтые въ холщевомъ платьѣ съ отдѣлкой изъ сѣна, сидѣли на лошадяхъ безъ сѣдла и длинными копьями, на концѣ которыхъ былъ кружокъ, старались опрокинуть другъ друга съ лошади. Когда маски возвращались, принцъ Августъ ѣхалъ верхомъ на ослѣ, а спиной къ нему сидѣлъ одинъ изъ мужчинъ, одѣтый дѣвушкой.

Во время этихъ празднествъ иногда устранялся всякій этикетъ между членами царствующихъ домовъ. Иногда также маскарады устраивались въ городской ратушѣ, и тогда входъ былъ открытъ для всѣхъ маскированныхъ. Посланный ландграфа Эрнста, который описываетъ одинъ изъ такихъ маскарадовъ, говоритъ въ своемъ донесеніи, что въ одномъ мѣстѣ танцовали члены герцогской фамиліи и придворные, а въ двухъ другихъ: „allerhand Canailles mit seltzsamen Springen und abschewlichen gesichtern und Vermummungen" [1]).

Лейбницъ принималъ иногда участіе въ этихъ празднествахъ; онъ придумывалъ сюжеты для маскарадовъ и сочинялъ стихи для сценъ, которыя представлялись при дворѣ. Одно изъ такихъ представленій пріобрѣло особенную извѣстность и было описано самимъ Лейбницемъ. Это „пиръ Трималціона", который былъ разыгранъ въ Ганноверѣ во время карнавала 1702 года. Этотъ сюжетъ былъ выбранъ, какъ говоритъ Лейбницъ, „чтобы разнообразить удовольствія чѣмъ-нибудь остроумнымъ, напоминающимъ вкусъ древнихъ". Вѣроятно, самъ Лейбницъ выбралъ этотъ сюжетъ, по крайней мѣрѣ вся обстановка, требовавшая большихъ историческихъ познаній, была придумана имъ, и имъ

[1]) Malortie, p. 157.

же сочинена часть стиховъ. Трималціонъ, забавный герой — римскій Фальстафъ. Этотъ типъ заимствованъ у Петронія, писателя того времени, когда роскошь и утонченность довели Римлянъ до цинизма. Мы даемъ краткое описаніе этого представленія не столько потому, что оно забавно, сколько потому, что оно характеристично для своего времени и для того общества замѣчательныхъ людей, которые находили въ немъ удовольствіе. При этомъ описаніи намъ приходится многое смягчить и опустить, что тогда не казалось не приличнымъ.

Роль Трималціона взялъ на себя раурафъ Карлъ-Морицъ, племянникъ Софіи. Прочіе участники были: Гортензіо Мауро, который игралъ роль поэта Евмолпа, Лейбницъ, извѣстная уже намъ Мелузина фонъ-Шуленбургъ, другая любовница курфирста графиня Кильмансекъ, маркизъ Квирини, камеръ-юнкеръ курфирста, наконецъ, фрейлина королевы Прусской — Пёльницъ, о которой намъ прійдется еще много говорить. Она играла роль Фортунаты, жены Трималціона. Между гостями Трималціона были еще самъ курфирстъ Георгъ (это было уже послѣ смерти Эрнста-Аугуста), сестра его Софія-Шарлотта и братъ Эрнстъ-Аугустъ. Прочіе члены Ганноверскаго дома были только зрителями.

Зала была украшена буфетомъ, на которомъ стояло много серебряной и хрустальной посуды, наполненной винами и другими напитками. Столъ былъ накрытъ по римскому обычаю; вмѣсто стульевъ для гостей были приготовлены ложа. Въ срединѣ стола были поставлены девять „парадныхъ блюдъ". Одно изъ нихъ состояло изъ живыхъ рыбъ, плававшихъ въ сосудѣ, въ который два сатира постоянно вливали воду. По бокамъ его двѣ корзины, покрытыя соломой, на которой курица сидѣла на яйцахъ. Затѣмъ оселъ, ноша котораго состояла изъ двухъ мѣшковъ салата и оливокъ. Зажаренный заяцъ съ крыльями въ видѣ Пегаза. Паштетъ съ живыми птицами, которыя были выпущены, когда Трималціонъ освободилъ своихъ рабовъ. Голова кабана и ёжъ, сдѣланный изъ айвы, съ воткнутыми въ нее палочками корицы. По бокамъ стола стояло множество настоящихъ кушаній. Въ залѣ помѣщался оркестръ, а стѣны были украшены воинственными трофеями и девизами съ надписями на разныхъ языкахъ. Подъ оружіемъ Трималціона была надпись:

Harnais victorieux, que le vin a salis,
Plus que le sang des ennemis.

Одинъ изъ девизовъ представлялъ паука въ паутинѣ съ надписью:

Je m'embrouille souvent dans mes subtilités.

Другой девизъ — попугая съ надписью:

On l'aime, il plaist, et ne sait ce qu'il dit и т. д.

Всѣ гости были въ римскомъ костюмѣ, мужчины съ лавровыми вѣнками и гирляндами изъ цвѣтовъ на головѣ. Когда королева вошла съ братьями, одинъ изъ рабовъ закричалъ: „правую ногу впередъ", ибо у Римлянъ считалось дурнымъ предзнаменованіемъ входить лѣвой ногой. Когда гости вошли, рабы разсадили ихъ въ ожиданіи Трималціона, и поэтъ Евмолпъ началъ воспѣвать его славу:

Je chante les exploits d'un brave capitaine
Qui dans un petit corps renfermait un grand coeur.
Il combattit sans peur, il triompha sans peine:
Partout il fit du bruit, partout il fut vainqueur.
Si Bacchus l'endormait, Mars le tint en haleine.
On admira sa soif, on craignit sa valeur,
Et Rome lui dressa parmi d'autres trophées
Un pompeux monument de bouteilles cassées, и т. д.

Лейбницъ прерывалъ поэта во время его речитатива; потомъ поэтъ началъ пѣть хвалу Фортунаты и заключилъ словами:

Courage mes amis, quittons l'air seriéux
Le grand Trimalcion vient réjouir la terre.

Подъ звуки трубъ и барабановъ внесли въ залу Трималціона. Впереди шли 8 рабовъ съ факелами, за ними 8 рабовъ играли на трубахъ. Трималціона несли и поддерживали рабы въ охотничьемъ костюмѣ.

Три раба пѣли въ это время:

A la cour, comme à l'armée
On connait sa renommée.
Il ne craint point les hasards
Ni de Bacchus, ni de Mars, и т. д.

Трималціонъ былъ одѣтъ въ костюмѣ, въ которомъ изображается Неронъ; онъ имѣлъ видъ полководца во время тріумфальнаго шествія. Голова его была поднята, руки онъ держалъ по бокамъ. Его опустили на ложе и онъ пригласилъ своихъ гостей приступить къ пиру; онъ объяснилъ имъ, что празднуетъ день, когда его *Миньонъ* брился въ первый разъ. Этотъ день считался очень торжественнымъ у Римлянъ. Миньонъ Трималціона былъ некрасивый карликъ, совершенно соотвѣтствующій тому, котораго описалъ Петроній: „puer vetulus, lippus Trimalcione deformior".

Около Трималціона стоялъ рабъ, который долженъ былъ нарѣзывать ему кушанья. Онъ назывался Купе (Coupé), для того чтобы Трималціонъ, не любившій много говорить, могъ, подзывая его, въ то же самое время приказать, чтобъ онъ началъ рѣзать кушанья [1]). Трималціонъ велѣлъ себѣ подать рыбы и пригласилъ гостей пить вмѣстѣ съ нимъ, для того, чтобы рыбы, которыя они ѣли, могли бы плавать такъ же свободно, какъ тѣ, которыя находились въ бассейнѣ. Гости ѣли что имъ хотѣлось, но никто не пилъ прежде Трималціона. Въ то время, какъ онъ пилъ, хоръ пѣлъ:

Jules César aimait la gloire,
Luculle aimait les grands repas,
Trimalcion n'aime qu'à boire,
Mais l'eau ne l'accommode pas, и т. д.

Затѣмъ Трималціонъ предложилъ гостямъ яйца, на которыхъ сидѣла насѣдка. Всѣ были удивлены, что курица въ это время била крыльями, и испугались, когда открыли яйца: они думали, что въ нихъ сидятъ уже выведенные цыплята, но это были поджареные перепела, которые поваръ искусно вложилъ въ яйца. Въ то же самое время корзины, на которыхъ сидѣли куры, открылись и изъ нихъ вышли двое дѣтей, которыя начали танцовать. Этими дѣтьми замѣнили скелетъ римскаго Трималціона, для того чтобы современный Трималціонъ разсуждалъ не о смерти, а о рожденіи человѣка. Высказавши нѣсколько нравственныхъ изреченій, онъ потребовалъ, чтобы гостямъ дали пить. Всѣ пили за его здоровье подъ громъ пушечной пальбы и пѣли:

Favori de la Fortune
Généreux Trimalcion.
Dans ton coeur la blonde et brune
Fait un peu d'impression.
Mais la soif, qui t'importune
Fait ta grande passion, и т. д.

Затѣмъ гости потребовали, чтобы Трималціонъ послалъ за своей женой Фортунатой. Она явилась, разодѣтая въ римскій костюмъ и разукрашенная древними золотыми монетами и цѣпями. Гости наговорили ей много похвалъ за то, что она такъ хорошо сумѣла устроить пиръ. Между тѣмъ продолжали воспѣвать въ стихахъ [2]) подвиги Трималціона.

---

[1]) Подобно рабу римскаго Трималціона, который назывался Carpus, въ звательномъ carpe, что значитъ — *рѣжь*.

[2]) Эти стихи были вставлены самимъ Лейбницемъ; то, что въ нихъ было разказано, дѣйствительно случилось съ Раугрфомъ въ Вѣнѣ.

Во время этого пѣнія на столъ поставили зодіакъ; его 12 знаковъ состояли изъ 12 блюдъ, которыя имѣли какое-нибудь отношеніе къ вліянію соотвѣтствующаго небеснаго знака. Трималціонъ началъ излагать забавную астрологію, довольно сходную съ той, которую находимъ у древняго автора. Всѣ стали возносить его ученость. Чтобы показать, откуда онъ ее почерпнулъ, онъ велѣлъ Фортунатѣ прочесть каталогъ его библіотеки, состоявшей изъ забавныхъ книгъ. Онъ прерывалъ чтеніе и приводилъ самыя пикантныя мѣста изъ этихъ книгъ. Затѣмъ одинъ рабъ запѣлъ соловьемъ, но Трималціонъ приказалъ ему воспѣвать его подвиги. Рабъ воспѣлъ подвигъ Трималціона, въ которомъ этотъ герой выказалъ еще болѣе храбрости, чѣмъ учености, обративши своимъ бѣгствомъ въ бѣгство непріятелей. Разказъ начинался стихами:

Lorsqu'il tomba du pont dans la rivière
D'étonnement le fleuve s'arresta.

и кончался

Luy se sauvoit, mais cette âme indomtable
Même en fuyant donnait de la terreur.

Эта опасность попасться въ плѣнъ, въ которомъ онъ нѣкогда находился, напомнила Трималціону, какъ дорога свобода, и онъ тотчасъ освободилъ своего раба съ обычной у Римлянъ церемоніей. Затѣмъ онъ началъ разсуждать о философскихъ и нравственныхъ предметахъ, свободной волѣ и о скоротечности счастія. Послѣ чего онъ вздумалъ написать свое завѣщаніе.

Завѣщаніе Трималціона было очень забавно. Онъ приказалъ, между прочимъ, изобразить на надгробномъ памятникѣ всѣ подвиги его, какъ онъ упалъ въ воду, исторію въ Вѣнскомъ театрѣ и пр. и пр., далѣе насадить виноградъ на могилу, чтобы доставить удовольствіе его душѣ. Статую свою онъ приказалъ сдѣлать въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, такъ какъ онъ велъ праздную жизнь. Рядомъ съ нимъ должна была быть изображена Фортуната съ чайникомъ въ одной и чашкой въ другой рукѣ; у ногъ ея разбитая бутылка и ребенокъ, оплакивающій разлившееся вино. Наконецъ, онъ завѣщалъ своимъ друзьямъ, чтобъ они часто приходили на его могилу, пили, пѣли и веселились.

На могилѣ онъ велѣлъ сдѣлать слѣдующую эпитафію:

Cy gist tout blême de visage,
Un qui mangeoit fort peu, mais buvoit d'avantage,
Cneus Pompé Trimalcion,

A table tenant tousjours bon:
Le dos au feu, le ventre à table
Qui quittant ce séjour, fit enrager le diable.

Во время чтенія завѣщанія, всѣ рабы и слуги Трималціона плакали изъ всѣхъ силъ, показывая, какъ горька имъ мысль потерять такого добраго господина. Чтобы развлечь общество, опечаленное чтеніемъ завѣщанія, Трималціонъ принуждалъ всѣхъ пить и велѣлъ воспѣть еще одинъ изъ его подвиговъ. Послѣ этого пришелъ миньонъ Трималціона и онъ началъ его ласкать. Фортуната обидѣлась и начала упрекать его; они поссорились. Но друзья вступились за Фортунату и примирили супруговъ. Трималціонъ въ честь этого примиренія выпилъ большой бокалъ. Въ это время пѣли:

Duran l'ire degli amanti
Come dura nebbia al sol[1]).

Празднество кончилось съ тѣми же церемоніями, съ какими оно началось. Черезъ три мѣсяца новый Трималціонъ, то-есть, рауграфъ дѣйствительно умеръ отъ сильнаго пьянства.

---

[1]) «Ссора любящихъ проходитъ какъ туманъ на солнцѣ». И эти стихи вставилъ Лейбницъ вмѣсто другихъ, менѣе выразительныхъ.

ГЛАВА VI.

Взглядъ Лейбница на религію и старанія его о соединеніи церквей.

Отношенія Лейбница къ религіи. — Религіозныя партіи въ XVII вѣкѣ. — Попытки примиренія. — Джонъ Дори. — Калikстъ и его школа. — *Методисты.* — Боссюетъ. — Спинола. — Моланусъ. — Мнѣніе Лейбница о возможности соединенія католической и протестантской церквей. — Взглядъ его на отношенія разума къ вѣрѣ. — Отношенія Лейбница къ католицизму. — Systema Theologicum. — Ландграфъ Эрнстъ Гессенъ-Рейнфельзскій. — Его политическія и религіозныя убѣжденія. — Католическая пропаганда. — Обращеніе Эрнста въ католицизмъ. — Переписка съ Лейбницемъ. — Пропаганда въ Мобюиссонѣ. — Пелиссонъ. — М-ль де-Скюдери. — Переписка Пелиссона съ Лейбницемъ. — Полемика Боссюета съ Лейбницемъ о Тридентинскомъ соборѣ и объ отношеніи протестантизма къ католицизму. — М. де-Бринонъ. — Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгъ-Волфенбюттельскій. — Переписка между Лейбницемъ и Боссюетомъ возобновляется. — Ихъ полемика о каноническихъ книгахъ. — Внучка Антона-Ульриха, Елизавета-Христина, невѣста Карла VI. — Мнѣніе Ганноверскихъ богослововъ и Лейбница о томъ, можетъ ли лютеранская принцесса, выходящая за католическаго государя, съ спокойною совѣстью принять католицизмъ. — Протесты другихъ богослововъ. — Антонъ-Ульрихъ принимаетъ католицизмъ. — Попытки соединенія лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій. — Участіе Лейбница въ переговорахъ и переписка съ Яблонскимъ. — Желаніе Лейбница ввести въ Пруссіи епископальное устройство и соединить англиканскую церковь съ протестантскою. — Значеніе попытокъ къ объединенію христіанскихъ церквей

Для такой многосторонней и цѣльной личности, какъ Лейбницъ, религія не могла не представлять большаго интереса. Но религіозность Лейбница не имѣла субъективнаго характера. Она не выражалась въ сомнѣніяхъ, въ тяжелой внутренней борьбѣ, въ неотступныхъ размышленіяхъ надъ тѣмъ или другимъ религіознымъ вопросомъ. Съ свойственной ему точностью мысли, Лейбницъ рано выяснилъ себѣ свое отношеніе къ религіи; у него нѣтъ потребности провѣрить это отно-

шеніе, и онъ никогда не касается, въ интимной бесѣдѣ или въ переепискѣ съ друзьями, своихъ личныхъ взглядовъ на религію.

Лейбницъ съ малолѣтства занимался богословіемъ; еще въ школѣ онъ съ увлеченіемъ читалъ сочиненія о самыхъ трудныхъ и неисчерпаемыхъ вопросахъ христіанской догматики; своимъ знакомствомъ съ этой догматикой и съ исторіей христіанской церкви онъ не уступалъ самымъ ученымъ богословамъ своего времени, и при всемъ этомъ въ его натурѣ было очень мало богословскаго. Лейбницъ былъ и въ религіи прежде всего философомъ и политикомъ. Въ немъ не было той неуступчивости и исключительности, съ которыми богословы отстаиваютъ свои догматы и считаютъ ложнымъ всякое другое толкованіе: его снисходительность къ чужимъ мнѣніямъ вполнѣ обнаруживалась и въ религіозныхъ вопросахъ. Его всего болѣе интересовала практическая сторона въ религіи: ея вліяніе на общество, устройство церкви и отношенія церкви къ политической жизни народовъ.

По философіи Лейбница міръ — не что иное, какъ гармоническое взаимодѣйствіе безчисленныхъ индивидуальныхъ силъ, предустановленное Высшею Мудростью и поэтому согласное съ законами разума. Но это представленіе не было для него только теоретическою гипотезой, а живымъ убѣжденіемъ, которое руководило его практическою дѣятельностію и проникало во всѣ его научныя теоріи. Вслѣдствіе этого онъ не могъ принимать исторію человѣчества за хаосъ случайныхъ фактовъ; онъ видѣлъ въ судьбахъ народовъ дѣятельность Провидѣнія, которое вело человѣчество къ извѣстной разумной цѣли. Но признавая такую разумность въ ходѣ всей человѣческой исторіи, онъ особенно долженъ былъ искать ее въ области религіи, въ которой человѣкъ живѣе всего сознаетъ свою связь съ Разумомъ, управляющимъ міромъ, и въ которой яснѣе всего должна отразиться дѣятельность Провидѣнія. Разумность и гармонія, которыя разлиты по всему міру, нигдѣ не могли такъ явно обнаруживаться, какъ въ судьбахъ христіанской церкви, основанной на откровеніи самого Божества. Единство вселенской христіанской церкви, непогрѣшимость ея въ вопросахъ вѣры, убѣжденіе, что она управляется самимъ Провидѣніемъ, были для Лейбница не богословскими догматами, а прямо вытекали изъ его общихъ философскихъ убѣжденій. Но это единство и эта гармонія, казалось, находили себѣ рѣзкое опроверженіе въ томъ, что христіанская церковь раздробилась на четыре исповѣданія, — не считая многихъ сектъ и ересей, — которыя взаимно исключали и даже проклинали другъ друга. Этотъ фактъ не могъ не остановить на себѣ вни-

манія Лейбница; его необходимо было устранить или по крайней мѣрѣ разъяснить. Лейбницъ подходитъ къ нему съ двухъ сторонъ. Какъ теоретикъ, онъ старается доказать, что не смотря на это различіе и эту вражду исповѣданій, внутреннее единство и гармонія христіанской церкви существуютъ ненарушимо, и въ то же время онъ старается на практикѣ содѣйствовать по возможности устраненію раскола въ христіанствѣ и подготовить примиреніе и сліяніе церквей. Эти стремленія и заботы не покидаютъ его въ теченіе цѣлой жизни, не смотря на всѣ затрудненія и разочарованія и не смотря на то, что онъ самъ ясно сознаетъ невозможность скораго успѣха. Но онъ не падаетъ духомъ и преслѣдуетъ свою цѣль, сообразуясь съ обстоятельствами; онъ начинаетъ свои попытки примиренія еще юношей въ Майнцѣ подъ покровительствомъ католическаго архіепископа и пишетъ о томъ же къ принцессѣ Вельской за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти.

Эти старанія не были мечтами отдѣльнаго человѣка, но находили себѣ дѣйствительную почву въ стремленіяхъ самого времени. Попытки примиренія и сліянія христіанскихъ исповѣданій составляютъ отличительный признакъ XVII вѣка. Тогда какъ прежде религіозный интересъ проявлялся преимущественно только въ развитіи и точномъ опредѣленіи догматовъ и давалъ поводъ къ богословскимъ спорамъ и расколу, въ XVII вѣкѣ во всѣхъ исповѣданіяхъ встрѣчаются люди, которые указываютъ на сущность христіанской религіи, общую всѣмъ исповѣданіямъ, признаютъ нѣкоторое основаніе за убѣжденіями своихъ противниковъ и стараются дать догматамъ своей партіи примирительное истолкованіе, способное привести къ соглашенію враждебныхъ сторонъ.

И до XVII вѣка, даже во время реформаціи, при самомъ разгарѣ религіозныхъ страстей, нерѣдко устраивались съѣзды и диспуты богослововъ, которые имѣли цѣлью положить конецъ религіозной распрѣ. Но эти съѣзды устраивались большею частію правительствами, которыя дѣйствовали изъ политическихъ побужденій; богословы же, избиравшіеся представителями съ обѣихъ сторонъ, вовсе и не думали о примиреніи; они имѣли только въ виду доказать своимъ противникамъ ложность и нечестивость ихъ убѣжденій, старались переманить ихъ съ помощію діалектики на свою сторону, а если это не удавалось, то предавали ихъ анаѳемѣ. Особенною нетерпимостью отличались католики: въ спорахъ съ „еретиками“ они считали преступленіемъ малѣйшее снисхожденіе и имѣли только одну цѣль — обличить своихъ противниковъ въ ереси или возвратить ихъ въ лоно католической

церкви. Между протестантами реформаты отличались обыкновенно большею умѣренностью, но за то лютеранская ортодоксія не уступала католикамъ въ фанатизмѣ и не скупилась на оскорбительныя выраженія, заимствованныя изъ Апокалипсиса, называя папу антихристомъ, а католическую церковь вавилонскою блудницей. Въ XVII вѣкѣ, хотя медленно, начинаетъ пробуждаться сознаніе, что приверженцы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій составляютъ одну семью, что схоластическіе споры враждебны духу христіанской религіи и затемняютъ ея сущность. Не одни только правительства, а сами богословы устраиваютъ съѣзды подъ условіемъ, чтобы каждая партія воздерживалась отъ оскорбленій своихъ противниковъ, съ искренностью и ясностью выражала свое мнѣніе и выискивала средства къ соглашенію. Возникаетъ цѣлая богословская школа, которая ставитъ себѣ цѣлью устранить религіозную распрю и возстановить единство христіанской церкви. Появляются люди, проникнутые истиннымъ духомъ христіанства, которые посвящаютъ всю жизнь дѣлу примиренія, и которыхъ можно назвать мучениками этого дѣла [1]).

Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ „апостоловъ мира" былъ шотландскій богословъ Джонъ Дори (Dorie) или Дуреусъ. Онъ былъ сыномъ одного пресвитеріанскаго священника въ Эдинбургѣ, изгнаннаго за фанатизмъ, и родился въ концѣ XVI вѣка. Свою дѣятельность онъ началъ въ польскомъ городѣ Эльбингенѣ, гдѣ онъ былъ пасторомъ въ небольшомъ приходѣ тамошнихъ пуританъ. Городъ Эльбингенъ былъ занятъ Густавомъ-Адольфомъ, и Дуреусъ имѣлъ случай познакомиться съ Оксенштіерной и съ англійскимъ посломъ Ро, которые отнеслись съ искреннимъ участіемъ къ его плану устроить соединеніе всѣхъ протестантскихъ церквей. Ободренный ими Дуреусъ оставилъ свое мѣсто и отправился въ Англію, гдѣ ему удалось пріобрѣсти сочувствіе архіепископа Кентерберійскаго и нѣсколькихъ умѣренныхъ епископовъ. Оттуда онъ поѣхалъ въ Германію, отыскалъ Густава-Адольфа и получилъ обѣщаніе въ покровительствѣ съ его стороны. Смерть Густава-Адольфа не остановила его. Съ неутомимымъ рвеніемъ онъ обращался къ богословамъ и университетамъ Германіи, чтобы расположить ихъ къ дѣлу примиренія. Пражскій миръ 1635 года, вслѣдствіе котораго Саксонія, стоявшая во главѣ нѣмецкихъ протестантовъ, сблизилась съ Австріей и отстала отъ Шведскаго союза, заставилъ Дуреуса покинуть Германію. Онъ отправился

[1]) См. *Hering*—Geschichte der kirchlichen Unionsversuche. Leipz. 1836. 2 voll.

въ Швецію, желая, по крайней мѣрѣ, достигнуть сліянія англійской епископальной церкви съ шведскою, которая также сохранила у себя епископальную іерархію. Нѣсколько лѣтъ провелъ Дуреусъ въ Швеціи въ тщетныхъ стараніяхъ переломить упрямство тамошнихъ епископовъ и Упсальскаго университета, пока наконецъ, не былъ удаленъ оттуда по распоряженію шведскаго правительства. Такія неудачи не разочаровывали Дуреуса. По совѣту Гуго Гроція, онъ отправился въ Данію, гдѣ былъ хорошо принятъ королемъ и духовенствомъ. Но условія, выставленныя ими для соединенія съ реформатами, были неисполнимы для послѣднихъ. Между тѣмъ денежныя средства его истощились, и онъ долженъ былъ принять въ Голландіи мѣсто священника. Черезъ нѣсколько времени англійскій парламентъ пригласилъ его въ члены Вестминстерскаго синода. Политическія смуты въ Англіи заставили Дуреуса на время оставить свои планы, но онъ возобновилъ ихъ при первой возможности. Во время своихъ попытокъ къ примиренію Дуреусу часто приходилось слышать отъ лютеранскихъ богослововъ, что дѣло соглашенія между ними пошло бы успѣшнѣе, если бы у него было дѣйствительное полномочіе со стороны реформатской церкви. Дуреусъ убѣдился, что поэтому прежде всего для него необходимо достигнуть соглашенія между реформатскими церквами, и такъ какъ всѣ реформаты въ Англіи, Голландіи и Германіи признавали авторитетъ швейцарской церкви, то онъ счелъ нужнымъ пріобрѣсти содѣйствіе швейцарскихъ богослововъ. Во главѣ Англіи стояло въ то время пресвитеріанское правительство, которое поэтому смотрѣло благосклонно на попытку Дуреуса. Кромвель снабдилъ его деньгами, а Лондонскій синодъ и доктора Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ полномочіями къ швейцарскимъ богословамъ. Въ 1654 году Дуреусъ отправился въ Швейцарію и объяснилъ тамошнему сейму свои намѣренія. Онъ былъ принятъ съ сочувствіемъ, какъ сеймомъ, такъ и духовенствомъ, и получилъ отъ Большаго совѣта значительную сумму денегъ, а Цюрихскіе богословы уполномочили его дѣйствовать отъ имени швейцарской церкви. Снабженный кромѣ того многими рекомендательными письмами къ реформатскимъ князьямъ Германіи, Дуреусъ отправился туда. Много еще лѣтъ провелъ онъ здѣсь въ неутомимыхъ стараніяхъ и до конца своей жизни не оставлялъ начатаго дѣла. „Дуреусъ не уставалъ, но наши читатели устали бы, говоритъ его біографъ [1]), если бы мы описали здѣсь всѣ путешествія, имъ

[1]) Hering. II, 124.

предпринятыя, всѣ переговоры, начатые имъ, всѣ пустыя обѣщанія, которыя ему давали, и всѣ надежды на благопріятный исходъ, которыя то открывались, то снова исчезали. Самые лучшіе друзья, вполнѣ сочувствовавшіе его дѣятельности, сомнѣвались въ успѣхѣ и считали полное соединеніе невозможнымъ. На соединеніе церквей, говорилъ одинъ изъ его друзей, можно надѣяться только какъ на воскресеніе изъ мертвыхъ, которое во власти Всемогущаго Господа".

Во главѣ лютеранскихъ богослововъ, проповѣдывавшихъ терпимость и склонность къ уступкамъ во имя примиренія церквей, стоялъ Гельмштедтскій богословъ Георгъ Каликстъ. Основательныя историческія занятія и путешествія за границей освободили его отъ предразсудковъ, господствовавшихъ относительно иновѣрцевъ, и внушили ему духъ терпимости и умѣренности. Онъ одинъ изъ первыхъ рѣшился высказывать не всѣми признанную истину, что ни реформаты, ни католики не ошибаются на столько въ дѣлахъ вѣры, чтобы нельзя было считать ихъ братьями и соучастниками въ царствіи небесномъ. Каликстъ старался выставить то, что раздѣляло исповѣданія, неважнымъ, а то, что одинаково признавали они — существеннымъ въ христіанствѣ. Каликстъ образовалъ цѣлую школу умѣренныхъ богослововъ, разсадникомъ которыхъ былъ Гельмштедтскій университетъ. Онъ самъ пользовался большимъ уваженіемъ не только у своихъ, но также у реформатовъ даже внѣ предѣловъ Германіи. Когда польскій король Владиславъ созвалъ, въ 1644 году, извѣстный религіозный съѣздъ въ Торнѣ, реформатскій курфирстъ Бранденбургскій, вассалъ польскаго короля, пригласилъ Каликста отправиться въ Торнъ вмѣстѣ съ прусскими богословами, чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ поддерживать согласіе между лютеранами и реформатами.

Но число противниковъ Каликста было гораздо больше, чѣмъ число его приверженцевъ. Въ Торнѣ лютеранскіе богословы не хотѣли позволить ему, какъ отступнику, присоединиться къ нимъ. Противъ него была направлена цѣлая литература полемическихъ сочиненій, исполненныхъ самыми рѣзкими упреками и обвиненіями за то, что онъ будто бы распространяетъ равнодушіе и содѣйствуетъ торжеству папства. Во главѣ этого неуступчиваго направленія стоялъ Виттенбергскій университетъ, а между его богословами особенно отличался своею нетерпимостью ученый педантъ Каловъ, о которомъ мы уже упоминали въ первой главѣ. Ярость и бранчивость саксонскихъ богослововъ дошли до того, что въ 1654 году, большинство протестантскихъ государей Германіи обратилось къ курфирсту Іоганну-Георгу I съ просьбой

унять его богослововъ, но этотъ достойный покровитель педантическихъ книжниковъ отвѣтилъ: „dass er dem heiligen Geiste nicht das Maul stopfen könne“.

Виттенбергскіе богословы обвиняли Каликста и его приверженцевъ въ „синкретизмѣ“. Это слово первоначально не имѣло дурнаго значенія. Плутархъ указываетъ на обычай древнихъ Критянъ, которые прекращаютъ свои постоянныя усобицы, когда приближается общій врагъ, и соединяются противъ него, и этотъ обычай онъ называетъ синкретизмомъ. Еще первые реформаторы — Цвингли и Меланхтонъ употребляютъ это слово въ смыслѣ честнаго соединенія для отраженія вражескаго нападенія. Но въ устахъ саксонскихъ ревнителей вѣры слово синкретизмъ получило дурной оттѣнокъ неискренняго, лицемѣрнаго примиренія, не устраняющаго причинъ будущаго раздора.

Не всѣ протестантскіе государи выказывали такую привязанность къ старымъ предразсудкамъ, какъ Саксонскіе курфирсты. Особенно интересовались примиреніемъ между протестантами и реформатами государи Гессена и Бранденбурга, населеніе которыхъ принадлежало къ обоимъ этимъ исповѣданіямъ. Для нихъ было политическою необходимостью достигнуть, если не сліянія ихъ, то по крайней мѣрѣ взаимной терпимости. Съ этою цѣлью ландграфъ Вильгельмъ VI устроилъ, въ 1661 году, богословскій съѣздъ въ Касселѣ, куда онъ пригласилъ реформатскихъ богослововъ изъ Марбурга и лютеранскихъ изъ Ринтельна. Переговоры происходили подъ предсѣдательствомъ трехъ графскихъ совѣтниковъ и окончились къ обоюдному удовольствію. Самыми спорными вопросами между реформатами и лютеранами были догматы объ евхаристіи и о предопредѣленіи. Въ нихъ достигли почти полнаго соглашенія, а относительно остальныхъ спорныхъ вопросовъ было постановлено, чтобы каждая сторона оставалась при своемъ убѣжденіи, но воздерживалась отъ нападокъ на убѣжденія другой стороны. Въ то же время члены съѣзда выразили желаніе, чтобы сосѣднія церкви и университеты присоединились къ нимъ въ дѣлѣ примиренія.

Миролюбивое настроеніе Кассельскихъ богослововъ вызвало сочувствіе реформатовъ въ Голландіи и Франціи, а Бранденбургскій курфистъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ слѣдующемъ году устроилъ такой же богословскій съѣздъ въ Берлинѣ. Въ то же время онъ издалъ указъ, въ которомъ запрещалось лютеранскимъ пасторамъ нападать въ своихъ проповѣдяхъ на Кальвина и его послѣдователей и приписывать имъ,

на основанія ложныхъ толкованій, нелѣпыя и нечестивыя мнѣнія. Указъ обвинялъ ихъ за то, что они въ своихъ проповѣдяхъ чаще называютъ имена Кальвина и Беза, чтобъ осыпать ихъ бранью, чѣмъ Петра и Павла, чтобъ извлекать изъ ихъ посланій христіанское ученіе. Другимъ указомъ курфирстъ запретилъ всѣмъ прусскимъ студентамъ посѣщать Виттенбергскій университетъ. Эти указы вызвали такое раздраженіе, что переговоры между богословами обоихъ исповѣданій не привели къ желанному результату. Лютеране отвѣчали уклончиво на вопросъ, содержится ли въ символическихъ книгахъ реформатской церкви, принятыхъ въ Пруссіи, какое-нибудь ученіе, за которое вѣрующій долженъ лишиться царства небеснаго, и опущено ли въ нихъ что-нибудь такое, безъ чего нельзя быть спасеннымъ. Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ Берлинскихъ пасторовъ, духовный поэтъ Павелъ Гергардтъ отвѣтилъ: „Я согласенъ, что между реформатами есть христіане; но чтобы реформаты по своему ученію могли считаться христіанами и слѣдовательно братьями, съ этимъ я не могу согласиться“.

Тогда курфирстъ потребовалъ, чтобы пасторы обоихъ исповѣданій письменно обязались не оскорблять въ проповѣдяхъ своихъ противниковъ, не искажать ихъ ученія и вообще воздерживаться отъ богословской полемики. Этотъ указъ вызвалъ большое волненіе. Самые уважаемые изъ пасторовъ отказались дать подписку, и были лишены за это своихъ мѣстъ и изгнаны. Въ сосѣднихъ государствахъ ихъ приняли тогда какъ мучениковъ; въ наше же время можно видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ упрямство и узкій взглядъ на свое призваніе. Но дѣло ихъ представляетъ, кромѣ богословской, еще политическую сторону. Указъ курфирста былъ вмѣшательствомъ въ область совѣсти и ограниченіемъ свободы слова, а въ подобныхъ случаяхъ не всегда бываетъ легко отличить упрямство отъ гражданскаго мужества.

Какъ къ реформатамъ относились лютеране, такъ католики относились къ протестантамъ вообще. Когда дѣло шло о соглашеніи, они съ своей стороны думали только о томъ, чтобы привлечь противниковъ на свою сторону. Въ католической церкви всегда былъ силенъ духъ пропаганды, и въ исторіи этой церкви извѣстенъ цѣлый рядъ ученыхъ богослововъ, получившихъ названіе *методистовъ*, за то, что они придумывали разныя методы для обличенія протестантовъ. Самая любимая изъ этихъ методъ заключалась въ томъ, что не приводя доказательствъ въ пользу своихъ догматовъ, они возлагали на протестантовъ обязанность доказывать ошибочность этихъ догматовъ тек-

стами изъ Священнаго Писанія. Католики требовали, напримѣръ, чтобы протестанты привели мѣсто изъ Священнаго Писанія, гдѣ было бы ясно сказано, что нѣтъ чистилища. Нѣкоторые методисты придавали этому пріему форму процесса, заимствованнаго изъ права. Они приписывали католической церкви право давности и придавали полемикѣ видъ процесса, въ которомъ католики играютъ роль отвѣтчиковъ, а протестанты — роль истцовъ, обязанныхъ доказать несправедливость своихъ противниковъ ясными свидѣтельствами Священнаго Писанія. Іезуитъ Вероній такъ прославился своимъ искусствомъ пользоваться этою методой, что послѣдняя стала извѣстна подъ названіемъ *Вероніенской*. Ученые перекрещенцы, братья Валенбурги, получившіе за свою дѣятельность санъ епископовъ, усовершенствовали эту методу и утверждали, что съ ея помощью всякій грамотный крестьянинъ, способный прочесть Библію, въ состояніи побѣдить самаго ученаго пастора. Протестанты, конечно, считали эту методу нелѣпою, и Конрингъ называлъ ее методическимъ сумасшествіемъ (cum ratione insanire) [1]).

Въ такомъ положеніи находилась богословскея полемика, когда вдругъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ католическихъ сановниковъ выступилъ съ новою методой: то былъ Боссюетъ съ своимъ „Изложеніемъ ученія католической церкви въ спорныхъ вопросахъ" (Exposition de la Doctrine de l'Église Catholique sur les matières de controverse). Въ этомъ сочиненіи Боссюетъ избираетъ тотъ путь, который всего вѣрнѣе могъ привести къ примиренію. Нисколько не отступая отъ ученія своей церкви, онъ старается дать всѣмъ католическимъ догматамъ, отвергнутымъ протестантами, такое толкованіе, которое всего ближе подходило бы къ убѣжденіямъ протестантовъ. „Узнайте католицизмъ, говорилъ онъ протестантамъ, и вы увидите, какъ онъ близокъ къ вашему ученію; вы спросите себя съ изумленіемъ, какъ можно было отдѣлиться отъ него, и ваше возвращеніе къ нему устроится само собой". Такъ какъ большинство католическихъ догматовъ, напримѣръ, поклоненіе святымъ, употребленіе иконъ, первенство римскаго епископа и пр., есть только извѣстное развитіе христіанскихъ началъ, признанныхъ протестантами, и при осмысленномъ толкованіи и искусномъ ограниченіи не можетъ быть вполнѣ отвергнуто ими, то такая метода должна была привести къ цѣли. Тамъ, гдѣ соглашеніе было невозможно, блестящее краснорѣчіе Боссюета и искусная діалектика его скрывали противорѣчія, смягчали враждебное, — однимъ словомъ,

[1]) См. *Soldan* — Dreissig Jahre des Proselytismus. Leipz. 1845, — очень интересное и дѣльное сочиненіе, какъ все, что вышло изъ-подъ пера этого автора.

оправдывали и идеализировали католицизмъ. Сочиненіе Боссюета произвело самое сильное впечатлѣніе не только между католиками, но и между протестантами. Во Франціи число гугенотовъ, принявшихъ католичество подъ его вліяніемъ, было очень значительно. Между ними былъ маршалъ Тюренъ, многіе пасторы и адвокатъ де-Брюе, который полемизировалъ противъ Боссюета. Правда, это отступничество нельзя было приписать одному только краснорѣчію французскаго епископа: въ это время притѣсненія гугенотовъ превратились въ открытое преслѣдованіе, и драгуны Лувуа помогали тамъ, гдѣ не дѣйствовало краснорѣчіе.

Но многіе католики однако были недовольны методой Бюссюета. Они находили, что онъ искажаетъ чистое католическое ученіе и дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ еретикамъ. Одинъ изъ римскихъ инквизиторовъ осудилъ сочиненіе его, не дождидаясь приговора папы. Особенно возставали противъ Боссюета іезуиты. Они упрекали его въ томъ же, что̀ Виттенбергскіе богословы ставили въ вину Каликсту. Знаменитый іезуитъ Менбуръ (Maimbourg) говоритъ, намекая на Боссюета: „Извѣстно, что всѣ попытки къ соглашенію и уступки въ религіи, къ которымъ прибѣгали въ такъ-называемыхъ изложеніяхъ вѣры (ces prétendues expositions de foi), опуская или скрывая часть догматовъ, или же излагая ихъ въ двусмысленныхъ и слишкомъ уступчивыхъ выраженіяхъ, не удовлетворяютъ ни еретиковъ, ни католиковъ. Обѣ стороны жалуются, что дѣло ведется не прямыми путями въ такомъ вопросѣ, какъ вѣра, гдѣ надобно быть осторожнымъ и гдѣ нельзя ошибаться въ частностяхъ, не искажая цѣлаго“.

Но другой католическій епископъ этого времени пошелъ еще дальше Боссюета. Способъ послѣдняго, не смотря на свой уступчивый характеръ, заключался въ томъ, чтобы сдѣлать протестантовъ католиками. Приноравливаясь какъ можно болѣе къ понятіямъ протестантовъ, онъ сохранялъ всѣ католическіе догматы и требовалъ, чтобы протестанты приняли цѣликомъ ученіе римской церкви. Такимъ путемъ можно было достигнуть только присоединенія отдѣльныхъ лицъ, которыя почерпнули бы изъ сочиненій католическаго епископа болѣе вѣрное понятіе о его церкви, но никакъ нельзя было ожидать, чтобы цѣлые народы покинули свои обряды и вѣрованія, которыя они привыкли считать истинными. Между католиками нашелся человѣкъ, который счелъ возможнымъ предоставить протестантамъ по крайней мѣрѣ на время ихъ обряды и вѣрованія, съ тѣмъ чтобъ они внѣшнимъ образомъ присоединились къ римской церкви. Этотъ человѣкъ былъ Хри-

стофоръ Спинола, епископъ Тины, а потомъ Нейштадта, о которомъ мы уже говорили въ IV-й главѣ. То, что онъ имѣлъ въ виду, было не что иное, какъ *унія* протестантовъ, въ родѣ той, которая не задолго предъ этимъ возникла въ западной Россіи между католиками и православными. Спинола дѣйствовалъ изъ чистыхъ побужденій и былъ искренно преданъ своему дѣлу. Подобно Дуреусу онъ посвятилъ ему цѣлую жизнь и съ большимъ самопожертвованіемъ и неутомимымъ рвеніемъ преслѣдовалъ свою цѣль, не смотря на постоянныя неудачи. Онъ считалъ примиреніе дѣйствительно возможнымъ и не ставилъ ловушки протестантамъ. При этомъ онъ вносилъ въ переговоры духъ христіанской кротости и терпимости, которыя особенно удивительны въ Испанцѣ. Удрученный мучительною подагрой, которая позволяла ему лежать только на одномъ боку, онъ заставлялъ переносить себя на носилкахъ изъ одного города въ другой. Почти всю жизнь провелъ онъ въ путешествіяхъ, переѣзжая отъ одного двора къ другому и безпрестанно отправляясь въ Римъ, чтобъ успокоивать подозрительность римской куріи. Мы уже говорили о томъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Ганноверъ въ царствованіе Іоганна-Фридриха. Въ 1683 году онъ снова явился туда и былъ также хорошо принятъ его преемникомъ Эрнстомъ-Августомъ. Въ переговорахъ съ протестантами онъ принималъ въ основаніе ученіе католической церкви, какъ оно было изложено у Боссюета. Онъ предлагалъ протестантамъ присоединиться къ римской церкви и обѣщалъ, что имъ позволятъ сохранить всѣ обряды и догматы, а князьямъ ихъ всѣ права надъ церковью, которыя они себѣ присвоили. Онъ говорилъ, что ихъ священникамъ будетъ разрѣшено вступать въ бракъ, даже во второй разъ, а мирянамъ принимать причастіе подъ обоими видами. Одни могутъ называть себя старокатоликами, другіе — новокатоликами, и въ знакъ своего соединенія приверженцы одного исповѣданія могутъ быть допускаемы къ причастію въ церквахъ другаго исповѣданія. Главная уступка заключалась въ томъ, что постановленія Тридентинскаго собора, который довершилъ разрывъ между католиками и протестантами, могутъ быть необязательными для послѣднихъ, а анаѳемы, произнесенныя на этомъ соборѣ противъ отступниковъ отъ ученія римской церкви, считаться отмѣненными впредь до новаго вселенскаго собора. На этотъ соборъ протестанты будутъ призваны не какъ обвиненные, а какъ равноправные члены. Для этого папа сниметъ съ нихъ особенною буллой обвиненіе въ ереси, а они за всѣ эти уступки обяжутся не считать его за антихриста, а за старѣйшаго патріарха въ христіанствѣ, ко-

26

торому принадлежитъ первенство по званію, а не по управленію церковью, и то не на основаніи Божественнаго, а только человѣческаго и церковнаго права. Все это должно было быть опредѣлено и обезпечено еще до собора особыми конкордатами.

Эти предложенія не были только частнымъ мнѣніемъ Спинолы. Онъ имѣлъ полномочіе вести переговоры отъ императора Леопольда. хотя совершалъ свое путешествіе подъ предлогомъ устройства Остъ-индо-Германскаго торговаго общества. Онъ имѣлъ сильныхъ покровителей въ Римѣ, которые знали обо всемъ. Къ числу ихъ принадлежали кардиналы Чибо, Піо, Спинола (однофамилецъ) и особенно Албрицци, папскій нунцій въ Вѣнѣ, нѣсколько ученыхъ богослововъ въ Римѣ, Перецъ, исповѣдникъ папы, генералъ іезуитовъ патеръ де-Нойель (Noyelles) и генералъ Францисканцевъ. Самъ папа Иннокентій XI покровительствовалъ ему и поддерживалъ его собственноручными письмами и апостольскимъ бреве. Въ Римѣ не рѣшились дать Спинолѣ явное полномочіе потому только, что боялись оппозиціи французской партіи между кардиналами, во главѣ которой стоялъ кардиналъ д'Эстре (d'Estrées). Ибо въ это время происходили споры между папой и Людовикомъ XIV за такъ-называемыя привилегіи галликанской церкви, и приверженцы послѣдней находились въ открытой враждѣ съ папой.

Эрнстъ-Августъ назначилъ съ своей стороны Молануса, аббата Локкумскаго и предсѣдателя Ганноверской консисторіи, и придворнаго проповѣдника Биркгаузена, для того чтобы вести переговоры съ Спинолой. Къ нимъ были присоединены двое изъ либеральныхъ богослововъ Гельмштедтскаго университета, Ф. У. Каликстъ, сынъ знаменитаго Каликста, и профессоръ Мейеръ. Душою переговоровъ былъ Моланусъ, который составляетъ замѣчательное исключеніе между лютеранскими богословами XVII вѣка. Онъ былъ ученикомъ Каликста старшаго и не уступалъ своему учителю въ умѣренности и кротости. Но жизнь при такомъ веселомъ и либеральномъ дворѣ, какъ Ганноверскій, придала ему нѣсколько характеръ царедворца, и его либерализмъ въ богословскихъ вопросахъ принималъ иногда даже шутливый оборотъ [1]).

---

[1]) На сколько глубже Лейбницъ понималъ религіозныя явленія, чѣмъ Моланусъ, доказываетъ слѣдующій случай, интересный для насъ тѣмъ, что въ немъ высказывается взглядъ Лейбница на энтузіастовъ и людей, одержимыхъ видѣніями.

Въ Люнебургѣ жила одна г-жа фонъ-Ашбургъ, религіозная энтузіастка, которая посвятила Спасителю одну изъ своихъ дочерей Розамунду, когда та еще

Ганноверскіе богословы сошлись довольно скоро съ Спинолой и подписались вмѣстѣ съ нимъ подъ трактатомъ, въ которомъ онъ изложилъ основанія для примиренія протестантовъ съ католиками. Они выказали даже бо̀льшую уступчивость, чѣмъ отъ нихъ ожидалъ като-

не родилась на свѣтъ. Эта Розамунда, воспитанная въ убѣжденіи, что она посвящена Христу, еще въ дѣтствѣ имѣла видѣнія, будто бы Христосъ является ей во всемъ блескѣ Царства Небеснаго и дѣлаетъ ей различныя откровенія. Въ 1691 году Розамунда, ставъ уже дѣвицей, начала обращать на себя общее вниманіе. Она давала отвѣты на вопросы, предлагаемые ей на всѣхъ языкахъ и въ запечатанныхъ конвертахъ. Она была убѣждена, что отвѣты были ей внушаемы Христомъ. Иногда она бывала не въ состояніи давать отвѣты; тогда она говорила, что Христосъ не всегда ей отвѣчаетъ, а только когда захочетъ. Однажды она была очень печальна и горько плакала, потому что предложенные ей вопросы были неприличнаго содержанія, и она говорила, что Христосъ явился ей очень гнѣвнымъ. Многіе ей вѣрили. Люнебургскій суперъ-интендентъ Петерсенъ, вѣрившій въ тысячелѣтнее царство Господне, видѣлъ въ пророчествахъ Розамунды доказательство въ пользу своихъ убѣжденій и началъ проповѣдывать, что приближается пришествіе Христа. Онъ былъ за это лишенъ своего мѣста. Строгіе и ортодоксальные богословы считали увѣренія и показанія Розамунды еретическими и нечестивыми; Моланусъ находилъ ихъ смѣшными и подшучивалъ надъ Розамундой. Онъ говорилъ, что выраженія, съ которыми Спаситель будто-бы обращается къ Розамундѣ: моя царица, моя голубка, сколько извѣстно, не употребительны «на канцелярскомъ языкѣ Неба». Въ другой разъ, когда герцогиня просила его сказать свое мнѣніе о Розамундѣ, онъ писалъ Лейбницу: Elle demande nostre sentiment sur l'histoire d'Ebsdorf; ce que j'ai donné sur le champ tout à cette heure en conseillant, qu'on mène, si tost qu'il sera possible, ces jeunes prophétesses aux eaux de Pyrmont pour leur nettoyer leurs entrailles, où se trouveront sans doute des obstructions terribles. Oeuv. de L. ed. Foucher de C. I. p. 187.

Лейбницъ смотрѣлъ совершенно иначе на подобныя явленія. «Есть люди, пишетъ онъ Софьѣ, которые судятъ объ этомъ слегка (cavalièrement) и полагаютъ, что молодую пророчицу нужно отправить въ Пирмонтъ. Что касается до меня, то я убѣжденъ, что все происходитъ очень естественно, и разказъ о запечатанномъ письмѣ доктора Шота, на которое она отвѣтила по внушенію Христа, должно-быть, разукрашѣнъ. Впрочемъ я удивляюсь свойствамъ человѣческаго духа, силы и способности котораго намъ не всѣ извѣстны. Если мы встрѣчаемъ такихъ людей, мы не должны ихъ бранить или стараться измѣнять ихъ, но желать, чтобы въ нихъ сохранилось это прекрасное настроеніе духа, подобно тому, какъ мы сохраняемъ какую-нибудь рѣдкость или драгоцѣнность». Затѣмъ Лейбницъ объясняетъ признаки, по которымъ можно отличить видѣнія отъ настоящихъ пророчествъ, и говоритъ, что люди съ сильнымъ воображеніемъ могутъ имѣть такія живыя и ясныя видѣнія, что они принимаютъ ихъ за дѣйствительныя явленія. Это часто встрѣчается у молодыхъ женщинъ, воспитанныхъ въ монастыряхъ. Замѣчаютъ также, говоритъ Лейбницъ, что видѣнія находятся въ извѣстномъ отношеніи съ природными свойствами людей; послѣднее бываетъ

лическій епископъ, и согласились не только признать первенство папы въ званіи предъ остальными епископами, но и предоставить ему судебную власть надъ ними. Обѣ стороны согласились, что сліяніе протестантской церкви съ католическою возможно, съ тѣмъ чтобъ оба исповѣданія сохранили до новаго собора свои особые обряды и догматы. Было рѣшено, что всѣ пункты, въ которыхъ эти исповѣданія расходятся, должны находиться на одномъ положеніи съ спорными вопросами католической догматики, еще не опредѣленными церковью. Моланусъ

даже у настоящихъ пророковъ. Господь примѣняется къ нимъ, чтобы не дѣлать лишнихъ чудесъ: «Мнѣ часто кажется, что Іезекіиль былъ знакомъ съ архитектурой или былъ придворнымъ инженеромъ, потому что у него великолѣпныя видѣнія и ему представляются красивыя зданія. Но пророкъ изъ сельчанъ, какъ Осія или Амосъ, видитъ только ландшафты и сельскіе предметы, тогда какъ Даніилъ, который былъ государственнымъ человѣкомъ, распоряжается всемірными монархіями. Дѣвушку, которую видѣли В. Св., конечно, нельзя сопоставить съ этими пророками; впрочемъ, ей кажется, что она видитъ Христа, потому что у протестантовъ нѣтъ святыхъ. Своею пламенною любовью къ Спасителю, возбужденною проповѣдями и чтеніемъ, она заслужила благодать видѣть образъ или явленіе Христа. Ибо почему не назвать этого благодатью? Она отъ этого счастлива, радуется своему счастію и полна самыми лучшими чувствами. Не нужно думать, чтобы благодать Господня всегда проявлялась чудеснымъ образомъ. Если Онъ пользуется естественными способностями нашего духа и свойствами окружающихъ насъ предметовъ, чтобъ освѣтить нашъ умъ, или исполнить сердце теплотой, то я считаю это благодатью. То множество пророковъ, которыхъ мы встрѣчаемъ у Израильтянъ, очевидно, не представляетъ намъ другаго явленія.... Пророчества этой доброй дѣвушки будутъ неудачны, если она будетъ слишкомъ точно опредѣлять событія и входить въ подробности, и это повредитъ ей въ глазахъ большаго свѣта. Впрочемъ, я признаюсь, что великіе пророки, то-есть, тѣ, которые могутъ предсказывать точныя подробности событій, надѣлены сверхъестественною способностью. Ибо невозможно, чтобы человѣку съ его ограниченностью, какъ бы онъ ни былъ проницателенъ, удалось разрѣшить эти вопросы». Лейбницъ объясняетъ свою мысль о сверхъестественной благодати теоріей предъустановленной гармоніи и продолжаетъ: «Я не люблю трагическихъ событій, и желалъ бы, чтобы всѣмъ на свѣтѣ было хорошо. Я не одобряю также преслѣдованій хиліастовъ, за мнѣніе, которое находитъ себѣ поддержку въ Апокалипсисѣ, и жалѣю, что Петерсена хотятъ лишить мѣста. Аугсбургское исповѣданіе, какъ мнѣ кажется, осуждаетъ только тѣхъ хиліастовъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Заблужденіе же тѣхъ, которые спокойно ожидаютъ пришествія Христа, мнѣ кажется очень невиннымъ».

Герцогиня была въ восхищеніи отъ письма Лейбница; она находила въ немъ свои собственные взгляды, только послѣдовательно и философски развитые. «Я съ гордостью всѣмъ показывала ваше письмо, отвѣчаетъ она ему — j'ai fait trophée de votre lettre; всѣ высказанныя вами мнѣнія такъ здравы, такъ свободны отъ предразсудковъ».

издалъ съ своей стороны вмѣстѣ съ Биркгаузеномъ сочиненіе, въ которомъ онъ изложилъ свой взглядъ на примиреніе церквей.— Methodus reducendae Unionis Ecclesiasticae inter Romanenses et Protestantes. Главнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго успѣха переговоровъ было то, что Спинола не имѣлъ открытаго полномочія отъ папы и католическаго духовенства. Поэтому онъ снова отправился въ Римъ, чтобы выхлопотать себѣ это полномочіе.

Хотя Лейбницъ не принималъ офиціальнаго участія въ описанныхъ переговорахъ, но вслѣдствіе своей близости съ Моланусомъ онъ зналъ обо всемъ, и послѣдній, вѣроятно, даже пользовался его совѣтами. Къ Лейбницу обращались съ запросами нѣкоторые иностранные богословы (напримѣръ, Алберти), до которыхъ дошли слухи о томъ, что происходитъ въ Ганноверѣ, и которые боялись, чтобы протестанты не были обмануты. Лейбницъ долженъ былъ успокоивать ихъ, отчасти скрывая и отчасти защищая дѣйствія Ганноверскихъ богослововъ. Переговорами въ Ганноверѣ были одинаково недовольны какъ ревностные протестанты, такъ и католики; многіе сомнѣвались въ ихъ успѣхѣ. Между послѣдними былъ и католическій ландграфъ Гессенъ-Рейнфельзскій, который писалъ Лейбницу [1]): „Я ничего болѣе не слышу о дѣлѣ епископа Тинскаго. Я чрезвычайно удивленъ тѣмъ, что ему въ Римѣ позволяютъ такъ дѣйствовать. Въ прошломъ столѣтіи тамъ не хотѣли одобрить интерима [2]), хотя послѣдній состоялъ только въ двухъ уступкахъ, на которыя легко можно было согласиться, а именно въ причастіи подъ обоими видами и въ бракѣ священниковъ. Поэтому я прихожу къ убѣжденію, что тѣ лютеране, которые думаютъ, что этотъ епископъ своими предложеніями только ставитъ ловушку протестантамъ, чтобы вселить въ нихъ раздоръ и потомъ привлечь хоть нѣкоторыхъ менѣе дорогою цѣной, не такъ просты. Ибо можно сказать навѣрное, что съ нашей стороны не уступятъ ничего существеннаго“ [3]). Въ томъ же смыслѣ выражался пражскій юристъ Блумъ въ своемъ письмѣ къ ландграфу.

Въ этихъ откровенныхъ признаніяхъ многіе протестантскіе исто-

---

[1]) Письмо отъ 11-го ноября 1684 года у *Rommel* — Leibniz und Landgraf Ernst. II, p. 50.

[2]) Такъ называется, какъ извѣстно, предложеніе, сдѣланное Карломъ V протестантамъ, чтобъ ихъ возвратить въ католичество.

[3]) Въ другомъ письмѣ p. 16 онъ пишетъ: Trepidarunt ubi non est timor, tant Jésuites, comme Théologiens Protestants de cette Réunion. Car il n'y a aucune, nŷ la moindre apparence du monde, que cela puisse réussir.

рики, напримѣръ, Солданъ, находятъ поводъ сомнѣваться въ искренности Спинолы или по крайней мѣрѣ римской куріи, съ вѣдома которой дѣйствовалъ послѣдній. Но хотя не подлежитъ сомнѣнію, что римская церковь въ XVII вѣкѣ никогда бы не согласилась на малѣйшія уступки, нельзя однако не допустить, чтобы небольшое число гуманныхъ католиковъ не было готово цѣной религіозной терпимости и своевременныхъ уступокъ купить подчиненіе протестантскихъ церквей — католической іерархіи. Что касается до Лейбница, то онъ считалъ унію возможной, но сомнѣвался, чтобы можно было скоро достигнуть успѣшнаго окончанія дѣла. Однимъ изъ главныхъ препятствій онъ считалъ неуступчивость и педантизмъ богослововъ. „Хотя я считаю дѣло возможнымъ, писалъ онъ ландграфу Эрнсту [1]), сообразно съ принципами обѣихъ сторонъ, я признаюсь однако, что при теперешнемъ состояніи міра успѣшное окончаніе его мнѣ кажется невѣроятнымъ. Для этого нужно было бы предположить въ массѣ людей и особенно въ богословахъ больше справедливости и разсудительности, чѣмъ отъ нихъ можно ожидать. Самъ епископъ Тинскій не надѣется на скорый успѣхъ. Во всякомъ случаѣ эта попытка принесетъ ту пользу, что почва будетъ подготовлена, и потомство будетъ въ состояніи пожать плоды". Это убѣжденіе, что всякій долженъ по возможности содѣйствовать примиренію для успокоенія своей совѣсти и что потомство воспользуется плодами, постоянно высказывается Лейбницемъ. Иногда онъ выражается съ большею увѣренностью о возможности примиренія. Въ одномъ письмѣ къ ландграфу Лейбницъ говоритъ, что главное различіе (la plus grande contestation) между католиками и протестантами касается внѣшнихъ формъ (est sur des points de pratique). „Не смотря на это, достовѣрно, что какъ бы ни было велико различіе, примиреніе могло бы состояться по проекту епископа Нейштадтскаго безъ нарушенія принциповъ обѣихъ сторонъ (sauf les principes des deux parties). Мнѣ это кажется неоспоримымъ, и это было признано свѣдущими богословами съ той и съ другой стороны; я впрочемъ не думаю, чтобы намъ пришлось видѣть исполненіе, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ преобладаютъ страсти".

Всего яснѣе высказывается взглядъ Лейбница на унію въ одномъ письмѣ, написанномъ въ 1691 году, когда онъ самъ началъ разочаровываться въ возможности успѣха. На постоянныя увѣренія ландграфа, что унія не можетъ состояться, Лейбницъ возражаетъ: „Во-

---

[1]) Rommel. I, 324. № XIII, 1683. 27 Apr.

просъ не въ томъ, возможно ли это дѣло въ настоящее время, и даже не въ томъ, устроится ли оно когда-либо,—все это зависитъ отъ обстоятельствъ,—но въ томъ, возможно ли и желательно ли (licite) оно само по себѣ, то-есть, возможно ли возстановить единство церкви не смотря на разногласіе въ нѣкоторыхъ догматахъ, которые одна сторона считаетъ истинными и опредѣленными церковью, другая же отвергаетъ. Говоря о возможности, я разумѣю возможность въ теоріи (possibilité de droit), не разбирая того, можно ли надѣяться на успѣхъ въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ. Итакъ, дѣло въ томъ, чтобы разсмотрѣть, можетъ ли расколъ быть устраненъ съ помощью слѣдующихъ трехъ средствъ, взятыхъ вмѣстѣ: 1) дозволенія протестантамъ нѣсколькихъ отступленій въ обрядной части (points de discipline), напримѣръ, причащенія подъ обоими видами, брака священнослужителей, богослуженія на родномъ языкѣ; 2) объясненія по поводу нѣкоторыхъ разногласій, въ родѣ тѣхъ, которыя предложилъ Боссюетъ (эти объясненія показали, по крайней мѣрѣ по сознанію многихъ свѣдущихъ и умѣренныхъ протестантовъ, что католическіе догматы, взятые въ этомъ смыслѣ, кажутся имъ хотя не вполнѣ истинными, но и не предосудительными); 3) устраненія нѣкоторыхъ возмутительныхъ обычаевъ и практическихъ злоупотребленій (quelques scandales et abus de pratique), противъ которыхъ возстаютъ протестанты и которыхъ сама церковь не одобряетъ. Послѣ этого одни могли бы причащаться у другихъ, по обрядамъ той церкви, въ которую они ходятъ, съ условіемъ, чтобы церковная іерархія, а слѣдовательно, и зависимость отъ папы были возстановлены. Разногласія въ вопросахъ, которые остались бы неразрѣшенными, также мало служили бы препятствіемъ, какъ споры схоластическихъ философовъ о благодати или разногласіе между Римомъ и Франціей по поводу четырехъ пунктовъ, выставленныхъ галликанскою церковью: все это, конечно, подъ условіемъ подчиненія тому, что церковь когда-нибудь постановитъ на новомъ вселенскомъ соборѣ, правильно составленномъ, на которомъ протестантскіе народы, вполнѣ примиренные, были бы представлены, наравнѣ съ католическими, своими священниками и суперъ-интендентами, признанными въ качествѣ епископовъ и утвержденными папою.... Я поэтому совершенно согласенъ съ вашею свѣтлостью и даже повторю ваши собственныя слова: no, no, non me lo posso mai persuadere, то-есть, я не думаю, чтобы можно было надѣяться на унію и считать ее возможною при настоящихъ обстоятельствахъ. Но я покорнѣйше прошу вашу свѣтлость разсмотрѣть

дѣло въ теоріи съ обыкновенною вашею проницательностью, и сказать, не была ли бы унія возможна, и даже необходима, если бы въ людяхъ было извѣстное расположеніе къ ней. Уже и этотъ фактъ довольно важенъ, чтобъ его вполнѣ выяснить". Большинство католическихъ богослововъ, и во главѣ ихъ Боссюетъ, допускали только одинъ способъ примиренія — такъ-называемое изложеніе или снисходительное толкованіе католическихъ догматовъ. Болѣе умѣренные считали возможнымъ первый способъ, то-есть, дозволеніе протестантамъ нѣкоторыхъ отступленій, а немногіе изъ самыхъ либеральныхъ католиковъ соглашались на реформы въ своей церкви. Лейбницъ, какъ мы видѣли, совѣтуетъ примѣнить всѣ три способа [1]). Хотя онъ считалъ реформы въ католичествѣ самымъ лучшимъ средствомъ для возстановленія церковнаго единства [2]), онъ придавалъ однако большое значеніе также и объясненію догматовъ. Успѣхъ Боссюета его воодушевлялъ, и ему казалось чрезвычайно желательнымъ убѣдить протестантовъ въ томъ, что если католическіе догматы несправедливы, то по крайней мѣрѣ терпимы. Съ другой стороны онъ хотѣлъ доказать богословамъ обѣихъ сторонъ, что достигнуть соглашенія будетъ не трудно, если они оставятъ полемику и напротивъ постараются вникнуть въ ученіе своихъ противниковъ. Онъ поэтому возвратился къ своему давнишнему намѣренію, которое онъ имѣлъ еще въ Майнцѣ и о которомъ онъ такъ много говорилъ покойному герцогу Іоганну-Фридриху, — написать изложеніе католическихъ догматовъ. Онъ имѣлъ въ виду написать его такъ, чтобы нельзя было догадаться, къ какому исповѣданію принадлежитъ авторъ, а потомъ, въ случаѣ одобренія папой, чтобъ оно могло послужить точкой отправленія для соглашенія протестантовъ съ католиками. Лейбницъ тщательно скрывалъ это намѣреніе и говорилъ объ немъ только самымъ близкимъ друзьямъ. Въ 1684 году онъ пишетъ объ этомъ ландграфу: „Я собираюсь написать сочиненіе о нѣкоторыхъ спорныхъ догматахъ между католиками и протестантами, и если оно будетъ одобрено свѣдущими и умѣренными людьми, я буду счастливъ. Но необходимо, чтобъ отнюдь не знали, что авторъ не принадлежитъ къ римской церкви. Одно это пред-

---

[1]) Онъ подробно изложилъ свой взглядъ въ особенномъ трактатѣ: Sur les Méthodes de la Réunion, напечатанномъ у Фуше-де-Кареля, во II томѣ.

[2]) Il est constant que l'Esprit du Christianisme doit porter à la douceur, et que les vrayes voyes pour gagner les Protestants auraient été et le seront encore la réforme des abus domestiques. Rommel. II, p. 59.

убѣжденіе (cette seule prévention) дѣлаетъ подозрительными самыя лучшія намѣренія".

Въ другомъ письмѣ къ ландграфу Лейбницъ говоритъ, что будь „онъ католикомъ, онъ не оставилъ бы римской церкви, если бы только ему позволяли высказывать съ умѣренностью его мнѣніе о томъ что̀ онъ желалъ бы подвергнуть измѣненію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ и другіе, которые держатся такого же взгляда, были обязаны вступить въ католичество. Ибо отъ нихъ потребовали бы тогда прямаго одобренія всего, что̀ имъ не нравится, или по крайней мѣрѣ отвергали бы ихъ толкованіе спорныхъ вопросовъ. И даже, если бы имъ позволили вступить въ католическую церковь, ихъ всегда подозрѣвали бы и гораздо скорѣе стали бы преслѣдовать за ихъ жалобы, чѣмъ тѣхъ, которые родились католиками. Поэтому для нихъ было бы всего вѣрнѣе ясно высказать свой взглядъ на спорные вопросы. Но для того, чтобъ ихъ толкованіе спорныхъ догматовъ было скорѣе принято католиками, можно бы прибѣгнуть къ *невинной уловкѣ* (une adresse innocente), то-есть, написать какое-нибудь сочиненіе объ этомъ, не обнаруживая, что авторъ его принадлежитъ къ другому исповѣданію" [1]).

На этотъ разъ Лейбницъ дѣйствительно исполнилъ свое намѣреніе и написалъ предполагаемое сочиненіе. Оно содержитъ полное изложеніе христіанской вѣры съ католической точки зрѣнія и доказываетъ, что самые непонятные догматы христіанскіе, какъ ученіе о Троицѣ, объ Евхаристія и пр., заключаютъ въ себѣ таинства, но не противорѣчатъ разуму, и что съ другой стороны обряды и вѣрованія католической церкви полезны какъ средства, возбуждающія благоговѣніе. Но Лейбницъ не издалъ своего сочиненія и даже не подвергнулъ его окончательной обработкѣ, потому что оно не было одобрено герцогомъ Ганноверскимъ. Эрнстъ-Августъ очень сочувствовалъ уніи изъ политическихъ видовъ. Онъ хотѣлъ обязать императора Леопольда и надѣялся при возстановленіи церковнаго единства скорѣе достигнуть своей цѣли, курфиршескаго сана, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ не встрѣтилъ бы оппозиціи въ католическихъ князьяхъ. Какъ политикъ, онъ смотрѣлъ довольно равнодушно на различіе догматовъ и не любилъ богословскихъ споровъ. Онъ говорилъ, напримѣръ, что Самъ Господь не хотѣлъ, чтобы составилось опредѣленное и исключительное мнѣніе о мистическомъ смыслѣ Евхаристіи; иначе Онъ Самъ выразился бы объ этомъ точнѣе и опредѣленнѣе. При такомъ настрое-

[1]) Rommel II, p. 36.

нія, герцогъ желалъ какъ можно скорѣе возстановить хоть внѣшнее единство церкви и мало заботился о томъ, будетъ ли достигнуто соглашеніе относительно догматовъ. Ему казалось, что всѣ совѣщанія и споры богослововъ о догматахъ только отсрочатъ соединеніе церквей.

Лейбницъ не могъ разчитывать на успѣхъ своего плана безъ покровительства герцога. Въ 1686 году онъ пишетъ ему: „Это не моя вина, если я не принадлежу къ той сторонѣ, которая права. Больше всего меня отталкивали отъ мнѣній римской церкви затрудненія, которыя представляетъ догматъ объ Евхаристіи (я теперь не говорю объ обрядовой части) и философскія убѣжденія мои, связанныя съ ученіемъ о благодати. Я всегда старался прійдти въ этомъ отношеніи къ результату, который бы меня удовлетворялъ, и я почти достигнулъ этого. Но такъ какъ эти вопросы требуютъ тщательныхъ размышленій о самыхъ трудныхъ отдѣлахъ метафизики, то очень легко впасть въ заблужденіе, если не сумѣешь придать своимъ умозаключеніямъ такую строгую послѣдовательность, какъ въ ариѳметической задачѣ, а вотъ это-то мнѣ и мѣшало остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи. Арно̀, который вполнѣ свѣдущъ въ новѣйшей философіи, и какъ кажется, картезіянецъ, никогда не рѣшался коснуться этого вопроса, или объяснить почти непобѣдимыя затрудненія, представляемыя пресуществленіемъ; можетъ-быть, онъ боялся, что его объясненіе будетъ осуждено, какъ скоро появится въ свѣтъ. Поэтому я считаю слѣдующій способъ самымъ вѣрнымъ, чтобы въ этихъ вопросахъ не впасть въ заблужденіе. Пусть какой-нибудь философски-образованный человѣкъ, расположенный къ соединенію церквей, напишетъ „изложеніе вѣры“, которое было бы нѣсколько подробнѣе, чѣмъ книга епископа Кондомскаго (Боссюетъ). Въ этомъ сочиненіи онъ долженъ стараться высказываться какъ можно точнѣе и искреннѣе о спорныхъ вопросахъ, избѣгать двусмысленныхъ выраженій и схоластическихъ уловокъ и говорить самымъ простымъ языкомъ. Это изложеніе онъ могъ бы подвергнуть на судъ нѣкоторыхъ ученыхъ епископовъ изъ умѣренныхъ, скрывая какъ свое имя, такъ и свое вѣроисповѣданіе. Для того, чтобы расположить ихъ къ болѣе благосклонному приговору, онъ могъ бы подкрѣпить свое изложеніе авторитетомъ нѣкоторыхъ ученыхъ людей католической церкви. Но при этомъ онъ бы не спрашивалъ своихъ судей, раздѣляютъ ли они его убѣжденія, а только, думаютъ ли они, что такія мнѣнія терпимы въ католической церкви. Никто не могъ бы такъ легко выхлопотать подобное одобреніе, какъ ваша свѣтлость. Для того, чтобы составить изложеніе вполнѣ цѣлесообразное,

слѣдовало бы прійдти къ соглашенію съ вашею свѣтлостью. Во всякомъ случаѣ, состоится ли это или нѣтъ, но тотъ, кто сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы не быть въ расколѣ, тотъ дѣйствительно членъ вселенской церкви, по крайней мѣрѣ in foro interno (внутренно), по удачному выраженію вашей свѣтлости. Я думаю, что было бы достаточно одобренія епископовъ, и что одобреніе самого Рима не очень нужно. Но можетъ-быть, и оно достижимо, если сумѣть его выхлопотать, и я знаю, что въ Римѣ есть люди, которые были бы готовы содѣйствовать этому. Но безъ особенныхъ стараній, конечно, нельзя ожидать ничего подобнаго".

Герцогу предложеніе Лейбница не понравилось. Ему хотѣлось избѣгнуть пространныхъ догматическихъ разсужденій. Въ другомъ письмѣ Лейбницъ пишетъ ему: „Изъ письма вашей свѣтлости, въ которомъ вы возражаете противъ того, что я сказалъ о пресуществленіи, я убѣдился, какъ трудно удовлетворить самыхъ справедливыхъ и просвѣщенныхъ людей, если не раздѣляешь въ точности ихъ мнѣній. Очень часто благія намѣренія не осуществлялись отъ того, что благомыслящіе люди, имѣвшіе одну и ту же цѣль, впадали въ противорѣчіе и не соглашались на счетъ средствъ, которыя нужно было употребить, хотя бы эти средства были дѣйствительно хороши и послѣдовательны. Вотъ это именно и случилось въ дѣлѣ о церковномъ примиреніи. Ваша свѣтлость стараетесь достигнуть его на основаніи древности и авторитета видимой церкви; при этомъ вы не одобряете подробнаго разбирательства спорныхъ вопросовъ и упрекаете меня въ томъ, что я удаляюсь отъ настоящаго пути. Что до меня касается, я могу сказать, что занимался древностью и что безконечно уважаю преданіе въ католической церкви. Не смотря на это, я считалъ важнымъ, — конечно, не для всякаго, а для тѣхъ, которые къ этому способны, — тщательное обсужденіе спорныхъ вопросовъ, чтобы не дѣлать себѣ потомъ упрековъ и быть въ состояніи дѣйствовать со всевозможною искренностью и точностью, безъ лицемѣрія и обмана".

Сочиненіе Лейбница, которому онъ даже не далъ заглавія, имѣло оригинальную судьбу. Рукопись его оставалась около 100 лѣтъ не замѣченною въ его бумагахъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія на нее обратилъ вниманіе библіотекарь Муръ, и она сдѣлалась извѣстна французскому ученому, аббату Эмери. По его настоянію она была вытребована въ 1810 году, во время занятія Ганновера Французами, дядею Наполеона, кардиналомъ Фешомъ. Оригиналъ остался у кардинала, былъ отвезенъ въ Римъ и возвращенъ Ганноверской би-

бліотекѣ только по смерти кардинала въ 1843 году, послѣ долгихъ переговоровъ, благодаря стараніямъ библіотекаря Перца. Между тѣмъ въ 1819 году сочиненіе Лейбница было издано въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Systema Theologicum», и вслѣдъ за тѣмъ появилось еще нѣсколько изданій его во Франціи и Германіи [1]). Оно было встрѣчено католиками съ большимъ энтузіазмомъ: они видѣли въ немъ религіозную исповѣдь Лейбница и на основаніи его утверждали, что онъ былъ тайнымъ католикомъ. Протестанты были въ большомъ затрудненіи, а вопросъ, какого исповѣданія собственно придерживался Лейбницъ, вызвалъ цѣлую полемическую литературу. Только тщательныя изслѣдованія бумагъ Лейбница въ сороковыхъ годахъ, по поводу его юбилея, возстановили все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Гротефендъ, сличая изданіе Лакруа съ рукописью, нашелъ въ этомъ изданіи нѣсколько важныхъ намѣренныхъ или невольныхъ ошибокъ. Оказалось, напримѣръ, что одно мѣсто, въ которомъ видѣли осужденіе протестантизма, неправильно прочитано; въ другомъ мѣстѣ было пропущено одно слово, которое показываетъ точку зрѣнія автора. Лейбницъ говоритъ: „Не напрасны были протесты *нашихъ*“ (nec vero irritae sunt protestationes nostrorum); потомъ онъ вычеркнулъ слово *нашихъ*, такъ какъ иначе можно было бы догадаться, что авторъ былъ протестантъ. Хотя Лакруа привелъ въ текстѣ всѣ поправки, сдѣланныя Лейбницемъ, онъ однако не упомянулъ объ этой. Совершенно ясно стало дѣло, когда въ 1847 году была издана переписка между ландграфомъ и Лейбницемъ, въ которой послѣдній говоритъ совершенно откровенно о своемъ намѣреніи, и называетъ его, между прочимъ, какъ мы видѣли, невинной уловкой — une adresse innocente.

Эти споры о значеніи такъ-называемой „Богословской системы“ Лейбница наводятъ насъ на вопросъ о его религіозныхъ убѣжденіяхъ,— вопросъ, который былъ столько разъ обсуждаемъ въ литературѣ и который вызвалъ такія различныя сужденія. Здѣсь намъ представляются собственно два вопроса: вопервыхъ, какъ относился Лейбницъ къ религіи вообще, и вовторыхъ, какому вѣроисповѣданію онъ болѣе всего сочувствовалъ.

Ганноверскіе пасторы еще при жизни Лейбница обвиняли его въ безвѣріи, такъ какъ онъ не ходилъ въ церковь. Послѣ его смерти это мнѣніе еще болѣе распространилось, когда виртембергскій богословъ

---

[1]) Первое изданіе полно ошибокъ. Болѣе правильно изданіе Lacroix 1845 г., который свѣрилъ его съ рукописью. Въ Германіи «Systema» было издано нѣсколько разъ, съ переводомъ: Leibnitzens System der Theologie übers. v. Räss u. Weis mit einer Vorrede v. Doller 3 Aufl. 1825. Mainz.

Пфафъ напечаталъ письмо Лейбница къ нему, изъ котораго можно было заключить, что онъ „только ради шутки и своего удовольствія защищалъ религію отъ возраженій скептика Бейля, и что онъ собственно раздѣлялъ его убѣжденія“. Намъ еще придется говорить объ отзывѣ этого богослова и о письмѣ Лейбница по поводу его Теодицеи. Съ тѣхъ поръ многіе сомнѣвались въ религіозности и искренности Лейбница. Одною изъ основныхъ идей Лейбница было убѣжденіе въ гармоническомъ отношеніи (conformité) вѣры и разума, религіи и философіи. Большая часть его сочиненій и его переписки посвящена доказательству этого положенія, которое даетъ намъ ключъ къ выясненію его философской системы и его практической жизни. Лейбницъ признаетъ Откровеніе, но разумъ не противорѣчитъ ему, ибо кромѣ прямаго Откровенія въ Священномъ Писаніи Богъ открываетъ человѣчеству религіозныя истины посредствомъ разума.

Признавая Откровеніе, Лейбницъ допускалъ всѣ догматы христіанской религіи, основанные на немъ. „Я могу васъ увѣрить, пишетъ онъ ландграфу Эрнсту, что философскія сомнѣнія, о которыхъ я говорилъ въ моемъ прошломъ письмѣ, не содержатъ ничего, что бы противорѣчило мистеріямъ христіанства, то-есть, Троицѣ, воплощенію, Евхаристіи и воскресенію изъ мертвыхъ. Я считаю ихъ возможными, и такъ какъ Господь ихъ открылъ, то я признаю ихъ дѣйствительными“.

Эти слова могутъ служить исповѣдью Лейбница; то, что здѣсь сказано, онъ проводитъ во всѣхъ своихъ богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ. Онъ считалъ возможными таинственные догматы христіанства, потому что они не противорѣчили разуму. По опредѣленію Лейбница, разумъ есть логическое сцѣпленіе истинъ; истины же бываютъ двоякаго рода — *вѣчныя* или метафизическія, и фактическія. Истины перваго рода положительно необходимы, такъ что противоположное имъ совершенно невозможно; сюда принадлежатъ истины логическія и математическія, напримѣръ, что сумма угловъ въ трехугольникѣ равняется двумъ прямымъ. Утверждать противное было бы нелѣпостью, такъ какъ сумма угловъ въ трехугольникѣ никогда не можетъ сдѣлаться больше или меньше двухъ прямыхъ. Истины втораго рода, это или законы, которые Богъ далъ природѣ, или же положенія, зависящія отъ этихъ законовъ, такъ напримѣръ, положеніе, что всѣ люди смертны. Эти истины мы узнаемъ или по опыту (a posteriori), или же съ помощью разума (a priori), усматривая цѣлесообразность, которая побудила Творца постановить эти законы. Цѣлесообраз-

ность ихъ имѣетъ также свои правила и законы, но они существуютъ не по математической необходимости, а вслѣдствіе свободнаго выбора Господа, который предпочитаетъ лучшее и болѣе цѣлесообразное тому, что̀ менѣе цѣлесообразно.

Все, что̀ противорѣчитъ истинамъ и законамъ перваго рода, должно быть отвергнуто; но то, что̀ только противорѣчитъ законамъ втораго рода, можетъ быть предметомъ религіозной вѣры, если эта вѣра имѣетъ за себя достаточно поводовъ (motifs de crédibilité). Такіе факты, которые противорѣчатъ законамъ, извлеченнымъ нами изъ опыта, но которые составляютъ предметъ нашей вѣры, называются чудесами. Откровеніе есть чудо и повѣствуетъ намъ о другихъ чудесахъ.

Въ этихъ чудесахъ, для того чтобы мы могли принять ихъ на вѣру, не должно быть логическаго противорѣчія, и точно также въ нихъ не должно заключаться противорѣчіе несомнѣннымъ математическимъ законамъ. Но они могутъ не согласоваться съ законами, извлеченными изъ опыта. Ибо Господь можетъ освободить свои творенія отъ законовъ, которые онъ вложилъ въ нихъ, и произвести въ нихъ то, что̀ не слѣдуетъ изъ ихъ природы. Ибо обыкновенные поводы цѣлесообразности, ради которыхъ Богъ установилъ эти законы, могутъ уступать еще болѣе сильнымъ поводамъ высшей цѣлесообразности [1]). Есть много чудесъ, которыя намъ только кажутся сверхъестественными, потому что мы ихъ не умѣемъ объяснить, но которыя могутъ совершиться самымъ естественнымъ путемъ. Да и тѣ чудеса, для которыхъ было необходимо отступленіе отъ обыкновенныхъ законовъ природы, можетъ-быть, только для насъ, то-есть, относительно, составляютъ чудеса. Ибо они могли входить въ первоначальный планъ мірозданія и такимъ образомъ не нарушать его естественнаго хода. Въ этомъ отношеніи Лейбницъ прибѣгаетъ къ средству, которымъ пользовались средневѣковые богословы для того, чтобы примирить вѣру съ разумомъ. Онъ вмѣстѣ съ ними различаетъ то, что̀ противно разуму (wider die Vernunft), и то, что̀ выше разума (über die Vernunft). Догматы вѣры могутъ быть выше разума, то-есть, необъяснимы для насъ, но не должны противорѣчить нашему разуму, то-есть, логическимъ и математическимъ законамъ, которые мы познаемъ разумомъ.

Лейбницъ не только допускаетъ, но и требуетъ примѣненія разума къ объясненію предметовъ вѣры. Знаменитое изрѣченіе Тертулліана:

---

[1]) Les raisons générales du bien et de l'ordre, qui l'y ont porté, peuvent être vaincu dans quelques cas par des raisons plus grandes d'un ordre supérieur. Discours de la Conform. въ изд. сочин. Лейбн. Эрдманомъ p. 480.

„Умеръ Сынъ Божій — это достойно вѣры, ибо оно несообразно (credibile est, quia ineptum est); и погребенный Онъ воскресъ: это вѣрно, ибо невозможно (certum est, quia impossibile est)“ — Лейбницъ считаетъ только „остроумнымъ оборотомъ мысли“. Онъ же, напротивъ, того мнѣнія, „что отказываться отъ разума въ дѣлахъ вѣры почти вѣрный признакъ или упрямства, приближающагося къ фанатизму, или же, что̀ хуже, ханжества [1]). Но въ то же время онъ далекъ отъ поверхностнаго *раціонализма*, который сталъ господствовать въ XVIII вѣкѣ, и начала котораго многіе, напримѣръ, Куно Фишеръ, отыскиваютъ въ философіи Лейбница. Этотъ раціонализмъ дошелъ до нелѣпости своимъ желаніемъ устранить изъ религіи все сверхъестественное и прибѣгалъ постоянно къ самымъ смѣшнымъ натяжкамъ, чтобы объяснить чудеса естественнымъ путемъ. Лейбницъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ богословіе съ философіей, и говоритъ, что нужно строго различать между словами: понимать и объяснять, доказывать и утверждать [2]).

Есть чудеса, которыя Богъ совершилъ посредствомъ людей или ангеловъ, безъ нарушенія законовъ природы: но другія чудеса, напримѣръ, сотвореніе міра, воплощеніе и прочія дѣйствія Бога, превосходятъ всѣ силы твореній (des créatures) и составляютъ настоящія чудеса или таинства. Эти таинства или мистеріи могутъ быть объясняемы, на сколько это нужно для вѣры, но ихъ нельзя понять или сдѣлать понятными. Подобно тому и въ физикѣ можно объяснить до извѣстной степени нѣкоторыя свойства тѣлъ (напримѣръ, законы притяженія), но причины ихъ остаются для насъ непонятными. Точно также нельзя доказать таинства съ помощью разума, ибо все, что̀ можетъ быть доказано a priori, доступно пониманію. Цельзъ, говоритъ Лейбницъ, возразилъ христіанамъ, что если они прячутся за свое обыкновенное выраженіе: „не изслѣдуйте, а вѣрьте“, то они по крайней мѣрѣ должны объяснить, что̀ же это такое, во что̀ я долженъ вѣровать. Въ этомъ отношеніи онъ правъ. Но не слѣдуетъ требовать для объясненія совершенно ясныхъ опредѣленій (adaequate Begriffe). Достаточно аналогическаго пониманія такихъ мистерій, какъ Троица и

---

[1]) Vouloir renoncer à la raison en matière de Religion est auprès de moi une marque presque certaine ou d'un entestement approchant de l'enthousiasme, ou, qui pis est, d'une hypocrisie. Переп. съ ландгр. Эрнстомъ № 29 1684 s. dato. Rommel. II, p. 54.

[2]) Ils confondent: expliquer, comprendre, prouver, soutenir. Disc. de la conf. etc. p. 481 Изд. Erdm.

воплощеніе, для того чтобы мы, говоря о нихъ, не произносили безсмысленныхъ для насъ словъ, но не нужно, чтобы наше объясненіе равнялось полному пониманію. Достаточно, если мы отвѣтимъ на вопросъ: *что такое?* (τί ἐστι); отвѣтить же на вопросъ: *какъ* (πῶς) мы не въ состояніи. Лейбницъ говоритъ очень хорошо, что къ обыкновеннымъ объясненіямъ этихъ мистерій можно примѣнить слова, которыя королева Христина приказала вычеканить на медали въ память отреченія отъ престола: Non mi bisogna, e non mi basta. (Мнѣ это не нужно, и мнѣ этого не достаточно). Точно также не нужно доказывать эти таинства a priori; достаточно знать, что это такъ, и не нужно знать, *почему;* ибо Господь предоставилъ это знаніе себѣ одному и потому, какъ говоритъ Іосифъ Скалигеръ:

Nescire velle, quae Magister optimus
Docere non vult, erudita inscitia est [1]).

Поэтому намъ остается только принять таинства, основываясь на доказательствахъ въ пользу истины религіи (motifs de crédibilité), и защищать ихъ отъ возраженій. Лейбницъ въ этомъ случаѣ не допускаетъ неопровержимыхъ возраженій (des objections invincibles). По его мнѣнію, посредственный умъ, способный ко вниманію, въ состояніи, съ помощью правилъ обыкновенной логики, опровергнуть самое затруднительное возраженіе противъ истины, если это возраженіе заимствовано изъ разума [2]). Если же мы не въ состояніи опровергнуть возраженій противъ извѣстнаго догмата, то мы не имѣемъ права принимать его; ибо то, что можетъ быть вполнѣ опровергнуто, непремѣнно ложно, и потому абсолютныя возраженія должны считаться не только равносильными, но болѣе убѣдительными, чѣмъ доказательства въ пользу истины религіи, такъ какъ достовѣрность послѣднихъ не абсолютная, а нравственная [3]). Конечно, эти возраженія не дол-

---

[1]) Не желать узнать того, что лучшій учитель не хочетъ открыть, есть ученое невѣдѣніе. См. Boekh. p. 497.

[2]) Un génie médiocre capable d'assez d'attention et se servant exactement des règles de la logique vulgaire est en état de répondre à l'objection la plus embarrassante contre la vérité, lorsque l'objection n'est prise que de la raison. Disc. p. 487.

[3]) Согласно съ тѣмъ, что Лейбницъ признаетъ два рода истинъ: абсолютныя, то-есть, логическія и математическія, и вовторыхъ, фактическія, онъ различаетъ также двоякую достовѣрность (Gewissheit): абсолютную или метафизическую, которая вызывается истинами перваго рода, и нравственную — certitude morale.

жны основываться на вѣроятности. Всякій знаетъ, что таинства религіи имѣютъ противъ себя вѣроятность, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія разсудка. Но достаточно, чтобы въ нихъ не было ничего несообразнаго, а для того, чтобъ опровергнуть ихъ, были бы необходимы математически ясныя доказательства (démonstrations).

Лейбницъ допускалъ разумъ не только при провѣркѣ предмета вѣры (l'objet de la foi), то-есть, религіозныхъ догматовъ, для того чтобы въ нихъ не заключалось ничего безсмысленнаго или никакого противорѣчія; но онъ требовалъ такой же разумной провѣрки поводовъ къ вѣрѣ (les motifs de la crédibilité). Я совершенно согласенъ, говоритъ онъ въ своемъ „Новомъ Опытѣ", въ томъ, что вѣра должна быть основана на разумѣ, иначе не было бы причины предпочитать Библію Корану или древнимъ книгамъ браминовъ. Поэтому здравомыслящіе люди всегда смотрѣли съ подозрѣніемъ на тѣхъ, которые увѣряли, что не слѣдуетъ заботиться о доказательствахъ, когда дѣло идетъ о вѣрѣ; но отвергать доказательство невозможно, если *вѣрить* не должно значить *повторять* (réciter)[1]. Въ этомъ случаѣ у насъ не было бы столькихъ прекрасныхъ сочиненій въ пользу истины христіанской религіи и столькихъ убѣдительныхъ доказательствъ, выставленныхъ противъ язычниковъ и противъ древнихъ и современныхъ атеистовъ (mécreants).

Но здѣсь мы встрѣчаемъ у Лейбница интересную непослѣдовательность, ту же самую, которую мы замѣчаемъ у реформаторовъ, особенно у Лютера. Это одно изъ тѣхъ явленій, которыя постоянно встрѣчаются въ исторіи человѣчества; съ точки зрѣнія обыкновенной логики ихъ можно назвать непослѣдовательностью, но такая непослѣдовательность бываетъ часто великою историческою необходимостью.

Требуя разумной провѣрки доказательствъ въ пользу религіозныхъ догматовъ, Лейбницъ не допускалъ такой же провѣрки для главнаго источника вѣры,— для Священнаго Писанія; другими словами, онъ не допускалъ критики Священнаго Писанія. Для него, какъ и для Лютера, Библія есть святыня, до которой нужно касаться осторожно. Не смотря на свою многостороннюю ученость, онъ не интересуется экзегетикой, то-есть, объясненіемъ Библіи, и говоритъ только о буквальномъ и метафизическомъ пониманіи текстовъ. Онъ допускаетъ послѣднее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ Священное Писаніе припи-

[1]) Nouveaux Essais. p. 402. Изд. Эрдм.

сываетъ Богу гнѣвъ и другія человѣческія страсти; гдѣ встрѣчаются антропоморфическія представленія, гдѣ упоминается, напримѣръ, о рукахъ Божіихъ. Не допускать въ этихъ случаяхъ метафизическаго объясненія, говоритъ Лейбницъ, значило бы впадать въ крайности нѣкоторыхъ англійскихъ фанатиковъ, которые полагаютъ, что Иродъ былъ дѣйствительно превращенъ въ лисицу въ ту минуту, когда Христосъ, говоря про него, назвалъ его лисицей. Но за то, по мнѣнію Лейбница, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается основныхъ догматовъ христіанства, нужно придерживаться буквальнаго толкованія. Объ исторической же критикѣ у Лейбница нѣтъ помина. Онъ относится даже враждебно къ попыткамъ этого рода. Говоря о книгѣ епископа Бёрнета, въ которой тотъ старался объяснить потопъ естественнымъ путемъ, Лейбницъ хвалитъ его намѣреніе, „потому что въ это время нужно особенно стараться зажимать ротъ тѣмъ, которые позволяютъ себѣ подвергать критикѣ Св. Писаніе“ [1]). Правда, во время Лейбница эта критика была довольно безсмысленна и исходила отъ людей пристрастныхъ и враждебно расположенныхъ къ изслѣдуемому предмету. Во всемъ этомъ Лейбницъ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія реформаторовъ. Онъ поставилъ себѣ, какъ говоритъ Бёкъ, опредѣленную грань: „до сихъ поръ и не дальше“ [2]).

Итакъ, опредѣляя отношенія Лейбница къ религіи и къ богословію, мы должны прійдти къ слѣдующему заключенію. Онъ не смѣшиваетъ богословіе съ философіей, какъ въ средніе вѣка. Источникомъ перваго онъ считаетъ Откровеніе, источникомъ философіи — разумъ. Матеріалъ богословія уже данъ, и Лейбницъ беретъ его готовымъ изъ рукъ богослововъ. Онъ не анализируетъ, не критикуетъ его, онъ не старается доказать его истину, его тождество съ результатами философіи; онъ хочетъ только доказать, что въ немъ нѣтъ противорѣчія разуму. Въ богословіи (in theologia revelata), пишетъ Лейбницъ герцогу Іоганну-Фридриху, я берусь доказать, правда, не истину (veritatem), ибо та проистекаетъ изъ Откровенія, но возможность мистерій, противъ нареканій невѣрныхъ и атеистовъ. Вслѣдствіе этого онъ защищаетъ безъ различія римско-католическіе и протестантскіе дог-

---

[1]) Il y a beaucoup d'esprit et son dessein est très bon et très louable, parcequ' en ce temps cy il faut surtout tacher de fermer la bouche à ceux, qui se donnent la liberté de critiquer sur la Sainte Écriture. Переп. съ ландгр. Эрн. Rommel II p. 41.

[2]) A. Boekh — Leibnitz in seinem Verhältniss zur positiven Theologie въ Raumer's *Historisches Taschenbuch*. 1844 г.

маты. Онъ предпочитаетъ Аугсбургское толкованіе таинства причащенія [1]), но въ то же время всею силою своей логики и силлогистики старается доказать возможность и разумность католическаго догмата причащенія. Онъ торжествуетъ, когда ему кажется, что его философія даетъ лучшее средство для того, чтобы объяснить этотъ догматъ, чѣмъ картезіанизмъ, съ точки зрѣнія котораго католическое толкованіе заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе, слѣдовательно, безсмыслицу. Онъ гордится этимъ и постоянно выставляетъ на видъ преимущество своей философіи. Въ этомъ не нужно видѣть тщеславіе діалектика, который хочетъ выказать свое искусство, не заботясь о сущности дѣла, или хитрость политика, который желаетъ вызвать сочувствіе обѣихъ сторонъ. Напротивъ, это — взглядъ мудреца, который уважаетъ чужія убѣжденія, особенно въ религіозныхъ вопросахъ, и болѣе старается найдти въ нихъ разумную сторону, чѣмъ подвергать ихъ насмѣшкамъ. Наконецъ, этотъ взглядъ находится въ связи съ стремленіемъ Лейбница примирить христіанскія вѣроисповѣданія и разсматривать ихъ какъ лучи одного свѣта, который различно преломляется, смотря по средѣ, чрезъ которую проходитъ.

Вотъ съ какой точки зрѣнія нужно разсматривать обвиненія, подобныя тому, которое выставилъ противъ Лейбница виртембергскій богословъ Пфафъ: „Я совершенно увѣренъ и убѣжденъ въ томъ, что Лейбницъ защищалъ въ своей Теодицеѣ различные догматы нашей религіи, надъ которыми онъ въ другихъ случаяхъ смѣялся и которые отвергалъ свысока. Всѣ, которымъ удалось близко познакомиться съ нимъ, знаютъ убѣжденія этого царедворца и философа и его взглядъ на религію“ [2]). Пфафъ былъ оскорбленъ письмомъ Лейбница и объясненіемъ его друзей, что послѣдній въ этомъ письмѣ подшутилъ надъ нимъ. Подъ вліяніемъ этого настроенія строгій богословъ могъ преувеличить дѣло. Но и помимо этого отзыва Пфафа можно предположить, что Лейбницъ считаетъ ненужными и необязательными для себя многіе догматы, возможность которыхъ въ данномъ случаѣ онъ былъ готовъ

---

[1]) Quant à moi, пишетъ онъ Пелиссону (puisque vous en demandez mon sentiment, Monsieur) je me tiens à la confession d'Augsbourg, qui met une présence réelle du corps de Jésus Christ et reconnoit quelque chose de mysterieux dans ce sacrement. Cela paroit plus conforme au texte et aux sentimens de l'antiquité, et on doit sauver le sens naturel des paroles, s'il est possible Oeuv. de L. ed. Foucher de C. I p. 156.

[2]) Placita, quae risit aliàs et naso adunco suspendit, e. g., dogma de praesentia reali. Norunt mentem viri aulici et philosophi ipsiusque circa religionem sententias, quibus virum penitus nosse contigit. Приведено въ статьѣ Бёка p. 492.

защищать. Такъ, напримѣръ, не могъ же онъ въ одно и то же время допускать и лютеранское и католическое толкованіе таинства Евхаристіи, хотя онъ защищалъ и то и другое. Вообще, какъ мы говорили, Лейбницъ былъ не богословъ и принималъ богословскій матеріалъ, какъ его находилъ. Принимая въ цѣломъ христіанскую религію, онъ не считаетъ нужнымъ въ частностяхъ излагать свой субъективный взглядъ на тотъ или другой догматъ. Онъ часто приводитъ изъ исторіи догматовъ, что сама церковь допускала различныя толкованія. Въ этихъ случаяхъ онъ предпочитаетъ болѣе снисходительное и гуманное толкованіе. Часто онъ прибѣгаетъ къ невѣдѣнію. Такъ, напримѣръ, въ своемъ спорѣ съ Бейлемъ Лейбницъ принимаетъ ученіе о сотвореніи Адама и Евы и о грѣхопаденіи такъ, какъ оно разказано въ Библіи, защищаетъ его съ своей философской точки зрѣнія и заключаетъ словами: „Впрочемъ, мы не знаемъ достаточно ни свойства заповѣднаго плода, ни самого дѣйствія, ни послѣдствій его, чтобы судить о частностяхъ этого дѣла; необходимо только отдать Богу справедливость и не думать, чтобъ это было то, что намъ изображаютъ живописцы“.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были личныя убѣжденія Лейбница относительно того или другаго догмата, за нимъ нужно признать настоящую религіозность. Когда умеръ Бейль, Лейбницъ выразилъ надежду, что онъ теперь „окруженъ истиннымъ свѣтомъ, котораго мы здѣсь лишены, такъ какъ можно предположить, что у него не было недостатка въ доброй волѣ“. Эти слова, за которыя люди ограниченные готовы были назвать его атеистомъ, напротивъ, проникнуты глубокою религіозностью и бросаютъ полный свѣтъ на его убѣжденія. Они доказываютъ, что по его мнѣнію, въ религіи всего важнѣе доброе и неотступное желаніе достигнуть истины. Относительно же другихъ Лейбницъ не только выказывалъ пассивную терпимость, но, какъ хорошо выразился о немъ Бёкъ, онъ старался привести каждаго къ истинѣ по тому пути, на которомъ его находилъ.

Это послѣднее свойство Лейбница объясняетъ намъ его отношенія къ вѣроисповѣданіямъ. Признавая Откровеніе, Лейбницъ совершенно послѣдовательно признаетъ существованіе вселенской церкви, въ которой сохраняется и продолжаетъ жить это Откровеніе. Онъ въ этомъ отношеніи совершенно раздѣляетъ взглядъ реформаторовъ. Послѣдніе вовсе не желали произвести расколъ въ церкви, они хотѣли только очистить ее отъ злоупотребленій и заблужденій съ помощью вселенскаго собора, и даже когда ихъ требованія были отвергнуты

Римомъ, они продолжали считать себя вмѣстѣ съ католиками членами одной вселенской церкви. Только когда Тридентинскій соборъ выяснилъ злоупотребленія, противъ которыхъ возставали протестанты, у нихъ стало преобладать чувство ненависти къ Риму и убѣжденіе, что никакая сдѣлка съ нимъ невозможна.

Лейбницъ, принимая вмѣстѣ съ реформаторами ученіе христіанской церкви первыхъ вѣковъ, не могъ допустить, чтобъ она вдругъ лишилась Откровенія и уклонилась отъ истиннаго пути, и вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ совершенно послѣдовательно прійдти къ признанію папства. Не слѣдуетъ забывать, что въ его время для европейскаго запада восточная церковь какъ бы не существовала. Въ Азіи она казалась совершенно погибшею подъ владычествомъ Турокъ, а о Россіи на западѣ почти не думали. Восточная церковь поэтому не входила въ разчеты Лейбница, и онъ не могъ смотрѣть на папство какъ на отпаденіе отъ вселенской церкви. Но кромѣ того папство само по себѣ имѣло для него много симпатичнаго. Къ религіознымъ убѣжденіямъ тутъ примѣшивались политическія. Ему нравилось средневѣковое представленіе о папѣ и императорѣ, стоящихъ во главѣ христіанскихъ народовъ. Такое устройство, казалось, устраняло всякую вражду между народами, водворяло гармонію между церковью и государствомъ и было земнымъ отраженіемъ царства небеснаго, управляемаго Господомъ.

Лейбницъ благоговѣлъ передъ римскою церковью, когда онъ представлялъ себѣ величавый строй и вѣковую нравственность ея іерархіи. „Я признаю, пишетъ онъ однажды ландграфу Эрнсту [1]), что іерархія католической церкви и отличіе римскаго первосвященника (la distinction du pontife suprême) существуютъ по Божественному праву, ибо необходимо имѣть правителя надъ епископами и священниками". Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ выражается еще рѣшительнѣе о томъ, что папство существуетъ по Божественному праву. „Такъ какъ Богъ, говоритъ онъ, Богъ порядка, и управленіе единой каѳолической и апостольской церкви посредствомъ одного закона и одной вселенской іерархіи основано на Божественномъ правѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что тѣмъ же правомъ пользуется духовный глава церкви, если онъ сдерживается въ предѣлахъ справедливаго".

Но признавая за монархическимъ устройствомъ христіанской церкви Божественное происхожденіе, Лейбницъ не думаетъ отождествлять

---

[1]) V. XX 1684. Jan. Rommel II p. 19.

его съ папствомъ, то-есть, съ властью *римскаго епископа*. Идея, что церковь должна управляться монархически, вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ Божественнаго начала, но примѣненіе ея, то-есть, самое устройство — въ рукахъ человѣка и поэтому подвержено измѣненіямъ сообразно съ потребностями времени. Оттого онъ прибавляетъ: „Глава церкви долженъ быть облеченъ правительственною властью и снабженъ всѣмъ необходимымъ, чтобъ имѣть возможность исполнять свое назначеніе и дѣйствовать въ пользу церкви; но что мѣстомъ и средоточіемъ этой правительственной власти избранъ Римъ, столица христіанскаго міра, это зависѣло отъ человѣческихъ соображеній“ [1]).

Съ такой же точки зрѣнія Лейбницъ разсматриваетъ вопросъ о свѣтской власти папы. Свѣтская власть, по его мнѣнію, была бы не нужна, если бы духовенство было тѣсно связано съ папой и еслибъ оно своимъ образомъ жизни внушало уваженіе народу. Ибо тогда не было бы ни одного христіанскаго государя, который бы дерзнулъ навлечь на себя неудовольствіе такой корпораціи.... „Но при теперешнихъ обстоятельствахъ, говоритъ Лейбницъ, мнѣ казалось бы полезнѣе присоединить всю Италію къ вотчинѣ св. Петра, чѣмъ уменьшать Церковную Область. Ибо было бы желательно, чтобы папа былъ довольно силенъ и могъ быть посредникомъ въ распряхъ христіанскихъ государей; но такъ какъ сила религіи кажется мнимой въ глазахъ мірскихъ людей (les mondains) въ нашъ испорченный вѣкъ, то было бы хорошо соединить съ нею свѣтскую власть“ (le bras seculier) [2]). Странное заблужденіе въ такомъ опытномъ политическомъ дѣятелѣ! Лейбницъ могъ думать, что папство въ XVII вѣкѣ станетъ менѣе злоупотреблять своею свѣтскою властью, чѣмъ въ средніе вѣка, а воспользуется ею для водворенія въ Европѣ мира и справедливости!

Это объясняется тѣмъ, что въ то время, то-есть, въ началѣ 80-хъ годовъ, расположеніе Лейбница къ католицизму достигло своего высшаго предѣла. Болѣе 10-ти лѣтъ провелъ онъ въ католическихъ странахъ, и вездѣ видѣлъ католицизмъ только съ хорошей стороны, сна-

---

[1]) Cum Deus sit Deus ordinis et corpus unius Ecclesiae Catholicae et apostolicae uno regimine hierachiaque universali continendum juris divini sit, consequens est, ut ejusdem sit juris supremus in eo spiritualis magistratus terminis se justis continens, directoria potestate, omniaque necessaria ad explendum munus pro salute Ecclesiae agendi facultate instructus, tametsi locus et sedes hujus potestatis in metropoli christiani orbis Roma en humanis considerationibus placuerit. Письмо къ Фабриц. ed. Kortholt.

[2]) «Rummel» I, 285.

чала въ Майнцѣ при дворѣ просвѣщеннаго курфирста Шенборна, затѣмъ въ Парижѣ, и наконецъ, въ Ганноверѣ при дворѣ ревностнаго католика, гуманнаго Іоганна-Фридриха. Онъ освободился отъ предразсудка, всосаннаго съ дѣтства, что въ католицизмѣ нельзя найдти спасенія. Я согласенъ даже, пишетъ онъ ландграфу, что католическая церковь непогрѣшима во всѣхъ догматахъ вѣры, необходимыхъ для спасенія, вслѣдствіе особеннаго покровительства Св. Духа, которое было ей обѣщано [1]).

Въ такія минуты имъ овладѣваетъ какое-то влеченіе къ той церкви, которая носитъ и заслуживаетъ, по его мнѣнію, названіе вселенской. „Я охотно признаюсь, пишетъ онъ, что я бы желалъ во что бы ни стало пріобщиться къ римской церкви, если бы я только могъ это сдѣлать съ настоящимъ спокойствіемъ духа и съ тою удовлетворенною совѣстью, которою я наслаждаюсь теперь въ полной увѣренности, что я не упускаю ничего для того, чтобы достигнуть такой желательной цѣли“ [2]).

Онъ прямо говоритъ своимъ единовѣрцамъ, что если бы подчиненіе папѣ могло повлечь за собою устраненіе зла и заблужденій въ католицизмѣ, то имъ слѣдовало бы признать его главой церкви.

Но на вопросъ, почему же онъ самъ не присоединяется къ той церкви, которую онъ считаетъ непогрѣшимою, онъ всегда выставляетъ на видъ, вопервыхъ, что у него есть нѣсколько философскихъ убѣжденій, которыя не будутъ терпимы въ католичествѣ, а въ этомъ случаѣ лучше не присоединяться, чѣмъ потомъ быть отвергнутымъ:

Turpius ejicitur, quam non admittitur hospes;

вовторыхъ, онъ указывалъ на множество заблужденій и злоупотребленій, которыя вкрались въ римскую церковь, особенно вслѣдствіе честолюбія духовенства, и которыя не позволяютъ ему присоединяться къ ней, прежде чѣмъ эти злоупотребленія будутъ устранены.

На это его католическіе друзья [3]) возражали ему, что не возможно

---

[1]) Par une assistance spéciale du S. Esprit, qui lui a été promise.

[2]) Car j'avoue très volontiers, que je voudrois estre dans la communion de l'Église de Rome à quelque prix, que je pourrois, pourvu que je le puisse faire avec un vray repos d'esprit, et cette paix de conscience, dont je jouis à présent, sachant bien, que je n'omets rien de mon costé pour jouir d'une union si souhaitable. Ibid. II, p. 21.

[3]) O mon bon Monsieur Leibniz, писалъ ему ландграфъ Эрнстъ. On ne peut pas estre en partie Catholique et en partie non. La véritable mère fust recognue, qu'elle ne voulut point son enfant partagé en deux pièces. N. XIX. Rommel. II, p. 16.

признавать римскую церковь вселенскою и непогрѣшимою и въ то же время не подчиняться ея авторитету, что нѣкоторыя изъ злоупотребленій, на которыя онъ указываетъ, порицаются многими католиками, но что это не заставляетъ ихъ присоединиться къ еретикамъ.

Чтобы выйдти изъ затрудненія, Лейбницъ прибѣгаетъ къ различенію видимой и невидимой церкви. Онъ допускаетъ двоякій способъ соединенія со вселенскою церковью, по духу и по обрядамъ (virtualis et formalis). Духовно принадлежатъ ко вселенской церкви всѣ народы, которые отдѣлились отъ католичества вслѣдствіе его уклоненія отъ ученія первоначальной церкви или вслѣдствіе злоупотребленій римской іерархіи. Лейбницъ заимствуетъ у іезуитовъ различеніе между матеріальными и формальными еретиками. По мнѣнію іезуитовъ и нѣкоторыхъ умѣренныхъ католическихъ писателей, напримѣръ, Беллармина, настоящими еретиками можно считать только тѣхъ, которые сознательно придерживались какого-нибудь вреднаго ученія и возставали противъ католической церкви (haeretici formales et contumaces); тѣ, напротивъ, которые чистосердечно заблуждались относительно какого-нибудь догмата и грѣшили не по духу, а въ самомъ ученіи (materia fidei), заслуживали снисхожденія. Лейбницъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Пелиссону: „Католики согласны въ томъ, что могутъ быть еретики по заблужденію (des hérétiques matériels), которыхъ они не рѣшаются осуждать, такъ какъ по ихъ мнѣнію, только неповиновеніе даетъ поводъ къ осужденію. Но тотъ, кто не слышитъ повелѣнія, или не понимаетъ его, или же не въ состояніи исполнить его, хотя бы старался объ этомъ, не можетъ быть обвиненъ въ непослушаніи“. Лейбницъ сравниваетъ положеніе протестантовъ съ положеніемъ какого-нибудь астронома, напримѣръ, Галилея, который убѣжденъ въ справедливости Коперниковой системы и за то подвергается отлученію отъ церкви. Лейбницъ допускаетъ два случая, въ которыхъ отлученіе отъ видимой церкви не влечетъ за собой дѣйствительнаго раскола: чистосердечное заблужденіе съ полною увѣренностью своей правоты (une erreur invincible) и несправедливое отлученіе отъ церкви вслѣдствіе ошибки или недоразумѣнія духовной власти. Въ этихъ случаяхъ можно быть спасеннымъ и внѣ церкви. Лейбницъ подтверждаетъ это ученіемъ о двойномъ покаяніи, которое было принято на Тридентинскомъ соборѣ. Первое — attritio — есть покаяніе внѣшнее, вызванное страхомъ наказанія или надеждой на возмездіе; такое покаяніе можетъ повести къ спасенію, если къ нему присоединяется дѣйствіе церкви, отпущеніе грѣховъ и причащеніе.

Второй родъ покаянія — contritio — есть настоящее покаяніе; оно состоитъ въ искреннемъ раскаяніи и намѣреніи исполнять повелѣнія Божіи. Такое покаяніе можетъ привести къ спасенію даже безъ помощи вышеприведенныхъ дѣйствій церкви. Лейбницъ выводитъ изъ этого, что всякій стоящій внѣ церкви не по своей винѣ, а слѣдовательно, и протестанты, и приносящій истинное покаяніе можетъ быть спасенъ безъ содѣйствія церкви. Такъ какъ Лейбницъ признавалъ преемственность іерархіи, то ландграфъ Эрнстъ замѣчалъ ему, что протестантскіе священники, которые не посвящены въ свое званіе епископомъ настоящей церкви, стоятъ внѣ этой преемственной іерархіи, управляемой Св. Духомъ, и потому не имѣютъ права исполнять требы. На это Лейбницъ возражалъ, что съ католической точки зрѣнія можно смотрѣть на протестантскихъ священниковъ, какъ на исполняющихъ временно свою должность, и тѣмъ не менѣе признавать законную силу совершаемыхъ ими требъ. По канонамъ древней церкви допускались даже міряне къ исполненію священнодѣйствій за отсутствіемъ духовенства. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Лейбницъ приводитъ слова Тертулліана. Далѣе онъ предполагаетъ, что если бы нѣсколько христіанъ были занесены кораблекрушеніемъ на какой-нибудь неизвѣстный островъ Новаго свѣта къ дикарямъ, то они имѣли бы полное право избрать между собой нѣсколько человѣкъ и поручить имъ совершеніе священнодѣйствій [1]).

Мы можемъ думать, что Лейбницъ прибѣгалъ ко всѣмъ этимъ діалектическимъ оборотамъ и богословскимъ тонкостямъ не для своего собственнаго успокоенія, а для защиты отъ упрековъ такихъ ревностныхъ католиковъ, какъ ландграфъ Эрнстъ и Арно, которые обвиняли его въ ереси. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ протестантизма и не одобрялъ тѣхъ измѣненій въ догматахъ и въ церковномъ устройствѣ, которыя были введены въ средніе вѣка, въ эпоху глубокаго варварства, и вслѣдствіе которыхъ римская церковь такъ далеко уклонилась отъ христіанской церкви первыхъ вѣковъ. Лейбницъ желалъ возвратиться въ католическую церковь, но подъ условіемъ реформы ея и устраненія всѣхъ этихъ средневѣковыхъ варварскихъ наростовъ. Однимъ словомъ, онъ былъ католикомъ въ томъ же самомъ

[1]) Quant aux Ministres des Protestants, si nous supposons avec eux, que le schisme doit être imputé plutost à l'Église Romaine, qu'à eux, ils auront une vocation et mission extraordinaire, telle qu'auroit un laique, qui se trouveroit dans une isle du Nouveau Monde parmy des barbares, qu'il auroit le bonheur de découvrir et de convertir. Rommel. II, p. 45.

смыслѣ, въ какомъ и Меланхтонъ и другіе реформоторы считали себя католиками [1]).

Вотъ что писалъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти въ своей „Исторіи Западной Имперіи“. Онъ говоритъ по поводу смерти императора Оттона III, которая заключаетъ собой X-й вѣкъ, о значеніи этого вѣка: „Большинство писателей осыпаютъ этотъ вѣкъ упреками. Они обвиняютъ его въ невѣжествѣ, въ варварствѣ, въ суевѣріи. У него мало защитниковъ, между которыми отличается Антоній Арно, замѣчательный человѣкъ, который былъ моимъ другомъ. Я не одобряю повода, по которому онъ защищалъ этотъ вѣкъ, не признаю постоянства ученія въ церкви, которое онъ восхваляетъ, и не отрицаю помраченія, которое постепенно овладѣло церковью. Въ X-мъ столѣтіи это помраченіе еще далеко не достигло своего предѣла, хотя въ это время укоренилось ученіе Пасхазія объ Евхаристіи (правда, оно тогда оспаривалось Геригеромъ изъ Лоббеса) и поклоненіе иконамъ, противъ котораго устояли Франки во времена Каролинговъ. Но тогда папа еще считался намѣстникомъ Петра, а не Бога на землѣ, не слыханы были еще бредни о его непогрѣшимости, авторитетъ церкви не освящался кровью, или еще хуже — огнемъ, еще не выставляли на обожаніе Гостію и не искажали таинства Евхаристіи (mutilabatur) тѣмъ, что лишали народъ вина. Еще сохранилась древняя форма крещенія, а епископы Германіи по старинному обычаю проповѣдывали въ церквахъ, каноники слѣдовали уставу общежитія, а при соборныхъ церквахъ и знаменитыхъ монастыряхъ процвѣтали школы, которыми руководили замѣчательные люди. Все это рушилось тогда, когда римскіе епископы захватили господство надъ церковью (dominatum ecclesiae invasere), и ихъ посланцы, нищенствующіе монахи, овладѣли школами. Тогда-то смѣшныя ухищренія (argutiae) заступили мѣсто свѣтлаго ученія, и тупѣйшая жестокость истребляла огнемъ и мечомъ всѣхъ, которые мыслили иначе. Германія лишилась государя, благодаря кознямъ духовенства, и разрывалась постоянными усобицами; вмѣстѣ съ государствомъ упала наука, общественное спокойствіе нарушено, мѣсто закона заступилъ обычай разрѣшать споры оружіемъ, и что хуже оружія, варварскою властью тайныхъ судилищъ; всѣ эти бѣдствія достигли у насъ въ XIV вѣкѣ своего высшаго развитія“.

Но то, что было искажено суевѣріемъ и грубымъ фанатизмомъ

[1]) См. Pertz — Ueber Leibnizens kirchliches Glaubensbekenntniss въ Schmidt *Allgemeine Zeitschrift f. Geschichte*. VI B. 1846.

варварской эпохи, могло быть исправлено лучшими временами. Лейбницъ былъ живо убѣжденъ въ возможности реформы католической церкви. Подъ 963 годомъ онъ разказываетъ въ своей исторіи низложеніе порочнаго Іоанна XII императоромъ Оттономъ Великимъ и назначеніе ему преемникомъ Льва VIII. Въ свое время это назначеніе считалось вполнѣ законнымъ. На императора смотрѣли какъ на покровителя церкви, которому порученъ въ извѣстномъ смыслѣ надзоръ за ея интересами: въ выборѣ новаго папы кромѣ того принимало участіе высшее духовенство Италіи и Германіи. Не смотря на это, позднѣйшіе канонисты, особенно Беллярминъ и Бароній, исходя отъ понятій своего времени, считали назначеніе Льва VIII незаконнымъ. Лейбницъ разказываетъ, какъ все происходило, и опровергаетъ доводы своихъ противниковъ съ помощью постановленій древняго каноническаго права. Онъ доказываетъ несостоятельность главнаго довода, приведеннаго Бароніемъ, будто бы тотъ, кто поставленъ выше, не подсудимъ низшимъ. Лейбницъ возражаетъ противъ этого, что тотъ, кто выше другихъ, взятыхъ отдѣльно, можетъ однако быть ниже ихъ, если ихъ взять вмѣстѣ. „Такіе доводы, говоритъ онъ, извинительны въ обыкновенныхъ вопросахъ; если же они получаютъ слишкомъ обширное примѣненіе и распространяются на все, тогда они становятся мнѣніемъ льстецовъ и невѣждъ; притомъ они давно опровергнуты самими католиками, ставившими соборъ выше папы. Епископы, говоритъ Лейбницъ, не подчинены папѣ по Божественному праву, но должны считаться его товарищами. Самъ папа называетъ ихъ братьями. По разумному желанію государей и народовъ Запада, римскому епископу, въ извѣстномъ смыслѣ, подсудны остальные епископы. Но если онъ не достоинъ своего призванія, если пастырь превращается въ волка, если благосостоянію церкви грозитъ опасность, тогда возстановляются прежнія отношенія, и римскій епископъ подлежитъ суду императора и своихъ братій. Развѣ можно терпѣть изъ-за какихъ-то новыхъ принциповъ права, чтобы преступникъ стоялъ во главѣ церкви, своимъ примѣромъ вводилъ въ искушеніе людей, и никто бы не смѣлъ ему сказать: папа, что̀ ты дѣлаешь? Въ государствѣ высшій законъ есть благосостояніе народа, а въ церкви спасеніе душъ: salus populi in republica, salus animorum in ecclesia suprema lex est.

Затѣмъ Лейбницъ продолжаетъ свою полемику противъ Баронія и указываетъ на то, что послѣдній въ этомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ своему обыкновенному способу судить о событіяхъ по ихъ исходу, какъ бы по Божьему суду. Онъ заключаетъ свою полемику слѣдую-

щими замѣчательными словами, въ которыхъ вполнѣ высказывается его взглядъ на религiозныя дѣла: „Я не могу одобрить, что по винѣ или по допущенiю Рима искажена чистота религiи, что христiанство по отдѣленiи восточныхъ и южныхъ народовъ осквернено и сдѣлано смѣшнымъ, что варварскими вѣками порождено нелѣпое и неизвѣстное апостоламъ Христа богословiе; не смотря на это, я всегда желалъ, чтобъ былъ возстановленъ авторитетъ перваго епископскаго престола и древняя форма церковной iерархiи съ тѣмъ условiемъ, съ которымъ Меланхтонъ подписалъ Смалкальденскiя постановленiя: если папы уступятъ Христову евангелiю [1]). Я не отчаяваюсь въ возможности этого счастливаго для человѣчества событiя, которое зависитъ отъ согласiя трехъ или четырехъ людей. Развѣ не можетъ въ Германiи, предназначенной для просвѣщенiя народовъ, появиться послѣ Карла и Оттона третiй великiй императоръ, который возвратитъ Риму апостольское и католическое призванiе? Если его намѣренiямъ будутъ содѣйствовать три или четыре могущественныхъ короля, дѣло можно считать поконченнымъ. Мракъ, покрывшiй земной шаръ, уже разсѣянъ свѣтомъ, внесеннымъ наукой и исторiей, и большинство ученыхъ и опытныхъ католиковъ убѣждены въ необходимости реформы, хотя умалчиваютъ объ этомъ. Но придетъ, придетъ время, когда вездѣ можно будетъ высказывать эту спасительную истину“.

Эти слова Лейбница, написанныя года за два до его смерти, доказываютъ, что онъ принималъ самое искреннее участiе въ дѣлѣ примиренiя церквей и въ реформѣ католичества, ибо онъ глубоко вѣрилъ въ возможность реформы и ожидалъ отъ нея самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ для человѣчества. Онъ надѣялся на эту возможность, потому что вѣрилъ въ прогрессъ человѣчества и въ Провидѣнiе, которое управляетъ его историческими судьбами.

Для выясненiя религiозныхъ убѣжденiй Лейбница мы такъ часто прибѣгали къ его перепискѣ съ ландграфомъ Эрнстомъ, что должны остановиться нѣсколько времени на личности послѣдняго. Онъ заслуживаетъ нашего вниманiя не только по своимъ близкимъ отношенiямъ

---

[1]) Ego qui probare non possum, Roma vel curante vel connivente puritatem divini cultus oppressam, christianismum dissentientibus orientis et meridiei populis abominabilem aut ridiculum factum, theologiamque ineptam et ignotam Christi apostolis per barbariem temporum in Orbem inductam; semper tamen primae Sedis autoritatem et hierarchiae ecclesiasticae veterem formam restitui ea, qua Melanchthon Smalcaldensibus articulis subscribens, lege optavi: si pontifices dent evangelio Christi locum.

къ Лейбницу, но какъ одна изъ типическихъ личностей XVII вѣка. Эрнстъ, родившійся въ 1623 году, былъ сыномъ рыцарственнаго ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, Морица, извѣстнаго своею дружбой съ Генрихомъ IV. Какъ всѣ принцы своего времени, онъ получилъ чрезвычайно религіозное воспитаніе. Три раза въ день онъ долженъ былъ предаваться молитвѣ и пѣнію религіозныхъ гимновъ и чтенію Библіи; по воскресеньямъ онъ долженъ былъ выслушивать двѣ проповѣди, по средамъ и пятницамъ по одной. Онъ зналъ наизусть Гейдельбергскій катихизисъ, принятый реформатами Германіи, и 200 текстовъ изъ Библіи. Вслѣдствіе этого онъ самъ такъ пристратился къ богословскимъ занятіямъ, что въ теченіе своей жизни прочелъ всю Библію болѣе 30 разъ, любилъ парафразировать ее и сочинять богословскія и нравственныя разсужденія.

Четырнадцати лѣтъ онъ предпринялъ съ своимъ учителемъ, строгимъ богословомъ Фабриціемъ, четырехлѣтнее путешествіе по Швейцаріи и Франціи, чтобы посѣтить самые замѣчательные реформатскіе университеты. По обычаю времени ему внушили такое отвращеніе къ католицизму, что первая встрѣча съ іезуитомъ навела на него ужасъ. Но уже во время своего путешествія онъ началъ отдѣлываться отъ этого чувства подъ вліяніемъ любознательности и интереса къ богословскимъ вопросамъ. Въ Авиньонѣ онъ посѣщалъ папскаго легата и охотно присутствовалъ при богослуженіи въ католическихъ церквахъ, избѣгая только утренней обѣдни, чтобы не преклонять колѣнъ предъ идоломъ, какъ онъ тогда называлъ Гостію.

По возвращеніи изъ своего путешествія онъ вступилъ въ военную службу. Это было время Тридцатилѣтней войны; Гессенцы были въ союзѣ съ Франціей и Швеціей. Эрнстъ поэтому сражался то во французскомъ, то въ гессенскомъ войскѣ, и выказалъ такую храбрость, что король французскій прислалъ 22-лѣтнему герою поздравительное письмо и подарокъ въ 6.000 ливровъ. Подъ конецъ войны онъ былъ посланъ съ кавалерійскимъ отрядомъ на выручку гессенскаго генерала Гейзе, который былъ осажденъ австрійскими войсками. Эрнстъ, благодаря своей отважности, успѣшно исполнилъ свое порученіе, но при этомъ самъ былъ отрѣзанъ и взятъ въ плѣнъ. Это случайное событіе не осталось безъ вліянія на его жизнь. Его помѣстили въ одной комнатѣ съ іезуитскимъ патеромъ Шоттомъ, которому было поручено обращать его въ католицизмъ. Этотъ патеръ, какъ всѣ его товарищи, выказалъ удивительную способность къ своей роли. Онъ преимущественно старался дѣйствовать снисходительностью и уступ-

чивостью на молодаго пылкаго воина, охотно увлекавшагося богословскими спорами. Однажды, когда Эрнстъ упрекалъ католиковъ за то, что они оказываютъ слишкомъ большое и суевѣрное почитанiе иконамъ и распятiямъ, iезуитъ для опроверженiя бросилъ въ огонь камина свое распятiе и держалъ его тамъ, пока самъ Эрнстъ не вынулъ его изъ огня.

Послѣ Вестфальскаго мира Эрнстъ занялся устройствомъ своихъ дѣлъ. Его отецъ былъ два раза женатъ, и имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей; чтобы не обидѣть дѣтей отъ втораго брака, онъ выдѣлилъ имъ четвертую часть своихъ владѣнiй, съ тѣмъ чтобъ они владѣли ею сообща, но подъ верховной властью ландграфовъ Гессенъ-Кассельскихъ (такъ-называемая Universalquart). Такiя отношенiя подавали поводы къ нескончаемымъ спорамъ. Эрнстъ вскорѣ остался одинъ изъ шести братьевъ, которые почти всѣ погибли на войнѣ. Въ немъ разыгралось честолюбiе. Ему хотѣлось освободиться изъ-подъ власти старшей линiи и сдѣлать изъ своего участка совершенно самостоятельное государство. Это намѣренiе стало цѣлью его жизни и имѣло самое рѣшительное влiянiе на его образъ мыслей.

Въ своей тяжбѣ съ ландграфами Гессенъ-Кассельскими онъ сначала искалъ опоры у императора, въ интересахъ котораго было поддерживать младшихъ князей и мелкихъ владѣтелей Германiи противъ старшихъ и могущественныхъ. Когда онъ не достигъ своей цѣли и когда вслѣдствiе войнъ съ Францiей произошелъ союзъ между Гессенъ-Касселемъ и Австрiей, Эрнстъ началъ искать сближенiя съ Францiей. Онъ велъ себя такъ двусмысленно въ войнахъ между Францiей и Германiей, что навлекъ на себя подозрѣнiе въ измѣнѣ. Въ его владѣнiяхъ находилась крѣпость Рейнфельзъ, которая славилась своею неприступностью и имѣла на Рейнѣ такое же стратегическое значенiе, какъ въ наше время Эренбрейтштейнъ. Эрнстъ былъ обязанъ во время войны принимать въ свои крѣпости кассельскiй гарнизонъ, что̀ для него было весьма непрiятно, ибо это было доказательствомъ его зависимости и давало ландграфу Кассельскому возможность занять его владѣнiя. Вслѣдствiе упрямства Эрнста, крѣпость Рейнфельзъ нѣсколько разъ подвергалась опасности быть захваченною Французами. Въ 1663 году Эрнстъ вступилъ да́же въ переговоры съ Людовикомъ XIV, въ которыхъ обѣщалъ уступить ему Рейнфельзъ за ежегодную пенсiю и значительную сумму денегъ. Однако, письма, касающiяся этихъ переговоровъ, были перехвачены. Эрнстъ оправдывался тѣмъ, что съ его стороны это было только хитрою уловкой,

для того чтобы вынудить у французскаго правительства уплату значительной суммы денегъ, которую одинъ изъ его предковъ далъ взаймы Генриху IV. Оправданіе это заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія, такъ какъ Эрнстъ былъ въ душѣ патріотъ и преданъ австрійскому дому, хотя личные интересы у него, какъ и у многихъ другихъ современниковъ, нерѣдко умѣряли его патріотическое чувство.

Мы упомянули о политическихъ отношеніяхъ ландграфа Эрнста, потому что ими отчасти объясняется самый важный поступокъ въ его жизни—принятіе католичества. Переходы въ католицизмъ были очень нерѣдкимъ явленіемъ во второй половинѣ XVII вѣка, особенно между лицами царскаго происхожденія. Католическіе писатели съ торжествомъ указывали на это явленіе [1]) и составляли длинные списки такихъ переходовъ, хотя они не имѣютъ причины гордиться ими, ибо бо́льшая часть этихъ переходовъ обусловливалось политическими соображеніями и личными интересами. Но кромѣ того въ самомъ настроеніи XVII вѣка было нѣчто предрасполагавшее къ католицизму. Въ началѣ нашего вѣка романтизмъ, то-есть, фантастическія представленія о среднихъ вѣкахъ идеализировали католицизмъ и поэтому во многихъ вызвали склонность къ нему. Такое же вліяніе имѣли въ XVII вѣкѣ мечты и попытки о соединеніи церквей, о которыхъ мы говорили. Послѣ ужасовъ, порожденныхъ религіозною враждой въ пору Тридцатилѣтней войны, многими овладѣло какое-то нравственное утомленіе, какая-то потребность примиренія. Протестанты находились при этомъ въ невыгодномъ положеніи; ибо такъ какъ они отдѣлились отъ католичества, то всѣ стремленія къ соединенію церквей съ ихъ стороны естественно принимали характеръ возвращенія въ католицизмъ, старанія же католиковъ принимали видъ прозелитизма. Многіе протестанты, исходя отъ синкретизма, то-есть, отъ снисходительнаго толкованія католическихъ догматовъ, теряли почву подъ собой и мало по малу увлекались стройностью и послѣдовательностью католическаго ученія. Для другихъ была пагубна любознательность и интересъ къ богословскимъ спорамъ. Протестантизмъ по своему историческому происхожденію неспособенъ къ пропагандѣ. Такъ какъ реформаторы поставили себѣ цѣлью *реставрировать* христіанскую церковь въ той же формѣ, которую она имѣла въ первые вѣка, и при этомъ могли руководствоваться только индивидуальными убѣжденіями

---

[1]) Напримѣръ, *Theiner* — Geschichte der Zurückkehr der regierenden Häuser von Braunschweig und Sachsen in den Schoss der katholischen Kirche etc. 1843.

и личною совѣстью, то они не имѣли такого непогрѣшимаго критерія, какъ католики въ авторитетѣ своей церкви, и должны были сдѣлаться болѣе снисходительными къ требованіямъ чужой совѣсти. Католичество же, вслѣдствіе централизаціи своего духовенства и глубокаго убѣжденія въ своей непогрѣшимости, чрезвычайно склонно и способно къ прозелитизму. Еще Игнатій Лойола устроилъ въ Римѣ семинарій (Collegium Germanicum), гдѣ воспитывались на счетъ іезуитовъ бѣдныя дѣти изъ всѣхъ странъ сѣвера, особенно изъ Германіи, которыя потомъ возвращались въ свое отечество какъ миссіонеры. Въ 1622 году въ Римѣ было учреждено миссіонерское общество (Congregatio de propaganda fide), которое направляло свою дѣятельность больше противъ протестантовъ, чѣмъ противъ язычниковъ. Папскіе нунціи въ Парижѣ, Бернѣ, Вѣнѣ и Варшавѣ занимались столько же пропагандой сколько дипломатіей. Но всѣхъ дѣятельнѣе были іезуиты. Они вкрадывались повсюду въ качествѣ врачей, секретарей, купцовъ и пр., особенно при дворахъ, и выискивали жертвъ для своего искусства. Особенно легкую добычу ихъ составляли: младшіе принцы (cadets), которые были въ ссорѣ съ царствующимъ членомъ своего дома и хотѣли доставить себѣ болѣе независимое и видное положеніе; претенденты на католическія епископства; веселые и впечатлительные аристократы, которые любили пожить и въ своихъ путешествіяхъ по Италіи приходили въ восторгъ отъ Венеціанскихъ куртизанокъ и отъ великолѣпія римскаго богослуженія; задолжавшіе и честолюбивые отставные воины или чиновники, которые искали милости императора и духовныхъ курфирстовъ; публицисты, которые со школьной скамьи затвердили догматъ о священной Римской имперіи съ папой и императоромъ; скептики, которымъ надоѣли богословскіе споры и которые искали спасенія въ авторитетѣ непогрѣшимой церкви [1]). При этихъ обстоятельствахъ положеніе такихъ молодыхъ людей, какъ ландграфъ Эрнстъ, которые хвастались своею богословскою ученостью и любили религіозные споры, было довольно опасно. Въ 1650 году онъ находился въ Вѣнѣ, чтобы хлопотать при рейхсгофратѣ и при императорскомъ дворѣ о своей тяжбѣ со старшею Гессенскою линіей. И онъ, подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, мечталъ о соединеніи церквей и сталъ все болѣе и болѣе снисходительно смотрѣть на католическую церковь. Не задолго до своего пріѣзда въ Вѣну онъ писалъ гессенскому богослову Кроціусу, что онъ „отдалъ бы жизнь за

[1]) См. Rommel. I, p. 42.

соединеніе христіанскихъ исповѣданій въ одну святую, вселенскую церковь, но что такой блаженный день настанетъ только въ концѣ міра". Онъ сознается, что католическая церковь нуждается въ реформаціи, ибо она присвоила себѣ чрезмѣрную свѣтскую власть, отстала въ богослуженіи отъ истинно-христіанской простоты, и подобно еврейской религіи впала въ идолопоклонство, но что онъ не можетъ осуждать ее и что многіе праведные католики скорѣе достигнутъ блаженства, чѣмъ тѣ реформаторы, жизнь которыхъ не согласна съ чистотою ихъ ученія.

Въ Вѣнѣ Эрнстъ, по совѣту своихъ товарищей, сталъ посѣщать полемическія проповѣди августинца Стаймоса, который славился краснорѣчіемъ и искусствомъ опровергать своихъ противниковъ. Молодой графъ отправился туда, какъ онъ говоритъ, ради шутки и для того, чтобы слышать „смѣшныя вещи (lächerliche Choses) и никуда негодные доводы противъ реформатской религіи". Но въ своихъ проповѣдяхъ Стаймосъ выставилъ такіе убѣдительные доводы, что ландграфъ вдругъ „очнулся отъ своихъ предразсудковъ, съ дѣтства усвоенныхъ". Онъ съ жадностью бросился на полемическія сочиненія, направленныя противъ протестантизма, которыя доставляли ему его товарищи съ помощью папскаго нунція, извѣстныхъ братьевъ Валенбургъ и капуцинскаго генерала Валеріана Магнуса, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ пропагандистовъ. Въ скоромъ времени ландграфъ убѣдился „въ опасной иллюзіи деформаціи и ереси такъ-называемой реформатской церкви". Онъ сначала тайно перешелъ въ католичество, а потомъ, устроивъ для вида диспутъ между нѣсколькими протестантскими и католическими богословами, вмѣстѣ съ женой явно присоединился къ католической церкви. Въ послѣдствіи онъ составилъ списокъ протестантскихъ князей, принявшихъ католичество, и при этомъ откровенно признался, что большинство изъ нихъ руководилось матеріальными выгодами. Себя самого онъ, конечно, исключилъ изъ этого числа. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ искренности своего обращенія, что ему въ этомъ нельзя не повѣрить. Но несомнѣнно также, что честолюбіе и политическіе замыслы сдѣлали его болѣе доступнымъ вліянію католическихъ пропагандистовъ.

И въ католичествѣ ландграфъ сохранилъ склонность къ богословскимъ разсужденіямъ и извѣстную самостоятельность въ религіозныхъ вопросахъ. Это явленіе мы часто встрѣчаемъ у протестантовъ, обратившихся въ католицизмъ. Ему хотѣлось оправдать свой поступокъ въ глазахъ протестантовъ, и онъ вступилъ въ переписку съ лучшими

изъ ихъ богослововъ — съ Каликстомъ, съ Шпенеромъ, родоначальникомъ піетистовъ, съ лейденскимъ профессоромъ Кокцейемъ и другими. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ приняли размѣръ полемическихъ сочиненій и появились въ печати; такъ, напримѣръ, полемика съ Дрелёнкуромъ, однимъ изъ реформатскихъ священниковъ въ Шарантонѣ близъ Парижа. Но Эрнстъ не только желалъ опровергнуть мнѣнія своихъ прежнихъ единовѣрцевъ: онъ хотѣлъ также произвести реформу въ томъ исповѣданіи, къ которому онъ присталъ. Съ этою цѣлью онъ написалъ свое сочиненіе: Der so wahrhafte, als ganz aufrichtige und discretgesinnte Katholische (Истинный и совершенно искренній католикъ), которое онъ издалъ анонимно и только въ числѣ 48 экземпляровъ. Въ послѣдствіи онъ издалъ на латинскомъ языкѣ извлеченіе изъ своего сочиненія, въ которомъ онъ многое смягчилъ, для того чтобы не навлечь на него папской цензуры. Это сочиненіе, о которомъ Лейбницъ говорилъ, что въ немъ изобличены недостатки обоихъ исповѣданій съ одинаковою и для римской куріи ненавистною искренностью, обратило на себя всеобщее вниманіе. Одинъ изъ родственниковъ ландграфа писалъ ему, что если бы католическая церковь была такъ организована, какъ предположено въ его сочиненіи, то онъ съ своей стороны давно бы призналъ ея авторитетъ. Ландграфъ упрекаетъ протестантовъ за то, что они отдѣлились отъ католической церкви, вмѣсто того чтобы призвать католицизмъ на судъ вселенской церкви. Онъ уподобляетъ ихъ мнимой матери, которая требовала отъ Соломона, чтобы ребенокъ былъ разрубленъ. Онъ отрицаетъ Божественное начало въ реформаціи, отвергаетъ ея принципы, подрывающіе основаніе церкви, безконечное разногласіе и секты между протестантами. Съ другой стороны онъ признаетъ за ними нѣкоторыя преимущества: ясное и понятное богослуженіе, чтеніе Св. Писанія, народное обученіе и дѣятельность проповѣдниковъ. Въ католической церкви ландграфъ порицаетъ излишнее богатство и злоупотребленіе имъ, свѣтскую власть духовенства и абсолютизмъ папы. Въ послѣднемъ отношеніи Эрнстъ совершенно сходился съ современными ему попытками галликанской церкви ограничить власть папы не только въ свѣтскихъ дѣлахъ, но и подчинить его въ духовныхъ дѣлахъ соборамъ и церковному преданію. Ландграфъ Эрнстъ перенесъ въ католицизмъ изъ своего прежняго исповѣданія духъ анализа и критики. Онъ упрекаетъ католическое духовенство въ томъ, что оно слишкомъ мало поучаетъ простой народъ, который, не понимая латинскаго языка, остается безъ всякаго религіознаго воспитанія и впадаетъ въ самое

грубое суевѣріе; онъ указываетъ на злоупотребленія, къ которымъ привело это суевѣріе относительно многихъ почтенныхъ и древнихъ христіанскихъ обрядовъ, напримѣръ, почитанія иконъ и мощей, индульгенцій, молитвъ за упокой души, поста, чрезмѣрнаго количества праздниковъ и пр. Въ концѣ своего сочиненія ландграфъ обсуждаетъ мнѣніе протестантовъ, что католическая церковь, пока она терпитъ эти злоупотребленія, ею самою признанныя, не можетъ считаться истинно вселенскою церковью. Онъ соглашается, что еслибъ была на землѣ христіанская церковь, свободная отъ недостатковъ католицизма и протестантизма, то онъ присоединился бы къ ней, но что въ настоящее время онъ отдаетъ предпочтеніе католической церкви, такъ какъ ея злоупотребленія ни для кого не обязательны и не касаются сущности религіи.

Не только по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ландграфъ Эрнстъ представляетъ чрезвычайно оригинальную личность. Онъ отличался необыкновенною добротой, гуманностью и прямодушіемъ. Въ немъ не было тѣни важности, онъ не терпѣлъ лести и чрезвычайно уважалъ заслуги всякаго рода. Не смотря на свою религіозность и на свою страсть обращать въ католицизмъ, онъ отличался большою вѣротерпимостью. Онъ выказывалъ много заботливости о своихъ подданныхъ и былъ совершенно непохожъ на современныхъ ему государей, которые думали только о томъ, чтобъ извлечь какъ можно больше выгоды изъ управляемой ими страны. Ландграфъ Эрнстъ былъ даже отчаяннымъ демократомъ, — свойство довольно удивительное для принца временъ Людовика XIV. Въ одномъ письмѣ къ Лейбницу онъ говоритъ, что хотя не отвергаетъ монархіи, однако желалъ бы ограничить ее такимъ образомъ, чтобъ она не могла обратиться въ деспотизмъ; онъ сомнѣвается, чтобы наслѣдственная монархія была согласна съ духомъ христіанства, и приписываетъ ей даже порчу нравовъ у христіанскихъ народовъ. Монархія, по его мнѣнію, причинила христіанству и имперіи несказанныя и безчисленныя бѣдствія и неудобства, и между прочимъ бѣдствіе войны. „Венеціанская республика или Нидерландскіе штаты, говоритъ онъ, навѣрное не рѣшатся такъ скоро и такъ охотно на войну, какъ, напримѣръ, короли Франціи и Даніи. Какая польза, продолжаетъ онъ, жителямъ Брауншвейга и Гессенъ-Касселя отъ всѣхъ этихъ громадныхъ вооруженій и великолѣпныхъ дворовъ, которыми тѣшатся правители Ганновера и Касселя въ ущербъ тѣмъ, ради которыхъ они существуютъ? Благоденствіе народа есть высшій законъ въ государ-

ствѣ, и подданные не сотворены для того, чтобъ удовлетворять честолюбію и тщеславію своихъ государей“.

Въ другой разъ онъ высказался, что „еслибъ онъ былъ могущественнымъ государемъ, то скорѣе согласился бы ѣсть изъ глиняной и деревянной посуды, чѣмъ допустить, чтобъ его солдаты были плохо содержаны и принуждены сдѣлаться варварскимъ орудіемъ для ограбленія бѣднаго невиннаго крестьянина“. Вслѣдствіе этого онъ отличался большою бережливостію: на 35.000 талеровъ содержалъ свой дворъ, 2 канцеляріи, 2 казначейства и при этомъ выстроилъ много общеполезныхъ зданій въ своихъ владѣніяхъ. Онъ жилъ чрезвычайно просто и терпѣть не могъ обычнаго въ его время пьянства, пиршествъ, охоты, роскоши въ одеждахъ и даже дорогихъ париковъ, которые тогда начинали входить въ моду. Главнымъ его удовольствіемъ были путешествія, особенно въ Италію, гдѣ онъ былъ 13 разъ. Здѣсь находилъ онъ пріятный отдыхъ отъ своихъ домашнихъ непріятностей, избавлялся отъ ненавистнаго ему этикета нѣмецкихъ дворовъ, отъ скучныхъ посѣщеній нѣмецкихъ юнкеровъ, любившихъ только вино, охоту и лошадей. Ландграфъ особенно хвалитъ Венецію за „дешевую жизнь въ удобныхъ домахъ или виллахъ, за прогулки въ гондолахъ при всегда ясномъ небѣ, за ея свѣжіе плоды и морскія рыбы, за отличную музыку въ церквахъ, госпиталяхъ и театрахъ, за народныя празднества и маскарады во время карнавала, за площадь св. Марка, за съѣздъ путешественниковъ изъ всѣхъ націй и возможность познакомиться съ опытными дипломатами, духовными лицами и учеными, наконецъ, за возможность слушать почти каждый день самыя великолѣпныя проповѣди“. Но было еще одно обстоятельство, которое влекло Эрнста и другихъ нѣмецкихъ принцевъ въ Венецію — тамошнія женщины. Ландграфъ съ удивительною наивностію признается въ своихъ увлеченіяхъ и въ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя они имѣли для него. Онъ былъ женатъ на болѣзненной, меланхолической графинѣ, которую онъ самъ обратилъ въ католицизмъ, и которая потомъ постоянно окружала себя урсулинками, кармелитками и другими монахинями. У него было отъ нея два сына, которыми онъ былъ очень недоволенъ, не смотря на то, что далъ имъ самое тщательное воспитаніе. Онъ говорилъ объ нихъ, что они годны только на то, чтобъ увеличивать и безъ того громадное количество нѣмецкихъ принцевъ. Дѣйствительно, отъ одного сына онъ имѣлъ 7, а отъ другаго 15 внуковъ.

Чтобы вознаградить себя за эти непріятности семейной жизни, ланд-

графъ придумалъ подъ старость довольно странное развлеченіе. Онъ бралъ къ себѣ бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ воспитывалъ, обращалъ въ католицизмъ и потомъ выдавалъ замужъ. Онъ набиралъ ихъ отовсюду, изъ Парижа, Венеціи и Германіи. Онъ самъ составилъ списокъ своихъ воспитанницъ, и съ старческою болтливостью подробно описываетъ ихъ душевныя свойства и внѣшній видъ, при чемъ обращаетъ большое вниманіе на красивыя руки. Нельзя сказать, чтобъ ему посчастливилось въ выборѣ. Судя по его описанію, не всѣ воспитанницы его отличались красотой или пріятнымъ характеромъ [1]). Старый ландграфъ обращался съ ними какъ отецъ, и вмѣняетъ это себѣ въ большое достоинство [2]). Послѣ того, что̀ онъ разказываетъ о Венеціи, ему можно въ этомъ вполнѣ повѣрить.

Другое развлеченіе ландграфа составляла его обширная переписка съ самыми разнообразными учеными. Съ этой стороны личность ландграфа Эрнста представляетъ много почтеннаго. Выросши среди варварства и ужасовъ Тридцатилѣтней войны и получивъ исключительно богословское воспитаніе, онъ умѣлъ развить въ себѣ интересъ къ наукѣ и къ литературнымъ занятіямъ. Онъ составилъ себѣ отличную библіотеку и постоянно заискивалъ знакомство съ замѣчательными людьми. До глубокой старости онъ сохранилъ живость и бодрость ума и интересъ ко всему, что̀ происходило въ мірѣ. Хотя онъ не пріобрѣлъ особенной учености, и вслѣдствіе своей крайней приверженности къ католицизму обнаруживаетъ извѣстную односторонность, въ немъ однако высказывается самый здравый и гуманный взглядъ на

---

[1]) Напримѣръ, третья: Anne Marie Cochenhain, fille du capitain d'ici estoit brunette et une fille d'une extrême belle taille et assez blanche et avoit des belles mains comme tournées d'yvoire; tout à fait chaste et sage, mais d'une humeur mélancholique ou difficile, se croyant calomniée et méprisée, trop retenue et respectueuse envers moy, n'aimant pas beaucoup la conversation, ne voulant jamais aller avec moi à Venise, à moins d'estre mariée. Maintenant mariée. Пятая: Antonia Jacomina Gionia Vénitienne, qu'à l'age de 12 années seulement j'ai pris auprès de moy, d'une taille extrêmement longue, avec des très beaux cheveux noirs et des mains assez passables, au reste pas trop belles. Louche d'un oeil et faute d'éducation ne témoignant pas d'avoir tropd'esprit: un peu hautaine et opiniatre. Je lui avois fait apprendre à Metz un peu de françois, comme aussi la musique et à chanter, mais en quoy il ne me sembloit pas, qu'elle eust bien réussie, et bien qu'elle avoit appris passablement l'allemand estoit non plus d'aucune conversation. Renvoyée, après lui avoir payé sa dote avec sa mère, selon leur désir, à Venise.

[2]) Ландграфъ клянется, que toutes ces filles sont demeurées, comme elles étoient venues... и кончаетъ восклицаніемъ: Vanitas vanitatum et omnia vanitas.

современныя событія. Нѣкоторыя идеалистическія мечтанія о политическомъ преобразованіи Германіи и объ устройствѣ вѣчнаго мира, которыя примѣшивались къ этому, очень шли къ сѣдинамъ стараго воина.

Все это составляетъ главное содержаніе его переписки съ Лейбницемъ, поводомъ къ которой послужила его книга: „Искренній католикъ“. Переписка продолжалась 13 лѣтъ, до самой смерти Эрнста, и происходила на французскомъ языкѣ. Нельзя безъ улыбки читать письма ландграфа, для котораго не существуетъ ни ороографіи, ни грамматики, и который буквально переводитъ на французскій языкъ безконечные, неуклюжіе нѣмецкіе періоды того времени. Ландграфъ съ первыхъ же писемъ въ восторгѣ отъ ума и учености Лейбница. „Боже мой, пишетъ онъ однажды Лейбницу, находившемуся въ Гарцѣ, не жалко ли, что вы, которому слѣдовало бы засѣдать въ совѣтѣ императоровъ и королей, зарыты въ рудникахъ, чтобъ увеличивать доходы какого-нибудь ганноверскаго герцога?“ Другой разъ онъ пишетъ Лейбницу: „Мнѣ казалось бы, что я пріобрѣлъ рай (un demi Paradis) на землѣ, если бы я могъ хоть разъ въ недѣлю наслаждаться драгоцѣнною бесѣдой съ вами“. Лейбницъ относится къ нему съ свойственною ему вѣжливостью и снисходительностью, которая въ наше время можетъ казаться лестью, но которая въ тотъ вѣкъ была обыкновенной.

Кромѣ развлеченія, эта переписка представляла для ландграфа еще другую цѣль: онъ надѣялся обратить Лейбница въ католицизмъ. Для этого онъ прибѣгнулъ, какъ мы видѣли, къ помощи Арно́, и отсюда возникла интересная переписка между Лейбницемъ и Арно̀, въ которой Лейбницъ изложилъ свою философскую систему. Онъ высказывался сначала съ большимъ сочувствіемъ о католической церкви, но чѣмъ настойчивѣе становился ландграфъ и чѣмъ болѣе Лейбницъ убѣждался въ неуступчивости католиковъ и въ невозможности реформы, тѣмъ осторожнѣе становился онъ и тѣмъ болѣе сталъ выставлять на видъ злоупотребленія въ католицизмѣ. Отчаяніе ландграфа дошло наконецъ до того, что онъ въ одномъ памфлетѣ Trifolium Lutheranum довольно рѣзко напалъ на Лейбница вмѣстѣ съ Лудольфомъ и Секендорфомъ[1]), какъ на троихъ представителей упрямаго лютеранизма, и

[1]) Баронъ Секендорфъ, — авторъ очень дѣльной исторіи протестантизма, написанной на основаніи продолжительныхъ архивныхъ изслѣдованій въ отвѣтъ на исторію Боссюета и іезуита Менбура, которые объясняли возникновеніе протестантизма личными и недостойными побужденіями.

объявилъ, что Лейбницъ умретъ подобно Гуго Гроцію sine luce et cruce (безъ свѣта и креста). Эта горячность ландграфа не испортила его отношеній къ Лейбницу, который уважалъ его прямоту и искренность, и ихъ сношенія до конца остались самыми дружественными.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ переписка Лейбница съ ландграфомъ Эрнстомъ, носитъ другая его переписка о религіозныхъ вопросахъ съ Пелиссономъ и Боссюетомъ. Въ спорѣ съ ландграфомъ Лейбницъ имѣлъ дѣло съ частнымъ человѣкомъ, который не могъ считать себя представителемъ католической церкви и даже долженъ былъ опасаться осужденія своихъ мнѣній за ихъ излишній либерализмъ. Теперь Лейбницъ становится лицомъ къ лицу съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ авторитетовъ въ католической церкви — Боссюетомъ, славнымъ какъ ученостью, такъ и вліяніемъ, руководителемъ галликанской церкви въ ея борьбѣ съ папой и грознымъ защитникомъ католичества отъ ересей. Нельзя безъ самаго живаго интереса слѣдить за состязаніемъ этихъ двухъ геніальныхъ современниковъ, католическаго епископа Боссюета, представителя церковной власти и историческаго преданія, и протестантскаго философа Лейбница, отстаивавшаго идею о примиреніи церквей во имя человѣческаго разума и прогресса[1]).

Посредницами между Боссюетомъ и Лейбницемъ были женщины, которыя вообще принимали дѣятельное участіе въ умственной жизни XVII вѣка. Одинъ изъ братьевъ герцогини Софьи, Эдуардъ, въ юности переселился во Францію, женился на Аннѣ Гонзага, происходившей отъ Мантуанскихъ герцоговъ, и принялъ подъ ея вліяніемъ католичество. Эта принцесса, о которой Боссюетъ отзывается въ своей извѣстной надгробной рѣчи (1684) съ большими похвалами, дѣятельно принялась за обращеніе своихъ родственниковъ. Ей удалось склонить къ этому свою невѣстку Луизу-Голландину послѣ ея романтическаго бѣгства изъ Гаги, и потомъ обѣ взялись за обращеніе герцогини Софьи. Въ 1679 г. онѣ уговорили ее пріѣхать въ Мобюиссонъ, гдѣ Софья пробыла цѣлое лѣто. Настоятельныя увѣщанія принцессъ и монахинь остались безъ успѣха, хотя, какъ кажется, въ нихъ при-

---

[1]) Значительная часть переписки между Лейбницемъ, Пелиссономъ и Боссюетомъ была уже прежде извѣстна, но съ большими пробѣлами и намѣренными пропусками со стороны прежнихъ издателей. Одна изъ главныхъ заслугъ неутомимаго изслѣдователя Лейбницевыхъ бумагъ, Фуше де-Кареля, состоитъ въ томъ, что онъ возстановилъ эту переписку, которую онъ нашелъ въ Ганноверскомъ архивѣ и издалъ въ первыхъ двухъ томахъ своего собранія сочиненій Лейбница.

нималъ участіе и самъ Боссюетъ[1]). Но въ Мобюиссонѣ не потеряли надежды; тамошнія монахини молились за обращеніе Софьи, а игуменья и ея секретарь М. де-Бринонъ продолжали уговаривать ее въ письмахъ перейдти въ католичество. Съ этою цѣлью они прислали ей между прочимъ въ 1690 году сочиненіе Пелиссона Réflexions sur les Différends de la Religion.

Пелиссонъ былъ родомъ изъ южной Франціи и происходилъ отъ протестантской семьи. Онъ получилъ очень хорошее образованіе и въ молодости перевелъ нѣсколько пѣсенъ Одиссеи. Исторія учрежденія Французской Академіи и первыхъ трудовъ ея, написанная Пелиссономъ, доставила ему большую славу и ввела его въ общество лучшихъ современныхъ литераторовъ. Въ то же время Пелиссонъ выказывалъ большую способность къ служебной дѣятельности и скоро сдѣлался однимъ изъ главныхъ помощниковъ извѣстнаго Фуке. Онъ палъ вмѣстѣ съ нимъ, былъ посаженъ въ Бастилію и просидѣлъ тамъ болѣе 4-хъ лѣтъ. Неустрашимость и ловкость, съ которою онъ защищалъ своего прежняго покровителя, не выдавая ничего, что̀ могло бы ему повредить, пріобрѣли Пелиссону всеобщее уваженіе и расположили къ нему Людовика XIV. Рѣчи, написанныя Пелиссономъ въ пользу Фуке, составляютъ лучшее его произведеніе и не лишены интереса въ наше время. Король назначилъ Пелиссона своимъ исторіографомъ, и онъ долженъ былъ сопровождать его во всѣхъ походахъ. Во время своего заключенія Пелиссонъ, по недостатку другихъ книгъ, много занимался богословіемъ, читалъ отцовъ церкви и послѣ этого принялъ католицизмъ. Его обращеніе было вполнѣ искреннимъ; онъ сдѣлался ревностнымъ католикомъ, и король поручилъ ему завѣдываніе особенною суммой, назначенною для обращенія гугенотовъ. Чтобы содѣйствовать этой цѣли, Пелиссонъ написалъ свои Размышленія о различіяхъ въ религіи, которыя послужили поводомъ къ его перепискѣ съ Лейбницемъ[2]).

---

[1]) См. Foucher de Careil — Oeuvres de Leibniz. T. I Introd. p. 64.

[2]) Пелиссонъ въ молодости былъ обезображенъ оспой и былъ такъ некрасивъ, что М. Севинье говорила о немъ, qu'il abusait de la permission, qu'ont les hommes d'être laids, а Буало выставлялъ его въ своихъ сатирахъ какъ типъ безобразія. Не смотря на это, Пелиссонъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе М. де-Скюдери, извѣстной писательницы романовъ, которая впрочемъ также отличалась очень некрасивою наружностью. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Аканта въ ея литературномъ журналѣ и выставленъ въ нѣсколькихъ ея романахъ. М. Бринонъ кромѣ Пелиссона завлекла и его друга, М-ль де-Скюдери, въ переписку съ Лейбницемъ. Эта переписка, конечно, не имѣла такого серіознаго характера, какъ переписка съ Пелиссономъ. М. де-Скюдери сообщаетъ Лейбницу

Герцогиня Ганноверская часто показывала Лейбницу письма и книги, которыя ей присылали, и пользовалась его указаніями и совѣтами для своихъ отвѣтовъ. Она попросила его сдѣлать свои замѣчанія къ четвертой главѣ сочиненія Пелиссона, въ которой тотъ излагаетъ причины, почему протестанты должны во что бы то ни стало возвратиться къ католицизму. Лейбницъ соглашается съ Пелиссономъ, что необходимо имѣть достаточные доводы для того, чтобы придерживаться извѣстной религіи, и особенно для того, чтобъ измѣнить ее. Если не допускать никакого разбирательства поводовъ къ вѣрѣ, тогда религія была бы совершенно произвольна, и мы, говоритъ Лейбницъ, не имѣли бы никакого преимущества предъ язычниками и раскольниками. Онъ останавливается на главномъ доводѣ, который Пелиссонъ привелъ въ пользу католической церкви. Въ дѣлахъ вѣры нуженъ непогрѣшимый авторитетъ (une infallibilité), иначе религія будетъ совершенно произвольна, ибо большинство людей не въ состояніи безошибочно разсуждать о религіи. Если же есть непогрѣшимый авторитетъ, то онъ можетъ быть только въ католической церкви, которая стоитъ въ непрерывной связи съ началомъ христіанства. Лейбницъ возражаетъ ему, что достаточно для спасенія вѣрить въ истину нѣсколькихъ существенныхъ догматовъ. По мнѣнію многихъ благочестивыхъ людей, какъ между протестантами, такъ и между католиками, говоритъ Лейбницъ, было бы несогласно съ справедливостью Божіей, если бы спасеніе людей зависѣло отъ исхода богословскихъ споровъ и отъ случайности хорошаго наставленія, котораго можетъ недоставать самымъ благонамѣреннымъ.

свои стихи, и онъ отвѣчаетъ ей также стихами. Она пишетъ ему о смерти своего попугая, который былъ такъ уменъ, «что достаточно было его одного, чтобы разрушить теорію Декарта, считавшаго животныхъ бездушными автоматами». Ей было въ это время 92 года, но она писала съ прежнею живостью и легкостью сладенькіе стишки, которые доставили ей въ свое время имя французской Сафо. Лейбницъ отвѣчаетъ ей латинскою эпиграммой, въ которой онъ выражаетъ свое участіе и кончаетъ стихомъ:

Nam Sappho quidquid Musa et Apollo potest.

М. де-Скюдери благодаритъ его новымъ посланіемъ, которое оканчивается слѣдующимъ образомъ:

Car, depuis le climat où naissent les phénix,
Il n'est point de savant, que n'efface Leibniz:
Tous ses vers sont divins et leur puissance est telle
Que, sans le mériter, ils me font immortelle.

См. Foucher de Careil. Oeuv. de Leib. II p. 248.

Они полагаютъ, что нѣтъ ни одного догмата, который былъ бы абсолютно необходимъ, и что поэтому можно быть спасеннымъ во всѣхъ религіяхъ, если только любить Бога выше всего истинною любовью, основанною на Его безпредѣльномъ совершенствѣ.

Уже въ этихъ словахъ слышится отголосокъ философіи Лейбница, но послѣдній вноситъ въ свою полемику съ Пелиссономъ еще другое, болѣе важное понятіе своей философіи,— понятіе о темныхъ, безотчетныхъ представленіяхъ, отъ которыхъ зависитъ степень убѣдительности того или другаго религіознаго догмата, а слѣдовательно, и вѣра человѣка.

„Поводы къ тому, чтобы убѣдиться въ чемъ-нибудь, говоритъ Лейбницъ (les raisons de notre persuasion), могутъ быть двоякіе: одни объяснимы, другіе необъяснимы. Тѣ, которые я называю объяснимыми, могутъ быть изложены съ помощью отчетливаго разсужденія; но необъяснимые доводы заключаются только въ нашемъ сознаніи, во внутреннемъ чувствѣ, которое нельзя передать другимъ иначе, какъ заставивъ ихъ ощущать то же самое и тѣмъ же самымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, не всегда можно объяснить другимъ, почему пріятно или непріятно извѣстное лицо, картина, стихотвореніе или извѣстное блюдо. Оттого и говорятъ, что о вкусахъ не спорятъ; по этой же причинѣ невозможно объяснить слѣпому отъ рожденія, что̀ такое цвѣтъ. Тѣ, которые утверждаютъ, что чувствуютъ въ себѣ внутренній божественный свѣтъ, или лучъ, освѣщающій имъ извѣстную истину, основываются на необъяснимыхъ доводахъ. И католики, и протестанты прибѣгаютъ къ этому внутреннему свѣту; тѣ, которые это дѣлаютъ, не могутъ требовать отъ своихъ противниковъ другаго довода, какъ сознанія собственной совѣсти каждаго, то-есть, они могутъ спросить его, говоритъ ли онъ правду и дѣйствительно ли ощущаетъ тотъ внутренній свѣтъ, на который ссылается. Но такъ какъ довольно трудно провѣрить чужую совѣсть, то я желалъ бы, чтобы г. Пелиссонъ основательно коснулся этого важнаго вопроса, объяснивъ намъ внутренніе признаки божественнаго свѣта, которые бы отличали его отъ фантазіи (illusion), подобно тому, какъ золото узнается по вѣсу, по цвѣту и другимъ очевиднымъ признакамъ“.

Герцогиня Софья послала замѣчанія Лейбница своей сестрѣ, которая передала ихъ Пелиссону. Тотъ отвѣтилъ на нихъ, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Такимъ образомъ между ними завязалась переписка. Когда въ Мобюиссонѣ узнали, кто авторъ возраженій, всѣ обрадовались, въ надеждѣ, что удастся обратить въ католичество такого замѣчатель-

наго ученаго, какъ Лейбницъ. Съ другой стороны и Лейбницъ охотно продолжалъ переписку: ему было лестно находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ такимъ вліятельнымъ и извѣстнымъ лицомъ, какъ Пелиссонъ, который въ то время былъ въ милости у Людовика XIV.

Въ своихъ отвѣтахъ Пелиссонъ соединяетъ увѣренность и доктринерство католическаго богослова, опирающагося на авторитетъ древней, непогрѣшимой церкви, съ мягкостью гуманнаго, благороднаго человѣка и съ вѣжливостью царедворца Людовика XIV. Онъ отвергаетъ необъяснимые доводы, о которыхъ говоритъ Лейбницъ. По его мнѣнію, это не можетъ быть что-либо иное, какъ дѣйствіе благодати или мнимое воображеніе благодати. Но какъ отличить истинную благодать отъ мнимой? Пелиссонъ говоритъ, что есть благодать доказанная и благодать, которая не можетъ быть доказана. Первая есть благодать, обѣщанная церкви, вторая—благодать частнаго человѣка, который никогда не можетъ быть въ ней увѣренъ. Если мое личное чувство согласно съ ученіемъ церкви, я могу ему слѣдовать; если же я опираюсь на личную благодать, которая не можетъ быть доказана, и если она несогласна съ ученіемъ церкви, то это навѣрное не благодать, а иллюзія, ибо Господь или Его благодать не могутъ впадать въ противорѣчіе. Есть только одинъ внутренній признакъ благодати. Мнимая благодать какого-нибудь анабаптиста, квакера или другаго фанатика можетъ имѣть всѣ свойства христіанской добродѣтели; она можетъ быть чиста, цѣломудренна, справедлива, самоотверженна, но она никогда не будетъ смиренна. Напротивъ, она будетъ всегда смѣла, горда, надменна, ибо можетъ ли быть смиреніе въ человѣкѣ, который возстаетъ противъ общей благодати, дарованной христіанской церкви, основываясь на хорошемъ мнѣніи, которое онъ имѣетъ о себѣ? Что̀ можетъ быть надменнѣе, какъ сказать всему свѣту: „во мнѣ живетъ духъ Божій, а въ васъ его нѣтъ“?

Пелиссонъ отвергаетъ различіе между существенными и несущественными догматами вѣры. „Правда, говоритъ онъ, одни заблужденія могутъ быть хуже другихъ; но самое незначительное заблужденіе въ вѣрѣ, сопровождаемое неповиновеніемъ церкви, можетъ лишить спасенія. Если признать это различіе между существенными и несущественными догматами, религія становится произвольной, ибо всякій можетъ считать существеннымъ то, что̀ ему нравится. Отсюда не далеко до того положенія, что для спасенія достаточно одной любви къ Богу. Любовь къ Богу не можетъ быть отдѣлена отъ сознанія; невозможна истинная любовь Божія безъ истиннаго познанія Его.

„Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ видно только безпокойство, непослѣдовательность и колебаніе тѣхъ, которые, сбившись однажды съ настоящаго пути, не знаютъ куда идти. Если когда-нибудь врата ада восторжествуютъ надъ церковью, если когда-нибудь христіанская религія погибнетъ, то вотъ мѣсто, гдѣ ей можно нанести смертельную рану. Ибо какъ скоро мы всякому свободно предоставимъ вѣрить во что онъ хочетъ и ссылаться на мнимую связь съ Богомъ, о которой другіе не въ состояніи судить, то не будетъ больше ни религіи, ни церкви. Если можно быть спасеннымъ, не смотря на то, въ какіе догматы вѣришь, тогда всякій будетъ вѣрить какъ можно меньше, тогда всѣ религіи будутъ хороши, не исключая и языческой“.

Замѣчательно то, что Пелиссонъ говоритъ о вѣротерпимости. Въ этихъ словахь нельзя не узнать исторіографа Людовика XIV. Вопросъ, говоритъ онъ, долженъ ли государь допускать въ своей странѣ различныя религіи, зависитъ отъ сотни тысячъ обстоятельствъ. Допущеніе такого различія хорошо, если иначе государство должно погибнуть. Недопущеніе его также хорошо, если это можно сдѣлать, не губя государства.

Лейбницъ ставилъ Пелиссона въ большое затрудненіе тѣмъ, что ссылался на католическихъ богослововъ, которые допускали различіе между существенными и несущественными догматами и между еретиками формальными и матеріальными. Лейбницъ обнаружилъ по этому поводу поразительную ученость; онъ приводилъ такихъ католическихъ богослововъ, которые не только были неизвѣстны Пелиссону, но сочиненія которыхъ послѣдній съ трудомъ могъ найдти въ Парижѣ [1]).

Пелиссонъ не признаетъ авторитета католическихъ богослововъ, которыхъ Лейбницъ приводитъ въ свою пользу. Схоластики, говоритъ онъ, часто употребляютъ извѣстные термины не въ собственномъ, а въ условленномъ смыслѣ; въ видахъ діалектики они часто разсматриваютъ вопросъ съ двухъ сторонъ, приводятъ доводы одинаковой силы

[1]) Такъ, напримѣръ, Лейбницъ приводитъ въ свою пользу португальскаго богослова Пайву Андрадія, одного изъ главныхъ дѣятелей на Тридентинскомъ соборѣ. Пелиссонъ въ отчаяніи: «Ce n'est pas une petite affaire que de le trouver, пишетъ онъ М. де-Бринонъ. La rue St. Jacques ne le connoist pas, les bibliothèques les plus nombreuses ne l'ont point, non pas mesme celle des jésuites, ce qui est remarquable parce qu'il a écrit en leur faveur. A la fin on me l'a déterré dans la bibliothèque de Sorbonne. M. l'abbé Pirot, personne de mérite, s'il y en a aujourd'hui en France ni ailleurs et l'un des plus capables et des plus illustres sujets de cette maison, qui ne connoissoit cet auteur non plus que moi, s'est donné la peine de le lire à ma prière etc.

въ пользу системы и противъ нея, наконецъ разсматриваютъ многіе вопросы отвлеченно и дѣлаютъ предположенія, которыя на дѣлѣ неосуществимы. Таково, напримѣръ, предположеніе, что человѣкъ, который любитъ Бога выше всего, можетъ быть спасенъ безъ благодати. Но такой случай невозможенъ. Не всѣ схоластики заслуживаютъ одинаковаго авторитета. Есть ученые и богословы, которые по своему уму, по своей святой жизни, по услугамъ, которыя они оказали церкви, въ высшей степени достойны уваженія, хотя нѣтъ ни одного, личное мнѣніе котораго могло бы служить намъ закономъ. А что касается до безчисленной толпы всѣхъ племенъ и всѣхъ языковъ, идущей вслѣдъ за этими великими людьми, то напрасно протестанты воображаютъ, что мы слушаемъ ихъ какъ оракуловъ; намъ даже едва извѣстны ихъ сочиненія и ихъ имена, которыя старѣютъ, теряются и исчезаютъ каждый день.

Въ своемъ отвѣтѣ Лейбницъ долго останавливается на вопросѣ, можетъ ли истинная любовь къ Богу привести къ спасенію. „Я не берусь рѣшить этого, говоритъ онъ, но я, конечно, не стану утверждать, что тотъ, кто любитъ Бога, можетъ быть спасенъ, не заботясь о догматахъ и религіозныхъ спорахъ. Я скорѣе готовъ утверждать противное и признаюсь, что вѣрнѣе всего ничѣмъ не пренебрегать. Нужно искать истинной церкви и повиноватьтся ей, когда ее найдешь, слушаться тѣхъ, которымъ дана власть въ церкви, на сколько это позволяетъ совѣсть, и употреблять всѣ средства, чтобъ узнать волю и Откровеніе Божіе. Но если послѣ всего этого не можешь узнать истины относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, то спрашивается, можно ли тогда быть спасеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе католическіе богословы отвѣчаютъ на это утвердительно. Итакъ не будемъ слишкомъ смѣло произносить приговоръ надъ нашими братьями; довольно, если мы скажемъ, что опасно лишать себя обыкновеннаго пути къ спасенію. Отсюда достаточно явствуютъ важность церкви и наша обязанность дѣлать всевозможныя усилія для того, чтобы возстановить единство въ ней. Но нужно много усердія съ обѣихъ сторонъ, чтобъ удалить всѣ препятствія. Поэтому горе тѣмъ, которые поддерживаютъ расколъ своимъ упрямствомъ, которые не хотятъ слушать, а всегда хотятъ быть правыми“ [1]).

Съ точки зрѣнія Пелиссона возраженія Лейбница не имѣютъ смысла.

---

[1]) Malheur à ceux, qui entretiennent le schisme par leur obstination à ne vouloir écouter raison, et à vouloir en avoir toujours. Oeuvres de L. e. Foucher de C. I p. 110.

„Вы требуете реформаціи, пишетъ онъ ему. Истинная церковь не можетъ согласиться ни на какую реформацію относительно догматовъ; она не была бы истинной церковью, если бы такая реформація была возможна. Что же касается до исправленія нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій, то церковь никогда не отрицала, что она въ немъ нуждается; для этого она часто собиралась на вселенскіе соборы, созывала синоды и мѣстные соборы, которые должны были устранить злоупотребленія. Вы хотите ее реформировать? Такъ оставайтесь въ ней, если вы къ ней принадлежите, или присоединитесь къ ней, если вы стоите внѣ ея“.

Догматъ о единствѣ и непогрѣшимости католической церкви дѣлалъ ее неприступною. Лейбницъ старается разрушить это неприступное положеніе. Онъ доказываетъ, что единство католицизма на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ полно. Авторитетъ послѣднихъ соборовъ не вездѣ одинаково признанъ: такъ, Констанцскій и Базельскій соборы не признаны въ Италіи, послѣдній Латеранскій не признанъ во Франціи. Точно также и Тридентинскій соборъ никогда не былъ офиціально признанъ во Франціи. Отчего же, спрашиваетъ Лейбницъ, не дозволить сѣвернымъ народамъ аппеллировать и отъ собора Тридентинскаго къ будущему, дѣйствительно, вселенскому собору? Не противъ католической вселенской церкви возстаютъ они, а противъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ или національныхъ церквей, присвоивающихъ себѣ это названіе. Къ вопросу церковному примѣшиваются народные инресы: такъ, Италіянцы и Испанцы слишкомъ придерживаются внѣшностей, а особенно Италіянцы часто поддерживаютъ папу изъ политики. Имъ хочется, чтобы всѣ остальные народы, особенно сѣверные, сдѣлались ихъ игрушкой (fussent leurs dupes), и это очень естественно. Но французскій народъ долженъ былъ бы соединиться съ нѣмецкимъ, чтобы возвратить церкви ея прежнюю чистоту, какъ это было нѣкогда на Франкфуртскомъ соборѣ, и для этого слѣдовало бы воспользоваться расположеніемъ какого-нибудь благонамѣреннаго папы, который бы сознавалъ, что онъ всеобщій отецъ, а не Римлянинъ или Тосканецъ.

Лейбницъ возлагалъ большія надежды на Людовика XIV. При той энергіи, съ которою Людовикъ отстаивалъ права свѣтской власти и привилегіи французской церкви, не смотря на всю свою преданность католической религіи, онъ могъ бы много сдѣлать для исправленія католицизма и объединенія церквей. „Легко сдѣлаться великимъ человѣкомъ, когда родишься королемъ Франціи“, писалъ Лейбницъ од-

нажды: „во Франціи духъ живитъ массу (mens agitat molem)", воскликнулъ онъ въ другой разъ. Какъ онъ въ своей юности ожидалъ отъ Людовика, что онъ откроетъ Востокъ христіанскому оружію и христіанской цивилизаціи, такъ онъ теперь только его считалъ способнымъ для великаго дѣла примиренія церквей. „Я не совсѣмъ отчаяваюсь, пишетъ онъ Пелиссону, въ возможности облегчить бѣдствія Европы, если Богу будетъ угодно направить надлежащимъ образомъ сердце одного человѣка, въ рукахъ котораго, какъ кажется, находится счастіе или несчастіе людей. Можно сказать, что этотъ государь (ибо легко догадаться о комъ я говорю) одинъ составляетъ судьбу своего вѣка и что благоденствіе общества зависитъ отъ нѣсколькихъ счастливыхъ минутъ размышленія, которыя Богъ можетъ послать ему. Я полагаю, что для того, чтобъ исполниться благихъ намѣреній, ему достаточно сознать свое могущество. Ибо, если онъ будетъ считать возможнымъ для себя какое-нибудь великое дѣло, въ немъ не будетъ недостатка въ доброй волѣ. Еслибъ это сдержанное и добросовѣстное благоразуміе, которое онъ выказываетъ среди самыхъ великихъ успѣховъ, ему позволило думать, что отъ него одного зависитъ сдѣлать человѣчество счастливымъ, и что никто не въ состояніи воспрепятствовать ему и остановить его, я увѣренъ, онъ не колебался бы ни одной минуты. И еслибъ онъ разсудилъ, что вершина человѣческаго величія заключается въ возможности содѣйствовать благоденствію человѣчества, онъ пришелъ бы къ заключенію, что точно также верхъ человѣческаго счастія состоитъ въ томъ, чтобъ осуществить это благоденствіе. Похвалы портятъ слабыхъ государей, но этому великому государю необходимо сознать свое величіе, чтобы сдѣлать все, что онъ можетъ, и чтобы знать все, что онъ можетъ сдѣлать. Вотъ случай, гдѣ неподражаемое краснорѣчіе Пелиссона могло бы обнаружиться въ полномъ блескѣ. Пусть оно убѣдитъ короля въ томъ, что онъ могущественнѣе, чѣмъ полагаетъ, и что онъ можетъ стать выше извѣстныхъ опасеній относительно своего государства, которыя отвлекаютъ его отъ болѣе высокихъ и славныхъ цѣлей, полезныхъ всему человѣчеству. Можно ли себѣ представить панегирикъ великолѣпнѣе и славнѣе того, который бы имѣлъ своимъ послѣдствіемъ успокоеніе Европы и даже умиротвореніе церкви"?

Въ этихъ строкахъ нельзя не признать изящнаго и нѣсколько высокопарнаго языка придворныхъ писателей Людовика XIV, которымъ Лейбницъ здѣсь подражаетъ. Но то, что онъ говоритъ, было совершенно искренно съ его стороны. Онъ могъ разчитывать, что его

письма сдѣлаются извѣстными если не самому королю, то близкимъ къ нему лицамъ, и онъ не хотѣлъ упустить случая указать Людовику истинную цѣль, на которую ему слѣдовало направить свое могущество. Дѣйствительно, Людовику прочли эти строки, и онъ соблаговолилъ ихъ милостиво принять. Но онъ, вѣроятно, былъ не въ состояніи отличить голосъ мудреца отъ языка своихъ льстецовъ и предпочелъ содѣйствовать благоденствію церкви не умиротвореніемъ религіозныхъ страстей, а кровавыми преслѣдованіями и изгнаніемъ полумилліона своихъ подданныхъ.

Пелиссонъ придавалъ такое значеніе своей перепискѣ съ Лейбницемъ, что напечаталъ ее подъ заглавіемъ: De la Tolérance des Religions. Лейбницъ былъ очень польщенъ этимъ знакомъ уваженія со стороны знаменитаго французскаго литератора. „Къ удовольствію перечитать ваши письма, пишетъ онъ по этому поводу Пелиссону, примѣшивается горькое чувство, когда я вижу мои собственныя письма, и это сопоставленіе чернаго съ бѣлымъ еще болѣе обнаруживаетъ бѣдность и несовершенство моего писанія сравнительно съ сочиненіями одного изъ лучшихъ мастеровъ краснорѣчія (maître d'éloquence). Такимъ образомъ я наказанъ за свою смѣлость". Но и послѣ этого изданія, переписка между ними продолжалась въ томъ же духѣ и смыслѣ. Она была прервана въ началѣ 1693 года смертью Пелиссона. Вмѣсто Пелиссона въ религіозныхъ переговорахъ между Ганноверомъ и Мобюиссономъ выдвигается съ тѣхъ поръ на первый планъ Боссюэтъ.

Боссюэтъ давно зналъ Лейбница. Еще въ 1678 г. онъ обращался къ нему какъ библіотекарю герцога Іоганна-Фридриха съ просьбой выслать ему латинскій переводъ Талмуда. Лейбницъ при этомъ исправилъ нѣкоторыя ошибки Боссюэта въ еврейской литературѣ и сдѣлалъ ему нѣсколько указаній. Онъ не упустилъ также случая сообщить Боссюэту о религіозныхъ переговорахъ, которые велись въ это время въ Ганноверѣ епископомъ Нейштадтскимъ. Когда въ 1683 году эти переговоры были возобновлены, Лейбницъ, по порученію герцогини Софьи, извѣстилъ о нихъ Боссюэта и послалъ ему записку Моллануса. Боссюэтъ отвѣтилъ, что Людовикъ XIV относится благосклонно къ попыткамъ примиренія церквей и готовъ оказать имъ покровительство. Онъ самъ, впрочемъ, не придавалъ имъ большаго значенія, затерялъ записку Моллануса и скоро забылъ объ этомъ дѣлѣ. Черезъ 8 лѣтъ, когда началась переписка между Пелиссономъ и Лейбницемъ, М. де-Бринонъ сообщила Боссюэту письмо герцогини Софьи и заинтересовала его въ пользу религіозныхъ переговоровъ. Боссюэтъ просилъ

прислать ему новый экземпляръ „Соглашенія“ между епископомъ Нейштадтскимъ и Ганноверскими богословами. М. де Бринонъ была внѣ себя отъ радости. „Ради Бога, пишетъ она Лейбницу, пришлите намъ требуемую записку“. Лейбницъ вмѣстѣ съ запиской Молануса: „Cogitationes Privatae“ прислалъ письмо къ Боссюету, и между ними началась переписка, которая съ разными перерывами продолжалась 10 лѣтъ.

Подъ вліяніемъ Боссюета религіозные переговоры приняли тотчасъ иное направленіе. Хотя Пелиссонъ и былъ посвященъ въ духовное званіе и писалъ различныя богословскія сочиненія, его мнѣнія однако имѣли нѣсколько дилетантскій характеръ. Боссюетъ же былъ епископомъ, знаменитымъ учителемъ католицизма. Каждое слово его имѣло значеніе, и его мнѣнія дѣйствительно могли считаться голосомъ католической церкви. Спинола былъ также епископомъ, но онъ былъ дипломатъ, и онъ поставилъ себѣ цѣлью достигнуть какого-нибудь соглашенія. Боссюетъ же выступаетъ рѣшительно и самоувѣренно, съ тою отталкивающею строгостью и неумолимостью, которою всегда отличалась сама католическая церковь, но и съ ея послѣдовательностью и вѣрностью принципу. Участіе Боссюета въ переговорахъ болѣе повредило, чѣмъ содѣйствовало успѣшному окончанію ихъ. Въ перепискѣ Боссюета и Лейбница съ перваго раза выступаетъ со всею рѣзкостью противоположность принциповъ, которымъ слѣдуютъ католицизмъ и протестантизмъ и которые дѣлаютъ невозможнымъ всякое соглашеніе. Боссюетъ первый замѣчаетъ, что переговоры ни къ чему не приведутъ; онъ относится съ жесткостью къ своимъ противникамъ, называетъ ихъ упрямыми и еретиками и неохотно продолжаетъ начатые переговоры. Разочарованный Лейбницъ нѣсколько разъ теряетъ надежду, упрекаетъ Боссюета въ надменности и недостаткѣ христіанской любви, бросаетъ переписку, но снова возвращается къ ней, ибо вопросъ о соглашеніи христіанскихъ церквей и о реформѣ католицизма слишкомъ близокъ его сердцу, а величавое спокойствіе его противника невольно привлекаетъ его къ себѣ. Положеніе Боссюета было несравненно выгоднѣе, чѣмъ положеніе Лейбница. Боссюетъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, онъ могъ быть послѣдователенъ, потому что неуступчивость и послѣдовательность составляли жизненный принципъ той церкви, къ которой онъ принадлежалъ; Лейбницъ же по самому свойству защищаемаго имъ дѣла долженъ былъ впадать въ нѣкоторое противорѣчіе. Онъ требовалъ реформы католической церкви; онъ считалъ невозможнымъ соглашеніе съ нею, если она сохранитъ всѣ злоупотребленія, внесенныя властолюбіемъ духовенства и суевѣріемъ

простаго народа. Но всякое исправленіе нарушало принципъ непогрѣшимости, которымъ гордилась эта церковь. А если примѣнить къ церковнымъ догматамъ критику и начало свободы, то гдѣ же остановиться въ дѣлѣ исправленія? Лейбницъ вовсе не отстаивалъ полной свободы и индивидуальнаго начала въ религіи; онъ признавалъ, что христіанская церковь управляется Св. Духомъ, и поэтому допускалъ преемственность догматовъ и церковное преданіе. Но если Св. Духъ управляетъ церковью, то-есть, если она непогрѣшима, то къ чему исправленіе? — спрашивалъ его Боссюетъ.

Лейбницъ впадалъ въ противорѣчіе, но какъ мы сказали, не по своей винѣ. За Боссюетомъ и Лейбницемъ стоятъ двѣ церкви, которыя они защищаютъ: католичество съ своимъ преданіемъ и безграничнымъ авторитетомъ духовенства, и протестантизмъ, требующій, чтобы церковь, какъ и государство, развивалась вмѣстѣ съ исторіей и сообразжалась съ потребностями эпохи и среды. Противорѣчіе, въ которое впадалъ Лейбницъ, лежитъ въ основаніи протестантизма, искавшаго разрѣшенія великой проблемы, какъ примирить въ вопросахъ вѣры авторитетъ и свободу, какъ создать церковь, не лишая простора индивидуальную совѣсть.

Противорѣчіе это, конечно, только мнимое; оно существуетъ только для тѣхъ, которые какъ Боссюетъ отрицаютъ въ церкви всякое историческое развитіе, которые полагаютъ, что непогрѣшимость ея заключается въ томъ, что всякій обычай, незамѣтно укоренившійся, всякое повѣріе, освященное временемъ или церковными постановленіями, становятся коренными догматами религіи.

Для Боссюета такія требованія были непонятны. Въ своемъ разборѣ сочиненія Молануса онъ находитъ, что соглашеніе съ протестантами въ догматахъ возможно, и что если даже взять ихъ символическія книги, напримѣръ, Аугсбургское исповѣданіе, то и въ нихъ нельзя найдти никакихъ серіозныхъ препятствій къ примиренію. Онъ полагаетъ, что папа можетъ разрѣшить имъ нѣкоторыя отступленія въ обрядовой части, но удивляется, зачѣмъ протестанты на этомъ настаиваютъ. Протестантизмъ, по мнѣнію Боссюета, не имѣлъ цѣли и смысла. Но мало по малу выступаютъ трудности соглашенія. Лейбницъ отъ имени протестантовъ настаиваетъ на отмѣненіи Тридентинскаго собора или по крайней мѣрѣ на томъ, чтобы протестантовъ не принуждали считать его вселенскимъ и обязательнымъ. Для протестантовъ это былъ чрезвычайно важный вопросъ. Многіе догматы и обряды католическіе, противъ которыхъ они возставали, основывались,

до XVI вѣка, только на обычаѣ и преданіи и были освящены уже на Тридентинскомъ соборѣ; притомъ въ Тридентѣ, всѣ догматы и обряды протестантовъ были преданы анаѳемѣ. Но Боссюетъ считаетъ немыслимымъ никакое отступленіе отъ Тридентинскаго собора или даже ослабленіе принятыхъ на немъ постановленій. Мало по малу вся полемика между нимъ и Лейбницемъ группируется около вопроса о значеніи этого собора.

По мнѣнію Боссюета, Тридентинскій соборъ не ввелъ ничего новаго, а утвердилъ только то, что давно было признано церковью. По его мнѣнію, въ церкви вообще не было никакихъ измѣненій; она всегда руководствовалась положеніемъ: вчера вѣрили такъ, потому и сегодня нужно вѣрить такъ же. Съ помощью этого положенія церковь никогда не находилась въ затрудненіи даже относительно самыхъ темныхъ вопросовъ; когда эти вопросы возбуждались, церковь находила ихъ уже рѣшенными въ молитвахъ, въ обрядахъ, въ общественномъ мнѣніи, повсюду утвердившемся (dans la pratique unanime de toute l'Église). Конечно, иногда церковь допускала пренія о нихъ для лучшаго выясненія истины и для болѣе полнаго обличенія заблуждавшихся; но въ сущности она всегда давала одно только рѣшеніе: такъ вѣрили до васъ и такъ вы должны вѣрить, или же отдѣлиться отъ Христовой церкви. Лейбницъ опровергаетъ это доказательство. А что же мы скажемъ, спрашиваетъ онъ, если окажется, что не вчера, но по-завчера (avant-hier) вѣрили иначе? Развѣ нужно всегда канонизировать тѣ мнѣнія, которыя оказываются послѣдними? Спаситель очень хорошо опровергъ поговорку фарисеевъ: „Olim non erat sic. Прежде не было такъ". Такой аксіомой можно освятить всевозможныя злоупотребленія. Не слѣдуетъ останавливаться только на нашемъ времени и на нашей странѣ, но нужно брать во вниманіе всю исторію церкви, особенно древнѣйшую эпоху ея. Лейбницъ приводитъ въ примѣръ, что вопросъ о волѣ Христовой вовсе не былъ опредѣленъ, прежде чѣмъ возникла секта моноѳелитовъ, которая заставила церковь точнѣе опредѣлить этотъ догматъ; точно также иконопочитаніе вовсе не было принято повсемѣстно до втораго Никейскаго собора. Иконоборцы и почитатели иконъ чередовались во власти нѣсколько разъ, и Франкфуртскій соборъ, который держался середины, прямо объявилъ себя противъ Никейскаго собора отъ имени Франціи, Германіи и Британіи.

Боссюетъ старается ослабить доказательства Лейбница. Онъ говоритъ, что западные епископы, собравшіеся во Франкфуртѣ, отвергли Никейскій соборъ только по недоразумѣнію. Притомъ этотъ соборъ

тогда еще не былъ повсемѣстно признанъ, ибо изъ всѣхъ западныхъ епископовъ одинъ только папа былъ приглашенъ къ участію въ немъ.

Бюссюетъ, отрицая развитіе догматовъ въ католической церкви, очевидно искажаетъ историческую истину, чтобы спасти принципъ неизмѣнности догматовъ. Достаточно для доказательства вспомнить о послѣднемъ по времени католическомъ догматѣ о безпорочномъ зачатіи Дѣвы, который былъ нѣсколько разъ отвергаемъ папами и только въ наше время освященъ папскою буллой. Но съ Боссюетомъ было трудно сладить. Онъ всегда укрывался за положеніе, что если какой-нибудь догматъ и не былъ офиціально признанъ церковью, онъ всегда существовалъ въ убѣжденіи большинства, въ обычаяхъ и преданіи. Въ этомъ доказательствѣ, очевидно, заключается petitio principii, то-есть, то, что слѣдуетъ доказать, предполагается доказаннымъ. Боссюетъ основываетъ непогрѣшимость католической церкви на томъ, что она никогда не измѣнялась, и всякое нововведеніе объясняетъ тѣмъ, что это было только офиціальное признаніе догматовъ, уже прежде принятыхъ церковью.

Спинола обнадежилъ протестантовъ, что отъ нихъ не потребуютъ признанія Тридентинскаго собора, и что его постановленія будутъ пересмотрѣны на новомъ вселенскомъ соборѣ, въ которомъ примутъ участіе протестантскіе епископы не какъ подсудимые, а какъ равноправные судьи. Боссюетъ въ самомъ началѣ переписки объявляетъ, что Римъ не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки въ догматахъ, опредѣленныхъ церковью, и что въ этомъ отношеніи невозможна никакая сдѣлка[1]). Лейбницъ исчерпываетъ всю свою ученость, чтобы доказать Боссюету возможность отступленія отъ Тридентинскаго собора. Онъ доказываетъ, что многіе соборы католической церкви не признаются въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ. Италіянцы отвергаютъ Констанцскій и Базельскій соборы, а Французы — послѣдній Латеранскій. Каликстинцы (Гусситы) не признавали Констанцскаго собора и его постановленія, что причащеніе подъ обоими видами не обязательно для вѣрующихъ. Не смотря на это, Базельскій соборъ и папа Евгеній вступили въ соглашеніе съ Каликстинцами, не потребовали отъ нихъ признанія Констанцскаго собора и предоставили все это дѣло будущему рѣшенію церкви. Неужели, спрашиваетъ Лейбницъ, цѣлое германское племя, которое не хочетъ подчиниться Тридентинскому собору, не за-

---

[1]) Rome ne se relâchera jamais d'aucun point de la doctrine définie par l'Église et qu'on ne sçauroit faire aucune capitulation là-dessus. Oeuv. de L. I p. 178.

служиваетъ такого же снисхожденія, какъ горсть Чеховъ? Не лучше ли было бы для Рима и для общаго блага удовлетворить столько народовъ, допустивъ на нѣкоторое время различіе въ извѣстныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что это разногласіе гораздо менѣе того, которое существуетъ между Римомъ и Франціей относительно привилегій галликанской церкви.

Ученость Лейбница удивляетъ Боссюета. Но сдѣлка между Чехами и депутатами Базельскаго собора, которую Лейбницъ приводитъ въ свою пользу, неизвѣстна Боссюету въ подлинникѣ, и онъ проситъ указать ему, въ какомъ сборникѣ она напечатана. Въ извѣстныхъ ему изданіяхъ она не находится.

Но Лейбницъ идетъ еще далѣе. Онъ доказываетъ, что требованіе протестантовъ, чтобъ имъ позволили не подчиняться Тридентинскому собору, не представляетъ никакихъ затрудненій. Этотъ соборъ до сихъ поръ не былъ признанъ во многихъ католическихъ странахъ, напримѣръ, во Франціи. Въ числѣ 255 прелатовъ, подписавшихъ постановленія Тридентинскаго собора, было около 160 Италіянцевъ и только нѣсколько нѣмецкихъ епископовъ. Не только протестанты, но и многіе католики Германіи отвергли его, и въ Майнцской епархіи онъ до сихъ поръ не признанъ. Франція, хотя имѣла въ Тридентѣ 36 представителей, также протестовала противъ собора, и никогда его офиціально не признавала. Правда, интригамъ Италіянцевъ удалось мало по малу склонить французское духовенство на свою сторону, но еще на сеймѣ 1614 г. депутаты дворянства и третьяго сословія протестовали противъ признанія Тридентинскаго собора. И хотя постановленія его, касающіяся догматовъ, теперь молча приняты во Франціи, но за то изъ статей, относящихся до каноническаго права (discipline), многія тамъ до сихъ поръ не признаются, какъ напримѣръ, статья, опредѣляющая условія законности брака. Эти объясненія Лейбница вызвали цѣлый ученый трактатъ въ защиту Тридентинскаго собора со стороны аббата Пирота, которому Боссюетъ поручилъ это дѣло. На этотъ трактатъ Лейбницъ отвѣтилъ другимъ, еще болѣе обширнымъ и ученымъ, въ которомъ онъ доказываетъ, что Тридентинскій соборъ никогда не былъ офиціально признанъ Франціей, что онъ потому не можетъ считаться вселенскимъ, и Римъ не можетъ требовать отъ протестантовъ подчиненія его постановленіямъ.

Такимъ образомъ, споръ перешелъ съ богословской почвы на историческую: пришлось опредѣлить, признанъ ли Тридентинскій соборъ всѣми католиками, то-есть, долженъ ли онъ считаться вселенскимъ

(для католиковъ) или нѣтъ. Боссюетъ справедливо замѣтилъ, что споръ при этомъ направленіи утрачиваетъ свой смыслъ. Къ чему же это поведетъ, спрашиваетъ онъ, если мы будемъ признавать значеніе вселенскихъ соборовъ вообще, но въ каждомъ данномъ случаѣ подвергать сомнѣнію, слѣдуетъ ли считать такой-то соборъ вселенскимъ? Такимъ образомъ можно пошатнуть авторитетъ всѣхъ соборовъ. И если необходимо особенное собраніе для того, чтобы признать соборъ, тогда можно потребовать другаго собранія для того, чтобъ опредѣлить законность перваго собранія, и такъ отъ собора къ собору можно идти до безконечности. Тутъ только одинъ предѣлъ—считать непогрѣшимымъ то, что церковь признаетъ единодушно безъ всеобщаго протеста [1]).

Притомъ, говоритъ Боссюетъ, Тридентинскій соборъ не сдѣлалъ ничего инаго, какъ только предписалъ всѣмъ вѣрующимъ вѣрить въ то, что уже было предметомъ вѣры, когда Лютеръ началъ отдѣляться отъ церкви; напримѣръ, достовѣрно, что и до Тридентинскаго собора вся католическая церковь признавала пресуществленіе, миссу, свободную волю, почитаніе святыхъ, мощей и иконъ, молитвы и панихиды за умершихъ, — однимъ словомъ все, изъ-за чего Лютеръ и Кальвинъ отдѣлились отъ церкви.

Лейбницъ на это возражалъ, что существуетъ большая разница между первыми вселенскими соборами и какимъ-нибудь Тридентинскимъ и что существуетъ также разница между догматами, которые постановлялись на соборахъ. Одни могутъ быть существенны для спасенія, другіе менѣе важны. Сомнѣваться въ обязательности одного какого-нибудь собора не значитъ отрицать авторитетъ всѣхъ соборовъ. Это значитъ только, что всѣ человѣческія дѣла не совершенны, и что самыя лучшія постановленія допускаютъ злоупотребленія (in fraudem legis). Нельзя исключать изъ законодательства вопроса о некомпетентномъ судьѣ, хотя кляузники этимъ часто злоупотребляютъ.

Въ сущности споръ между Лейбницемъ и Боссюетомъ о Тридентинскомъ соборѣ сводился къ тому, что въ вопросахъ религіи и совѣсти нельзя все рѣшать большинствомъ голосовъ, и что единство христіанской церкви можетъ быть возстановлено только тогда, если церковь будетъ снисходительна къ особенностямъ отдѣльныхъ странъ и народностей.

---

[1]) Et le terme où il faut s'arrester, c'est de tenir pour infaillible ce que l'Église, qui est infaillible, reçoit unanimement, sans qu'il y ait sur cela aucune contestation dans tout le corps. p. 421.

Лейбницъ сохранялъ въ спорѣ свою всегдашнюю вѣжливость и любезность. Боссюетъ часто становился сухъ и жостокъ и употреблялъ иногда очень рѣзкія выраженія. Для него, какъ для всѣхъ католическихъ историковъ церкви, личность реформаторовъ и самая реформа были непонятны. Онъ видитъ въ послѣдней только плодъ человѣческихъ интригъ и страстей: она произошла, по его мнѣнію, только вслѣдствіе враждебнаго и ложнаго толкованія католическаго ученія. „Я не знаю, пишетъ онъ Лейбницу, какъ можно читать безъ нѣкотораго стыда *вранье* (les menteries) Лютера и его учениковъ и даже Аугсбургскаго исповѣданія". Боссюетъ не понимаетъ, какъ Лейбницъ, не смотря на изъявляемое имъ миролюбіе, можетъ „пребывать въ расколѣ". „Каково бы ни было у васъ расположеніе къ миру, пишетъ онъ Лейбницу, ни о комъ нельзя сказать, что онъ дѣйствительно миролюбивъ и находится на пути къ спасенію (en état de salut), пока онъ не присоединится къ намъ на самомъ дѣлѣ".

Лейбницъ нѣсколько разъ даетъ гордому прелату урокъ вѣжливости и терпимости. Говоря о томъ, что въ Ганноверѣ сдѣлали все возможное, чтобы облегчить соглашеніе, онъ продолжаетъ: „Здѣсь нарочно оставили всѣ эти пріемы, которые отзываются страстью къ спору, этотъ видъ превосходства, который всякій старается принять, эту оскорбительную гордость и эту увѣренность, которая, конечно, есть у каждаго, но которую безполезно и даже непріятно выказывать, такъ какъ противникъ обладаетъ не меньшею самоувѣренностью. Всѣ эти пріемы возбуждаютъ сочувствіе ограниченныхъ читателей и обыкновенно портятъ переговоры, ибо тщеславіе понравиться слушателямъ и казаться побѣдителемъ беретъ преимущество надъ любовью къ миру. Но ничего не можетъ быть болѣе чуждымъ истинной цѣли миролюбивыхъ переговоровъ. Необходимо, чтобы было различіе между адвокатами, которые превозносятъ свое дѣло, и между посредниками (des entremetteurs), которые ведутъ переговоры [1]).

Лейбницъ нѣсколько разъ взываетъ къ миролюбію и къ умѣренности. „Здѣсь дѣло не въ томъ, пишетъ онъ, чтобы спорить и сочинять книги, но чтобъ узнать, что каждый въ состояніи сдѣлать съ

[1]) T. I, p. 233: On a quitté exprès toutes ces manières qui sentent la dispute, et tous ces airs de supériorité que chacun a coutume de donner à son parti, et quidquid ab utraque parte dici potest, etsi ab utraque parte vere dici non possit; cette fierté choquante, ces expressions de l'assurance, où chacun est en effet, mais dont il est inutile et même déplaisant de faire parade auprès de ceux, qui n'en ont pas moins de leur part.

своей стороны". Далѣе онъ говоритъ: „Я часто нахожу, что всѣ стороны правы, когда онѣ другъ друга понимаютъ, и я не столько люблю опровергать и разрушать, сколько находить нѣчто новое и строить на старомъ основаніи" [1]).

Лейбницъ жалуется Пелиссону на жесткость и неуступчивость Боссюета: „Я былъ удивленъ, что онъ только относительно меня употребляетъ такія рѣзкія выраженія, какъ будто то, что онъ говоритъ, касается меня болѣе, чѣмъ другихъ; я напротивъ ожидалъ признательности за то, что я пошелъ въ уступкахъ дальше обыкновеннаго. Но такова судьба умѣренныхъ. Сначала пользуются ихъ уступчивостью безъ всякой благодарности, а потомъ, когда они не въ состояніи идти такъ далеко, какъ отъ нихъ требуютъ, имъ предлагаютъ худшія условія, чѣмъ тѣмъ, которые держались совершенно въ сторонѣ".

При всей жесткости, въ натурѣ Боссюета было много благороднаго. Извѣстіе, что Лейбницъ считаетъ себя оскорбленнымъ, огорчаетъ его. Онъ не рѣшается извиниться, но проситъ Пелиссона оправдать его передъ Лейбницемъ [2]). „Вы ему уже все сказали, пишетъ онъ Пелиссону, увѣривъ его, что я исполненъ уваженія къ нему и что любовь къ истинѣ и забота о его спасеніи вынуждали меня говорить такимъ образомъ".

Но эти мелкія столкновенія между Боссюетомъ и Лейбницемъ были не случайны. Въ ихъ натурахъ было слишкомъ много антипатичнаго. По поводу латинской эпиграммы Лейбница на вновь изобрѣтенныя бомбы, Боссюетъ высказывается нѣсколько иронически о его многосторонности. Иногда онъ какъ будто сомнѣвается въ правѣ Лейбница вмѣшиваться въ богословіе [3]). Съ другой стороны Лейбница отталкиваетъ важность и строгость могущественнаго прелата; онъ пишетъ о немъ Банажу: „son humeur était un peu chagrine". Когда во Франціи возгорѣлся споръ о томъ, слѣдуетъ ли допускать актеровъ къ причастію, и Боссюетъ написалъ свое знаменитое сочиненіе

---

[1]) Bien souvent je trouve, qu'on a raison de tous côtés quand on s'entend, — p. 301.

[2]) Je suis moy-même obligé de le déposer en votre sein; tirez, Monsieur, de ce fond si plein de douceur tout ce que vous y trouverez de plus capable de le satisfaire. Bos. à Pel. p. 345.

[3]) J'admire, qu'un homme de ce génie ait encore le talent de la poésie et des belles lettres avec celui de l'histoire. C'est en verité être trop ambitieux en matière de littérature et de science; c'est donner à tout. Je souhaite de tout mon coeur de pouvoir louer aussi sa théologie en tous ses points, — p. 344.

противъ театра, Лейбницъ осмѣялъ эту нетерпимость въ ѣдкой эпиграммѣ [1]).

Рѣзкій контрастъ съ важностью и жесткостью Боссюета представляетъ наивность и неотвязчивость М. де-Бринонъ, которая также принимаетъ дѣятельное участіе въ перепискѣ. Ученыя разсужденія ей не удаются; у нея только одна цѣль—обратить Лейбница скорѣе въ католицизмъ. Она чистосердечно восхваляетъ католическую церковь и пренаивно высказываетъ свой страхъ за спасеніе Лейбница. Она недовольна, когда онъ въ своихъ письмахъ говоритъ о философіи, и упрекаетъ его, что онъ больше занимается своей динамикой, чѣмъ своимъ спасеніемъ. Лейбницъ дѣйствительно въ письмахъ къ Пелиссону и Боссюету часто говоритъ о философіи, объясняетъ имъ свой взглядъ на картезіанизмъ и излагаетъ свою систему. Нѣкоторыя изъ относящихся сюда писемъ превосходно очерчиваютъ извѣстныя идеи философіи Лейбница. Онъ надѣялся чрезъ покровительство Боссюета открыть своей философіи доступъ въ ученый міръ Франціи; ибо французскіе журналисты и академики, преданные картезіанизму, неохотно печатали въ своихъ изданіяхъ опроверженія его. Узнавъ, что Лейбницъ занимается исторіей Браунштейгскаго дома, М. де-Бринонъ пишетъ ему: „Я не могу не сожалѣть о равнодушіи къ истинному величію, когда вижу какъ люди стараются собирать остатки человѣческой славы и какъ они ищутъ ее въ прахѣ своихъ предковъ,—тамъ, гдѣ слѣдовало бы скорѣе изучать суетность мірскихъ почестей, чѣмъ воскрешать на бумагѣ жалкіе остатки минувшаго тщеславія“.

Послѣ смерти Пелиссона, М. де-Бринонъ играетъ роль посредницы между Боссюетомъ и Лейбницемъ; она ободряетъ ихъ продолжать начатое дѣло и не терять надежды на успѣхъ. Она умоляетъ Боссюета согласиться на уступки, если онѣ возможны, и настаиваетъ, чтобъ онъ не прекращалъ переписки съ Лейбницемъ. Она называетъ послѣдняго: le plus doux du monde et le plus raisonnable. Лейбницъ благодаритъ ее за ея содѣйствіе. „Я столько же убѣдился, пишетъ онъ ей, въ вашей добротѣ, сколько въ вашемъ благоразуміи, которыя побуж-

---

[1]) Aux Docteurs Anticomédiens:

Sévères directeurs des hommes,
Savez vous, qu'au siècle où nous sommes
Un Molière édifie autant, que vos leçons?
Le vice bien raillé n'est pas sans pénitence,
Il faut pour réformer la France
La Comédie ou les Dragons.

даютъ васъ давать всему лучшій оборотъ и принимать съ хорошей стороны то, что я высказалъ, можетъ-быть, съ излишней свободой: вы подражаете Богу, Который извлекаетъ добро изъ зла". Не смотря, однако, на всѣ старанія М. де-Бринонъ, переписка между Лейбницемъ и Боссюетомъ прервалась, въ 1693 году, почти на пять лѣтъ.

Вину этого перерыва Лейбницъ приписываетъ Боссюету. Онъ жалуется, что послѣдній не сдержалъ своего обѣщанія никому не показывать писемъ Ганноверскихъ богослововъ, и что Боссюетъ былъ не довольно искрененъ и откровененъ относительно вопроса, считаетъ ли онъ возможнымъ присоединеніе протестантовъ безъ признанія съ ихъ стороны Тридентинскаго собора. Это происходило отъ того, что Боссюетъ не сочувствовалъ плану „предварительнаго соединенія протестантовъ съ католиками", котораго желали Спинола и Лейбницъ, при чемъ вопросъ о Тридентинскомъ соборѣ былъ бы обойденъ, протестанты сохранили бы всѣ свои особенности, и разрѣшеніе всѣхъ недоразумѣній было бы предоставлено какому-нибудь собору въ отдаленномъ будущемъ [1]). Боссюетъ, какъ мы видѣли, допускалъ только одну методу — методу обыкновенную (d'exposition), которой онъ самъ держался въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ считалъ достаточнымъ для протестантовъ удовлетворительное объясненіе оспариваемыхъ ими католическихъ догматовъ, напримѣръ, поклоненія святымъ, и затѣмъ требовалъ отъ нихъ безусловнаго присоединенія къ католицизму.

Послѣ того, какъ Боссюетъ устранился отъ переговоровъ, на сценѣ остался одинъ Спинола. Лейбницъ предлагаетъ ему, что напишетъ отчетъ о религіозныхъ переговорахъ въ Ганноверѣ какъ будто съ католической точки зрѣнія, а ему совѣтуетъ составить такой же отчетъ, какъ будто написанный протестантомъ. Лейбницъ хотѣлъ этимъ показать, что обѣ точки зрѣнія вовсе не такъ различны. Спинола съ удовольствіемъ согласился на этотъ планъ, и Лейбницъ вскорѣ прислалъ ему свой Judicium Doctoris Catholici de Tractatu Reunionis etc. Но въ слѣдующемъ, 1695 году, умеръ Спинола. Императоръ Леопольдъ, правда, далъ его преемнику въ Нейштадтской епархіи, графу Бухгайму, такое же полномочіе продолжать переговоры съ протестантами, но новый

---

[1]) Боссюетъ опасается: «des moyens qui ne nous fissent point tomber dans un schisme plus dangereux et plus irrémédiable, que celui, que nous tacherions de guérir. La voye déclaratoire que je vous propose évite cet inconvénient, et au contraire la suspension, que vous proposez, nous y jette jusqu'au fond, sans qu'on s'en puisse tirer.

епископъ не обладалъ самоотверженіемъ, неутомимостью и дипломатическими способностями своего предшественника.

Въ это время сношенія между Парижемъ и Ганноверомъ поддерживались только перепискою М. де-Бринонъ съ Лейбницемъ и герцогиней Софьей. Ревностная монахиня начала надоѣдать имъ неотвязчивостью, съ которою она восхваляла католицизмъ, и безцеремонностью, съ которой упрекала ихъ въ ереси и въ равнодушіи. Герцогиня очень мило отдѣлывалась отъ нея своимъ обыкновеннымъ юморомъ. Мы приводимъ отрывокъ одного изъ ея писемъ къ М. де-Бринонъ, на французскомъ языкѣ, чтобы не лишить его оригинальности:

«Ce m'est une très grande joye, madame, d'avoir pu contribuer en quelque chose à votre satisfaction; la récompense ne seroit pas proportionnée, si elle me monstroit un meilleur chemin pour aller en paradis, que celuy, qui m'a été monstré par la Providence divine, où il me semble qu'on se doit arrester, quand on n'a pas assez d'esprit pour mieux choisir, ny de temps pour lire tout ce qui a esté dict pour et contre..... David ne souhaita que d'estre portier de la maison de Dieu; je ne prétends point de plus grande charge. Ceux qui sont plus esclairés que moy posséderont peut-estre des lieux plus éminens; car Jésus Christ dit, que dans la maison de son Père il y a plusieurs demeures. Quand vous serez dans le vostre et moy dans le mien, je ne manqueray pas de vous y faire la première visite, et nous y serons apparemment bien d'accord, car il ne s'agira plus de disputes de religion, etc.».

Иногда, впрочемъ, герцогиня возвышаетъ тонъ и становится серіознѣе и безпощаднѣе. Она указываетъ на всѣ ужасы, которые совершены во Франціи во имя католической религіи, начиная отъ Варѳоломеевской ночи и до послѣднихъ преслѣдованій гугенотовъ, и спрашиваетъ, гдѣ же тутъ христіанство. „Вся Англія, Голландія и Германія — свидѣтельницы этой прекрасной религіи, ибо переполнены бѣглецами, изъ которыхъ одни сидѣли въ тюрьмѣ, другіе потеряли дѣтей, третьи—все достояніе. Вотъ это по-христіански. А скольких лишили жизни за то, что они по своему молились Богу или пѣли псалмы! Вы, конечно, скажете, что вы въ этомъ не виноваты, и я съ вами совершенно согласна. Но это значитъ только, что насъ не спасетъ названіе ни католика, ни протестанта, а только проявленіе нашей вѣры добрыми дѣлами“.

Къ Лейбницу М. де-Бринонъ приступала еще болѣе безцеремонно. Говоря о заслугахъ умершаго Пелиссона, она продолжаетъ: „Но все это послужитъ только къ болѣе строгому осужденію (condamnation)

тѣхъ, которымъ самыя ясныя истины религіи служили только забавой для ума (un jeu d'esprit). Я всегда удивляюсь, когда вы мнѣ говорите, что потомство воспользуется вашею дѣятельностью, но что вы не въ состояніи извлечь пользу изъ нея. Вашъ прекрасный умъ (bel esprit), который мы умѣемъ цѣнить, послужитъ вамъ очень мало для вѣчности, если вы будете трудиться только для другихъ, а сами по прежнему станете обнаруживать много свѣта безъ рвенія и теплоты, то-есть, равнодушіе къ вашему спасенію.... Если бы вы были католикомъ, вы обратили бы всю Германію въ католицизмъ, съ помощью вашего ума и подъ руководствомъ Господа.... То, что вы мнѣ говорите въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, чрезвычайно тонко, но нисколько не успокоиваетъ меня относительно вашего спасенія... Я всегда удивлялась тому и не разъ повторяла, что еретики ни во что не ставятъ религію, и что они большею частью готовы промѣнять ее на какое-нибудь мимолетное счастье; вотъ до чего доводитъ дурное правило, будто бы можно спастись во всѣхъ религіяхъ".

Выведенный изъ терпѣнія такими неделикатными намеками, Лейбницъ принимаетъ болѣе рѣшительный и энергическій тонъ: „Вы совѣтуете мнѣ въ теченіе мѣсяца не заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ моей религіи. Но что одинъ мѣсяцъ, въ сравненіи съ столькими годами, которые я посвятилъ этому вопросу, начиная съ 22-хъ лѣтъ?... Еслибъ интересъ или честолюбіе были моими идолами, судите сами, могъ ли бы я, будучи тогда еще молодымъ человѣкомъ, устоять противъ такихъ важныхъ выгодъ, которыя уравновѣшивались одною моею совѣстью? Я никогда не пропускалъ случая узнать истину; напротивъ, мое изученіе богословской науки заходило гораздо дальше того, чего можно было требовать въ моемъ званіи. Я рано усмотрѣлъ всѣ преимущества вашей партіи, но я замѣтилъ также, что они уничтожаются гораздо болѣе сильными доводами.... Если между католиками встрѣчается меньше примѣровъ обращеній изъ-за интереса, то это не потому, чтобъ они были болѣе образованы, но напротивъ, потому что они менѣе развиты, не хотятъ ничего знать и менѣе подвержены искушеніямъ, чѣмъ наши... Я очень далекъ отъ того равнодушія въ религіи, въ которомъ вы меня обвиняете. Еслибъ оно у меня было, я присоединился бы къ вашей церкви въ то время, когда я могъ это сдѣлать съ большою выгодой. Но я считалъ опаснымъ для спасенія принадлежать къ вашей церкви, пока она не исправится, и еще болѣе опаснымъ присоединиться къ ней вновь. А что касается до философскаго духа, отъ котораго, по совѣту вашего друга, слѣ-

дуетъ отдѣлаться, то это то же самое, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что нужно отдѣлаться отъ любви къ истинѣ; ибо философія есть не что иное. Наконецъ, позвольте мнѣ въ свою очередь просить васъ изъ любви къ Богу подумать о себѣ и о вашихъ друзьяхъ, не находитесь ли *вы* въ опасномъ положеніи. Если вы сами не придерживаетесь суевѣрій, то этого еще недостаточно; слѣдуетъ и другихъ выводить изъ нихъ. Подумайте сами; развѣ тѣ, которые обращаютъ свои молитвы прямо къ Богу, не ближе къ Нему, чѣмъ тѣ, которые придерживаются суевѣрныхъ обрядовъ и отдаютъ твореніямъ то, что принадлежитъ одному Господу"?

И затѣмъ Лейбницъ приступаетъ къ подробному вычисленію того, что онъ считаетъ суевѣрнымъ въ католической церкви.

Лейбницъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что ему приходится ограничиться перепиской съ одной М. де-Бринонъ, отъ чего нельзя было ожидать серіозныхъ послѣдствій. Онъ все еще надѣялся, что религіозные переговоры съ Франціей приведутъ къ какому-нибудь результату. Humanum paucis vivit genus, говорилъ онъ въ письмѣ къ Боссюету. Если бы Людовикъ XIV, папа и императоръ только серіозно захотѣли, имъ было бы легко водворить религіозный миръ въ Европѣ.

Между тѣмъ положеніе Лейбница въ Ганноверѣ измѣнилось. Курфирстъ Эрнстъ, который съ самаго начала интересовался переговорами съ католиками, умеръ. Сынъ его Георгъ могъ разчитывать со временемъ вступить на англійскій престолъ. При враждѣ Англичанъ къ *папизму*, онъ долженъ былъ вести себя осторожно относительно католиковъ и онъ былъ недоволенъ, что такое близкое къ нему лицо какъ Лейбницъ постоянно находится въ сношеніяхъ съ Франціей и съ католиками. Лейбницъ долженъ былъ искать для своей цѣли другихъ посредниковъ и покровителей. Наконецъ, ему удалось заинтересовать въ этомъ престарѣлаго герцога Вольфенбюттельскаго Антона-Ульриха, союзника Франціи.

Мы должны остановиться на этой личности, тѣмъ болѣе что онъ былъ дѣдъ принцессы Шарлотты, жены царевича Алексѣя, и что одинъ изъ правнуковъ Антона-Ульриха носилъ титулъ Русскаго Императора подъ именемъ Іоанна VI.

Антонъ-Ульрихъ былъ внукомъ того герцога Люнебургскаго Генриха, который отказался отъ престола въ пользу своего младшаго брата и оставилъ себѣ одно только графство Даннебергъ. Отецъ Антона Августъ сдѣлался извѣстенъ своей любовью къ наукѣ и своей заботливостью о народномъ образованіи. Онъ собралъ у себя въ Воль-

фенбюттелѣ громадную библіотеку и самъ составилъ каталогъ ея въ трехъ фоліантахъ. По прекращеніи старшей Вольфенбюттельской линіи ему удалось пріобрѣсти изъ ея наслѣдства Вольфенбюттельское герцогство, тогда какъ остальныя ея владѣнія перешли къ младшей, Ганноверской линіи.

Вся семья этого Августа отличалась ученостью и литературными занятіями. Третья жена его, Елисавета, писала много религіозныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ и переводила французскіе романы „для нравственнаго назиданія“. Всѣ дѣти Августа получили очень серіозное образованіе. Одна изъ дочерей его даже переписывалась на латинскомъ языкѣ съ учеными богословами своего времени и писала духовные стихи и религіозныя размышленія. Изъ сыновей старшій, Рудольфъ-Августъ, былъ кроткаго и тихаго нрава; какъ вся семья, онъ былъ очень религіозенъ и выражалъ свое религіозное настроеніе въ различныхъ произведеніяхъ. Младшій братъ, Фердинандъ-Альбрехтъ Бевернскій, былъ совершенно иного характера. Онъ провелъ полжизни въ путешествіяхъ и описалъ эти путешествія въ двухъ квартантахъ подъ заглавіемъ: Ferdinand-Albrechts des wunderlichen, wunderliche Begebniesse und wunderlicher Zustand in dieser wunderlichen verkehrten Welt. Въ послѣднее время жизни онъ былъ постоянно одержимъ страхомъ смерти; онъ боялся своихъ собственныхъ дѣтей и получилъ прозвище: der Herzog von Zittern und Bevern. Его внукомъ былъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгъ-Бевернскій, который женился въ Россіи на Аннѣ Леопольдовнѣ.

Второй сынъ Августа, Антонъ-Ульрихъ, представляетъ собой переходъ отъ древней патріархальности и религіозности къ вѣку Людовика XIV. Въ немъ былъ сильно развитъ интересъ къ наукѣ и литературѣ, но въ то же время онъ любилъ роскошь и великолѣпіе и былъ чрезвычайно тщеславенъ. Онъ написалъ два длинныхъ романа во вкусѣ того времени, которое любило въ герояхъ соединеніе необыкновенной доблести съ сладостью Аркадскихъ пастуховъ. Первый изъ этихъ романовъ: „Римская Октавія“ напечатанъ на 434 печатныхъ листахъ, и одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ его заключаетъ въ себѣ исторію несчастной принцессы Альденской. Второй романъ назывался „Месопотамское пастушество, или свѣтлѣйшая Сирянка Арамена“ и заключалъ въ себѣ романтическое изображеніе нравовъ и обычаевъ ветхозавѣтныхъ народовъ. Романы Антона Ульриха были интересны, потому что онъ въ нихъ описывалъ различныя придворныя происшествія своего времени. Кромѣ романовъ, Антонъ-Ульрихъ со-

чинялъ еще италіянскія оперы, которыя давалъ на своемъ театрѣ. Но Антонъ-Ульрихъ не довольствовался литературною дѣятельностью. Какъ всѣ князьки Германіи, онъ подражалъ великолѣпію Людовика XIV и устроилъ свой „Версаль" въ Зальцдалумѣ, одномъ загородномъ замкѣ, который онъ украсилъ по модѣ того времени со всевозможною роскошью. При этомъ онъ страдалъ неумѣреннымъ политическимъ честолюбіемъ. Его братъ принялъ его въ соправители и предоставилъ ему почти всѣ заботы объ управленіи. Съ тѣхъ поръ всѣ стремленія Антона-Ульриха были направлены на то, чтобы поравняться съ своими болѣе счастливыми и могущественными родственниками младшей линіи, которые владѣли Ганноверомъ и Люнебургомъ. Онъ негодовалъ на своего дѣда, который подобно Исаву даромъ уступилъ свои права младшему брату. Онъ считалъ несправедливымъ раздѣленіе Вольфенбюттельскаго наслѣдства и утверждалъ, что все наслѣдство должно было перейдти къ старшей линіи. Онъ протестовалъ противъ учрежденія въ Ганноверской линіи права первородства и противъ соединенія Ганновера и Люнебурга въ однихъ рукахъ. Но особенно оскорбило его, когда герцогъ Ганноверскій достигъ курфиршескаго сана. Антонъ-Ульрихъ долго интриговалъ противъ этого при императорскомъ дворѣ, и наконецъ, сталъ во главѣ недовольныхъ князей. Когда всѣ эти попытки остались тщетными, онъ заключилъ союзъ съ Франціей. Приближалось время войны за испанское наслѣдство. Франція дорожила союзниками внутри Германіи. Она заключила съ Вольфенбюттелемъ оборонительный союзъ, для поддержанія Вестфальскаго и Рисвикскаго мира. И Антонъ-Ульрихъ сталъ содержать на французскія субсидіи значительное войско.

Лейбницъ сдѣлался извѣстенъ Антону-Ульриху скоро послѣ 1680 года и до такой степени пріобрѣлъ его расположеніе, что тотъ назначилъ его библіотекаремъ своей знаменитой библіотеки въ Вольфенбюттелѣ. Это было почетное назначеніе, которое должно было давать Лейбницу возможность отъ времени до времени пріѣзжать въ Вольфенбюттель и видѣться съ Антономъ-Ульрихомъ. Положеніе Лейбница между враждующими герцогами было не всегда пріятно, и особенно Георгъ не разъ высказывалъ ему свое неудовольствіе за частыя отлучки въ Вольфенбюттель. При дворѣ Антона-Ульриха находился французскій повѣренный Дю-Геронъ (Du Héron); Лейбницъ воспользовался этимъ, чтобы возобновить переговоры съ Франціей. Онъ убѣдилъ Антона-Ульриха помочь ему своимъ вліяніемъ и расположить Людовика XIV въ пользу соединенія церквей.

Лейбницу хотѣлось, чтобы со стороны Франціи эти переговоры велись не какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ, отъ котораго можно было ожидать такой же неуступчивости, какъ отъ Боссюста, но чтобъ они были поручены свѣтскому лицу. Лейбницъ имѣлъ при этомъ въ виду одного изъ членовъ высшей французской магистратуры, которые были извѣстны своею привязанностью къ привилегіямъ галликанской церкви и постоянною оппозиціей противъ притязаній римской куріи.

Маркизъ де-Торси, министръ иностранныхъ дѣлъ, черезъ руки котораго шли переговоры, показалъ письмо Лейбница Боссюету, и это послужило поводомъ къ возобновленію переписки между ними. Боссюетъ держалъ себя очень благородно; онъ не былъ на столько мелоченъ, чтобъ обидѣться желаніемъ Лейбница привлечь къ дѣлу юриста, а напротивъ оправдывался въ томъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ прервалъ съ нимъ переписку. Онъ приписывалъ всю вину войнѣ, которая происходила тогда между Франціей и Германіей и которая недавно окончилась Рисвикскимъ миромъ, и высказалъ готовность отвѣтить на всѣ запросы Лейбница. На этотъ разъ переписка между ними приняла болѣе спеціально-ученый характеръ. Вычисляя всѣ нововведенія, которыя онъ приписывалъ Тридентинскому собору, Лейбницъ указалъ между прочимъ на то, что этотъ соборъ принялъ апокрифическія книги Ветхаго Завѣта въ число каноническихъ. Боссюетъ же доказывалъ, что хотя эти книги и не были приняты въ еврейскій канонъ, онѣ однако пользовались такимъ же значеніемъ у христіанъ, какъ и каноническія, и потому Тридентинскій соборъ, уравнявъ ихъ съ послѣдними, не сдѣлалъ никакого нововведенія. Этотъ споръ вызвалъ съ обѣихъ сторонъ по два ученыхъ трактата, въ которыхъ каждый старался исторически прослѣдить вопросъ объ апокрифическихъ книгахъ, и при этомъ особенно Лейбницъ обнаружилъ поразительную начитанность въ твореніяхъ отцовъ церкви и глубокое знакомство съ церковной исторіей.

Боссюетъ предостерегалъ Лейбница, что критика священныхъ книгъ обоюдоострый мечь. Но Лейбницъ, какъ мы видѣли, былъ осторожненъ относительно этого вопроса. „Къ чему мнѣ, пишетъ онъ Боссюету, измѣнять вопросъ и спорить о книгахъ Новаго Завѣта? Достаточно того, что я доказалъ, какъ Тридентинскій соборъ ошибся относительно Ветхаго Завѣта“. Лейбницъ считаетъ необходимымъ при опредѣленіи каноническихъ книгъ не ограничиваться правилами обыкновенной критики, но принять также во вниманіе образъ дѣйствія Провидѣнія, которое хотѣло особенно отличить эти книги передъ дру-

гими. Это замѣчаніе, сказанное вскользь и поэтому не объясненное Лейбницемъ, очень важно и устанавливаетъ особенную точку зрѣнія для критики религіозныхъ книгъ. Современные критики, изслѣдуя подлинность священныхъ книгъ и достовѣрность сообщенныхъ въ нихъ извѣстій, примѣняютъ къ нимъ пріемы обыкновенной исторической критики. Лейбницъ, не отвергая критики, считаетъ ее недостаточной. По его мнѣнію нуженъ не только анализъ, но и синтезъ. Если признать, что исторіей человѣчества руководитъ Провидѣніе, то дѣйствіе Провидѣнія должно особенно отражаться въ религіозной судьбѣ человѣчества, и поэтому при объясненіи явленій религіозной жизни нельзя останавливаться на выводахъ мелкой критики, а нужно имѣть въ виду весь ходъ человѣческой исторіи и ею освѣщать отдѣльные факты.

Кромѣ апокрифовъ, принятыхъ Тридентинскимъ соборомъ въ число каноническихъ книгъ, Лейбницъ указывалъ еще на другія перемѣны въ католической церкви. „Если вы будете утверждать, пишетъ онъ Боссюету, что церковь всегда высказывала себя въ пользу того мнѣнія, которое было самымъ распространеннымъ и самымъ популярнымъ, вамъ будетъ трудно доказать это примѣрами. Дѣло въ томъ, что самыя распространенныя и популярныя мнѣнія утрачиваютъ со временемъ это свойство и замѣняются другими, и часто то, что въ настоящее время признается правовѣрнымъ (eudoxe), прежде считалось невѣрнымъ (paradoxe), и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, мнѣніе о тысячелѣтнемъ царствѣ Божіемъ было очень популярно въ древней церкви, а теперь отвергается. Въ наше время полагаютъ, что у ангеловъ нѣтъ плоти, а древніе отцы церкви приписывали имъ тѣло, хотя болѣе совершенное, чѣмъ наше“ и т. д.

Лейбницъ хотѣлъ этимъ доказать, что церковь не всегда была такъ послѣдовательна, какъ его хотѣлъ увѣрить Боссюетъ. Но Боссюетъ оставался равнодушенъ къ историческимъ урокамъ, которые ему давалъ Лейбницъ. Для него было несомнѣнно, что въ католической церкви никогда не было ни малѣйшаго измѣненія или нововведенія, и съ этой точки зрѣнія онъ отвергалъ или толковалъ всѣ факты, приводимые Лейбницемъ. Позволить протестантамъ отступить отъ догматовъ, установленныхъ церковью, значило бы подвергнуть сомнѣнію ея непогрѣшимость. Вслѣдствіе этого Боссюетъ считалъ невозможной такую сдѣлку съ протестантами, при которой пришлось бы сдѣлать имъ какую-нибудь уступку. „Ибо, если бы, говорилъ онъ, наши преемники присвоили себѣ то же самое право измѣнять наши постановленія, какое мы себѣ присвоиваемъ относительно нашихъ пред-

ковъ, тогда бы оказалось, что думая излѣчить одну рану, мы только открыли другую, еще бо̀льшую. Въ религіи не было бы ничего прочнаго, и поэтому всѣ, которые, подобно намъ, любятъ постоянство (la stabilité), должны принять за основаніе, что всѣ постановленія церкви неизмѣнны и непогрѣшимы.... Первое, что̀ сдѣлаетъ вселенскій соборъ, который вы предлагаете, хотя не опредѣляете, какимъ образомъ онъ долженъ быть составленъ, это то, что онъ подвергнетъ новому изслѣдованію всѣ догматы вѣры и какъ бы пересоздастъ ихъ. Поэтому оставьте насъ такъ, какъ вы насъ нашли, и не принуждайте всѣхъ измѣнять и подвергать все сомнѣнію; оставьте на землѣ нѣсколькихъ христіанъ, которые не дѣлаютъ невозможнымъ всякое нерушимое постановленіе въ вопросахъ вѣры, которые осмѣливаются быть увѣренными въ религіи и ожидать отъ Іисуса Христа, согласно съ Его обѣщаніемъ, неизмѣнной помощи въ судьбахъ церкви. Вѣдь это единственная надежда христіанства".

Лейбницъ пришелъ въ негодованіе отъ такого тона. „Къ чему эти трагическія выраженія? Какъ будто мы не хотимъ оставить на землѣ нѣсколькихъ христіанъ и т. д. Это, говорите вы, единственная надежда христіанства. Но нужно васъ просить въ свою очередь оставить на землѣ людей, которые противятся потоку злоупотребленій, которые не хотятъ допустить, чтобъ авторитетъ церкви былъ униженъ недостойными кознями, и которые не позволяютъ злоупотреблять обѣщаніями Іисуса Христа, для того чтобы воздвигнуть идолъ заблужденій; въ этомъ случаѣ помощь Іисуса Христа, единственная надежда христіанъ, сдѣлалась бы очень неясной и невѣрной. Присоединитесь лучше къ нимъ, если это возможно, и возвратите христіанству его чистоту. Утверждать, что вы не можете допустить пересмотра догматовъ, значитъ только повторять прежнія уловки. Пересмотръ нуженъ по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые имѣютъ основаніе сомнѣваться въ мнимой непогрѣшимости постановленій. Какъ будто шайка мелкихъ италіянскихъ епископовъ, питомцевъ и приверженцевъ Рима, необразованныхъ и равнодушныхъ къ истинному христіанству, имѣла право, собравшись въ уголкѣ Альпъ, вопреки мнѣнію лучшихъ людей того времени, сочинить постановленія, которыя должны быть обязательными для всей церкви. Нѣтъ, такой соборъ никогда не можетъ быть признанъ вселенскимъ, безъ того чтобы не нанести христіанской церкви неизлѣчимую рану".

Лейбницъ былъ возмущенъ сдержанностью и неуступчивостью Боссюета: онъ приписывалъ ему главную вину того, что соединеніе пер-

квей не удавалось, и нѣсколько разъ слагалъ на него отвѣтственность за эту неудачу. „Я думаю, что нѣтъ ни одного человѣка, совѣсть котораго была бы столько заинтересована въ этомъ, какъ ваша. Можетъ-быть, со временемъ васъ будутъ считать виновникомъ того, что одно изъ самыхъ великихъ благъ для человѣчества не было достигнуто. Ибо вы имѣете большое вліяніе на короля въ этомъ дѣлѣ, а всѣ знаютъ, какъ велика сила короля въ мірѣ".

Переписка была прервана окончательно въ 1701 г., за три года до смерти Боссюета. Лейбницъ уже прежде убѣдился въ томъ, что полное соединеніе церквей въ религіозномъ отношеніи невозможно, но онъ думалъ этими переговорами по крайней мѣрѣ достигнуть гражданскаго примиренія, или полной вѣротерпимости. „И я тоже, писалъ онъ въ 1697 году своему другу Фабрицію, профессору богословія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, и я тоже много трудился надъ умиротвореніемъ религіозныхъ споровъ; но я скоро убѣдился, что соглашеніе между догматами дѣло тщетное, и что тѣ, которые стараются найдти объясненія, удовлетворяющія обѣ стороны, трудятся только напрасно и подвергаются всеобщимъ насмѣшкамъ. Тогда я придумалъ нѣчто въ родѣ Божьяго мира (inducias tantum sacras excogitare volui) и рѣшился развить и распространить идею терпимости, которая лежитъ въ основаніи Вестфальскаго мира"[1]). Въ другомъ письмѣ къ нему онъ говоритъ: „Я не столько трудился надъ духовною, сколько надъ гражданскою терпимостью; ибо никогда нельзя будетъ достигнуть, чтобы обѣ стороны не осуждали взаимно другъ друга. Если запретить *богословамъ* (doctoribus ecclesiasticis) такое осужденіе, они всѣ будутъ кричать, что это значитъ одобрять ученіе противниковъ. Пусть же они другъ друга осуждаютъ, но безъ оскорбленій, безъ несправедливыхъ нареканій. Еслибъ Англичане приняли этотъ *Божій миръ*, они бы не сожигали ежегодно съ большою торжественностью и съ большими издержками образъ папы. Пусть они откажутся отъ преслѣдованій, отъ инквизиціи, отъ насильства, пусть они каждому предоставятъ хоть въ частной жизни свободу богослуженія (privatim exercitium concedant); пусть они обуздаютъ рѣзкость нѣкоторыхъ сочиненій и пр. О догматахъ же и о спорныхъ вопросахъ я совсѣмъ не забочусь; я всегда думалъ, что водворить миръ между различными исповѣданіями дѣло не *богослововъ*, а *политиковъ*. Богословамъ же можно оставить ихъ привычки[2]); но на какомъ основаніи достигнуть

---

[1]) Dutens VI. 141.

[2]) Illis enim sui mores essent relinquendi! Op. L. ed. Dutens VI. 146.

мира и равенства между различными вѣроисповѣданіями и какимъ способомъ устранить вражду и нареканія — это слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію свѣтскихъ государей“.

Эти слова важны для объясненія дѣятельности Лейбница. Они показываютъ, что религіозные переговоры были для него не забавою ума (какъ говорила М. де Бринонъ) и не средствомъ, чтобы выказать свою діалектическую ловкость и ученость въ богословіи. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ политикъ и философъ, который желалъ избавить человѣчество отъ бѣдствій, причиненныхъ ему религіозной враждой, и который считалъ необходимымъ, если нельзя достигнуть религіознаго объединенія всѣхъ христіанскихъ церквей, по крайней мѣрѣ установить полную вѣротерпимость, безъ которой не можетъ развиваться гражданское общество. Не одинъ Лейбницъ въ XVII вѣкѣ отстаивалъ свободу совѣсти; но стремленіе къ вѣротерпимости у многихъ современниковъ его вытекало изъ равнодушія къ религіи, его же заслуга заключалась въ томъ, что глубоко сознавая важность религіозныхъ вѣрованій для человѣка, онъ требовалъ не только вѣротерпимости, но и взаимнаго уваженія къ религіознымъ убѣжденіямъ другъ друга.

Какъ легко однако люди поверхностные могутъ злоупотреблять идеями вѣротерпимости, доказываетъ одинъ фактъ, случившійся въ кругу лицъ, соприкосновенныхъ съ Лейбницемъ. Герцогъ Антонъ-Ульрихъ продолжалъ сноситься съ Франціей и искать у нея опоры противъ Ганновера, даже когда началась война за испанское наслѣдство. Этотъ союзъ могъ быть опасенъ для Германіи и особенно для Ганноверскихъ герцоговъ, и они рѣшились быстрымъ ударомъ положить конецъ интригамъ своего родственника. Зимою 1702 года ихъ войска неожиданно вступили со всѣхъ сторонъ въ герцогство Вольфенбюттельское и обезоружили тамошнія войска. Антонъ-Ульрихъ бѣжалъ, и братъ его долженъ былъ отказаться отъ союза съ Франціей и отъ оппозиціи противъ Ганновера. Черезъ два года послѣ того онъ умеръ, и мѣсто его занялъ Антонъ-Ульрихъ, которому теперь болѣе чѣмъ когда-либо нужна была внѣшняя поддержка. Онъ рѣшился сблизиться съ императоромъ, а средствомъ для этого сближенія избралъ брачный союзъ съ Австрійскимъ домомъ. Молодой братъ императора Іосифа, Карлъ, былъ провозглашенъ испанскимъ королемъ, и для него искали невѣсту. Антонъ-Ульрихъ сначала избралъ для этого свою внучку, Саксенъ-Мейнингенскую принцессу, но родители ея не соглашались, чтобъ ихъ дочь перемѣнила религію. Тогда онъ сталъ интриговать въ пользу другой внучки, Елисаветы-Христины, сестра которой Шар-

лотта-Христина въ послѣдствіи вышла за царевича Алексѣя. Переговоры велись въ Вѣнѣ чрезъ посредство Имгофа и барона Урбиха, который скоро послѣ того былъ назначенъ русскимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ. Елисаветѣ-Христинѣ покровительствовалъ курфирстъ Пфальцскій, родственникъ императора, и благодаря его участію она восторжествовала надъ своими соперницами. Тринадцатилѣтнюю дѣвочку начали учить католическому закону, чтобы подготовить ее къ перемѣнѣ вѣры. Такія перемѣны вѣры по случаю бракосочетанія были тогда новостью, и родственники Елисаветы вознегодовали противъ Антона-Ульриха. Нужно было успокоить ихъ встревоженную совѣсть, тѣмъ болѣе, что и придворные проповѣдники въ Вольфенбюттелѣ въ своихъ проповѣдяхъ открыто осуждали поступокъ своего герцога. Антонъ-Ульрихъ обратился къ Фабрицію, профессору богословія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, который былъ приглашенъ туда вмѣстѣ съ профессоромъ Шмидтомъ, по рекомендаціи Лейбница, за ихъ умѣренность и либеральный образъ мыслей. Но съ просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядомъ на религіозные вопросы Фабрицій соединялъ излишнюю угодливость властямъ и недостатокъ мужества, когда нужно было признаться въ своихъ убѣжденіяхъ. По просьбѣ герцога Фабрицій составилъ записку, въ которой онъ отвѣчалъ утвердительно на вопросъ: можетъ ли лютеранская принцесса съ чистой совѣстью принять по случаю бракосочетанія католическую вѣру. Фабрицій основывалъ это на томъ, что католичество не заключаетъ въ себѣ заблужденій, которыя могли бы воспрепятствовать спасенію, и что тѣ пункты, въ которыхъ оно расходится съ протестантизмомъ, касаются только богослововъ и слишкомъ отвлеченны для принцессы. По совѣту Фабриція Антонъ-Ульрихъ предложилъ всѣмъ профессорамъ богословскаго факультета и другимъ ученымъ знаменитостямъ своего герцогства два вопроса: „Можно ли найдти спасеніе въ католичествѣ и можетъ ли лютеранская принцесса, которой предлагаютъ бракъ съ католическимъ королемъ, принять католицизмъ, не опасаясь за свое спасеніе, особенно если въ этомъ видна воля Провидѣнія и если она своимъ бракомъ можетъ содѣйствовать общественному благу и принести пользу своему дому?“ Отвѣты были различны. Изъ нихъ мы остановимся только на отвѣтахъ Молануса и Лейбница. Моланусъ отвѣчаетъ отрицательно, но какъ придворный богословъ онъ облекаетъ свой отвѣтъ въ мягкія формы. По его мнѣнію, католичество заблуждается болѣе въ обрядахъ, чѣмъ въ ученіи, и человѣкъ, родившійся католикомъ, не знающій своихъ заблужденій и ведущій христіанскую

жизнь можетъ надѣяться на царство небесное. Но тотъ, кто осуждаетъ католичество и принимаетъ его ради матеріальныхъ выгодъ, тотъ грѣшитъ противъ своей совѣсти. Въ настоящемъ случаѣ такого грѣха нѣтъ, и можно думать, что здѣсь все проистекаетъ только изъ сомнѣнія и колебанія. Но на основаніи Посл. къ Римл. 14, все, что вытекаетъ изъ сомнѣнія, а не изъ вѣры, грѣшно. Отвѣтъ Лейбница, хотя тождественный по смыслу, былъ выраженъ въ уклончивой формѣ. Лейбницъ также соглашается, что католическая вѣра можетъ спасти человѣка. Протестантская церковь не осуждаетъ тѣхъ, которые придерживаются католическаго закона безъ лицемѣрія и матеріальныхъ цѣлей. Затѣмъ Лейбницъ дѣлаетъ различіе между *поводами* и *побужденіями* къ перемѣнѣ вѣры. Поводы къ этому могутъ быть матеріальные и случайные, но вслѣдствіе такихъ поводовъ могутъ явиться нравственныя и искреннія побужденія. Болѣзнь, напримѣръ, можетъ привести злодѣя къ раскаянію, плѣнъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что магометанинъ познакомится съ христіанскою вѣрой и приметъ ее; бракъ, повышеніе по службѣ или надежда на наслѣдство могутъ сдѣлаться поводомъ къ тому, что католикъ въ Англіи или протестантъ въ Силезіи займется изученіемъ враждебной религіи и вслѣдствіе этого искренно измѣнитъ свои убѣжденія. Такого человѣка не слѣдуетъ считать лицемѣромъ или отступникомъ.

Смыслъ отвѣта былъ тотъ, что если принцесса, обучившись католическому закону, убѣдится въ его истинѣ, то она можетъ съ чистой совѣстью принять католицизмъ. Но Лейбницъ обошелъ вопросъ, такъ же ли чиста будетъ совѣсть ея дѣда, который ради матеріальныхъ выгодъ отдалъ 13-лѣтнюю дѣвочку въ руки іезуитовъ, предвидя очень хорошо результатъ.

Фабрицій во второй своей запискѣ отвѣтилъ гораздо рѣшительнѣе. По его мнѣнію принцесса съ чистою совѣстію могла обратиться въ католичество, если ей было доказано, что различіе между обоими вѣроисповѣданіями касается не сущности вѣры, а второстепенныхъ вопросовъ; кромѣ того онъ считалъ нужнымъ, чтобъ она не вдавалась въ споры и не осуждала тѣхъ, которые держатся другаго мнѣнія, и наконецъ, чтобъ она была убѣждена, что не отрекается отъ Христа, но изъ одной частной христіанской церкви вступаетъ въ другую, въ которой также можетъ служить Христу. При этомъ онъ сдѣлалъ однако оговорку, что свобода, предоставленная принцессѣ вслѣдствіе различныхъ важныхъ причинъ, не можетъ быть примѣнена ко всѣмъ остальнымъ протестантамъ.

Это *мнѣніе* Фабриція попало въ руки Парижскихъ іезуитовъ и было обнародовано ими какъ мнѣніе богословскаго факультета въ Гельмштедтскомъ университетѣ. Появленіе этой брошюры встревожило протестантскихъ богослововъ въ Германіи и Англіи. Со всѣхъ сторонъ посыпались запросы, протесты, обвиненія и опроверженія. Фабрицій долженъ былъ оправдываться. Онъ не рѣшился прямо отстаивать свой взглядъ и объявилъ, что его мнѣніе искажено въ печати, но не напечаталъ подлиннаго текста, потому что за исключеніемъ нѣсколькихъ грамматическихъ ошибокъ оттискъ былъ вѣренъ. Неудовольствіе противъ Фабриція было особенно велико въ Англіи. Тамъ оттѣснили Стюартовъ отъ престолонаслѣдія только за ихъ привязанность къ католицизму, и приверженцы Ганноверскаго дома были крайне удивлены и оскорблены тѣмъ, что въ Ганноверскомъ университетѣ проповѣдуютъ такія опасныя мнѣнія. Курфирстъ Георгъ встревожился и вытребовалъ отъ университета всѣ акты по дѣлу Фабриція. Послѣдній былъ уволенъ, потому что его либерализмъ слишкомъ противорѣчилъ господствовавшимъ тогда понятіямъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ судить, на сколько этотъ либерализмъ былъ искрененъ или обусловливался угодливостью герцогу.

Лейбницъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Вслѣдствіе своего совѣта Антону-Ульриху онъ также могъ испортить свое положеніе при Ганноверскомъ дворѣ. Въ 1708 году, когда разгласилось дѣло Фабриція, онъ совѣтуетъ ему быть осторожнымъ: „Все наше право на Великую Британію, пишетъ онъ ему, основано на ненависти противъ католической религіи. Поэтому мы должны избѣгать всего, что могло бы бросить на насъ тѣнь, будто бы мы относимся равнодушно къ этой церкви“.

Между тѣмъ Елисавета-Христина была окружена іезуитами и подъ ихъ руководствомъ скоро сдѣлала большіе успѣхи въ католическомъ катихизисѣ. Въ 1707 году она отреклась отъ протестантизма и была обвѣнчана въ Вѣнѣ съ императоромъ Іосифомъ, который заступалъ мѣсто своего брата. Черезъ два года послѣ этого ея дѣдъ Антонъ-Ульрихъ на 77-мъ году жизни принялъ также неожиданно для всѣхъ католичество. Причины его обращенія до сихъ поръ не совсѣмъ извѣстны, но можно сказать утвердительно, что главнымъ побужденіемъ былъ политическій интересъ. Честолюбивый старикъ видѣлъ въ обращеніи своей внучки орудіе для своего возвышенія. „Успокойтесь, писалъ онъ ея матери, когда зашла рѣчь объ обращеніи Елисаветы, и

предоставьте все Богу. Богъ дастъ, Лизочка сдѣлается вторымъ Іосифомъ, чтобы поднять и обезпечить нашъ домъ[1])".

Когда это средство не привело къ желанной цѣли, онъ рѣшился самъ принять католицизмъ. Настоянія учителей его внучки и софизмы снисходительныхъ Гельмштедтскихъ богослововъ смутили старика, который всегда былъ фантастиченъ и склоненъ къ увлеченію. Онъ все болѣе и болѣе убѣждалъ себя, что между протестантизмомъ и католицизмомъ нѣтъ существеннаго различія, а что католицизмъ имѣетъ преимущество большей твердости. Католицизмъ казался ему надежнѣе; у протестантовъ, говорилъ онъ, нѣтъ священниковъ, которые могли бы ему отпустить всѣ грѣхи. А ко всему этому его манила надежда вознаградить себя съ помощью своего родственника императора за неудачи и разочарованія жизни. Вслѣдствіе побѣдъ Мальбрука и Евгенія Савойскаго, курфирсты Баварскій и Кёльнскій, союзники Франціи, были лишены своихъ владѣній. Антонъ-Ульрихъ надѣялся получить часть добычи. Какъ кажется, ему обѣщали епископство Гильдесгеймское или архіепископство Кёльнское. Но всѣ эти надежды были разрушены Утрехтскимъ миромъ. Послѣдніе годы безпокойнаго герцога были не совсѣмъ отрадны. Перемѣна религіи вовлекла его въ споры съ родственниками и земствомъ герцогства. Ему часто доносили, какими упреками его осыпали протестантскіе пасторы въ своихъ проповѣдяхъ. Къ тому же его мучили религіозныя сомнѣнія. Принимая католичество, онъ надѣялся, что ему позволятъ причащаться подъ обоими видами. Онъ считалъ существеннымъ сохранить въ этомъ случаѣ лютеранскій обрядъ. Но папа Климентъ ни за что не хотѣлъ ему этого разрѣшить, даже втайнѣ. Старикъ былъ въ отчаяніи. На смертномъ одрѣ онъ пригласилъ для своего успокоенія и католическаго и протестантскаго пастора и молился съ ними поочередно.

Еще прежде чѣмъ прервались переговоры, которые имѣли цѣлью примиреніе протестантовъ съ католиками, въ Ганноверѣ, при участіи Лейбница, начались другіе для соединенія лютеранской церкви съ реформатской и англиканской. Двѣ причины дѣлали въ то время такое соединеніе особенно желательнымъ для ганноверскаго правительства и для Лейбница. Церковное соединеніе имѣло бы своимъ послѣдствіемъ болѣе тѣсное сближеніе между Ганноверомъ и Пруссіей, самыми силь-

[1]) E. L. stellen ihr Gemüth nur in Ruhe und befehlen die Sache Gott, der wird es schon schicken, dass Lisebethchen der andere Joseph werden wird unser Haus aufzuhelfen und zu versorgen. См. обо всемъ этомъ основательное сочиненіе *Hoek* — Anton-Ulrich und Elisabeth-Christine. Wolf. 1845. p. 79

ными государствами сѣверной Германіи, изъ которыхъ первое стояло во главѣ лютеранъ, а второе во главѣ реформатскаго исповѣданія. Соединеніе протестантовъ Германіи въ одну церковь казалось тогда особенно необходимымъ вслѣдствіе невыгоднаго для нихъ Рисвикскаго мира. По этому миру Франція должна была возвратить всѣ области. захваченныя ею во время насильственныхъ присоединеній 80-хъ годовъ, Франція успѣла водворить въ нихъ католичество и во время Рисвикскаго мира настояла на томъ, чтобы въ этихъ областяхъ нигдѣ не былъ возстановленъ протестантизмъ. Это требованіе Франціи едва не привело къ междуусобію въ Германіи: протестанты опасались соединенія нѣмецкихъ католиковъ съ Франціей и убѣдились въ необходимости новаго протестантскаго союза.

Переговоры по поводу соединенія протестантскихъ исповѣданій не представляютъ намъ такого интереса, какъ величественная попытка примирить противоположные принципы католицизма и протестантизма. Здѣсь нѣтъ различія въ принципѣ; обѣ стороны расходятся только въ подробностяхъ, въ степени послѣдовательности, съ которою они примѣняютъ общій принципъ. Поэтому предметы переговоровъ мельче и незначительнѣе. Къ тому же лица, съ которыми приходится Лейбницу переписываться и сноситься, стоятъ гораздо ниже его прежнихъ корреспондентовъ. Это — обыкновенные протестантскіе богословы, изъ которыхъ ни одинъ по таланту и европейской извѣстности не могъ сравниться съ Пелиссономъ и Боссюетомъ. Но за то эти переговоры имѣютъ другое преимущество передъ прежними. Самъ Лейбницъ сомнѣвался въ возможности полнаго объединенія католической и протестантской церквей, по крайней мѣрѣ въ его вѣкъ. Въ наше время такое объединеніе было бы еще менѣе возможно. Поэтому попытки такого рода всегда имѣли нѣсколько фантастическій характеръ. Что же касается до сліянія протестантскихъ церквей, то мы находимся на практической почвѣ. Переговоры объ этомъ не удались во время Лейбница главнымъ образомъ по нерадѣнію государей, отъ которыхъ зависѣлъ ихъ успѣхъ; но въ нашъ вѣкъ идея Лейбница вполнѣ осуществилась. Лютеранская и реформатская церковь въ Германіи, которыя еще въ XVII вѣкѣ находились въ ожесточенной враждѣ, слились въ одну не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, и доказали возможность религіознаго объединенія церквей съ сохраненіемъ различій и особенностей каждой изъ нихъ.

Въ 1697 году Лейбницъ въ своей перепискѣ съ бранденбургскимъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ Кюно (Cuneau), человѣкомъ способ-

нымъ и ученымъ, особенно въ математикѣ, завелъ рѣчь о соединеніи протестантскихъ церквей. Въ Берлинѣ тогда былъ всемогущъ Данкельманъ, первый министръ и любимецъ курфирста Фридриха. Для него собственно предназначались письма Лейбница. „Необходимо, писалъ онъ Кюно, все болѣе и болѣе разрушать пустой призракъ раздѣленія между обѣими протестантскими партіями. Это дѣло теперь необходимѣе и легче осуществить, чѣмъ когда-либо. Соглашеніе между обоими исповѣданіями имѣетъ свои степени. Первая степень — чисто гражданская: она заключается въ гармоніи и искренней взаимной помощи противъ возрастающаго могущества римской партіи. Послѣ удара, который намъ нанесъ Саксонскій домъ [1]), вашъ государь первый изъ протестантовъ имперіи, а слѣдовательно, руководитель ихъ интересовъ, если не отдѣлять лютеранъ отъ реформатовъ.

„Вторая степень состоитъ въ церковномъ соглашеніи и заключается въ томъ, чтобы приверженцы обоихъ исповѣданій не осуждали другъ друга. Богословскій факультетъ Гельмштедтскаго университета совершенно склоненъ къ такому соглашенію. Я всегда старался препятствовать, чтобы туда не были приглашены профессоры Виттенбергской партіи и совѣтовалъ герцогамъ и министрамъ поддерживать школу несравненнаго Каликста, который дѣлаетъ такую честь Германіи, протестантамъ и нашей странѣ. И теперь я устроилъ такъ, что мнѣ поручили пригласить туда профессоровъ Шмидта изъ Іены и Фабриція изъ Альторфа: одинъ ученикъ Музеуса, другой — Гельмштедтской школы.

„Третья степень заключается въ единствѣ вѣры. Ваше превосходительство считаете невозможнымъ достигнуть его, такъ какъ для этого пришлось бы убѣждать людей въ трудныхъ вопросахъ. Но этого и не нужно. Достовѣрно то, что въ вопросѣ о причащеніи не легко будетъ достигнуть соглашенія, потому что тутъ существуетъ дѣйствительное различіе. И хотя по моему мнѣнію споръ о предназначеніи основанъ на недоразумѣніи, я готовъ признаться, что очень многихъ нельзя будетъ въ этомъ убѣдить. Но я и не вижу, къ чему это полное единство вѣры или ученія. Нужно стараться достигнуть какъ можно бо́льшаго, но не слѣдуетъ останавливаться изъ-за этого, потому что различіе не мѣшаетъ желаемому соглашенію.

„Поэтому желательно, по крайней мѣрѣ, дать понять просвѣщеннымъ людямъ, что различіе не такъ существенно, какъ оно кажется. Хорошо, если первый шагъ будетъ сдѣланъ политиками, но богословы

---

[1]) Въ 1697 году курфирстъ Саксонскій Августъ, избранный Польскимъ королемъ, принялъ католичество.

необходимы чтобы повлiять на народъ, а также на крайнихъ и исполненныхъ предразсудками людей, часто встрѣчающихся между тѣми, которые стоятъ надъ народомъ".

Чтобы содѣйствовать примиренiю, Лейбницъ убѣдилъ Каликста Младшаго издать съ своимъ предисловiемъ сочиненiе отца: De tolerantia Reformatorum ecclesiastica, вмѣстѣ съ другими примирительными (иреническими) сочиненiями его. Остальные профессоры присоединили къ его предисловiю и свое одобренiе, и такимъ образомъ все сочиненiе могло казаться голосомъ Гельмштедтскаго университета.

Въ то же время Лейбницъ обратился къ извѣстному ученому антикварy и нумизмату Спангейму, который былъ въ это время прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ и пользовался особеннымъ расположенiемъ курфирста. Лейбницъ былъ давно съ нимъ знакомъ и черезъ его посредство получилъ важные акты изъ Берлинскаго архива, напечатанные имъ въ его Codex juris diplomaticus. Спангеймъ изложилъ курфирсту Фридриху планъ Лейбница, и тотъ вполнѣ одобрилъ его. Онъ тотчасъ поручилъ своему придворному проповѣднику Яблонскому, человѣку ученому и либеральному, начертать основанiя для соглашенiя между протестантами и реформатами. Яблонскiй сдѣлалъ это въ сочиненiи: „Краткое представленiе единства и различiя въ вѣрѣ между протестантами", въ которомъ онъ доказывалъ, что между обоими исповѣданiями нѣтъ различiя въ самыхъ важныхъ и существенныхъ догматахъ, и потому нѣтъ причины къ отдѣленiю. Отправляясь въ Парижъ, Спангеймъ привезъ это сочиненiе въ Ганноверъ, представилъ его курфирсту и сослался во всемъ на переписку съ Лейбницемъ.

Такимъ образомъ переговоры получили официальный характеръ, хотя ихъ тщательно скрывали отъ публики. Лейбницу было поручено снестись съ Ганноверскими богословами. Вскорѣ послѣ того воспослѣдовало со стороны Гельмштедтскаго факультета одобренiе Берлинскаго сочиненiя, которое было названо: „благочестивымъ, правовѣрнымъ, точнымъ, умѣреннымъ, основательнымъ и годнымъ для примиренiя церквей". Въ то же время Лейбницъ издалъ вмѣстѣ съ Моланусомъ сочиненiе: Via ad pacem, въ которомъ отвергается простая вѣротерпимость и требуется объединенiе.

Въ 1698 году курфирстъ отправилъ Яблонскаго въ Ганноверъ для личныхъ переговоровъ съ Моланусомъ и Лейбницемъ. Во время этого свиданiя было рѣшено, что различiя въ догматахъ не существенны и поэтому терпимы, что обѣ церкви сохранятъ свои обряды и соединятся подъ общимъ названiемъ евангелической. Яблонскiй возвра-

тился въ Берлинъ, и переговоры между нимъ и Лейбницемъ продолжались письменно до 1704 года.

Послѣ паденія Данкельмана, переговоры были поручены министру Фуксу и велись менѣе дѣятельно. Лейбницъ не разъ высказывалъ Фуксу черезъ Яблонскаго свое неудовольствіе; но тотъ слагалъ вину на упрямство лютеранскаго духовенства. „Въ свѣтѣ двоякіе интересы, писалъ Лейбницъ въ это время, такіе, которые бы слѣдовало имѣть, и такіе, которые всякій себѣ создаетъ, и это можно сказать о многихъ дворахъ“.

Кромѣ нерадѣнія правительственныхъ лицъ, дурное вліяніе на религіозные переговоры имѣли война за испанское наслѣдство и особые интересы, которые въ это время отвлекали вниманіе Пруссіи и Ганновера. Первая старалась добыть себѣ королевскую корону, Ганноверскій же домъ — обезпечить за собой наслѣдство англійскаго престола.

Наконецъ, въ 1703 году курфирстъ Фридрихъ, который между тѣмъ принялъ титулъ короля Прусскаго, учредилъ коммиссію изъ богослововъ для ускоренія переговоровъ (Collegium Irenicum или Charitativum). Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Урсинусъ (фонъ-Беръ), котораго король, по поводу своей коронаціи, возвелъ въ санъ реформатскаго епископа; члены же ея состояли изъ реформатскихъ и лютеранскихъ богослововъ Берлина. Лейбницъ не былъ назначенъ въ члены коммиссіи, но сохранилъ на нихъ свое вліяніе. Къ сожалѣнію, лютеранскіе члены коммиссіи были неспособны вести дѣло примиренія. Одинъ изъ нихъ, Винклеръ, представилъ королю проектъ, въ которомъ онъ ему совѣтовалъ рѣшить дѣло въ силу своей власти, какъ глава церкви. Всѣ обряды, которыми реформаты отличаются отъ лютеранъ, должны быть запрещены. Духовнымъ инспекторамъ должно быть предоставлено больше власти надъ пасторами для того, чтобы запугать или удалить упрямыхъ, и т. д. Проектъ Винклера былъ неизвѣстно кѣмъ напечатанъ во Франкфуртѣ подъ названіемъ „Arcanum Regium“ и произвелъ большое смущеніе между лютеранами. Магдебургское земство даже обратилось за совѣтомъ къ Гельмштедтскому университету, какъ ему поступить, если бы вздумали осуществлять мѣры, предложенныя Винклеромъ. Факультетъ, по обыкновенію, отнесся къ Лейбницу, и тотъ прислалъ ему критику Берлинскаго проекта, въ которой онъ проводилъ мысль, что протестантскіе государи не должны злоупотреблять своею властью надъ церковью, и далъ факультету совѣтъ, какимъ образомъ осудить планъ Винклера, не оскорбляя Прусскаго короля.

Еще передъ этимъ Прусскій король просилъ Антона-Ульриха принять участіе въ переговорахъ, такъ какъ глава Ганноверскаго дома, курфирстъ Георгъ, относился къ нимъ довольно равнодушно. Антонъ-Ульрихъ началъ сноситься съ другими государями, съ герцогомъ Саксенъ-Готскимъ и ландграфомъ Гессенскимъ. Король раздавалъ золотыя медали тѣмъ богословамъ, которые выказывали расположеніе къ переговорамъ. Моланусъ получилъ медаль цѣною въ 50 дукатовъ, другіе были присланы Лейбницу для раздачи по его усмотрѣнію.

Вскорѣ, однако, всѣ планы о соединеніи протестантскихъ церквей были окончательно забыты. Они имѣли практическій интересъ для курфирста Георга, пока шли переговоры о бракѣ его дочери съ кронпринцемъ Прусскимъ, при чемъ различіе вѣроисповѣданія представляло нѣкоторыя затрудненія. Но когда король Прусскій предоставилъ своей будущей невѣсткѣ полную свободу совѣсти, Георгъ нашелъ дальнѣйшіе религіозные переговоры излишними. Въ концѣ 1706 года онъ извѣстилъ Лейбница въ Берлинѣ о своемъ приказаніи, чтобъ онъ устранилъ себя отъ всякаго участія въ переговорахъ. Лейбницъ не сообщилъ объ этомъ богословамъ, но долженъ былъ отказаться отъ прежняго дѣятельнаго участія въ переговорахъ, которые безъ него пришли мало по малу въ застой. Въ 1708 году Лейбницъ писалъ Фабрицію пророческія слова: „По тому, какъ теперь сложились обстоятельства, я ничего не ожидаю отъ дѣла соединенія. Оно когда-нибудь само собой осуществится (Ipsa se res aliquando conficiet)“. И дѣйствительно, черезъ 100 лѣтъ послѣ этого, сліяніе обоихъ протестантскихъ исповѣданій въ Германіи совершилось почти незамѣтно послѣ указа короля Фридриха-Вильгельма въ 1817 году, третью столѣтнюю годовщину реформаціи.

Всѣ эти неудачи не могли лишить Лейбница бодрости. До послѣднихъ дней своей жизни онъ былъ занятъ дѣломъ объединенія церквей. Мы видѣли, что онъ очень дорожилъ идеей преемственности церкви, которая выражалась въ непрерывности церковной іерархіи посредствомъ рукоположенныхъ епископовъ. Поэтому ему особенно должна была нравиться англиканская церковь, такъ какъ она сохранила епископальное устройство. Введеніе этого устройства въ Германіи ему казалось желательнымъ еще потому, что оно привело бы къ соединенію англійскихъ и нѣмецкихъ протестантовъ въ одну церковь и могло бы облегчить соединеніе ихъ съ католиками. Въ 1700 году онъ подалъ Прусскому королю Фридриху записку, въ которой объяснялъ значеніе епископальной іерархіи для королевской власти даже

въ протестантскомъ государствѣ и совѣтовалъ ввести въ Пруссіи епископальное устройство. Королю Фридриху, который любилъ церемоніи и торжественности и готовъ былъ ввести все, что могло придать его власти большій блескъ, такой совѣтъ долженъ былъ очень понравиться. Вопреки духу реформатской церкви онъ возвелъ для своей коронаціи двухъ пасторовъ въ санъ епископовъ, а потомъ предоставилъ имъ этотъ титулъ пожизненно вмѣстѣ съ большими доходами. Въ это же время онъ велѣлъ перевести англійскую литургію на нѣмецкій языкъ и поручилъ своему епископу Урсинусу обратиться къ архіепископу Кентерберійскому и посовѣтоваться съ нимъ на счетъ введенія епископальнаго устройства. По этому же поводу завязалась дѣятельная переписка между Яблонскимъ и архіепископомъ Йоркскимъ, въ которой принимали участіе нѣсколько англійскихъ и прусскихъ дипломатовъ. Когда, въ 1711 году, Лейбницъ находился въ Берлинѣ, его пригласили также принять участіе въ переговорахъ съ архіепископомъ Йоркскимъ. Смерть Фридриха, въ 1713 году, прервала эти переговоры, такъ какъ преемникъ его былъ мало расположенъ къ Англіи. Но Лейбницъ, какъ всегда, не покидалъ начатаго плана. Восшествіе Ганноверской династіи на англійскій престолъ оживило его надежды. Онъ обратился къ своей ученицѣ, принцессѣ Вельской, покровительства которой онъ искалъ въ своемъ спорѣ съ Ньютономъ, какъ мы видѣли въ III-й главѣ. Онъ просилъ ее употребить свое вліяніе на архіепископа Кентерберійскаго и черезъ него склонить короля, ея тестя, къ соединенію протестантскихъ церквей. При этомъ онъ совѣтовалъ ей не упоминать о немъ (Лейбницѣ), такъ какъ король не любилъ его вмѣшательства въ правительственныя дѣла. „Никакое дѣло не можетъ быть такъ достойно вашего королевскаго высочества, какъ это, пишетъ онъ къ принцессѣ [1]); ваше благочестіе равняется вашему благоразумію, а ваше высокое положеніе придаетъ имъ значеніе; можно надѣяться, что благословеніе Божіе не оставитъ этого дѣла. Что касается до меня, то я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ пришлось еще видѣть какой-нибудь плодъ отъ моихъ прошлыхъ трудовъ“.

Эти строки были написаны Лейбницемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти; ими онъ закончилъ свои пятидесятилѣтніе труды надъ объединеніемъ христіанскихъ церквей, умиротвореніемъ религіозной вражды и водвореніемъ вѣротерпимости. Въ жизни Лейбница мы встрѣчаемъ много неоконченныхъ предпріятій, много безуспѣшныхъ

---

[1]) Oeuvres de L. ed. Foucher de C. II, p. 495.

трудовъ и не осуществившихся надеждъ. Многое ему не удалось, потому что у него не доставало времени и силъ, многое, — потому что онъ не находилъ достаточной поддержки въ современномъ обществѣ и въ людяхъ, въ чьихъ рукахъ была власть. Къ предпріятіямъ этого рода нужно отнести проекты Лейбница о соединеніи церквей. Мы видѣли, что эти проекты нельзя назвать фантастической мечтой философа: надъ осуществленіемъ ихъ трудились много замѣчательныхъ людей, и религіозное объединеніе всѣхъ христіанъ есть одна изъ любимыхъ мыслей XVII вѣка.

Правда, въ наше время такое объединеніе кажется еще болѣе труднымъ, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, но это не даетъ намъ права осуждать людей, которые стремились къ этой цѣли. Лейбницъ замѣтилъ гдѣ-то [1]), что „чѣмъ менѣе разрѣшима какая-нибудь проблема, чѣмъ выше она, тѣмъ плодотворнѣе пріемы и попытки къ ея разрѣшенію. Ничто, можетъ-быть, не содѣйствовало такъ много къ развитію науки, какъ изысканія *трехъ великихъ химеръ* (tria magna inania): философскаго камня, вѣчнаго движенія и квадратуры круга“.

Даже еслибъ намъ пришлось причислить вопросъ о соединеніи церквей къ разряду неразрѣшимыхъ проблемъ, мы должны были бы признать за попытками къ объединенію существенныя заслуги. Онѣ смягчаютъ старинныя понятія о враждѣ и розни и располагаютъ къ вѣротерпимости, не къ гражданской только терпимости, поддерживаемой закономъ, но къ той истинной вѣротерпимости, основанной на сознаніи единства начала и цѣлей. Благодаря этимъ попыткамъ, второстепенныя особенности каждой церкви, которыя обусловливаются историческимъ развитіемъ ея и различіемъ расъ, будутъ терять свое прежнее значеніе, а эти особенности всегда бывали главнымъ поводомъ къ отдѣленію и враждѣ. И какъ скоро перестанутъ разсматривать христіанскія исповѣданія съ той стороны, которою они отличаются другъ отъ друга, то надъ старинною распрей одержитъ верхъ сознаніе, что въ существенномъ они не расходятся и что общее достояніе ихъ значительнѣе, чѣмъ ихъ особенности.

А въ этомъ случаѣ проблема будетъ разрѣшена. Тогда будетъ достигнуто то, къ чему стремился Лейбницъ и чего не хотѣлъ понять Боссюетъ. Когда духовное единство христіанской церкви будетъ сознано во всѣхъ ея исповѣданіяхъ, тогда распря объ единствѣ формы станетъ излишней и невозможной.

---

[1]) Oeuv. de L. ed. Foucher de C. II. Introduction, p. CIV.

ГЛАВА VII.

Отношенія Лейбница къ Софіи-Шарлоттѣ Прусской и къ Австрійскому двору.

Характеръ эпохи. — Софія-Шарлотта. — Ея образованность. — Ея мужъ Фридрихъ I. — Его любимцы. — Дворъ Софіи-Шарлотты въ Люценбургѣ. — Ея дружба съ Пёлницъ. — Ея отношенія къ сыну. — Ея отношенія къ Лейбницу. — Планъ Лейбница сдѣлаться посредникомъ между Ганноверомъ и Пруссіей. — Старанія его объ учрежденіи ученыхъ обществъ. — Желаніе Софіи-Шарлотты устроить въ Берлинѣ обсерваторію. — Старанія Лейбница объ исправленіи календаря. — Учрежденіе Академіи наукъ въ Берлинѣ. — Ея троякое назначеніе. — Мысли Лейбница о соединеніи въ академіяхъ теоретическаго и практическаго изученія науки. — Занятія Софіи-Шарлотты. — Ея пристрастіе къ Бейлю и свиданіе съ нимъ. — Бейль и Лейбницъ. — Теодицея, написанная для Софіи-Шарлотты. — Философское и историческое значеніе Теодицеи. — Толандъ. — Любовь Софіи-Шарлотты къ ученымъ преніямъ. — Іезуитъ Вота. — Его переписка съ Софіей-Шарлоттой. — Поѣздка Софіи-Шарлотты въ Голландію. — Пріобрѣтеніе королевскаго титула. — Торжество коронаціи. — Сочиненіе Лейбница о значеніи и правахъ Прусскаго короля. — Маскерадъ въ Люценбургѣ. — Болѣзнь и послѣднія минуты Софіи-Шарлотты. — Огорченіе Лейбница. — Печальное положеніе академіи. — Планъ учрежденія академіи въ Дрезденѣ. — Встрѣча Лейбница съ Карломъ XII. — Значеніе Лейбница въ европейской политикѣ. — Записка его о положеніи дѣлъ въ 1691 году. — Проектъ высадки въ Бискайю. — Вторая поѣздка Лейбница въ Вѣну. — Смерть Испанскаго короля и вліяніе ея на европейское равновѣсіе. — Политическія сочиненія Лейбница противъ Франціи. — Манифестъ въ защиту правъ Карла III. — Критика царствованія Людовика XIV. — Война за испанское наслѣдство и счастливый для Франціи переворотъ въ Англіи. — Утрехтскій миръ. — Планъ Лейбница вовлечь сѣверныхъ союзниковъ въ войну противъ Франціи. — Свиданіе Лейбница съ Петромъ Великимъ въ Карльсбадѣ. — Послѣдняя поѣздка Лейбница въ Вѣну. — Хорошій пріемъ при Вѣнскомъ дворѣ. — Совѣты, которые онъ даетъ императору. — Его трактатъ: La Paix d'Utrecht est inéxcusable. — Тѣсная связь между торжествомъ ли-

беральной партіи въ Англіи и интересами Австрійскаго двора.— Джонъ Керъ.— Его планъ для устройства каперства. — Лейбницъ ратуетъ противъ Раштадтскаго мира. — Воцареніе Ганноверской династіи въ Англіи. — Новые планы Лейбница. — Евгеній Савойскій. — Графъ Бонневалль. — Проектъ учрежденія академіи въ Вѣнѣ. — Немилость курфирста. — Смерть Софіи. — Недобросовѣстность нѣмецкихъ министровъ Георга. — Возвращеніе Лейбница въ Ганноверъ. — Недостойное обращеніе съ нимъ. — Желаніе его переселиться въ Парижъ. — Его возраженіе Якобитамъ. — Лейбницъ о Вѣчномъ Мирѣ Сенъ-Пьерра. — Дневникъ Лейбница. — Его послѣдніе дни. — Его смерть и погребеніе. — Характеристика Лейбница, написанная имъ самимъ. — Заключеніе.

Мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, какъ Лейбницъ, по поводу переговоровъ о соединеніи протестантскихъ церквей, вступилъ въ сношенія съ Берлинскимъ дворомъ. Эти сношенія пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе и играютъ важную роль въ послѣдніе годы жизни Лейбница. Сближеніе его съ Берлинскимъ дворомъ было не случайное. Въ прежніе годы своей политической дѣятельности Лейбницъ относился нѣсколько враждебно къ стремленіямъ Бранденбургскихъ курфирстовъ. Онъ былъ приверженцемъ старинной имперской конституціи, которая требовала отъ князей извѣстнаго подчиненія императору. Ему не нравилась честолюбивая, независимая политика Фридриха-Вильгельма, который хотя и былъ патріотомъ, но въ своихъ интересахъ часто сталкивался съ сеймомъ и императоромъ. Въ послѣднее время, однако, многое измѣнилось. Перевѣсъ Франціи и ея насильственныя дѣйствія относительно Германіи примирили многихъ нѣмецкихъ патріотовъ съ возрастающимъ могуществомъ Пруссіи, а фанатизмъ Людовика XIV, высказавшійся въ изгнаніи гугенотовъ и въ невыгодномъ для протестантовъ Рисвикскомъ мирѣ, возбудилъ опасеніе всѣхъ друзей протестантизма и свободы и заставилъ ихъ искать опоры у Пруссіи. Къ этому присоединялись для Лейбница личныя связи и сношенія. Связующимъ звеномъ между нимъ и Берлинскимъ дворомъ была Прусская королева — знаменитая Софія-Шарлотта, наслѣдовавшая отъ своей матери, Ганноверской курфирстины, дружбу и уваженіе къ философу. Софія-Шарлотта — самая интересная личность, которую мы встрѣчаемъ въ жизни Лейбница. Какъ она при жизни составляла отраду и утѣшеніе философа, такъ она теперь своимъ поэтическимъ образомъ украшаетъ его біографію и вноситъ въ нее тотъ элементъ сердечной привязанности, безъ которой жизнь человѣка блѣдна и безъинтересна.

Но Софія - Шарлотта сама по себѣ привлекаетъ наше вниманіе. Каждая эпоха имѣетъ любимыя лица, въ которыхъ соединяетъ свои

лучшія черты. Она идеализируется въ нихъ какъ въ художественномъ произведеніи и отражается съ своими вкусами, потребностями и цѣлями. Подобнымъ образомъ Софія-Шарлотта идеализируетъ передъ нами вѣкъ Лейбница. Она является лучшею представительницей той эпохи, когда французское образованіе стало сильно проникать въ Германію, смягчать, по крайней мѣрѣ, при дворахъ и въ аристократіи грубые нравы прежняго времени и вытѣснять богословско-схоластическій духъ, которымъ отличалась эпоха реформаціи и религіозныхъ войнъ. Подъ французскимъ вліяніемъ пробуждается сильный философскій интересъ, но онъ мирится съ глубокою религіозностью, и послѣдняя еще не уступаетъ легкомысленному и дешевому скептицизму, которымъ отличается эпоха Вольтера. Наука допускается ко двору; коронованныя особы стараются прославить себя учрежденіемъ академій и гордятся званіемъ почетныхъ членовъ ученыхъ обществъ. Искусства цѣнятся высоко, хотя вкусъ падаетъ и ухудшается. Классическія преданія, которыми воодушевлялись во время возрожденія наукъ, все болѣе и болѣе забываются и переходятъ въ самое вычурное рококо. За то музыка процвѣтаетъ и все болѣе приближается къ эпохѣ своего блестящаго развитія. Грубый разгулъ старинныхъ празднествъ, на которыхъ всѣ старались отличиться многочисленностью прислуги и экипажей, цѣнностью костюмовъ, количествомъ блюдъ и напитковъ, національныя пляски, продолжавшіяся нѣсколько часовъ, карусели, напоминавшіе средневѣковые турниры, уступаютъ мѣсто увеселеніямъ, на которыхъ главную роль играетъ музыка. Оперныя представленія и концерты становятся любимымъ развлеченіемъ, и въ нихъ нерѣдко принимаютъ участіе коронованныя и придворныя особы.

Всѣ приведенныя нами черты вѣка находили себѣ полное выраженіе въ томъ тѣсномъ кругу, въ которомъ царствовала Софія-Шарлотта. Этотъ кругъ составлялъ, правда, рѣзкій контрастъ съ окружающею его придворною сферой и былъ скоро смѣненъ суровою солдатчиной времени Фридриха-Вильгельма I. Но „философская королева", какъ ее называли современники, ожила въ своемъ знаменитомъ внукѣ — королѣ-философѣ. Вліяніе ея не прошло безслѣдно. Во всякомъ случаѣ, описаніе ея личности и ея кружка составляетъ лучшую страницу въ безотрадной исторіи Прусскаго двора.

Софія-Шарлотта была единственною дочерью Эрнста-Августа и Софіи Ганноверской, и поэтому предметомъ особенныхъ заботъ со стороны матери. Между матерью и дочерью рано установилась самая тѣсная и искренняя связь, сохранившаяся до смерти послѣдней. Въ

исторіи придворной жизни рѣдко можно встрѣтить подобный примѣръ дружбы между матерью и замужнею дочерью. Никакія интриги двора, никакія политическія столкновенія, которыя случались нерѣдко между обоими дворами, не могли ослабить этой дружбы.

Воспитаніе, которое получила Софія-Шарлотта, совершенно соотвѣтствовало измѣнившемуся духу времени. Латинскій языкъ и катихизисъ не играли въ этомъ воспитанія такой роли, какъ въ образованіи нѣмецкихъ принцессъ стараго поколѣнія; ихъ мѣсто заступили новѣйшіе языки и музыка.

Софія-Шарлотта получила хорошее религіозное воспитаніе; но для герцогской семьи, которая сдѣлалась извѣстна своею дружбой съ Лейбницемъ, характеристично то, что молодую принцессу обучали какъ реформатскому, такъ и лютеранскому закону, а конфирмацію ея, или причащеніе, отложили до самого замужества. Мать Софіи-Шарлотты принадлежала къ реформатскому исповѣданію, а отецъ ея къ лютеранскому. Родители не хотѣли опредѣлять вѣроисповѣданія дочери, пока она не достигнетъ совершеннолѣтія и пока не сдѣлается извѣстнымъ, въ какую среду она будетъ поставлена замужествомъ. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что принцессу обучали также католическому закону. На образованіе и развитіе Софіи-Шарлотты имѣли особенно хорошее вліяніе частыя путешествія. Съ отцомъ и матерью она провела около года въ Италіи, гдѣ у нея развилась любовь къ искусству и музыкѣ. Послѣ того она ѣздила съ матерью въ Берлинъ и во Францію, чтобы навѣстить свою тетку, Мобюиссонскую игуменью.

Софія-Шарлотта пробыла во Франціи почти годъ, и хотя ей было тогда только 15 лѣтъ, она привела въ восторгъ Людовика XIV и его дворъ своей красотой, зрѣлостью ума и образованіемъ. Уже въ это время начались переговоры о ея замужествѣ, и когда ей только-что минуло 16 лѣтъ, ее выдали за мужъ за наслѣднаго принца Прусскаго Фридриха. Этотъ бракъ могъ казаться блестящимъ для Ганноверской принцессы, но его нельзя было назвать счастливымъ. Кронпринцъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи представлялъ жалкую противоположность своей невѣсты. Французская газета *Mercure Galant* описываетъ въ это время Софію-Шарлотту слѣдующимъ образомъ: „Роста она средняго, у нея замѣчательно красивая шея и самая тонкая кожа, большіе голубые глаза съ кроткимъ выраженіемъ и чрезвычайно густые черные волосы. Брови принцессы какъ будто проведены циркулемъ, носъ очень пропорціональный, зубы чрезвычайно красивые и очень живой цвѣтъ лица. Лицо ея ни слишкомъ овальное и не слиш-

комъ круглое. У нея много ума и привлекательная кротость характера. Она хорошо поетъ, играетъ на фортепіано, граціозно танцуетъ и имѣетъ такія познанія, какъ немногія въ ея возрастѣ". Англійскій философъ Толандъ, который познакомился съ Софіей-Шарлоттою гораздо позднѣе, когда она очень пополнѣла, также восторгается ея голубыми глазами, черными какъ смоль волосами и цвѣтомъ лица. Онъ называетъ ее самой красивой принцессой своего времени. „Принцесса, говоритъ онъ, никому не уступаетъ въ здравомъ умѣ; рѣчь ея изящна и складна; ея бесѣда и общество чрезвычайно привлекательны. Она много читала и въ состояніи говорить со всякими людьми о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Можно столько же удивляться ея ясному и смѣтливому уму, сколько основательнымъ познаніямъ, которыя она пріобрѣла относительно самыхъ трудныхъ вопросовъ философіи. Я долженъ признаться откровенно и безъ малѣйшей лести, что никогда не встрѣчалъ человѣка, который умѣлъ бы дѣлать болѣе ловкія возраженія, легче бы открывалъ несостоятельность и софизмъ приведенныхъ доводовъ и скорѣе понималъ слабость или силу какого-нибудь мнѣнія, чѣмъ эта принцесса. Все, что отличается образованностью и живостью, собирается къ ея двору, и тамъ можно встрѣтить въ полномъ согласіи двѣ вещи, которыя въ свѣтѣ считаются совершенно несовмѣстимыми — занятія наукой и увеселенія. Никто не умѣетъ лучше ея соединять удовольствія съ пользой. Самое любимое развлеченіе ея составляетъ музыка, и тотъ, кто любитъ ее до такой степени, долженъ ее также хорошо понимать, какъ принцесса, что не очень легко. Она въ совершенствѣ играетъ на цимбалѣ и занимается этимъ каждый день; она поетъ также хорошо; а знаменитый Буончини, одинъ изъ величайшихъ современныхъ музыкантовъ, говорилъ мнѣ, что музыкальныя піесы ея сочиненія написаны чрезвычайно правильно. Она очень любитъ, когда иностранцы ее посѣщаютъ и разказываютъ обо всемъ, что интересно въ ихъ странѣ. Она имѣетъ самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о государственныхъ учрежденіяхъ, а въ Германіи ее не называютъ иначе, какъ республиканскою королевой, такъ какъ она не сочувствуетъ абсолютной, неограниченной монархіи".

Софія-Шарлотта дѣйствительно была такъ начитана и имѣла такую хорошую память, что однажды поставила въ тупикъ извѣстнаго Лейпцигскаго ученаго Карпцова. Въ разговорѣ съ нимъ она привела больше новыхъ книгъ, которыя были извѣстны ей по содержанію или по заглавію, чѣмъ онъ самъ зналъ. Какого высокаго мнѣнія былъ Лейбницъ о Софіи-Шарлоттѣ, мы сейчасъ увидимъ.

Жениху ея было 26 лѣтъ, но онъ былъ уже вдовцомъ. Кронпринцъ Фридрихъ былъ слабаго и некрасиваго тѣлосложенія. Вслѣдствіе небрежности кормилицы, уронившей его, у него была согнутая спина, и онъ всегда носилъ очень длинный парикъ, чтобы скрыть этотъ недостатокъ. Онъ получилъ тщательное воспитаніе подъ руководствомъ умнаго и энергическаго Данкельмана; но науки его не очень занимали. Главною страстью его были придворныя церемоніи, и еще десяти лѣтъ онъ выпросилъ у отца позволеніе учредить особенный орденъ: de la générosité. Онъ самъ составилъ орденскій уставъ и при освященіи ордена соблюдалъ въ точности всевозможные старинные обряды, посвящалъ мечемъ въ рыцари и пр. Характера онъ былъ уступчиваго и не энергическаго, легко поддавался чужому вліянію, но не всегда самому лучшему. Когда онъ вступилъ на престолъ, онъ первыя 10 лѣтъ слѣпо подчинялся своему бывшему учителю Данкельману, котораго онъ сдѣлалъ первымъ министромъ. Данкельманъ былъ однимъ изъ лучшихъ министровъ Пруссіи, но онъ былъ суровъ и гордъ: его не любили при дворѣ и внушили курфирсту, что его министръ не признаетъ его собственнаго авторитета. Фридрихъ сначала уволилъ его милостиво; но враги Данкельмана напугали курфирста, что человѣкъ, который столько лѣтъ управлялъ Прусскимъ государствомъ и знаетъ всѣ его тайны, можетъ сдѣлаться опаснымъ. Тогда Фридрихъ допустилъ конфискацію всѣхъ имѣній старика и заключилъ его въ крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ 10 лѣтъ.

Мѣсто Данкельмана занялъ его недостойный соперникъ Кольбъ фонъ-Вартенбергъ, возведенный въ достоинство имперскаго графа. Онъ умѣлъ пользоваться слабою стороной курфирста, его страстью къ великолѣпію и къ церемоніямъ, съ особеннымъ рвеніемъ хлопоталъ о королевскомъ титулѣ для Фридриха, а потому безнаказанно грабилъ и раззорялъ страну съ своими любимцами. Еще больше вліянія чѣмъ Вартенбергъ имѣла на Фридриха жена графа, женщина простаго происхожденія и чрезвычайно грубая и нахальная. Она была прежде женой курфирстскаго камердинера, потомъ вышла за Вартенберга и считалась любовницей курфирста. Онъ составилъ для нея новый придворный этикетъ, по которому она имѣла преимущество передъ всѣми женами и дочерьми не царствующихъ принцевъ. Притязанія графини подавали поводъ къ самымъ скандалёзнымъ сценамъ при дворѣ. Однажды, когда жена голландскаго посланника хотѣла пройдти въ церемоніальномъ шествіи прежде нея, обѣ дамы схватили другъ друга за волосы и ихъ съ трудомъ можно было разнять среди цѣлаго облака

пудры. Фридрихъ былъ такъ раздраженъ оскорбленiемъ, нанесённымъ графинѣ, что грозилъ отозвать свои войска, сражавшiяся въ Голландiи противъ Французовъ, если жена посланника не испроситъ прощенiя у фаворитки. Съ женой русскаго посланника Матвѣева графинѣ не такъ посчастливилось. Курфирстъ не хотѣлъ испортить своихъ отношенiй къ побѣдителю при Полтавѣ, и гордая графиня должна была извиняться передъ Матвѣевой въ присутствiи всего дипломатическаго корпуса. Среди такого двора жизнь Софiи-Шарлотты не могла сложиться прiятно. Она не походила на свою мать и не любила вмѣшиваться въ политику. Она не старалась прiобрѣсти влiянiе на своего мужа и не принимала участiя въ интригахъ его любимцевъ. Графиня Вартенбергъ была ей, конечно, ненавистна не только по роли, которую она играла, но еще больше вслѣдствiе ея грубости и пошлости. Но по совѣту матери Софiя-Шарлотта соглашалась даже принимать ее иногда у себя, чтобы сдѣлать удовольствiе мужу. При этомъ она позволяла себѣ невинную месть и всегда заговаривала съ графиней на французскомъ языкѣ, котораго та не знала.

Софiя-Шарлотта составила себѣ отдѣльный дворъ, который она устроила по своему вкусу. Въ деревнѣ Люценъ, въ близкомъ разстоянiи отъ Берлина, она построила себѣ дворецъ и проводила тамъ все время, свободное отъ придворныхъ празднествъ. Дворецъ былъ построенъ знаменитымъ Шлютеромъ, въ итальянскомъ стилѣ, садъ былъ разбитъ по плану Ле-Нотра, прославившагося Версальскимъ садомъ, украшенiе же дворца было поручено Еозандру фонъ-Гёте, котораго Софiя-Шарлотта предпочитала Шлютеру, хотя онъ далеко уступалъ своему генiальному сопернику и впадалъ въ самое вычурное рококо. Курфирстъ не жалѣлъ денегъ, чтобъ украсить любимое мѣстопребыванiе своей супруги самыми рѣдкими растенiями, самыми дорогими картинами, вазами и другими произведенiями искусства. Впрочемъ, все было устроено по желанiю курфирстины, и дворецъ Люценбургъ во всемъ отражалъ вкусъ Софiи-Шарлотты, такъ что въ послѣдствiи онъ былъ совершенно справедливо названъ въ ея память Шарлоттенбургомъ. Небольшой дворъ Софiи-Шарлотты представлялъ рѣзкiй контрастъ съ дворомъ ея супруга. „Дворъ Фридриха, говоритъ Нибуръ, былъ, какъ всѣ тогдашнiе нѣмецкiе дворы, невыразимо гадокъ (widerlich). Онъ соединялъ въ себѣ *грубость* и *распущенность* нравовъ. Нельзя указать болѣе отвратительной распущенности, какъ у нашихъ предковъ во второй половинѣ XVII столѣтiя. Этотъ упрекъ вполнѣ относится ко двору Фридриха“.

Мы не станемъ доказывать справедливость этихъ словъ, потому что это слишкомъ бы отвлекло насъ отъ нашей задачи. Тогдашніе дворы Германіи представляютъ намъ зрѣлище, которое мы часто встрѣчаемъ въ исторіи, когда старинные патріархальные нравы, поддерживаемые преданіемъ, уступаютъ наплыву новыхъ, болѣе цивилизующихъ идей, но когда дѣйствіе этихъ новыхъ идей высказывается только въ ослабленіи прежнихъ убѣжденій и въ распущенности нравовъ. Дворъ Фридриха сохранилъ отчасти еще прежнюю прусскую суровость и заимствовалъ у Версальскаго двора только страсть къ роскоши и этикету. Фридрихъ вставалъ, по примѣру отца, съ восходомъ солнца, такъ что часто придворные съ вечернихъ собраній Софіи-Шарлотты прямо отправлялись къ утреннему пріему у курфирста. Вечера онъ проводилъ съ своими любимцами въ *табачномъ клубѣ* (tabagie), члены котораго нисколько не отличались изысканностью нравовъ. Въ костюмахъ и увеселеніяхъ Прусскій дворъ подражалъ послѣдней модѣ Версаля, но съ этимъ плохо вязались старинные предразсудки: пасторы протестуютъ противъ театральныхъ представленій, и искатели приключеній, обѣщающіе открыть тайну, какъ приготовлять золото, принимаются съ суевѣрнымъ почетомъ, подобно тому графу Руджіеро, котораго сначала чествовали какъ иностраннаго принца, а потомъ, когда онъ не сдержалъ своего обѣщанія, повѣсили какъ преступника.

Софія-Шарлотта заимствовала у Версальскаго двора только его хорошія стороны: изысканную вѣжливость въ обращеніи, изящество формъ и рѣчи и отсутствіе пошлости. Въ ея кругу французскій языкъ былъ господствующимъ. Когда знаменитый маршалъ Шомбергъ прибылъ въ Берлинъ въ сопровожденіи большой свиты французскихъ дворянъ, имъ казалось при дворѣ Софіи-Шарлотты, что они еще находятся въ своемъ отечествѣ. Одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, выходя изъ аудіенціи, спросилъ даже, знаетъ ли курфирстина по-нѣмецки. Почти всѣ европейскія государства прошли черезъ эпоху французскаго вліянія, когда французскій языкъ вытѣснялъ родной, а всѣ образованные люди болѣе походили на Французовъ, чѣмъ на туземцевъ. Когда эта эпоха проходила, она вызывала противъ себя большое неудовольствіе и много упрековъ. Но такая эпоха была необходимостью. Идеи не переносятся отвлеченно отъ одного народа къ другому. Цивилизація, выработанная французскимъ обществомъ, находила себѣ выраженіе пока только во французскомъ языкѣ и только

съ помощью этого языка могла быть пересажена на другую почву. Если бы кто захотѣлъ указать, какое вліяніе можетъ имѣть языкъ на развитіе людей и на смягченіе нравовъ, то онъ не могъ бы выбрать болѣе удачнаго примѣра, какъ вліяніе французскаго языка въ прошломъ столѣтіи.

Пруссія въ это время особенно много была обязана французскимъ эмигрантамъ, которыхъ изгнала изъ отечества отмѣна Нантскаго эдикта. Французскіе ремесленники и фабриканты развили въ Пруссіи мануфактурное производство, а дворяне перенесли съ собой духовные плоды своей цивилизаціи и имѣли самое благодѣтельное вліяніе на улучшеніе нравовъ въ прусскомъ обществѣ. Особенно хорошо были приняты эмигранты и ихъ жены при дворѣ Софіи-Шарлотты. Такъ какъ они утратили при переселеніи почти все свое имущество, то они были не въ состояніи соперничать съ прусской аристократіей въ роскоши костюмовъ и экипажей. Поэтому Софія-Шарлотта постановила, чтобы въ извѣстные дни дамы собирались у нея въ простыхъ черныхъ платьяхъ. На этихъ вечерахъ былъ устраненъ тягостный придворный этикетъ; дамы, которыя не играли въ карты, занимались рукодѣліемъ; въ эти же дни Софія приглашала къ себѣ ученыхъ и всѣхъ тѣхъ, которые не имѣли пріѣзда ко двору.

Хотя Софія-Шарлотта была любезна и привѣтлива со всѣми, она хорошо понимала недостатки и смѣшныя стороны своихъ приближенныхъ. Немногихъ она удостоивала своей дружбы, и изъ послѣднихъ самымъ близкимъ къ ней лицомъ была ея фрейлина фонъ-Пёльницъ. Эта дѣвушка была такъ же умна и красива, какъ Софія-Шарлотта, и кромѣ того походила на нее характеромъ: она была такъ же весела и шутлива, а ея остроуміе нерѣдко доходило до сарказма. Она была безгранично предана курфирстинѣ, а послѣдняя относилась къ ней съ самымъ полнымъ довѣріемъ. Пёльницъ сдѣлалась душею Люценбургскаго общества своимъ умѣньемъ устроивать удовольствія и придавать имъ интересъ и привлекательность. Софія-Шарлотта такъ привыкла къ ея обществу, что находилась съ ней въ постоянной переппскѣ, даже тогда, когда онѣ разлучались на самое короткое время. Она довѣряла ей всѣ свои тайны, и поэтому письма Софіи-Шарлотты къ ней такъ интересны. Къ сожалѣнію, намъ извѣстны только нѣсколько писемъ, которыя король Фридрихъ-Вильгельмъ II велѣлъ выдать изъ тайнаго архива пастору Эрману, составившему біографію Софіи-Шарлотты. Письма эти рисуютъ намъ вполнѣ „философскую королеву“ съ ея антипатіей ко всему пошлому и посредственному, съ

ея благороднымъ образомъ мыслей, съ ея искренностью, граціей и съ ея юморомъ, который она наслѣдовала отъ матери [1]).

Мы приведемъ одно изъ этихъ писемъ въ подлинникѣ, чтобы не ослабить пріятнаго впечатлѣнія, которое оно производитъ на каждаго: Ma chere Pœllnitz, vous m'avez pris sans vert, car je ne puis répondre à tant de gentillesses, et j'aime mieux, que vous doutiez de mon amitié. Votre mère dit, que dans huit jours vous sortirez. Que mon cœur ressentira de joie — j'en sens déjà un plaisir anticipé. Je n'ai pas même le plaisir de pouvoir rire des sottises, qui se font autour de moi; avec qui? La Bülow a de ce gros bon sens, qui ne marche qu'en bottes fortes. Certaines finesses de ces riens, que vous saisissez si bien, échappent à sa pénétration, et les autres sont des enfants. Comme ma chère Pœllnitz est l'âme de mes occupations, elles sont fort languissantes. L'abbé [2]) dit, qu'il a beau éperonner Pégase, ce n'est qu'une rosse. A propos de rosse celle, qui à ce qu'on suppose a l'honneur de servir B. vint hier parée comme un autel, mais de ces autels infernaux, consacrés au diable.

Certain philosophe abhorre le vide, et moi, chère Pœllnitz, le plein. J'avois hier à ma cour deux dames la B. et la Y. grosses jusqu'aux dents, maussades jusqu'au sommet, et sottes jusqu'aux talons. Mais, ma chère, soupçonnez vous, que Dieu en créant de pareilles espèces les forma à son image? — non, il fit un moule tout exprès et très different, pour nous apprendre le prix des grâces et de la beauté par comparaison. Si vous trouvez ceci méchant, je sais à qui je m'adresse: à bon chat, bon rat... Comme mon esprit est monté méchamment il faut poursuivre. J'ai vu deux benêts d'étrangers: si l'or, le galon et les

---

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie-Charlotte par *Ermann*. 1801. Книга, не смотря на свой объемъ, почти безполезна для біографа Софіи-Шарлотты, за исключеніемъ приведенныхъ въ ней писемъ. Остальное состоитъ изъ пустыхъ фразъ. Отличная біографія и характеристика Софіи-Шарлотты составлена *Варнгагеномъ фонъ-Энзе*: Leben der Königin von Preussen Sophie-Charlotte 1837, хотя съ помощью очень скуднаго матеріала. Нѣкоторыя подробности о ней и вообще о Прусскомъ дворѣ этого времени у *Vehse*: Geschichte des Preussischen Hofs und Adels. 2 Th. 1851. *Droysen*—Geschichte der Preussischen Politik. III B. 3 Abt. и IV B. 1 Abt. 1867, и популярное сочиненіе *Eberty* — Geschichte des Preussischen Staates. II B. 1867.

[2]) Это былъ тотъ же итальянскій аббатъ Гортензіо Маури, котораго мы видѣли при дворѣ Ганноверскомъ. Онъ былъ учителемъ Софіи-Шарлотты въ итальянскомъ языкѣ, долго жилъ у нея въ Берлинѣ и занималъ ее своими литературными произведеніями и стихами.

franges dénotoient le mérite, rien n'égaleroit le leur. Mais comme je respecte peu l'opulence, j'ai apprecié leur juste valeur. Je comprends que l'aspect des grands peut intimider, et ôter à l'esprit la facilité de briller et de parôitre et alors j'encourage. Mais lorsque la fatuité s'en mèle et que la présomption et la sottise veulent usurper l'approbation due au vrai mérite, je suis impitoyable et je ne fais grâce sur rien.— Que la défiance sur ce que nous valons est estimable, mais que cette vertue est rare! Ne croyons nous pas toujours valoir quelques carats de plus que d'autres? La vilaine chose que l'orgueil, et pourtant ce sentiment est notre plus fidèle compagnon. Grand Leibnitz! que tu dis sur ce sujet de belles choses! Tu plais, tu persuades, mais tu ne corriges pas — je suis en train de moraliser et le concert commence. Le nouveau chanteur doit chanter. Sa réputation l'a précédé: s'il la soutient, que je vais passer agréablement mon temps! Adieu, adieu, quoi vous m'arretez, quand la musique m'attend? Je sacrifie l'amie aux talens. Adieu, vous dis-je et cela sans appel.

P. S. Deux mots ma chère Pœllnitz, envoyez ces diamans pour mon brasselet à la Liebmann [1]). Je lui ai déjà donné mes ordres pour la façon; ja n'ai guère de temps. Madame l'électrice est arrivée; que d'étiquettes à observer; ce n'est pas que je haisse le faste, mais je le voudrois indépendant de la gène... mais que ne voudrois-je pas et surtout vous, qui me manquez essentiellement. On nous promet certain prince, tant pis ou tant mieux; je me jette dans mon lit. Adieu, bon soir, qu'on tire le rideau. Votre reine, votre amie s'endort.

Глубоко раскрываетъ предъ нами внутреннюю жизнь королевы, не совсѣмъ счастливой въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, другое письмо къ Пёльницъ. Курфирстъ Фридрихъ имѣлъ обычай, когда онъ навѣщалъ Софію-Шарлотту, присылать впередъ свои подушки. Однажды Софія-Шарлотта, писавшая своему другу, была прервана появленіемъ этихъ подушекъ. Она спѣшитъ окончить свое письмо и заключаетъ: Il faut finir, ma chère amie; les coussins formidables arrivent. Je vais à l'autel. Qu'en pensez vous? La victime sera-t-elle immolée? Votre maladie m'ennuie. Rétablissez vous, ma chère.

Мало радости также видѣла Софія-Шарлотта отъ своего единственнаго сына, Фридриха-Вильгельма. Этотъ мальчикъ такъ же мало походилъ на свою мать, какъ на своего отца. Онъ былъ крѣпкаго

[1]) Еврейка Либманъ, вдова придворнаго ювелира, который велъ домашнія дѣла Фридриха и заключалъ для него займы.

тѣлосложенія, чрезвычайно рѣзвъ, вспыльчивъ и упрямъ. Однажды, когда гувернантка хотѣла его наказать, онъ вскочилъ на самый край окошка и грозилъ, что спрыгнетъ, если его не простятъ. Еще въ дѣтствѣ въ немъ начали развиваться солдатскія наклонности: онъ бросилъ въ огонь свой халатъ, богато вышитый золотомъ, и любилъ мазать свое лицо саломъ и лежать на солнцѣ, чтобы почернѣть и походить цвѣтомъ лица на стараго солдата. Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ свою мать, потому что она его баловала и была съ нимъ нѣжна, но онъ не подчинялся ея вліянію; къ блеску и придворнымъ церемоніямъ, которыми забавлялся его отецъ, онъ рано выказывалъ самое сильное пренебреженіе.

По настоянію Софіи-Шарлотты воспитателемъ кронпринца былъ назначенъ графъ Дона, человѣкъ умный, благородный и въ высшей степени свѣтскій и преданный королевѣ. Онъ былъ ученикомъ Бейля, и вліяніе этого скептика, котораго Софія-Шарлотта очень уважала, можетъ-быть, и было причиной, почему графъ ей нравился. Но выборъ учителей для кронпринца былъ неудаченъ, и его ничѣмъ нельзя было пріохотить къ ученію. Всѣ мѣры, къ которымъ прибѣгала Софія-Шарлотта, были напрасны и вселяли ему только большее отвращеніе отъ занятій. Его подвергали экзамену въ присутствіи всего двора; его заставляли письменно вычислять свои недостатки и проступки, брали съ него обѣщаніе слушаться своихъ родителей, быть вѣжливѣе, внимательнѣе и избѣгать общества низшихъ придворныхъ слугъ. Софія-Шарлотта старалась сама занимать его чтеніемъ и бесѣдой, заставляла его принимать участіе въ драматическихъ представленіяхъ и маскарадахъ, которые она устроивала съ помощью своихъ придворныхъ. Но въ мальчикѣ все болѣе и болѣе развивалась страсть къ военнымъ упражненіямъ. Онъ составилъ себѣ *потѣшную* гвардію изъ молодыхъ придворныхъ, проводилъ съ нею все свое время и тратилъ на ея обмундировку всѣ деньги, которыя получалъ.

Поведеніе сына часто огорчало Софію-Шарлотту. Однажды она была свидѣтельницею, какъ 14-лѣтній принцъ таскалъ за волосы своего родственника, молодаго герцога Курляндскаго; въ другой разъ— какъ онъ сбросилъ съ лѣстницы своего камеръ-юнкера. Съ придворными дамами принцъ былъ грубъ и невѣжливъ, что происходило болѣе отъ того, что онъ не умѣлъ себя держать и скрывалъ свою неловкость подъ грубыми формами. Софія-Шарлотта не рѣшалась прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Она только холодно и строго выговаривала принцу, что онъ поступаетъ дурно. Но въ письмахъ къ своему другу

она высказывала свое глубокое горе. „У меня горе, моя милая Пёльницъ, хочу облегчить себя, сообщивъ его вамъ. Кромѣ поводовъ, вамъ извѣстныхъ, у меня есть еще одинъ, который вы по дружбѣ ко мнѣ предчувствовали. Мой сынъ, котораго я считала только живымъ и пылкимъ, выказалъ такую жесткость, что она вѣрно происходитъ отъ дурнаго сердца. Нѣтъ, говоритъ Бюловъ, это было только изъ скупости. Боже, тѣмъ хуже! скупость въ такомъ нѣжномъ возрастѣ! Отъ другихъ пороковъ исправляются, а этотъ увеличивается: и притомъ, какъ важенъ этотъ порокъ по слѣдствіямъ, которыя онъ влечетъ за собою! Можетъ ли состраданіе найдти доступъ къ сердцу, въ которомъ господствуетъ корысть? Дона — честный человѣкъ; въ его чувствахъ есть благородство, но и его недостатокъ — духъ разчетливости, а трудно исправить отъ порока, который внутренно одобряешь. Я ему сдѣлала сильный выговоръ, и такъ какъ это рѣдко случается, я особенно настаивала и припомнила ему всѣ его дурные поступки во многихъ случаяхъ. Къ этому присоединились жалобы на него отъ дамъ, которымъ онъ говоритъ пошлости. Я сильно вспылила. Таковъ ли долженъ быть тонъ благородныхъ душъ? И великодушно ли оскорблять другихъ? Что за грубость ума обращаться съ непристойными словами къ полу, созданному для того, чтобъ быть предметомъ по крайней мѣрѣ вѣжливости со стороны мужчинъ! Аббатъ вошелъ въ то время, когда я читала наставленія. Какъ это величественно, сказалъ онъ: мнѣ кажется, будто передо мною Агриппина, говорящая съ Нерономъ. Въ негодованіи отъ сравненія и въ ужасѣ отъ предзнаменованія, я его приняла очень дурно; онъ вышелъ, дрожа отъ страху, — и я получила его стихи или лучше прилагаемую элегію, за которую онъ получилъ прощеніе. У меня всѣ признаки лихорадочнаго флюса; при этомъ и желчь поднята; но все, что близко къ сердцу, не можетъ не быть чувствительнымъ. Приходите скорѣй раздѣлить мои огорченія и радости. Большое удовольствіе для меня слышать, что вы поправляетесь. Прощайте, прощайте, моя милая“.

Софія-Шарлотта полагала, что на характеръ и развитіе принца могутъ имѣть благодѣтельное вліяніе путешествія и пребываніе при чужихъ дворахъ. Она долго хлопотала, чтобы король послалъ сына въ Голландію, надѣясь, что его пребываніе въ богатой и цивилизованной республикѣ принесетъ ему пользу. Этотъ планъ осуществился слишкомъ поздно. Софію-Шарлотту нельзя упрекать въ излишней слабости относительно сына. Но она полагала, что нельзя переломить

такой упрямый характеръ и что нужно только стараться дать ему болѣе благородное направленіе. Этимъ взглядомъ слѣдуетъ объяснить то, что она однажды писала своему другу. Записка написана карандашемъ на картѣ и свидѣтельствуетъ, въ какомъ волненіи находилась королева: „Скажите графу Дона, чтобы онъ не дѣлалъ препятствій страстямъ королевскаго принца (aux galanteries du prince royal). Любовь развиваетъ умъ (polit l'ésprit) и смягчаетъ нравы. Но пусть онъ направляетъ его вкусъ, чтобъ его выборъ не палъ на недостойное лицо (qu'il ne porte sur rien de bas). Ни одинъ лоскутокъ бумаги не попался мнѣ подъ руки". Софія-Шарлотта находила себѣ утѣшеніе отъ семейныхъ непріятностей въ музыкѣ и въ научныхъ занятіяхъ. Не проходило ни одного дня, чтобъ она сама не играла или не присутствовала на какомъ-нибудь музыкальномъ представленіи. Опера, устроенная ея мужемъ въ Берлинѣ, привлекала туда самыхъ лучшихъ иностранныхъ виртуозовъ. Молодой Гендель также пріѣзжалъ въ Берлинъ, но его отецъ не принялъ предложенія остаться съ нимъ тамъ навсегда. У Софіи-Шарлотты была особенная капелла, которою руководилъ извѣстный въ то время композиторъ Аттиліо Аріости. Софія-Шарлотта до такой степени распространила вкусъ къ музыкѣ, что не только всѣ придворные стали учиться ей, но даже жители Берлина слѣдовали примѣру своей королевы. Интересъ къ наукѣ развился въ Софіи-Шарлоттѣ особенно съ тѣхъ поръ, когда она сблизилась съ Лейбницемъ. Когда она была принцессой, Лейбницъ еще не пріобрѣлъ такого значенія при Ганноверскомъ дворѣ, какъ въ послѣдствіи, да и она сама была слишкомъ молода, чтобъ оцѣнить его. Сближеніе между ними началось гораздо позднѣе, во время частыхъ пріѣздовъ ея въ Ганноверъ. Еще въ 1690-хъ годахъ Лейбницъ былъ довольно чуждъ Софіи-Шарлоттѣ, какъ видно изъ тона ея письма [1]), въ которомъ она его благодаритъ за сообщенныя ей извѣстія: „Вы можете судить изъ этого, какъ я вамъ благодарна за то, что вы были такъ любезны, сообщили мнѣ содержаніе вашей ученой переписки. Предметъ ея такъ труденъ, что необходима была вся точность вашего ума, чтобы сколько-нибудь мнѣ его объяснить. Если вы еще не оста-

[1]) Переписка между Софіей-Шарлоттой и Лейбницемъ была бы однимъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ XVII вѣка, если бы сохранилась вполнѣ. Но къ сожалѣнію, большая часть ея уничтожена по смерти Софіи-Шарлотты по распоряженію прусскаго правительства, вслѣдствіе господствовавшаго тогда опасенія относительно разглашенія государственныхъ тайнъ и вслѣдствіе неуваженія къ историческимъ памятникамъ.

вили вашего намѣренія насъ навѣстить, я воспользуюсь этимъ и буду имѣть удовольствіе увѣрить васъ, что я безконечно цѣню ваши заслуги и всегда буду рада вамъ услужить".

Въ другомъ, сохранившемся письмѣ Лейбница къ курфирстинѣ, онъ излагаетъ ей нѣкоторыя свѣдѣнія изъ палеонтологіи, по поводу мамонтова зуба, который онъ присылаетъ ей въ подарокъ.

Вскорѣ послѣ того Софія-Шарлотта провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Ганноверѣ, и вѣроятно, въ это время Лейбницъ пріобрѣлъ ея полное довѣріе.

Когда въ 1697 году палъ Данкельманъ, Лейбницъ рѣшился воспользоваться этимъ, чтобы съ помощью Софіи-Шарлотты пріобрѣсти вліяніе при Прусскомъ дворѣ. Онъ считалъ необходимымъ болѣе тѣсное сближеніе между Пруссіей и Ганноверомъ и хотѣлъ сдѣлаться орудіемъ этого сближенія. Онъ подалъ обѣимъ курфирстинамъ записку, въ которой изложилъ свой планъ дѣйствія. „Слѣдуетъ воспользоваться тѣмъ, пишетъ онъ, что курфирстина пріобрѣла довѣріе своего супруга, чтобъ укрѣпить это довѣріе и извлечь изъ него всю возможную пользу. Такъ какъ курфирстина Ганноверская во всемъ имѣетъ тѣ же интересы, какъ ея дочь, такъ какъ онѣ очень любятъ другъ друга и естественно, чтобы мать содѣйствовала дочери своими совѣтами, то можно надѣяться, что онѣ взаимною помощью устранятъ непріятности, которыя онѣ претерпѣвали, и пріобрѣтутъ при обоихъ дворахъ достойное ихъ могущество. Только тогда онѣ будутъ въ состояніи примѣнить свой умъ и свои необыкновенныя способности къ пользѣ обоихъ царствующихъ домовъ и возстановить полное единодушіе между своими супругами".

Далѣе Лейбницъ доказываетъ, что нужно дѣйствовать осторожно, и объясняетъ паденіе Данкельмана тѣмъ, что курфирстъ началъ завидовать могуществу, которое пріобрѣлъ его министръ. Такъ какъ переписка не безопасна, то онъ совѣтуетъ избрать лицо, которое могло бы пребывать отъ времени до времени при обоихъ дворахъ и служить посредникомъ. „Для этого назначенія, говоритъ Лейбницъ, я не могу указать никого другаго, кромѣ себя". Затѣмъ онъ описываетъ свое положеніе какъ ученаго и государственнаго человѣка, и подаетъ мысль, чтобы Софія-Шарлотта убѣдила своего мужа поручить ему надзоръ (intendance) надъ науками и художествами, которымъ хотятъ въ Германіи дать „столь похвальное развитіе". Такое порученіе давало бы ему возможность часто пріѣзжать въ Берлинъ, не возбуждая подозрѣнія, подобно тому какъ надзоръ за Вольфенбюттельскою

библіотекой даетъ ему поводъ отправляться туда отъ времени до времени.

„Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, я получилъ бы возможность быть полезнымъ курфирстинамъ моими совѣтами, а черезъ ихъ посредство также курфирсту и кронпринцу. Я могъ бы содѣйствовать общему благу, а также интересамъ и славѣ всѣхъ этихъ высокихъ особъ, преимущественно же курфирстины Ганноверской, благородныя и высокія намѣренія которой мнѣ извѣстны". Онъ обѣщаетъ въ другой разъ подробнѣе поговорить о своемъ планѣ содѣйствовать пользѣ и славѣ обоихъ домовъ, и высказываетъ, что это „особенно важно при настоящихъ обстоятельствахъ, когда могущество Франціи и успѣхъ и ожесточеніе папистовъ грозятъ опаснымъ переворотомъ", если имъ не будутъ противодѣйствовать съ большою ловкостью и энергіей.

Планъ Лейбница не вполнѣ осуществился, потому что Софія-Шарлотта не хотѣла или не могла подчинить мужа своему вліянію. Но Лейбницъ дѣйствительно сдѣлался повѣреннымъ обѣихъ принцессъ и много содѣйствовалъ къ поддержанію добраго согласія между Берлинскимъ и Ганноверскимъ дворами[1]; а черезъ нѣсколько времени ему удалось занять въ Берлинѣ такое положеніе, которое ему дало возможность осуществить одну изъ своихъ любимыхъ идей и положить въ Пруссіи начало серіозному развитію науки.

Мы видѣли, какое значеніе Лейбницъ всегда придавалъ устройству большаго ученаго общества, которое могло бы сосредоточить въ себѣ лучшія силы націи, дать настоящее направленіе разработкѣ всѣхъ наукъ вообще и примѣнить результаты теоретическихъ изслѣдованій

---

[1]) Мы приведемъ въ доказательство отрывокъ изъ его письма къ Софіи изъ Берлина отъ 19 ноября 1701 г.: J'espère que notre cour aura sujet d'être contente de celle-ci. Non seulement les expressions sont les plus obligeantes du monde, mais encore, si on sait ménager les bonnes dispositions, je crois, que c'est justement le temps d'en profiter en bien des choses. Le ministère tâche de plaire à la reine et il a raison; et la reine aussi de son coté en use le mieux du monde. Et comme l'on sait, que rien ne sauroit faire plus de plaisir à la reine, que la bonne intelligênce des deux cours, on est fort disposé à la cultiver. Outre que c'est le grand et véritable intérêt des uns et des autres et que l'on reconnoit, que c'est l'unique moyen de nous sauver tous et la liberté publique: ce qui est aussi le texte ordinaire de mes sermons. Je crois aussi que le temps est plus propre que jamais à pousser l'introduction et à finir cette grande affaire, si on s'y prend comme il faut. Je souhaiterois aussi, que l'affaire de la succession d'Angleterre entroit dans la grande alliance; c'est à quoi on seroit assez disposé à travailler ici», etc.

къ практической жизни и къ благосостоянію народа. Въ учрежденіи такого общества Лейбницъ видѣлъ главный залогъ быстраго развитія общественнаго прогресса.

„Истинная политика (vera politica), говорилъ онъ, заключается въ сознаніи собственной высшей пользы. Высшая же польза всякаго заключается въ томъ, чтобъ быть угоднымъ Богу. Угодно же Богу все, что имѣетъ цѣлью усовершенствованіе человѣческаго рода. Это усовершенствованіе заключается въ томъ, чтобы человѣчество достигло высшей степени могущества и мудрости. Могущество и мудрость человѣка умножаются двоякимъ образомъ: вопервыхъ, если люди развиваютъ науки и художества и дѣлаютъ въ нихъ новыя изобрѣтенія, и вовторыхъ, если они лучше знакомятся съ тѣми, которыя уже извѣстны. Они знакомятся и сживаются съ ними, если съ малолѣтства воспитываются въ благочестіи, умѣренности, въ заботахъ о здравіи, въ скромности, въ трудѣ, вообще во всѣхъ добродѣтеляхъ, если у нихъ отнимается случай къ преступленію, ни добро, ни зло не остаются скрытыми, но первое награждается, а послѣднее встрѣчаетъ неизбѣжную кару, наконецъ, если людей по возможности лишаютъ повода къ враждѣ, а напротивъ приводятъ имъ въ сознаніе необходимости взаимнаго терпѣнія и любви.

„Умножаются науки и художества столько же обширнымъ обмѣномъ мыслей, сколько основательнымъ и глубокимъ изслѣдованіемъ.

„И то, и другое, изобрѣтеніе новаго и распространеніе стараго, можетъ совершаться отдѣльными лицами и соединенными силами ученаго общества. При этомъ очевидно, что соединенныя силы многихъ могутъ быть несравненно плодотворнѣе разсѣянныхъ трудовъ отдѣльныхъ лицъ, подобныхъ песку безъ цемента [1])“.

Но Лейбницу долго не удавалось осуществить свое желаніе. Нѣсколько разъ онъ пытался привести въ исполненіе хоть часть своего первоначальнаго плана и хлопоталъ объ устройствѣ обществъ съ болѣе ограниченною задачей; такъ, напримѣръ, онъ составилъ планъ „нѣмецкаго общества для примѣненія естественныхъ наукъ къ житейскимъ потребностямъ“. Когда онъ опровергъ теорію Декарта объ уклоненіяхъ магнитной стрѣлки, онъ приглашалъ своихъ друзей по всей Германіи составить общество для наблюденія надъ этими уклоненіями, чтобы на основаніи ихъ открыть общій законъ уклоненія магнита.

Мы упоминали уже о томъ, какъ въ 1688 г. онъ хлопоталъ въ Вѣнѣ съ патріотическою цѣлью объ устройствѣ нѣмецко-историческаго

---

[1]) Onno Klopp — Leibniz als Gründer gelehrter Gesellschaften. 1863.

общества подъ покровительствомъ императора для изслѣдованія архивовъ и выясненія правъ императора и имперіи. Всѣ эти попытки оставались тщетными; но наконецъ, Лейбницъ нашелъ въ Берлинѣ благопріятныя условія для своего плана и встрѣтилъ лицо, способное оцѣнить его намѣренія.

Фридрихъ Бранденбургскій былъ не прочь завести у себя различныя ученыя учрежденія; они способствовали, по его мнѣнію, къ славѣ и блеску его царствованія; при немъ были учреждены университетъ въ Галле, нѣсколько лѣтъ спустя Академія художествъ въ Берлинѣ. Правда, можно было думать, что всѣ подобныя учрежденія служили для Фридриха только поводомъ къ торжествамъ и празднествамъ; такъ напримѣръ, основной капиталъ университета въ Галле состоялъ изъ 3.000 талеровъ; на празднества же, которыми Фридрихъ ознаменовалъ основаніе новаго университета, онъ истратилъ 20.000 талеровъ.

За то интересъ его жены къ развитію наукъ былъ гораздо искреннѣе и серіознѣе. Еще въ 1697 году она заявила свое сожалѣніе, что въ Берлинѣ, гдѣ такъ много ученыхъ людей, нѣтъ обсерваторіи и не издаютъ календаря. Объ этомъ узналъ Данкельманъ, который тотчасъ, въ угожденіе ей, составилъ планъ учрежденія обсерваторіи. Извѣстіе объ этомъ оживило надежды Лейбница. Въ своемъ письмѣ къ Кюно онъ высказываетъ свою радость и надежду, что устройство обсерваторіи поведетъ за собою заботы о другихъ наукахъ. „Франція, „продолжаетъ онъ, въ наше время представляетъ въ наукѣ большею частью только посредственности. Если бы намъ удалось направить Нѣмцевъ на этотъ путь, они, можетъ-быть, скоро могли бы состязаться въ наукѣ съ цѣлой Европой“.

Вскорѣ послѣ того въ Берлинѣ возникъ планъ предложить Лейбницу мѣсто прусскаго исторіографа, которое освободилось послѣ смерти Пуфендорфа. Изъ письма Яблонскаго къ Лейбницу извѣстно, что объ этомъ велись переговоры между министрами Шпангеймомъ и Фуксомъ; отчего дѣло не состоялось, намъ не вполнѣ извѣстно. Какъ кажется, главною причиной было финансовое затрудненіе Берлинскаго двора, тратившаго свои средства на увеселенія и празднества. Можетъ-быть, въ Берлинѣ не понравилось также, что Лейбницъ соглашался принять мѣсто съ тѣмъ только, чтобъ ему позволили окончить его исторію Брауншвейгскаго дома.

Въ связи съ устройствомъ обсерваторіи находилось исправленіе календаря. Какъ извѣстно, протестанты въ Германіи въ то время придерживались еще стараго Юліанскаго календаря.

Профессоръ математики въ Іенѣ Вейгель, учитель Лейбница, одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе протестантовъ на необходимость принять Грегоріанскій календарь. Лейбницъ тотчасъ же принялъ участіе въ этомъ движеніи. Онъ обратилъ вниманіе, что при этомъ слѣдовало бы избѣгнуть ошибокъ Грегоріанскаго календаря, особенно относительно вычисленія Пасхи, — ошибокъ, которыя были указаны не только протестантскими, но и католическими астрономами. Лейбницъ вступилъ по этому поводу въ переписку съ лучшими тогдашними астрономами: Рёмеромъ [1]), Біанкини и др., а также съ Парижскою Академіей Наукъ, чтобы придти съ ними къ соглашенію. Согласно съ его указаніями были даны инструкціи Ганноверскому послу въ Регенсбургѣ, которыя большею частью были написаны самимъ Лейбницемъ. И въ Берлинѣ также заинтересовались дѣломъ исправленія календаря. Лейбницъ воспользовался этимъ и подалъ мысль употребить барышъ отъ изданія привилегированнаго календаря въ пользу ученаго общества. Его мысль понравилась курфирсту, и весной 1700 года Фридрихъ одобрилъ проектъ, составленный Яблонскимъ, основать въ Берлинѣ Академію Наукъ и обсерваторію. Софія-Шарлотта въ это время находилась въ Ганноверѣ, и отъ нея Лейбницъ узналъ, что ихъ давнишнее желаніе приходитъ въ исполненіе. Лейбницъ тотчасъ отправилъ въ Берлинъ двѣ записки объ основаніи академіи, которыя очень понравились курфирсту. Онъ велѣлъ поспѣшить исполненіемъ проекта и пригласить самого Лейбница въ Берлинъ.

Такимъ образомъ желаніе Лейбница, выраженное имъ въ упомянутой нами запискѣ, получить официальное назначеніе въ Берлинѣ, осуществилось, и въ маѣ Лейбницъ прибылъ туда въ свитѣ Софіи-Шарлотты. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, и его присутствіе ускорило основаніе предполагавшейся Академіи Наукъ. 11-го іюля 1700 г. былъ изданъ уставъ академіи, въ которомъ нельзя не признать вліянія Лейбница. На другой день онъ былъ назначенъ президентомъ академіи, которая, впрочемъ, еще не имѣла ни одного члена. Въ то же время ему дали чинъ Бранденбургскаго тайнаго юстицъ-совѣтника, и онъ обязался жить отъ времени до времени въ Берлинѣ, насколько это ему позволяли его занятія въ Ганноверѣ.

Академія въ Берлинѣ должна была отличаться тремя особенностями отъ существовавшихъ уже академій въ Парижѣ и Лондонѣ. Она должна была имѣть *національный* характеръ и поэтому заботиться

[1]) Dutens — Leibnitii opera omnia. T. IV. Pars II.

о сохраненіи чистоты нѣмецкаго языка, объ изслѣдованіи нѣмецкой политической и церковной исторіи и обо всемъ, что „касалось славы и чести нѣмецкаго народа“.

Потомъ новая академія должна была имѣть практическое направленіе. Лейбницъ не хотѣлъ, чтобы академики руководствовались одною отвлеченною любознательностью и занимались только теоретическою наукой; онъ требовалъ, чтобъ они изучали бытъ народа, состояніе торговли и промышленности, земледѣлія, народнаго продовольствія и вообще всѣ отрасли народной дѣятельности, и старались бы объ ихъ улучшеніи посредствомъ примѣненія теоретической науки. Поэтому уставъ вмѣнялъ академикамъ въ обязанность вступать въ сношенія со всѣми административными вѣдомствами, собирать съ ихъ помощью всѣ необходимыя свѣдѣнія и въ свою очередь давать имъ всевозможные полезные совѣты.

Геніальная мысль Лейбница не осуществилась до нашего времени. Теперь учреждаютъ статистическіе комитеты, географическія и этнографическія общества, торговыя коммиссіи, санитарные и педагогическіе комитеты и пр., но все это разрозненно, случайно, не представляетъ никакого единства, рѣдко одушевлено истинными научными стремленіями и поэтому не приноситъ настоящей пользы. Въ умѣ Лейбница всѣ эти изысканія, направленныя къ улучшенію народнаго благосостоянія, представляли одно стройное цѣлое. По его идеѣ эти изысканія должны были производиться по одному плану, подъ руководствомъ академіи, то-есть, собранія лучшихъ ученыхъ въ странѣ. Тогда теоретическая наука и практическое ея примѣненіе шли бы рука объ руку, взаимно направляли и оживляли другъ друга. Академія съ своими подраздѣленіями сдѣлалась бы совѣтницей правительства и администраціи, сокровищницей всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ въ данную эпоху, и лучшею школой не только для науки, но и для государственной службы. Въ наше же время академіи представляютъ только пріютъ для заслуженныхъ ученыхъ, одиноко трудящихся надъ своими спеціальными задачами и мало извѣстныхъ народу, ибо имена ихъ знакомы только спеціалистамъ. Вліяніе ихъ ограничено тѣсной сферой, и дѣятельность ихъ не находится ни въ какой связи съ многочисленными офиціальными комитетами и частными обществами различныхъ наименованій, которыя часто накопляютъ сырой матеріалъ свой безъ знанія, безъ интереса и безъ пользы.

Третья особенность Берлинской академіи, внесенная въ уставъ по желанію Лейбница, заключалась въ обязанности *распространять*

христіанство посредствомъ миссіонеровъ. При этомъ Лейбницъ, какъ справедливо замѣчаетъ Гурауеръ [1]), имѣлъ столько же въ виду политическую, сколько и религіозную цѣль; онъ разумѣлъ подъ этимъ распространеніе цивилизаціи, а европейская цивилизація, по его убѣжденіямъ, была въ тѣсной связи съ христіанствомъ. Академія должна была посылать миссіонеровъ въ Китай и Японію, чтобы вмѣстѣ съ европейскою наукой перенести туда проповѣдь Евангелія. „Пусть земная наука, писалъ Лейбницъ, будетъ для этихъ народовъ, обрѣтающихся во мракѣ, подобно звѣздѣ, сіявшей восточнымъ волхвамъ, и пусть она приведетъ ихъ къ истинному, божественному свѣту“. Но въ то же время христіанскіе миссіонеры должны были заимствовать въ Китаѣ и Японіи тамошнюю цивилизацію, которой въ то время придавали преувеличенное значеніе, „для того чтобы между обѣими половинами земнаго шара производился не только обмѣнъ товаровъ, но и обмѣнъ свѣта и мудрости“.

Со времени основанія академіи и назначенія Лейбница ея президентомъ онъ сталъ часто пріѣзжать въ Берлинъ и сдѣлался близкимъ человѣкомъ для Софіи-Шарлотты. Онъ сталъ не только ея совѣтникомъ въ политическихъ дѣлахъ, но и руководителемъ ея занятій. Софія-Шарлотта повѣряла ему свои сомнѣнія, требовала отъ него объясненія всего, что̀ ей казалось загадочнымъ въ жизни, и вскорѣ сдѣлалась внимательной ученицей великаго философа.

До сближенія съ Лейбницемъ ея любимымъ писателемъ былъ Бейль. Онъ былъ тогда моднымъ философомъ для большаго свѣта, но Софіи-Шарлоттѣ кромѣ того нравились въ немъ его скептическій умъ, его благородное ожесточеніе противъ лжи и насилія, его ясность и рѣшительность въ самыхъ темныхъ вопросахъ науки. Софія-Шарлотта всегда возила съ собой его сочиненія и чрезвычайно желала видѣть его самого. Во время ея поѣздки въ Голландію ей пришлось проѣзжать черезъ мѣстечко, въ которомъ жилъ Бейль. Было уже поздно вечеромъ, но она тотчасъ послала за нимъ. Бейль былъ нездоровъ и долженъ былъ отказаться отъ приглашенія. Но Софія-Шарлотта настаивала, и тогда Бейль пріѣхалъ къ ней въ Гагу вмѣстѣ съ Банажемъ, другимъ французскимъ литераторомъ и ученымъ, который также по причинѣ религіи долженъ былъ эмигрировать изъ Франціи. Софія-Шарлотта была съ своею матерью, и принцессы долго бесѣдовали съ обоими учеными о самыхъ интересныхъ вопросахъ. Онѣ предлагали

---

[1]) Guhrauer — Leibnitz's Biographie. II, p. 194.

имъ даже принять ихъ въ число своихъ спутниковъ, но этотъ планъ не состоялся.

Контрастъ, который существуетъ между Бейлемъ и Лейбницемъ, будетъ вѣчно существовать въ человѣчествѣ между отдѣльными людьми и между цѣлыми эпохами. Бейль — представитель пытливаго честнаго сомнѣнія, которое видитъ только одну сторону дѣла и опрометчиво отвергаетъ то, что̀ не подходитъ подъ его ограниченную мѣрку. Лейбницъ — представитель глубокаго синтеза, который не останавливается на противорѣчіяхъ, но миритъ ихъ въ высшемъ, гармоническомъ единствѣ. Бейль и Лейбницъ всего болѣе расходились въ вопросѣ объ отношеніяхъ вѣры и разума. Бейль не отвергалъ религіи, какъ матеріалисты XVIII вѣка, которые отчасти вышли изъ его школы, но онъ находилъ, что между вѣрой и разумомъ заключается неразрѣшимое противорѣчіе, что человѣкъ долженъ примириться съ этимъ противорѣчіемъ, вѣрить, если можетъ, но не льстить себя тщетною надеждой, что онъ въ состояніи постигнуть тайны Откровенія. Для Лейбница этого противорѣчія не было: для него, какъ мы видѣли, разумъ былъ также откровеніемъ и не могло быть разногласія между двумя откровеніями того же Божества.

Лейбницъ старался противодѣйствовать вліянію Бейля, которымъ увлекалась Софія-Шарлотта. Онъ отвѣчалъ на сомнѣнія и возраженія Бейля, оправдывалъ всемірный разумъ отъ упрековъ, которые дѣлалъ ему человѣкъ за противорѣчія между нравственными законами и дѣйствительностью, за отсутствіе справедливости въ мірѣ, гдѣ человѣкъ несетъ тяжкую отвѣтственность за свои дѣйствія и въ то же время физическими законами и божественнымъ предназначеніемъ лишенъ свободы воли и дѣйствія, за безконечное физическое и нравственное зло въ мірѣ, отъ котораго страдаетъ человѣчество. Изъ этихъ бесѣдъ съ Софіей-Шарлоттой вышла *Теодицея* Лейбница, въ которой онъ старался раскрыть предъ королевой гармонію, господствующую въ мірѣ и ясную для всякаго, кто не останавливается на частностяхъ и старается обнять мірозданіе въ его цѣлости и въ его вѣчномъ развитіи. Для этого Лейбницъ придумалъ гипотезу, которая составляетъ вѣнецъ его философской системы.

Гипотеза Лейбница о *лучшемъ мірѣ*, который Божество избрало изъ безконечнаго множества возможныхъ міровъ, носитъ на себѣ отпечатокъ личности философа и той эпохи, въ которую онъ жилъ, и поэтому, какъ всякое индивидуальное рѣшеніе, имѣетъ только относительную цѣну. Но основная мысль ея вѣрна: это — попытка примирить

права индивидуальнаго существованія съ безпредѣльною жизнію міроздания, предъ которымъ повидимому безслѣдно исчезаетъ всякое отдѣльное бытіе. Человѣкъ всегда будетъ искать этого примиренія и всегда будетъ находить его, въ поэтическомъ ли пантеизмѣ Спинозы и Шеллинга, или на почвѣ христіанства, какъ философія Лейбница.

Теодицея кажется чуждой нашему времени, потому что она столько же богословское, сколько и философское сочиненіе, а нашъ вѣкъ отвыкъ отъ богословскихъ споровъ. Но въ свое время она соотвѣтствовала настоятельной потребности, и поэтому была съ интересомъ встрѣчена всѣми классами общества и произвела сильное впечатлѣніе на читателей. Въ XVII вѣкѣ вопросы, обсуждаемые Лейбницемъ въ Теодицеѣ, преимущественно же вопросы объ отношеніи человѣка къ Богу, о свободной волѣ и предназначеніи серіозно тревожили общество, порождали религіозныя партіи, которыя принимали политическій характеръ и своей борьбой имѣли глубокое вліяніе на судьбы государствъ. Изъ-за этихъ вопросовъ враждовали между собой янсенисты и молинисты въ католицизмѣ, арминіане и гомаристы, реформаты и лютеране. Бейль считалъ эти вопросы безвыходнымъ лабиринтомъ и вообще признавалъ всѣ богословскіе споры безполезными; онъ старался уменьшить интересъ къ нимъ для того, чтобы на нихъ не тратили напрасно времени и труда. Лейбницъ съ своей стороны также полагалъ необходимымъ покончить съ этими вопросами, но потому что онъ считалъ ихъ разрѣшенными. Онъ предлагалъ объясненіе, которое, по его мнѣнію, должно было удовлетворить всѣ враждующія партіи — приверженцевъ предназначенія и защитниковъ свободной воли, какъ между протестантами, такъ и между католиками.

Теодицея, кромѣ философскаго, имѣетъ еще особенное историческое значеніе. Ею заканчивается богословскій періодъ въ развитіи западно-европейскихъ народовъ: вопросы, которыми она занимается, относятся еще къ этому богословскому періоду, но способъ ихъ разрѣшенія и самое разрѣшеніе ихъ заимствованы уже изъ другаго періода. Такимъ путемъ идетъ вообще развитіе человѣческаго духа; человѣкъ долго колеблется между противоположными крайностями; наконецъ, онъ становится выше ихъ: тогда онъ находитъ разрѣшеніе, которое примиряетъ противоположности и вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ его въ новый кругъ понятій и въ новые интересы. Этимъ объясняется судьба Теодицеи; она, какъ мы сказали, произвела сильное впечатлѣніе и многимъ понравилась, но почти не вызвала возраженій

и критикъ. Общество было пресыщено богословскими спорами; оно было радо найдти примиреніе и выйдти изъ заколдованнаго круга старыхъ спорныхъ понятій.

Внѣшняя форма Теодицеи объясняется ея происхожденіемъ. Софія-Шарлотта читала съ Лейбницемъ сочиненія Бейля, преимущественно его философскій лексиконъ, и просила его объяснять ихъ и дѣлать къ нимъ свои замѣчанія. Эти замѣчанія Лейбницъ иногда представлялъ ей письменно, и такъ какъ они нѣсколько разъ принимались за чтеніе Бейля, то Лейбницу пришлось нерѣдко повторять свои идеи въ новомъ изложеніи. По смерти Софіи-Шарлотты, друзья Лейбница уговорили его напечатать записки, составленныя для королевы. Потому-то Теодицея состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, однородныхъ по содержанію. Въ Теодицеѣ нѣтъ строгой системы, она написана очень популярно, и для бо̀льшаго интереса богословскія и философскія разсужденія часто прерываются эпизодами изъ исторіи философіи, изъ политической исторіи и изъ другихъ наукъ, характеристиками современниковъ, которыхъ Лейбницъ зналъ лично или по ихъ сочиненіямъ, и наконецъ, даже анекдотическими разказами. Оттого книга въ наше время читается очень легко и не лишена историческаго интереса.

Софія-Шарлотта не всегда бывала удовлетворена объясненіями и уроками Лейбница. Ей казалось, что онъ излагаетъ ей свое ученіе слишкомъ поверхностно, и она требовала отъ него болѣе опредѣленныхъ объясненій. „Ma chère Poellnitz, пишетъ она однажды своему другу, voici une lettre de Leibnitz, que je vous envoie. J'aime cet homme, mais j'ai envie de me fâcher de ce qu'il traite tout si superficiellement avec moi. Il se défie de mon génie, car rarement il me répond avec précision sur les matières que j'agite“. Лейбницъ, съ своей стороны, жаловался, что она дѣлаетъ ему слишкомъ затруднительные вопросы. Она хочетъ знать причину причинъ (das Warum des Warum), говорилъ онъ, какъ разказываетъ внукъ Софіи-Шарлотты, Фридрихъ Великій.

Она жила въ идеяхъ Лейбница и примѣняла ихъ иногда очень мило къ окружавшей ее обстановкѣ. „На дняхъ, пишетъ она однажды, Лейбницъ прочелъ мнѣ лекцію о безконечно-малыхъ (величинахъ); кто, мой другъ, знакомъ лучше меня съ этими существами“ [1])?

Кромѣ Лейбница и другіе изъ современныхъ ученыхъ или мыслителей старались расположить королеву въ пользу своихъ идей, и она

---

[1]) Dernièrement Leibnitz m'a fait une dissertation sur les infiniment petits; qui mieux, que moi, ma chère est au fait de ces êtres?

съ интересомъ слушала или опровергала ихъ. Между послѣдними особенно замѣчателенъ Толандъ, глава секты англійскихъ раціоналистовъ. Онъ былъ сыномъ католическаго священника въ Ирландіи, который отрекся отъ него и изгналъ изъ своего дома. Возмущенный этимъ поступкомъ, онъ рано исполнился ненависти къ католической церкви и принялъ протестантизмъ. Еще юношей онъ мечталъ объ основаніи особой секты, которая была бы свободна отъ предразсудковъ и отличалась вѣротерпимостью. Непріязнь, съ которой англійскіе богословы приняли его первыя сочиненія, внушила ему еще большее отвращеніе отъ господствовавшей богословской системы, и онъ впалъ въ раціонализмъ. Вскорѣ появилось важнѣйшее его сочиненіе, въ заглавіи котораго онъ уже вполнѣ выразилъ основаніе своихъ убѣжденій. „Христіанство не мистерія,— сочиненіе, доказывающее, что Евангеліе не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что̀ противорѣчило бы разуму или превосходило его, и что христіанское ученіе не можетъ собственно быть названо таинственнымъ“ (a mystery). Это сочиненіе вызвало въ Англіи сильное негодованіе и было публично осуждено присяжными Мидльсекса. Но Толандъ пріобрѣлъ себѣ много друзей другимъ своимъ сочиненіемъ политическаго характера: «Angiia liberata», въ которомъ онъ энергически высказывался въ пользу приглашенія Ганноверскаго дома на англійскій престолъ. Лордъ Меклефильдъ, отправленный въ Ганноверъ для того, чтобы поднести Софіи актъ признанія ея правъ на англійскій престолъ, охотно принялъ Толанда въ свою свиту. Въ Ганноверѣ Толанда привѣтствовали очень радушно, не только какъ приверженца династіи, но и какъ человѣка интереснаго по своимъ убѣжденіямъ. Сама Софія много говорила и спорила съ нимъ о религіозныхъ предметахъ. Лейбницъ отдавалъ полную справедливость его способностямъ и такту, съ которымъ онъ держалъ себя при дворѣ; но когда до него дошли свѣдѣнія, что въ Англіи смотрятъ не совсѣмъ благопріятно на то, что будущая королева выказываетъ такое участіе къ ненавистному *атеисту*, онъ предостерегалъ Софію, чтобъ она держала себя осторожнѣе.

Между тѣмъ Софія-Шарлотта такъ заинтересовалась Толандомъ, что пожелала его видѣть, и онъ съ удовольствіемъ отправился въ Берлинъ. Тамъ его пріемъ былъ еще почетнѣе. Даже король и его любимецъ Вартенбергъ оказывали ему самое лестное вниманіе. Толандъ надѣялся, что пріобрѣтетъ въ Берлинѣ много приверженцевъ и особенно старался склонить королеву къ своимъ убѣжденіямъ. Это было, однако, не легко: Софія-Шарлотта слишкомъ привыкла къ философскимъ

разсужденіямъ и религіознымъ спорамъ, чтобъ увлечься первыми новыми для нея доводами. Когда она не могла сама справиться съ своимъ противникомъ, она привлекала къ спору другихъ, которые были сильнѣе ея, и съ интересомъ слѣдила за ходомъ преній. До насъ дошло подробное описаніе такого спора, устроеннаго Софіей-Шарлоттой между Толандомъ и придворнымъ проповѣдникомъ изъ французскихъ эмигрантовъ Бособромъ, человѣкомъ очень умнымъ и чрезвычайно ученымъ и краснорѣчивымъ, котораго еще долго послѣ его смерти называли великимъ Бособромъ. Онъ самъ записалъ весь свой споръ съ Толандомъ. Однажды, разказываетъ Бособръ, онъ пріѣхалъ вечеромъ въ Люценбургъ; Софія-Шарлотта была занята игрой въ карты, но замѣтивъ его, просила подождать ее. Кончивъ игру, она подошла къ нему и сказала, подводя его къ Толанду: „Вотъ иностранецъ, который не согласенъ съ нами относительно религіи. Онъ подрываетъ основаніе нашей вѣры и хочетъ внушить намъ недовѣріе къ Священному Писанію: вы пришли кстати насъ защитить". Между Толандомъ и Бособромъ начался длинный разговоръ о достовѣрности книгъ Новаго Завѣта и о справедливости нѣкоторыхъ сообщенныхъ въ нихъ извѣстій. Доводы, которые приводилъ Толандъ, были довольно слабы, согласно съ тогдашнимъ состояніемъ экзегетики. Они главнымъ образомъ вращались около положенія, что въ книгахъ Новаго Завѣта заключается много невѣроятнаго, и потому необходимо доказать, что онѣ заслуживаютъ больше довѣрія, чѣмъ другія книги историческаго содержанія, гдѣ встрѣчаются подобныя затрудненія. Бособръ съ своей стороны требовалъ положительныхъ доказательствъ, что новозавѣтныя книги позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, или что въ нихъ находятся позднѣйшія вставки; затѣмъ онъ приводилъ различные нравственные доводы въ пользу своихъ убѣжденій. Вообще каждый изъ нихъ съ бо́льшимъ искусствомъ отыскивалъ слабыя стороны противника, чѣмъ защищалъ себя отъ его нападеній. Пренія подъ конецъ приняли непріятный оборотъ, и королева поспѣшила прервать ихъ.

Толандъ былъ чрезвычайно доволенъ пріемомъ въ Берлинѣ и особенно свободой, съ которой ему позволяли высказывать свои убѣжденія. Онъ говорилъ, что никогда не встрѣчалъ такой терпимости и свободы, какъ при дворѣ Софіи-Шарлотты. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, Лейбницъ писалъ королевѣ: „Толандъ грозитъ намъ изданіемъ своего путешествія, въ которомъ будутъ также помѣщены ваши бесѣды съ нимъ. Что́ дѣлать, нельзя запретить людямъ говорить, особенно Ан-

гличанамъ". Впрочемъ Толандъ не торопился. Въ 1704 г., онъ издалъ „Письма къ Серенѣ", о которыхъ говорили, что они будто бы писаны имъ къ Софіи-Шарлоттѣ. Затѣмъ онъ дѣйствительно издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ говорилъ съ величайшею похвалой о Софіи-Шарлоттѣ. Случилось такъ, что ему принесли корректурный листъ, на страницахъ котораго заключалась характеристика Прусской королевы, въ тотъ самый день, когда онъ узналъ о ея смерти. Онъ почти ничего не измѣнилъ, и прибавилъ только, что его описаніе, которое при жизни королевы могло казаться лестью, теперь, послѣ ея смерти, будетъ заслуживать тѣмъ бо̀льшаго довѣрія.

Софія-Шарлотта чрезвычайно любила ученыя пренія и при этомъ удивляла всѣхъ ясностью своего сужденія, особенно же своимъ тактомъ и гуманностью, съ которой она относилась къ своему противнику. Вскорѣ послѣ Толанда въ Берлинъ пріѣхалъ іезуитъ Вота, исповѣдникъ Польскаго короля. Это былъ чрезвычайно умный и ученый старикъ, и какъ всѣ іезуиты, ловкій дипломатъ. Софія-Шарлотта вступала съ нимъ нѣсколько разъ въ разговоръ о католицизмѣ, и когда ей казалось, что онъ возражаетъ ей не довольно серіозно, она приглашала на помощь своихъ придворныхъ проповѣдниковъ Бособра и Ланфана. Пренія между богословами принимали иногда ожесточенный характеръ, такъ что королева нѣсколько разъ не могла воздержаться отъ улыбки и останавливала спорившихъ. Вота былъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что увлекался и забывалъ свое обыкновенное хладнокровіе и вѣжливость. По отъѣздѣ изъ Берлина онъ написалъ королевѣ письмо съ большими комплиментами, обвинялъ себя въ неумѣренности и еще больше своихъ противниковъ.

Софія-Шарлотта такъ заинтересовалась предметомъ преній, что хотѣла продолжать ихъ и съ отсутствующимъ противникомъ. Она поручила Ланфану составить ей нужный матеріалъ и на основаніи его написала Вотѣ письмо, въ которомъ излагала взглядъ протестантовъ на нѣкоторыхъ отцовъ церкви и на первые вселенскіе соборы. Письмо написано чрезвычайно живо и увлекательно, не смотря на то, что довольно длинно. Софія-Шарлотта благодаритъ Воту очень любезно за его комплименты и успокоиваетъ его насчетъ упрековъ, которые онъ себѣ дѣлалъ. Увлеченіе реформатскихъ богослововъ она объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, „что Вота говорилъ съ такимъ пренебреженіемъ о разумѣ, который долженъ бы быть единственнымъ авторитетомъ въ мірѣ и которому, прибавляетъ она любезно, вы сами столь многимъ обязаны. Впрочемъ, продолжаетъ она, я не удивляюсь, что вы въ

странѣ свободы въ столь короткое время услышали такія вещи, какія и въ 40 лѣтъ вамъ не пришлось слышать въ странѣ авторитета, ибо въ этихъ двухъ странахъ говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ".

Свое разсужденіе, въ которомъ она съ большою скромностью скрывается за ученостью своихъ руководителей, Софія-Шарлотта заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „Но что̀ вы скажете о томъ, что я пустилась въ богословскій океанъ? Я рѣшилась на это, довѣряясь моимъ кормчимъ. Если я по ихъ винѣ заблужусь, то вы, надѣюсь, на столько окажетесь моимъ другомъ, чтобы вывести меня на настоящій путь" [1]).

Хотя Софія-Шарлотта вообще не входила въ политику своего супруга, она приняла однако дѣятельное участіе въ томъ дѣлѣ, которое было ему дороже всего — въ пріобрѣтеніи для него королевскаго титула. Лѣтомъ 1700 года Софія-Шарлотта отправилась съ своею матерью въ Бельгію и Голландію, чтобы видѣться съ Вильгельмомъ III и курфирстомъ Баварскимъ Максимиліаномъ-Эммануиломъ, испанскимъ намѣстникомъ въ Брюсселѣ, и расположить ихъ въ пользу Прусскаго двора. Принцессы исполнили свое порученіе съ большимъ успѣхомъ, и можно думать, что этому успѣху не мало способствовали красота и любезность Софіи-Шарлотты. Она даже не пренебрегала кокетствомъ, если вѣрить разказу, сохранившемуся о ея поѣздкѣ въ Брюссель. Курфирстъ Баварскій былъ неравнодушенъ къ обаянію женской красоты и выказывалъ большое вниманіе къ Софіи-Шарлоттѣ. Но жена его, дочь Яна Собѣсскаго, была крайне ревнива и завистлива къ красотѣ другихъ женщинъ, хотя сама была очень красива. Чтобы не встрѣчаться съ Софіей-Шарлоттой, она сказалась больной и не выходила изъ комнаты все время, пока та находилась въ Брюсселѣ. Говорятъ, что по этому поводу Софія-Шарлотта сказала курфирсту: „Не желая себѣ льстить, я полагаю, что была бы для васъ болѣе подходящею женой, чѣмъ ваша теперешняя. Вы охотникъ до удовольствій, я ничего не имѣю противъ нихъ; вы любите уха-

---

[1]) Mais que direz-vous de moi, monsieur, de m'être ainsi embarquée sur l'océan ecclésiastique? C'est sur la bonne foi de mes pilotes; s'ils m'ont fait égarer, je vous crois assez de mes amis pour me remettre dans le bon chemin. Je souhaite au reste, que Dieu vous conserve la vie et la santé, pour reprendre quelque jour celui de Berlin, où vous trouverez toujours des esprits disposés à la recherche de la vérité de la manière que vous le proposez si bien à la fin de votre lettre.

живать, я не ревнива; вамъ бы никогда не пришлось видѣть меня сердитой, и я думаю, что мы были бы съ вами очень счастливы“.

Вильгельмъ Оранскій обѣщалъ Софіи-Шарлоттѣ признать ея мужа королемъ отъ имени Англіи и Голландіи, а Максимиліанъ обѣщалъ послѣдовать примѣру морскихъ державъ, не дожидаясь признанія со стороны императора. Вскорѣ, впрочемъ, было получено и послѣднее. Прусскіе дипломаты долго хлопотали объ этомъ въ Вѣнѣ безъ всякаго успѣха; даже значительные подарки, которые они обѣщали императорскимъ министрамъ, не привели къ цѣли; наконецъ, прусскій повѣренный, введенный въ ошибку шифрованною депешей, которой онъ не разобралъ, обратился къ ходатайству іезуитскаго патера Вольфа, пользовавшагося большимъ расположеніемъ императора. Іезуиты, польщенные тѣмъ, что могущественный протестантскій государь заискиваетъ ихъ покровительства, помогли ему своимъ вліяніемъ, и Прусскій король былъ возведенъ въ королевскій санъ,—правда, цѣною тяжкихъ обязательствъ относительно Австріи, готовившейся вступить въ борьбу съ Франціей за Испанское наслѣдство.

Фридрихъ едва дождался своего признанія со стороны императора, какъ уже началъ дѣлать самыя громадныя приготовленія для своей коронаціи въ Кёнигсбергѣ. Софія-Шарлотта, только-что возвратившаяся изъ своего путешествія, должна была собираться въ новый путь. Фридрихъ Великій разказываетъ, будто бы она сказала одной изъ своихъ дамъ, что она съ отчаяніемъ думаетъ о церемоніяхъ и празднествахъ, которыя ей предстоятъ. А Лейбницу будто бы она написала въ это время: „Не думайте, чтобъ я предпочитала это величіе и эти короны, которымъ здѣсь придаютъ такое значеніе, прелести нашихъ философскихъ бесѣдъ въ Люценбургѣ“. Торжество коронаціи превосходило все, что когда-либо было видано при этомъ помѣшанномъ на церемоніяхъ дворѣ. Фридрихъ отправился въ Кёнигсбергъ съ такой громадной свитой, что она походила на цѣлую армію и что для перевозки ея на каждой станціи требовалось до 30.000 лошадей. Онъ продолжалъ путь только утромъ, и въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, его ждалъ самый великолѣпный пріемъ. Каретой, въ которой сидѣла Софія-Шарлотта, правилъ одинъ изъ братьевъ ея мужа въ парикѣ и придворномъ костюмѣ. Путешествіе изъ Берлина до Кёнигсберга продолжалось 12 дней. Въ день коронаціи костюмы короля и королевы обратили всеобщее вниманіе безумной роскошью своей и цѣнностью каменьевъ и украшеній. Коронація происходила по церемоніалу, опредѣленному въ мельчайшихъ

подробностяхъ самимъ королемъ. Только одинъ неожиданный эпизодъ нарушилъ его торжественность. Софія-Шарлотта, сидѣвшая на престолѣ противъ своего супруга и утомленная продолжительностью церемоніи, вынула свою табакерку, подаренную ей Петромъ Великимъ, и понюхала табаку, полагая, что король этого не замѣтитъ. Но Фридрихъ все замѣтилъ и былъ глубоко возмущенъ этимъ неуваженіемъ къ торжеству; онъ бросалъ на королеву недовольные взгляды и даже послалъ къ ней камергера, чтобы напомнить ей о мѣстѣ, гдѣ она находится, и о ея высокомъ санѣ.

Празднества и увеселенія, слѣдовавшія за коронаціей, продолжались болѣе двухъ мѣсяцевъ и потомъ возобновились въ Берлинѣ. Пока тамъ приготовляли все для торжественнаго въѣзда, Софія-Шарлотта отдыхала нѣсколько дней въ Люценбургѣ и тотчасъ вспомнила о Лейбницѣ. Она поручила Яблонскому пригласить его въ Берлинъ отъ ея имени. А Пёльницъ, приглашая его отъ имени королевы, писала ему, что ихъ уединеніе не слишкомъ скучно, и приводила по этому поводу нѣмецкую поговорку: когда кота нѣтъ дома, мыши прыгаютъ по столамъ и скамьямъ.

Хотя Лейбницъ не присутствовалъ на коронаціи, онъ однако также принесъ свою лепту къ торжеству. Принятіе Бранденбургскимъ курфирстомъ королевскаго титула вызвало въ Германіи множество сочиненій, въ которыхъ оно обсуждалось съ политической и юридической точки зрѣнія. Въ Ганноверѣ въ это время издавался ежемѣсячный критическій журналъ, въ которомъ помѣщались извлеченія и рецензіи всѣхъ вновь выходящихъ сочиненій. Журналъ издавался подъ редакціей Эккарда, помощника Лейбница, но какъ доказалъ Гурауеръ, не только планъ изданія, но и бо̀льшая часть рецензій принадлежали Лейбницу. Въ этомъ *Ежемѣсячномъ Изданіи* были помѣщены также отзывы о сочиненіяхъ, вышедшихъ по поводу коронаціи Прусскаго короля. Лейбницъ собралъ всѣ эти отзывы и извлеченія и издалъ ихъ особо подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ разныхъ, относящихся къ Прусской коронѣ сочиненій“. Онъ предпослалъ своему изданію предисловіе, въ которомъ привѣтствуетъ новое королевство и пророчитъ ему великую славу.

„Созданіе новаго Прусскаго королевства, пишетъ онъ, есть одно изъ величайшихъ событій нашего времени; вліяніе его не будетъ ограничиваться немногими годами, но будетъ столько же продолжительно, сколько благодѣтельно. Это событіе составляетъ украшеніе новаго вѣка, который начался съ возвышенія Бранденбургскаго дома и по-

средствомъ этого блестящаго начала далъ ему такъ-сказать залогъ прочнаго счастія". Въ числѣ статей, составляющихъ сборникъ, мы встрѣчаемъ небольшую оригинальную статейку Лейбница: „О томъ, что̀ необходимо для короля по теперешнему международному праву". Пріемы автора напоминаютъ его большое сочиненіе о международномъ правѣ, о которомъ мы говорили въ IV главѣ [1]). Лейбницъ доказываетъ, что для королевскаго титула необходимы два условія: независимость и могущество. И то и другое нужно признать за Пруссіей: послѣднее положеніе Лейбницъ доказываетъ цифрами и статистическими указаніями. Наконецъ, онъ напоминаетъ о важномъ значеніи, которое новое королевство будетъ имѣть для европейскаго равновѣсія. „Протестанты, говоритъ онъ, должны сознавать, что для нихъ не маловажно возникновеніе четвертаго протестантскаго королевства, которое можетъ теперь оказать имъ болѣе значительную поддержку. А католики, которые принимаютъ къ сердцу благосостояніе Европы, увидятъ съ удовольствіемъ, что вслѣдствіе этого новый король соединяется съ императоромъ болѣе крѣпкою связью".

Въ концѣ сборника помѣщено ученое изслѣдованіе Лейбница въ честь новаго короля: «De Nummis Gratiani Augusti cum gloria novi seculi». Черезъ нѣсколько времени Лейбницъ написалъ еще два сочиненія въ защиту правъ Прусскаго короля по поводу спора объ Оранскомъ наслѣдствѣ. По смерти Вильгельма III, Фридрихъ Прусскій, какъ сынъ принцессы Луизы-Генріетты Оранской, сестры Вильгельма II, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ его владѣній, лежавшихъ во Франціи, Швейцаріи и Германіи, такъ какъ эти владѣнія по завѣщанію могли перейдти къ женской линіи. Но кромѣ Фридриха явились и другіе претенденты, особенно на княжество Оранжъ въ южной Франціи. Этихъ-то споровъ касается сочиненіе: «Information sommaire touchant le droit incontestable de Sa M. le Roi de Prusse etc.», которое, впрочемъ, не совсѣмъ достовѣрно принадлежитъ Лейбницу. Въ числѣ Оранскихъ владѣній были также княжества Невшатель и Валянженъ въ Швейцаріи. Земство этихъ княжествъ высказалось въ пользу правъ Прусскаго короля, который и занялъ ихъ въ 1707 году, не смотря на протестъ дома Конти, притязанія котораго отстаивалъ Людовикъ XIV въ обширномъ сочиненіи: «Traité sommaire du droit de Frédéric, Roi de Prusse, à la Souveraineté de N. et de V.». Лейбницъ доказывалъ съ большою основательностью и въ изящномъ изложеніи права Прусскаго

[1]) Leibnitz's Deutsche Schriften v. Guhrauer II Band, p. 303.

короля. Оно издано, какъ и другія политическія сочиненія Лейбница, анонимно и при появленіи своемъ обратило на себя всеобщее вниманіе.

Хотя Лейбницу на этотъ разъ не удалось быть свидѣтелемъ торжества коронаціи, но онъ имѣлъ нерѣдко случай испытать на себѣ тягости Берлинской придворной жизни съ ея безконечными празднествами и увеселеніями. Въ одномъ письмѣ къ Ганноверской курфирстинѣ Софіи онъ сообщаетъ ей, что наканунѣ онъ только въ 3 часа возвратился изъ Люценбурга и прибавляетъ: „Я веду здѣсь жизнь, которую курфирстина (Софія-Шарлотта) называетъ по моему выраженію безтолковою жизнью (ein liederlich Leben). Я совсѣмъ выбился изъ колеи и нахожусь совершенно внѣ моей стихіи (me voilà donc bien dérangé et bienhors de mon élément)“.

Иногда онъ подробно описывалъ Берлинскія празднества и маскарады для Ганноверской курфирстины, которая интересовалась всѣмъ, что̀ касалось ея дочери. До насъ дошло его описаніе знаменитаго маскарада, который Софія-Шарлотта устроила у себя въ Люценбургѣ и въ которомъ самъ Лейбницъ долженъ былъ играть роль. Это описаніе такъ понравилось Софіи, что она послала его въ Парижъ къ своей племянницѣ, принцессѣ Орлеанской[1]). Мы приведемъ его въ примѣчаніи, потому что оно даетъ хорошее понятіе о придворныхъ нравахъ того времени и можетъ служить дополненіемъ къ подобному празднеству въ Ганноверѣ — пиру Трималціона, который мы описывали въ V главѣ[2]).

---

[1]) Лейбницъ былъ и самъ въ перепискѣ съ герцогиней Орлеанской, но эти письма еще не изданы. Герцогиня намекаетъ о нихъ въ письмѣ къ своей сестрѣ Луизѣ, такъ-называемой раурграфинѣ: Herr Leibniz, dem ich etlich Mahl schreibe, giebt mir die vanitet, dass ich nicht uebel teutsch schreibe, das tröst mich recht, den ich würde recht betrübt sein, wen ich es vergessen sollte. Можетъ-быть, письма герцогини къ нему находятся въ новомъ изданіи ея писемъ, которое только что вышло въ Германіи.

[2]) «Хотя я думаю, что курфирстина сама опишетъ для вашей свѣтлости комическій маскарадъ, или деревенскую ярмарку, которую представляли вчера въ Люценбургскомъ театрѣ, но я также хочу сказать о немъ что-нибудь. Распорядителемъ всего былъ Остенъ, который пользовался расположеніемъ покойнаго Датскаго короля. Все было устроено на̀-скоро, чтобы праздновать 12-го сего числа рожденіе курфирста, хотя 11-е, то-есть, прошлое воскресеніе, настоящій день рожденія. На сценѣ была представлена ярмарка въ деревнѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ находились лавки съ вывѣсками, и въ нихъ продавали за безцѣнокъ ветчину, сосиски, бычачьи языки, вина и лимонадъ, чай, кофе, шоколадъ, и подобные припасы. Сидѣльцами въ лавкахъ были маркграфъ Людвигъ

Эта веселая жизнь въ Берлинѣ была скоро прервана самымъ печальнымъ событіемъ. Зимою 1705 года Софія-Шарлотта была приглашена матерью въ Ганноверъ на карнавалъ. Еще въ день отъѣзда королева чувствовала себя нездоровой, но не хотѣла объ этомъ го-

Христіанъ, Обдамъ, дю-Гамель и другіе. Остенъ, представлявшій доктора-шарлатана, былъ окруженъ арлекинами и паяцами, между которыми пріятно выдавался маркграфъ Альбертъ. У доктора были также свои гимнасты; если не ошибаюсь, то были графъ Сольмсъ и де-Вассенаръ. Но милѣе всѣхъ былъ его фокусникъ, свѣтлѣйшій кронпринцъ, который дѣйствительно научился фокусамъ. Курфирстина была докторшей, которая держала лавочку съ орвіетаномъ (*Орвіетанъ* — цѣлебное средство, считающееся дѣйствительнымъ противъ всѣхъ болѣзней. Оно было извѣстно у Римлянъ подъ названіемъ *терьяки*, а позднѣйшее названіе *Орвіетанъ* происходитъ отъ города Орвіето, гдѣ оно приготовлялось. Императоръ Маркъ Аврелій всегда носилъ при себѣ это средство, какъ противоядіе). Дезалёръ очень хорошо исполнялъ роль зубнаго врача. Представленіе началось торжественнымъ шествіемъ доктора, сидѣвшаго на чемъ-то въ родѣ слона, а докторшу несли на носилкахъ Турки. Фокусникъ, шуты, гимнасты и зубной врачъ слѣдовали за ними, а когда вся свита доктора прошла, начался маленькій балетъ цыганокъ. Изъ придворныхъ дамъ, предводительницей которыхъ была принцесса Гогенцоллернская, къ танцующимъ присоединилось еще нѣсколько лицъ. Потомъ явился астрологъ съ трубкою или телескопомъ въ рукѣ. Эта роль была назначена мнѣ, но графъ Витгенштейнъ милостиво замѣнилъ меня. Онъ дѣлалъ благопріятныя предсказанія его свѣтлости курфирсту, который смотрѣлъ изъ ближайшей ложи. Принцесса Гогенцоллернская, старшая цыганка, стала гадать курфирстинѣ самымъ пріятнымъ образомъ въ очень милыхъ нѣмецкихъ стихахъ, написанныхъ Белеромъ. Квирини былъ лакеемъ докторши, а я помѣстился удобно, чтобы видѣть все вблизи съ помощью маленькой трубки, и потомъ сообщить обо всемъ вашей свѣтлости.

«У фрейлины принцессы Гогенцоллернской болѣли зубы, и зубодергъ, исполняя свое дѣло съ помощью кузнечныхъ клещей, выдернулъ и показалъ зубъ въ руку толщиною: это былъ зубъ моржа. Докторъ, восхваляя подвиги своего зубодерга, представилъ на судъ общества, какая нужна была ловкость, чтобы выдернуть такой зубъ безъ боли. Между больными, которые просили лѣкарствъ, были Альфельдъ и Флеммингъ, датскій и польскій посланники, и нашъ Ильтенъ, одѣтые крестьянами своей страны и каждый съ своей дамой (chacun ayant sa chacune). Супруга великаго маршала играла роль жены зубодерга и помогала ему раскладывать лѣкарства и инструменты; такъ дѣлали и другіе. Многіе съ большимъ искусствомъ придумывали разныя привѣтствія въ честь курфирста и курфирстины, Обдамъ по-фламандски, Флеммингъ какъ истый Поморянинъ, потому что онъ кончилъ такъ: Vivat Friedrich und Charlott!

Wer's nicht recht meint, ist ein Hundsfott.

«Впрочемъ, все это походило на Вавилонское столпотвореніе, потому что всякій говорилъ на своемъ языкѣ; и Обдамъ, чтобы сдѣлать удовольствіе докторшѣ, пропѣлъ пѣсню изъ «Любовь лучшій докторъ», которая оканчивается восхваленіемъ орвіетана и его силы, и конечно, тотъ орвіетанъ, который прода-

ворить, чтобы не дать королю повода запретить поѣздку. Отъ дороги болѣзнь въ горлѣ усилилась. Но и по пріѣздѣ въ Ганноверъ Софія-Шарлотта не хотѣла лѣчиться и появлялась на празднествахъ, которыя были устроены въ ея честь.

Черезъ нѣсколько дней къ боли въ горлѣ присоединилось воспаленіе, и королева опасно занемогла. Медицинскія средства, къ которымъ прибѣгли, оказались теперь недостаточными, и больная поняла, что нѣтъ надежды на спасеніе. Послѣднія минуты жизни Софіи-Шарлотты, спокойствіе, съ которымъ эта ученица Лейбница встрѣтила смерть, представляютъ самый высокій интересъ и бросаютъ болѣе яркій свѣтъ на ея характеръ и на ея убѣжденія, чѣмъ многія подробности о ея жизни. Она употребила послѣднія силы, для того чтобы написать супругу письмо, въ которомъ благодарила его за оказанную ей любовь, и чтобы проститься съ приближенными. Мать ея Софія въ это время сама лежала больная. Вошедшаго къ ней пастора она привѣтствовала словами: „Друзей своихъ узнаешь въ нуждѣ". Когда онъ слишкомъ сталъ распространяться о тщеславіи мірскомъ, о суетѣ всякаго величія, короны и власти, Софія-Шарлотта съ улыбкою взглянула на любимую статсъ-даму фонъ-Бюловъ, которая находилась при ней, и та замѣтила пастору, что королева въ этомъ не грѣшна. Она отвѣчала утвердительно на его вопросъ: вѣритъ ли она во Христа и надѣется ли на Бога? Когда онъ продолжалъ ее утѣшать, она прервала его словами: „Я двадцать лѣтъ серіозно изучала религію и внимательно читала относящіяся къ ней книги; у меня не остается сомнѣнія. Вы не можете мнѣ ничего сказать, что мнѣ было бы неизвѣстно, и я могу васъ увѣрить, что я умираю

вала докторша, не могъ не быть дѣйствительнымъ. Подъ конецъ явилась помѣха веселію (trouble fête) въ лицѣ Рейзевица, саксонскаго посла въ Польшѣ, который игралъ роль настоящаго мѣстнаго доктора или штадтъ-физикуса, нападавшаго на шарлатана. Между ними поднялся довольно забавный споръ. Шарлатанъ вынималъ свои дипломы, пергаменты, привилегіи и аттестаты императоровъ, королей и принцевъ, штадтъ-физикусъ поднималъ ихъ на смѣхъ и показывалъ великолѣпныя золотыя медали, на шеѣ у себя и у своей жены, прибавляя, что онъ пріобрѣлъ ихъ своею ловкостью и что онѣ гораздо дѣйствительнѣе доказывали его искусство, чѣмъ Богъ знаетъ откуда набранные дипломы.

«Наконецъ, его свѣтлость курфирстъ самъ сошелъ внизъ изъ ложи, одѣтый голландскимъ матросомъ, и покупалъ кое-что въ разныхъ лавкахъ ярмарки. Во все время игралъ оркестръ музыки, и всѣ присутствовавшіе, — а допускались туда только придворныя и знатныя особы, — сознались, что большая опера, которая стоила бы тысячу талеровъ, доставила бы гораздо меньше удовольствія какъ актерамъ, такъ и зрителямъ».

спокойно". Врачъ напомнилъ ей, что разговоромъ она усиливаетъ болѣзнь; тогда Софія-Шарлотта сказала пастору: „Прощайте же; Лестокъ меня бранитъ, онъ не хочетъ, чтобъ я говорила. Я умираю вашимъ другомъ". Она нѣсколько разъ выражала надежду, что ея душа въ мирѣ съ Господомъ. Нѣсколько часовъ она молчала, потомъ обратилась къ Пёльницъ съ словами: „Сколько ненужныхъ церемоній придумаютъ для этого тѣла"; а когда одна изъ фрейлинъ расплакалась, она спросила ее: „О чемъ вы плачете? развѣ вы думали, что я безсмертна?" Она утѣшала также своего младшаго брата, который былъ въ отчаяніи. „Смерть меня не пугаетъ, говорила она ему: уже слишкомъ давно я привыкла ее считать неизбѣжной". По другимъ, она сказала: „Нѣтъ ничего естественнѣе смерти, и хотя по моимъ лѣтамъ я могла бы надѣяться прожить еще нѣсколько времени, я однако не огорчена тѣмъ, что должна умереть". Она много говорила шопотомъ съ своими братьями и сказала также старшему своему брату, курфирсту: „Я умираю счастливо и спокойно". Передъ самою смертію она благословила всѣхъ окружавшихъ ее и потомъ протянула руку своему брату. „Прощай, милый братъ, я задыхаюсь". Черезъ нѣсколько секундъ ея не стало.

О смерти Софіи-Шарлотты сохранилось нѣсколько разказовъ, сходныхъ въ сущности, но различныхъ въ подробностяхъ. Каждый изъ разказчиковъ, смотря по своимъ убѣжденіямъ, обращалъ вниманіе на то, чему онъ больше сочувствовалъ. Одни болѣе выставляютъ на видъ религіозный характеръ кончины Софіи-Шарлотты, другіе — ея философскій характеръ. Къ послѣднимъ принадлежитъ знаменитый внукъ ея, Фридрихъ Великій. „У нея, говоритъ онъ, была сильная душа. Религія ея была чиста, нравъ ея кротокъ, умъ ея развитъ чтеніемъ всѣхъ хорошихъ французскихъ и итальянскихъ книгъ. Она умерла въ Ганноверѣ среди своей семьи. Къ ней хотѣли ввести реформатскаго пастора. Она сказала ему: „дайте мнѣ умереть безъ всякаго спора". Одна изъ ея фрейлинъ, которую она очень любила, заливалась слезами. „Не жалѣйте обо мнѣ, сказала она ей, я теперь скоро удовлет„ворю мою любознательность о причинахъ вещей, которыя Лейбницъ „мнѣ никогда не могъ объяснить, о пространствѣ, о безконечности, о „бытіи и небытіи, а королю моему супругу я доставлю зрѣлище похо„ронъ, которыя дадутъ ему новую возможность выказать свое велико„лѣпіе". Умирая, она поручила курфирсту своему брату ученыхъ, которымъ она покровительствовала".

Неожиданное извѣстіе о смерти королевы, умершей на 37-мъ году

жизни, поразило и глубоко огорчило всѣхъ. Король упалъ въ обморокъ и долго горевалъ; ея прощальное письмо глубоко растрогало его. Но предсказанія Софіи-Шарлотты сбылись: онъ тотчасъ дѣятельно принялся устроивать самыя великолѣпныя похороны. Тѣло королевы было перевезено въ Берлинъ со всевозможною торжественностью; въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ его встрѣчали съ подобающимъ церемоніаломъ. Въ Берлинѣ она стояла въ часовнѣ 5 мѣсяцевъ, потому что приготовленія къ похоронамъ потребовали такого продолжительнаго срока. Самыя похороны удивили всѣхъ роскошью и громадностью издержекъ. Одинъ катафалкъ въ церкви стоилъ 80.000 тал. Все это по обычаю времени было изображено и описано въ великолѣпномъ изданіи.

Изъ лицъ, окружавшихъ Софію-Шарлотту, всѣхъ болѣе утратилъ Лейбницъ. Онъ потерялъ въ ней не только друга, но и покровительницу самыхъ задушевныхъ плановъ. Онъ въ это время оставался въ Берлинѣ и за нѣсколько дней до ея смерти благодарилъ ее за то, что она выхлопотала ему у короля подарокъ въ 1.000 талеровъ, за его попеченія объ академіи. Онъ уже зналъ, что она больна, но надѣялся, „что мольбы народа будутъ сильнѣе, чѣмъ ея болѣзнь". Какъ близокъ онъ былъ ей, видно изъ того, что курфирстина Софія тотчасъ ему дала знать, чтобъ онъ никому не показывалъ ея писемъ къ покойной дочери, которыя послѣдняя передъ отъѣздомъ, вѣроятно, отдала ему на сохраненіе. Его близость къ покойной королевѣ была до того всѣмъ извѣстна, что даже иностранные послы въ Берлинѣ пріѣзжали къ нему, чтобы выразить свое соболѣзнованіе по поводу ея смерти.

Самъ Лейбницъ до такой степени былъ пораженъ смертью Софіи-Шарлотты, что едва не заболѣлъ опасно. Изъ всѣхъ его писемъ видно, какъ глубоко онъ былъ разстроенъ. Въ день извѣстія о смерти Софіи-Шарлотты, онъ писалъ къ Гарицу; „В. Пр. можете судитъ, какъ меня поразила грустная и роковая вѣсть о смерти королевы. Всѣ признаютъ, что изъ частныхъ лицъ я больше всѣхъ теряю съ ея смертью, и всѣ мнѣ это выказываютъ, даже иностранные министры. Впрочемъ, меня огорчаетъ не столько вліяніе, которое это несчастіе можетъ имѣть на мои интересы, сколько потеря принцессы до того совершенной, что ни съ чѣмъ нельзя было сравнить удовольствіе ее видѣть. Король прислалъ мнѣ вчера подарокъ въ тысячу талеровъ. Но если бы подарокъ былъ вдесятеро больше, онъ не уменьшилъ бы чувства великаго несчастія, о которомъ мы узнали сегодня утромъ. Я колеблюсь, хорошо ли, что меня не было въ Ганноверѣ во время этого печальнаго

происшествія. Еслибъ я тамъ былъ, я, можетъ-быть, посовѣтовалъ бы что-нибудь; но своимъ отсутствіемъ я избѣгнулъ того, что могло сильнѣйшимъ образомъ взволновать меня и оставить во мнѣ живѣйшія и неизгладимыя впечатлѣнія. Несравненныя качества королевы оставляютъ по себѣ слишкомъ глубокіе слѣды; солнце въ полуденномъ блескѣ могло производить только самое пріятное впечатлѣніе, тогда какъ его захожденіе наполнило бы мою душу мрачной и продолжительной тоской. Но слѣдуетъ думать, если возможно, только о томъ, какъ прославлять ея память и отдать справедливость одному изъ самыхъ совершенныхъ лицъ на землѣ. Я не осмѣливаюсь писать къ курфирстинѣ, не зная расположенія ея духа. Я не сомнѣваюсь, что вы въ числѣ тѣхъ, которые съ наибольшимъ участіемъ принимаютъ всѣ мѣры, чтобъ уменьшить чувство ея великаго горя, и я предоставляю вамъ, если вы найдете это умѣстнымъ, заявить курфирстинѣ о моемъ усердіи“. О томъ же писалъ онъ къ общему другу Пёльницъ: „Я сужу о вашихъ чувствахъ по своимъ; я не плачу, не жалуюсь, но я не знаю, что со мною. Потеря королевы кажется мнѣ сномъ, но выходя изъ моего усыпленія, я слишкомъ хорошо чувствую ея дѣйствительность. Ваше несчастіе не превосходитъ моего, исключая развѣ, что вы чувствуете живѣе и что вы были вблизи, когда насъ поразило общее несчастіе. Это ободряетъ меня писать вамъ, и просить васъ, если возможно, умѣрить ваше горе, чтобъ оно вамъ не повредило. Не мрачною грустью слѣдуетъ чтить память одной изъ лучшихъ принцессъ на землѣ, но прославленіемъ ея, и благоразумные люди будутъ согласны съ нами. Мое письмо относится болѣе философски къ горю, чѣмъ мое сердце, и я не въ состояніи слѣдовать точно собственнымъ совѣтамъ, — но они отъ этого не менѣе благоразумны“.

„Вашъ Лейбницъ“.

P. S. „Король безутѣшенъ, весь городъ въ какомъ-то ужасѣ“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти королевы, Лейбницъ пишетъ объ ней Уоттону, доктору богословія въ Кембриджскомъ университетѣ: „Ужасное горе (perturbatio ingens), вызванное смертью королевы Прусской, было причиной, почему я въ нынѣшнемъ году прервалъ обычную переписку съ вами и другими друзьями. Эта королева была ко мнѣ расположена больше, чѣмъ я могъ желать и надѣяться (ultra spem votaque), и требовала, чтобъ я часто бывалъ съ нею. Я не знаю никого умнѣе и образованнѣе ея (humanior). Привыкнувъ къ этому счастію, я по личной причинѣ глубже почувствовалъ общее

горе. Когда она умерла въ Ганноверѣ, я находился въ Берлинѣ, потому что мнѣ нельзя было тотчасъ за нею послѣдовать; никто не ожидалъ такой печальной вѣсти, а тѣмъ больше мы были поражены. Я былъ близокъ къ опасной болѣзни и съ трудомъ поправился. Королева имѣла удивительныя свѣдѣнія въ предметахъ не обыденныхъ и жажду познанія; она часто бесѣдовала со мной, чтобъ удовлетворить своей любознательности, и эта любознательность ея принесла бы когда-нибудь обществу важную пользу, если бы не вмѣшалась смерть" [1]).

Кончина Софіи-Шарлотты подала поводъ къ различнымъ толкамъ о ея религіозности. Говорятъ, будто бы ея сынъ сказалъ однажды о ней: „Моя мать была безъ сомнѣнія умная женщина, но плохая христіанка" (böse Christin). Но король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ менѣе всѣхъ способенъ оцѣнить свою мать. Гораздо лучше понималъ ее епископъ Урсинусъ, который въ своей надгробной рѣчи сказалъ, что по мнѣнію королевы, „религію лучше всего не разоблачать, подобно древнимъ язычникамъ, которые изображали ее на своихъ монетахъ покрытою покрываломъ".

Королева никогда не выказывала пренебреженія ко внѣшнему богослуженію; она не пропускала проповѣди и очень любила хорошихъ проповѣдниковъ; а каковы были ея внутреннія убѣжденія, можно видѣть изъ приведеннаго выше разказа. Лучше всѣхъ могъ о ней судить Лейбницъ. Въ одномъ письмѣ къ своей ученицѣ, принцессѣ Каролинѣ, вышедшей въ послѣдствіи за Георга II, которая до нѣкоторой степени могла замѣнить ему умершаго друга, Лейбницъ говоритъ объ истинномъ благочестіи и прибавляетъ, что Софія-Шарлотта умерла спокойно, въ сознаніи этого благочестія.

Между тѣмъ, смерть Прусской королевы значително измѣнила положеніе Лейбница въ Берлинѣ и остановила развитіе новой академіи. Фридрихъ съ большимъ торжествомъ отпраздновалъ основаніе академіи, но онъ не думалъ сокращать расходовъ своего двора въ пользу новаго учрежденія. Кромѣ того война за Испанское наслѣдство совершенно истощила королевскую казну. Постройка обсерваторіи подвигалась медленно, и хотя 80 членскихъ дипломовъ было разослано лучшимъ нѣмецкимъ и иностраннымъ ученымъ во Франціи, Англіи и Италіи, но въ Берлинѣ до 1710 года не было отведено особаго зданія для собраній академиковъ. Можно сказать, что академія въ первое время состояла только изъ 3 членовъ: президента Лейбница, се-

---

[1]) Leibn. Epistolae ad diversos ed. Kortholt. 1734.

кретаря Яблонскаго и астронома Кирха, который былъ приглашенъ въ Берлинъ по настоянію Лейбница для астрономическихъ наблюденій и завѣдыванія академическимъ календаремъ. Лейбницъ исчерпывалъ всю свою изобрѣтательность, чтобы достать денегъ и обезпечить существованіе академіи. Онъ предлагалъ лоттереи, составилъ планъ популярнаго календаря въ пользу академіи, предлагалъ различныя монополіи относительно книжной торговли и педагогическаго дѣла. Академія должна была сдѣлаться высшимъ цензурнымъ комитетомъ въ странѣ и взимать налогъ со всѣхъ плохихъ книгъ „для того, чтобы препятствовать распространенію дурныхъ сочиненій и содѣйствовать хорошимъ и полезнымъ, чтобы дать направленіе книжной торговлѣ и оказать помощь ученымъ и опытнымъ людямъ, желающимъ предпринять что-нибудь полезное". Онъ вздумалъ, между прочимъ, ввести въ Пруссіи въ пользу академіи шелковый промыселъ и взялъ привилегію на разведеніе шелковичныхъ червей и тутовыхъ деревьевъ. Онъ самъ на свой счетъ производилъ опыты разведенія ихъ въ Ганноверѣ и много истратилъ на это денегъ. „Но такъ какъ, — разказываетъ его секретарь Эккардъ, — Лейбницъ не имѣлъ времени самъ слѣдить за всѣмъ и довѣрился неспособнымъ людямъ, то онъ получилъ больше убытку, чѣмъ прибыли. Не смотря на это, онъ со свойственнымъ ему постоянствомъ въ трудныхъ дѣлахъ не покидалъ начатаго дѣла".

Лейбницъ думалъ распространить по всей Германіи производство шелка и выхлопоталъ себѣ также привилегію въ Саксоніи. Но его попытки остались неудачны. Его планы были возобновлены Фридрихомъ Великомъ, который издалъ указъ о разведеніи шелковичныхъ червей въ казенныхъ имѣніяхъ.

Въ 1710 г. вышелъ первый томъ Записокъ Берлинской Академіи подъ заглавіемъ: Miscellanea Berolinensia ad incrementum scientiarum. Онъ заключалъ въ себѣ статьи Лейбница по всѣмъ отраслямъ науки, по исторіи, древностямъ, этимологіи, физикѣ и математикѣ. Статьи по богословію и праву исключались уставомъ академіи. Въ томъ же году послѣдовало ея подраздѣленіе на 4 отдѣленія, и отстроилась обсерваторія. Въ это время академія была подчинена надзору министра фонъ-Принцена. Послѣднія перемѣны были сдѣланы безъ вѣдома ея президента Лейбница, котораго такое пренебреженіе очень оскорбило. Еще прежде Лейбницу не разъ приходилось высказывать свое неудовольствіе на равнодушіе Берлинскаго двора къ наукѣ. Въ 1709 г. онъ писалъ члену академіи Ансильйону: „Упрекъ, что король вамъ пла-

титъ не для того (le roi ne vous paye point), чтобы сочинять книги, меня не удивляетъ. На науку обыкновенно смотрятъ какъ на дѣло, которое исполняется только изъ-за вознагражденія, какъ на лѣстницу, которую отставляютъ, когда не нужно болѣе по ней подниматься".

Въ 1711 г. Лейбницъ пріѣхалъ въ Берлинъ въ послѣдній разъ; его приняли довольно холодно и недовѣрчиво. Причина заключалась, между прочимъ, въ томъ, что въ это время между Ганноверомъ и Пруссіей произошло столкновеніе по поводу Гильдесгеймскаго епископства. На бѣду случилось, что Лейбницъ повредилъ себѣ ногу и долженъ былъ долго лѣчиться. Въ Берлинѣ полагали, что его болѣзнь — притворство и предлогъ, чтобы тамъ оставаться. Лейбницъ писалъ Софіи, что его навѣстилъ лейбъ-медикъ короля и просилъ позволенія осмотрѣть ногу, „очевидно, для того чтобы доложить объ этомъ двору". Съ другой стороны курфирстъ Ганноверскій былъ также недоволенъ его продолжительной отлучкой. „Онъ только смѣялся надъ вашимъ оправданіемъ, писала Софія Лейбницу, и сказалъ, что не ноги ваши нужны, а голова".

Вступленіе на прусскій престолъ Фридриха Вильгельма въ 1713 г. имѣло еще худшее вліяніе на судьбу академіи и на положеніе Лейбница въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, сынъ „философской королевы" хотѣлъ совершенно уничтожить академію, и ее спасло только замѣчаніе, что безъ нея нельзя будетъ достать хирурговъ для арміи. Въ послѣднее время Лейбницъ потерялъ всякое вліяніе на академію; ему даже перестали выплачивать жалованье, которое было ему назначено какъ президенту.

Еще до своего разочарованія въ Берлинской академіи, Лейбницъ сталъ хлопотать объ учрежденіи подобныхъ академій въ другихъ городахъ: въ Дрезденѣ, въ Вѣнѣ, въ Петербургѣ. Любимый планъ его собственно заключался въ томъ, чтобы составить общество, въ которомъ могли бы принять участіе всѣ ученые Германіи, а если можно, то и всего образованнаго міра. Берлинская академія была только частнымъ осуществленіемъ его плана. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, онъ считалъ необходимымъ основать какъ можно болѣе другихъ академій въ разныхъ мѣстностяхъ.

Лейбницъ обратилъ свое вниманіе на Востокъ. Тамъ въ это время происходила ожесточенная борьба за преобладаніе между тремя государствами. Одно изъ нихъ, вслѣдствіе внутренней, неизлѣчимой порчи своихъ политическихъ учрежденій, хотя незамѣтно, но быстро клонилось къ разрушенію; другое, достигнувшее, — благодаря генію и благо-

родному энтузіазму одного изъ своихъ королей и воинственности націи, — высокаго значенія въ Европѣ, должно было уступить силѣ и стояло теперь на краю своего могущества; третье государство, выросшее и окрѣпшее въ борьбѣ съ матеріальными условіями и варварскими народами, достигло теперь зрѣлости и требовало своей доли въ общей цивилизаціи. Еще большій контрастъ, чѣмъ эти три государства, представляютъ личности трехъ государей, въ рукахъ которыхъ въ то время была ихъ судьба: то были Августъ Польскій, Карлъ XII и Петръ Великій.

Лейбницъ искалъ доступа ко всѣмъ тремъ; онъ желалъ знакомства съ ними для того, чтобы съ ихъ помощью содѣйствовать успѣхамъ науки и цивилизаціи. Пріемъ, который онъ нашелъ у нихъ, былъ чрезвычайно различенъ и хорошо характеризуетъ личность и стремленія трехъ соперниковъ.

Августъ[1]) давно зналъ Лейбница и благоволилъ къ нему; послѣдній по своему происхожденію былъ его подданнымъ. Вскорѣ послѣ основанія Берлинской академіи, Лейбницъ сталъ хлопотать объ учрежденіи таковой же въ Дрезденѣ. Для этого онъ особенно пользовался посредничествомъ іезуита Воты, о которомъ мы уже говорили. Вота пріѣзжалъ въ Берлинъ и Ганноверъ, гдѣ былъ отлично принятъ и сдѣлался горячимъ поклонникомъ Софіи и ея дочери. Онъ имѣлъ большое вліяніе на Августа, и поэтому Ганноверскій дворъ пользовался его знакомствомъ съ Лейбницемъ для различныхъ дипломатическихъ сношеній. Черезъ Воту Лейбницъ представилъ Августу свой проектъ академіи. Онъ мало отличался отъ Берлинскаго; но для того, чтобы больше заинтересовать Августа, Лейбницъ обратилъ особенное вниманіе на пользу, которую могла бы ожидать отъ разработки математики и физики военная наука. Съ этою же цѣлью онъ подробно касается въ своемъ проектѣ реформы воспитанія, какъ нравственнаго, такъ и физическаго. Лейбницъ придавалъ воспитанію большое значеніе; реформой воспитанія, по его мнѣнію, обусловливалось усовершенствованіе человѣчества[2]).

---

[1]) Мы подробно говорили объ Августѣ I Польскомъ въ нашемъ сочиненіи: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году».

[2]) Emendatum iri humanum genus educatione juventutis in melius reformata. Лейбницъ относился съ большимъ интересомъ къ педагогическимъ планамъ Вейгеля и особенно Франке, который въ это время началъ свою полезную дѣятельность учрежденіемъ сиротскаго училища въ Галле. Еще прежде Лейбницъ написалъ, по просьбѣ Ла-Бодиньера, наставника у какого-то принца, свой Projet de

Въ своемъ проектѣ академіи онъ касается педагогіи преимущественно по отношенію къ воспитанію молодаго Саксонскаго принца, сына Августова. Взглядъ Лейбница представляетъ интересный контрастъ съ планомъ, составленнымъ не задолго предъ тѣмъ во Франціи для воспитанія дофина. Французскій планъ, по замѣчанію Гурауера, былъ построенъ на строго-классическомъ основаніи; Лейбницъ считалъ необходимымъ внести въ воспитаніе реалистическій элементъ: онъ совѣтуетъ употреблять изображенія, различные модели и планы, устроить музеи по естественнымъ наукамъ и искусствамъ, для того чтобъ обогатить воображеніе опредѣленными представленіями.

Августъ, настоящая эпикурейская натура, уважалъ науку и особенно любилъ искусства. Онъ благосклонно принялъ предложеніе Лейбница и сталъ думать объ осуществленіи его плановъ. Въ 1703 году Лейбницъ отправилъ въ Польшу своего секретаря Эккарда, чтобъ одушевить, какъ разказываетъ самъ Эккардъ, короля къ учрежденію академіи наукъ въ Дрезденѣ и переговорить объ этомъ съ Вотой. Академія должна была вступить въ тѣсную связь съ Берлинскою. Король изъявилъ свое согласіе, но вслѣдствіе Польской войны планъ не состоялся.

Съ Карломъ XII Лейбницъ встрѣтился, когда тотъ былъ на вершинѣ славы и могущества. Побѣдивъ Данію и отразивъ нападеніе Россіи, Карлъ сломилъ могущество третьяго своего врага, Августа. Онъ изгналъ его изъ Польши, послѣдовалъ за нимъ въ Саксонію и тамъ заставилъ отказаться отъ польской короны и согласиться на миръ. Въ это время Карлъ XII былъ властелиномъ восточной Европы. Въ его рукахъ, казалось, находилась также судьба западной половины ея. Тамъ происходила борьба между Франціей и коалиціей державъ, оспаривавшихъ у нея испанское наслѣдство. Карлъ думалъ вмѣшаться въ эту борьбу, и его помощь могла бы склонить побѣду на ту или на другую сторону. Оттого въ лагерь Карла при Альтранштедтѣ спѣшили послы отъ всѣхъ державъ, чтобы поздравить побѣдителя и заискать его расположенія. Самъ Мальборо оставилъ свое войско и отправился къ Карлу; онъ сумѣлъ ему понравиться и удержать его отъ вмѣшательства въ пользу Франціи. Изъ Ганновера, политика котораго была уже тѣсно связана съ политикой Англіи, также было отправлено посольство въ Альтранштедтъ. Къ нему примкнулъ Лейбницъ, которому, какъ полагаетъ Гурауеръ, было дано порученіе содѣйство-

l'éducation d'un Prince, въ которомъ онъ подробно изложилъ свой взглядъ на воспитаніе молодыхъ государей. Этотъ проектъ онъ послалъ черезъ Воту королю Августу.

вать сближенію Карла съ Ганноверомъ и Пруссіей. Лейбницъ не засталъ Карла въ Алтранштедтѣ: Шведскій король выѣхалъ оттуда, чтобы произвести смотръ своимъ войскамъ. Лейбницъ ждалъ его цѣлую недѣлю; наконецъ, онъ пріѣхалъ, и Лейбницу была обѣщана аудіенція у Карла. Встрѣча между героемъ и философомъ была бы чрезвычайно интересна. Но Лейбницъ, взглянувъ на Карла, нашелъ, что ему не о чемъ съ нимъ говорить. Карлъ, воспитанный среди борьбы монархической власти съ надменной олигархіей, цѣнилъ только одно — власть, основанную на военной дисциплинѣ; онъ имѣлъ только одну цѣль—употребить всѣ средства, которыя ему давала его неограниченная власть, для достиженія высшей славы. Онъ былъ сдержанъ и суровъ, не любилъ придворныхъ фразъ и не имѣлъ никакого интереса къ планамъ, которыми воодушевлялся Лейбницъ. Послѣдній слѣдующимъ образомъ описываетъ свою встрѣчу съ Карломъ. „Я видѣлъ его за обѣдомъ; это продолжалось полчаса, но Е. В. не сказалъ ни слова за столомъ, и только одинъ разъ поднялъ глаза, когда молодой Виртембергскій принцъ началъ играть съ собакой; тотъ при взглядѣ короля тотчасъ прекратилъ свою забаву. Можно сказать, что выраженіе лица у короля очень хорошо; но онъ одѣвается и держится какъ «кавалеристъ» стараго времени. Такъ какъ я ждалъ его больше недѣли, то я не могъ дольше оставаться, хотя меня обнадеживали, что король дастъ мнѣ аудіенцію; дѣйствительно, молодой графъ Платенъ и Фабрицій имѣли потомъ аудіенцію, когда я уже собрался въ дорогу. Но что бы я ему сказалъ? Онъ не любилъ похвалъ даже заслуженныхъ; о дѣлахъ онъ не говорилъ. Но онъ очень хорошо говоритъ обо всемъ, что касается войны, какъ меня увѣрялъ фонъ-Шуленбургъ, бесѣдовавшій съ королемъ часа два. Графъ Флеммингъ также имѣлъ аудіенцію у него передъ пріѣздомъ въ Лейпцигъ и остался у него за обѣдомъ. Король продолжалъ разговоръ даже послѣ обѣда и выразилъ свое хорошее расположеніе духа тѣмъ, что сказалъ нѣсколько словъ для смѣха“.

Совсѣмъ иной пріемъ нашелъ Лейбницъ у Петра Великаго. Но мы принуждены не касаться здѣсь его личныхъ отношеній къ Русскому царю и проектовъ Лейбница для улучшенія финансовъ и развитія просвѣщенія въ Россіи[1]). Мы коснемся здѣсь этихъ отношеній, на

[1]) Вопросъ объ отношеніяхъ Лейбница къ Петру составитъ предметъ другаго нашего сочиненія, такъ какъ въ послѣднее время открытъ за границей новый матеріалъ для разъясненія дѣятельности Лейбница, касающейся Россіи, и пришлось бы отложить на долго окончаніе нынѣшняго нашего труда, если бы мы пожелали воспользоваться для него этимъ матеріаломъ.

сколько это нужно для объясненія политической дѣятельности Лейбница въ послѣдніе годы его жизни. Россія въ то время выступила изъ своего уединеннаго положенія и приняла участіе въ европейскихъ дѣлахъ. Съ этого момента вопросъ о европейскомъ равновѣсіи долженъ былъ совершенно измѣниться. Въ Европу вошла новая сила, и мало по малу въ ней должна была произойдти новая группировка интересовъ, должны были образоваться новыя основанія для политическаго равновѣсія. Лейбницъ, можетъ-быть, первый изъ политиковъ Запада понялъ значеніе новой силы, внесъ ее въ свои политическія соображенія и началъ возлагать на Россію свои надежды для возстановленія равновѣсія и успокоенія Европы.

Хотя Лейбницъ не игралъ офиціальной роли въ европейской дипломатіи, никто однако же не принималъ такого искренняго и дѣятельнаго участія въ политическихъ вопросахъ, какъ онъ. Такъ какъ онъ имѣлъ обширныя связи во многихъ странахъ и былъ близокъ къ многимъ государямъ и членамъ царствующихъ домовъ, то его планы и совѣты не были лишены значенія, и никогда, можетъ-быть, частный человѣкъ не имѣлъ такого политическаго вліянія въ Европѣ, какъ Лейбницъ. Онъ постоянно рвался изъ своей тѣсной сферы въ Ганноверѣ, гдѣ долженъ былъ сталкиваться съ интересами мелкаго государства, на болѣе широкое поприще. Не только его космополитизмъ, то-есть, его желаніе упрочить въ Европѣ въ интересахъ цивилизаціи равновѣсіе и миръ, но и его патріотизмъ тянули его въ Вѣну, ко двору императора.

Хотя нѣмецкіе національные историки не безъ основанія обвиняютъ Габсбургскихъ императоровъ въ томъ, что они предпочитали свои династическіе интересы выгодамъ Германіи, но нужно согласиться, что въ общемъ итогѣ никто изъ нѣмецкихъ князей не оказалъ Германіи такихъ важныхъ услугъ, какъ Габсбурги, въ эпоху преобладанія Франціи. Хотя политика императоровъ и въ то время, конечно, была династическая, а не германская, но политическое преданіе всегда имѣло такую силу въ Австріи, а охраненіе Германіи отъ притязаній Франціи до такой степени входило въ габсбургскіе интересы, что Австрія напрягала всѣ свои силы для защиты западной границы имперіи. Если Рейнъ въ то время не сдѣлался французскою границей или, какъ говорили тогда Французы, ихъ *барьеромъ*, то Германія, послѣ мудрой политики Вильгельма Оранскаго, обязана этимъ упорству Габсбурговъ. На берегахъ Рейна венгерскіе и славянскіе подданные Габсбурговъ постоянно проливали свою кровь для охраненія Герма-

ніи наравнѣ съ жителями Гессена и Пфальца. Поэтому взоры всѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ были главнымъ образомъ обращены на дѣйствія Вѣнскаго правительства. Но Лейбница, какъ мы говорили, въ Вѣну манилъ не одинъ патріотизмъ. Тамъ сходились нити европейской дипломатіи, тамъ могли возникнуть планы, обнимавшіе всю Европу. Вѣна и Парижъ составляли два полюса европейскаго равновѣсія.

Оттого самое дѣятельное участіе Лейбница въ политикѣ совпадаетъ съ его пребываніемъ въ Вѣнѣ. Самыя важныя изъ его сочиненій по публицистикѣ и самые интересные его проекты и совѣты группируются около политики Габсбургскаго дома.

Мы уже говорили о первомъ пребываніи Лейбница въ Вѣнѣ въ 1688 году, и объ его запискахъ и совѣтахъ, представленныхъ австрійскимъ министрамъ. Рядъ этихъ сочиненій оканчивается обширнымъ мемуаромъ: „Consultations sur les affaires générales en 1691", написаннымъ уже по возвращеніи въ Ганноверъ[1]). Лейбницъ предлагаетъ въ немъ различныя мѣры для того, чтобы обезпечить успѣхъ на войнѣ за державами, соединившимися противъ Франціи. Мы укажемъ на самыя интересныя или оригинальныя изъ этихъ мѣръ. Онъ считаетъ необходимымъ составить изъ Италіи конфедеративное государство на подобіе Германіи, чтобъ усилить ея значеніе и дать отпоръ Франціи. Неаполь и Миланъ принадлежали въ то время Испаніи; но папа, Венеціанская республика, Тоскана и герцоги Моденскій, Мантуанскій и Пармскій могли составить между собой союзъ и нейтрализовать Италію. Императоръ и Испанія, для которыхъ нейтрализація Италіи была бы выгодна, должны были, по мнѣнію Лейбница, выказать притворное неудовольствіе, чтобы вовлечь Францію въ заблужденіе, между тѣмъ Итальянскій союзъ окрѣпнулъ бы и могъ бы содѣйствовать установленію равновѣсія въ Европѣ. Лейбницъ удивляется, что Италія, родина дипломатіи и интригъ, теперь такъ неизобрѣтательна въ политикѣ, тогда какъ на сѣверѣ Европы то и дѣло заключаются союзы и договоры.

Затѣмъ Лейбницъ совѣтуетъ лишить Францію поддержки со стороны Швейцаріи. Франція наполняла свои войска швейцарскими наемниками, и вслѣдствіе выгодъ, которыя доставляла французская служба, швейцарская аристократія, управлявшая республикой, была совершенно предана Франціи. Поэтому Лейбницъ считаетъ необходи-

---

[1]) Oeuvres de Leibniz, ed. Foucher de Careil. T. III, p. 258.

мымъ, чтобы союзныя державы производили также вербовки въ Швейцаріи, хотя наемники тамъ дороже, чѣмъ въ Германіи. Но лишнія издержки принесутъ ту выгоду, что ослабятъ связь между Швейцаріей и Франціей и уменьшатъ число Швейцарцевъ во французской службѣ; если же это средство не удастся, то Лейбницъ совѣтуетъ прибѣгнуть къ демагогіи, лишить аристократію первенствующаго положенія въ республикѣ и такимъ образомъ измѣнить ея политику.

Обращаясь къ Германіи, Лейбницъ указываетъ, что многіе изъ ея князей держатся почти нейтрально и этимъ очень вредятъ общему дѣлу. Самый значительный изъ нихъ—герцогъ Ганноверскій, который въ началѣ войны принималъ въ ней самое патріотическое участіе; но когда ему, не смотря на всѣ его заслуги, отказали въ Вѣнѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ въ курфиршескомъ санѣ, онъ охладѣлъ къ общему дѣлу. Лейбницъ совѣтуетъ непремѣнно удовлетворить его или курфиршескимъ званіемъ, или присоединеніемъ епископства Оснабрюкскаго къ его владѣніямъ. Изъ этого можно было бы заключить, что вся записка составлена Лейбницемъ только съ цѣлью содѣйствовать своему герцогу въ достиженіи курфиршества, но Лейбницъ и тутъ имѣетъ въ виду общіе интересы. Онъ искусно пользуется этимъ поводомъ, чтобъ указать герцогу на опасныя послѣдствія его нейтралитета. Вслѣдствіе успѣховъ французскаго оружія, Германія при заключеніи мира легко можетъ лишиться Кёльна: тогда Вестфалія сдѣлается пограничной областью и жертвой французскихъ опустошеній, подобно Пфальцу и Бадену.

Отъ нейтральныхъ державъ Лейбницъ переходитъ къ враждебнымъ. Австрія находилась въ одно время въ войнѣ съ Франціей и съ Турціей. Послѣдняя, не смотря на свои неудачи, не соглашалась на миръ, потому что надѣялась на союзъ съ Франціей. Лейбницъ совѣтуетъ заключить поскорѣе миръ съ Турціей, даже съ нѣкоторыми уступками, чтобы обратить всѣ силы противъ Франціи. „Простой здравый смыслъ, говоритъ онъ, убѣждаетъ въ томъ, что важнѣе думать о своемъ спасеніи, чѣмъ о выгодахъ“. Лейбницъ доказывалъ ложность австрійской политики, которая готова смотрѣть равнодушно на успѣхи Франціи со стороны Германіи, лишь бы въ это время удалось пріобрѣсти на Востокѣ лишнюю провинцію. Успѣхъ Франціи на Рейнѣ, замѣчаетъ онъ, повлечетъ за собой потерю Бельгіи и Милана.

„Поэтому необходимо, восклицаетъ онъ, проповѣдывать Вѣнскому двору миръ съ Портою и уступчивость относительно протестантовъ въ австрійскихъ земляхъ,—Нѣмцамъ порядокъ и дисциплину, Испан-

цамъ — реформу финансовъ, Англичанамъ и Голландцамъ представлять опасность, которая грозитъ религіи" [1]).

Одну изъ главныхъ причинъ пораженій и бѣдствій Германіи Лейбницъ видитъ въ отсутствіи дисциплины въ нѣмецкихъ войскахъ: вторая половина его мемуара посвящена этому вопросу. Во время войнъ съ Людовикомъ XIV въ Германіи установился обычай, что только крупныя государства высылали свои контингенты. Многія же княжества, особенно тѣ, которыя находились близко отъ театра войны, должны были въ замѣнъ этого держать у себя на постоѣ войска своихъ сильныхъ сосѣдей. Такъ какъ солдатамъ жалованье рѣдко выдавалось правильно, а дисциплина была очень плоха, то области, присужденныя „къ постою", совершенно раззорялись. Крупнымъ же государствамъ, напримѣръ, Ганноверу и Бранденбургу, которыя держали постоянныя войска, превышающія средства страны, было чрезвычайно выгодно отсылать свои войска „на постой"; ибо въ этихъ случаяхъ они содержали часть своихъ войскъ совершенно на чужой счетъ. Оттого вопросъ о распредѣленіи постоя возбуждалъ на сеймѣ безконечные переговоры и жалобы. Тѣ изъ князей, у которыхъ были войска всегда наготовѣ, ставили условіемъ своего участія въ войнѣ, чтобъ имъ были отведены области, выгодныя для постоя; мелкіе князья протестовали и были скорѣе готовы отдаться непріятелю, чѣмъ принять на постой союзниковъ.

Лейбницъ указываетъ на примѣръ Франціи, которая обязана своими успѣхами на войнѣ финансовой реформѣ. Въ Германіи только одни Ганноверскіе герцоги послѣдовали ея примѣру. Правда, въ ихъ рукахъ находится источникъ богатыхъ доходовъ — рудники Гарца. Онъ совѣтуетъ могущественнѣйшимъ изъ князей съѣхаться на конференцію безъ отлагательства и безъ соблюденія обычнаго этикета. На этой конференціи должны быть составлены общія правила относительно дисциплины, провіанта, военной кассы, команды и пр. Мелкія княжества должны быть обезпечены относительно постоя и прохода войскъ черезъ ихъ области. Необходимо учредить военный совѣтъ, устроить магазины, договориться съ поставщиками. Мало по малу и другія государства примкнутъ къ этой конвенціи, и въ военныя дѣйствія Германскихъ князей будутъ внесены единство и дисциплина, самые важные залоги успѣха. Въ Германіи въ это время было много воинственныхъ князей и много искусныхъ генераловъ; но странно,

---

[1]) Стр. 275. Франція, какъ извѣстно, въ это время старалась свергнуть Вильгельма Оранскаго и возвести снова на престолъ католическаго Якова Стюарта.

что о правильной организаціи войны, о военной конвенціи, необходимой тамъ, гдѣ война ведется многими разнородными союзниками, думалъ только философъ, постоянно хлопотавшій объ одномъ — о водвореніи въ Европѣ общаго мира.

Записка оканчивается интереснымъ стратегическимъ проектомъ Лейбница. Франція имѣла большое преимущество передъ своими непріятелями въ томъ, что постоянно вела наступательную войну. Лейбницъ совѣтуетъ перенести войну во Францію, или по крайней мѣрѣ, произвести диверсію въ пользу войскъ, сражавшихся на Рейнѣ. Соединенные флоты Англіи и Голландіи были сильнѣе французскаго флота и легко могли высадить значительное войско на любое мѣсто французской территоріи. Но высадиться во Франціи было бы опасно: самое сильное войско могло бы съ трудомъ держаться на берегу непріятельской страны. Поэтому Лейбницъ совѣтуетъ высадить тысячъ 12 или 15 хорошаго войска въ Бискайю, на испанскую территорію, недалеко отъ границъ Франціи. Къ нимъ присоединилась бы испанская армія, которая теперь безъ всякой дѣятельности стоитъ на границѣ. Союзная армія имѣла бы превосходный операціонный базисъ, могла бы легко вторгнуться во Францію, взять Байонну, возмутить недовольныхъ гугенотовъ въ Беарнѣ, жить на счетъ Франціи и оказать самую сильную помощь арміямъ, сражающимся на Рейнѣ, а въ случаѣ удачи даже соединиться въ южной Франціи съ войсками герцога Савойскаго, напирающаго съ другой стороны. Въ случаѣ неудачи, вторгнувшееся войско всегда имѣло бы возможность отступить въ Испанію подъ защиту Пиринеевъ и союзнаго флота.

Къ сожалѣнію, издатель этого интереснаго мемуара не указалъ, для кого онъ былъ написанъ и къ кому посланъ. Это, вѣроятно, объяснится, когда будетъ издана обширная переписка Лейбница.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ его перваго пребыванія въ Вѣнѣ, Лейбницу пришлось снова отправиться туда, на этотъ разъ уже по приглашенію императора Леопольда. Поводомъ къ тому послужили, какъ мы видѣли, переговоры объ уніи между протестантами и католиками. Для Австріи, столь же разнородной въ религіозномъ отношеніи, какъ и въ національномъ, вопросъ объ уніи былъ особенно важенъ. Съ помощью уніи Вѣнскому правительству удалось бы успокоить и привлечь на свою сторону протестантовъ въ Венгріи и Трансильваніи, которые постоянно были готовы возмутиться и призвать на помощь Турокъ. Поэтому преемникъ Спинолы, графъ Бухгаймъ, въ 1698 году снова отправился въ Ганноверъ для религіозныхъ переговоровъ.

Лейбницъ, какъ мы видѣли, былъ душею этихъ переговоровъ, хотя онъ часто скрывалъ свою дѣятельность за именемъ Молануса. Бухгаймъ, по возвращеніи въ Вѣну, указалъ Леопольду на Лейбница, какъ на необходимаго сотрудника для уніи съ протестантами, и императоръ лично обратился съ письмомъ къ курфирсту Ганноверскому и просилъ прислать ему Лейбница. Время казалось благопріятнымъ для переговоровъ объ уніи. Новый папа, Климентъ XI, интересовался ими и просилъ Боссюета прислать ему все, что онъ писалъ ганноверскимъ протестантамъ [1]). Лѣтомъ 1700 года Лейбницъ отправился въ Вѣну; онъ заѣхалъ въ Теплицъ, чтобы полѣчиться, и въ концѣ сентября выѣхалъ оттуда, еще не совершенно оправившись отъ своего недуга. Въ Вѣнѣ Лейбницъ пробылъ до конца 1700 года, имѣлъ частыя свиданія съ епископомъ Нейштадтскимъ, съ другими вѣнскими богословами и даже съ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Доріа. Подробности и результаты этихъ переговоровъ пока неизвѣстны.

Но Лейбницъ занимался въ Вѣнѣ не одними религіозными дѣлами. Въ началѣ ноября туда пришло важное извѣстіе о смерти Карла II, послѣдняго Испанскаго короля изъ дома Габсбурговъ. Это давно предвидѣнное событіе должно было произвести переворотъ въ отношеніяхъ западныхъ государствъ и могло имѣть рѣшительное вліяніе на положеніе Австріи. Двухвѣковая борьба между Бурбонами и Габсбургами вступала въ новый періодъ; вопросъ шелъ о томъ, кому достанется громадная Испанская монархія съ своими обширными, богатыми колоніями, съ своими 22-мя королевствами. Если бы снова удалось Габсбургамъ соединить въ однихъ рукахъ испанскія земли съ австрійскими, тогда не Людовикъ XIV, а могущество Габсбурговъ угрожало бы равновѣсію Европы. Но еслибъ эти земли подпали вассальной зависимости отъ Людовика XIV, тогда были бы напрасны всѣ войны европейской коалиціи противъ французскаго деспота, и онъ поработилъ бы Европу.

Великій блюститель европейскаго равновѣсія, Вильгельмъ Оранскій давно предвидѣлъ этотъ вопросъ и разрѣшилъ его въ интересахъ

[1]) Боссюетъ написалъ по этому поводу новое сочиненіе о примиреніи протестантовъ съ католиками, въ которомъ разсмотрѣлъ всѣ спорные вопросы — par manière d'exposition et de conciliation sur tous les articles controverses. Онъ воспользовался случаемъ, чтобы внушить новому папѣ свои взгляды на счетъ церковной власти и непогрѣшимости папства, относительно чего галликанская церковь далеко расходилась съ римскою куріей. «Il jugea l'occasion très importante d'insinuer au pape ce qu'il faut croire sur l'infaillibilité et la déposition des Rois», говоритъ секретарь Боссюета, аббатъ Ле-Дьё (Le Dieu).

Европы. По его настоянію, наслѣдникомъ Испанской монархіи былъ назначенъ молодой сынъ курфирста Баварскаго, по своей матери внукъ императора Леопольда и правнукъ Филиппа IV[1]). Такимъ образомъ Испанія была бы нейтрализована между Габсбургами и Бурбонами. Но молодой принцъ умеръ въ 1699 году. Тогда Вильгельмъ Оранскій предложилъ раздѣлить Испанскую монархію между Габсбургами и Бурбонами. Франція должна была получить Неаполь, Сицилію и Лотарингію (герцогъ Лотарингіи вознаграждался Миланомъ), а эрцгерцогъ Карлъ, второй сынъ императора—Испанію, Бельгію и колоніи. Императоръ не призналъ этого раздѣла, который усилилъ бы только Францію, ибо Испанія и Бельгія не присоединялись къ Австріи, а переходили къ младшей линіи. Проектъ раздѣла не понравился также въ Испаніи. Эта страна была приведена въ упадокъ своими заморскими владѣніями, изъ-за которыхъ она постоянно подвергалась раззорительнымъ войнамъ. Но гордая кастильская аристократія не хотѣла допустить мысли о распаденіи Испанской монархіи, которое принесло бы ей и матеріальный ущербъ, такъ какъ кастильскіе гранды не мало наживались въ должностяхъ вице-королей и губернаторовъ заморскихъ провинцій. Самъ Карлъ II, который не имѣлъ воли, но за то наслѣдовалъ антипатіи Габсбурговъ противъ всего французскаго, не хотѣлъ слышать о раздѣлѣ.

При Мадридскомъ дворѣ начались интриги. Франція имѣла тамъ чрезвычайно ловкаго представителя, графа Гаркура, который своими интригами, своей любезностью и щедростью скоро составилъ себѣ большую партію; австрійскій же представитель графъ Гаррахъ и особенно его сынъ съ каждымъ днемъ уменьшали популярность Австрійскаго дома. Не смотря, однако, на это, Карлъ II составилъ завѣщаніе, въ которомъ назначилъ эрцгерцога Карла наслѣдникомъ всей монархіи и просилъ прислать его въ Мадридъ. Но Вѣнскій дворъ, по обыкновенію, медлилъ; у него не было денегъ, и онъ боялся отпустить молодаго принца. Напрасно приверженцы Австріи настаивали на пріѣздѣ принца и совѣтовали прислать вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько надежныхъ полковъ. Въ Испаніи между тѣмъ продолжались интриги. За нѣсколько недѣль до смерти Карла, кардиналъ Портокарреро, съ помощью іезуитовъ, до такой степени напугалъ его ложными разказами о возстаніи мадридской черни, что овладѣлъ совершенно умирающимъ

[1]) Старшая дочь Филиппа IV, Марія-Терезія, была за Людовикомъ XIV, вторая—за Леопольдомъ; у нея была только одна дочь, вышедшая замужъ за курфирста Баварскаго.

королемъ. Сообщники Портокарреро написали новое завѣщаніе въ пользу втораго внука Людовика XIV, тайно заставили Карла его подписать и въ его кабинетѣ сожгли прежнее завѣщаніе. Въ день смерти Карла, 1-го ноября 1700 года, королева, дворъ и страна неожиданно узнали, что Испанскимъ королемъ назначенъ не эрцгерцогъ Карлъ, а принцъ Филиппъ Анжуйскій.

Вѣнскій дворъ былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ; онъ только-что распустилъ послѣ продолжительной Турецкой войны свои войска, казна была пуста, а предстояла грозная война, ибо Франція располагала теперь всѣми средствами Испанской монархіи. Въ Вѣнѣ возлагали всѣ надежды на дипломатію; нужно было вовлечь остальныя европейскія державы въ войну противъ Франціи; нужно было подѣйствовать на общественное мнѣніе и расположить его въ пользу Габсбурговъ. Оттого борьба за испанское наслѣдство вызвала цѣлую литературу полемическихъ сочиненій, особенно въ Голландіи, которая тогда была главнымъ рынкомъ для книжной торговли.

Эта литература представляетъ большой интересъ, потому что затрогиваетъ самые разнообразные вопросы международнаго права и показываетъ насколько измѣнились политическія идеи въ Европѣ. Принципъ легитимизма, по которому прежде опредѣляли судьбу народовъ и государствъ, сталкивается съ новымъ принципомъ политическаго равновѣсія въ Европѣ. Сама Австрія, представительница легитимизма, дѣлаетъ уступки; она требуетъ Испанской монархіи не для себя, а только для одного изъ своихъ эрцгерцоговъ. Старинныя права, основанныя на феодальныхъ отношеніяхъ, по которымъ папа долженъ былъ располагать судьбой Неаполя, какъ верховный ленный господинъ, а Германскій императоръ судьбою Милана и Бельгіи, встрѣчаютъ отпоръ въ идеяхъ новаго государственнаго права, на которомъ Испанцы основываютъ свое требованіе нераздѣльности своей монархіи. Наконецъ, возникаетъ новый вопросъ, которому суждено пріобрѣтать все больше и больше значенія: вопросъ о вмѣшательствѣ Европы во внутреннія дѣла извѣстнаго государства, вопросъ о правѣ народовъ избрать себѣ то или другое правительство.

Мы не знаемъ, какіе переговоры происходили между австрійскими министрами и Лейбницемъ, но по возвращеніи въ Ганноверъ онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ защищеніи правъ эрцгерцога Карла[1]).

[1]) Въ 1702 году Лейбницъ снова отправился въ Вѣну по порученію своего двора для того, чтобъ убѣдить принца Максимиліана (втораго сына Эрнста-

Онъ возражаетъ противъ памфлета французской партіи: Lettre écrite d'Anvers, авторъ котораго, подъ личиной Фламандца, защищаетъ права Филиппа Анжуйскаго и совѣтуетъ Голландцамъ не вступать въ несправедливую войну противъ него. Лейбницъ въ своемъ отвѣтѣ принимаетъ на себя роль голландскаго патріота, который опровергаетъ доводы Бурбонской партіи и указываетъ своимъ соотечественникамъ на вредныя для нихъ послѣдствія отъ соединенія Франціи и Испаніи. Лейбницъ издаетъ эти письма на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ чрезъ посредство своихъ друзей въ Голландіи, подъ заглавіемъ: La Justice encouragée contre les chicanes et menaces d'un partisan des Bourbons. Затѣмъ онъ принимаетъ на себя роль венеціанскаго патріота, и въ своемъ посланіи къ синьоріи старается отклонить ее отъ нейтралитета и убѣдить въ необходимости австрійскаго союза. Мы не знаемъ, было ли напечатано это посланіе къ Венеціанцамъ. Лейбницъ, вѣроятно, воспользовался своими связями въ Венеціи, чтобы посредствомъ своего посланія подѣйствовать на общественное мнѣніе въ республикѣ. Союзъ Венеціи былъ особенно важенъ для Австріи. Французы въ самомъ началѣ войны заняли Миланъ, и Евгеній Савойскій, при недостаткѣ войска, съ трудомъ могъ защищать южный Тироль и удерживать французскую армію отъ соединенія съ баварско-французскою, которая старалась проникнуть въ сѣверный Тироль. Союзъ Венеціанцевъ съ Франціей погубилъ бы армію Евгенія, а напротивъ, союзъ ихъ съ Австріей заставилъ бы Французовъ отступить [1].

Между другими сочиненіями Лейбница, относящимися сюда, мы укажемъ еще на его діалогъ между кардиналомъ Портокарреро и кастильскимъ адмираломъ графомъ Мелгаръ. Адмиралъ принадлежалъ къ небольшой партіи приверженцевъ Австріи и поэтому былъ изгнанъ изъ Испаніи при воцареніи Филиппа. У Лейбница, кардиналъ и адмиралъ сходятся для переговоровъ на границахъ Кастиліи. Они вступаютъ въ споръ о правахъ обоихъ претендентовъ, и этотъ споръ кончается тѣмъ, что кардиналъ сознается въ своемъ заблужденіи и переходитъ на сторону Карла.

Августа) принять завѣщаніе отца, по которому всѣ владѣнія Ганноверскаго дома переходили къ старшему сыну.

[1]) Издатель этого посланія, Фуше-де-Карель (T. IV, p. 175), относитъ его къ 1713 году, но это очевидная ошибка: оно относится къ первому году войны, какъ видно изъ его содержанія и изъ того, что въ немъ упоминается нѣсколько разъ о Вильгельмѣ Оранскомъ, умершемъ въ 1702 году.

Все, что высказано въ этихъ различныхъ сочиненіяхъ, собрано и изложено съ особеннымъ мастерствомъ въ знаменитомъ „Манифестѣ въ защиту правъ Карла III“.

Въ 1703 году Карлъ, достигнувъ 18-лѣтняго возраста, отправился, наконецъ, на англійскомъ флотѣ въ Испанію, чтобъ отнять ее у своего соперника. Манифестъ, написанный Лейбницемъ, долженъ былъ расположить въ пользу Карла общественное мнѣніе въ Испаніи, и Лейбницъ поэтому принимаетъ на себя роль Испанца. Онъ совершенно справедливо разчитывалъ болѣе на симпатіи испанскаго народа, чѣмъ на войско, съ которымъ Карлъ отправился въ Испанію. Изъ писемъ Лейбница, недавно изданныхъ Фуше-де-Карелемъ [1]), видно, что онъ послалъ свой манифестъ голландскому генералу Обдаму съ просьбой перевести его на испанскій языкъ и издать одновременно въ Испаніи и Голландіи. *Манифестъ* былъ изданъ въ началѣ 1704 года въ Голландіи, а чрезъ нѣсколько времени появился въ Португаліи въ испанскомъ переводѣ. Онъ тотчасъ обратилъ на себя вниманіе публики, и многіе узнали перо Лейбница. Баронъ Ботмаръ, Ганноверскій посолъ въ Гагѣ, поздравляетъ Лейбница и говоритъ, что онъ оказалъ поддержку Карлу III. Лейбницъ отказывается отъ авторства и замѣчаетъ, что поддержка, въ которой нуждается Испанскій король, это большее число войска, чѣмъ то, которое ему прислала Англія и Голландія [2]).

Манифестъ распадается на двѣ части — юридическую и реторическую. Лейбницъ выказалъ себя здѣсь такимъ же искуснымъ политикомъ, какъ и краснорѣчивымъ публицистомъ. Онъ начинаетъ съ опроверженія доводовъ, выставленныхъ французскими писателями въ пользу Филиппа Анжуйскаго. Какъ извѣстно, Марія-Терезія, старшая дочь Филиппа IV, выходя въ 1659 году замужъ за Людовика, должна была отказаться за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всякихъ правъ на испанское наслѣдство. Французскіе публицисты выставляли на видъ несправедливость отреченій отъ отцовскаго наслѣдства со стороны дочерей. Лейбницъ выражаетъ, что всѣ эти замѣчанія заимствованы изъ гражданскаго права, но что гражданскія постановленія не могутъ имѣть силы въ международномъ и государственномъ правѣ, которыми опредѣляются престолонаслѣдіе и отношенія между государствами. Французскіе публицисты приводили въ свою пользу, что по

---

[1]) Oeuvres de Leibn. T. III, p. 360.

[2]) Баронъ Обдамъ пишетъ ему въ то же время: Votre ouvrage fera son effet sans le nom de l'auteur, qui lui donneroit un nouveau relief, s'il était connu.

Пиренейскому договору Марія-Терезія должна была получить 500.000 скудо; а такъ какъ это обязательство не было исполнено со стороны Испаніи, то отреченіе Маріи-Терезіи утратило свою силу. Лейбницъ возражаетъ, что тѣ 500.000 вовсе не были вознагражденіемъ инфанты за отреченіе отъ правъ ея на наслѣдство, но назначались взамѣнъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и вообще движимаго имущества, которое давалось ей въ приданое. Сами Французы виноваты, что установленная сумма не была выплачена, ибо Испанія требовала, чтобы Пиренейскій договоръ и брачный контрактъ были регистрованы въ парламентѣ, какъ было условлено, а Франція этого не исполнила.

Приверженцы Бурбоновъ утверждали далѣе, что родители не могутъ отрекаться за своихъ дѣтей. Лейбницъ возражаетъ, что это справедливо только относительно дѣтей, родившихся до отреченія; но если бы всѣ дѣти и потомки имѣли право отказываться отъ обязательствъ, принятыхъ на себя родителями или предками ихъ, то никакіе законы, никакія сдѣлки не имѣли бы силы, и договоры между государствами имѣли бы только значеніе личной сдѣлки между государями.

Французскій дворъ, убѣдившись въ несостоятельности своихъ доводовъ, прибѣгнулъ къ новой уловкѣ.

Приверженцы Бурбоновъ въ Испаніи убѣдили короля составить новое завѣщаніе въ пользу Филиппа, на томъ будто бы основаніи, что отреченіе Маріи-Терезіи имѣло только цѣлью воспрепятствовать соединенію Испаніи и Франціи подъ однимъ королемъ; но такъ какъ наслѣдникомъ Испаніи назначается второй внукъ Людовика XIV, то обязательство по смыслу вполнѣ соблюдено [1]).

Лейбницъ возражаетъ, что вопервыхъ, завѣщаніе незаконно. Завѣщанія, особенно тѣ, которыя опредѣляютъ судьбу государствъ, должны дѣлаться публично. Завѣщаніе въ пользу Анжуйскаго принца было вынуждено угрозами у слабаго и умирающаго государя, котораго постоянно запугивали муками ада и ожесточеніемъ черни. Наконецъ, король не имѣетъ права самовольно располагать своимъ государствомъ

---

[1]) C'est pourquoi la cour de France, voyant que toute la terre avoit en horreur ces maximes, qui tendoient à violer les sermens les plus exprès et à renverser tout ce qu'il y a de plus sacré parmi les hommes, s'avisa enfin d'un autre expédient et prit le parti de reconnoitre la renonciation pour bonne et valable, afin de sauver (si cela se pouvoit) les apparences de la bonne foi. Mais ce fut après avoir forgé une chicane, qui paroissoit propre à en éluder l'effet, et à éblouir ceux, qui se payent de paroles. P. 382.

вопреки законности и принятымъ обязательствамъ. Поэтому необходимо разобрать то истолкованіе Пиренейскаго договора, которымъ оправдываются Французы. Ни одинъ порядочный юристъ не будетъ смѣшивать *условіе* съ *причиной* какого-нибудь распоряженія. Римское право давно ясно опредѣлило это различіе. Въ дигестахъ сказано, что если завѣщатель говоритъ: я оставляю свою землю Тицію, потому что онъ занимался моими дѣлами, то постановленіе остается въ силѣ, даже еслибъ оказалось, что Тицій не занимался дѣлами завѣщателя. Но если въ завѣщаніи сказано: я оставляю свою землю Тицію, если окажется, что онъ сдѣлалъ то-то и то-то, тогда требуется повѣрка относительно соблюденія указаннаго условія. Въ Пиренейскомъ договорѣ не указано никакой причины, почему Испанія требовала отреченія инфанта. Причинъ могло быть очень много, но ихъ не считали нужнымъ обозначать. Поэтому французская партія не имѣетъ никакого права посредствомъ своего толкованія навязывать Испаніи извѣстную причину, почему она требовала отреченія, и объявлять, что эта причина теперь не существуетъ [1]. Посредствомъ такой уловки можно обойдти всѣ частные и общественные договоры. Достаточно придумать какую-нибудь произвольную причину, по которой будто-бы состоялся извѣстный договоръ, и объявить, что эта причина перестала существовать, а вмѣстѣ съ нею и самый договоръ. Если бы причиной, почему испанское правительство требовало отреченія инфанта, было только желаніе воспрепятствовать соединенію обоихъ государствъ, въ договорѣ было бы ясно сказано, что инфанта отрекается только за старшаго сына; если же у нея будетъ нѣсколько сыновей, то второй можетъ наслѣдовать Испанію. Неужели можно предположить, что такой ловкій дипломатъ какъ Мазарини преминулъ бы ясно обозначить это различіе, столь выгодное для Франціи?

Но причина, по которой будто-бы въ Испаніи потребовали отреченія инфанта вовсе не переставала существовать. Кто же поручится, что въ случаѣ смерти старшаго внука Людовика XIV, второй внукъ, теперь король Испаніи, или кто-нибудь изъ его потомковъ, не взойдетъ на французскій престолъ и не соединитъ обѣ монархіи? Единственная гарантія въ этомъ случаѣ—честность Бурбоновъ, которые постоянно доказываютъ и словомъ и дѣломъ, что они господа своего слова (de n'être point esclave de sa parole). Уже теперь можно видѣть, какъ

[1]) Il ne faut avoir, que ce qu'on appelle une jurisprudence cérébrine, c'est à dire, que les personnes peu instruites se forment de leur tête sur de légères apparences, pour confondre la *condition* avec la *cause*.

Франція намѣрена дѣйствовать въ будущемъ. Филиппъ, отправляясь въ Испанію, торжественнымъ актомъ сохранилъ за собой право на французскій престолъ, а въ этотъ актъ не было внесено условіе, что онъ, въ случаѣ воцаренія во Франціи, долженъ отказаться отъ Испаніи.

Наконецъ, даже если принять французское толкованіе, нужно сознаться, что Пиренейскій договоръ нарушенъ. Соединеніе Французской и Испанской монархій на самомъ дѣлѣ совершилось. Эти два сосѣднія государства, управляемыя однимъ и тѣмъ же домомъ, будутъ находиться въ тѣсномъ союзѣ и угрожать свободѣ Европы. Эта свобода никогда не подвергалась такой опасности, какъ теперь, когда Людовикъ XIV отъ имени своего внука управляетъ также абсолютно Испаніей, какъ и Франціей.

Пиренейскій договоръ ясно говоритъ, что онъ имѣетъ цѣлью исключить весь родъ Бурбоновъ отъ испанскаго наслѣдія. Инфанта должна была отказаться не только за мужскихъ, но и за женскихъ потомковъ, которые по французскимъ законамъ лишены престолонаслѣдія и посредствомъ которыхъ поэтому никогда не могло бы совершиться соединеніе обѣихъ монархій.

Въ Пиренейскомъ договорѣ не указаны причины, почему Бурбоны устранялись отъ испанскаго престола. Но этихъ причинъ много; напримѣръ, сохраненіе равноправности между Испаніей и Франціей, такъ какъ послѣдняя лишаетъ права на престолъ иностранныхъ принцевъ, рожденныхъ отъ французскихъ принцессъ; антипатія Испанцевъ къ Франціи, которая причинила имъ такое зло; желаніе сохранить Испанію для Габсбургскаго дома, правленіе котораго такъ соотвѣтствуетъ нравамъ испанскаго народа. Вслѣдствіе всего этого въ Пиренейскій договоръ было внесено условіе, явно уничтожающее всякія уловки и козни. Инфанта должна была отречься отъ наслѣдства за себя и за своихъ потомковъ мужскаго и женскаго пола, „что бы они ни говорили въ свою пользу и какъ бы ни доказывали, что причины исключенія до нихъ не касаются и къ нимъ не относятся — encore, qu'ils voulussent ou pussent dire et prétendre, qu'en leurs personnes ne se découvrent ni ne se peuvent et doivent considérer les dites raisons de la chose publique ni autres, auxquelles la dite exclusion se pourroit fonder“.

Приверженцы Бурбоновъ утверждаютъ, будто бы народы Испанской монархіи охотно признали Филиппа Анжуйскаго своимъ королемъ. Но желаніе народовъ высказывается не посредствомъ чиновниковъ, а

посредствомъ народныхъ или провинціальныхъ собраній. Поэтому тѣ, которые захватили по смерти короля въ свои руки власть, должны были созвать такъ-называемые *кортесы* въ Кастиліи и Арагоніи, прежде чѣмъ рѣшиться на какую-либо мѣру. Пусть Бурбоны возвратятъ свободу испанскимъ землямъ и предоставятъ имъ свободно избрать, кого они хотятъ; пусть они перестанутъ стращать народъ оружіемъ и выйдутъ изъ Испаніи: тогда видно будетъ, кого желаетъ народъ [1]).

Предлогъ, что Испанцы потому будто бы были вынуждены избрать Бурбонскаго принца, чтобъ избѣгнуть раздробленія своей монархіи, совершенно нелѣпъ. Именно черезъ это избраніе Испанцы подвергли свою монархію раздробленію, такъ какъ Неаполь — лено папы, а Миланъ и Бельгія — лено императора.

Испанцы будто бы опасались силы Франціи; но почти вся Европа была противъ того, чтобы Бурбоны завладѣли Испаніей, и послѣдняя въ союзѣ съ Австріей легко бы устояла противъ нападеній Франціи.

Въ первой половинѣ своего сочиненія Лейбницъ доказывалъ несправедливость Бурбонскихъ притязаній; во второй онъ становится риторомъ, старается дѣйствовать на особенности и слабыя стороны Испанцевъ, чтобы внушить имъ опасенія и ненависть противъ Французовъ. Лейбницъ выставляетъ недостатки французскаго народа и правительства, и описываетъ бѣдствія, которымъ подвергнется Испанія при господствѣ Французовъ. Онъ указываетъ на контрастъ между испанскимъ и французскимъ національнымъ характеромъ [2]) и описы-

---

[1]) Въ черновомъ текстѣ своего сочиненія о правахъ Карла, Лейбницъ рѣзко порицаетъ способъ дѣйствія Французовъ, которые ссылаются на волю народа тамъ, гдѣ это имъ выгодно. Какъ видно, Франція рано начала прибѣгать къ *волѣ* народной (souveraineté du peuple), когда этого требовали ея интересы. Car je ne sçay si vous oserez soutenir, восклицаетъ Лейбницъ; que les peuples ont le pouvoir d'oster d'un prince la couronne, qui lui appartient, suivant leur bon plaisir. Ce principe des ennemis des monarchies, qui mettent tout le suprême pouvoir dans le peuple, estant hautement désapprouvé et passant pour séditieux en France comme l'auteur des avis aux réfugiés (извѣстная въ то время политическая брошюра) a fort bien montré, cependant, comme vous pourriez avoir double poids et double mesure, approuvant et désapprouvant des dogmes suivant vos interêts, il faut encore vous forcer dans le dernier retranchement. Затѣмъ Лейбницъ начинаетъ объяснять какъ выше, что не камарилла, призвавшая Бурбонскаго принца въ собраніе кортесовъ, должна была считаться представительницей испанскаго народа. T. III, p. 308.

[2]) Mais du coté des François, c'est tout le contraire. On ne se donne point de repos, et on n'en laisse point aux autres: le grave et le sérieux passe pour

ваетъ въ рѣзкихъ чертахъ упадокъ нравственности во Франціи, особенно въ отношеніяхъ обоихъ половъ.

Затѣмъ Лейбницъ обращаетъ вниманіе Испанцевъ на неповиновеніе Французовъ папѣ, на союзъ ихъ съ магометанами и происшедшія изъ этого бѣдствія для христіанъ, наконецъ, на атеизмъ, все болѣе и болѣе распространяющійся во Франціи [1]). „Даже теперь, подъ управленіемъ набожнаго, строгаго и абсолютнаго короля, распущенность и невѣріе достигли крайняго предѣла“.

Въ заключеніе Лейбницъ рисуетъ страшную картину бѣдствій, въ которыя повергнулъ Францію деспотизмъ Людовика XIV и которыя неминуемо обрушатся и на Испанію. Въ тѣсныхъ предѣлахъ одной страницы Лейбницъ сводитъ итогъ царствованія Людовика XIV, и эта страница представляетъ самую вѣрную и краснорѣчивую критику правленія *великаго короля.*

„Въ интересахъ, какъ и въ наклонностяхъ Бурбонскаго короля, говоритъ Лейбницъ, сдѣлаться самодержавнымъ, чтобы пользоваться деспотическою властью. Извѣстно, что такая форма правленія установилась во Франціи, что она тамъ восхваляется льстецами и что внукъ Французскаго короля не можетъ не быть пропитанъ этими убѣжденіями. Свободу вельможей и народовъ тамъ обратили въ ничто; произволъ короля тамъ все замѣняетъ, даже принцы крови не имѣютъ никакого авторитета; вельможи не болѣе какъ титулованныя особы и разоряются все больше и больше, между тѣмъ какъ возвышаютъ незначительныхъ лицъ, служащихъ орудіемъ для притѣсненія другихъ. Въ областяхъ, гдѣ сохранились провинціальныя собранія, ихъ созываютъ только для вида, и они служатъ для исполненія королевской воли; ихъ же собственныя неудовольствія и жалобы остаются безъ вниманія. Дворянство обѣднѣло до крайности; постоянно притѣсняемое придирками и взысканіями, оно принуждено истощать себя въ королевской службѣ и жертвовать своимъ имуществомъ и кровью для тщеславія завоевателя, между тѣмъ какъ оно питается одними несбыточными надеждами на

---

ridicule, et la règle ou la raison pour pedantesque; le caprice, pour quelque chose de galant, et l'inégalité dans la façon d'agir avec les gens, pour une adresse; on se fourre dans les maisons; on poursuit les gens jusques chez eux, on fait des querelles mal-à-propos etc.

[1]) Mais le pis de tout est que l'athéisme marche déjà en France tête levée, que les prétendus esprits forts y sont à la mode et que la piété y est tournée en ridicule. Ce venin se répand avec l'esprit françois, et partout où ce génie met le pied et se rend supérieur, il le porte avec lui. Se soumettre à la domination françoise, c'est ouvrir la porte à la dissolution et au libertinage....

обогащеніе и повышеніе, которыя достаются на долю очень немногимъ. Чиновниковъ, обогатившихся въ гражданскихъ и особенно въ выгодныхъ должностяхъ на счетъ общественнаго достоянія (такъ какъ правительство ихъ разнуздало), потомъ выжимаютъ какъ губку ревизіями ихъ счетовъ и служебныхъ дѣлъ, продажею должностей, учрежденіемъ новыхъ мѣстъ и требованіемъ безъ всякаго основанія большихъ суммъ, которыя они принуждены выплатить, чтобъ избавиться отъ преслѣдованій. Народъ безжалостно подавленъ и доведенъ до хлѣба и воды подушными, пошлинами, налогами, зимнимъ постоемъ и проходомъ войска, монополіями, измѣненіями монеты, которыя вдругъ лишаютъ всѣхъ значительной части достоянія, и тысячами другихъ изобрѣтеній. И все это идетъ только на ненасытный дворъ, который не заботится о своихъ настоящихъ подданныхъ, но старается еще увеличить число несчастныхъ, расширяя свои владѣнія. Теперь, когда всѣ народы Испанской монархіи подвергаются опасности подпасть той же участи, неужели настоящіе Испанцы, любящіе свое отечество и дорожащіе честію народа, останутся равнодушны"?

Между тѣмъ разразилась великая война за Испанское наслѣдство. Людовикъ XIV съ свойственнымъ ему высокомѣріемъ успѣлъ увеличить число своихъ враговъ. Его войска заняли отъ имени новаго Испанскаго короля Бельгію и возбудили этимъ въ Голландіи прежній страхъ французскаго сосѣдства. По смерти изгнаннаго Англійскаго короля Іакова, Людовикъ провозгласилъ его сына королемъ, и этимъ глубоко оскорбилъ религіозное и національное чувство Англичанъ. Королева Анна противъ своего желанія была вовлечена въ войну съ Франціей. Парламентъ назначилъ громадныя суммы для военныхъ издержекъ, и въ началѣ 1702 года морскія державы Англія и Голландія заключили съ Леопольдомъ союзъ противъ Франціи, въ которомъ приняли участіе Имперія, Савойя и Португалія. Франція привыкла къ европейскимъ коалиціямъ. Въ Рисвикѣ она предписала миръ еще болѣе страшной коалиціи. Тогда на сторонѣ враговъ была Испанія съ своими многочисленными провинціями, теперь же Испанія была во власти Французовъ и своими средствами увеличивала ихъ могущество. Баварія и архіепископъ Кёльнскій также приняли ея сторону, и французскія войска въ соединеніи съ баварскими проникли въ глубь Германіи и угрожали самой Вѣнѣ.

Но эта послѣдняя война Людовика XIV была наказаніемъ за всѣ прежнія политическія его ошибки, за его насилія и пренебреженіе къ праву другихъ. Старый деспотъ, который въ наивномъ ослѣпленіи

видѣлъ въ своемъ эгоизмѣ божественное призваніе и въ минуты успѣха говаривалъ, что побѣды — признакъ одобренія и избранія со стороны самаго Неба, опредѣлившаго подчинить всѣ державы одной, теперь испыталъ на себѣ горькую иронію судьбы [1]).

Никогда еще французскія войска не подвергались такимъ пораженіямъ, никогда Франція не была такъ истощена и раззорена. Европѣ представилось невиданное зрѣлище. Два полководца, различные по національности и по характеру, но равные по геніальности, дѣйствовали заодно безъ малѣйшей зависти и съ полнѣйшимъ единодушіемъ. Ихъ войска были избраны изъ самыхъ разнообразныхъ народностей и принадлежали многочисленнымъ правительствамъ, нерѣдко соперничавшимъ другъ съ другомъ; военныя издержки поступали изъ нѣсколькихъ казначействъ; снабженіе войскъ провіантомъ было крайне затруднительно и запутано, и не смотря на это, военныя дѣйствія отъ Швейцаріи до устьевъ Рейна предпринимались какъ бы по одному плану и исполнялись съ необыкновенною точностью и быстротой.

Два раза Франція просила мира, и два раза ея предложенія были отвергнуты. Казалось, пришло время отнять у Франціи всѣ завоеванія XVII вѣка, всѣ насильственные захваты ея, ослабить ея восточную границу и надолго лишить ее возможности безпокоить Европу своимъ честолюбіемъ.

Но въ самую рѣшительную минуту измѣна нѣсколькихъ интригановъ въ Англіи неожиданно спасла Францію. Вслѣдствіе блестящихъ успѣховъ войны, въ англійскомъ народѣ и парламентѣ получила перевѣсъ партія виговъ. Тори и тайные приверженцы претендента, поддерживаемаго Франціей, должны были выйдти изъ министерства. Но преслѣдованія, которымъ господствующая партія подвергала крайнихъ приверженцевъ англиканской церкви и торійскихъ легитимистовъ, явно проповѣдывавшихъ противъ устраненія отъ престола законнаго наслѣдника — Стюарта, и перемѣна въ личныхъ отношеніяхъ королевы къ женѣ герцога Мальборо произвели мало по малу реакцію при дворѣ и въ народѣ. Въ концѣ 1710 года былъ распущенъ парламентъ, а новый былъ болѣе расположенъ къ торіямъ, чѣмъ къ вигамъ. Гарлей и Сентъ Джонъ (лордъ Болингброкъ), главные приверженцы претендента, снова вступили въ министерство. Въ началѣ 1711 года они

---

[1]) Les victoires sont l'élection et les suffrages du ciel même, quand il a résolu de soumettre les autres puissances à une seule. Oeuvres de Louis XIV, I, p. 7. II, см. Laurent — Études sur l'histoire de l'humanité. T. XI.

вступили въ тайныя сношенія съ французскимъ дворомъ. Къ счастію для Франціи и для торіевъ, въ это самое время умеръ императоръ Іосифъ, и братъ его Карлъ сдѣлался наслѣдникомъ всѣхъ австрійскихъ и испанскихъ земель, то-есть, всей монархіи Карла V.

Естественно было ожидать, что Англія и Голландія теперь станутъ смотрѣть равнодушнѣе на водвореніе Бурбоновъ въ Испаніи и не захотятъ изнурять себя войной для того, чтобы создать новую громадную монархію, опасную для европейскаго равновѣсія. Вопросъ могъ идти только о томъ, что именно отдѣлить отъ королевства Анжуйскаго принца и чѣмъ вознаградить притязанія Габсбурговъ. Если бы живъ былъ Вильгельмъ Оранскій, Европа увидѣла бы, вѣроятно, новую политическую комбинацію, выгодную для нейтральныхъ державъ и для успокоенія Европы. Испанію вѣроятно получилъ бы герцогъ Савойскій, по женской линіи происходившій отъ Филиппа II Принцъ Анжуйскій получилъ бы Неаполь, и можетъ-быть, Савойю, а Франція была бы удовлетворена тѣмъ, что въ случаѣ пресѣченія Анжуйской линіи, эти земли достались бы ей. Австрія была бы вознаграждена Миланомъ и Бельгіей, а можетъ-быть, даже Бельгія досталась бы курфирсту Баварскому, союзнику Франціи, и была бы нейтрализована общей гарантіей. Австрія же получила бы въ этомъ случаѣ Баварію. Послѣднее было бы чрезвычайно выгодно для нея: она стала бы твердой ногой въ Германіи и не была бы поставлена въ необходимость постоянно защищать отдаленныя Нидерланды отъ нападенія Франціи.

Изъ сочиненій Лейбница видно, что подобный проектъ дѣйствительно существовалъ и былъ даже предложенъ Людовику XIV. Но въ Европѣ не было тогда твердой руки, которая могла бы привести его въ исполненіе; всего болѣе противилась ему Австрія, которая никогда не умѣла во время отказаться отъ своихъ притязаній и своимъ упорствомъ часто лишала себя самыхъ большихъ выгодъ.

Перваго января 1712 года Мальборо лишился званія главнокомандующаго англійскими войсками. Напрасна была поѣздка Евгенія Савойскаго въ Лондонъ, гдѣ онъ своею популярностью въ народѣ думалъ подѣйствовать на королеву и министерство. Должность Мальборо была поручена Ормонду, ревностному якобиту, который не слушался Евгенія и былъ причиной пораженія союзниковъ при Дененѣ (Denain). Въ концѣ января начались переговоры въ Утрехтѣ; но не здѣсь рѣшилась судьба испанскаго наслѣдства, а въ тайныхъ сношеніяхъ англійскихъ министровъ съ французскимъ правительствомъ. Торійскіе министры заботились только о томъ, чтобы выговорить для

Англіи различныя торговыя выгоды въ испанскихъ колоніяхъ, и предали своихъ союзниковъ, Голландію и Германію, на произволъ Франціи; Голландія боялась отстать отъ Англіи: императору былъ предложенъ ультиматумъ, и осенью 1712 года заключено перемиріе для пріостановки военныхъ дѣйствій за исключеніемъ Каталоніи и Рейна.

По Утрехтскимъ прелиминаріямъ, Испанія и ея колоніи должны были остаться за Филиппомъ, Австрія должна была получить Неаполь, Миланъ и Бельгію, Савойя получала Сицилію, курфирстамъ Баварскому и Кёльнскому возвращались всѣ владѣнія ихъ, а первый кромѣ того получалъ еще Сардинію. Границы же между Франціей и Германіей опредѣлялись по Рисвикскому миру, чрезвычайно невыгодному для послѣдней.

Лейбницъ былъ глубоко огорченъ извѣстіемъ объ этихъ условіяхъ. Соединеніе Испаніи и Франціи подъ одной династіей заставляло его опасаться за спокойствіе Европы; но всего болѣе былъ оскорбленъ его патріотизмъ. Германія должна была упустить навсегда удобный случай возвратить области, насильственно у нея отнятыя, Эльзасъ и Страсбургъ. Голландія выговорила себѣ со стороны Франціи *барьеръ:* то-есть, пограничныя крѣпости между Франціей и Бельгіей должны были принять голландскіе гарнизоны. Германія же оставалась беззащитной со стороны Франціи: всѣ крѣпости на верхнемъ Рейнѣ были въ рукахъ послѣдней, и она во всякое время могла свободно вторгнуться въ южную Германію.

Лейбницъ жалѣлъ, что онъ не въ Вѣнѣ. Онъ надѣялся тамъ своими совѣтами и настояніями пріобрѣсти вліяніе на дѣла и послужить интересамъ своего отечества. Его изобрѣтательному уму представилась новая политическая комбинація, съ помощью которой можно было возвратить потерянное и замѣнить союзъ съ Англіей. Въ восточной половинѣ Европы шла въ это время Сѣверная война; по окончаніи турецкихъ дѣлъ, Петръ Великій поспѣшилъ въ Германію и старался побудить своихъ союзниковъ: Саксонію, Пруссію, Данію и Ганноверъ, къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи. Онъ предлагалъ Австріи свой союзъ, но та медлила съ свойственной ей нерѣшительностью и недовѣрчивостью.

Что еслибъ Австрія примкнула къ сѣверному союзу, если бы Карлъ VI, въ качествѣ императора, конфисковалъ шведскія провинціи въ Германіи и уступилъ бы ихъ союзникамъ? Этой цѣной онъ могъ бы привлечь на свою сторону весь сѣверный союзъ и съ его помощью обойдтись безъ субсидій Англіи и Голландіи. Русскія войска явились бы

на Рейнѣ, и тогда было бы легко завоевать Эльзасъ и Страсбургъ и добыть себѣ крѣпкій оплотъ противъ нападеній Франціи.

Судьба, казалось, благопріятствовала планамъ Лейбница. Въ 1711 году онъ былъ представленъ Петру Великому въ Торгау, гдѣ праздновался бракъ между царевичемъ Алексѣемъ и Софіей Вольфенбюттельскою, внучкой Антона-Ульриха [1]). Въ слѣдующемъ году Карлъ VI самъ обратился къ Антону-Ульриху, своему родственнику, съ просьбой принять на себя посредничество между Австріей и Россіей.

Петръ въ это время находился въ Карльсбадѣ. Антонъ-Ульрихъ отправилъ туда Лейбница съ тайнымъ порученіемъ къ Русскому царю. Порученіе было устное. Лейбницъ долженъ былъ приложить всѣ старанія, чтобы содѣйствовать къ сближенію обоихъ императоровъ, недавно породнившихся. Никакое порученіе не могло быть такъ пріятно Лейбницу; съ его помощью онъ надѣялся осуществить свой планъ и привлечь сѣверный союзъ въ войну съ Франціей.

Въ Карльсбадѣ Лейбницъ былъ принятъ очень хорошо. Еще за годъ предъ тѣмъ въ Торгау ему обѣщали дать чинъ тайнаго совѣтника и значительную пенсію, съ тѣмъ чтобъ онъ представлялъ русскому правительству свои соображенія на счетъ судебныхъ и финансовыхъ реформъ и развитія просвѣщенія въ Россіи. Теперь въ Карльсбадѣ былъ изданъ объ этомъ указъ, и Лейбницъ офиціально вступилъ въ русскую службу. Изъ Карльсбада, гдѣ онъ старался узнать желанія русскаго правительства и его расположеніе относительно австрійскаго союза, Лейбницъ отправился въ Вѣну.

На этотъ разъ Лейбницъ имѣлъ большой успѣхъ при Вѣнскомъ дворѣ, не смотря на господствовавшій тамъ строгій этикетъ. Онъ былъ лично извѣстенъ обѣимъ императрицамъ — вдовствующей супругѣ Іосифа I и Елисаветѣ-Христинѣ, супругѣ Карла. Обѣ онѣ были изъ Брауншвейгскаго дома и выросли на его глазахъ. Первая была дочерью герцога Іоганна-Фридриха, и мы видѣли, какое участіе принималъ Лейбницъ въ ея сватовствѣ [2]). Вторая была внучка Антона-Ульриха. Самъ императоръ давно зналъ о Лейбницѣ, такъ краснорѣчиво защищавшемъ его права въ своемъ манифестѣ. Онъ не только прини-

---

[1]) Письмо Антона-Ульриха къ Петру, изъ архива мин. иностр. дѣлъ, мы напечатаемъ въ сочиненіи, которое будетъ посвящено отношеніямъ Лейбница къ Петру.

[2]) У Фуше де-Кареля во II т. p. 148 напечатано очень интересное письмо Лейбница на англійскомъ языкѣ къ матери принцессы Амаліи, въ которомъ онъ ей сообщаетъ объ интригахъ при Вѣнскомъ дворѣ противъ брака ея дочери.

малъ его на аудіенціяхъ, но приглашалъ его бывать во дворцѣ и часто бесѣдовалъ съ нимъ, устранивъ всякій этикетъ.

Лейбницъ пробылъ въ Вѣнѣ два года, и это время было самымъ плодотворнымъ въ его политической дѣятельности. Онъ теперь уже не былъ частнымъ человѣкомъ въ Вѣнѣ; часто видѣлся съ министрами и получалъ прямо отъ нихъ свѣдѣнія, необходимыя для его сочиненій [1]). Изъ различныхъ черновыхъ бумагъ Лейбница, недавно изданныхъ, мы видимъ, какіе совѣты онъ давалъ императору и австрійскимъ министрамъ [2]). Онъ настаивалъ на необходимости вступить въ сношеніе съ сѣверными союзниками и старался указывать, какимъ образомъ достать средства для продолженія войны.

Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1713 года въ Утрехтѣ былъ подписанъ миръ между Франціей и Англіей съ Голландіей. Императоръ Карлъ отказался за себя и за имперію отъ участія въ немъ. Шлоссеръ осуждаетъ за это своихъ соотечественниковъ съ свойственной ему рѣзкостью [3]). Его упреки справедливы, если имѣть въ виду оплошность, съ которою дѣйствовали нѣмецкіе князья, и безуспѣшность войны. Но намѣреніе князей продолжать войну заслуживаетъ, напротивъ, одобренія съ патріотической точки зрѣнія. Нужно перенестись въ то время. Имперія вела 10 лѣтъ тяжелую войну съ Франціей, и въ первый разъ съ блестящимъ успѣхомъ; вдругъ ее оставляютъ союзники, и ей предлагаютъ невыгодныя и даже постыдныя условія. Естественно, что патріотическое негодованіе овладѣло лучшими людьми въ Германіи и что они требовали напряженія послѣднихъ силъ, чтобы принудить Францію къ выгодному миру. Даже на сеймѣ, противъ обыкновенія, было замѣтно нѣкоторое одушевленіе. Тамъ зашла даже рѣчь о народномъ ополченіи противъ Франціи. Національное чувство было сильно возбуждено. Евгеній Савойскій въ собраніи князей въ Майнцѣ поручился своей головою, что съ 80.000 арміей и 300.000 плохо

[1]) Фуше де-Карель въ IV т. напечаталъ записку Лейбница, въ которой обозначены дипломатическіе документы, полученные имъ изъ придворной канцеляріи.

[2]) Сюда относятся статьи: Consultation abrégée sur l'état des affaires и Moyens въ IV томѣ изданія Фуше де-Кареля.

[3]) Die Deutschen waren stolz und thöricht genug, ohne im Stande zu sein den Krieg fortzusetzen, die Bedingungen zu verschmähen, unter denen man ihnen in Utrecht den Frieden anbot. *Schlosser* — Gesch. d. 18 t. Jahrh. I p. 104. Niemand bedauerte Kaiser und Reich, als sie im längeren Kampfe nur neuen Schimpf auf sich luden p. 108. Совершенно иначе смотритъ на дѣло безпристрастный Французъ, издатель Лейбницевыхъ сочиненій. T. VI. Introduction. p. 50 sq.

вооруженнаго ополченія онъ доставитъ имперіи въ 4 недѣли такой миръ, который избавитъ ее на долго отъ всякихъ нападеній.

Лейбницъ можетъ служить намъ самымъ лучшимъ представителемъ господствовавшаго тогда общественнаго мнѣнія. Онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ принцу Евгенію и хорошо зналъ положеніе дѣлъ. Лейбницъ настаивалъ на войнѣ. Совершенно несправедливо обвиненіе, будто бы въ этомъ случаѣ онъ поддѣлывался подъ политику Австріи. Напротивъ, онъ былъ въ Вѣнѣ представителемъ нѣмецкихъ интересовъ и старался своимъ вліяніемъ поддерживать патріотическую партію при дворѣ [1]).

Въ своихъ запискахъ, предназначенныхъ для императора, Лейбницъ старается прежде всего внушить ему бодрость и твердость. Онъ указываетъ на примѣръ Людовика XIV, который въ счастіи и несчастіи всегда сохранялъ ровность духа и никогда не увлекался, во вредъ своимъ интересамъ, страстями, раздраженіемъ или местью. Лейбницъ убѣждаетъ императора, что ему нечего отчаяваться. Онъ сравниваетъ дряхлость Французскаго короля съ молодостью и предпріимчивостью императора, котораго онъ называетъ восходящимъ солнцемъ, доказываетъ, что Франція больше изнурена войной, чѣмъ Германія, и что нѣмецкіе князья въ состояніи выставить болѣе значительные контингенты. Можно быть увѣреннымъ, говоритъ онъ, что въ Европѣ скоро послѣдуетъ политическій переворотъ, выгодный для императора.

Multa dies variusque labor mutabilis aevi
Retulit in melius; multos alterna revisens
Lusit et in solido rursus fortuna locavit.

Интриги торійскихъ министровъ и козни Франціи, чтобы возвести претендента на англійскій престолъ, неминуемо произведутъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи Англіи, благопріятный для союза съ императоромъ. Англія, вслѣдствіе своей ненависти къ постоянной арміи, теперь обезоружена, и Франція навѣрное воспользуется этимъ, чтобы сдѣлать высадку въ пользу претендента. Малѣйшая попытка въ этомъ родѣ вызоветъ новую коалицію Англіи и Голландіи противъ Франціи. Кромѣ того, всякій успѣхъ Франціи на Рейнѣ заставитъ Голландцевъ опасаться за себя и принять сторону Германіи.

Но Лейбницъ не останавливается на надеждахъ и предположе-

---

[1]) См. объ этомъ введеніе къ IV т. сочиненій Лейбница, въ которомъ издатель старается оправдать его противъ обвиненій, выставленныхъ въ диссертаціи Лезера.

ніяхъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобъ императоръ вступилъ въ соглашеніе съ державами, соединившимися противъ Швеціи. Въ Пруссіи взошелъ на престолъ молодой король, жаждущій славы; его легко вовлечь въ болѣе дѣятельную войну съ Франціей, если ему предоставить часть шведской Помераніи, которую Пруссія давно желаетъ пріобрѣсти. Еще отецъ короля дѣлалъ въ Барцелонѣ извѣстныя предложенія на счетъ Помераніи, которыя тогда были отвергнуты. Курфирстъ Ганноверскій чрезвычайно опасается за наслѣдство англійскаго престола и потому охотно приметъ участіе въ войнѣ съ Франціей, особенно если ему обѣщать шведскую провинцію Бременъ или Верденъ. Примѣръ Ганновера и Пруссіи увлечетъ за собой остальную Германію. Саксонію и Данію также можно привлечь, уступивъ имъ что-нибудь изъ шведскихъ провинцій въ Германіи.

Но самый важный изъ сѣверныхъ союзниковъ, это—царь. Онъ, кажется, расположенъ вступить въ соглашеніе съ императоромъ. Конечно, здѣсь надо быть осторожнымъ, чтобы не дать Туркамъ повода объявить войну Австріи, ибо это былъ бы верхъ несчастія. Поэтому лучше всего отложить заключеніе союза съ царемъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ миръ или по крайней мѣрѣ перемиріе между Турціей и Россіей. Можно теперь же заключить съ нимъ договоръ, съ тѣмъ чтобъ онъ вошелъ въ силу по заключеніи прочнаго мира съ Турками. Впрочемъ, лучше всего отсрочить этотъ договоръ, а между тѣмъ вступить съ царемъ въ соглашеніе и удовлетворить его, предоставивъ ему тѣ же привилегіи въ церемоніяхъ, которыми пользуются другіе могущественные государи.

Соглашеніе съ царемъ относительно Франціи можно устроить посредствомъ его союзниковъ, Саксоніи и Пруссіи. Царь могъ бы, на извѣстныхъ условіяхъ, уступить имъ часть своего войска и отправить его на Рейнъ. „Московскія войска, говоритъ Лейбницъ, какъ доказано опытомъ, послушны и соблюдаютъ строгую дисциплину, если этого хотятъ ихъ начальники; они стоятъ гораздо меньше чѣмъ наши и отлично переносятъ всякіе труды“. Царь согласился бы тѣмъ скорѣе прислать ихъ на помощь, что это было бы для нихъ хорошею военною школой.

Союзъ съ царемъ могъ бы принести и другія важныя выгоды. Съ его помощью было бы не трудно привлечь Голландію въ коалицію. Въ настоящее время, какъ и въ 1670 году, когда не было статгальтера, городъ Амстердамъ занимаетъ первенствующее положеніе въ республикѣ и даетъ направленіе политикѣ Генеральныхъ Штатовъ

сообразно съ своими интересами. Если бы царь согласился уменьшить слишкомъ обширныя торговыя выгоды, предоставленныя Англичанамъ въ Россіи, и перенести ихъ на Амстердамъ, то можно было бы этой цѣной купить союзъ Голландіи.

Подобныя предложенія и совѣты составляютъ содержаніе многочисленныхъ записокъ и замѣтокъ, написанныхъ Лейбницемъ для императора и министровъ [1]). Такъ какъ онѣ изданы по черновымъ бумагамъ Лейбница, сохранившимся въ Ганноверѣ, то трудно рѣшить, которыя изъ нихъ дошли до своего назначенія. Но изъ нихъ видно, что Лейбницъ прямо обращался къ Карлу VI. Въ одномъ письмѣ къ нему онъ говоритъ: „Героическое рѣшеніе В. В. продолжать войну противъ Франціи, чтобы поднять честь нѣмецкаго народа и благосостояніе отечества, достойно самыхъ великихъ похвалъ. Оно требуетъ въ высшей степени бодрости и благоразумія. Господь надѣлилъ В. В. этими двумя качествами“ и т. д. [2]).

Изъ совѣтовъ Лейбница видно, что онъ дѣйствовалъ по согласію съ Евгеніемъ Савойскимъ. Лейбницъ, напримѣръ, убѣждаетъ императора, что для сближенія съ сѣверными союзниками лучше всего было бы послать въ Берлинъ принца Евгенія, а въ Польшу и къ Петру другое довѣренное лицо — вѣроятно, онъ разумѣетъ себя. Евгеній совѣтовалъ императору промѣнять Бельгію на сосѣднюю Баварію, и Лейбницъ также настаивалъ на этомъ. Какъ извѣстно, австрійская политика схватилась за эту мысль 60 лѣтъ спустя, когда уже было поздно.

Лейбницъ старался дѣйствовать не только на Вѣнскій дворъ, но и на общественное мнѣніе въ Европѣ. Для этой цѣли онъ написалъ свой обширный трактатъ противъ Утрехтскаго мира: La Paix d'Utrecht est inexcusable. Всѣ необходимые для этого документы Лейбницъ получалъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и одинъ изъ чиновниковъ министерскихъ долженъ былъ помогать Лейбницу при составленіи трактата. Онъ предназначался къ изданію въ Голландіи вмѣстѣ съ другимъ офиціальнымъ трактатомъ, уже прежде изданнымъ, въ которомъ австрійское правительство объясняло, почему оно не могло принять участіе въ Утрехтскомъ мирѣ.

---

[1]) Самое интересное изъ нихъ Considérations relatives à la paix ou à la guerre, Kurzes Bedenken uber den Lauf des gemeinen Wesens. etc. Oeuvres de L. ed. Foucher. VI. T.

[2]) Отрывокъ изъ неизданнаго письма Лейбница у Фуше де К. Introd. T. IV. p. 12.

Лейбницъ преимущественно имѣлъ въ виду общественное мнѣніе въ Англіи, гдѣ господствовали торіи, и потому далъ своему трактату форму посланія къ торійскому лорду. Эпиграфомъ онъ выбралъ стихъ Лафонтена, въ которомъ поэтъ хвалитъ миръ, но только безопасный

Jusqu'à la sureté (c'est la loy)
Il faut faire aux méchans une guerre immortelle.
La paix est fort bonne de soy,
J'en conviens, mais à quoy sert-elle
Avec des ennemis sans foy?

Лейбницъ въ началѣ опровергаетъ оправданіе англійскаго министерства, что оно было принуждено къ миру недостаткомъ денегъ. Лейбницъ доказываетъ, что деньги на слѣдующую кампанію уже были назначены парламентомъ. Во всякомъ случаѣ, нужно было дѣйствовать искренно съ союзниками и не вести переговоровъ безъ ихъ вѣдома. Франція была доведена до крайности, и союзники готовились вторгнуться въ нее, когда вдругъ англійское правительство остановило ихъ. „Вашему народу, говоритъ Лейбницъ, принадлежитъ честь того, что Франція не только опасна, но что ей возвращены высокомѣріе и всѣ ея надежды, изъ которыхъ главная заключается въ томъ, чтобы разрушить англійскую свободу. Преждевременный миръ лишилъ Англію громадныхъ выгодъ; ибо она могла бы легко потребовать для себя Вестъ-Индію или по крайней мѣрѣ устье Миссисипи, гдѣ Франція основываетъ теперь новыя государства. Тѣ изъ совѣтниковъ, которые хлопотали о мирѣ, дѣйствовали во вредъ интересамъ, безопасности и свободѣ Англіи и только благопріятствовали Франціи — несправедливости, деспотическому произволу и всему, что можетъ послужить къ возвращенію претендента на престолъ Англіи. Пусть приверженцы свободы и протестантскаго наслѣдства не слишкомъ разчитываютъ на него, хотя оно и упрочено законами и клятвами. Вѣдь въ войнѣ съ Франціей не помогли ни договоры, ни обѣщанія. Недавно еще, въ декабрѣ 1711 г., королева въ своей тронной рѣчи сказала, что „ей было бы непріятно, если бы кто-либо могъ думать, что она не употребитъ послѣднихъ усилій, чтобъ отнять у Бурбоновъ Испанію и Америку“. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того былъ заключенъ Утрехтскій миръ.

Затѣмъ Лейбницъ обращается къ Голландцамъ и доказываетъ, какъ они поступили безразсудно, заключивъ преждевременный миръ съ Франціей. Теперь Голландія отдала себя на произволъ державы,

которой она только-что нанесла смертельное оскорбленіе. Французы никогда не простятъ ей униженія, которому они подверглись во время переговоровъ въ Гагѣ и Гертруйденбургѣ. Лейбницъ напоминаетъ Голландцамъ о Самнитянахъ, которые отпустили на свободу Римлянъ при Каудинскихъ ущельяхъ, нанесши имъ самое жестокое оскорбленіе, и потомъ дорого за это поплатились. Онъ сравниваетъ Голландцевъ съ страусомъ, который, спрятавъ голову, считаетъ себя безопаснымъ. Голландцы полагаютъ, что они обезпечили себя, выговоривъ барьеръ въ Бельгіи. Этотъ барьеръ прикрываетъ ихъ только съ фронта; если же Французы займутъ лѣвый берегъ Рейна, тогда повторится для нихъ страшная опасность 1672 года, когда Французы съ своими нѣмецкими подручниками зашли къ нимъ съ тыла. Но можетъ случиться еще хуже. Если Франціи удастся возвести претендента на англійскій престолъ, тогда въ Мадридѣ и Лондонѣ будутъ сидѣть намѣстники Французскаго короля, тогда Америка и Индія будутъ принадлежать Франціи, и въ ея рукахъ будетъ вся европейская торговля. Тогда Людовикъ назначитъ также статгалтера въ Голландію, и послѣдняя сдѣлается французскою провинціей.

По этому поводу Лейбницъ касается одной французской брошюры, написанной въ отвѣтъ на книгу: Les soupirs de l'Europe. Авторъ брошюры доказываетъ, что враги Франціи впадаютъ въ противорѣчіе. Они жалуются, что Франція слишкомъ могущественна, и въ то же время утверждаютъ, что они легко съ нею справятся. Лейбницъ говоритъ, что все это можно гораздо вѣрнѣе примѣнить къ императору. Англія и Голландія покинули его подъ предлогомъ, что если онъ овладѣетъ Испаніей, то онъ будетъ слишкомъ могущественъ, а въ то же время они извиняютъ свое вѣроломство тѣмъ, что война лежитъ на ихъ плечахъ, и императоръ слишкомъ слабъ, чтобы принять въ ней дѣятельное участіе. Лейбницъ опровергаетъ оправданіе Англіи и Голландіи, что онѣ не обязались будто бы завоевать для Карла Испанію и Америку. Онъ приводитъ текстъ трактата 1701 года, въ которомъ сказано, что Франція и Испанія до такой степени тѣсно соединены, что составляютъ какъ-будто одно государство. Отъ этого соединенія онѣ пріобрѣли такое могущество, что легко могутъ подчинить себѣ всю Европу. Вслѣдствіе этого между морскими державами и императоромъ заключается союзъ, по которому первыя обязуются доставить императору справедливое и надлежащее удовлетвореніе (satisfaction juste et raisonnable) относительно испанскаго наслѣдства.

Чтобъ отнять всякое сомнѣніе, что подъ этимъ удовлетвореніемъ

разумѣли Испанія и Америка, Лейбницъ приводитъ текстъ втораго трактата, заключеннаго въ 1703 году между тѣми же державами. Тамъ прямо сказано, что союзники обязываются доставить Карлу Испанскую монархію въ томъ объемѣ, въ какомъ она находилась при Карлѣ II, и не заключать ни перемирія, ни мира безъ взаимнаго согласія до тѣхъ поръ, пока внукъ Людовика XIV не оставитъ Испаніи.

То же самое обязательство было повторено нѣсколько разъ въ парламентскихъ постановленіяхъ и въ рѣчахъ королевы. Неожиданная смерть императора Іосифа не могла снять съ морскихъ державъ этого обязательства. Соединеніе Испаніи и Австріи подъ однимъ государемъ не страшно для Европы: обѣ эти страны отдалены другъ отъ друга, и сообщеніе между ними легко прервать. Совершенно иное дѣло — сліяніе Франціи и Испаніи: соединеніе ихъ подъ двумя королями одного дома гораздо опаснѣе, чѣмъ соединеніе Испаніи и Австріи въ одной рукѣ, ибо государи Испаніи и Франціи связаны узами крови, общими интересами, а главное — географическимъ положеніемъ: Франція и Испанія на самомъ дѣлѣ представляютъ одно государство, страшное для Европы: une union réelle et formidable.

Слова Лейбница оправдались: Англіи пришлось дорого поплатиться за то, что она допустила Бурбоновъ овладѣть испанскимъ престоломъ. Въ продолженіе всего XVIII вѣка, пока Бурбонская династія сидѣла на престолѣ Франціи, Испанія слѣдовала ея политикѣ и была для нея вѣрнымъ вассаломъ въ борьбѣ съ Англіей.

Морскія державы, продолжаетъ Лейбницъ, не только нарушили свои обязательства относительно императора, но поступили также вѣроломно относительно имперіи. Въ 1702 году Англія, Голландія и императоръ заключили договоръ съ четырьмя округами Германіи — Верхне-Рейнскимъ, Франконскимъ, Швабскимъ и Куръ-Рейнскимъ, по которому послѣдніе обязаны приступить къ коалиціи. За это имъ обѣщали, что союзныя державы никогда ихъ не покинутъ, а употребятъ всѣ старанія, чтобы вознаградить ихъ и возвратить имъ города и земли, отнятыя Франціей [1]).

---

[1]) Какъ извѣстно, Германія раздѣлялась на 10 округовъ, которые имѣли свои особенныя директоріи. 8-я ст. договора, на который ссылается Лейбницъ, гласитъ: Stipulantur sibi ut inter alia, praeprimis etiam redintegrationis superiorum imperii circulorum, mediante restitutione tot ab iis avulsorum commembrorum, civitatum, terrarumque in pristinum statum et jura, quibus ante avulsionem ab imperio gavisi sunt, cura ratioque habeatur, nullumque mediorum ad eam conducentium omittatur.

Не смотря на громадныя жертвы, которыя эти округи принесли общему дѣлу, англійскіе уполномоченные относились къ нимъ въ Утрехтѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ и вмѣсто вознагражденія, ихъ ожидаетъ потеря всего, что имъ принадлежало на лѣвомъ берегу Рейна.

Въ Утрехтскомъ договорѣ сказано: „Рисвикскій миръ будетъ возстановленъ; Рейнъ будетъ служить барьеромъ между Франціей и Имперіей“. Что же это значитъ, неужели весь лѣвый берегъ Рейна съ владѣніями четырехъ курфирстовъ долженъ отойдти къ Франціи? Но положимъ, что здѣсь неточность въ выраженіи и что подъ барьеромъ Рейна разумѣютъ только Эльзасъ. Слѣдовательно, то, что захвачено у Германіи во время мира, теперь отчуждается отъ нея навсегда, и это называется ея барьеромъ? Въ этомъ случаѣ не Франція даетъ Имперіи обезпеченную границу, а Имперія Франціи, которая въ этомъ не нуждается. Въ 5-й статьѣ прелиминарій, предложенныхъ самою Франціей, сказано, что король дастъ свое согласіе на устройство безопаснаго и надлежащаго барьера для охраненія Германіи: очевидно, что этого нельзя сдѣлать, если не удалить Французовъ отъ Рейна и не возвратить Германіи Эльзаса и Страсбурга. Рейнъ — безопасный и надлежащій барьеръ (une barrière sure et convenable) для Франціи, но не для Германіи, ибо Франція можетъ въ каждую данную минуту перейдти его съ войскомъ и вторгнуться въ Германію.

Разказавъ подробно весь ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ Утрехтскому миру, и раскрывъ недобросовѣстность и вѣроломство англійскихъ министровъ, Лейбницъ начинаетъ разбирать одну за другой всѣ статьи мирнаго договора. Онъ доказываетъ, какъ несправедлива статья, опредѣляющая возвратить курфирстамъ Баварскому и Кёльнскому, не смотря на ихъ измѣну, всѣ владѣнія ихъ и перваго кромѣ того вознаградить королевствомъ Сардиніей; какъ несправедливо требовать отъ императора, чтобъ онъ возвратилъ владѣльцамъ графство Комакіо, герцогства Мирандолу и Мантую, конфискованныя за измѣну, а герцогиню Орсини (Des Ursins) обезпечилъ бы имѣніями въ Бельгіи, обѣщанными ей Филиппомъ V. Онъ указывалъ, наконецъ, на безчеловѣчность и вѣроломство, съ которыми храбрые Каталонцы, возставшіе противъ Филиппа въ надеждѣ на союзниковъ, были преданы въ жертву Французамъ и т. д.

Въ заключеніе Лейбницъ снова возвращается къ опаснымъ послѣдствіямъ, которыя этотъ миръ будетъ имѣть для Англіи и рисуетъ.

страшную картину бѣдствій, ожидающихъ Англію, когда претенденту удастся съ помощью Франціи овладѣть отцовскимъ престоломъ [1]).

Никто не сознавалъ лучше Лейбница связь между двумя великими политическими моментами этого времени — умиротвореніемъ Европы посредствомъ побѣды надъ Франціей и упроченіемъ свободы въ Англіи посредствомъ водворенія протестантскаго наслѣдника изъ Ганноверской линіи. Послѣдніе годы его жизни были исключительно посвящены этимъ двумъ вопросамъ. Онъ сдѣлался при Вѣнскомъ дворѣ главнымъ ходатаемъ за интересы либеральной партіи въ Англіи и старался извлечь изъ своихъ связей съ этою партіей всевозможную пользу для Габсбурговъ и Германіи.

Въ 1713 году явился въ Вѣну Шотландецъ Керъ-офъ-Керслендъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ Ганноверской династіи, съ тайнымъ порученіемъ отъ своихъ друзей. Керъ игралъ важную роль въ политическихъ смутахъ Англіи, какъ главный руководитель энергической секты камероніанцевъ [2]).

Въ это время въ Шотландіи были три политическія партіи: приверженцы епископальной церкви, пресбитеріане и камероніанцы. Первые стояли за Стюартовъ; къ нимъ принадлежали всѣ шотландскіе горцы, которые потомъ такъ храбро проливали свою кровь за претендентовъ. Камероніанцы и пресбитеріане были за наслѣдіе протестантской династіи. Когда въ 1660 году Стюарты возвратились въ Англію, Карлъ II сталъ притѣснять пресбитеріанскую церковь въ Шотландіи и искусно вселилъ въ нее раздоръ. Онъ предложилъ пресбитеріанамъ такія условія, что только умѣренные между ними согласились ихъ принять, крайніе же составили особенную секту — камероніанцевъ, священники которыхъ подвергались преслѣдованіямъ и

---

[1]) Si le loup vient sous la peau de l'agneau, s'il fait semblant de s'accomoder à vos loix, si les mauvais citoyens, traîtres à leur patrie, portent les peuples à le recevoir, il ruinera vos libertés par dégrés: point de parlement triennal, point d'anciennes chartes des villes, point d'habeas corpus, point de juges intègres; tout plein de faux témoins, de jurés corrompus, d'évesques clochans, de jurisconsultes courtisans, de satellites du pouvoir arbitraire, de ministres, généraux, amiraux vendus aux Bourbons et à leur créature, d'assassinats et d'expéditions occultes, semblables à celle du comte d'Essex. De nos jours enfin, un état de choses incomparablement plus désespéré, que sous Charles II et sous Jacques II.

[2]) См. интересную записку Кера: Political Memoir о политическихъ партіяхъ въ Шотландіи и интригахъ якобитскихъ министровъ, напечатанную въ IV т. сочиненій Лейбница, p. 292.

проповѣдывали въ поляхъ и лѣсахъ. Камероніанцы нѣсколько разъ возставали противъ Карла II, и въ этихъ возстаніяхъ ими предводительствовали отецъ и старшій братъ Кера. Этотъ же братъ Кера всѣхъ болѣе содѣйствовалъ успѣху Вильгельма Оранскаго во время революціи 1688 года. Онъ напалъ съ своею партіей на гарнизонъ Якова II и осаждалъ Эдинбургскій замокъ до тѣхъ поръ, пока шотландскій конвентъ не отрѣшилъ Якова II и не подоспѣли англійскія войска. По смерти своего брата въ битвѣ при Стенкиркопѣ, Джонъ Керъ сталъ во главѣ камероніанцевъ, хотя не раздѣлялъ ихъ узкихъ убѣжденій. Камероніанцы играли важную роль въ Англіи вслѣдствіе своей энергіи и крѣпкой организаціи своей секты. Каждые три мѣсяца собирались депутаты изъ всѣхъ общинъ и постановленія этихъ собраній строго соблюдались. Камероніанцы имѣли особое ополченіе, въ которомъ они сами по выбору назначали офицеровъ и начальника, на подобіе полковъ Кромвеля.

Ганноверская династія была много обязана Джону Керу тѣмъ, что въ Шотландіи признали ея права на престолъ. Англичане обращались съ Шотландцами такъ эгоистично и жестоко, напримѣръ, въ Даріенскомъ дѣлѣ, что возбудили противъ себя сильную антипатію. Этимъ воспользовались друзья претендента въ Англіи, чтобы побудить Шотландцевъ не признать правъ Софіи Ганноверской на шотландскій престолъ, когда въ лондонскомъ парламентѣ состоялся актъ, признавшій ее наслѣдницей Англіи. Интрига удалась; камероніанцы уже собирались идти на Эдинбургъ, чтобы принудить шотландскій парламентъ силою оружія. Только вліяніе Джона Кера остановило ихъ. И въ послѣдствіи, когда якобитскіе министры въ Англіи нарочно раздражали Шотландцевъ, чтобы побудить ихъ расторгнуть унію между Шотландіей и Англіей, Керъ своимъ вліяніемъ успѣшно противодѣйствовалъ этому плану.

Между тѣмъ либеральная партія въ Англіи и Шотландіи была сильно встревожена Утрехтскимъ миромъ, который увеличивалъ надежды Стюартовъ. Особенно недовольно было купечество, потому что этотъ миръ предоставилъ Французамъ большія привилегіи въ Испанской Америкѣ и благопріятно подѣйствовалъ на французскую торговлю. Нѣкоторые изъ капиталистовъ составили планъ воспользоваться продолженіемъ войны между Бурбонскимъ и Габсбургскимъ домами, чтобы нанести посредствомъ каперства ущербъ испанской и французской торговлѣ, и если можно, завоевать въ Америкѣ какой-нибудь выгодный для торговли пунктъ. Для того, чтобы получить право на

каперство, имъ нужно было покровительство императора, отъ имени котораго они были намѣрены дѣйствовать. Джонъ Керъ взялся отправиться въ Вѣну, чтобы сдѣлать императорскому двору это выгодное для него предложеніе. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ принцу Евгенію, стоявшему лагеремъ у Ландау, и онъ вполнѣ одобрилъ планъ Кера и обѣщалъ поддерживать его въ Вѣнѣ.

Керъ уже прежде зналъ Лейбница, какъ ревностнаго приверженца Ганноверскихъ интересовъ, и по пріѣздѣ въ Вѣну тотчасъ явился къ нему и просилъ его принять на себя посредничество въ его дѣлѣ.

Лейбницъ обѣщалъ переговорить съ секретаремъ императора Иммесеномъ, чтобы дѣло прямо было доложено Карлу помимо министровъ. Вечеромъ того же дня онъ возвратился къ Керу и объявилъ ему, что императоръ получилъ письмо отъ Евгенія Савойскаго о его дѣлѣ, и велѣлъ своему секретарю тотчасъ вступить съ нимъ въ тайные переговоры.

Какое участіе самъ Лейбницъ принималъ въ этихъ переговорахъ, свидѣтельствуютъ двѣ записки, представленныя имъ императору [1]). Лейбницъ доказываетъ, какъ выгодно для императора предложеніе Англичанъ. Послѣдніе обязуются на свой счетъ выслать каперовъ въ Атлантическій и Тихій океаны. Они желаютъ, чтобъ императоръ выдалъ офицерамъ ихъ кораблей надлежащіе паспорты и принялъ ихъ въ свое подданство. Десятая часть призовъ будетъ принадлежать императору; если же каперы овладѣютъ какимъ-нибудь островомъ или городомъ, то онъ будетъ принадлежать имъ подъ верховною властью императора. Послѣдній учредитъ въ какой-нибудь изъ своихъ гаваней призовый судъ, куда будутъ отведены всѣ захваченные корабли. Сборнымъ мѣстомъ будетъ островъ Св. Ѳомы и главною цѣлью экспедиціи завоеваніе Гаванны.

Императоръ не только согласился на эти условія, но и хотѣлъ самъ принять дѣятельное участіе въ экспедиціи. Поэтому Лейбницъ совѣтуетъ ему нанять корабли и перевести въ Америку нѣсколько тысячъ солдатъ, которые въ союзѣ съ каперами легко могли бы завоевать одну изъ испанскихъ колоній въ Америкѣ. Лейбницъ указываетъ на примѣръ Кромвеля, который такимъ образомъ занялъ Ямайку. Всѣ недовольные владычествомъ Бурбоновъ перешли бы на сторону императора. Относительно полномочія каперамъ, Лейбницъ совѣтуетъ

---

[1]) Mémoire pour des armemens de mer sous commission de sa Majesté Impériale и Lettre de L. à l'Empereur au sujet de projet de Kersland. Ed. Foucher. T. IV, p. 273.

быть осторожнымъ, чтобы не возбудить неудовольствія нейтральныхъ державъ. Онъ говоритъ о себѣ, что онъ основательно изучалъ международное и особенно морское право, мало извѣстныя въ Германіи, а потому счелъ себя въ правѣ измѣнить кое-что въ проектѣ, предложенномъ англійскими купцами, особенно въ статьѣ, относящейся къ контрабандѣ. Такъ какъ императоръ не предупредилъ нейтральныя державы о своемъ намѣреніи, то онъ не въ правѣ задерживать ихъ корабли за перевозку контрабанды или оружія.

Императоръ хотѣлъ воспользоваться пріѣздомъ Кера, чтобы черезъ него заключить заемъ у англійскихъ капиталистовъ, и поручилъ Лейбницу переговорить съ нимъ объ этомъ. Лейбницъ совѣтовалъ Керу согласиться на желаніе императора въ интересахъ протестантскаго наслѣдія въ Англіи, но не брать на себя неисполнимыхъ обязательствъ. На другой день Керъ долженъ былъ переговорить о займѣ съ секретаремъ императора. Но вечеромъ онъ получилъ письмо отъ одного значительнаго капиталиста въ Лондонѣ, который ему сообщалъ, что противники Стюартовъ съ каждымъ днемъ все болѣе теряютъ надежду и что имъ, можетъ-быть, придется оставить отечество. Поэтому онъ просилъ Кера выхлопотать у императора позволеніе устроить общество для торговли съ Остъ-Индіей, которое могло бы доставить императору большія выгоды.

Керъ воспользовался своимъ свиданіемъ съ Иммесеномъ и черезъ него передалъ императору проектъ общества. Это послужило первымъ поводомъ къ учрежденію Остъ-Индской компаніи въ Остенде, которая нѣкоторое время такъ успѣшно соперничала съ англійскою, что Керъ изъ патріотизма сталъ раскаяваться въ своемъ предложеніи.

Между тѣмъ война имперіи противъ Франціи шла вяло и безуспѣшно. Обѣщанные на сеймѣ резервы не приходили; 4 милліона талеровъ, которые было опредѣлено собрать въ имперіи, не поступали. Евгеній Савойскій выходилъ изъ себя отъ негодованія на это отсутствіе единодушія и энергіи, которое онъ называлъ — le mal des Allemands. Но онъ не могъ ничего сдѣлать. Французы даже перешли на правый берегъ Рейна и взяли важную крѣпость Фрейбургъ. Императоръ началъ склоняться къ миру; Евгеній Савойскій и маршалъ Вилларъ съѣхались въ Раштадтѣ для переговоровъ.

Лейбницъ по прежнему настаивалъ на необходимости продолжать войну [1]). Условія, предложенныя Французами, были еще хуже, чѣмъ въ

[1]) Considérations sur la paix, qui se traite à Rastadt. O. de L. ed. F. d. C. T. IV, p. 218.

Утрехтѣ. „Непостижимо, писалъ Лейбницъ, какъ можно съ честью согласиться на миръ, который окончательно разрушитъ добрую славу имперіи и нѣмецкаго народа. Только крайняя необходимость могла бы оправдать принятіе этого мира черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ имперія отказалась отъ болѣе выгоднаго. Но этой необходимости нѣтъ; въ Германіи ничто не измѣнилось. Ей предстоитъ возможность заключить выгодный союзъ съ сѣверными державами. Франція гораздо болѣе изнурена. Король ея очень старъ и желаетъ мира; ей грозитъ голодъ, который можетъ привести къ революціи; банкрутство французскаго правительства, уменьшившаго процентъ по государственнымъ обязательствамъ съ 6 на 4, доказываетъ, въ какой крайности оно находится. Нашего же императора можно сравнить съ восходящимъ солнцемъ. Если онъ не запятнаетъ начало своего царствованія недостойнымъ миромъ, онъ можетъ пойдти далеко, принудить стараго короля принять умѣренныя условія и черезъ это увеличить свой авторитетъ въ Германіи и Италіи. Германія еще обильна людьми и средствами". Лейбницъ доказываетъ, какъ легко содержать войска на Рейнѣ посредствомъ припасовъ, которые можно доставлять изъ Венгріи вверхъ по Дунаю и потомъ внизъ по Неккару. Венгрія и Богемія завалены хлѣбомъ и не имѣютъ сбыта. Французы же должны подвозить всѣ припасы сухимъ путемъ.

Онъ кончаетъ требованіемъ, чтобъ императоръ ни за что не позволялъ Французамъ возвышать условія, предложенныя въ 5-й статьѣ Утрехтскихъ прелиминарій. Послѣднимъ словомъ Германіи должно быть — освобожденіе Рейна (l'affranchissement du Rhin), то-есть, возвращеніе Эльзаса.

Лейбницъ послалъ свои соображенія императору съ слѣдующимъ письмомъ: „Во всеподданнѣйшемъ рвеніи о славѣ В. В. и о благосостояніи отечества я посылаю эту записку, пользуясь всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ. Если же свѣтлѣйшія мысли В. В. иныя, пусть слово считается не сказаннымъ, посланіе уничтоженнымъ (dictum habeatur pro indicto, scriptum pro deleto); оно написано только для В. В."

Но Карлъ VI не былъ похожъ на восходящее солнце. Онъ отдалъ своихъ вѣрныхъ Каталонцевъ на произволъ мстительныхъ Бурбоновъ и уступилъ Франціи на всегда Эльзасъ и Страсбургъ.

Лейбницъ былъ правъ. Еслибъ имперія продолжала войну еще нѣсколько мѣсяцевъ, она выиграла бы свое дѣло. Въ мартѣ 1714 г. въ Раштадтѣ былъ подписанъ миръ между императоромъ и Франціей. Но чтобы включить въ этотъ миръ имперію, потребовались еще даль-

нѣйшія формальности, и только въ сентябрѣ былъ подписанъ Баденскій миръ.

Между тѣмъ 1-го августа умерла королева Анна. Интрига якобитскихъ министровъ не удалась. Приверженцы Ганноверской династіи въ королевскомъ совѣтѣ одержали верхъ, и еще до смерти Анны въ Ганноверъ былъ отправленъ курьеръ, чтобы пригласить поскорѣе курфирста Георга. Виги, враждебные къ Франціи, стали во главѣ правленія, и обстоятельства сложились благопріятно для Карла VI, но слишкомъ поздно для него. Лейбницъ же съ своею удивительною энергіей считалъ время еще не потеряннымъ. Онъ тотчасъ вошелъ къ императору съ представленіемъ и совѣтовалъ ему пріостановить заключеніе Баденскаго мира, и не дожидаясь офиціальнаго извѣстія о смерти королевы, отправить къ новому королю довѣренное лицо, чтобы не теряя времени склонить его къ необходимымъ мѣрамъ: вопервыхъ, отправить приказъ къ адмиралу Вишарту, въ Средиземномъ морѣ, чтобы спасти Барцелону, если это только возможно; — Лейбницъ доказывалъ, что король можетъ сдѣлать это распоряженіе, безъ согласія своихъ англійскихъ министровъ, и доставитъ себѣ этимъ большую популярность въ Англіи; — вовторыхъ, предупредить короля Португальскаго, чтобъ онъ не спѣшилъ заключеніемъ мира съ Филиппомъ Анжуйскимъ.

Лейбницъ высчитывалъ причины, которыя поведутъ къ раздорамъ между Франціей и новымъ англійскимъ правительствомъ: неисполненіе статьи о Дюнкирхенѣ; попытки Французовъ захватить въ свои руки американскую торговлю; недостаточность гарантіи противъ соединенія Франціи и Испаніи въ однихъ рукахъ; непризнаніе Георга I со стороны Франціи и Испаніи и т. д. Эти раздоры могли бы привести къ открытой войнѣ, и во всякомъ случаѣ ими можно было бы воспользоваться, чтобъ улучшить условія Баденскаго мира.

Эти постоянныя заботы объ интересахъ императора и отечества заставили Лейбница зажиться въ Вѣнѣ почти два года, не смотря на неудовольствіе Ганноверскаго курфирста и сильную чуму, свирѣпствовавшую въ Вѣнѣ. Лейбницъ разказывалъ потомъ, что его кучеръ настаивалъ, чтобъ онъ отправился къ причастію, ибо онъ не знаетъ, какъ въ Вѣнѣ поступаютъ съ людьми, умершими безъ причастія. Самъ Лейбницъ не боялся чумы и шутилъ надъ страхомъ своихъ вѣнскихъ друзей. „Если мнѣ придется, писалъ онъ Бернсторфу, уѣхать изъ Вѣны, то я заявлю предъ нотаріусомъ, что не страхъ чумы меня выгоняетъ отсюда. Ибо до сихъ поръ я не вѣрю, чтобы здѣсь была чума“.

Между тѣмъ въ награду за услуги, оказанныя императорскому дому, Карлъ возвелъ Лейбница въ санъ рейхсгофрата, самый высокій санъ въ имперіи, доступный протестанту. Еще прежде, но неизвѣстно когда именно, Лейбницу было пожаловано дворянство и баронскій титулъ, но Лейбницъ рѣдко пользовался имъ.

Новый санъ не обязывалъ Лейбница оставаться въ Вѣнѣ, потому что онъ не былъ дѣйствительнымъ членомъ имперскаго надворнаго совѣта; но Вѣнское правительство охотно пользовалось его обширными познаніями и его неутомимою дѣятельностью. Такъ, напримѣръ, императоръ поручилъ ему сдѣлать изслѣдованіе о правахъ наслѣдства въ Тосканскомъ герцогствѣ, такъ какъ предвидѣлось пресѣченіе линіи Медичи, и Карлъ VI желалъ выяснить свои права на великое герцогство.

Среди спѣсивыхъ вельможъ и ограниченныхъ генераловъ, среди ханжей и іезуитовъ, которые наполняли Вѣнскій дворъ, Лейбницъ встрѣтилъ одну геніальную личность, способную вполнѣ понять и оцѣнить его — Евгенія Савойскаго [1]). Принцъ Евгеній въ рѣдкой степени соединялъ въ себѣ способности замѣчательнаго полководца и государственнаго правителя со вкусами образованнаго человѣка и съ необыкновенно благороднымъ и симпатичнымъ характеромъ. Онъ былъ чрезвычайно безкорыстенъ и великодушенъ, терпѣть не могъ лести и неправды; при этомъ онъ отличался удивительною скромностью и вовсе не зналъ злобы и зависти. Онъ былъ живъ и воспріимчивъ, всегда готовъ былъ содѣйствовать полезнымъ предпріятіямъ, такъ что враги называли его фантастомъ. Нрава онъ былъ очень веселаго. Онъ говорилъ, что главныя условія для счастія — здоровье и хорошее расположеніе духа; второе же часто можетъ замѣнить первое. Въ отношеніяхъ къ людямъ онъ былъ добръ и снисходителенъ, щедръ и ласковъ съ бѣдными, нѣженъ и горячъ съ друзьями. Онъ на цѣлый вѣкъ опередилъ своихъ товарищей министровъ, и еслибъ ему не помѣшала рутина Вѣнскаго двора, съ него бы началась новая эра для Австріи. Онъ понялъ двѣ главныя причины слабости Австріи: преобладаніе могущественной и необразованной аристократіи, захватившей въ свои руки всѣ высшія должности въ арміи и администраціи, какъ средство для своего обогащенія, и чрезмѣрное вліяніе римскаго духовенства, которое порабощало государство и подавляло въ немъ все, что могло

---

[1]) Мы говорили о личности Евгенія Савойскаго въ сочиненіи: «Борьба за Польскій престолъ, въ 1733 году», гл. II.

вдохнуть въ него новую жизнь [1]). Евгеній первый обратилъ вниманіе на причину бѣдности Австріи и всѣми силами старался развить въ ней промышленность и торговлю. Ему Австрія была обязана тѣмъ немногимъ, что было сдѣлано правительствомъ Карла VI для этой цѣли. Хотя Евгеній половину жизни провелъ въ лагерѣ, онъ чрезвычайно уважалъ науки и искусства и понималъ, что главное условіе успѣха въ государствѣ есть народное образованіе.

Между Евгеніемъ и Лейбницемъ скоро установились самыя близкія отношенія, и Лейбницъ могъ гордиться, что самые симпатичные изъ замѣчательныхъ личностей его вѣка, Софія-Шарлотта и Евгеній Савойскій, были его друзьями и учениками. Великій полководецъ, который въ юности ревностно занимался математикой, теперь слушалъ съ интересомъ уроки философа-математика, и Лейбницъ написалъ для него замѣчательное изложеніе своей философской системы, извѣстное подъ названіемъ Монадологіи. Послѣ отъѣзда Лейбница изъ Вѣны, графъ Боннваль, который въ это время пользовался расположеніемъ Евгенія, писалъ философу въ Ганноверъ, что принцъ хранитъ его сочиненіе, „какъ неаполитанскіе священники — кровь св. Януарія. Онъ даетъ мнѣ его цѣловать, а потомъ опять запираетъ въ ящикъ“ [2]).

---

[1]) Письма и записки принца наполнены ожесточенными упреками противъ «черныхъ», которые своими кознями опутывали дворъ и страну, а эти черные платили ему еще большею ненавистью за то, что онъ ихъ разгадалъ.

[2]) Этотъ графъ Боннваль — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ авантюристовъ XVIII вѣка. Онъ былъ храбрый солдатъ, но вслѣдствіе распутства и страсти къ злословію нигдѣ не могъ долго ужиться. Онъ былъ по происхожденію Французъ, рано отличился въ разныхъ войнахъ своего отечества, но навлекъ на себя своими рѣзкими отзывами вражду Ментенонъ и долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. По рекомендаціи Евгенія, онъ былъ принятъ на австрійскую службу и также храбро сражался противъ своего отечества. Онъ достигъ генеральскаго чина, но своимъ высокомѣріемъ и насмѣшками возстановилъ противъ себя Евгенія. Изъ желанія мести онъ началъ различныя интриги, вслѣдствіе которыхъ былъ отданъ подъ судъ и высланъ за границу. Боннваль отправился въ Турцію, принялъ магометанство, получилъ званіе Ахметъ-паши и занимался довольно безуспѣшно обученіемъ турецкой артиллеріи.

Боннваль, по примѣру Евгенія, заразился страстью къ философіи и просилъ Лейбница написать и для него изложеніе его системы. Онъ сравнивалъ философа съ женщиной, которой легко удовлетворить всѣхъ своихъ друзей. Принцъ Евгеній назвалъ это сравненіе нелѣпымъ. Но Лейбницъ, всегда снисходительный, отвѣтилъ, что сравненіе философа «mit einer galanten und gefälligen Dame» не такъ странно, какъ можетъ казаться. Нѣтъ ни одного сравненія, которое было бы совершенно «неудачно». «Легкомысленная женщина ищетъ удовлетворенія плоти, философъ ищетъ удовлетворенія души. Знаменитый Гоббесъ заставилъ

Лейбницъ воспользовался дружбой Евгенія и расположеніемъ императорской семьи, чтобъ осуществить завѣтный планъ учрежденія академіи наукъ въ Вѣнѣ. Евгеній съ горячностью обѣщалъ свое содѣйствіе, императоръ одобрительно отнесся къ этому плану. Лейбницъ составилъ проектъ устава новой академіи и указъ объ ея учрежденіи [1]). Она должна была состоять изъ трехъ отдѣленій: литературнаго (историческаго и филологическаго), математическаго и естественнаго. Въ ея распоряженіи должны были находиться: библіотека, типографія, обсерваторія, лабораторія, рабочіе дома, зоологическій садъ, минералогическій гротъ, кабинетъ древностей и рѣдкостей, художественный музей и постоянная выставка орудій, моделей и всѣхъ новыхъ изобрѣтеній.

Чтобы не обременять скудную казну императора, Лейбницъ совѣтовалъ обезпечить академію нѣкоторыми существующими стипендіями (онъ, вѣроятно, разумѣлъ стипендіи, бывшія въ рукахъ духовенства), привилегіями на приготовленіе различныхъ химическихъ составовъ, налогами на предметы роскоши, напримѣръ, карты, гербовою бумагой, лотереей и проч. По окончаніи же войны можно было бы убѣдить земство различныхъ областей государства назначить извѣстную сумму на содержаніе академіи, какъ на общеполезное дѣло, ибо она немедленно оказала бы хорошее вліяніе на образованіе юношества и на развитіе промышленности. Цѣлью академіи, кромѣ теоретическихъ изслѣдованій и изданія историческихъ памятниковъ, должно было быть устройство народныхъ и ремесленныхъ школъ съ преобладаніемъ въ нихъ нѣмецкаго и другихъ языковъ, такъ какъ латинскія школы были въ рукахъ духовенства, воспитаніе инженеровъ и врачей для арміи, межеваніе и кадастръ земли и все, что могло служить къ болѣе правильному распредѣленію податей, примѣненіе ботаники къ сельскому хозяйству, осушеніе болотъ, заботы о лѣсоводствѣ, улучшеніе путей сообщенія, попеченіе о фабрикахъ, машинахъ, рудникахъ, рабочихъ домахъ и вообще объ улучшеніи промышленности.

меня улыбнуться, замѣтивъ, что люди пренебрегаютъ философіей, потому что не знаютъ, какое удовольствіе она доставляетъ — quantam voluptatem offert validissimus cum mundo congressus. Пиѳагоръ, который любилъ символическія выраженія, не безъ основанія сказалъ: «Такъ какъ боги дали ему преимущество помнить его прежнія метаморфозы, то онъ сознаетъ, что его душа прежде находилась въ тѣлѣ Лаисы».

[1]) Die Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien. XXV B. (1857). Foucher de Careil: Ueber den Nutzen etc. v. Bergmann.

Предсѣдательство академіи Лейбницъ предназначалъ одному изъ вельможъ, самъ же желалъ занять мѣсто вице-президента. Ему за это обѣщали 6.000 гульденовъ жалованья, но потомъ уменьшили эту сумму, по причинѣ дурныхъ обстоятельствъ, на 2.000. Еще во время его пребыванія въ Вѣнѣ придворная канцелярія разослала рескриптъ къ правительствамъ отдѣльныхъ областей и предложила имъ учрежденіе академіи. Дѣло, по обыкновенію, затянулось вслѣдствіе недостатка суммъ; но когда Лейбницъ уѣзжалъ изъ Вѣны, императоръ, императрица и министры обнадеживали его самымъ рѣшительнымъ образомъ, что его планъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Изъ Ганновера Лейбницъ писалъ Бонневалю: „Я бы желалъ, чтобы дѣло подвинулось впередъ до моего возвращенія въ Вѣну; иначе мнѣ придется начать снова. Въ мои годы нужно стараться, чтобы дѣло шло какъ можно скорѣе; я боюсь, чтобы со мной не случилось то же, что съ Моисеемъ (простите за сравненіе), которому удалось только издали увидѣть обѣтованную землю“.

Но та партія, которая погубила Австрію и всегда являлась на сцену, когда нужно было воспрепятствовать интересамъ просвѣщенія и прогресса, и тутъ вмѣшалась въ дѣло. Одинъ изъ друзей извѣстилъ Лейбница, что „*извѣстные достопочтенные* отцы противятся учрежденію академіи, что новыя изобрѣтенія въ наукахъ имъ внушаютъ подозрѣніе, и что имъ особенно не нравится вмѣшательство протестанта. Имъ уже удалось привлечь графа Синцендорфа на свою сторону“.

Лейбницъ не хотѣлъ вѣрить извѣстію. „Графъ и другіе министры слишкомъ образованы, писалъ онъ, чтобы обращать на это вниманіе. Они меня знаютъ хорошо, а также и самое дѣло“. Но еслибъ онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, онъ убѣдился бы, какъ мало заботятся о пользѣ просвѣщенія люди, которые имѣютъ въ виду только личные интересы.

Вообще послѣдніе годы Лейбница были полны разочарованій. По смерти Эрнста-Августа, умершаго въ 1698 году, память котораго онъ почтилъ біографіей, положеніе Лейбница въ Ганноверѣ становилось все безотраднѣе. Преемникъ Эрнста-Августа, Георгъ-Людвигъ, былъ, какъ мы видѣли, человѣкъ грубый и тяжелый; онъ иронически относился къ дѣятельности Лейбница и хотѣлъ видѣть въ немъ трудящагося чиновника, а не совѣтника. Правда, между Лейбницемъ и Софіей сохранились прежнія дружескія отношенія, но она имѣла мало вліянія на сына, и въ послѣднее время находилась даже въ очень натянутыхъ отношеніяхъ къ нему.

Есть извѣстіе, объясняющее отъѣздъ Лейбница въ Вѣну тѣмъ, что онъ не могъ болѣе переносить грубыя выходки курфирста Георга [1]. Оно правдоподобно, хотя и безъ него понятно, почему Лейбницъ желалъ ѣхать въ Вѣну и почему онъ пробылъ тамъ два года. Лейбницъ постоянно оправдывалъ въ письмахъ къ ганноверскимъ министрамъ свое продолжительное отсутствіе различными порученіями императора и предлагалъ воспользоваться его пребываніемъ въ Вѣнѣ для ганноверскихъ дѣлъ. Дѣйствительно, ему поручили хлопотать при императорскомъ дворѣ о Лауенбургскомъ наслѣдствѣ, о которомъ Ганноверъ спорилъ съ другими нѣмецкими князьями.

Тѣмъ не менѣе Георгъ былъ очень недоволенъ отсутствіемъ Лейбница. Однажды, когда въ Ганноверѣ искали собачку, которая пропала изъ дворца и по обычаю съ барабаннымъ боемъ извѣщали жителей о пропажѣ, курфирстъ сказалъ: „Мнѣ придется, кажется, и моего Лейбница разыскивать посредствомъ барабана, чтобъ узнать, куда онъ пропалъ“ [2]. Весной 1714 года министръ Бернсторфъ писалъ ему, что „Е. К. В. начинаетъ терять терпѣніе, и въ качествѣ друга и слуги онъ совѣтуетъ ему возвратиться“.

Мы видѣли, какіе планы задерживали Лейбница въ Вѣнѣ, и что они были въ тѣсной связи съ интересами Ганноверскаго дома. Трудно сказать, что̀ ему было ближе къ сердцу, торжество ли Германіи надъ

[1] Фуше де-Карель въ Sitzungsb. d. Akad. zu Wien XXV упоминаетъ о неизданномъ письмѣ Лейбница, изъ котораго будто бы видно: «dass er wegen des barschen und aufbrausenden Wesens dieses Fürsten, welches er nicht ertragen mochte, sich 1712 an den Wiener Hof geflüchtet. P. 130.

[2] Перцъ въ предисловіи къ «Анналамъ Западной Имперіи» Лейбница приводитъ нѣсколько забавныхъ разказовъ о томъ, какъ Георгъ сердился за продолжительныя отлучки Лейбница и за медленное окончаніе его исторіи. Однажды, когда Лейбницъ, чтобъ отдохнуть отъ занятій, отправился на ярмарку въ Брауншвейгъ, курфирстъ иронически замѣтилъ: «M. Leibnitz promène son bel esprit à la foire de Brunsvic». Когда въ 1708 г. Лейбницъ уѣхалъ безъ отпуска изъ Ганновера, Георгъ хотѣлъ въ газетахъ назначить награду тому, кто отыщетъ Лейбница. Однажды Георгъ пишетъ своей матери о Лейбницѣ: H. v. L., nach dem die Königin (Софія-Шарлотта) so sehr schmachtet, ist nicht hier, obgleich ich ihm eine Wohnung habe einrichten lassen. Er ist ebensowenig festzuhalten als Frau von Jules. Fragt man ihn, woher es kommt, dass man ihn nicht sieht, so hat er stets zur Entschuldigung, dass er an seinem unsichtbaren Buche arbeitet, dessen Dasein zu beweisen, man, wie mir scheint, eben so viel Mühe haben wird, als Herr von Jaquelot sich für das der Bücher Mose giebt». Курфирстъ имѣлъ нѣкоторое основаніе быть недовольнымъ. Еще въ 1690-хъ годахъ Лейбницъ надѣялся, что онъ скоро окончитъ свою исторію Брауншвейгскаго дома, но этотъ трудъ противъ его воли разростался все болѣе и болѣе.

Франціей съ помощью освобожденной Англіи, или освобожденіе Англіи посредствомъ воцаренія Ганноверской династіи. Онъ находился въ сношеніяхъ съ различными политическими дѣятелями Англіи, собиралъ свѣдѣнія о положеніи тамошнихъ партій и старался руководить своими совѣтами Софію, наслѣдницу англійскаго престола.

Вигское министерство королевы Анны навлекло на себя такую непопулярность недобросовѣстностью, расхищеніемъ казенныхъ суммъ во время войны и политическими ошибками, что многіе патріоты перешли на сторону торіевъ, и имя виговъ сдѣлалось ненавистнымъ въ народѣ. Поэтому благоразумные приверженцы Ганноверской династіи, напримѣръ, Керъ, совѣтовали Софіи не высказывать пристрастія къ вигамъ, а стараться расположить къ себѣ лучшихъ людей въ обѣихъ партіяхъ. Послѣдній совѣтовалъ даже устранить названіе виговъ и торіевъ, а говорить только о приверженцахъ протестантской линіи и о якобитахъ.

Лейбницъ былъ совершенно такого же мнѣнія. „Только крайности, писалъ онъ Бёрнету, предосудительны, какъ у виговъ, такъ и у торіевъ. Умѣренные съ обѣихъ сторонъ легко могутъ примириться. Крайніе торіи — якобиты, а крайніе виги — республиканцы. Развѣ умѣренные торіи не согласятся, что бываютъ случаи, когда пассивное повиновеніе должно прекратиться и когда позволительно сопротивленіе власти; а умѣренные виги развѣ не полагаютъ, что не слѣдуетъ легкомысленно или безъ особенно важныхъ причинъ рѣшаться на такое сопротивленіе? То же самое можно сказать относительно наслѣдственнаго права на престолъ: отъ него не слѣдуетъ отступать, если этого не требуетъ спасеніе отечества.... Такъ какъ поэтому благоразумные въ обѣихъ партіяхъ не очень отличаются въ существенномъ, то мнѣ кажется, что всѣ эти споры не что иное, какъ трата времени и предлогъ, чтобы получить мѣсто и вліяніе. Лучше всего было бы давать мѣста людямъ обѣихъ партій, но добросовѣстнымъ, и не обращать вниманія на ихъ теоретическія мнѣнія“. Въ такомъ же смыслѣ Лейбницъ писалъ изъ Вѣны въ Ганноверъ: „Мы должны оставаться безпристрастны къ вигамъ и торіямъ; мы имѣемъ приверженцевъ между тѣми и между другими; какъ крайніе торіи стоятъ за претендента, такъ крайніе виги желаютъ короля (если уже такой необходимъ), столь же ограниченнаго въ своей власти, какъ Венеціанскій дожъ. Намъ не нужно прибѣгать къ чрезмѣрнымъ издержкамъ; достаточно, если нашъ дворъ будетъ выказывать заботливость объ интересахъ націи и расположеніе къ умѣреннымъ той и другой партіи“.

Между тѣмъ въ Англіи продолжались интриги. Либералы давно желали для своего обезпеченія пригласить въ Англію кого-нибудь изъ членовъ Ганноверской династіи. Наконецъ, они убѣдили курпринца, сына Георга, потребовать отъ парламента, въ качествѣ англійскаго пера, официальнаго приглашенія. Королева Анна, расположенная къ своему брату претенденту, была чрезвычайно раздражена „дерзостью" курпринца и въ своихъ письмахъ къ Софіи высказала свое неудовольствіе въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ [1]).

Черезъ три дня послѣ полученія этихъ писемъ, курфирстина Софія, которая была глубоко оскорблена ими, неожиданно скончалась. Итакъ, оба друга Лейбница, и дочь и мать, умерли во время его отсутствія. Но еще за двѣ недѣли передъ смертью, Софія написала ему длинное письмо объ англійскихъ дѣлахъ. „Это письмо, какъ онъ говоритъ, заключало въ себѣ такія вѣрныя и мѣткія сужденія, которыя сдѣлали бы честь самому великому государственному человѣку, и было въ такомъ веселомъ тонѣ, какъ будто оно было написано „молодою принцессой Софіей", какъ называли ее Англичане".

Черезъ два мѣсяца послѣ этого умерла Анна; курфирстъ Георгъ былъ провозглашенъ королемъ и тотчасъ собрался въ Англію. Теперь предъ Лейбницемъ открылось бы блестящее поприще, если бы новый король умѣлъ оцѣнить его. Мы видѣли, почему Лейбницъ оставался въ Вѣнѣ по полученіи извѣстія о смерти Анны: онъ хотѣлъ убѣдить тамошній дворъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Любимецъ Георга, Бернсторфъ, теперь не торопилъ Лейбница; но за то неутомимый Керъ, который изъ Вѣны отправился въ Ганноверъ, настаивалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ на его возвращеніи.

„Для интересовъ короля и для счастія Великой Британіи чрезвычайно важно, писалъ онъ ему, чтобы вы немедленно оставили Вѣну и поспѣшили сюда. Обширность вашихъ свѣдѣній, особенно въ дѣлахъ англійскихъ, вашъ долголѣтній опытъ, особенное уваженіе короля къ вамъ дѣлаютъ васъ болѣе способнымъ, чѣмъ кого бы то ни было къ роли его главнаго совѣтника, прежде чѣмъ онъ отправится въ Англію, языка и нравовъ которой онъ не знаетъ. Извините меня, если я позволю себѣ напомнить, что успѣхъ великихъ предпріятій много зависитъ отъ первыхъ шаговъ. Если начало дурно, то его трудно исправить. Вслѣдствіе несоглагій и ожесточенія, господствующихъ въ Англіи, король долженъ быть очень остороженъ, чтобы выйдти изъ неизбѣжныхъ затрудненій, которыя непремѣнно представятся, если

[1]) *Mahon* — History of England. I, 82.

онъ будетъ выказывать больше расположенія къ одной, чѣмъ къ другой партіи. Съ огорченіемъ извѣщаю васъ, что здѣшніе министры очень несвѣдущи въ нашихъ дѣлахъ. Бернсторфъ находится совершенно подъ вліяніемъ одного невѣжды, по имени Робетона, который хлопочетъ только о своихъ личныхъ интересахъ. Его пристрастіе и нахальство могутъ причинить много вреда въ эту критическую минуту, отъ которой зависитъ наше будущее счастіе".

Керъ былъ правъ. Какъ дурно ганноверскіе министры соблюдали интересы короля, доказываетъ фактъ, случившійся съ самимъ Керомъ. Послѣдній предпринялъ свою поѣздку въ Германію въ интересахъ Ганноверскаго дома и истратилъ на нее болѣе 1.000 ф. стерл. Ганноверскіе министры Гёрцъ и Бернсторфъ знали объ этомъ и обѣщали ему вознагражденіе за принесенныя имъ жертвы. Керъ послѣдовалъ за Георгомъ въ Гагу и тамъ подалъ ему записку о внутренней политикѣ Англіи. Ему посовѣтовали, чтобъ онъ испросилъ себѣ мѣсто губернатора Бермудскихъ островов. Оба министра обѣщали ему похлопотать за него у короля. Но ему дали понять, что онъ долженъ подарить Робетону, любимцу Бернсторфа, 500 гиней, если хочетъ получить мѣсто. Керъ отказался отъ своего желанія, но продолжалъ служить интересамъ короля. Онъ открылъ заговоръ графа Мара и извѣстилъ о немъ Бернсторфа, но тотъ не обратилъ на это вниманіе; какъ извѣстно, заговоръ Мара удался и былъ поводомъ къ кровопролитной междуусобной войнѣ. Вслѣдствіе этой дѣятельности Керъ истратилъ все свое состояніе и вошелъ въ долги. Напрасно просилъ онъ Бернсторфа вознаградить его за издержки. Тогда Лейбницъ, какъ разказываетъ самъ Керъ, тронутый этою несправедливостью, изъ своихъ денегъ заплатилъ въ Германіи долгъ Кера въ 230 ф. стерл. безъ вѣдома послѣдняго.

Ганноверскіе министры скоро сдѣлали Георга непопулярнымъ въ Англіи. На сколько лучше Лейбницъ понималъ его интересы, доказываетъ слѣдующее письмо его: „Король непремѣнно долженъ предоставить націи свободное избраніе членовъ парламента и въ этомъ случаѣ противиться ненавистнымъ интригамъ и подкупамъ, которые были въ обычаѣ въ прежнія царствованія: тогда составится собраніе изъ честныхъ и заслуженныхъ людей, которые будутъ имѣть въ виду только благо націи и дѣйствовать безкорыстно. Я желаю и надѣюсь, что наши нѣмецкіе министры никогда не рѣшатся вмѣшиваться въ дѣла Англіи; это было бы не только несправедливымъ дѣломъ, но и самымъ вѣрнымъ средствомъ погубить короля во мнѣніи народа".

Лейбницъ не засталъ короля въ Ганноверѣ и собирался ѣхать за нимъ въ Лондонъ; но ему дали ясно понять, что этого не желаютъ. Георгъ былъ такъ недоволенъ имъ, что велѣлъ прекратить выдачу ему жалованья, и даже передъ отъѣздомъ въ Англію въ рескриптѣ къ министрамъ отозвался съ пренебреженіемъ о его историческихъ работахъ. Тѣмъ болѣе Лейбницъ желалъ видѣться съ королемъ. Но Бернсторфъ писалъ ему изъ Англіи: „Вы хорошо сдѣлаете, милостивый государь, если останетесь въ Ганноверѣ и снова возьметесь за ваши занятія. Вы ничѣмъ не можете скорѣе угодить королю или лучше вознаградить его за ваше прежнее отсутствіе, какъ если вы представите ему, по его возвращеніи, значительную часть давно ожидаемаго труда". За тѣмъ онъ далъ ему нѣсколько указаній относительно его Брауншвейгской исторіи, о которой мы говорили прежде.

Лейбницъ былъ чрезвычайно огорченъ немилостью короля и неделикатностью министра. „Такое обращеніе со мной, писалъ онъ Бернсторфу, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ труду и рвенію въ продолжніе столькихъ лѣтъ и преданности, съ которой я отказывался отъ большихъ выгодъ, когда сомнѣвался, можно ли ихъ согласовать съ моею службой королю; ибо его слава была всегда однимъ изъ мотивовъ моей дѣятельности".

Въ другой разъ онъ писалъ Бернсторфу: „Я не столько принимаю къ сердцу мои убытки, какъ дурное мнѣніе, которое король имѣетъ о моихъ занятіяхъ. Но меня огорчило больше, чѣмъ я могу сказать, что въ то время, когда Европа отдаетъ мнѣ справедливость, меня не хотятъ знать тамъ, гдѣ я всего болѣе имѣлъ бы право этого ожидать".

Эти оскорбленія заставили Лейбница на старости лѣтъ искать себѣ другаго убѣжища. Въ 1716 году онъ пишетъ Керу, что онъ нѣсколько разъ напрасно просилъ позволенія пріѣхать въ Англію; поэтому онъ „собирается тотчасъ по окончаніи своей исторіи удалиться въ Вѣну, чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней". Керъ прибавляетъ къ этому, что „ганноверскіе министры противились пріѣзду Лейбница, зная, что этотъ великій человѣкъ только старался противодѣйствовать корыстнымъ видамъ, съ которыми они вмѣшивались въ англійскія дѣла".

Только этимъ крайнимъ огорченіемъ Лейбница, который привыкъ къ придворной жизни, объясняется то, что онъ искалъ убѣжища даже у государя, противъ котораго боролся всю свою жизнь — у Людовика XIV.

Лейбницъ занимался въ это время изслѣдованіемъ о происхожденіи Франковъ. Не задолго передъ смертью Людовика XIV, онъ пред-

ставилъ ему, черезъ министра Торси, переводъ своего изслѣдованія въ красивой рукописи, на которой находился слѣдующій эпиграфъ:

Exiguis egressa locis Gens Francica tandem
Complexa est sceptris solis utramque domum:
Magne, Tibi, Lodoix, debet fastigia tanta
Et capit ex uno Natio fata Viro.

По поводу этого сочиненія Лейбницъ находился въ полемикѣ и въ перепискѣ съ іезуитомъ Турнеминомъ. Черезъ него онъ сталъ хлопотать о приглашеніи въ Парижъ. „Покойный король Людовикъ Великій, незабвенной памяти, разказываетъ Турнеминъ, читалъ письмо Лейбница и поручилъ мнѣ отвѣтить, что онъ вполнѣ знаетъ заслуги г. Лейбница, что съ удовольствіемъ увидитъ его при своемъ дворѣ и что онъ сдѣлаетъ ему пребываніе во Франціи столько же пріятнымъ, сколько оно будетъ для нея полезнымъ“.

Но переговоры о переселеніи во Францію, какъ и въ 1690-хъ годахъ, кончились ничѣмъ, потому что отъ Лейбница требовали обращенія въ католичество.

Это желаніе Лейбница перейдти ко двору государя, котораго онъ считалъ въ теченіе 40 лѣтъ самымъ злымъ врагомъ своего отечества, должно казаться крайнею непослѣдовательностью. Но не надо забывать, что патріотизмъ Лейбница не поглощалъ его исключительно. Лейбницъ не потому только былъ вооруженъ противъ Людовика, что тотъ хотѣлъ отнять у Германіи лѣвый берегъ Рейна, но потому что онъ постоянно нарушалъ спокойствіе Европы и этимъ вредилъ интересамъ цивилизаціи. Послѣдніе были для Лейбница всегда на первомъ планѣ. Мы знаемъ, что по его мнѣнію, никто не могъ такъ много содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи, какъ могущественный монархъ, и поэтому мечтой всей его жизни было сдѣлаться совѣтникомъ такого монарха. Притомъ къ людямъ XVIII вѣка, которые такъ легко переходили изъ одного государства въ другое, не слѣдуетъ примѣнять нашихъ понятій объ обязанностяхъ, налагаемыхъ національностью [1]).

---

[1]) Добросовѣстность Лейбница доказывается тѣмъ, что онъ нѣсколько разъ отклонялъ предложеніе поселиться во Франціи, хотя считалъ чрезвычайно полезнымъ для успѣховъ своихъ занятій жить въ Парижѣ, центрѣ умственнаго міра, и постоянно тяготился пренебреженіемъ къ духовнымъ интересамъ въ Ганноверѣ. Но его останавливала, между прочимъ, война между Франціей и Германіей; по поводу этого онъ пишетъ въ 1692 графу Вивье, приглашавшему его въ Парижъ: «La seconde (cause) est la guerre présente, pendant laquelle je ne sais, comment un Allemand se pouvoit transférer en France, sans encourir des blames et des

Не смотря на неблагодарность Георга, Лейбницъ до конца своей жизни не переставалъ трудиться въ интересахъ Ганноверской династіи. Нѣмецкіе министры Георга дѣйствовали въ Англіи чрезвычайно безтактно и подали поводъ къ сильному неудовольствію противъ новаго короля. Это неудовольствіе дало его врагамъ возможность распространять о немъ клеветы и еще болѣе вооружать противъ него общественное мнѣніе. Въ одной якобитской брошюрѣ: «Avis aux propriétaires Anglais», министровъ Георга упрекали въ томъ, что они покровительствуютъ промышленнымъ и торговымъ классамъ на счетъ землевладѣльцевъ, стараются унизить епископальную церковь, благопріятствуютъ атеистамъ, заводятъ постоянныя войска и пр.; тутъ же выставляли на видъ антипатію Георга противъ англійской церкви и націи.

Лейбницъ возразилъ противъ этихъ обвиненій въ брошюрѣ: «Anti-Jacobite ou Faussetés de l'avis aux propriétaires Anglais», которая, по его обыкновенію, была издана анонимно. Онъ указываетъ на тѣсную связь между интересами промышленнаго и земледѣльческаго классовъ. „Земледѣліе есть основаніе народнаго благостоянія, подобно корню и стволу дерева. Но торговля и промышленность привлекаютъ изъ-за границы капиталы и обогащаютъ государство; онѣ подобны вѣтвямъ дерева, которыя даютъ цвѣтъ и плодъ. Одно нуждается въ другомъ. Землевладѣльцы выгодно сбываютъ свой хлѣбъ, когда торговля процвѣтаетъ, съ другой стороны благосостояніе торговыхъ и промышленныхъ классовъ ростетъ, когда они въ своей странѣ находятъ въ изобиліи съѣстные припасы и сырые матеріалы для торговли. Промышленники, нажившіе торговлею капиталъ, стараются пріобрѣсти имѣнія, какъ самое лучшее средство упрочить благосостояніе своей семьи. Налоги же должны быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы не нарушать этого согласія“ [1]).

Далѣе Лейбницъ указываетъ парламенту на великія задачи, которыя ему предстоятъ: устранить бѣдствія, грозящія англійской торговлѣ (при этомъ Лейбницъ не упустилъ случая напомнить о вредныхъ послѣдствіяхъ Утрехтскаго мира), усмирить вражду партій въ Бри-

reproches. Et quoique il faille considérer le globe de la terre comme la patrie commune du genre humain, néanmoins un homme raisonnable doit éviter, tant qu'il peut, ces blames encore dans les choses, qui sont innocentes en elles-mêmes». Въ 1715 году война между Германіей и Франціей прекратилась.

[1]) Guhrauer — G. W. v. Leibnitz. II, p. 318.

танскихъ королевствахъ и противодѣйствовать невѣрію и безнравственности, которыя навлекаютъ на людей гнѣвъ Неба.

Возраженіе якобитамъ было послѣднимъ въ длинномъ ряду политическихъ сочиненій Лейбница. Мы видѣли, что̀ было цѣлью его дѣятельности, какъ публициста и политика — равновѣсіе и успокоеніе Европы и направленіе ея общихъ силъ къ интересамъ цивилизаціи. Лейбницъ принадлежитъ къ немногимъ европейскимъ публицистамъ, которые умѣли мирить свой патріотизмъ съ обязанностями человѣка. Какъ Лейбницъ во всемъ остальномъ отъ частностей восходилъ къ общему и любилъ мирить противорѣчія въ высшемъ синтезѣ, такъ онъ и въ политикѣ прежде всего имѣлъ въ виду общую гармонію и общіе интересы. Поэтому онъ еще въ юности съ такимъ энтузіазмомъ проводилъ идею ополченія всей Европы противъ магометанскаго Востока, чтобы водворить тамъ цивилизацію и направить туда избытокъ европейскихъ силъ. Только когда Людовикъ отвергнулъ планъ завоеванія Египта и сталъ угрожать безопасности Европы, Лейбницъ началъ взывать противъ него къ общественному мнѣнію и вложилъ въ эту борьбу всю свою силу и энергію.

Честолюбіе Людовика, встревожившее Европу, породило систему международнаго вмѣшательства и вызвало противъ себя сильную реакцію въ обществѣ. Однимъ изъ проявленій этой реакціи были мечты о вѣчномъ мирѣ, распространенію которыхъ французскій писатель аббатъ де-Сенъ-Пьеръ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ составилъ планъ постояннаго международнаго конгресса, который разрѣшалъ бы всѣ споры между отдѣльными государствами и устранялъ бы этимъ всякій поводъ къ войнѣ. И Лейбницу онъ прислалъ свой проектъ, прося его высказать о немъ свое мнѣніе. Лейбницъ[1]) считалъ „такой проектъ въ цѣломъ — возможнымъ, а осуществленіе его весьма полезнымъ“. Но по его мнѣнію, все зависѣло отъ личной воли государей.

Мы видѣли, какое значеніе Лейбницъ придавалъ инпціативѣ государей. „Людямъ недостаетъ только воли, пишетъ онъ Сенъ-Пьеру, чтобъ избавиться отъ безконечныхъ бѣдствій. Если бы 5 или 6 человѣкъ захотѣли, они могли бы прекратить великій расколъ въ церкви. Государь можетъ оградить свое государство отъ чумы; государь же можетъ спасти своихъ подданныхъ отъ голода. Чтобы прекратить

[1]) См. Его Lettre à l'abbé de S. P. и Observations sur le projet d'une paix perpétuelle. Ed. F. de C. T. IV, p. 324.

войны, нужно было бы, чтобы новый Генрихъ IV съ нѣсколькими другими государями одобрилъ вашъ планъ. Бѣда въ томъ, что трудно склонить къ этому могущественныхъ государей".

Въ этомъ взглядѣ высказывается особенность того времени. Вѣкъ Лейбница былъ эпохой высшаго развитія „личнаго правленія". Оттого Лейбницъ придавалъ такое значеніе личной иниціативѣ государей, оттого всегдашнею цѣлью его жизни было пріобрѣсти вліяніе при различныхъ дворахъ, оттого онъ ставилъ возможность прочнаго мира въ зависимость отъ воли нѣсколькихъ государей и сомнѣвался въ этой возможности.

Вѣчный миръ, въ буквальномъ смыслѣ слова, конечно, всегда будетъ мечтой. Но въ проектѣ французскаго аббата заключается историческая истина. Вліяніе международныхъ конгрессовъ на мирное разрѣшеніе европейскихъ дѣлъ увеличивается съ каждымъ вѣкомъ. Уже въ наше время, хотя на французскомъ престолѣ находится государь не менѣе неограниченный, чѣмъ Людовикъ XIV, вліяніе международнаго права чувствуется гораздо сильнѣе, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, и если и въ наше время войны не рѣдки, онѣ ведутся изъ-за болѣе высокихъ цѣлей, чѣмъ тогда. Но чѣмъ большее значеніе пріобрѣтетъ общественное мнѣніе въ Европѣ, къ которому уже Лейбницъ постоянно обращался, чѣмъ лучше народы будутъ понимать свои интересы и чѣмъ больше они будутъ имѣть возможности проявлять свои желанія, тѣмъ сильнѣе будетъ гарантія мира и тѣмъ успѣшнѣе будутъ дѣйствія международныхъ конгрессовъ.

То, что казалось мечтой въ вѣкъ Сенъ-Пьера, въ наше время становится ясно сознанною цѣлью, къ которой стремится Европа.

Придетъ время, когда громадные материки Америки, Африки, Австраліи и отчасти Азіи будутъ густо населены Кавказскимъ племенемъ, когда тамъ возникнутъ государства, въ сравненіи съ которыми Европа будетъ казаться такъ же мала, какъ древняя Эллада сравнительно съ нами: тогда все болѣе и болѣе выяснится необходимость центральнаго органа для общеевропейскихъ интересовъ, тогда будетъ очень возможнымъ образованіе *европейской конфедераціи*, и войны между различными народами Европы будутъ считаться междуусобными войнами.

Европа давно мечтаетъ о конфедераціи для своихъ народовъ. Въ средніе вѣка этотъ идеалъ думали осуществить съ помощью христіанской религіи, или точнѣе, католической идеи о папѣ и императорѣ, какъ главахъ христіанскаго міра. Лейбницъ еще вѣрилъ въ этотъ идеалъ.

Онъ считалъ Нѣмецкую имперію XVII вѣка съ ея самостоятельными государствами, связанными общимъ сеймомъ подъ предсѣдательствомъ императора, прототипомъ европейской конфедераціи. Но ошибка Лейбница заключалась въ томъ, что онъ бралъ свои идеалы изъ прошедшаго. Идеалы нашего вѣка основаны на политическихъ формахъ болѣе зрѣлыхъ и болѣе согласныхъ съ свободою и прогрессомъ.

Лѣтомъ 1716 года Георгъ пріѣзжалъ въ Ганноверъ. Лейбницъ видѣлся съ королемъ въ Пирмонтѣ и говорилъ съ нимъ о своемъ спорѣ съ Ньютономъ. Георгъ, не расположенный къ Лейбницу, принималъ сторону Ньютона и говорилъ Лейбницу, что „аббатъ Конти собирается пріѣхать въ Германію, чтобы вразумить его". Впрочемъ, какъ кажется, Лейбницъ остался доволенъ королемъ; онъ возвратился въ Ганноверъ веселый и дѣятельно принялся за свою исторію, чтобъ окончить ее какъ можно скорѣе.

Этотъ трудъ лежалъ тяжелымъ бременемъ на немъ; по окончаніи его онъ надѣялся приступить къ разнымъ другимъ работамъ, не оконченнымъ по недостатку времени. Число такихъ начатыхъ работъ, предположеній и проектовъ Лейбница было изумительно. Еще въ 1696 году онъ писалъ Бёрнету: „Если смерть позволитъ мнѣ осуществить всѣ планы, которые я уже составилъ, я готовъ обѣщать, что не придумаю никакихъ другихъ, а только буду прилежно работать надъ прежними, и не смотря на то, я черезъ подобную сдѣлку выигралъ бы много времени. Но смерть не обращаетъ вниманія на наши планы и на развитіе науки". Главные между этими планами были: изданіе его мелкихъ статей, разсѣянныхъ по журналамъ, изданіе его переписки съ нѣкоторыми учеными, напримѣръ, Арно, окончаніе его динамики, и наконецъ, систематическое изложеніе его философіи. До сихъ поръ были извѣстны только отрывки его философіи, написанные по случайному поводу или для какого-нибудь близкаго лица, но и эти не всѣ были изданы. Лейбницъ давно собирался составить полное изложеніе своей системы въ математической формѣ. Онъ хотѣлъ показать на дѣлѣ, что нравственныя и философскія истины можно доказывать неопровержимымъ образомъ, подобно математическимъ теоремамъ. Незадолго передъ смертью онъ говорилъ Вольфу, который сдѣлался потомъ главнымъ представителемъ его философіи, что хочетъ геометрическимъ способомъ доказать свои метафизическія истины и сдѣлать ихъ столь же непреложными, какъ Эвклидовы теоремы. Самымъ же завѣтнымъ его желаніемъ, отъ котораго онъ ожидалъ всего болѣе пользы для науки, была его „всеобщая характеристика", или изо-

брѣтеніе методы, съ помощью которой было бы такъ же легко открывать новыя истины нравственнаго и физическаго міра, какъ посредствомъ данной формулы рѣшать математическую задачу.

Многосторонность и воспріимчивость Лейбница постоянно отрывали его отъ выполненія этихъ задачъ. Какъ разнообразны были интересы его жизни, можно видѣть изъ отрывка дневника, который онъ велъ въ 1696 году. Въ началѣ этого отрывка Лейбницъ говоритъ, что онъ заводитъ дневникъ для того, чтобы дать отчетъ о времени, которое у него осталось [1]. Въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ Лейбницъ отмѣчаетъ, чѣмъ онъ занимался каждый день.

Вотъ что мы читаемъ между отмѣтками за нѣсколько дней: „Съ голландскими купцами Лейбницъ ѣдетъ въ Герренгаузенъ, чтобъ осмотрѣть водопроводы и фонтаны. (Лейбницъ самъ принималъ участіе въ инженерныхъ работахъ, съ помощью которыхъ хотѣли изъ Герренгаузена сдѣлать второй Версаль). Курфирстъ показываетъ ему письмо отъ герцогини Орлеанской о безсмертіи и проситъ составить отвѣтъ на него. Канцлеръ посылаетъ ему какую-то хронику, тайно напечатанную, и проситъ совѣта, какъ поступить съ ней. Утромъ, въ постели, Лейбницъ обдумываетъ какую-то математическую проблему. Отвѣчаетъ на сдѣланный ему запросъ, какое различіе между живой и мертвой силой въ динамикѣ. Придумываетъ желѣзные ящики для жаренія и варенія мяса. Сообщаетъ профессору Верлону свое мнѣніе объ одномъ юридическомъ вопросѣ. Читаетъ депеши ганноверскаго посла при Регенсбургскомъ сеймѣ по дѣлу о курфирстскомъ санѣ герцога. Занимается вопросомъ, какъ бѣлить холстъ посредствомъ воска. Ѣдетъ въ Вольфенбюттель, и на дорогѣ, и въ гостинницѣ рѣшаетъ какую-то математическую проблему“, и т. д.

Лейбницъ и потому, между прочимъ, былъ такъ щедръ на свое время, что надѣялся на свое здоровье и былъ чрезвычайно бодръ, хотя съ пятидесятаго года жизни началъ страдать подагрой. Отъ сидячей жизни этотъ недугъ усиливался, и потому Лейбницъ такъ охотно предпринималъ разныя путешествія. Въ послѣдніе годы у Лейбница открылась рана на ногѣ. Онъ иногда совѣтовался съ докторами, но большею частью самъ лѣчилъ себя. Весною 1715 года онъ писалъ Кортгольту: „У меня по временамъ болятъ ноги; иногда болѣзнь переходитъ въ руки... голова же и желудокъ, слава Богу, еще исправны“.

---

[1]) Этотъ отрывокъ напечатанъ въ Leibnitz-Album, изданномъ Гротефендомъ въ 1846 году, въ годовщину рожденія Лейбница.

Въ это же время онъ писалъ Монтмару: „Я страдаю подагрой... боль не очень сильна, но она не позволяетъ мнѣ иной дѣятельности, какъ въ моемъ кабинетѣ, гдѣ время проходитъ для меня всегда слишкомъ скоро, поэтому я не знаю скуки, а это — счастіе въ несчастіи“.

Его секретарь Экгардъ разказываетъ о немъ, что онъ лѣчилъ себя діэтой, когда подагра слишкомъ усиливалась; за обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ, кромѣ молока; за то вечеромъ ужиналъ съ аппетитомъ и тотчасъ ложился спать. Онъ шутилъ при этомъ, что такимъ образомъ выигрываетъ много времени, обѣдаетъ по-римски, а желудокъ во снѣ перевариваетъ пищу лучше, чѣмъ днемъ. Вообще же онъ ложился спать въ часъ или два; иногда онъ нѣсколько дней сряду занимался, не вставая съ мѣста. Отъ этого у него сдѣлалась рана на ногѣ; она мѣшала ему ходить, и онъ вздумалъ ее залѣчить компрессами изъ тонкой бумаги; она закрылась, но тогда его подагра усилилась. Онъ старался вылѣчиться тѣмъ, что лежалъ смирно и занимался въ постели. А чтобъ уничтожить боль, онъ велѣлъ себѣ сдѣлать деревянные тиски и привинчивать ихъ повсюду, гдѣ чувствовалъ боль. „Вслѣдствіе этого, говоритъ Экгардъ, онъ до такой степени разстроилъ свои нервы, что почти не могъ ходить и все время лежалъ въ постели“.

Но еще весною 1716 года Лейбницъ писалъ Монтмору, что его незначительные недуги очень сносны, и что когда онъ лежитъ, то даже не чувствуетъ боли. Если его положеніе не ухудшится, то оно не помѣшаетъ ему предпринять довольно большое путешествіе.

Въ августѣ Лейбницъ былъ въ Пирмонтѣ на водахъ и возвратился веселый и бодрый. Но въ ноябрѣ онъ подвергнулся сильному припадку подагры, которая перешла въ плечо. По своему обыкновенію онъ принялъ три порціи декокту, который ему далъ какой-то іезуитъ въ Вѣнѣ. На этотъ разъ лѣкарство оказалось слишкомъ сильнымъ: у больнаго распухло тѣло, и сдѣлались сильныя судороги и боли. Это было 14-го ноября, вечеромъ. Ему сказали, что въ Ганноверъ пріѣхалъ Вальдекскій лейбмедикъ, Зейпъ, о которомъ Лейбницъ былъ очень хорошаго мнѣнія. Онъ послалъ за нимъ и сталъ ему говорить про болѣзнь и про свое лѣченіе. Зейпъ разказываетъ, что онъ при этомъ постоянно заговаривалъ объ алхиміи, сообщалъ, напримѣръ, какъ извѣстный Фуртенбахъ превратилъ во Флоренціи половину желѣзнаго гвоздя въ золото. Зейпъ, замѣтивъ, что пульсъ больнаго очень слабъ и что на рукахъ выступилъ холодный потъ, сказалъ ему, что онъ въ опасномъ положеніи. Лейбницъ возразилъ, что у него съ дѣтства хо-

лодныя руки и ноги, а также слабый пульсъ, что у него есть разныя средства на всякія случайности. Зейпъ отсовѣтывалъ эти средства, просилъ позволенія прописать ему лѣкарство и самъ отправился за нимъ въ аптеку. Какъ только докторъ вышелъ, страданія до того усилились, что больной почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ спросилъ бумаги и перо, началъ что-то писать, но когда хотѣлъ при свѣтѣ прочитать написанное, то не могъ разобрать. Онъ разорвалъ бумагу и прилегъ, снова хотѣлъ приняться писать и опять бросилъ бумагу, повернулся и тихо скончался около 10 часовъ.

Экгардъ прибавляетъ къ разказу доктора, что когда одинъ изъ слугъ спросилъ его, не хочетъ ли онъ причаститься, то онъ отвѣтилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ, что онъ никого не обидѣлъ, и что ему не въ чемъ исповѣдываться. Другіе разказывали, что когда кто-то ему сталъ говорить о смерти, онъ спокойно возразилъ: „И другіе люди должны умереть“ [1]).

Такова была одинокая кончина философа, который имѣлъ многочисленныхъ друзей во всѣхъ странахъ Европы: любимецъ и совѣтникъ столькихъ замѣчательныхъ людей своего времени умеръ на рукахъ прислуги и проѣзжаго доктора.

Но еще болѣе грустное впечатлѣніе, чѣмъ кончина Лейбница, оставляетъ его погребеніе. На похоронахъ его вполнѣ оказалось, что Ганноверъ былъ не мѣстомъ для него съ тѣхъ поръ, какъ умерла Софія, которая одна могла его оцѣнить. Министры были рады нерасположенію короля къ Лейбницу, чтобъ устранить неудобнаго совѣтника. Чиновники и филистеры Ганновера мало заботились о Лейбницѣ, который не занималъ виднаго, офиціальнаго положенія. Духовенство не любило его за терпимость въ религіи и за пренебреженіе ко внѣшнему богослуженію. Экгардъ разказывалъ, что онъ рѣдко или никогда не ходилъ въ церковь и еще рѣже принималъ причастіе. „По крайней мѣрѣ въ теченіе 19 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, я не слыхалъ объ этомъ. Пасторы часто бранили его за это публично. Но онъ оставался при своемъ. Простонародіе обыкновенно называло его на своемъ нарѣчіи—Lövenix (Glaubt nichts). Это названіе придумалъ какой-то пасторъ“. Но одинъ изъ друзей Лейбница, Бурге, разказываетъ, что его прозвали такъ іезуиты, когда они отчаялись, что онъ приметъ католицизмъ.

---

[1]) Разказъ о послѣднихъ минутахъ Лейбница мы заимствуемъ у Гурауера, который собралъ все сюда относящееся.

Вслѣдствіе этого похороны Лейбница были очень странны. Король Георгъ находился недалеко отъ Ганновера, но не выказалъ никакого участія. Министры велѣли запечатать всѣ бумаги Лейбница и перенести ихъ въ государственный архивъ. Этимъ ограничились ихъ распоряженія. Всѣ заботы объ устройствѣ приличныхъ похоронъ пали на секретаря Экгарда. Весь дворъ былъ приглашенъ на похороны, но никто не явился, „такъ что, говоритъ Экгардъ, я одинъ шелъ за гробомъ и не мало гордился честью, что мнѣ пришлось оказать послѣднія почести великому человѣку. Да еще Керъ, случайно прибывшій въ Ганноверъ въ день смерти Лейбница, шелъ глубоко огорченный за гробомъ своего друга. Онъ былъ въ негодованіи на жителей Ганновера, хоронившихъ Лейбница скорѣе какъ разбойника, чѣмъ какъ человѣка, который былъ украшеніемъ ихъ отечества".

Экгардъ, по обычаю того времени, позаботился украсить гробъ эмблемами и надписями, характеристичными для Лейбница. На правой сторонѣ была надписана любимая поговорка дѣятельнаго ученаго: Pars vitae, quoties perditur hora, perit [1]). Надъ этимъ была изображена единица въ кругѣ съ надписью: Omnia ad unum (все къ одному), съ поясненіемъ: „это относится къ Богу, ибо понятіе о Богѣ было главнымъ основаніемъ системы Лейбница". Подъ этимъ былъ изображенъ орелъ, поднимающійся къ солнцу съ словами: haurit de lumine lumen (въ свѣтѣ черпаетъ свѣтъ). На лѣвой сторонѣ находилась эмблема математика Бернулли, которая очень нравилась Лейбницу: спираль съ словами — Inclinata resurget (согнутая она воспрянетъ); внизу былъ изображенъ сожигавшій себя Фениксъ и слова: Servabit cinis honorem (съ прахомъ останется честь).

Между этими эмблемами были приведены стихи Горація:

Virtus, recludens immeritis mori
Coelum, negata tentat iter via,
Coetusque mortales et udam
Linquit humum fugiente penna [2]).

Въ головахъ былъ изображенъ его гербъ, въ ногахъ обозначенъ день его кончины и возрастъ. Онъ умеръ 70-ти лѣтъ.

Гурауеръ удачно сравниваетъ похороны Лейбница съ похоронами его соперника Ньютона, на которыхъ лордъ-канцлеръ и члены высшей аристократіи Англіи держали покровъ гроба. Жители Лондона тол-

---

[1]) Каждая потерянная минута уноситъ съ собой часть жизни.

[2]) Carminum III, 2, v. 21—24.

пой сопровождали гробъ въ Вестминстерское аббатство, гдѣ покоятся великіе люди Англіи. Лейбницу же не было поставлено памятника. Спустя 50 лѣтъ послѣ его смерти иностранцы съ трудомъ могли отыскать его могилу. Только въ концѣ столѣтія пробудилось сочувствіе къ нему жителей Ганновера, и былъ поставленъ ему памятникъ.

Кончина Лейбница представляетъ много общаго съ послѣдними минутами его друга, Софіи-Шарлотты. Подобно ей онъ сдѣлался послѣ смерти предметомъ многихъ нареканій за недостатокъ благочестія. Въ наше время было бы излишне его оправдывать: мы знаемъ его взглядъ на религію и его неутомимую дѣятельность въ религіозныхъ вопросахъ. Мы приведемъ только одно современное ему оправданіе.

По поводу толковъ о его неблагочестіи, герцогиня Орлеанская писала одной подругѣ: „Люди, которые жили подобно этому человѣку, какъ мнѣ кажется, не нуждаются въ священникахъ. Чему могли научить его священники? Онъ зналъ больше ихъ. Привычка не есть благочестіе, а причащеніе, основанное на привычкѣ, не имѣетъ нравственнаго значенія, если сердце лишено благородныхъ побужденій. Поэтому я нисколько не сомнѣваюсь въ блаженствѣ Лейбница (an des Herrn Leibnitz Seligkeit)“.

Лейбницъ принимался нѣсколько разъ описывать самого себя и свою жизнь, но это были все отрывочныя попытки. Въ 1696 г. онъ велъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое время дневникъ; однажды онъ началъ писать свою автобіографію, но довелъ ее только до окончанія университетскаго курса. Въ другой разъ онъ написалъ характеристику самого себя, вѣроятно, для кого-нибудь изъ своихъ друзей между медиками, потому что главное вниманіе было обращено на физическія и физіологическія свойства его. Лейбницъ въ началѣ говоритъ о здоровьи своихъ родителей и о болѣзни, отъ которой они умерли. Потомъ описываетъ свой характеръ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ.

„По своему темпераменту онъ не вполнѣ сангвиникъ, ни холерикъ, ни флегматикъ, ни меланхоликъ. Онъ не сангвиникъ, потому что у него блѣдный цвѣтъ лица, и онъ не любитъ движенія. Онъ не холерикъ, потому что мало пьетъ и потому что у него гладкіе волосы, сильный аппетитъ и крѣпкій сонъ. Не флегматикъ онъ, вслѣдствіе живости и впечатлительности ума и сердца, а притомъ онъ худощавъ тѣломъ. Онъ не меланхоликъ, потому что у него быстрый умъ и рѣшительная воля, къ тому же онъ не страдаетъ печенью. Какъ кажется, однако въ немъ преобладаетъ холерическій темпераментъ.

„Роста онъ средняго и худощавъ, лицо блѣдное, руки большею

частью холодныя, ноги слишкомъ длинны сравнительно съ тѣломъ. Волосы его темно-русые. Зрѣніе съ дѣтства слабое, голосъ болѣе тонкій и звонкій, чѣмъ сильный; языкъ не довольно гибкій, ибо съ трудомъ произноситъ гортанные звуки и *к*. У него слабыя легкія, сухая печень, ладони перекрещиваются множествомъ линій. Онъ любитъ сладкое, напримѣръ, сахаръ, который примѣшиваетъ къ вину, любитъ также всякій возбуждающій запахъ, и убѣжденъ, что это очень освѣжительно дѣйствуетъ на нервы, если только ихъ не слишкомъ раздражаетъ. Онъ никогда не страдаетъ отъ простуды и кашля. Глаза его не влажны, а слишкомъ сухи, поэтому онъ не хорошо видитъ въ даль, за то тѣмъ лучше видитъ вблизи. Сонъ его крѣпокъ, потому что онъ поздно ложится и предпочитаетъ ночныя занятія утреннимъ.

„Съ дѣтства онъ велъ сидячую жизнь и дѣлалъ мало движеній. Онъ рано началъ много читать и еще больше думать; почти во всѣхъ наукахъ онъ самоучка. У него страсть проникнуть глубже во всякій предметъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ, и открыть что-нибудь новое.

„Онъ не слишкомъ большой охотникъ говорить; сильнѣе его наклонность къ размышленію и одинокому чтенію. Если же онъ вовлеченъ въ бесѣду, то продолжаетъ ее съ удовольствіемъ, потому что предпочитаетъ веселый и пріятный разговоръ играмъ и упражненіямъ, требующимъ движенія.

„Онъ очень вспыльчивъ, но его гнѣвъ такъ же скоро проходитъ, какъ и возбуждается. Онъ никогда не бываетъ чрезмѣрно веселъ или печаленъ. Горе и радости его всегда умѣренны. Смѣхъ большею частью измѣняетъ только выраженіе его лица, но не проникаетъ въ глубь. Онъ нерѣшителенъ, когда нужно приступить къ дѣлу, но смѣлъ въ исполненіи его.

„Вслѣдствіе плохаго зрѣнія у него мало фантазіи, а вслѣдствіе слабости его памяти незначительная утрата въ настоящемъ огорчаетъ его сильнѣе, чѣмъ самая тяжкая потеря въ прошедшемъ.

„Онъ обладаетъ большою изобрѣтательностью и разсудкомъ (judicio); сочинить что-нибудь, читать, писать, говорить безъ приготовленія и если нужно дойдти до основанія какого-нибудь понятія посредствомъ размышленія, все это не составляетъ для него труда. (Unde infero cerebrum ei esse siccum et spirituosum). Духовная дѣятельность его слишкомъ возбуждена, поэтому я опасаюсь, чтобъ онъ не умеръ отъ чахотки, вслѣдствіе излишнихъ занятій, чрезмѣрнаго умственнаго напряженія и худобы тѣла“.

Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ говоритъ о себѣ: „Бываетъ двоякій умъ, какъ и двоякая память. Одинъ быстръ и зависитъ отъ разума (ingenium), другой основателенъ и происходитъ отъ разсудка. Первый встрѣчается у людей съ живою рѣчью, второй у людей медленныхъ, но не безъ способностей къ дѣламъ. Нѣкоторые же люди имѣютъ странное свойство, что въ извѣстное время они чрезвычайно быстры, въ другое очень медленны; къ такимъ причисляю я себя. И я замѣтилъ, что немногіе похожи на меня характеромъ, все легкое становится для меня труднымъ, а все трудное легкимъ... Всѣ люди, чувствительные къ оскорбленіямъ, бываютъ сострадательны. Когда они видятъ кого-нибудь въ такомъ положеніи, которое они для себя считали бы непріятнымъ, то оно ихъ трогаетъ; поэтому они желаютъ иногда унизить другихъ, но въ ту же минуту готовы подать имъ руку помощи. Многіе долгое время не могутъ забыть бездѣлицы, но не мстительны, какъ скоро получили удовлетвореніе въ чести. У такихъ людей умъ преобладаетъ надъ воображеніемъ. А люди съ сильнымъ воображеніемъ не принимаютъ къ сердцу мелкаго оскорбленія, но не могутъ забыть тяжелаго; они мстительны и ихъ трудно успокоить. Умные же люди живо чувствуютъ какъ мелкія, такъ и тяжкія оскорбленія, но ихъ гнѣвъ подобенъ зажженной соломѣ, которая быстро сгораетъ“.

Въ сочиненіяхъ Лейбница можно встрѣтить много мѣстъ, свидѣтельствующихъ о его необыкновенной терпимости: „Если я ошибаюсь, то ошибаюсь охотнѣе въ пользу людей, чѣмъ во вредъ имъ. Таковъ я и при чтеніи. Я ищу въ книгахъ не того, что̀ я могъ бы осудить, но того, что̀ достойно одобренія и что̀ для меня полезно. Это не самая модная метода, но за то она самая справедливая и полезная. Однако хотя мало людей и мало книгъ, которыхъ я считалъ бы для себя безполезными, я умѣю различать между ними и не одинаково имъ довѣряюсь“.

Въ другой разъ онъ пишетъ: „Знай, ни у кого нѣтъ меньше цензорскихъ наклонностей, чѣмъ у меня: я одобряю бо̀льшую часть того, что̀ читаю. Я хорошо знаю, какъ различно можно понимать вещи, а при чтеніи мнѣ приходитъ въ голову много такого, что̀ оправдываетъ автора“.

Много интересныхъ свѣдѣній о характерѣ Лейбница и о его домашнемъ бытѣ сообщаетъ его секретарь Экгардъ, который зналъ его уже въ старости. „У него была слишкомъ большая голова, въ молодости покрытая темными волосами, и маленькіе близорукіе, но очень

живые глаза. У него рано образовалась лысина, а на макушкѣ появился наростъ величиной въ голубиное яйцо (Лейбницъ поэтому очень рано началъ носить парикъ). Онъ былъ широкоплечъ, имѣлъ привычку наклонять голову, и потому казался сутуловатымъ. Онъ былъ скорѣе худощавъ, чѣмъ полонъ, а когда ходилъ, держалъ ноги криво, подобно тому какъ описываетъ себя Скарронъ. Тѣлосложенія онъ былъ очень крѣпкаго, много ѣлъ, но мало пилъ, если его не принуждали, и всегда прибавлялъ воды къ вину. Онъ имѣлъ обыкновеніе дома пить не много пива и любилъ смѣшивать сладкое и кислое вино, къ которому прибавлялъ вишневаго сиропу и немного воды. Онъ никогда не заводилъ своего хозяйства и былъ не разборчивъ въ пищѣ; онъ посылалъ за кушаньемъ въ гостинницу, обѣдалъ всегда одинъ и въ разное время, смотря по своимъ занятіямъ.

„Поѣздки свои онъ всегда предпринималъ въ воскресенье или въ праздники, и въ это время обдумывалъ свои математическія теоремы. Онъ всегда былъ веселъ и бодръ и ничѣмъ особенно не огорчался. Съ военными, съ придворными, съ дипломатами и художниками онъ говорилъ, какъ будто всегда занимался только ихъ дѣломъ; потому его всѣ любили, за исключеніемъ тѣхъ, которые его не понимали. Онъ говорилъ о всѣхъ только доброе, клонилъ все къ лучшему, и даже щадилъ своихъ враговъ, когда онъ могъ повредить имъ у высокопоставленныхъ особъ.

„Онъ читалъ много и дѣлалъ изъ всего извлеченія; къ каждой замѣчательной книгѣ онъ на маленькихъ бумажкахъ писалъ примѣчанія, но не перечитывалъ ихъ никогда, потому что у него была необыкновенная память; до самой старости онъ зналъ наизусть лучшія мѣста древнихъ поэтовъ, особенно Виргилія, духовныя пѣсни, и все что онъ читалъ въ юности. Онъ слѣдилъ съ участіемъ за всѣмъ, что дѣлалось въ наукѣ, и если слышалъ о какомъ-нибудь новомъ открытіи, то не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не получалъ о немъ полнѣйшихъ свѣдѣній. Его переписка была чрезвычайно обширна и отнимала у него много времени [1]). Всѣ замѣчательные ученые въ Европѣ состояли съ нимъ въ перепискѣ, и даже если менѣе извѣстные люди къ нему обращались, онъ всегда отвѣчалъ имъ на ихъ запросы.

„Упрямство, которое мѣшало ему выносить противорѣчія, даже когда онъ сознавалъ свою несправедливость, было главнымъ его не-

---

[1]) Лейбницъ писалъ всѣ свои письма сначала на черно, а иногда передѣлывалъ ихъ два, три и четыре раза.

достаткомъ [1]). Но потомъ онъ всегда слѣдовалъ лучшему убѣжденію. Съ прислугой онъ былъ очень снисходителенъ, склоненъ къ вспыльчивости, но его гнѣвъ скоро проходилъ".

Такая дюжинная натура, какъ Экгардъ, былъ мало способенъ написать характеристику Лейбница, хотя онъ и провелъ съ нимъ около 16-ти лѣтъ. Кромѣ упрямства, Экгардъ упрекаетъ Лейбница въ жадности: „Онъ любилъ деньги и его почти можно назвать sordidus (скрягой); но онъ рѣдко употреблялъ свои деньги на себя, а позволялъ себя обманывать механикамъ и прислугѣ. Ариѳметическая машина, которая была окончена не задолго до его смерти, стоила ему большихъ денегъ; поэтому онъ при всѣхъ своихъ доходахъ оставилъ только сумму въ 12.000 тал. неблагодарному наслѣднику, который даже не поставилъ ему памятника". Экгардъ разчитываетъ при этомъ доходы, которые Лейбницъ получалъ въ послѣднее время: 1.300 т. отъ Ганноверскаго курфирста, притомъ деньги на квартиру, дрова, освѣщеніе, на столъ, лошадей, писаря и прислугу; 600 тал. отъ герцога Вольфенбюттельскаго, отъ императора 2.000 гульд., отъ царя 1.000 т.

Дѣйствительно, старанія Лейбница пріобрѣсти офиціальное положеніе при разныхъ дворахъ, связанное съ жалованьемъ или пенсіей, могутъ произвести непріятное впечатлѣніе. Еще въ 1714 году, напримѣръ, когда Георгъ вступилъ на англійскій престолъ, Лейбницъ просилъ назначить его англійскимъ исторіографомъ, такъ какъ „вслѣдствіе близкой связи между исторіей Вельфскаго дома и исторіей Англіи онъ желалъ въ своихъ Гвельфскихъ Анналахъ коснуться также послѣдней". Но не слѣдуетъ забывать, что въ этихъ случаяхъ Лейбницъ гораздо болѣе имѣлъ въ виду политическое вліяніе, которое ему давало его офиціальное положеніе при нѣсколькихъ дворахъ, чѣмъ денежныя выгоды; не слѣдуетъ также забывать, что Лейбницъ при этомъ руководствовался не столько честолюбіемъ, сколько искреннимъ желаніемъ содѣйствовать въ возможно болѣе обширной сферѣ интересамъ просвѣщенія и осуществленію своихъ плановъ. Кромѣ того изъ словъ самого Экгарда видно, что Лейбницъ не старался копить денегъ и не тратилъ ихъ на себя, но на исполненіе разныхъ общеполезныхъ проектовъ, напримѣръ, — устройство самосчета, на разведеніе шелковичныхъ червей и на путешествія съ ученою цѣлью.

[1]) Понятно, почему Экгардъ говоритъ объ упрямствѣ. Этотъ педантическій и ограниченный ученый, который исполнялъ черную работу для Лейбница, вѣроятно, нерѣдко бывалъ правъ въ мелочахъ и былъ готовъ объяснять всякое разногласіе упрямствомъ.

Наконецъ, того блестящаго положенія, о которомъ говоритъ Экгардъ, Лейбницъ достигъ только въ послѣдніе годы, когда ему было почти 70 лѣтъ. Русскую пенсію онъ получалъ съ 1712 г., австрійскую съ 1714 г. Притомъ его пенсіи выдавались неправильно и были очень непрочны [1]. Мы видѣли, что ему перестали выдавать жалованье, какъ президенту Берлинской академіи, вскорѣ послѣ смерти Софіи-Шарлотты. Когда онъ зажился въ Вѣнѣ, въ Ганноверѣ пріостановили выдачу его жалованья. Въ то время, при постоянныхъ войнахъ и скудости финансовыхъ средствъ, безпрестанно прекращали плату жалованья чиновникамъ или же произвольно уменьшали его. Лейбницъ пишетъ однажды, что онъ поставилъ себѣ за правило тратить ежегодно только то, что было получено имъ два года тому назадъ.

Разчетливость Лейбница не подавала бы ни малѣйшаго повода къ замѣчаніямъ, еслибъ у него была семья или другія близкія лица. Она потому только бросается въ глаза, что по смерти его все имущество его досталось недостойному наслѣднику, пастору Лёфлеру, племяннику по сестрѣ. Богатое наслѣдство было причиной трагикомическаго событія въ семьѣ наслѣдниковъ. Когда Лёфлеръ возвратился домой съ своими сокровищами, жена его при видѣ ихъ пришла въ такое волненіе, что тутъ же испустила духъ. Самъ Лёфлеръ не зналъ, что дѣлать съ своимъ состояніемъ, и потерялъ спокойствіе. О благородствѣ его можно судить по тому, что онъ не позаботился поставить дядѣ памятникъ и продалъ отличный портретъ великаго философа одному ветошнику за нѣсколько талеровъ.

Лейбницъ очень любилъ дѣтей; онъ часто призывалъ къ себѣ дѣтей своихъ сосѣдей, со своего кресла любовался ихъ играми, и раз-

[1]) Лейбницъ былъ часто принужденъ жаловаться, что ему больше года не выдавали жалованья и напоминать о себѣ министрамъ. Мы приведемъ для примѣра неизданное письмо Шлейница, русскаго посла въ Ганноверѣ, къ Шафирову (Изъ Архива М. Ин. Д.) отъ $\frac{\text{19-го ф.}}{\text{2-го м.}}$ 1715 г.: «Es hat der Kaiserliche Reichshofrath und Churf. Geh. Rath v. Leibnitz, so seithero der Czarischen Crohn-Printzessin Hoh. L. Beylager von J. Cz. M. eine jährige pension von 1000 r. sp. gehabt, wovon ihm aber vor ein gantzes jahr à 1000 th. sp. annoch restiren, mich ersuchet, ihm zu erhaltung solcher gelder mit einiger recommendation an E. Ex. an Hand zu gehen. Wie nun solcher Minister jeder Zeit eine grosse Hochachtung und devotion vor E. Ex. als welche er personellement zu kennen Ehre hat bezeuget, er auch S. Cz. M. nützliche Dienste zu leisten sich stets allerunterthänigst angelegen sein lassen, so habe ich nicht entbrechen können dessen Angelegenheiten E. Ex. bestens zu recommendiren und ihm dero Protection und Gnade gehorsamst auszubitten».

давъ имъ лакомства, отсылалъ домой; но онъ никогда не былъ женатъ. Экгардъ разказываетъ, что на 50-мъ году онъ вздумалъ жениться; особа, которой онъ сдѣлалъ предложеніе, потребовала времени, чтобы подумать на досугѣ, какъ выразился Фонтенель. Лейбницъ также подумалъ, и не женился [1]).

Въ жизни Лейбница нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобъ онъ когда-нибудь любилъ. Онъ охотно бывалъ въ женскомъ обществѣ, и какъ говоритъ его біографъ, не жалѣлъ о времени, которое проводилъ съ женщинами. Въ бесѣдѣ съ ними онъ былъ всегда веселъ и оживленъ и переставалъ быть ученымъ и философомъ. Дружба замѣняла ему любовь; но трудно сказать, ограничился ли бы онъ дружбой, если бы встрѣтилъ другую Софію-Шарлотту не на престолѣ.

Лѣтъ 14 послѣ смерти Лейбница вдругъ распространилось извѣстіе, что у него былъ незаконный сынъ по имени Вильгельмъ Диннигеръ, который служилъ ему секретаремъ. Издатель „Литературнаго Сборника", въ которомъ появилось это извѣстіе, ссылался на астронома Кирха, который будто бы зналъ Диннигера и замѣтилъ въ немъ большое сходство съ Лейбницемъ. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. 50 лѣтъ спустя въ одной газетѣ появилось приглашеніе помочь двумъ крайне бѣднымъ старушкамъ — внучкамъ Лейбница, оставшимся по смерти ихъ отца Диннигера безъ всякихъ средствъ. Приглашеніе было отъ имени Мэккернскаго благочиннаго Абеля, въ округѣ котораго онѣ жили. Абель сообщалъ, что Диннигеръ не скрывалъ отъ благоразумныхъ людей своего происхожденія, но ничего не говорилъ объ этомъ своимъ дѣтямъ и такимъ людямъ, которые могли бы смѣяться надъ нимъ. Онъ часто разказывалъ своимъ дочерямъ, „что великій Лейбницъ очень любилъ его, отдалъ его въ академію, чтобы выучить его живописи, и осыпалъ его благодѣяніями; отъ этого онъ сталъ высокомѣренъ и однажды ушелъ недовольный отъ Лейбница, и такимъ образомъ лишился наслѣдства, на которое имѣлъ большія надежды. По смерти его онъ поселился въ Мэккернѣ и сталъ заниматься живописью, но въ маленькомъ городкѣ не могъ найдти работы и впалъ въ бѣдность." Абель прибавляетъ, что Диннигеръ и его младшая дочь были чрезвычайно похожи на портреты Лейбница.

Прусскій министръ Герцбергъ велѣлъ по этому поводу навести справки, изъ которыхъ оказалось, что Вильгельмъ Диннигеръ въ метрическихъ книгахъ былъ записанъ четвертымъ сыномъ приходскаго

---

[1]) Éloge de Leibnitz p. 259.

учителя Диннигера, въ Зармундѣ и родился въ 1686 году. Мать его Марія была дочерью крестьянина изъ Бернштедта близь Потсдама. Это извѣстіе дѣлаетъ разказъ Диннигера о его происхожденіи неправдоподобнымъ; но достовѣрнаго ничего неизвѣстно.

Полная характеристика Лейбница будетъ возможна только тогда, когда сдѣлается извѣстною вся его громадная переписка. Мы приведемъ здѣсь для дополненія только нѣсколько чертъ его характеризующихъ. Мы упомянемъ о томъ, какъ онъ старался быть доступнымъ каждому, лишь бы отъ этого не пострадала истина. «En général il est bon, писалъ онъ однажды, qu'on se met à la portée de tout le monde, pourvu que la vérité [1]) n'en souffre pas» Упомянемъ о полнѣйшемъ отсутствіи зависти къ успѣхамъ и заслугамъ другихъ; онъ охотно дѣлился съ другими своими идеями и радовался, когда они развивали ихъ дальше. Онъ говорилъ, что смотритъ съ удовольствіемъ, когда въ чужихъ садахъ всходятъ сѣмена, имъ посѣянныя. „Эти сѣмена, прибавляетъ Фонтенель, часто дороже, чѣмъ самые плоды: въ математикѣ методъ изобрѣтенія драгоцѣннѣе, чѣмъ большая часть результатовъ, достигнутыхъ съ его помощью“ [2]).

Онъ любилъ покровительствовать людямъ мало извѣстнымъ, но достойнымъ, и старался доставить имъ положеніе болѣе соотвѣтствующее ихъ заслугамъ, часто безъ ихъ вѣдома.

Не только жителей Ганновера, но и всѣхъ соотечественниковъ Лейбница можно обвинить за крайнее равнодушіе къ его памяти. Берлинская академія, основанная имъ, ничѣмъ не отозвалась на его смерть. Лейбницъ былъ членомъ Лондонской и Парижской академій. Первая, которая только-что принимала такое пристрастное участіе въ спорѣ Лейбница съ Ньютономъ, не считала нужнымъ заявить свое сочувствіе къ умершему. Только Парижская академія почтила его память рѣчью своего талантливаго секретаря Фонтенеля. Въ своемъ сжатомъ панегирикѣ Фонтенель пересчитываетъ тѣ заслуги Лейбница, которыя были ему извѣстны. Изящное изложеніе и неподдѣльное чувство уваженія къ генію искупаютъ недостатокъ полноты въ его оцѣнкѣ.

---

[1]) Лессингъ оправдываетъ Лейбница отъ упрека, что онъ будто бы старался приноравливаться ко всѣмъ мнѣніямъ и системамъ, чтобы снискать всеобщее расположеніе. Лессингъ показываетъ, что напротивъ Лейбницъ старался во всѣхъ системахъ найдти что-нибудь разумное; онъ извлекалъ изъ нихъ эту разумную сторону и приноравливалъ ее къ своей системѣ. «Er schlug aus Kiesel Feuer, aber er verbarg sein Feuer nicht in Kiesel».

[2]) Oeuvr. de Fontenelle. Eloge de M. Leibnitz. 1785 г. T. II, p. 227.

Лейбница тогда трудно было вполнѣ оцѣнить. Только въ 1768 году было издано первое собраніе его сочиненій, далеко не полное [1]). Издатель его не имѣлъ возможности черпать изъ главнаго источника—Ганноверскаго архива. Какъ мало еще въ то время понимали значеніе Лейбница, видно изъ того, что издатель пренебрегъ его интересною перепиской, доставшеюся ему въ руки, „потому что она была политическаго содержанія.“ Въ Лейбницѣ хотѣли признавать только философа, математика и издателя историческихъ и юридическихъ актовъ. Только недавно вышло первое изданіе его сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ [2]), за нимъ первое критическое изданіе его философскихъ сочиненій [3]); только въ 1843 году былъ, наконецъ, напечатанъ его знаменитый историческій трудъ [4]), и вскорѣ послѣ того вышло полное изданіе его математическихъ сочиненій.

Въ 1859 г. французскій литераторъ составилъ планъ полнаго изданія сочиненій Лейбница и съ самоотверженіемъ трудился для этой цѣли въ Ганноверскихъ архивахъ. Благодаря ему, выяснилась дѣятельность Лейбница по переговорамъ о примиреніи церквей и политическая роль, которую онъ игралъ. Изданіе сочиненій Лейбница не можетъ быть дѣломъ частнаго лица и требуетъ искусныхъ рукъ. Предпріятіе Фуше де-Кареля подвигалось медленно впередъ и представляло много недостатковъ [5]). Наконецъ, ганноверское правительство сознало свой долгъ относительно Лейбница и всего ученаго міра. Оно поручило своему библіотекарю приняться за полное, критическое изданіе его сочиненій, и первые томы начали быстро появляться одинъ за другимъ въ самомъ роскошномъ видѣ [6]).

Но надъ сочиненіями великаго философа какъ бы властвовала особенно злая судьба. Ганноверское правительство пало, и изданіе прекратилось на 5-мъ томѣ. Значеніе Лейбница выяснится вполнѣ, только когда будетъ издано полное собраніе его сочиненій, когда нѣсколько спеціалистовъ примутся изучать его труды, каждый по своей наукѣ, и когда біографъ столь же многосторонній, какъ Лейбницъ, сведетъ итогъ этихъ изысканій.

Но послѣднее условіе едва-ли возможно. Въ эпоху Лейбница раз-

---

[1]) G. G. Leibnitii Opera omnia. ed. Dutens. Genevae. 5 voll.
[2]) Leibnitz's Deutsche Schriften, v. Guhrauer. 1838. 2 voll.
[3]) G. G. Leibnitii Opera Philosophica Omnia ed. Erdmann. 1840.
[4]) G. W. Leibnitii Annales Imperii Occidentis, Brunsvic. ed. Pertz. 3 voll.
[5]) Oeuvres de Leibniz. ed. Foucher de Careil. Paris. Didot; — всего 6 voll.
[6]) Die Werke v. Leibniz v. Onno Klopp. Hannover; — всего 5 voll.

личныя отрасли человѣческихъ знаній не далеко еще ушли отъ своей колыбели и были совмѣстимы въ обширномъ умѣ одного человѣка. То былъ первый, дѣтскій періодъ человѣческой мудрости. Лейбницъ жилъ на грани этого періода, онъ былъ послѣднимъ изъ счастливцевъ, которымъ удалось обозрѣвать въ своемъ умѣ все обширное поле наукъ и содѣйствовать развитію каждой изъ нихъ. Казалось, что въ лицѣ Лейбница человѣчество остановилось въ своемъ вѣчномъ прогрессѣ на мгновеніе, чтобы взглянуть на пройденный путь, чтобы собрать въ одно цѣлое весь итогъ достигнутыхъ результатовъ, а затѣмъ раздробить свою дѣятельность и развивать каждую науку особеннымъ, свойственнымъ ей путемъ.

Лейбницъ представляетъ собой цѣлую академію: его дѣятельность благопріятно отразилась на всѣхъ отрасляхъ науки. Самыя важныя и неоспоримыя заслуги его относятся къ области математики. Онъ былъ изобрѣтателемъ дифференціальнаго исчисленія, которымъ обусловливаются новѣйшіе успѣхи этой науки. Съ помощью новой методы, онъ разрѣшилъ множество важныхъ математическихъ проблемъ [1]. Онъ опровергъ динамическіе законы Декарта и положилъ начало новой динамикѣ. Онъ много занимался практическою математикой — механикой. Сюда относятся его попытки къ улучшенію карманныхъ часовъ и способовъ передвиженія, его работы по гидростатикѣ, которыя не удались вслѣдствіе упрямства горныхъ инженеровъ, наконецъ его ариѳметическая машина для извлеченія квадратныхъ и кубическихъ корней.

Въ естественныхъ наукахъ Лейбницъ принесъ больше пользы своимъ вліяніемъ на другихъ, чѣмъ самостоятельными трудами. Ни въ комъ не было такой любви къ природѣ и такого живаго сознанія, что въ самыхъ мелкихъ произведеніяхъ ея проявляется та же творческая сила, которая создала міозданіе. Лейбницъ никогда не рѣшался убить муху, какъ бы она его ни безпокоила, и говорилъ, что жалко разрушать такую „искусную машину".

Во время Лейбница естественныя науки находились въ Германіи еще въ дѣтскомъ состояніи: въ химіи господствовали еще алхимическія бредни, въ физикѣ разныя схоластическія теоріи. Лейбницъ занимался химіей, опровергнулъ флогистическую теорію Шталя, дѣлалъ наблюденія надъ фосфоромъ, надъ магнетизмомъ, надъ пневматикой,

[1]) Son nom est à la tête des plus sublimes problèmes, qui aient été résolus de nos jours et il est mêlé dans tout ce que la géométrie moderne a fait de plus grand, de plus difficile et de plus important. Font. p. 226.

чтобъ усилить съ помощью сгущеннаго воздуха давленіе въ оружіи, въ пожарныхъ трубахъ и пр. Лейбницъ живо интересовался всякими опытами въ этихъ наукахъ, вступалъ въ переписку съ учеными, побуждалъ ихъ къ новымъ опытамъ и покровительствовалъ имъ, гдѣ могъ. Онъ переписывался съ Левенгукомъ въ Голландіи и съ Валиснери въ Италіи о сѣменныхъ животныхъ, которыя они открыли съ помощью микроскопа, и излагалъ имъ свой взглядъ на ихъ открытіе. Онъ ходатайствовалъ у ландграфа Гессенскаго за ученаго физика Папина, перваго изобрѣтателя паровой машины, не смотря на то, что Папинъ находился съ нимъ въ полемикѣ о значеніи картезіанизма. Когда не удалась попытка перваго парохода, устроеннаго Папиномъ на рѣкѣ Фульдѣ, Лейбницъ не разочаровался подобно другимъ, а ободрялъ герцога и защищалъ Папина[1]).

Лейбницъ изучалъ въ своихъ путешествіяхъ фабричные промыслы и горное дѣло и придумывалъ новые способы для улучшенія ихъ. Въ медицинѣ, Лейбницъ настаивалъ на необходимости статистическихъ наблюденій, чтобъ имѣть твердую почву для науки; онъ требовалъ отъ медиковъ, чтобъ они прилежнѣе изучали пищу и другія условія человѣческой жизни, такъ какъ здравая діэта важнѣе всякихъ лѣкарствъ. Онъ первый указывалъ на важность сравнительнаго изученія анатоміи, хотя эта наука въ то время встрѣчала много препятствій въ господствовавшихъ суевѣріяхъ.

Но въ одной отрасли естественныхъ наукъ труды Лейбница самостоятельны и имѣютъ великое значеніе—въ геологіи и палеонтологіи. Мы подробно говорили о его „Протогеѣ", первомъ сознательномъ опытѣ объяснить образованіе земнаго шара посредствомъ двухъ факторовъ: огня и воды, и опредѣлить геологическія эпохи съ помощью ископаемыхъ. Намѣреваясь предпослать „Протогею" своей исторіи Германской имперіи, онъ доказалъ, что первый созналъ глубокую связь между естественными условіями и исторіей страны, между жизнью земли и природы и духовною жизнью человѣка.

По своему университетскому образованію и по первымъ практическимъ занятіямъ Лейбницъ былъ юристомъ. Въ правовѣдѣніи, его девизомъ всегда было: право существуетъ для охраненія, а не для притѣсненія людей. «Jura ad servandos, non ad perdendos homines nata sunt». Поэтому Лейбницъ рано поставилъ себѣ цѣлью произвести ре-

---

[1]) Doleo praeclara cogitata ingeniosissimi Papini casu infelici perturbata. Sed non ideo a me contemnuntur, aut pro inanibus habentur.... Rommel — Leibnitz und L. Ernst. I p. 167.

форму въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, чтобъ уничтожить два главные недостатка въ судопроизводствѣ того времени: запутанность и кляузничество. Онъ считалъ нужнымъ примѣнить къ праву математическую демонстративную методу, извлечь изъ римскаго кодекса главныя вѣчныя аксіомы права и съ ихъ помощью внести въ законодательство ясность и точность. Всѣ первые юридическіе труды его посвящены этимъ вопросамъ.

Въ государственномъ правѣ Лейбницъ выяснилъ значеніе могущественныхъ имперскихъ князей, пріобрѣтенное ими послѣ Вестфальскаго мира, и привелъ теорію въ согласіе съ измѣнившимся фактическимъ положеніемъ.

Въ международномъ правѣ онъ указалъ на необходимость изученія историческаго матеріала, чтобы доставить этой наукѣ твердую почву. Трактаты и договоры должны были, по его мнѣнію, играть такую же роль въ международномъ правѣ, какъ положительное законодательство въ гражданскомъ и уголовномъ. Онъ самъ издалъ два сборника памятниковъ по международному праву.

Въ философіи права, Лейбницъ доказывалъ, что законы справедливости и нравственности также вѣчны и также основаны на непреложный сущности вещей, какъ и законы ариѳметики и геометріи.

Въ тѣсной связи съ его изданіями по международному праву стоятъ его труды по исторіи. Лейбницъ выяснилъ методу исторической науки, которая главнымъ образомъ обусловливаетъ ея успѣхъ, именно, критическую разработку историческаго матеріала. Тогдашнее положеніе исторической науки принудило его приняться за черную работу; онъ не побрезгалъ ею, не пожалѣлъ неблагодарнаго труда и издалъ нѣсколько сборниковъ историческаго матеріала. Онъ отнесся критически къ этому матеріалу и изгналъ изъ науки много неточностей, ошибокъ и предразсудковъ, напримѣръ, миѳъ о папессѣ Іоаннѣ. Въ „Анналахъ Западной Имперіи“ онъ представилъ образчикъ исторіографическаго искусства, который своими достоинствами далеко опередилъ время: Лейбницъ обнаружилъ въ немъ критическій тактъ и тонкое пониманіе духовной жизни народа, проявляющейся въ церкви, философіи, литературѣ, и пр., — два главныя условія новѣйшей исторіографіи.

Этимологическія изслѣдованія, подъ старость, были для Лейбница средствомъ отдохновенія. Но они были для него не одной только забавой. Не смотря на дѣтское состояніе науки о языкѣ, Лейбницъ созналъ тѣ двѣ идеи, на которыхъ основано великое развитіе лингвистики въ наше время. Онъ понялъ, что языкознаніе имѣетъ для исто-

ріи человѣчества такое же значеніе, какое геологія и палеонтологія для исторіи земнаго шара и его обитателей. Онъ понялъ въ то же время необходимость сравнительнаго изученія языковъ и позаботился о собраніи возможно-бо́льшаго матеріала. Миссіонеры, путешественники, дипломаты и государи должны были доставлять ему лингвистическій матеріалъ, и его изысканія обнимали Европу и Азію отъ Кельтовъ до сибирскихъ племенъ, имена которыхъ только-что тогда стали извѣстными.

Хотя Лейбницъ, какъ европейскій публицистъ и философъ, былъ принужденъ писать большею частью на обще-европейскихъ языкахъ того времени, латинскомъ и французскомъ, онъ не забылъ своего долга относительно своего отечественнаго языка. Въ классическомъ сочиненіи онъ возсталъ противъ безобразнаго смѣшенія нѣмецкаго языка съ французскими и латинскими словами, указалъ на средства обогатить его и краснорѣчиво убѣждалъ своихъ соотечественниковъ принять всѣ мѣры, чтобъ усовершенствовать ихъ родной языкъ, представляющій столько богатыхъ задатковъ развитія.

Въ XVII вѣкѣ всякій образованный человѣкъ или по крайней мѣрѣ литераторъ считалъ своею обязанностью писать стихи. Лейбницъ также слѣдовалъ модѣ того времени и оставилъ по себѣ цѣлый томъ стихотвореній на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ нихъ есть все, чего можно требовать отъ умнаго человѣка, отлично владѣющаго языкомъ; но въ нихъ нѣтъ поэзіи. Лейбницу вообще недоставало настоящаго пониманія какъ поэзіи, такъ и искусства. Высшею цѣлью ихъ, по его мнѣнію, должно было быть нравственное и религіозное усовершенствованіе человѣка. Онъ еще не далеко ушелъ отъ точки зрѣнія средневѣковыхъ мистерій.

Интересамъ религіи Лейбницъ посвятилъ значительную часть своей дѣятельности. Онъ употребилъ весь богатый запасъ своихъ свѣдѣній въ богословіи и въ исторіи церкви для великаго дѣла примиренія церквей. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ религіозной терпимости, основанной не на равнодушіи къ религіи, а на сознаніи, что сущность всѣхъ христіанскихъ исповѣданій одна и та же и что интересы ихъ общіе. Онъ посвятилъ свои геніальныя способности на то, чтобы защищать религію отъ скептицизма и софизмовъ, и чтобы доказать вѣчную гармонію между религіей и разумомъ, откровеніями того же Божества.

Въ философіи Лейбницъ пріобрѣлъ вѣчную славу. Онъ создалъ геніальную философскую систему, которая на всегда сохранитъ свое

значенiе между великими попытками человѣка проникнуть въ тайны мiра и бытiя. Ни одной системѣ не удалось въ равной степени примирить крайнiя противоположности — единство мiра, выражающееся въ Божествѣ, съ правами индивидуальнаго существованiя, вѣчность мiра и безсмертiе души, непреложность мiровыхъ законовъ и свободу воли. Плодотворныя идеи гармонiи, оптимизма и непрерывнаго развитiя были результатами этой философiи.

Но далеко не всѣ заслуги Лейбница укладываются въ рамки опредѣленныхъ наукъ: не слѣдуетъ забывать еще его дѣятельность какъ публициста и его заботы объ интересахъ цивилизацiи и успѣхахъ просвѣщенiя. Какъ публицистъ Лейбницъ имѣетъ европейское значенiе. Онъ былъ поборникомъ свободы и равновѣсiя противъ деспотизма Людовика XIV, и въ этомъ отношенiи долженъ быть сопоставленъ съ Вильгельмомъ Оранскимъ, какъ мыслитель съ героемъ. Онъ былъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ освобожденiя христiанъ отъ магометанскаго гнета и распространенiя цивилизацiи на отдаленномъ Востокѣ. Онъ былъ ревнителемъ просвѣщенiя и науки вездѣ, гдѣ имѣлъ влiянiе и доступъ. Четыре академiи: Берлинская, Саксонская, Вѣнская и С.-Петербургская могутъ гордиться тѣмъ, что онъ подалъ мысль объ ихъ учрежденiи. Но исполненiе далеко не соотвѣтствовало генiальному плану Лейбница. Онъ понялъ, что новыя потребности науки требуютъ новыхъ органовъ. Тогдашнiе университеты, съ своимъ схоластическимъ направленiемъ, духомъ кастъ и рутинёрствомъ не могли служить орудiемъ этихъ новыхъ потребностей.

Лондонская и Парижская академiи имѣли слишкомъ спецiальное и одностороннее назначенiе. По плану Лейбница академiя должна была быть высшей наградой за ученыя заслуги, сокровищницей всѣхъ познанiй, живымъ звеномъ между теорiей и практикой и блюстительницей всѣхъ народныхъ интересовъ, на сколько они зависятъ отъ науки.

По многосторонности и обширности свѣдѣнiй, Лейбница можно сравнить только съ Аристотелемъ; но между ними существенное различiе въ положенiи. Вѣкъ Аристотеля совпадалъ съ высшимъ процвѣтанiемъ эллинской цивилизацiи. Онъ воспользовался плодами ея богатаго развитiя, онъ свелъ въ итогъ ея результаты; онъ заключилъ собою рядъ глубочайшихъ мыслителей отъ Пиѳагора до Платона. Лейбницъ же жилъ въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ — юношескаго перiода христiанской цивилизацiи — къ новому времени.

Въ извѣстныя эпохи исторiи религiя поглощаетъ собой всѣ духовные интересы человѣка. Въ ней заключаются, какъ въ колыбели,

всѣ другія отрасли духовной жизни. Политическое устройство, наука и искусство проникнуты религіознымъ характеромъ и служатъ цѣлямъ религіи. Мы видимъ въ исторіи нашей цивилизаціи два раза такое явленіе: въ классическомъ мірѣ и въ средніе вѣка. По своей дѣятельности, по своимъ цѣлямъ Лейбницъ принадлежитъ уже новому времени и содѣйствуетъ торжеству новыхъ началъ; но по своему воспитанію онъ относится еще къ предшествовавшему періоду, который оставилъ на немъ не мало слѣдовъ. Лейбницъ не потерялъ еще вполнѣ вѣры въ алхимію; онъ нехотя отказывается отъ астрологіи; онъ считаетъ возможнымъ, чтобы движенія звѣздъ были символическими знаками того, что происходитъ на землѣ, подобно тому, какъ линіи на ладони изображаютъ физическія и духовныя свойства человѣка. Ему случилось однажды защищать пытку, какъ средство, подверженное большимъ злоупотребленіямъ, но иногда необходимое для возстановленія истины. Онъ признаетъ за поэзіей и искусствомъ только второстепенное значеніе, видитъ въ нихъ средство религіознаго одушевленія. Наконецъ, его политическій и церковный идеалъ заимствованъ изъ среднихъ вѣковъ: это — религіозное и политическое общеніе христіанскихъ народовъ подъ руководствомъ папы и императора.

Подобные факты бросаютъ яркій свѣтъ на историческое значеніе Лейбница. Онъ заключаетъ собой религіозный періодъ нашей цивилизаціи, когда Откровеніе считалось главнымъ источникомъ человѣческой мудрости и когда всѣ явленія нравственнаго и физическаго міра объяснялись непосредственною волею Божества. Но въ то же время дѣятельность Лейбница принадлежитъ другому, научному періоду нашей исторіи, въ который человѣкъ старается глубже проникнуть въ окружающій его міръ, открываетъ вѣчные, непреложные законы, управляющіе явленіями, и во всѣ отрасли знанія вноситъ точность и научность изслѣдованія.

Этимъ положеніемъ Лейбница объясняется его многосторонность. Онъ обнимаетъ въ своемъ умѣ всю энциклопедію наукъ, ко всѣмъ примѣняетъ новую методу и во всѣхъ пролагаетъ путь къ будущимъ результатамъ. Математическія науки сдѣлались въ то время великой школой для человѣка: изъ нихъ заимствовалъ онъ строгость методы и точность изслѣдованія, которыя потомъ сталъ прилагать ко всѣмъ остальнымъ наукамъ. Лейбницъ не случайно былъ великимъ математикомъ. Его стремленія примѣнить *математическую методу* къ философіи и ко всѣмъ наукамъ, не исключая юридическихъ и политическихъ, означали не что иное, какъ желаніе внести въ нихъ точность

изслѣдованія и устранить изъ нихъ всякія постороннія соображенія и произвольныя толкованія.

Но Лейбницъ, содѣйствуя торжеству новыхъ началъ, не относился враждебно къ прошедшему. Философъ, открывшій законъ непрерывнаго развитія, не могъ допустить, чтобы новый періодъ въ исторіи человѣчества былъ полнѣйшимъ отрицаніемъ предшествующаго. Это свойство и составляетъ главное отличіе Лейбница отъ другихъ великихъ современниковъ его, Декарта, Ньютона и Локка, односторонно примкнувшихъ къ новому. Лейбницъ представляетъ собою связующее звено между богословскимъ и научнымъ періодомъ нашей цивилизаціи. Онъ резюмируетъ результаты перваго и передаетъ ихъ какъ знамя будущимъ вѣкамъ. Философія Лейбница, стоя на рубежѣ новаго времени, напоминаетъ человѣку, что между матеріальнымъ міромъ и духовнымъ установлена вѣчная гармонія, что непреложные физическіе законы не исключаютъ нравственныхъ цѣлей, которымъ они служатъ, что разумъ, раскрывающійся въ мірѣ, не есть безжизненный, математическій разумъ, но сознательный, а слѣдовательно, нравственный, и что человѣкъ, безконечно малое отраженіе всемірнаго разума, есть существо духовное и нравственное.

Если сравненіе Лейбница съ Аристотелемъ объясняетъ обще-европейское его значеніе, то другимъ сравненіемъ можно указать на положеніе, которое Лейбницъ занимаетъ въ исторіи своего народа — сравненіемъ съ Ломоносовымъ. Какъ ни велико различіе между ними въ обстановкѣ и въ достигнутыхъ результатахъ, они занимаютъ одинаковое положеніе въ исторіи своего народа. Оба жили въ такое время, когда ихъ народъ переступалъ изъ ранняго періода своей жизни въ болѣе зрѣлый возрастъ. Оба были поставлены въ необходимость взяться въ одно время за всѣ науки, не пренебрегать черною работой и своею дѣятельностью указать народу тѣ пути, по которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать. Оба поэтому имѣютъ одинаковое право на благодарность и уваженіе своего народа.

Но Лейбницъ былъ счастливѣе. Чѣмъ выше степень развитія, которую занимаетъ народъ въ данное время, тѣмъ болѣе возможности имѣютъ его передовые люди, подвигая впередъ дѣло просвѣщенія въ своемъ народѣ, тѣмъ самымъ содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи и интересамъ всего человѣчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

СТРАН.

Воспитаніе Лейбница. Гимназіи и университеты въ Германіи въ XVII вѣкѣ 1

Происхожденіе Лейбница. — Его семейство. — Протестантизмъ въ XVII вѣкѣ. — Латинская школа. — Отсутствіе реальнаго элемента въ школьномъ образованіи. — Предметы гимназическаго курса. — Методы преподаванія. — Диспуты. — Религіозное воспитаніе. — Наказанія. — Нравы учениковъ. — Лейбницъ восполняетъ чтеніемъ недостатки школьнаго образованія. — Вліяніе классическихъ писателей. — Занятія логикой. — Воспріимчивость Лейбница. — Лейпцигскій университетъ. — Студенческій бытъ. — Депозиція. — Пенналнзмъ. — Бурсы и стипендіи. — Церемонія при полученіи докторства. — Пороки студентовъ. — Возникновеніе университетовъ изъ духовныхъ училищъ. — Секуляризація ихъ и подчиненіе правительству въ XVI вѣкѣ. — Ректоръ. — Канцлеръ. — Университетское управленіе. — Контроль надъ профессорами. — Отношенія между университетскими преподавателями. — Профессора ординарные и экстраординарные. — Приватъ-доценты. — Лекціи публичныя и частныя. — Чинопочитаніе. — Занятія профессоровъ. — Отсутствіе спеціализма. — Доходы профессоровъ. — Костюмъ профессоровъ и студентовъ. — Недостатки профессоровъ. — Нетерпимость ихъ. — Лейбницъ отъ схоластики переходитъ къ изученію классической и новѣйшей философіи. — Лейбницъ въ Іенѣ. — Вейгель. — Математическій методъ и примѣненіе его ко всѣмъ наукамъ. — Занятія и диссертаціи Лейбница. — Лейпцигскій университетъ отказываетъ ему въ докторской степени. — Лейбницъ въ Альторфѣ. — Докторство. — Общество алхимиковъ въ Нюренбергѣ. — Знакомство съ Бойнебургомъ. — Лейбницъ переселяется во Франкфуртъ.

Глава II.

Лейбницъ въ Майнцѣ. ерманскій и Восточный вопросы въ XVII вѣкѣ 71

Тѣсная связь германскаго вопроса съ папскимъ и итальянскимъ. — Общее происхожденіе ихъ изъ средневѣковаго порядка вещей. — Различные взгляды современныхъ нѣмецкихъ историковъ на германскій во-

СТРАН.

просъ. — Различные взгляды на разрѣшеніе этого вопроса въ XVII вѣкѣ.—Богуславъ Хемницъ, Hippolithus a Lapide.— Пуфендорфъ.— Его критика современнаго состоянія Германіи. — Переворотъ въ европейской политикѣ. — Могущество Франціи. — Распаденіе Германіи на 3 группы. — Рейнскій союзъ. — Вмѣшательство Людовика XIV въ дѣла Германіи.—Турецкая война и Эрфуртское дѣло.—Архіепископъ Майнцскій. — Династическая политика нѣмецкихъ князей. — Баронъ Бойнебургъ.— Отношенія Лейбница къ Бойнебургу. — Его занятія въ Майнцѣ. — Математическій методъ въ юридическихъ и политическихъ наукахъ.—Занятія Лейбница по физикѣ и по философіи.— Его религія.— Занятія политикой. — Записка о водвореніи внутренней и внѣшней безопасности въ Германіи. — Проектъ Лейбница о завоеваніи Французами Египта. — Шумъ, который надѣлало обнародованіе этого проекта въ 1803 году. — Мнѣніе о немъ французскихъ историковъ. — Исторія восточнаго вопроса. — Три періода его. — Общій взглядъ на этотъ вопросъ въ XVII вѣкѣ. — Лейбницъ вноситъ въ этотъ вопросъ новую точку зрѣнія. — Интересы цивилизаціи. — Его записка объ экспедиціи въ Египетъ. — Своевременность этого плана. — Переговоры съ французскимъ правительствомъ по поводу его проекта.—Лейбницъ отправляется въ Парижъ. — Перемѣна, происшедшая въ положеніи восточнаго вопроса вслѣдствіе политики Россіи.— Роль Россіи въ этомъ вопросѣ.

Глава III.

Лейбницъ въ Парижѣ. Картезіанизмъ и его вліяніе на французское общество 154

Значеніе картезіанизма. — Его послѣдователи и противники. — Салоны.—Университеты.— Ученыя общества. — Публичныя лекціи. — Монашескіе ордена.— Бенедиктинцы. — Доминиканцы и францисканцы.— Іезуиты.—Отношеніе ихъ къ наукѣ. — Ораторіанцы. — Мальбраншъ. — Его переписка съ Лейбницемъ. — Арно. — Философская переписка между Лейбницемъ и Арно. — Ненависть іезуитовъ къ картезіанизму. — Гюе, епископъ Авраншскій. — Отношенія Лейбница къ картезіанизму. — Занятія Лейбница математическими науками. — Гугенсъ. — Кольберъ. — Жизнь Лейбница въ Парижѣ.—Отношенія его къ семейству Бойнебургъ и къ своимъ родственникамъ. — Предложеніе герцога Ганноверскаго.— Поѣздка въ Лондонъ. — Споръ съ Ньютономъ объ изобрѣтеніи дифференціальнаго исчисленія. — Лейбницъ и Спиноза.

Глава IV.

Лейбницъ при дворѣ герцога Ганноверскаго Іоганна-Фридриха 234

Герцоги Брауншвейгскаго дома. — Переворотъ въ политикѣ нѣмецкихъ князей. — Сыновья герцога Георга. — Іоганнъ-Фридрихъ. — Положеніе Лейбница. — Его занятія какъ библіотекаря и герцогскаго со-

вѣтника.—Его записки и предложенія.—Открытіе фосфора.— Брандъ.— Алхимическіе опыты. — Химикъ Бехеръ. — Улучшеніе рудокопства въ Гарцѣ. — Статистическій альманахъ и центральный архивъ. — Записка о направленіи занятій въ школахъ и университетѣ. — Уничтоженіе преслѣдованій противъ колдовства.—Сочиненія Лейбница о правѣ нѣмецкихъ князей отправлять полномочныхъ пословъ. — Его записки о соединеніи церквей.—Геологъ Стено; его странное обращеніе въ католицизмъ. — Смерть герцога. — Его торжественные похороны. — Надгробное слово Лейбница. — Его „идеалъ государя". — Его стихотворенія на смерть герцога.— Его „правила жизни". — Его характеристика самого себя. — Цѣль его разнообразныхъ занятій.

Глава V.

Лейбницъ въ Ганноверѣ при дворѣ герцога Эрнста-Августа 291

Политическое состояніе Германіи. — Отжившія территоріи и возникающая государственная жизнь. — Отношенія Лейбница къ политическимъ событіямъ его времени. — Герцогъ Эрнстъ-Августъ. — Герцогиня Софія. — Ея характеръ и ея переписка съ Лейбницемъ. — Семейные раздоры въ Ганноверскомъ домѣ. — Убійство Кенигсмарка и заговоръ въ пользу младшихъ сыновей. — Установленіе престолонаслѣдія въ Ганноверѣ и пріобрѣтеніе курфирстскаго сана. — Патріотизмъ Лейбница. — Mars Christianissimus — памфлетъ противъ Людовика XIV. — Лейбницъ защитникъ идеи права въ государственныхъ отношеніяхъ Европы. — Дѣятельность Лейбница при Ганноверскомъ дворѣ. — Его путешествія по Германіи и Италіи. — Его заботы объ интересахъ имперіи— Пребываніе въ Римѣ. Знакомство Лейбница съ іезуитами и старанія завести сношенія съ Китаемъ. — Историческія занятія и труды Лейбница. — Судьба его исторіи Вельфскаго дома. — Заслуги Лейбница въ геологіи. — Протогея или исторія земнаго шара. — Жизнь и увеселенія при Ганноверскомъ дворѣ.— Участіе Лейбница въ этихъ увеселеніяхъ. — Пиръ Трималціона.

Глава VI.

Взглядъ Лейбница на религію и старанія его о соединеніи церквей 391

Отношенія Лейбница къ религіи. — Религіозныя партіи въ XVII вѣкѣ.—Попытки примиренія.— Джонъ Дори.—Каликстъ и его школа.— *Методисты*.—Боссюетъ.—Спинола.—Молanусъ.—Мнѣніе Лейбница о возможности соединенія католической и протестантской церквей.—Взглядъ его на отношенія разума къ вѣрѣ. — Отношенія Лейбница къ католицизму. — Systema Theologicum.—Ландграфъ Эрнстъ Гессенъ-Рейнфельзскій.—Его политическія и религіозныя убѣжденія.—Католическая пропаганда — Обращеніе Эрнста въ католицизмъ. — Переписка съ Лейбницемъ. — Пропаганда въ Мобюиссонѣ. — Пелиссонъ. — М-ль де-Скюдери.—Переписка Пелиссона съ Лейбницемъ. — Полемика Боссюета съ

Лейбницемъ о Тридентинскомъ соборѣ и объ отношеніи протестантизма къ католицизму. — М. де-Бриновъ. — Антонъ-Ульрихъ Браунштейгъ-Волфенбюттельскій. — Переписка между Лейбницемъ и Боссюэтомъ возобновляется. — Ихъ полемика о каноническихъ книгахъ. — Внучка Антона-Ульриха, Елизавета-Христина, невѣста Карла VI. — Мнѣніе Ганноверскихъ богослововъ и Лейбница о томъ, можетъ ли лютеранская принцесса, выходящая за католическаго государя, съ спокойною совѣстью принять католицизмъ. — Протесты другихъ богослововъ.— Антонъ-Ульрихъ принимаетъ католицизмъ. — Попытки соединенія лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій. — Участіе Лейбница въ переговорахъ и переписка съ Яблонскимъ.—Желаніе Лейбница ввести въ Пруссіи епископальное устройство и соединить англиканскую церковь съ протестантскою.— Значеніе попытокъ къ объединенію христіанскихъ церквей.

Глава VII.

Отношенія Лейбница къ Софіи - Шарлоттѣ Прусской и къ Австрійскому двору 480

Характеръ эпохи.—София-Шарлотта.—Ея образованность.—Ея мужъ Фридрихъ I.—Его любимцы.— Дворъ Софіи-Шарлотты въ Люценбургѣ.— Ея дружба съ Пёлницъ. — Ея отношенія къ сыну. — Ея отношенія къ Лейбницу. —Планъ Лейбница сдѣлаться посредникомъ между Ганноверомъ и Пруссіей.— Старанія его объ учрежденіи ученыхъ обществъ.— Желаніе Софіи-Шарлотты устроить въ Берлинѣ обсерваторію. — Старанія Лейбница объ исправленіи календаря. — Учрежденіе Академіи Наукъ въ Берлинѣ.—Ея троякое назначеніе. — Мысли Лейбница о соединеніи въ академіяхъ теоретическаго и практическаго изученія науки. — Занятія Софіи-Шарлотты. — Ея пристрастіе къ Бейлю и свиданіе съ нимъ.— Бейль и Лейбницъ. — Теодицея, написанная для Софіи-Шарлотты.— Философское и историческое значеніе Теодицеи. —Толандъ.— Любовь Софіи-Шарлотты къ ученымъ преніямъ. — Іезуитъ Вота. — Его переписка съ Софіей-Шарлоттой. — Поѣздка Софіи-Шарлотты въ Голландію.— Пріобрѣтеніе королевскаго титула. — Торжество коронаціи.— Сочиненіе Лейбница о значеніи и правахъ Прусскаго короля. — Маскерадъ въ Люценбургѣ — Болѣзнь и послѣднія минуты Софіи Шарлотты.—Огорченіе Лейбница. — Печальное положеніе академіи.—Планъ учрежденія академіи въ Дрезденѣ. — Встрѣча Лейбница съ Карломъ XII. — Значеніе Лейбница въ европейской политикѣ. — Записка его о положеніи дѣлъ въ 1691 году. — Проектъ высадки въ Бискайю. — Вторая поѣздка Лейбница въ Вѣну. — Смерть Испанскаго короля и вліяніе ея на европейское равновѣсіе. — Политическія сочиненія Лейбница противъ Франціи. — Манифестъ въ защиту правъ Карла III. — Критика царствованія Людовика XIV.— Война за испанское наслѣдство и счастливый для Франціи переворотъ въ Англіи. — Утрехтскій миръ. — Планъ Лейбница вовлечь сѣверныхъ союзниковъ въ войну противъ Франціи.— Свиданіе Лейбница съ Петромъ Великимъ въ Карльсбадѣ. — Послѣд-

няя поѣздка Лейбница въ Вѣну. — Хорошій пріемъ при Вѣнскомъ дворѣ.—Совѣты, которые онъ даетъ императору.—Его трактатъ: La Paix d'Utrecht est inéxcusable.— Тѣсная связь между торжествомъ либеральной партіи въ Англіи и интересами Австрійскаго двора. —Джонъ Керъ.— Его планъ для устройства каперства.— Лейбницъ ратуетъ противъ Раштадтскаго мира. — Воцареніе Ганноверской династіи въ Англіи. — Новые планы Лейбница. — Евгеній Савойскій. — Графъ Бонниваль. — Проектъ учрежденія академіи въ Вѣнѣ. — Немилость курфирста. — Смерть Софіи. — Недобросовѣстность нѣмецкихъ министровъ Георга.— Возвращеніе Лейбница въ Ганноверъ. — Недостойное обращеніе съ нимъ. — Желаніе его переселиться въ Парижъ.— Его возраженіе Якобитамъ. — Лейбницъ о Вѣчномъ Мирѣ Сенъ - Пьерра. — Дневникъ Лейбница. — Его послѣдніе дни. — Его смерть и погребеніе. — Характеристика Лейбница, написанная имъ самимъ. — Заключеніе.

ПОПРАВКИ.

Стр.				*Напечатано*:	*Читай*:
1	строка	21	св.	Общества	Общество
35	»	9	сн.	на ноги	на него
35	»	5	»	erboten	erbeten
43	»	9	»	Но даже	Даже
57	»	20	св.	*поставить*	*ковычки*
59	»	18	»	узкость	узость
79	»	11	сн.	лено	ленъ
90	»	3	»	Бремена и Вердена	Бременъ и Верденъ
93	»	16	св.	1644	1664
97	»	2	»	105.000	10.000
104	»	14	сн.	царя	короля
109	»	6	св.	психологической	психической
115	»	10	»	(:)	(,)
119	»	16	»	привлечь въ союзъ	расположить въ пользу союза
143	»	16	»	производить ихъ	производить
156	»	18	сн.	янычаръ	янычары
165	»	1	св.	ногайкой	хлыстомъ
166	»	16	сн.	придворные доктора	придворные, доктора
171	»	10	св.	Бернардъ	Франсуа
171	»	11	»	Ламп	Бернардъ Лами
177	»	8	»	Бойлю	Бейлю
183	»	3	»	я	Ландграфъ Эрнстъ
197	»	17	»	получавшихъ	получающихъ
208	»	3	сн.	(Прим.) на Гергарда	Гергарда
219	»	7	»	протяженія	притяженія
243	»	9	св.	банками	бочками
249	»	5	»	Волькенридъ	Валькенридъ
249	»	14	»	Лакумскаго	Локумскаго
250	»	8	»	дѣйствительными	дѣйствительностью
250	»	19	»	Спе	Шпе
250	»	21	»	высказывалъ	высказалъ
260	»	9	сн.	пріобрѣвшихъ	пріобрѣтшихъ
273	»	9	св.	ихъ силою	силою другихъ
273	»	13	сн.	прозрачною	призрачною
274	»	12	св.	Бюрнету	Бёрнету

Стр.			*Напечатано:*	*Читай:*
279	строка	1 сн.	Гос	Гоя
281	»	11 св.	подробныя	надгробныя
282	»	11 сн.	чувство	свойство
287	»	12 »	къ чиновникамъ	—(чиновникамъ)
287	»	2 »	(Прим.) Vihse	Vehse
288	»	15 св.	естествененъ	естественъ
291	»	10 »	въ Римѣ	въ Вѣнѣ
295	»	18 »	могутъ	могли
302	»	14 »	Expectans	Expectanz
308	»	5 сн.	(Прим.) exilié	exilé
309	»	5 »	(Прим.) femme	tenue
310	»	14 »	духа	твердости духа
318	»	3 »	(Прим.) nar	rar
318	»	10 »	monsieur	Monsieur's
319	»	10 »	Дорлингтонъ	Дарлингтонъ
324	»	6 »	оставилъ	оставилъ себѣ
337	»	11 »	(Прим.) помазываютъ	помазывали
346	»	1 »	просить	проекты
348	»	прим. ¹)	*относится къ стр. 359*	
357	»	12 св.	Батмаръ	Ботмаръ
357	»	4 сн.	(Прим.) Nom aliquo	Nam aliqua
361	»	5 »	Ciampino	Ciampini
363	»	15 св.	ихъ	людей
365	»	9 сн.	въ Вѣну	въ Вѣнѣ
365	»	8 »	Вавіани	Вивіани
367	»	13 св.	Доходить	«Слѣдуетъ доходить»
367	»	16 »	гдѣ	когда
370	»	7 »	свою	его
372	»	8 сн.	и по поводу	по поводу
373	»	17 св.	in 4⁰	in 8⁰
374	»	9 »	долго	долго спустя
377	»	1 »	солнца	солнцу
383	»	14 сн.	парламентовъ	парламента
384	»	13 св.	стихію облако	стихію, облака
399	»	11 »	Вероніенской	Вероніанской
402	»	11 сн.	Биркгаузенъ	Баркгаузенъ
402	»	2 »	(Прим.) Ашбургъ	Ассебургъ
417	»	2 »	метафизическомъ	метафорическомъ
419	»	2 »	считаетъ	считалъ
421	»	14 »	нравственность	преемственность
429	»	8 »	Гейзе	Гейзо
434	»	4 св.	Дреленкеръ	Дрёленкуръ
440	»	4 сн.	(Прим.) журналѣ	кружкѣ
446	»	19 св.	и отъ	отъ
453	»	7 »	Но сдѣлка	Сдѣлка
458	»	18 »	обыкновенную	объяснительную

Стр.			*Напечатано:*	*Читай:*
483	строка	7 св.	воспитанія	воспитаніи
489	»	6 »	mon	mon intelligence, que de mon
489	»	4 сн.	(Прим.) Маури	Мауро
494	»	4 »	въ Германіи	въ Берлинѣ
496	»	19 св.	необходимости	необходимость
497	»	10 сн.	Шпангеймъ	Спангеймъ
504	»	19 »	Меклефильдъ	Меклесфильдъ
510	»	4 »	Людовикъ XIV въ	Людовикъ XIV. Въ
512	»	7 св.	(Прим.) считающееся	считавшееся
512	»	8 »	(Прим.) терьяки	терьяка
512	»	15 »	(Прим.) цыганокъ. Изъ	цыганокъ изъ
512	»	22 »	(Прим.) Белеромъ	Бессеромъ
513	»	2 сн.	(Прим.) тысячу	тысячи
515	»	11 »	Гарицу	Горицу
522	»	11 св.	высшей	военной
522	»	10 сн.	говорилъ	говоритъ
534	»	3 »	(Прим.) Il ne faut	Il faut
534	»	7 »	инфанта	инфанты
536	»	12 »	(Прим.) d'un prince	à un prince
539	»	1 »	(Прим.) p 7 II	p 71
539	»	10 св.	избраны	набраны
542	»	6 »	[1]) на 6 стр.	[1]) на 10 стр.
546	»	5 сн.	(Пр.) Самое интересное	Самыя интересныя
547	»	19 св.	опасна	спасена
549	»	1 »	Испанія и Америка	Испанію и Америку
552	»	8 »	Стенкирконѣ	Стенкиркенѣ
571	»	1 »	методы	метода
571	»	15 »	курфирстъ	курфирстина
574	»	9 »	послѣ *человѣка* поставить ковычки, а на 13-й строкѣ уничтожить.	
574	»	19 »	съ поясненіемъ	это, говоритъ Экгартъ,

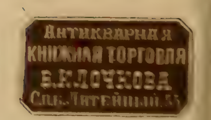
Кромѣ того были опущены въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, гдѣ печаталось это сочиненіе, слѣдующіе два отрывка изъ писемъ герц. Софьи.

1) На стр. 317 примѣчаніе къ стр. 12. Такъ, напримѣръ, Софья пишетъ Лейбницу въ Модену. Si vous aviez pu donner pour étrennes M. le Duc Modène à une de nos princesses, vous auriez fort rejoui cette maison. M. le Duc (то-есть, Эрнстъ Августъ) a autrefois employé le comte Dragoni en cette affaire, qui a fort mal réussi, dont je ne suis pas étonnée, ayant trouvé dans une lettre de feu mon frère l'Electeur, qu'il croioit que le derrière avoit une grande liaison avec la glandule dont Mr. Descartes parle (по мнѣнію Декарта, центромъ духовной дѣятельности человѣка или мѣстопребываніемъ души была glandea pinealis) et le

comte se trouvant beaucoup incommodé de cette partie il n'est pas étrange qu'il ait si mal negocié. La vôtre étant mieux disposée pourroit être plus heureuse, ce que je souhaite beaucoup et de vous revoir en bonne santé ce printemps pour me tenir compagnie, pendant que Mr. le Duc sera à l'armée. 24 Jan. 1690. Объ этомъ порученіи упоминается на стр. 366.

2) Изъ письма Софьи къ М. Бринонъ на стр. 459 опущено въ концѣ слѣдующее юмористическое мѣсто:

Et je ne crois pas que le bon Dieu laissera la gloire au diable d'avoir la plus grande ct la plus belle cour; ce qui serait apparemment s'il n'y eust de sauvés que ceux qui sont sous la domination du pape et de son concile, qui n'est pas composé de fort saincts personnages. Aussi ay-je ouï dire que chacun d'eux peut estre damné; mais quand tous ces damnés viennent ensemble, ce qu'ils trouvent de bon vient de Dieu: ce qui me surprend n'estant pas accoustumée de le croire. Ceci n'empeche pas que je n'approuve que Vous y ayez de la consolation; mesme je l'admire comme je fais de tout ce qui sort de vostre plume, car l'on ne peut mieux exprimer son opinion que vous ne le faites.

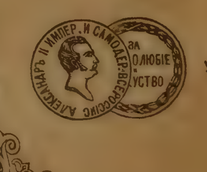

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

БОРЬБА ЗА ПОЛЬСКІЙ ПРЕСТОЛЪ въ 1733 году.
Москва. 1862.

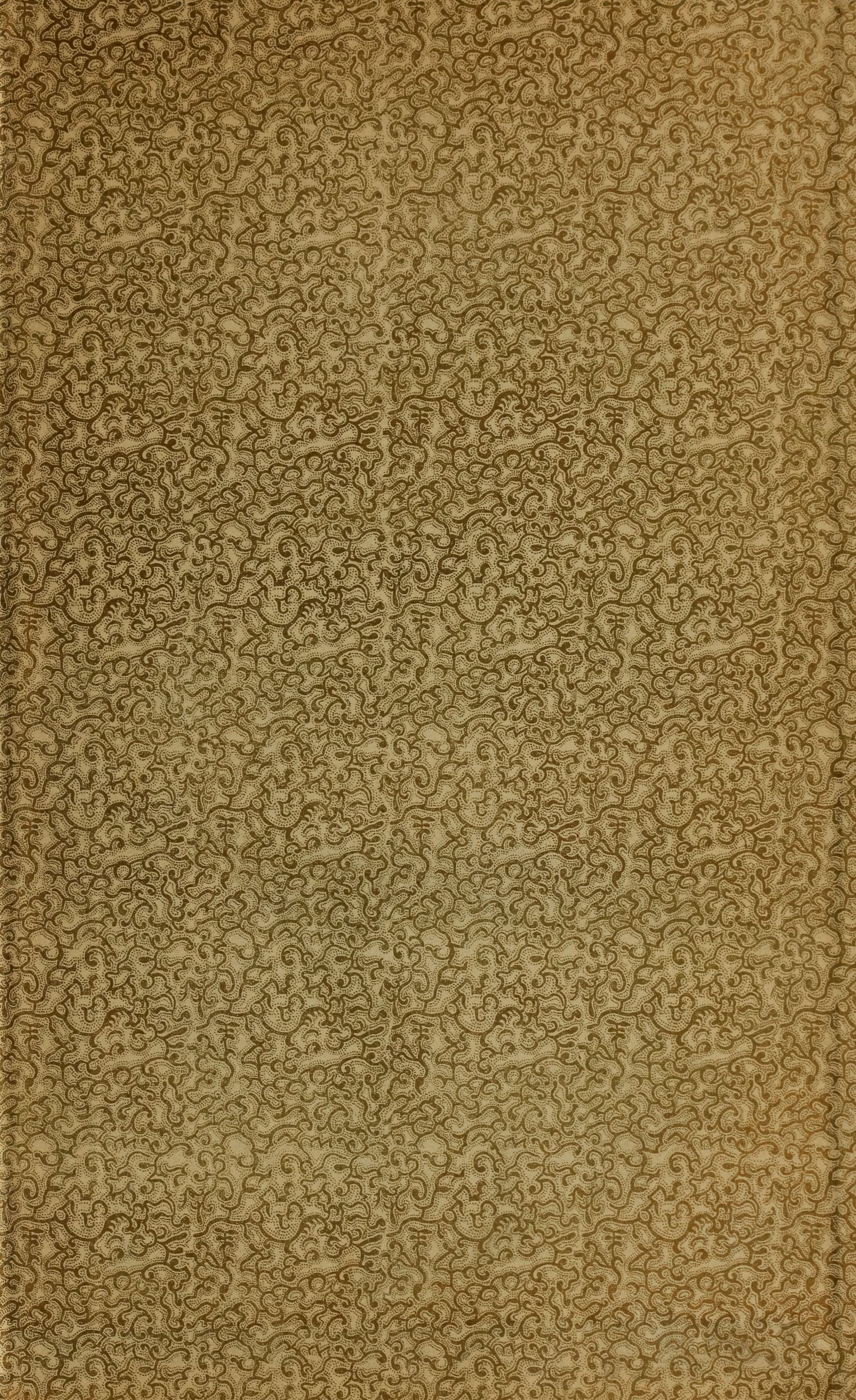
ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.
Москва. 1866.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
У ВЛАДИМІРСКОЙ ЦЕРКВИ, ДОМЪ № 15,
кварт. № 3.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2004
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 012 894 957 4